К 200-летию
Отечественной войны 1812 года

ФРАНЦУЗЫ В РОССИИ: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев

Часть I - II

ФРАНЦУЗЫ В РОССИИ. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев

Часть I-II

Государственная публичная историческая библиотека России

К 200-летию Отечественной войны 1812 года

ФРАНЦУЗЫ В РОССИИ

1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев

В трех частях

Часть I—II

Москва
2012

УДК 94(47)"1812"
ББК 63.3(2) 47
Ф84

scan waleriy

Печатается по изданию: Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: сборник: в 3 ч./сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. Ч. 1—2.— М.: Задруга, 1912.

Ф84 **Французы в России:** 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: [сборник]: в 3 ч./сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов; предисл., коммент., указ. А. М. Савинова; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2012.— (К 200-летию Отечественной войны 1812 года).
ISBN 978-5-85209-271-7
Ч.1—2: Неман. Смоленск. Бородино. Вступление в Москву.— Пожар Москвы. Начало отступления. На старую Смоленскую дорогу.— 736 с.: ил.
ISBN 978-5-85209-272-4

Первое издание настоящей книги вышло в 1912 году. Подготовленное крупнейшими специалистами по западноевропейской истории А. М. Васютинским, А. К. Дживелеговым и С. П. Мельгуновым, оно и сегодня остается наиболее полным собранием мемуаров иностранцев о войне 1812 года. В сборник включены выбранные составителями наиболее интересные в бытовом и историческом отношении тексты воспоминаний более 80 авторов. Хронологически материал охватывает полгода — от переправы Великой армии через Неман в июне 1812 г. до времени, когда французы покинули территорию России в декабре. Новое издание снабжено научно-справочным аппаратом и комментариями.

УДК 94(47)"1812"
ББК 63.3(2) 47

ISBN 978-5-85209-272-4 (ч. 1—2)
ISBN 978-5-85209-271-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Гроза двенадцатого года»... «Нашествие двунадесяти языков»... «Время незабвенное!» Какие только эпитеты и сравнения не употребляют, говоря об Отечественной войне 1812 г. В ряду многочисленных войн позапрошлого столетия невозможно найти такую, которая сравнилась бы с этой кампанией по размерам охваченной ею территории, по накалу и ожесточенности сражений, по числу потерь. Как важнейшее событие российской и европейской истории XIX в., война 1812 г. была и остается предметом исследований специалистов и темой, вдохновляющей литераторов.

События того времени оставили неизгладимый след в сердцах их участников. Желание поделиться с современниками и потомками впечатлениями о пережитом, увиденном, передуманном за месяцы французского нашествия выплеснуло на страницы изданий огромное количество воспоминаний, дневников, записок, писем, заметок, многие из которых стали памятниками отечественной мемуаристики. До нынешнего дня переиздаются и пользуются интересом читателей воспоминания А. П. Ермолова, Д. В. Давыдова, А. И. Михайловского-Данилевского, Н. А. Дуровой, С. Н. Глинки, Ф. Н. Глинки, А. С. Норова и других.

Для российского общества было не менее интересно знать, как виделась война с «другой стороны», с каким настроением вступали на российскую территорию наши тогдашние противники, какие чувства испытывали они, сражаясь с русскими войсками, какие тяготы перенесли на нелегком пути отступления из Москвы. За рубежом первые воспоминания французов и их союзников о походе наполеоновских войск начали публиковаться вскоре после окончания военных действий в пределах Российской империи. В 1814 г. в Париже вышли в свет мемуары врача Р. Буржуа и капитана Э. Лабома, в 1817 г.— интенданта М. Л. де Пюибюска и главного хирурга Великой армии Д. Ж. Ларрея. В 20—30-е гг. XIX в. увидели свет воспоминания су-лейтенанта Ц. Ложье, генерала Ж. Раппа, придворного Л. Ф. Боссе, актера и режиссера А. Домерга, маршала Л. Гувиона Сен-Сира и некоторых других участников военных событий.

На первых порах русскому читателю приходилось знакомиться с этими произведениями на языке оригинала, поскольку на протяжении всего XIX столетия переводы их на русский язык носили единичный характер. Время от времени предпринимались неполные издания подобных записок на русском языке. Так, «Пись-

Наполеон и его маршалы

ма о войне в России 1812 года» упомянутого Пюибюска вышли в России в 1833 г., мемуары маршала Сен-Сира — в 1841 г., эмигранта Ф. Ж. де Изарна — в 1869 г. Только с началом XX в., с приближением 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в исторических журналах «Русская старина», «Русский архив» и некоторых других все чаще стали появляться полные тексты или отрывки воспоминаний участников похода французских войск в Россию.

В 1912 г. крупнейшие специалисты по западноевропейской истории А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов и С. П. Мельгунов подготовили издание «Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев» в трех частях. В России до сего времени это произведение остается наиболее полным собранием мемуаров иностранцев о войне 1812 г. За сто лет оно стало библиографической редкостью[1], и тем отраднее тот факт, что Государственная публичная историческая библиотека России предприняла его переиздание, снабженное научно-справочным аппаратом и комментариями.

Состав авторов сборника мемуаров весьма представителен. Среди более чем восьмидесяти человек, чьи воспоминания включены в данное издание,— один министр, два маршала, двенадцать генералов, сорок офицеров в чине от су-лейтенанта до полковника, восемь нижних чинов (часть из которых в ходе кампании выслужила офицерские звания), шесть военных врачей, четыре военных чиновника, двое придворных, постановщик театральных спектаклей и две актрисы, два эмигранта-торговца и один пастор. Среди авторов воспоминаний преобладают французы, но также есть итальянцы, немцы, поляки, швейцарцы, голландцы и бельгийцы.

Составители поместили тексты мемуаров не в полном изложении. Они фрагментарно включили их в разделы, на которые в соответствии с последовательностью событий поделен сборник. Хронологически материал, вошедший в тома издания, охватывает полгода — от переправы Великой армии через Неман в июне 1812 г. до времени, когда французы покинули территорию России в декабре.

Составители сборника во вступительной статье, объясняя принципы отбора текстов, указывали, что «выбрали из массы материала наиболее интересные в историческом и бытовом отноше-

[1] В 2004 г. вышел в свет двухтомник «Наполеон в России», который представляет собой переиздание мемуаров «Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев», полностью повторяющее текст 1912 г.

нии страницы», поэтому большая часть воспоминаний посвящена действиям группировки наполеоновской армии под командованием самого императора, разворачивавшимся на линии Неман — Вильно — Витебск — Смоленск — Москва и в обратном направлении от Москвы до Немана. Не остались без внимания события в районе Полоцка, где 1-й отдельный корпус генерала П. Х. Витгенштейна сражался против 2-го и 6-го армейских корпусов Великой армии. В небольшом фрагменте, автором которого является маршал Макдональд, повествуется о наступательной операции 10-го армейского корпуса в направлении Рига — Двинск. Совсем неосвещенным остался южный театр войны, где саксонцам Ш. Л. Рейнье и австрийцам К. Ф. Шварценберга противостояла 3-я Западная армия генерала А. П. Тормасова.

При подготовке сборника воспоминаний к изданию в 1912 г. составители не сочли возможным снабдить его справочным аппаратом, объяснив свое решение желанием «поставить авторов лицом к лицу с читателем без всякого посредничества. Пусть эти люди, высокообразованные и полуграмотные, знатные и совсем простые, умные и глупые, раздраженные и добродушные,— говорят без помехи, кто как умеет,— утверждали они.— Пусть через много десятков лет воскреснут их симпатии и антипатии во всей их чистоте. Только тогда книга даст то впечатление, которое она должна дать...»[1]

Однако не следует забывать, что мемуары — это не только увлекательное чтение. Мемуары, при всех особенностях этого вида литературного жанра, это еще и ценный исторический источник, способный восполнить те, порой небольшие, но очень важные факты, которые не вошли, да и не могли по понятным причинам войти в документы официального характера. Свидетельства современников донесли до нас детали, хранящие «вкус и запах времени», делающие картину событий более полной. Ведь ни одна официальная реляция не передаст мысли солдата перед сражением, ужас при виде накатывающейся конной лавы или нестерпимые муки голода и холода при отступлении. Все это можно найти только в мемуарах.

Как справедливо отметили составители, «своеобразие материала было таково, что чуть ли не каждая строка требовала бы подстрочного комментария»[2]. Память ли подводила авторов, или желание приукрасить события брало верх над стремлением к истине, но практически у каждого мемуариста встречаются неточ-

---

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 27.

[2] Там же.

ности или ошибки. Ими грешат даже записи дневникового характера, которые велись вроде бы по горячим следам событий. Иногда мемуаристы, не знавшие русский язык, ошибочно воспроизводят труднопроизносимые географические названия. В других случаях, плохо разбираясь в обычаях русского народа, иностранцы своеобразно интерпретируют события.

При подготовке переиздания настоящего сборника воспоминаний решено было оставить в неприкосновенности авторские тексты, отредактировав лишь явные погрешности перевода, а все исправления дат, имен, географических названий и прочего включить в раздел «Комментарии».

Издание мемуаров состоит из трех частей. Первая из них посвящена событиям июня — августа 1812 г. от вступления Великой армии на территорию России до Смоленского сражения. Во второй части помещены воспоминания периода августа — начала ноября: взятие Смоленска, Бородинское сражение, пребывание французов в Москве, возвращение в Смоленск. Завершающая часть охватывает время ноября — декабря, от оставления Наполеоном Смоленска до трагических для французской армии событий на Березине и выхода остатков наполеоновских войск из пределов Российской империи.

Сборник начинается двумя статьями мемуарного характера, принадлежащими перу известного дипломата, в описываемый период министра иностранных дел Австрии, К. В. Меттерниха, посвященными характеристике двух ключевых персонажей в событиях 1812 г.— императору Франции Наполеону I и императору Всероссийскому Александру I.

Начальные разделы публикации открывают перед читателем завораживающую картину: стройные колонны пехоты, в мундирах самых разных цветов, поднимающая клубы пыли кавалерия, сотни артиллерийских запряжек — все это стекается к местам, выбранным для переправы через Неман. Причем в составе этой массы войск находятся не только подданные собственно Франции, но и представители союзных и вассально зависимых от наполеоновской империи государств. В рядах Великой армии состояли итальянцы, испанцы, немцы, поляки, бельгийцы, голландцы, австрийцы, швейцарцы и многие другие.

Один из мемуаристов, лейтенант Ц. Ложье из корпуса итальянского вице-короля, весьма достоверно описывает эйфорию, царившую в рядах солдат и младших офицеров на начальном этапе войны. Первоначально для них это было «блестящей и приятной военной прогулкой»[1]. Французские солдаты не представля-

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 65.

ли себе и даже не задумывались, куда их ведут командиры. Им было достаточно знать, что они выступили «в защиту справедливости», а во главе их армии — великий император, одержавший немало громких побед. Таким образом, впереди их ожидают успех и слава. И только наиболее прозорливые из них сумели разглядеть с высоты «неманского обрыва» трагические последствия еще не начавшейся кампании. Так, пророчески прозвучали слова Огюста Коленкура о могиле, ожидающей французов за Неманом. Хотя не исключено, что эти мысли генерал Дедем вложил задним числом в уста несчастного Коленкура, когда история уже все расставила на свои места.

В начале похода во французской армии не все шло легко и просто. Наполеон полтора года готовился к войне. Не надеясь на местные ресурсы, он распорядился все необходимое для снабжения войск иметь в обозах. В Германии закупили 200 тыс. лошадей, в Восточной Пруссии реквизировали нужное количество повозок, сформировали 20 обозных батальонов. Но эти батальоны никак не могли угнаться за передовыми частями армии.

Французское командование рассчитывало, что конский состав будет использовать подножный корм. Но травяной покров на пути следования армии уничтожался кавалерией задолго до подхода тыловых обозных частей. К моменту выхода войск на берега Немана обозы отставали от них на несколько переходов. В результате начались санкционированные командованием реквизиции продовольствия и фуража у местного населения, переросшие в откровенный грабеж и мародерство.

Факты нехватки продовольствия и фуража, тяжелые условия похода, так или иначе, упоминаются практически во всех мемуарах, помещенных в издании. Швейцарец Г. Шумахер так изображал положение 9-й дивизии пехоты в районе Полоцка: «На нашем пути мы не встретили ничего, кроме жалких и безлюдных деревень, дома которых были скорее несчастными избами. Скот, обозы со съестными и боевыми припасами, предназначенными для нас, были по большей части захвачены и уничтожены казаками, которые проскальзывали мимо наших флангов. К тому же длинные переходы, которые приходилось совершать, чтобы преследовать и настигнуть неприятеля, частый дождь и рыхлая почва полей, а временами страшная жара, быстро меняющаяся погода, недоброкачественная пища или же полное отсутствие ее, а также и других необходимых предметов — одним словом, голод и усталость истощали солдат и вызывали болезни»[1].

---

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 115.

Даже гвардия, находившаяся в более привилегированном положении, по сравнению с другими частями Великой армии, испытывала в походе немалые трудности. Капитан гвардейской артиллерии Пион де Лош свидетельствовал, что по пути от Вильно до Витебска «каждый полк и отряд должен был уже сам заботиться о своем продовольствии. Каждый капитан уже лично распоряжался своим отрядом. Едва достигали бивака, как армия рассыпалась в поисках провианта»[1]. Число таких «рассыпавшихся» по окрестностям мародеров достигало подчас десятков тысяч человек. Так, командующий 6-м армейским корпусом маршал Гувион Сен-Сир, оценивая возможности своих частей накануне Полоцкого сражения, учитывал, что четверть его войск занята добыванием продовольствия.

16 (28) июня французы заняли Вильно, где Наполеон задержался на две с лишним недели. На императора к этому времени свалился целый ворох забот. Утратив надежду разбить противника в приграничном сражении, он должен был перегруппировать силы. Нужно было подтянуть безнадежно отставшие тыловые части. Нужно было налаживать снабжение армии провиантом и фуражом. Нужно было, наконец, пресекать мародерство и дезертирство.

Однако никакие строгие приказы и показательные расстрелы не могли изменить ситуацию. Частные начальники, оказавшиеся в безвыходном положении, вынуждены были отправлять своих подчиненных в «мародерские экспедиции». Одну из таких санкционированных экспедиций в подробностях описал обер-лейтенант 2-го армейского корпуса Т. Леглер. Из его рассказа становится ясно, каково приходилось в период вторжения французов не только крестьянам, но и помещикам. На их имения волнами с интервалом в несколько часов накатывались организованные, возглавляемые офицерами отряды мародеров с десятками возов для добычи. И как ни старались начальники иноземных отрядов быть великодушными к местным землевладельцам, грабеж оставался грабежом, и без насилия не обходилось. Примечательны в этой связи рассуждения Леглера, когда он, вывезя практически весь хлеб из одного имения, успокаивал хозяина другого поместья: «Я думал при этом: обязанность христианина — самому жить, давая возможность жить и другим. Я рассказал ... барону о своих опасениях относительно его друга, от которого я получил мою добычу, что он, может быть, еще несчастнее, чем он, так как его усадь-

---

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 93.

ба стоит еще невредима, а усадьба его друга превратилась, вернее всего, уже в груду пепла»[1].

Уже в первые дни похода выявились межнациональные противоречия внутри наполеоновской армии, а нехватка продовольствия еще более обострилась. Ложье сообщал о «неприятном происшествии» при захвате провианта на пути в Витебск: «Две дивизии, французская и итальянская, пришли одновременно. Тут был запас сухарей, не попавших в мешки казаков. Французы, явившись первыми, завладели им. За ними пришли итальянцы и стали требовать свою долю». На что командующий 4-м армейским корпусом Евгений Богарне заявил, что «тут право захвата, право первого взявшего»[2].

Для наступления на Россию Наполеон создал мощную группировку сил. Первый эшелон Великой армии имел более 440 тыс. человек и 940 орудий. Его правый фланг под общим командованием брата Наполеона Жерома Бонапарта включал в себя три армейских и один кавалерийский корпус (ок. 80 тыс. человек при 159 орудиях). Задачей Жерома было движение на Гродно и отвлечение на себя как можно большего количества русских войск. В центре группировки действовал итальянский вице-король Евгений Богарне, имея в своем распоряжении также два армейских и один кавалерийский корпус (свыше 80 тыс. человек и 208 орудий). Он должен был наступать через Неман в направлении между Гродно и Ковно, препятствуя соединению русских армий и поддерживая действия левого фланга. Левый фланг сил вторжения состоял из трех армейских, двух кавалерийских корпусов и гвардии (около 220 тыс. человек и 527 орудий). Под командованием самого Наполеона левый фланг должен был после переправы через Неман двигаться через Ковно на Вильно. С севера действия Великой армии обеспечивал корпус Макдональда, с юга — австрийский корпус Шварценберга. Между Одером и Вислой располагался второй эшелон французской армии (170 тыс. человек при 432 орудиях).

Противостоящие французам силы русских входили в состав трех армий. 1-я Западная армия под командованием генерала М. Б. Барклая де Толли (шесть пехотных, три кавалерийских и один казачий корпус) численностью в 110—127 тыс. человек при 558 орудиях вытянулась 200-километровой полосой восточнее Немана от Россиен до Лиды, имея кавалерию во втором эшелоне. 2-я Западная армия генерала князя П. И. Багратиона состояла из

---

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 108.

[2] Там же. С. 94.

двух пехотных, одного кавалерийского корпуса и отдельного казачьего отряда (всего 45—48 тыс. человек и 216 орудий) и занимала пространство в 100 км от Лиды до Волковыска. На Волыни у Луцка сосредоточились три пехотных, один кавалерийский корпус, девять казачьих полков и резервная артиллерия, составлявшие 3-ю Западную армию генерала А. П. Тормасова. На севере (в Финляндии) находился пехотный корпус генерала Ф. Ф. Штейнгеля, обеспечивавший прикрытие правого фланга русских войск. Их левый фланг прикрывала Дунайская армия адмирала П. В. Чичагова.

Даже если бы каким-то чудом все русские войска, разбросанные вдоль западных границ империи, собрались у Немана, все равно численно они уступали бы армии Наполеона. Но чудес не бывает, и первый натиск французских войск приняли на себя разделенные сотней верст 1-я и 2-я Западные армии. Действуя порознь, эти армии рисковали быть разбитыми по частям. Поэтому они вынуждены были отходить на восток, уклоняясь от крупных сражений. И в мемуарах, посвященных началу кампании, нет описаний собственно боевых действий. Хотя в это время имели место и удачное дело корпуса атамана М. И. Платова под Миром 27—28 июня (9—10 июля), когда казаки изрядно потрепали дивизию легкой кавалерии генерала Рожнецкого, и пленение русскими войсками бригады генерала Кленгеля в Кобрине 15(27) июля.

Авторы воспоминаний в один голос говорят о трудностях форсированных переходов по российскому бездорожью, о нехватке продовольствия и фуража, о массовом падеже лошадей. В мемуарах достоверно описана повседневная походная жизнь армии с ее заботами о ночлеге, о хлебе насущном; с нехитрыми забавами, вроде ловли диких гусей или дрессировки медведей.

Первой крупной батальной сценой, включенной в издание, стал бой 7-го пехотного корпуса генерала Раевского с частями первого армейского корпуса Великой армии под Салтановкой 11(27) июля. Это было время, когда 2-я Западная армия стремилась во что бы то ни стало прорваться через уже занятый войсками маршала Даву Могилев к Витебску на соединение с 1-й Западной армией генерала Барклая де Толли. В этом фрагменте, принадлежащем перу барона Жиро де л'Эн, адъютанта командира 4-й дивизии пехоты, отчетливо проявились особенности описания сражений, свойственные многим французским мемуаристам. Они, как правило, преуменьшают численность своих войск и преувеличивают силы противника. Так, по мнению Жиро, в бою при Салтановке дивизия генерала Дессе «почти одна выдержала напор 25 000 человек князя Багратиона», хотя на самом деле соотноше-

ние сил Раевского и Даву в том бою было 17 тыс. против 21,5 тыс. Объективный в своих мемуарах маршал Гувион Сен-Сир допускает ту же погрешность при подсчете сил накануне первого Полоцкого сражения. Наполеон, по сведениям врача, беседовавшего с ним на острове Святой Елены, уверял, что в Бородинском сражении он с 90 тыс. человек наголову разбил 250-тысячную русскую армию, в то время как силы обеих армий при Бородино были примерно равны.

Вообще вопрос о победе в том или ином сражении (по крайней мере, до занятия Наполеоном Москвы) авторами мемуаров решается однозначно: если русские отступили, значит, успех сопутствовал французам. И действительно на первых порах русская армия, уступая превосходящим силам противника, с арьергардными боями отходила в глубь страны. В этих условиях оставить поле сражения, но задержать противника на сутки, даже на несколько часов, для русских было равносильно победе, платить за которую приходилось очень высокую цену. Так было 2 (14) августа при Красном, где небольшой отряд генерала Д. П. Неверовского сдерживал рвущуюся в незащищенный Смоленск конницу Мюрата. То же происходило пятью днями позже в деле при Валутиной Горе, когда русский арьергард под командованием генерала П. А. Тучкова в течение многих часов удерживал перекресток дорог, обеспечивая соединение 1-й и 2-й Западных армий.

Подчас сами мемуаристы понимали всю незначительность побед в подобных арьергардных боях. Фон Брандт, рассказывая о прибытии Наполеона к месту боя, Валутиной Горе, вспоминал: «Вид поля битвы был ужасен. Нам ежеминутно приходилось поворачивать лошадей, чтобы не наткнуться на груды трупов; и в награду за столько жертв ни одного трофея, ни одного орудия, ни одной амуниционной повозки! Захват этого участка, покрытого мертвыми,— вот единственный плод победы»[1].

При описании боевых действий авторы мемуаров неизменно отмечали доблесть и мужество солдат Великой армии. Некоторые из них отдавали должное стойкости и отваге русских воинов. Однако в их оценке боевых качеств противника присутствовал некий пренебрежительный подтекст. Так, Жиро де л'Эн писал: «Русский солдат ... превосходно выдерживает огонь, и легче уничтожить его, чем заставить отступить; но это происходит главным образом от излишка дисциплины, т. е. от слепого повиновения, к которому он привык по отношению к своим начальникам. ...Французский характер не терпит такого слепого подчинения правилам дисцип-

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 168.

лины...» При этом тот же мемуарист описывает бессмысленную муштру, которую затеял маршал Даву на поле боя под русскими пулями и ядрами[1].

Другие мемуаристы, к примеру Б. Т. Дюверже, объясняли героизм, проявленный русскими солдатами, «обильными возлияниями водки»[2]. Таким образом, авторы напрочь отказывают русским солдатам в таких качествах, как любовь к Родине, верность присяге, воинское умение. Даже точный и справедливый в своих записках маршал Гувион Сен-Сир, признавая «непоколебимую храбрость и личное мужество» россиян, снисходительно отмечает, что упомянутые качества «можно редко встретить в войсках других наций»[3].

Среди воспоминаний, помещенных в сборнике, значительное место занимают рассказы о Бородинской битве. Крупнейшее сражение не только в истории Отечественной войны 1812 г., но и вообще в истории войн, развернулось 26 августа (7 сентября) в 123 верстах к западу от Москвы у села Бородино. На небольшом сравнительно пространстве сошлись около 150 тыс. русских (включая казаков и ополченцев) при 624 орудиях и 153 тыс. французов, имевших 587 орудий. Бой продолжался с рассвета до темноты. Проведя демонстративную атаку против правого фланга русской позиции у села Бородино, Наполеон обрушил мощный удар трех армейских корпусов и трех корпусов кавалерийского резерва на расположенные на левом фланге Семеновские укрепления, оборонявшиеся войсками 2-й Западной армии генерала П. И. Багратиона. Борьба за Багратионовы флеши с переменным успехом длилась несколько часов, и лишь после того, как был тяжело ранен Багратион и в рядах русских наступило временное замешательство, французы захватили флеши и к 11 часам окончательно утвердились на них. Принявший командование левофланговыми дивизиями генерал П. П. Коновницын отвел их за Семеновский овраг и продолжил оборону на новом рубеже.

Не менее драматичные события разворачивались в это время в центре русской позиции в районе Курганной батареи, или батареи Раевского. В половине 10-го утра во время второй атаки на редут 30-й линейный полк при поддержке других частей 1-го армейского корпуса Л. Н. Даву первым же броском овладел высотой, на которой располагалась батарея, но оказавшиеся случайно в этом месте генералы А. П. Ермолов и А. И. Кутайсов момен-

---

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 98—99.

[2] Там же. С. 160.

[3] Там же. С. 122.

тально организовали контратаку русских пехотинцев и егерей и освободили батарею. В этой получасовой схватке погиб командующий русской артиллерией двадцативосьмилетний генерал-майор Кутайсов, а возглавивший атаку французов бригадный генерал Ш. Боннами получил множество штыковых ран и был взят в плен. Французский 30-й линейный полк почти полностью погиб на батарее.

В критический момент боя, когда Е. Богарне готовил очередную атаку на Курганную батарею, маршал М. Ней штурмовал русские укрепления у деревни Семеновское, а Наполеон готов был для довершения успеха ввести в бой Молодую гвардию, русский главнокомандующий М. И. Кутузов направил в обход левого фланга французов кавалерийский корпус генерала Ф. П. Уварова и казачий корпус атамана М. И. Платова. В ходе рейда конница должна была оттянуть максимально возможное количество войск противника от левого фланга русской позиции. И хотя полностью выполнить поставленную задачу не удалось, диверсия русской кавалерии на время приостановила атаки неприятеля и дала возможность нашему командованию подтянуть резервы и перегруппировать силы на важнейших участках сражения.

После полудня основные события Бородинского сражения развернулись у Курганной батареи, «фатального редута», или «адской пасти», как называли ее французы. К тому времени поредевшие батальоны 12-й и 26-й пехотных дивизий, защищавших батарею, сменили полки 24-й пехотной дивизии под командованием генерала П. Г. Лихачева. На этот раз Наполеон решил взять высоту комбинированным ударом кавалерии и пехоты: с флангов должны были наступать кавалеристы О. Коленкура и Л. Шастеля, с фронта — пехота Е. Богарне. С невероятными усилиями кирасиры 2-го корпуса кавалерийского резерва прорвали оборону русских и с тыла ворвались на батарею. Скованные боем с французской конницей полки 24-й пехотной дивизии не смогли сдержать неприятельскую пехоту. После 15 часов батарея Раевского была занята французами. При ее взятии погиб от картечной пули генерал О. Коленкур и смертельное ранение получил генерал Ж. Ланабер. Командир оборонявшей курган 24-й дивизии генерал П. Г. Лихачев, получив ранение, попал в плен.

Весь день 26 августа (7 сентября) продолжался бой и на крайнем левом фланге русской армии, где 3-й пехотный корпус генерала Н. А. Тучкова и ополченцы пресекали попытки 5-го армейского корпуса генерала Ю. Понятовского зайти в тыл русской обороны. В середине дня полякам удалось захватить ключевой пункт того участка позиции — Утицкий курган. Но получивший подкрепление Тучков контратаковал неприятеля и вернул утра-

ченную позицию. В этой контратаке командир 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Тучков 1-й погиб. Лишь после того как основные силы 2-й армии, оставив Багратионовы флеши, отошли к Семеновскому оврагу, вынуждены были отступить и части 3-го корпуса.

С захватом Семеновских укреплений и Курганной батареи сражение не закончилось. В центре позиции продолжались кавалерийские стычки, в которых отличились, в частности, Кавалергардский и лейб-гвардии Конный полки, до темноты продолжалась артиллерийская дуэль. К исходу дня на пространстве от деревни Горки до старой Смоленской дороги русские войска отошли на 1—1,5 версты и закрепились на новых рубежах. М. И. Кутузов, получив к полуночи донесения о громадных потерях армии, приказал отступить в сторону Можайска. В руках французов остались село Бородино, батарея Раевского, Семеновские укрепления, Утицкий курган, однако к ночи Великая армия отошла на исходные позиции к деревне Шевардино.

Событиям 26 августа (7 сентября) посвящены фрагменты воспоминаний 14 авторов, бывших или непосредственными участниками сражения, таких, как Франсуа, Куанье, Гриуа и некоторые другие, или, по крайней мере, его свидетелями, вроде Боссе. Как правило, мемуаристы описывают те фрагменты битвы, которые разворачивались на их глазах, хотя некоторые — Рапп, Лежен — попытались охватить всю картину боя. Это свидетельствует о том, что, работая над воспоминаниями, они, участники похода, опирались не только на собственные впечатления, но и использовали дополнительные материалы.

В итоге умело подобранные составителями сюжеты дают достаточно полную картину грандиозного Бородинского сражения. В этих эпизодах чувствуется настроение солдат Великой армии в ночь перед боем, причем — разные его оттенки. К примеру, Ложье запомнились дождь и ночной холод: «Внезапная перемена температуры вместе с необходимостью обходиться без огня заставила нас жестоко страдать последние часы перед рассветом... Мы выступаем, плохо одетые, наполовину замерзшие, утомленные, невыспавшиеся»[1].

Напротив, Гриуа отмечал энтузиазм, господствовавший во французском лагере: «У нас царила шумная радость, вызванная мыслью о битве, исход которой никому не казался сомнительным. Со всех сторон перекликались солдаты, слышались взрывы хохота, вызываемые веселыми рассказами самых отчаянных, слыша-

---

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 196—197.

лись их комически-философские рассуждения относительно того, что может завтра случиться с каждым из них. Горизонт освещали бесчисленные огни, довольно беспорядочно разбросанные у нас, симметрично расположенные у русских вдоль укреплений; огни эти напоминали великолепную иллюминацию и настоящий праздник»[1].

Некоторые, настроенные наиболее романтично, успели заметить и запомнить особенности местности, на которой должны были развернуться кровавые события, и красоты природы, сравнимые с описаниями великих итальянцев. Но это великолепие тут же меркнет перед другими картинами. «...громадные столбы огня, сопровождаемого страшными ударами; под действием этих вихрей огня и дыма колеблются глубокие массы, чтобы идти навстречу другим огням, не менее страшным,— писал Ложье.— Под блеском солнца сверкают оружие и амуниция пехотинцев и кавалеристов, марширующих навстречу одни другим»[2].

Описания собственно боя даны мемуаристами достаточно достоверно. При этом подавляющее большинство авторов в той или иной степени подробности описывают борьбу за ключевой пункт русской обороны — Курганную батарею. Достовернее всего получается это у тех, кто принимал непосредственное участие в штурме редута. Капитан Франсуа, ранее раненый в ногу, был среди тех, кто штурмовал батарею в ходе второй атаки. Он писал: «Русская линия хочет нас остановить; в 30 шагах от нее мы открываем огонь и проходим. Мы бросаемся к редуту, взбираемся туда через амбразуры, я вхожу туда в ту самую минуту, как только что выстрелили из одного орудия. Русские артиллеристы бьют нас банниками, рычагами. Мы вступаем с ними врукопашную и наталкиваемся на страшных противников. Много французов вперемешку с русскими падает в волчьи ямы. Я защищаюсь от артиллеристов саблей и убиваю нескольких из них... Я участвовал не в одной кампании, но никогда еще не участвовал в таком кровопролитном деле и с такими выносливыми солдатами, как русские»[3].

Неточности или разночтения, встречающиеся в тексте, относятся более всего к деталям: ко времени того или иного эпизода, нумерации частей, фамилиям участников сражения. Неодинаково оценивают авторы и результаты Бородинской битвы. Все они уверены в победе Великой армии, однако степень полноты этой победы в восприятии французских мемуаристов разная. Так, пре-

---

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 210.

[2] Там же. С. 199.

[3] Там же. С. 236.

фект императорского двора Л. Ф. Боссе, который весь день сражения находился при ставке Наполеона и не принимал непосредственного участия в битве, высказывается категорично: «Как бы там ни было, но победа была полная, настолько полная, что русская армия ни одной минуты не могла поверить в возможность отстоять свою столицу»[1].

Более сдержанно рассуждает об итогах баталии генерал Ж. Рапп, получивший при Бородино свое 22-е ранение: «День кончился; пятьдесят тысяч человек легли на поле битвы... Мы захватили пленных, отняли несколько орудий, но этот результат не вознаграждал нас за потери, которых он нам стоил»[2]. Некоторые авторы мемуаров склонны даже осуждать Наполеона за бездеятельность во время боя, как это сделал Л. Гриуа: «Если бы он употребил те решительные приемы, которые дали ему столько побед, если бы он показался солдатам и генералам, чего бы только он не сделал с такою армией в подобный момент! Может быть, война закончилась бы на берегах Москвы»[3].

Наполеон же, который в разное время по-разному оценивал итоги Бородинского сражения, находясь в ссылке на острове Святой Елены, утверждал, что французы показали себя «достойными одержать победу, а русские стяжали славу быть непобедимыми».

Вопрос о результатах Бородинской битвы относится к числу наиболее спорных в истории Отечественной войны 1812 г. Строго говоря, ни одной из сторон не удалось выполнить стоявших перед ней задач: французы не смогли в генеральном сражении разбить русскую армию, русские не смогли отстоять Москву. Но в стратегической перспективе русская армия оказалась в более выигрышном положении, ибо, находясь на своей территории, она имела источники пополнения, базы снабжения, она пользовалась поддержкой населения. Эти факторы, в конечном счете, обусловили перелом в ходе войны и успехи русских на втором ее этапе.

Оставив в ночь на 27 августа (8 сентября) Бородинские позиции, ослабленная в ходе боев русская армия вскоре достигла московских пригородов. У российского командования еще теплилась надежда остановить противника у стен города, однако для нового сражения не было ни сил, ни подходящей позиции. На военном совете в Филях 1(13) сентября руководство приняло решение оставить столицу без боя. Более полусуток по московским улицам

---

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 217.

[2] Там же. С. 196.

[3] Там же. С. 213—214.

шли полки, направляясь в сторону восточных застав. Вместе с армией ушла и большая часть населения Первопрестольной.

В те часы 2(14) сентября, когда русские войска покидали город, Наполеон со свитой стоял на Поклонной горе в ожидании «депутации бояр» — представителей местных властей — и «вручения ключей» от побежденного города. Подобные ритуалы имели место при занятии французами многих европейских столиц. Но у стен Москвы император прождал напрасно. Более того, вскоре ему сообщили, что город фактически пуст.

Тогда, повинуясь сигнальным выстрелам артиллерийских орудий, авангарды французских корпусов хлынули на московские улицы. Передовые части Великой армии вошли в город около 16 часов. А спустя некоторое время в разных частях Москвы начались взрывы и пожары. Как оказалось, по приказу русского главнокомандующего М. И. Кутузова, специально оставленные в городе люди уничтожали то, что не удалось вывезти: продовольствие, фураж, боеприпасы, снаряжение. Борьбу с огнем, которую пыталось организовать французское командование, затрудняло отсутствие пожарных и средств пожаротушения. Их накануне вступления неприятеля в Москву по собственной инициативе эвакуировал московский военный генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин.

Часто дома поджигали сами москвичи, покидавшие город. Случались пожары и из-за небрежности французских солдат. Ветер в те дни достигал такой силы, что перебрасывал горящие головни из Замоскворечья через реку. Огонь стал угрожать Кремлю. Устроивший там 3 (15) сентября свою резиденцию Наполеон уже на следующий день вынужден был покинуть Кремлевский дворец и кружным путем пробираться на северо-запад, в село Петровское, где в путевом замке российских императоров четыре дня пережидал бедствие.

Только 8 (20) сентября, когда над городом пролился дождь, пожар пошел на убыль. К этому времени Москва выгорела на три четверти. В огне погибли многие памятники архитектуры, ценнейшие коллекции старины, архивные документы, книжные собрания. Пожар 1812 г. стал своеобразным рубежом в долгой биографии города: историки до сих пор делят ее на «допожарный» и «послепожарный» периоды.

Почти одновременно с пожаром в городе начались грабежи. Сначала тайком, под покровом темноты, голодные солдаты Великой армии рыскали по пустынным улицам в поисках продовольствия. А когда над Москвой забушевало пламя, мародерство оккупантов, под предлогом «спасения имущества», приняло массовый характер. Разумеется, ни о каком «спасении» не было и речи: все,

что доставалось из огня, тут же перекочевывало в солдатские ранцы и офицерские повозки. Даже гвардия, гордость и надежда императора Франции, не смогла удержаться от соблазна легкой наживы.

И если 2 (14) сентября в Москву с музыкой, с развернутыми знаменами входила армия, то спустя пять недель русскую столицу покидала толпа вооруженных людей, отягощенных награбленным имуществом и, казалось бы, малопригодных для ведения боевых действий. Сам Наполеон, уже находясь в ссылке, признавал, что его солдаты, победоносно прошедшие пол-Европы, теперь «падали духом, терялись и приходили в замешательство. Всякое незначительное обстоятельство тревожило их. Пяти, шести человек было достаточно, чтобы испугать целый батальон»[1].

Солдатам Великой армии долго и много говорили, что в Москве закончатся все страдания, которые выпали на их долю во время русского похода. Москва — это мир, это заслуженная богатая добыча, это скорое возвращение домой. Поэтому легко понять восторг французов и их союзников при виде золотых куполов древней столицы. «При имени Москвы, передаваемом из уст в уста, все кучей бросаются, карабкаются по собственной охоте на холм, откуда мы услышали этот громкий крик,— писал Ложье.— Каждому хочется первому увидеть Москву. Лица осветились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся и подымаем с благодарностью руки к небу; многие плачут от радости и отовсюду слышишь: «Наконец-то! Наконец-то Москва!»[2].

Однако очень быстро радость сменилась недоумением по поводу отсутствия в городе жителей. Такая «нецивилизованная» встреча завоевателей некоторым показалась даже дурным предзнаменованием. «Великое решение, принятое неприятелем,— покинуть город предстало перед нашими глазами, как призрак, угрожающий и ужасный. Все иллюзии разрушены,— сокрушался М. Комб.— Прощайте, наши надежды на отдых, на спокойное возвращение на родину, которая была так далеко от нас»[3]. Эти опасения не замедлили оправдаться. Опустошительный огонь лишил французскую армию значительной части жилья и продовольствия.

Описанию московского пожара 1812 г. посвящено много страниц настоящего сборника. Причем, некоторые авторы напрямую связывали разгул грабежей в городе с поджогами москвича-

---

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 3. М., 2012. С. 489—490.

[2] Там же. Ч. 1—2. М., 2012. С. 269.

[3] Там же. С. 283.

ми жилых домов, складов и торговых лавок. «Солдаты совсем не грабили, пока не убедились, что поджигают сами русские,— пишет Ложье.— Разве можно назвать преступлением то, что они захватывают вещи, никому больше не нужные, которые сгорят и в которых они, всего лишенные, крайне нуждаются»[1]. Но если принять это оправдание мародерства, придется поверить, что «всего лишенные» французы «крайне нуждались» в картинах, церковной утвари, женских салопах и прочем. А именно такие вещи чаще всего упоминаются мемуаристами в качестве военной добычи. Так, сержант гвардейской пехоты А. Ж. Бургонь, описывая содержимое своего ранца, перечисляет костюм китаянки, женскую амазонку для верховой езды, серебряные картины, обломок креста с колокольни Ивана Великого, бриллиантовую орденскую звезду, медали, золотые и серебряные безделушки. Все это якобы было найдено в подвалах или под развалинами домов. Не только нижние чины, но и многие офицеры участвовали в грабежах, если не прямо, то, по крайней мере, тем, что санкционировали и поощряли их и пользовались добытым в мародерских операциях. Пион де Лош признавался, что «сам заставлял солдат взламывать магазины, чтобы забрать несколько мешков муки». Он писал: «Мне трудно было заставить их это делать, так как они предпочитали золото»[2]. Награбленным обогащались генералы, покупая или выменивая ценности у солдат-мародеров. В результате, когда французы оставляли Москву, только обоз Главной квартиры наполеоновской армии составлял 10 000 повозок, а вся колонна отступающих французов растянулась на 25 верст.

С прекращением пожара в Москве грабители смелее стали выходить на улицы. К тому времени все, уцелевшее от огня, было растащено. «...то, что ускользнуло от солдат в их первых поисках, сделалось теперь предметом их ненасытной жадности,— писал очевидец тех событий аббат Сюрюг.— Солдат совершенно не уважал ни стыдливости робкого пола, ни невинности ребенка в колыбели, ни седых волос стариков; и даже несчастные лохмотья ограбленной огнем нищеты сделались добычей для людей, беспощадно обиравших своих братьев»[3]. При этом среди всеобщего разгула грабежей и насилия находилось место человеколюбию и милосердию. Два мемуариста — Э. Лабом и А. Делаво,— не сговариваясь, повествовали о французском солдате, который обнару-

---

[1] Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М., 2012. С. 307.

[2] Там же. С. 294.

[3] Там же. С. 374—375.

жил на кладбище женщину с новорожденным ребенком и в течение многих дней кормил ее и помогал ей.

Дальнейшее пребывание французов в Москве становилось бессмысленным и даже опасным после того, как русская армия, совершив марш-маневр, «ускользнула» от французского авангарда и укрепилась в 80 верстах к юго-западу от Москвы у села Тарутино. Таким образом, создалась реальная угроза коммуникациям наполеоновских войск. Император Франции предпринял несколько попыток начать мирные переговоры, но Петербург молчал. 6 (18) октября Наполеон получил известие о Тарутинском сражении, а на следующий день он оставил российскую столицу.

Заключительная часть сборника мемуаров посвящена самым трагическим страницам истории похода Наполеона в Россию — отступлению Великой армии. Выступившая из Москвы французская армия численно представляла собой довольно внушительную силу — более 100 тыс. человек, хотя боеспособной была едва ли ее половина. Тем не менее император Франции намеревался разбить русскую армию в районе Тарутинского лагеря, взять Калугу с находящимися там провиантскими складами и затем через Ельню отступить к Смоленску, где рассчитывал привести в порядок свое деморализованное войско. Но на пути французской армии оказался город Малоярославец, где русские войска помешали ей двинуться в южные губернии России.

Передовые батальоны 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии заняли город вечером 11 (23) октября, а на рассвете следующего дня французы были выбиты из города частями 6-го пехотного корпуса генерала Д. С. Дохтурова. Французы ввели в дело свежие силы. То же сделал и Дохтуров. Постепенное наращивание сил продолжалось в течение всего дня, и в конце его в сражении с обеих сторон участвовало до 25 тыс. человек. Восемь раз город переходил из рук в руки и к ночи был все-таки занят войсками Великой армии. Однако русские войска прочно укрепились южнее Малоярославца, преградив французам путь на Калугу. В этой ситуации Наполеону ничего не оставалось делать, кроме как отступать в сторону Смоленска через Можайск по уже разоренной Смоленской дороге. Русский главнокомандующий Кутузов немедленно организовал преследование отступающего противника. Проселочными дорогами южнее Смоленского тракта двигались главные силы русской армии. Здесь наиболее активная роль отводилась сильному авангарду под командованием генерала М. А. Милорадовича. С севера параллельно отступающему противнику шел отряд генерала П. В. Голенищева-Кутузова. С тыла французов теснил казачий корпус атамана М. И. Платова. Параллельное преследование Наполеона русскими войсками за-

ставляло его двигаться без остановок из-за постоянной угрозы перехвата русскими путей отступления.

В Смоленск император Франции вступил 28 октября (9 ноября). Здесь он рассчитывал дать армии отдых, реорганизовать ее и пополниться продовольствием. Однако сожженный во время артиллерийского обстрела французами еще в августе город мало располагал к отдыху. Запасы провианта в Смоленске оказались незначительны, да и их раздачу не смогли организовать надлежащим образом: большая часть из того, что находилось в магазинах, досталась гвардии, а остальное солдаты армейских частей привычно разграбили. Для реорганизации армии у Наполеона времени не было, потому что 1 (13) ноября Кутузов обошел Смоленск с юга и подошел к городку Красный, создав тем самым угрозу движению французских войск из Смоленска в Оршу. Одновременно императору стало известно о поражении 4-го армейского корпуса Е. Богарне, который из Дорогобужа был направлен Наполеоном в район Витебска для поддержания связи с действующими там корпусами маршалов Удино, Сен-Сира и Виктора. В районе Духовщины итальянский вице-король подвергся нападению казаков атамана Платова. В результате, потеряв около 7 тыс. человек, 64 орудия и почти весь обоз, 4-й армейский корпус вынужден был направиться на соединение с основными силами армии в Смоленск.

Из Смоленска армия Наполеона выступила 2 (14) ноября в направлении Красный — Орша. А уже на следующий день под городом Красный развернулись упорные бои, в которых отличилась Императорская гвардия Наполеона. Гвардейские дивизии генералов М. Клапареда и Ф. Роге выбили русские войска из Красного и очистили для главных сил Великой армии дорогу на Оршу. В свою очередь два русских пехотных и два кавалерийских корпуса под общим командованием генерала М.А.Милорадовича 4(16) ноября «оседлали» дорогу восточнее Красного, отрезав от основной группировки Наполеона армейские корпуса Е. Богарне, Н. Даву и М. Нея. С тяжелыми боями, теряя тысячи людей, бросая артиллерию и обозы, 4-й и 1-й армейские корпуса сумели пробиться в Красный к главным силам Великой армии. Шедший в арьергарде отступавших французов 3-й армейский корпус маршала Нея оказался в очень тяжелом положении. Наполеон был уже на пути к Орше и ничем не мог помочь остаткам 3-го корпуса. 6 (18) ноября Ней, в распоряжении которого имелось от 6 до 8 тыс. человек и 12 орудий, раз за разом бросал на прорыв свои ослабленные дивизии, но все его усилия оказались тщетными. Лишь под покровом темноты маршалу удалось увести остатки своих войск на север и там, у местечка Сырокоренье, переправиться по неокреп-

шему льду через Днепр и выйти к Орше. В рядах его корпуса к тому времени насчитывалось лишь 800 человек.

В боях под Красным французы потеряли до 10 тыс. убитыми и ранеными, более 20 тыс. пленными и более 200 орудий. Но Наполеону удалось избежать полного разгрома армии и сохранить наиболее боеспособные части. Но боеспособность их падала день ото дня. К усталости, мукам голода добавились сильные морозы, что было особенно мучительно для не привыкших к русским холодам французов. Дисциплина в наполеоновской армии стремительно падала. Солдаты и даже офицеры отказывались выполнять приказы.

Стремясь спасти остатки своих войск, Наполеон рассчитывал от Орши двинуться на Борисов, переправиться через Березину и отвести армию к Вильно. Русское командование в это время готовило операцию по окружению и уничтожению Великой армии на березинском рубеже. По заранее разработанному плану 3-я Западная армия (32 тыс. человек) под командованием адмирала П. В. Чичагова 4 (16) ноября овладела Минском, где находились крупные провиантские магазины, а через пять дней заняла Борисов, преградив Наполеону пути отступления. С севера над колоннами отступавших французов навис 35-тысячный корпус генерала П. Х. Витгенштейна. Южнее параллельно дороге на Борисов двигался с главной армией М. И. Кутузов, имея, по разным данным, от 50 до 70 тыс. человек. Наполеон же привел с собой к Борисову не более 40 тыс. Следом за ними тянулось примерно столько же отставших или покинувших свои части солдат и гражданских лиц, среди которых были женщины и дети. То есть русские войска превосходили боеспособные французские части по крайней мере втрое.

Наступал, казалось бы, заключительный акт трагедии. Но на Березине Наполеон переиграл русских генералов. 9 (21) ноября кавалеристы бригадного генерала Ж. Корбино обнаружили у деревни Студянка в 15 верстах севернее Борисова брод через Березину. Туда император Франции и приказал стянуть для переправы все боеспособные части. Одновременно французами было организовано ложное наведение мостов южнее Борисова, в районе деревни Ухолоды. Адмирал Чичагов поверил ложному маневру французов и оттянул основную часть своих сил к югу от Борисова. 13 (25) ноября 400 понтонеров и саперов Великой армии начали подготовку к наведению мостов через Березину у деревни Студянка. Так как мостовые понтоны из-за отсутствия лошадей были сожжены еще в Орше, французские инженеры приняли решение строить два моста на козлах. Рано утром 14 (26) ноября кавалерия генерала Корбино на крупах своих коней переправила

вброд через Березину отряд вольтижеров, которые оттеснили с берега русских егерей и казаков и обеспечили беспрепятственную наводку мостов. Саперы работали по грудь в ледяной воде и к часу дня соорудили мост для пехоты и кавалерии, а к 4 часам — мост для артиллерии. Утром на правый берег Березины успели переправиться Императорская гвардия, Наполеон со штабом, корпуса Даву, Нея, Богарне, артиллерия и остатки кавалерии. На восточном (левом) берегу реки оставался лишь 9-й армейский корпус К. Виктора, имевший задачу прикрывать переправу. С 14 (26) по 17 (29) ноября на обоих берегах реки шли ожесточенные бои: на правом берегу основные силы Великой армии пробивали себе дорогу в Зембинское дефиле и далее на Вильно, а на левом берегу 9-й армейский корпус сдерживал войска генерала Витгенштейна, двигавшиеся к месту переправы. Лишь утром 17 (29) ноября последние солдаты маршала К. Виктора перешли на правый берег Березины и сожгли мосты, лишив возможности переправиться через реку тысячам отставших и гражданских лиц, ставших пленниками русской армии.

В результате операции на Березине русские войска нанесли ощутимый удар ослабленной армии Наполеона. Убитыми, ранеными и пленными она потеряла от 25 до 40 тыс. человек. До Вильно добрались лишь жалкие остатки некогда могущественной Великой армии.

Завершающая часть сборника воспоминаний не нуждается, на наш взгляд, в особых пояснениях: настолько в них откровенно и правдиво отражены героизм и самоотвержение, страдания и лишения, нравственное падение и жертвенность солдат Великой армии. Именно эта обнаженность и достоверность являются основным достоинством сборника воспоминаний иностранцев о походе в Россию в 1812 г.

А. М. Савинов

ОТ РЕДАКЦИИ[1]

Infandum... renovare dolorem...
Verg. Aen.

(Несказанное... вновь пережить горе...)
Верг. Эн.

Героическая борьба, нечеловеческие страдания, крайнее напряжение воли — отметили эпоху Первой империи. И едва смолк гром сражений, как уцелевшие участники кровавых битв почувствовали потребность еще раз пережить повесть своих трудных дней, поделиться ею со своими детьми, внуками, современниками и потомками. Их многочисленные мемуары — драгоценный материал и для ученого, и для обыкновенного любопытствующего читателя из большой публики. Правда, неодинаковую ценность имеют эти разнообразные записки старых солдат, офицеров, генералов, маршалов. В разное время писались они — иногда спешной рукой заносились на клочок бумаги во время самих походов, большей частью составлялись на покое, много лет спустя — и не всегда искреннее желание поведать одну лишь правду водило пером мемуариста. Не одному из них хотелось подчеркнуть свою прозорливость, свой стратегический талант, свести порой личные счеты с нелюбимым начальником, не один прельщался случаем упрекнуть задним числом знаменитого полководца, а иногда и лягнуть его из угодливости к новым господам Франции — Бурбонам. Но воспоминание о славных и тяжелых днях скоро сдерживало запоздалое негодование, смиряло желчные выходки и опутывало повествование мягким покровом сожаления о невозвратном прошлом. И, читая записки переживших 1812 г., мнится, будто незримо присутствуешь вместе с великим императором на «ночном смотре»... Вот суровый солдат, прошедший тяжелую школу сиротливого детства, бывший пастух, неустанным трудом снискавший офицерский чин,— капитан Куанье; рядом с ним родовитый офицер, лихой рубака, безмерно храбрый, но расчетливый в самом пылу увлечения полковник егерей Марбо; простой, бесхитростный, занимательный рассказчик сержант Бургонь; образцовый адъютант, успешно проходящий карьеру при помощи сиятельного тестя, военного министра, дельный полковой командир де Фезензак; бывший семинарист, резонер и сентиментальный герой нежного романа, скрытый роялист, но верный своему долгу

[1] Предисловие к изданию 1812 г.

офицер гвардии Пион де Лош; не мудрствующий лукаво, молодой кавалерийский офицерик Мишель Комб; пылкий почитатель Наполеона, умный и чувствительный Гриуа; сухой тактик, маршал Сен-Сир; язвительный, не знающий снисхождения к другим, иногда к себе, маршал Макдональд; безумно храбрый, не по-эльзасски горячий, генерал Рапп; скромный Маренгоне; светский человек, любитель посудить о чужих недостатках, всегда чувствующий себя обойденным, голландец генерал ван Дедем; ловкий штабной офицер поляк Солтык; внимательные и зоркие наблюдатели и прежде всего врачи — лейб-хирург Ларрей, главный полковой врач Роос, де ла Флиз, Руа; неутомимый администратор, искусный дипломат Маре, герцог Бассано; деловитый интендант Белоруссии маркиз Пасторе; молодой баденский принц граф Гохберг, легко теряющий свой княжеский ореол, превращающийся в простого страдающего смертного... Все они вместе дают живую картину «несказанного горя» 1812 г. Иногда в эту картину врывается суровое обличительное слово Лабома, который не в силах беспристрастно судить о павшем императоре; сухие, но драматические по содержанию донесения принца Евгения и маршала Мортье; стильное, риторическое описание военного писателя Сегюра; прозвучит легкая непринужденная болтовня актрисы Фюзи; горестный рассказ злосчастного режиссера французской труппы Домерга; раздается важный голос иезуита Сюрюга, настоятеля французской церкви в Москве; вкрадется слово придворного льстеца, господина Боссе, дворцового префекта; горячо заговорит об итальянском мужестве итальянец Ложье, о польской смелости — поляк Брандт, о швейцарской стойкости — швейцарцы Шумахер и Леглер; но все покрывается искренним чувством страдавших и честно исполнявших свой долг людей.

И типичные образы неустрашимого пехотного офицера Франсуа, бравого старого солдата Калоссо («воспоминания старого солдата»); знаменосца Тириона; веселого, легкомысленного адъютанта де Кастеллана (дневник его); почтенного московского жителя, благочестивого немца-негоцианта, хлопотливого военного чиновника Дюверже; живо встают перед нами на фоне кровавой бойни, окутанной дымом пылающих жалких домишек русского крестьянства, грозной смерти от голода и мороза, невыносимых мучений раненых и пленных, с немецкой точностью описанных обер-лейтенантом Йелином и его соотечественником Штейнмюллером.

* * *

Имея в виду высокую ценность и большой интерес, представляемый обширной мемуарной литературой о 1812 г. не только для специалистов, редакторы сборника выбрали из массы материала наиболее интересные в историческом и бытовом отношении страницы, расположили их для удобства читателя в синхронистическом

порядке, следуя отдельным моментам наступления и отступления наполеоновской армии. При этом редакторы руководились стремлениями дать читателю по преимуществу новый, частью еще неизвестный русской публике, материал, притом из уст самих очевидцев, (вот почему из Сегюра взяты лишь самые незначительные отрывки).

Знаменитые характеристики императоров Наполеона и Александра, помещенные на первых страницах сборника, принадлежат главе и вдохновителю европейской реакции XIX в., умному скептику, канцлеру Меттерниху. Это достойный пролог к той трагедии, которую затем развернули перед глазами читателя ее очевидцы-участники на широком пространстве российских полей и лесов от Немана до Москвы, в пылающей Москве, среди снегов отступления — от Москвы до Немана. На той грани — когда не останется неприятеля на Русской земле, считает покамест оконченной свою задачу редакция.

* * *

Своеобразие материала было таково, что чуть ли не каждая строка требовала бы подстрочного комментария. Авторы мемуаров часто далеко уклоняются от правды, часто сообщают заведомую неправду в увлечении патриотизмом или просто по забывчивости. Но редакция решила тем не менее поставить авторов лицом к лицу с читателем без всякого посредничества. Пусть эти люди, высокообразованные и полуграмотные, знатные и совсем простые, умные и глупые, раздраженные и добродушные,— говорят без помехи, кто как умеет. Пусть через много десятков лет воскреснут их симпатии и антипатии во всей их чистоте. Только тогда книга даст то впечатление, которое она должна дать: что поход в Россию был сплошным страданием для его участников, от самого начала и до конца, и что, несмотря на эти страдания, люди все-таки умели сохранить так много твердости, верности долгу, геройства, так много теплого чувства к неприятелю, так много хорошего понимания и его бедствий. Это основное впечатление настолько подавляет все остальное, что редакции казалось совершенно излишним исправлять ошибки разных авторов, самым очевидным образом путающих даты, топографию, факты.

* * *

Чтобы ясно ориентироваться в рассказах участников, помимо общего знакомства с историей 1812 г., необходимо помнить следующие факты:

23 июня Наполеон подготовляет переправу через Неман. 24-го утром Неман переходят 1-й корпус (маршал Даву, принц Экмюльский) — с ним идут бригадный генерал ван Дедем де Гельдер (дивизия Фриана), капитан Жиро де л'Эн (в штабе Дессе 4-й дивизии), капитан Франсуа (30-й линейный полк, бригада Бона-

ми), Лемуан (в штабе 1-го корпуса), Фоссен (в дивизии Компана); 2-й корпус (маршал Удино, герцог Реджио) — с ним идут офицеры Шумахер, в 4-м Швейцарском полку, Россле и Леглер — в 1-м швейцарском полку, Бего — во 2-м швейцарском полку, Марбо, офицер 23-го конно-егерского полка (бригада Кастекса); 3-й корпус (маршал Ней, герцог Эльхингенский) — с ним идет Йелин, обер-лейтенант 25-й дивизии пехоты, позже вступает в состав корпуса назначенный командиром 4-го линейного полка де Фезензак; 1-й резервный кавалерийский корпус генерала Нансути — с которым идут корпусной казначей Дюверже, неизвестный капитан 16-го конно-егерского и Тирион (во 2-м кирасирском); второй — генерал Монбрен — с ним идет старший врач Вюртембергского конно-егерского герцога Людвига полка фон Роос. Общая команда над кавалерией принадлежит Мюрату. Наконец, следует Императорская гвардия (маршалы Мортье, герцог Тревизский, Лефевр, герцог Данцигский, и Бессьер, герцог Истрийский), с ней идут Пион де Лош — командир 3-й батареи дивизии Кюриаля; Бургоэн, су-лейтенант 5-го полка вольтижеров Молодой гвардии; генерал Роге, командир дивизии Молодой гвардии; Вионне де Маренгоне, командир батальона фузилеров-гренадер; лейтенант (потом капитан) Брандт — в составе 2-го полка Легиона Вислы. В Главном штабе Великой армии: Куанье; Рапп, генерал-адъютант Наполеона; Лежен и Кастеллан (при Нарбонне); за Главной квартирой следуют главный интендант армии генерал Матье Дюма, историограф императора, будущий изменник Жомини, Ларрей — главный хирург Великой армии.

В тот же день переправился 10-й корпус (маршал Макдональд, герцог Тарентский) под Тильзитом с дивизиями Йорка (прусский), Гранжана и Массенбаха, 30 июня переходит под Пилонами вице-король Евгений со своим 4-м корпусом — в его составе идут лейтенант Ложье в полку Королевских велитов и Лабом (в штабе принца Евгения), 6-й корпус (генерал Гувион Сен-Сир), 3-й резервный кавалерийский (генерал Груши) — с ним идут Гриуа, командир артиллерии корпуса; Франши, унтер-офицер, и Мишель Комб, лейтенант 8-го конно-егерского полка. Тогда же переправляется Жером, король Вестфальский,— под Гродно с 5-м корпусом (Понятовский), в котором идут Солтык (6-й польский полк), Варшо, сержант 8-го шеволежерского (польского) полка; 7-й корпус (генерал Ренье), 8-й (Жюно, герцог д'Абрантес) и 4-й резервный кавалерийский Латур-Мобура. Центр двигается на Вильно. Мюрат преследует отступающего к Дрисскому лагерю Барклая де Толли при поддержке Нея и Удино. Король Жером идет против Багратиона, которого должен отрезать,— операция неудавшаяся. Евгений загораживает последнему дорогу к Вильно; Даву двигается к Западной Двине на Минск тоже, чтобы отрезать Багратиона.

Между Даву и Мюратом несется корпус Нансути, поддерживаемый Мораном (1-я дивизия 1-го корпуса). Барклай уходит на Петербургскую дорогу, к нему присоединяется Дохтуров, преследуемый Нансути. Дорохов и Платов соединяются с Багратионом. Начинается бешено форсированный марш к Минску; неудержимо стремится Мюрат, за ним маршал Ней и корпус Груши. На левом фланге Удино 15—16 июля достигает Динабурга. 3 июля Ней овладевает Минском.

К середине июля армия дошла уже до Западной Двины на севере и до Березины — на юге.

Даву идет на Могилев — 7-й корпус отходит к Слониму, прикрывая Варшаву. Вильно делается операционным базисом Наполеона — губернатором здесь адъютант его граф Гогендорп, а всем распоряжается правая рука императора — Маре, герцог Бассано. Главная армия двигается к востоку: принц Евгений идет на Витебск, за ним — 6-й корпус.

После битвы под Могилевом (Салтановка) Багратион и Барклай стремятся соединиться. Барклай, уходя к Смоленску, оставляет для заслона Петербурга Витгенштейна. Против него Наполеон оставляет Макдональда и Удино. Первый овладевает Динабургом и осаждает Ригу. Второму предписано отрезать Витгенштейна. В главной армии авангардом командует Мюрат, далее следуют корпус принца Евгения, корпус Нея, генерал Мутон, граф Лобау с тремя дивизиями, корпус Даву и Императорская гвардия.

После битв под Витебском (Островно), Красным и Смоленском главная армия, не успевшая помешать соединению Барклая с Багратионом, продолжает путь к Москве,— к ней присоединяются теперь корпус Понятовского и вестфальский контингент (8-й корпус Жюно). Главная армия идет тремя колоннами: по главной дороге Мюрат во главе всей кавалерии — в авангарде за ним Даву, Ней и Императорская гвардия, на правом фланге Понятовский, на левом фланге Евгений, арьергард составляет Жюно.

Меж тем на юге Ренье был разбит Тормасовым; на помощь Ренье двинулся австрийский вспомогательный корпус Шварценберга. После дела под Городечно Тормасов отступает.

На севере Витгенштейн после ряда битв (под Клястицами разбиты французы, под Боярщиной — русские, причем убит Кульнев) оттеснил Удино к Полоцку. Здесь ко 2-му корпусу присоединяется 6-й (Сен-Сир). Общими силами они наносят Витгенштейну поражение под Полоцком. Маршал Виктор с 9-м корпусом,— в составе последнего следуют Штейнмюллер, фельдфебель 2-го батальона 2-го баденского полка (бригады графа Гохберга), и граф Гохберг, будущий маркграф Вильгельм Баденский, начальник баденской вспомогательной бригады, получает приказ двигаться от Ковно на Вильно и приблизиться к Смоленску.

11-й корпус (маршал Ожеро, герцог Кастильонский) должен в это время двинуться из Берлина и занять герцогство Варшавское.

* * *

В первой части сборника помещены отрывки из следующих авторов:

1) Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich.

2) La Grande Armée. Récits de Césare de Laugier, officier de la Garde du Prince Eugéne.

3) Mes campagnes 1792—1815, notes et correspondance du colonel Pion de Loches.

4) Roos. Mit Napoleon in Russland.

5) Comte Roman Soltyk. Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie.

6) Mémoires du général baron de Dedem de Gelder (1774—1825). Un général hollandais sous le premier empire.

7) Les Cahiers de capitaine Coignet.

8) Quelques notes par un capitaine au 16-e régiment des chasseurs à cheval.

9) Général baron Girod de l'Ain. Dix ans de mes souvenirs militaires 1805—1815.

10) Relation compléte de la campagne de Russie par E. Labaume.

11) Pastoret. Mémoires sur la Russie.

12) Mémoires du général Griois. 1792—1822.

13) Aus dem Leben des General J. H. von Brandt.

14) Macdonald, duc de Tarente. Souvenirs.

15) Denkwürdigkeiten aus dem Russischen Feldzuge vom Jahr 1812 von Oberstlieutenant Th. Legler.

16) Mémoires du général baron de Marbot.

17) Journal et souvenirs de Gaspard Schumacher, capitaine en suisse de la garde royale.

18) Mémoires pour servir à l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l' Empire par le maréchal Gouvion Saint-Cyr.

19) A Thirion de Metz. Souvenirs militaires.

20) Mémoires de chirurgie militaire et campagnes du baron D. J. Larrey.

21) Histoire de Napoléon et de la grande armée en 1812, par M. le lieutenant-général comte de Ségur.

22) Де ла Флиз. Записки о Московском походе в Россию до 1814 г.

23) Précis politique et militaire de campagnes 1812 à 1814. Extraits de souvenirs inédits du général Jomini.

24) Baron Denniée. Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812.

25) Souvenirs du capitaine Francois.

26) B. T. Duverger. Mes aventures dans la campagne de Russie.

27) Mémoires du général Rapp 1792—1821.

28) Mémoires du colonel Combe sur les campagnes de Russie 1812, de Saxe 1813, de France 1814 et 1815.

29) Руа. Воспоминание о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России.

30) Puisbusque. Lettres sur la guerre de Russie.

31) Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais et sur quelques événements de l'empire depuis 1805 jusqu'au 1 mai 1814 par L. F. J. de Bausset, ancien préfet du palais impérial.

32) Souvenirs d'un officier de l'Empire par baron Lejeune, maréchal de camp.

33) Souvenirs d'un ex-commendant des grenadiers de la Vielle-garde, Vionnet de Maringoné.

34) 1812. Lettre du capitaine des curassiers sur la campagne de Russie.

35) Journal du maréchal de Castellane 1804—1862.

36) Sergent F. Bourgogne. Mémoires 1812—1813.

37) La Russie pendant les guerres de l'empire 1805—1815. Souvenirs historiques de M. Armand Domerque, ex-regisseur du Théâtre Imperial de Moskou et l'un des quarante éxilés par le Comte Rastopchin.

38) Souvenirs anecdotiques et militaires du colonel Biot.

В переводе первой части принимали участие: Н. П. Губский, Е. Н. Дживелегова, Н. Н. Качалова, А. А. Кожевников, Л. С. Козловский, В. Н. Линд, С. Д. Малашкина, П. Е. Мельгунова, Н. М. Попов, М. П. Сеженская, А. И. Смирнов, В. Е. Степанова, Е. В. Трутовская, Е. П. Чалеева, И. И. Шитц, Ю. Н. Щербатская.

Отрывки из Ложье взяты из издания, выпущенного «Задругой»; из Дедема в переводе «Русской старины» (1900. VII) с дополнениями к оригиналу; из Пасторе в переводе «Русского архива» (1900. XII); из де ла Флиза в переводе «Русской старины» (1891. IX и др.); из Руа в переводе под редакцией г-на Ельницкого (в издании «Лит.-науч. книгоизд-во»); из писем Пюибюска в издании В. И. Грачева; из Тириона — в издании Б. М. Колюбакина и в переводе по оригиналу; из Бургоня — в издании Суворина; из Домерга — в переводе «Исторического вестника» (1881. VI и др.); из Рооса в переводе И. И. Шитца (изд. «Сфинкс»).

Во II части книги редакция сочла возможным несколько отступить от принятого плана. Наряду с мемуарами французов и лиц других национальностей, входящих в Великую армию, редакция дала место интереснейшим отрывкам из мемуаров ренегата, и довольно злобного. Это эмигрант Изарн, француз, поселившийся в России, живший в Москве и бывший свидетелем пожара. Он не скрывал своей ненависти к Наполеону. Кроме тех 38 авторов, которые фигурировали в I части, во II часть введены еще отрывки воспоминаний следующих авторов:

1) *De Maily-Nesle*. Mon journal pendant la campagne de Russie, écrit de mémoire après mon retour à Paris.

2) *Louise Fusil*. Souvenirs d'une femme sur la retraite de Russie.

3) *A. Suruque*. 1812. Les français à Moscou. Relation inèdite publiée par R. P. Libercier.

4) *Fezensac*. Journal de la campagne de Russie.

5) *Von Yellin*. In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des würtembergischen Offiziers.

6) Mémoires et correspondance du *Prince Eugène,* publiés par Ducasse.

7) *Victor Dupuy*. Souvenirs militaires.

8) *Vicomte de Pelleport*. Souvenirs militairres et intimes.

9) *Franchi*. Его рассказ в «Loisirs d'un soldat *Le Flem'a*».

10) *Louis Bégos*. Souvenirs des campagnes.

11) Tagebuch des Lieutenants Anton *Vossen* über den Krieg in Russland 1812. (Отрывки взяты в переводе А. И. Станкевича//*Рус. арх*. 1903. № 1).

12) *Шевалье Д'Изарн*. Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 г.//*Рус. арх*. 1869. № 9.

13) Воспоминания голландца *Вагевира*/пер. А. И. Круглова//*Рус. арх*. 1909. № 2.

14) Из записок Гизо; в отрывках, приведенных В. А. Бильбасовым: «Записки современников о 1812 г.»//*Рус. старина*. 1893. № 1.

15) Из записок колониального торговца, опубликованных в отрывках проф. М. С. Корелиным//*Рус. мысль*. 1896.

16) Письма *Маре* и *Мортье,* взятые из издания *А. Шюке*. Lettres de 1812. -ème série.

17. Письма *Гогендорпа* и *Леграна* из приложений к мемуарам Pils'a.

В переводе II части книги принимали участие: Н. П. Губский, Е. Н. Дживелегова, Е. А. Дидрикиль, А. А. Кожевников, В. Н. Линд, С. Д. Малашкина, П. Е. Мельгунова, Е. В. Орлова, М. М. Сеженская, А. И. Смирнов, В. Е. Степанова, Е. М. Трутовская, Е. П. Чалеева, И. И. Шитц, Ю. Н. Щербатская и В. И. Васютинская.

ЧАСТЬ I

Неман.
Смоленск.
Бородино.
Вступление в Москву

Ложье
Марбот
Рапп
Сен-Сир
Мортье
Наполеон
Дедем
Пион Де-Лош
Макдональд

НАПОЛЕОН

Среди лиц, поставленных в положение, независимое от этого необыкновенного человека, найдется немного таких, кто, как я, имел бы столько точек соприкосновения и столько непосредственных сношений с ним.

Мнение мое о Наполеоне не изменялось в различные периоды этих отношений. Я видел его и изучал в моменты наибольшего блеска его; я видел его и наблюдал в моменты упадка; и если он и пытался ввести меня в заблуждение, в чем он порой был очень сильно заинтересован, то это ему никогда не удавалось. Я могу поэтому надеяться, что я схватил самые существенные черты его характера и составил о нем беспристрастное мнение, тогда как большинство современников до сих пор видело лишь сквозь призму как блестящие, так и мрачные, отрицательные стороны этого человека, которого сила вещей в соединении с выдающимися личными качествами вознесла на вершину могущества, беспримерного в новейшей истории. Проявлявший редкую прозорливость и неутомимую настойчивость в использовании того, что полвека событий, казалось, подготовляли для него; руководимый духом власти, действенным и дальновидным в равной мере; ловко улавливавший в обстоятельствах момента все, что могло служить его честолюбию; умевший с замечательной ловкостью извлекать для себя выгоды из ошибок и слабостей других,— Бонапарт остался один на поле брани, которое в течение десяти лет оспаривали друг у друга слепые страсти и партии, охваченные кровожадной ненавистью и исступле-

нием. С тех пор, как он в конце концов конфисковал в свою пользу всю революцию, он стал казаться лишь тем единственным пунктом, на котором должны сосредоточиться все взоры наблюдателя, и мое назначение на пост посланника во Францию поставило меня в этом отношении в исключительно выгодные условия, которыми я и не преминул воспользоваться.

Наше мнение о человеке часто складывается под влиянием первого впечатления. Я ни разу не видел Наполеона до аудиенции, которая дана была мне в Сен-Клу для вручения моих верительных грамот. Он принял меня, стоя посреди одной из зал в обществе министра иностранных дел и еще шести лиц его двора. Он был в пехотном гвардейском мундире и в шляпе. Это последнее обстоятельство, неуместное во всех отношениях, ибо аудиенция не была публичной, неприятно поразило меня: в этом видны были чрезмерные претензии и чувствовался выскочка; я даже колебался некоторое время, не надеть ли и мне шляпу. Я начал, однако, небольшую речь, точный и сжатый текст которой резко отличал ее от речей, ставших обычными при новом французском дворе.

Его манера держать себя, казалось, обнаруживала неловкость и даже смущение. Его приземистая и квадратная фигура, небрежный вид и в то же время заметное старание придать себе внушительность окончательно убили во мне ощущение величия, которое естественно соединялось с представлением о человеке, заставлявшем трепетать весь мир. Это впечатление никогда не изгладилось вполне из моего ума; оно сопутствовало самым важным свиданиям, какие я имел с Наполеоном в различные эпохи его жизни. Возможно, что оно помогло мне разглядеть этого человека таким, каким он был, сквозь все маски, в которые он умел рядиться. В его вспышках, в его приступах гнева, неожиданных репликах я приучился видеть заранее приготовленные сцены, разученные и рассчитанные на эффект, который он желал произвести на собеседника.

Что больше всего поразило меня в моих сношениях с Наполеоном — сношениях, которые я с самого начала постарался сделать более частыми и конфиденциальными,— так это необыкновенная проницательность ума и великая про-

стота в ходе его мысли. В разговоре с ним я всегда находил очарование, трудно поддающееся определению.

Подходя к предмету, он схватывал в нем самое существенное, отбрасывал ненужные мелочи, развивал и отделывал свою мысль до тех пор, пока она не становилась совершенно ясной и убедительной, всегда находил подходящее слово или изобретал его там, где его еще не создал язык: благодаря этому беседы с ним всегда глубоко интересны. Он не беседовал, но говорил; благодаря богатству идей и легкости в их выражении он умел ловко овладевать разговором, и один из обычных оборотов его речи был следующий. «Я вижу,— говорил он вам,— чего Вы хотите; Вы желаете прийти к такой-то цели; итак, приступим прямо к вопросу».

Он выслушивал, однако, замечания и возражения, которые ему делали; он их принимал, обсуждал или отвергал, никогда не нарушая тона и характера чисто делового разговора, а я никогда не испытывал ни малейшего смущения, говоря ему то, что считал истиной, даже тогда, когда последняя не могла ему нравиться.

Подобно тому, как в представлениях его все было ясно и точно, точно так же не знал он ни трудностей, ни колебаний, когда приходилось действовать. Усвоенные правила его нисколько не смущали.

В действии, как и в рассуждениях, он шел прямо к цели, не останавливаясь на соображениях, которые считал второстепенными и которыми он, быть может, слишком часто пренебрегал. Прямая линия, ведущая к задуманной цели, была той, которую он выбирал по преимуществу и которой шел до конца, если что-либо не заставляло его сойти с нее; но точно так же, не будучи рабом своих планов, он умел отказываться от них или видоизменять их в тот момент, как изменялась его цель, или когда новые комбинации представляли возможность достигнуть ее другими более верными путями.

Он не обладал большими научными познаниями. Его приверженцы особенно усердно поддерживали мнение, что он был глубоким математиком. Но то, что он знал в области математических наук, не возвышало его над уровнем любого офицера, получившего, как он, подготовку к артиллерийской службе; но его природные дарования восполняли недостаток знания. Он стал администратором и законодателем, как и ве-

ликим полководцем, в силу одного лишь инстинкта. Склад его ума всегда толкал его к положительному; он отвергал идеи неопределенные; грезы мечтателей и отвлеченные схемы идеологов в одинаковой мере отталкивали его, и он смотрел как на пустую болтовню на все то, что не приводило к ясным выводам и осязательным результатам. Он, в сущности, признавал научную ценность лишь за теми знаниями, которые можно контролировать и проверять на практике путем чувств, которые основаны на опыте и наблюдениях. Он выказывал глубокое презрение к ложной философии и ложной филантропии XVIII в. Из корифеев этих учений в особенности Вольтер был предметом его ненависти, и в этой ненависти он доходил до того, что оспаривал даже по всякому поводу общепризнанный взгляд на литературные заслуги Вольтера.

Наполеон не был нерелигиозным в обычном смысле этого слова. Он не допускал, чтобы мог существовать искренний и убежденный атеист; он осуждал деизм, как плод необоснованного умозрения. Христианин и католик, он лишь за положительной религией признавал право управлять человеческими обществами. В христианстве он видел основу всякой истинной цивилизации, в католицизме — культ наиболее благоприятный для поддержания порядка и устоев нравственности, в протестантизме — источник смуты и раздоров. Не соблюдая церковных обрядов в отношении к себе самому, он, однако, слишком уважал последние, чтобы позволить себе насмешки над теми, кто придерживался их. Возможно, что его отношение к религии являлось не делом чувства, а результатом дальновидной политики, но это — тайна его души, которой он никогда не выдавал. Что касается его мнений о людях, то они сводились к идее, которая, к несчастью для него, приобрела в его уме значение аксиомы. Он был убежден, что ни один человек, призванный действовать на арене общественной жизни или просто преследующий какие-нибудь цели в практической жизни, не руководствуется и не может руководствоваться какими-либо мотивами, кроме личного интереса. Он не отрицал ни доблести, ни чести, но он утверждал, что ни первое, ни второе чувство ни в ком не служат главной движущей силой, за исключением лишь тех, кого он называл мечтателями и кого в качестве таковых счи-

тал совершенно неспособными к успешной работе в общественных делах. Я много и часто спорил с ним по поводу этого правила его, против которого восставало мое внутреннее убеждение и ложность которого — по крайней мере в том объеме, в каком он его применял,— я пытался ему доказать. Мне ни разу не удалось поколебать его на этом пункте.

Он обладал особенно тонким чутьем в распознавании людей, которые могли быть ему полезны. Он быстро открывал в них ту сторону, с которой нужно было подойти, чтобы извлечь наибольшую выгоду. В то же время он старался связать их со своей личной судьбой, компрометируя их настолько, что для них невозможно уже было отойти от него и создать себе другое положение: таким образом, в личном расчете он видел залог преданности ему.

Лучше всего он изучил национальный характер французов, и история его жизни показала, что он хорошо понял этот характер. В частности, на парижан он смотрел как на детей, и он часто сравнивал Париж с большой оперой. Когда однажды я упрекнул его в явных измышлениях, которыми изобиловали его бюллетени, он ответил мне, смеясь: «Ведь не для Вас я их писал; парижане всему верят, и я мог бы рассказать им еще много другого, во что они не отказались бы поверить». Ему нередко случалось во время разговора пускаться в рассуждения на исторические темы. Эти рассуждения обнаруживали в нем недостаточное знание фактов, но необычайную прозорливость в оценке причин и в предвидении последствий. Он, таким образом, больше угадывал, чем знал, и хотя события и людей он окрашивал в свой собственный цвет, он находил для них остроумные объяснения. Так как он всегда возвращался к одним и тем же цитатам, то надо думать, что он почерпал из очень небольшого числа работ, и преимущественно из сокращенных изложений, наиболее яркие факты из древней истории и истории Франции. В своей памяти, однако, он хранил запас имен и событий, достаточно богатый для того, чтобы импонировать тем, чьи познания в истории были еще менее солидны, чем его собственные.

Героями его были Александр, Цезарь и прежде всего Карл Великий. Он претендовал на место преемника этого последнего, преемника не только в силу факта, но и по праву,

и эта мысль особенно занимала его. В разговорах со мной он пускался в бесконечные рассуждения, чтобы поддерживать этот странный парадокс самыми слабыми аргументами. Очевидно, мое положение австрийского посланника вызывало эту настойчивость его в разговоре со мной.

Одним из постоянных и живейших его огорчений было то, что он не мог сослаться на принцип легитимности как на основу своей власти. Немного людей более глубоко чувствовало, насколько власть, лишенная этого основания, преходяща и хрупка, как открыта она для нападений. Тем не менее он никогда не упускал случая, чтобы заявить в моем присутствии живейший протест против тех, кто мог воображать, что он занял трон в качестве узурпатора.

«Французский престол,— говорил он мне не раз,— был вакантным. Людовик XVI не сумел удержаться на нем. Будь я на его месте, революция никогда не стала бы совершившимся фактом, несмотря на огромные успехи, которые она сделала в умах в предшествовавшие царствования. После падения короля территорией Франции завладела республика, ее-то я и сменил. Старый трон остался погребенным под развалинами, я должен был основать новый. Бурбоны не смогли бы царствовать в этом вновь созданном государстве; моя сила заключена в моей счастливой судьбе; я — нов, как нова империя; таким образом, между мной и империей полное слияние».

Я часто думал, однако, что, выражаясь таким образом, Наполеон хотел лишь усыпить или сбить с толку общественное мнение, и предложение, с которым он обращался непосредственно к Людовику XVIII в 1804 г., по-видимому, подтверждает это подозрение. Говоря однажды со мной об этом предложении, он сказал: «Ответ Его Высочества был благороден, он был насквозь пропитан традициями. В этих *законных наследниках* есть нечто, что считается не с одним только рассудком. Если бы Его Высочество следовал советам рассудка, он столковался бы со мной, и я бы создал для него великолепное положение».

Его также сильно занимала идея связать с Божеством происхождение верховной власти. Однажды в Компьене, вскоре после брака его с эрцгерцогиней, он мне сказал: «Я вижу, что императрица в письмах к отцу в адресе пишет: *Его*

Священному Императорскому Величеству. Употребляется ли у вас этот титул?» Я ответил ему, что так ведется по традиции от прежней Германской империи, которая называлась Священной империей, и что титул «священный» связан также и с апостольским королевским венцом Венгрии. Тогда Наполеон ответил мне торжественным тоном: «Обычай прекрасный и понятный. Власть от Бога исходит, и только в силу этого она может быть поставлена выше людских покушений. Через некоторое время я приму такой же титул». Он придавал большое значение благородству своего происхождения и древности своего рода. Неоднократно старался он мне показать, что лишь зависть и клевета могли набросить тень на благородство его происхождения. «Я поставлен в исключительное положение,— сказал он мне.— Я нахожу историков моей родословной, которые хотят довести мой род до времен потопа, и есть мнения, которые утверждают, что я не дворянин по рождению. Истина между этими двумя крайностями. Бонапарты — хорошие корсиканские дворяне, малоизвестные, потому что мы никогда не выходили за пределы нашего острова, но они во много раз лучше тех пустозвонов, которые хотели бы нас унизить».

Наполеон смотрел на себя как на совершенно особое, единственное существо в мире, призванное управлять и руководить умами по своему усмотрению. На людей он смотрел так, как хозяин мастерской на своих рабочих[1].

Одним из тех, к кому он, по-видимому, был наиболее привязан, был Дюрок. «Он любит меня, как собака — своего хозяина». Вот фраза, которую он употребил, говоря со мной о Дюроке. Чувство, которое питал к нему Бертье, он сравнивал с чувством доброго ребенка. Эти сравнения не только не расходились с его теорией относительно двигателей человеческих действий, наоборот, они естественно вытекали из

[1] Маршал Ланн был смертельно ранен в битве при Асперне. Бюллетени французской армии передавали слова, которые он якобы произнес. Вот что сказал мне по этому поводу сам Наполеон: «Вы читали фразу, которую я вложил в уста Ланна,— он об этом и не думал. Когда маршал произнес мое имя, мне сообщили, и я сейчас же объявил его умершим. Ланн ненавидел меня от всего сердца. Он назвал мое имя, как атеисты называют Бога, когда они подходят к моменту смерти. Когда Ланн меня назвал, я должен был считать его окончательно погибшим».

нее; там, где он встречал чувства, которые он не мог объяснить чисто личным расчетом, он искал для них источника в своего рода инстинкте.

Очень много говорилось о суеверии Наполеона и почти столько же о недостатке личной храбрости. Оба эти обвинения основаны или на ложных сведениях, или на наблюдениях, плохо истолкованных. Наполеон верил в судьбу, и кто же больше, чем он, испытывал ее? Он любил хвастать своей звездой; он был очень доволен, что толпа не прочь видеть в нем привилегированное существо; но сам он не обманывался на свой собственный счет и, что важнее, вовсе не стремился приписывать судьбе большую роль в своем возвышении. Я часто слыхал, как он говорил: «Меня называют счастливым потому, что я ловок; люди слабые обыкновенно обвиняют в счастье людей сильных».

Я приведу здесь один случай, который показывает, до какой степени он рассчитывал на энергию своей души и считал себя выше случайностей жизни. Среди прочих парадоксов, которые он высказывал в вопросах медицины и физиологии (темы, которых он касался с особой любовью), он утверждал, что смерть часто бывает лишь следствием недостатка волевой энергии в личности. Однажды в Сен-Клу он упал с опасностью для жизни (он был выброшен на каменную тумбу, которая чуть не продавила ему живот)[1]; на другой день, когда я спросил его о здоровье, он мне ответил самым серьезным образом: «Вчера я пополнил опытным путем свои познания относительно силы воли; когда я получил удар в живот, я почувствовал, что жизнь уходит; у меня оставалось лишь время сказать себе, что я не хочу умирать, и вот я жив! Всякий другой на моем месте был бы мертв». Если угодно называть это суеверием, то нужно по крайней мере согласиться, что оно очень отличается от того суеверия, которое ему приписывалось.

---

[1] Я не прочь предположить, что этот случай мог содействовать развитию той болезни, жертвой которой стал Наполеон на острове Св. Елены. Я удивляюсь, что это предположение никогда не делалось. Хотя, с другой стороны, верно и то, что он неоднократно говорил мне об этой болезни как о наследственной в его роду.

Точно так же обстоит дело и с его храбростью. Он крепко держался за жизнь; но так как с его судьбой было связано бесконечное количество судеб, то ему было позволительно, конечно, видеть в своей жизни нечто иное, чем жалкое существование одного лица. Таким образом, он не считал себя призванным показывать «Цезаря и его судьбу» исключительно для доказательства своей храбрости. Другие великие полководцы думали и поступали так же, как и он. Если у него не было той жилки, которая заставляет бросаться в опасность сломя голову, то это, конечно, не основание, чтобы обвинять его в трусости, как это делали без всяких колебаний иные его враги. История его походов достаточно показала, что он был всегда на месте,— опасном или нет,— но на том, какое подобало вождю Великой армии. В частной жизни, никогда не отличаясь любезностью в обращении, он был покладист и часто доводил снисходительность до слабости. Добрый сын и хороший родственник с тем оттенком, который встречается особенно часто в буржуазных итальянских семьях, он терпел выходки некоторых членов своей родни, не проявляя силы воли, достаточной для того, чтобы сдержать их в границах даже тогда, когда он должен был сделать это явно в своем интересе. В частности, его сестры умели добиваться от него всего того, чего хотели.

Ни первая, ни вторая из супруг Наполеона не могли пожаловаться на его обращение. Хотя этот факт достаточно установлен, но слова эрцгерцогини Марии Луизы бросают на него новый свет. «Я уверена,— сказала она мне вскоре после замужества,— что в Вене много занимаются мной и что, по общему мнению, я терплю ежедневные муки. Вот как неправдоподобна часто бывает истина. Я не боюсь Наполеона, но я начинаю думать, что он боится меня».

Простой и часто даже обходительный в частной жизни, он производил невыгодное для себя впечатление в большом свете. Трудно вообразить бо̀льшую неловкость в манере держать себя, чем та, которую обнаруживал Наполеон в салоне. Усилия, которые он делал, чтобы исправить свои природные недостатки и недостатки воспитания, в результате лишь резче подчеркивали то, чего ему не хватало. Я убежден, что он многое принес бы в жертву, лишь бы сделать выше свой рост и придать благородство фигуре, которая становилась

все вульгарнее по мере того, как увеличивалась его полнота. Он ходил обыкновенно, приподнимаясь на носках; он усвоил себе телодвижения, скопированные у Бурбонов. Его костюмы были рассчитаны на то, чтобы производить впечатление контраста с костюмами, обычными в его кругу, благодаря необычайной простоте или чрезмерному великолепию. Известно, что он призывал Тальма, чтобы изучать позы. Он очень покровительствовал этому актеру, и его расположение объяснялось в значительной степени сходством, которое в действительности существовало между ними. Ему было приятно видеть Тальма на сцене; можно было бы сказать, что он находил себя в нем. Никогда из его уст — в разговоре с женщинами — не выходило не только изысканной, но даже просто уместной фразы, хотя усилия найти ее часто выражались на его лице и в тоне голоса. Он говорил с дамами только об их туалетах, выказывая себя придирчивым и строгим судьей, или же о количестве их детей; и одним из его обычных вопросов было — кормят ли они сами, причем этот вопрос он предлагал обыкновенно в выражениях, совершенно не принятых в хорошем обществе. Иной раз он их подвергал своего рода допросу относительно интимных связей в обществе, что придавало его беседам скорее характер поучений неуместных и бестактных, чем характер вежливого салонного разговора. Этот недостаток хорошего тона часто вызывал против него отпор, на который он не находил удачного ответа. Его нелюбовь к женщинам, принимающим участие в политических и общественных делах, доходила до ненависти[1].

---

[1] В 1810 г. ко мне обратилась г-жа Сталь с целью добиться у Наполеона через мое посредство разрешения жить в Париже. Всем известно, какое огромное значение придавала она этой милости, и мне незачем говорить здесь о мотивах, которыми она руководилась. У меня не было оснований принимать особое участие в ходатайстве г-жи Сталь, я знал к тому же, что моя протекция немногим ей поможет. Однако представился случай, когда я мог занять внимание Наполеона просьбой этой знаменитой женщины. «Я не хочу г-жи Сталь в Париже,— ответил Наполеон,— и имею для этого достаточные основания». Я ему ответил, что если бы это было и так, то не подлежит также сомнению, что, принимая подобные меры по отношению к женщине, он придает ей значение, которого она без этого, пожалуй, не имела бы. «Если бы г-жа Сталь,— ответил мне Наполеон,— стремилась быть или была бы роялисткой или республиканкой, я ничего не имел бы против нее, но она — пружина, которая приводит в движение салоны. Только во Франции подобная женщина представляет опасность, и я этого не хочу».

Чтобы судить об этом необыкновенном человеке, нужно следить за ним на той великой сцене, для которой он был рожден. Судьба, без сомнения, очень много сделала для Наполеона, но силой своего характера, действенностью и ясностью своего ума, гениальностью великих комбинаций в военном искусстве он поднялся на уровень того места, которое судьба ему предназначила. Имея лишь одну страсть — страсть к власти — он никогда не терял ни времени, ни средств на дела, которые могли бы его отвлечь от его цели. Властелин самого себя, он скоро стал властелином людей и событий. В какое бы время он ни явился, он играл бы выдающуюся роль. Но эпоха, в которую он делал первые шаги по своему жизненному пути, была исключительно благоприятной для его возвышения. Окруженный личностями, которые среди разрушающегося мира шли наудачу без определенного направления всюду, куда их вели всякого рода честолюбие и алчность, он один сумел составить план, прочно его держаться и довести до конца. Во время второго Итальянского похода он и составил тот план, которому и суждено было привести его на вершину власти. «Юношей,— говорил он мне,— я был революционером по неведению и из честолюбия. В годы разума я последовал за его советами и за своим собственным инстинктом и раздавил революцию».

Он до такой степени привык считать себя необходимым для поддержания системы, им созданной, что под конец он уже не понимал, каким образом мир может идти помимо него. Я нисколько не сомневаюсь, что из глубины души шли и глубоким убеждением были проникнуты эти слова его, которые он мне сказал во время нашего свидания в Дрездене в 1813 г.: «Я погибну, быть может, но в своем падении я увлеку с собой троны и все общество». Сказочные успехи, которыми была наполнена его жизнь, в конце концов, бесспорно, ослепили его; но до войны 1812 г., когда он впервые пал под тяжестью иллюзий, он никогда не терял из виду глубоко продуманных расчетов, с помощью которых он столько раз торжествовал. Даже после московского разгрома мы видели, с каким хладнокровием и энергией защищал он свое существование; и его кампания 1813 г. была, бесспорно, той, в которой он при очень уменьшенных силах проявил максимум военного таланта. Я никогда не принадлежал к числу тех,— а

их было много,— которые думали, что после событий 1814 и 1815 гг. он попытается создать себе новую карьеру, сойдя на роль искателя приключений и пустившись в романтическое прожектерство. Его ум и склад его души заставляли его презирать все маленькое. Как крупному игроку, успехи мелкой игры не только не доставили бы ему удовольствие, а внушили бы отвращение.

Часто возбуждался вопрос, был ли Наполеон в основе добр или зол. Мне всегда казалось, что эти эпитеты в том смысле, в каком их обычно употребляют, совершенно неприменимы к такому характеру, как его. Постоянно занятый одной задачей, день и ночь поглощенный заботой управления империей, которая в своем постепенном росте, в конце концов, охватила интересы огромной части Европы, он никогда не отступал перед страхом неудовольствий, которые он мог вызвать, ни даже перед безмерным количеством индивидуальных страданий, неизбежных при осуществлении его планов. Подобно тому, как несущаяся колесница давит все, что попадается ей на пути, Наполеон думал лишь о том, чтобы стремиться вперед. Он совершенно не принимал в расчет тех, которые не умели уберечься; он даже склонен был порой обвинять их в глупости. Бесстрастный ко всему, что находилось вне пути его следования, он им не занимался ни в добре, ни в зле. Он мог сострадать несчастьям частной жизни, но он был равнодушен к бедствиям государственным.

Точно так же было и в отношении его к тем, кем он пользовался как орудием. Бескорыстное великодушие было не в его натуре; он расточал свои милости и благодеяния лишь соразмерно с той пользой, которую надеялся извлечь из благодетельствуемых. К другим он относился так, как, по его мнению, они относились к нему. Он принимал все услуги, не интересуясь ни мотивами, ни взглядами, ни прежними поступками тех, кто предлагал эти услуги, за исключением лишь тех случаев, когда рассчитывал извлечь из этого новую выгоду.

У Наполеона было два лица. В качестве частного человека он был доступен и обходителен, не будучи ни добрым, ни злым. В качестве государственного деятеля он не допускал никакого чувства, не руководствовался в своих решениях ни симпатией, ни ненавистью. Он давил или сталкивал с пути

своих врагов, руководствуясь лишь необходимостью или интересом избавиться от них. Раз эта цель была достигнута — он о них забывал и не преследовал их.

Было сделано много бесполезных попыток и бесплодно потрачено много эрудиции из желания сравнивать Наполеона с тем или иным из его предшественников по пути завоеваний и политических переворотов. Страсть к параллелям приносит существенный вред истории; она проливает ложный свет на наиболее выдающиеся характеры, и она часто совершенно извращает ту точку зрения, с которой следовало бы их рассматривать. Невозможно судить о человеке, отделяя его от тех рамок, в которые он был помещен, и от совокупности обстоятельств, которые на него воздействовали. Если бы даже природе угодно было создать двух индивидов безусловно похожих, то их дальнейшее развитие в условиях времени и места, не допускающих никакой аналогии, неизбежно стерло бы их первоначальное сходство и смутило бы неопытного художника, который захотел бы воспроизвести это сходство своей кистью. Настоящий историк — тот, который умеет принимать в расчет до бесконечности разнообразные элементы, призванные войти в композицию картин; такой историк, повторяю, охотно откажется от тщетной затеи сравнивать Наполеона, будь то с героями древности, будь то с варварскими завоевателями Средних веков, будь то с великим королем минувшего века (за исключением военного таланта), будь то с узурпатором склада Кромвеля. Ни одно из этих случайных сближений ничего не разъяснит потомству, но все они неизбежно извратят историческую правду.

К тому же система завоеваний Наполеона была совершенно особого характера. Всемирное господство, к которому он стремился, не имело целью сконцентрировать в его руках непосредственное управление огромной массой стран, но установить в центре верховную власть над европейскими государствами, по образцу, извращенному и преувеличенному, империи Карла Великого. Если соображения момента заставляли его отступать от этой системы, если они увлекали его к захвату и к присоединению к французской территории стран, на которые он при правильном понимании своего же интереса не должен был бы посягать, то эти действия, существенно повредившие укреплению его власти, не только не

содействовали развитию великого плана, лежавшего в основе его мысли, но лишь повели к его крушению и гибели. Этот план должен был бы распространиться также и на церковь. Он хотел основать в Париже престол католицизма и оторвать папу от всяких светских интересов, обеспечив ему власть духовную под эгидой Французской империи.

В своих политических и военных комбинациях Наполеон отводил немало места слабостям и ошибкам тех, с кем ему предстояло бороться. Нужно признать, что долгий опыт давал ему достаточно оснований следовать этому принципу. Но верно также и то, что он им злоупотреблял и что привычка пренебрегать силами и средствами противников была одной из главных причин его падения. Союз 1813 г. его убил, потому что он никогда не хотел убедиться в том, что коалиция может поддерживать дух единства в своих членах и упорствовать в достижении своих целей.

Во мнениях людей до сих пор существовало разногласие и, возможно, будет существовать всегда по вопросу, заслуживает ли Наполеон в действительности имя великого человека. Невозможно отрицать черты величия в том, кто, выйдя из неизвестности, смог в течение немногих лет стать самым сильным и самым могущественным из современников. Но сила, могущество, превосходство — понятия более или менее относительные. Чтобы точно оценить степень гениальности человека, которая потребовалась ему, чтобы покорить свой век, надо знать меру этого века. Такова исходная точка, из которой вытекает основное разногласие в мнениях о Наполеоне. Если эра Французской революции была, как думают ее поклонники, наиболее блестящей, наиболее славной эпохой современной истории, то Наполеон, который сумел занять в ней первое место и сохранить его в течение 15 лет, был, вне всякого сомнения, одним из самых великих людей, которые когда-либо являлись. Если же, напротив, ему предстояло лишь, подобно метеору, подняться над туманами всеобщего распада, если он находил вокруг себя лишь развалины общества, подточенного крайностями ложной цивилизации, если ему предстояло лишь сломить сопротивление, расслабленное всеобщей усталостью, бессильное соперничество, низкие страсти; если перед ним стояли как внутри страны, так и вне ее враги, разъединенные и парализованные раздорами, то не-

сомненно, что блеск его успехов уменьшается соразмерно с той легкостью, с какой он их достиг. И так как мы придерживаемся именно последнего взгляда на положение вещей, то, всецело признавая все, что было необыкновенного и поражающего в карьере Наполеона, мы далеки от риска преувеличивать идею его величия.

Обширное здание, построенное им, было исключительно делом его рук, и сам он был в нем краеугольным камнем. Но эта гигантская постройка, в сущности, лишена была основания; материал, пошедший на нее, был составлен из обломков других зданий, из которых одни уже подгнили, другие же с самого начала не отличались прочностью. Краеугольный камень был вынут, и все здание обратилось в развалины от вершины до основания.

Такова в немногих словах история Французской империи. Задуманная и созданная Наполеоном, она лишь в нем существовала; вместе с ним она должна была погибнуть.

(Меттерних)

АЛЕКСАНДР I

Нарисовать точный портрет Александра I — задача нелегкая. Лучшую характеристику его дал Наполеон.

Как-то, в разговоре со мной в 1810 г., он спросил меня, близко ли я знаком с Александром. Я ответил ему, что мне приходилось встречаться с императором только в его бытность в Берлине.

«Возможно,— сказал мне на это Наполеон,— что судьба Вас и еще раз поставит на его пути».

В императоре Александре есть большая сила очарования, которую испытывает всякий при встрече с ним. Если бы я сам был способен отдаться непосредственно личным впечатлениям, то я привязался бы к нему от всей души, но наряду с его высоким интеллектом и умением очаровывать всех окружающих в нем есть еще что-то, чего я даже не сумею точно определить. Поясняя свою мысль, я мог бы еще сказать, что это «что-то» заключалось в том, что во всем и всегда ему не хватало чего-нибудь. Страннее всего то, что вы никогда не могли бы заранее определить, чего ему не хватит в дан-

ный определенный момент, так как это «что-то» всегда являлось новым, не ожидаемым и противоречивым.

Предсказание Наполеона, предвидевшего, в силу тогдашних событий, возможность новой встречи моей с Александром, было пророческим, хотя он и не подозревал, что это произойдет так скоро.

Три года спустя нас судьба столкнула настолько близко с императором, что виделись мы ежедневно. Продолжалось это тринадцать лет, постоянно менялось и переходило от самого искреннего расположения к более или менее заметному охлаждению, доходило иногда до ссор — и тайных, и открытых.

Каждая переживаемая нами фаза только лишний раз давала мне повод убедиться в правильности данной царю Наполеоном характеристики.

Со своей стороны, долгое личное общение с Александром I, странно неровное и полное неожиданностей, дало и самому мне возможность яснее определить его личность.

Мне кажется, что самой удачной формулой определения характера Александра была бы следующая: в характере Александра странно уживались мужские достоинства с чисто женскими слабостями. Александр был, без сомнения, умен, но ум его, тонкий и острый, был, положительно, лишен глубины. Он одинаково безгранично увлекался ложными теориями и потом сомневался в них. Все его решения всегда были приняты под давлением и влиянием приятных для него идей. Сами идеи эти зарождались в его мозгу точно по вдохновению, и он ухватывался за них с невероятным жаром. Влияние такой блеснувшей неожиданной мысли шло быстро crescendo и, наконец, доминировало над всем остальным. Это было на руку истинным авторам внушенной царю идеи и давало им полную возможность осуществить свои личные планы.

Подобные идеи в глазах Александра быстро принимали размеры целых систем, но так как у него быстро все менялось и его мысль была невероятно подвижна, то эти системы не сталкивались в его мозгу, а просто чередовались. Отдаваясь всей душой данному направлению, он, сам не замечая этого, переходил от одной промежуточной ступени к другой и доходил, наконец, до чего-то совершенно противоположно-

го, причем от прежнего увлечения у него оставалось только воспоминание о данных в этот период обязательствах.

Все это порождало массу затруднений, иногда почти не устранимых. Этой особенностью характера царя можно объяснить его иногда совершенно непонятные увлечения людьми и вещами, противоположными друг другу. Из всего сказанного и вытекает полная невозможность для простого наблюдателя, незнакомого с настоящей причиной этих странностей, верно оценить и понять многие его поступки.

Жизнь Александра прошла, постоянно колеблясь между слепыми иллюзиями и следующим за ними вечным разочарованием. Его увлечения бывали искренни, без принудительных причин, от всей души, и, странное дело, они возобновлялись с периодической правильностью. Дальше я постараюсь подтвердить свое положение более ясными доказательствами.

Александр был человеком слова и легко подписывался под данными обязательствами, каково бы ни было потом направление его мыслей; он очень ловко старался избегать того, что могло толкнуть его не по намеченному пути, но так как мысль его принимала быстро форму системы и вечно меняла направление, то уважение к данному им слову его страшно стесняло, ставило его в неловкое и тягостное положение и вредило общественному делу.

Многие современники упрекали Александра в огромном честолюбии — напрасно. В его характере не хватило бы сил для настоящего честолюбия, как не хватало и слабости оставаться в границах простого тщеславия. Он действовал только по убеждению, а если иногда и предъявлял какие-нибудь претензии вообще, то рассчитывая гораздо больше на успех светского человека, чем властителя.

Юность Александра связана с эпохой, равной которой нет в летописях России. В царствование Екатерины он был свидетелем и участником блестящего периода царствования деспотизма, а при Павле он сам жил под гнетом самого низкого подлого деспотизма, не разбирающегося при выборе даже своих средств. Нужно знать положение России за два последних царствования, чтобы легко понять, что не в их прошлом было царю искать хорошего примера и доброго совета. Первоначальное образование Александра было поручено

Лагарпу. Нет ничего удивительного в том, что ученик такого учителя долгое время находился под влиянием совершенно ложных учений о либерализме и филантропии. Странная смесь идей либерального наставника с тогдашними начинаниями русского правительства не могла не внушить самому Александру такие же ложные суждения и представления о правильности его собственных поступков. Все это завело его очень далеко, за ту черту, где личная опытность могла бы ему прийти на помощь.

Метод образования Лагарпа гораздо сильнее способствовал усвоению его учеником бессмысленно ложных в смысле их применения к жизни принципов, чем положительных знаний. Конечно, он определенно знал, что империя, которой придется в будущем управлять его ученику, далеко еще недостаточно цивилизована для восприятия его идей, и потому главным образом он старался просто создать для себя достаточно сильный рычаг, при помощи которого он мог бы осуществить свои личные планы в других более подготовленных государствах, как, например, на своей родине — Швейцарии.

При таком положении Александру казалось, что роль либерального правителя обеспечивает за ним прочную славу, легко достижимую для монарха, которому не угрожала опасность со стороны либеральных партий, страшных вообще для других тронов и правительственных учреждений Западной Европы.

У Александра были самые простые вкусы, холодный темперамент и наклонности, которые я бы назвал просто мещанскими; при этом он был кроток и покорен, и это не могло не внушать его советникам желания воспользоваться своим влиянием.

Мне долго пришлось быть около Александра. И это дало мне полную возможность изучить его нравственный облик и систему его политической работы; я мог легко проследить то, что выше я назвал «периодическими» эволюциями его мысли. На каждый таковой период приходилось, приблизительно, пять лет. И вот итог моих наблюдений.

Александр, увлекаясь какой-нибудь идеей, отдавался ей всецело. Приблизительно два года она развивалась в его мозгу, вырастала, и уже ему казалось, что это целая, законченная система. На третий год он еще оставался ей верен,

привязывался к ней и внимал с благоговением всякому, кто покровительствовал ей, но он сам никогда не знал истинной ценности и не взвешивал могущих произойти от этого пагубных последствий; об этом он просто не думал. Когда наступал четвертый год существования его системы, видя последствия ее, Александр вдруг прозревал; пятый год — это уже была бесформенная смесь оставленной прежней системы и начала новой, зарождающейся в его мозгу, и часто новая идея была как раз противоположной только что оставленной.

В подтверждение моих замечаний я приведу несколько исторических фактов.

Мои отношения к императору Александру начались со времени моей миссии в Берлине в 1805 г. В то время он был либерален в самом широком значении этого слова. Он был ярым противником Наполеона, презирал в нем деспота и ненавидел завоевателя. В 1807 г. произошла радикальная перемена в его взглядах, а в 1812 г. опять наступила новая фаза.

Если бы Наполеон и не воевал с Россией, это не повлияло бы на отношения к нему Александра. Его прежние тенденции к филантропии и либерализму не только снова завладели им всецело, но еще и обострились благодаря тогдашнему общественному течению мыслей. В 1814 г. это достигло кульминационного пункта, а в 1815-м уже вступал в свои права религиозный мистицизм. В 1817 г. и это направление сошло на нет, и в 1818 г., в Ахене, царь уже был ярым поборником монархии и консерватизма и определенным врагом всего революционного; и он был уже готов снова вернуться к мистицизму. До 1823 г. все оставалось по-старому. В этот момент сказались те затруднения, которые наделали его же собственные советчики в греческом вопросе. Это давало царю полную возможность самому убедиться, как успешно и быстро акклиматизировались и двинулись вперед революционные принципы, которые он сам когда-то в своем безумном ослеплении распространял в России.

Все тяжелое, что пришлось государю перенести по этому поводу, и подорвало его жизненную энергию и волю. С этих пор он начал уставать от жизни. В конце 1822 г., в бытность свою в Вероне, он говорил императору Францу о предчувствии своей близкой смерти. Действительно, болезнь его ухуд-

шилась, и в 1825 г. Александр умер от полной апатии к жизни. Одной из причин, сократившей дни императора, были, без сомнения, бесконечно тягостные непосильные думы о предстоящем грозном процессе над участниками заговора, главным виновником которого мог считать с полным правом себя он сам. Описывая личность этого необыкновенного государя, о котором человечеству судить здраво будет трудно, мне кажется, я могу дать разгадку многим аномалиям, которые иначе так и остались бы непонятными. Все постоянство, на которое был способен Александр, выразилось в чувстве, которое он питал к императору австрийскому. Подробности их взаимных отношений, о которых я упомяну, тоже явятся дополнением к характеристике Александра и прольют свет на его отношение ко мне.

В первый раз оба императора встретились осенью 1805 г. во время военных действий в Моравии. Все неудачи, как следствие расположения войск и заранее составленного австрийскими генералами плана кампании, превратились, благодаря еще ошибкам русских генералов, в непоправимые бедствия. Русский император был молод, не имел никакого военного опыта; он охотнее прислушивался к честолюбивым и несбыточным фантазиям, чем к холодным и практическим советам своего союзника, императора Франца. К сожалению, все то, что этот государь предсказал своему союзнику, осуществилось одно за другим. Это послужило первой и главной причиной того бесконечного доверия, которое внушал императору его друг.

Дальнейшие политические события часто мешали Его Императорскому Величеству высказывать эти чувства, но в сущности он навсегда оставался им верен. События 1814 и 1815 гг. сблизили обоих императоров настолько, что их взаимоотношения длились долго, без перерыва, много лет; это была настоящая хорошая дружба. Привязанность, которая могла выдержать столько испытаний, которую не поколебали ни крупные политические интересы, ни даже, как это ни странно, полнейшая противоположность характеров обоих друзей, кажется загадкой, разрешить которую можно только, изучив характеры обоих государей.

Ценные и столь положительные качества императора Франца Иосифа, его спокойствие, справедливость, точность

и определенность суждения, та ровность душевных переживаний, никогда не изменявшая ему,— все это невольно внушало русскому императору чисто сыновнюю привязанность к нему. Впоследствии это чувство еще усилилось благодаря известной доле мистицизма, столь характерного для Александра: царь считал своего друга монархом по воле Господа, видел в нем представителя Божественной воли и премудрости. Он преклонялся перед ним. Часто императору Францу приходилось настойчиво бороться с личными желаниями Александра, и в таких случаях достаточно было ему высказать свою мысль и свой взгляд, чтобы остановить какое-нибудь решение Александра, совсем изменить его или умерить в основных чертах. Дружба царя к австрийскому императору имела наибольшее влияние на него до конца его дней.

В частной жизни у Александра были самые простые вкусы, отличавшиеся, правда, большим изяществом. Он мало занимался наукой, и я никогда не замечал в нем интереса к какому-нибудь позитивному знанию. Среди изящных искусств его интересовала только архитектура. Близорукость и недостаток слуха мешали ему культивировать другие искусства, интерес к которым возможен только при наличности этих данных. Он любил кабинетную работу настолько, насколько она затрагивала вопросы политики и мистицизма. Его определенно не тянуло к делам просто административным, и если ему приходилось заниматься ими, то он всегда действовал под давлением какой-нибудь одной из политических теорий, которыми он, по странности своего характера, был всегда увлечен.

История административной работы в его царствование ясно свидетельствует, как сильны и пагубны бывали такого рода давления.

К этим главным чертам характера государя я еще сделаю некоторые пояснительные добавления на основании моего личного знакомства с ним. Это будет нелишним и как характеристика переживаемого тогда времени, и как подтверждение сделанных мной наблюдений над государем.

Прежде всего я должен сказать, что трудно себе представить, насколько разнились вообще вкусы Александра с направлением моих взглядов. Наши вкусы совершенно не сходились — кроме разве в выборе наших общественных свя-

зей — и весьма вероятно, что, не будь огромного общего интереса в разрешении некоторых вопросов, который нас сближал, ничто не могло бы столкнуть нас друг с другом и создать такие прочные и даже дружеские отношения. Я уже говорил выше, что я с Александром впервые встретился в Берлине в 1805 г. Александр приехал туда личным поборником и представителем австрийско-русского союза. Два человека, явившиеся защищать одно общее дело, невольно сходятся, какова бы ни была разница их положений.

Император любил разбираться и обсуждать важные политические вопросы и быть, таким образом, как он сам любил выражаться, министром у самого себя. С тех пор началось наше личное знакомство, перешедшее в тесную дружбу. В конце того же года был заключен мир между Австрией и Францией. Когда граф Стадион, бывший тогда посланником в С.-Петербурге, получал портфель министра иностранных дел, Александр пожелал, чтоб я занял место графа. По странному сцеплению обстоятельств меня в то же время назначили посланником во Францию. Когда, семь лет спустя, я встретился с Александром на богемской границе, то он явно держал себя со мной холоднее. Казалось, что государь со свойственной ему мягкостью хотел подчеркнуть и упрекнуть меня в моем вероломстве.

Когда заключен был союз — тучи рассеялись, но наши личные отношения возобновились только после неудачи, постигшей союзников под Дрезденом, в первую половину войны. Может быть, возобновлению нашей дружбы невольно помогли мои ничем не увенчавшиеся старания, сообразно желаниям императора Франца и фельдмаршала Шварценберга, помешать этой операции. Может быть, Александр оценил мою искренность при переговорах, шедших по этому вопросу, и верность выраженных мной опасений, но факт тот, что лед был сломан.

Несмотря на полнейшую противоположность наших взглядов по многим вопросам, несмотря на могущие произойти от этого конфликты, мы встречались с государем каждый день во время кампании 1813 и 1814 гг., и ничто не нарушало установившейся между нами близости.

Редко можно было встретить между монархом большой империи и главой кабинета другой такой же империи такие отношения, как были наши.

Все время, пока тянулась война, я каждый вечер проводил в обществе государя. С 8 или 9 часов вечера мы до двенадцати ночи беседовали друг с другом с глазу на глаз. Мы затрагивали самые разнообразные темы: вопросы обыденной жизни, вопросы морали и политики, события дня. Мы обменивались мыслями, нисколько не стесняясь, и именно полная свобода придавала необыкновенную прелесть нашему общению.

Я никогда не скрывал правды от Александра, касалось ли это его личного или какого-либо принципиального вопроса. Мне постоянно приходилось с ним спорить по поводу его фантастических идей, которые он горячо защищал. Наши споры часто обострялись,— примером чему может послужить наше пребывание в Лангре, но это не мешало нашей дружбе, которая оставалась так же искренна и правдива, как и раньше.

Когда мы были в Париже в 1814 г., нам, например, приходилось очень часто спорить о том, какой политики должен был держаться Людовик XVIII. Тогда государь был еще либерален, и наши взгляды на возможность упрочения мира во Франции под скипетром Бурбонов были диаметрально противоположны. После подписания в Париже мира я уехал в Англию одновременно с королем прусским и Александром I. Наши отношения и там не изменились. Там часто меня ставили в очень неловкое положение недоразумения, возникавшие между Александром и тогдашним принцем-регентом Георгом IV. Я был в прекрасных отношениях с обоими, но, зная их постоянные стычки друг с другом, должен был лавировать между ними и мешать их взаимному недовольству перейти в открытую ссору. По правде сказать, виноватым почти всегда оказывался Александр, которого возбуждала постоянно Великая княгиня Екатерина.

Она приехала в Великобританию за несколько недель до брата, и тогдашнее ее поведение, женщины, по существу, весьма достойной, так и осталось для меня загадкой.

Одной из главных причин ее приезда в Англию надо считать ее непременное желание расстроить брак принца Оран-

ского с будущей наследницей Англии и посадить на трон Голландии свою собственную сестру, но и эта, кстати сказать, удавшаяся ей причина вряд ли может служить оправданием странности ее поведения и настроения, влиявших и на Александра.

По этому поводу мне невольно вспоминается почти анекдотический случай с Александром, характеризующий его личность и странность его иногда просто необъяснимых поступков. Его Величество любил польстить видным представителям английской оппозиции. Как-то раз государь попросил лорда Грея составить ему проект созидания оппозиции в России. После аудиенции лорд Грей обратился ко мне за разъяснением по поводу сказанного Александром, что показалось ему неясным и непрактичным. «Разве царь,— спросил Грей,— собирается ввести в России парламент? Если да,— чего, конечно, я ему не посоветовал бы,— то вряд ли ему придется тогда заботиться об оппозиции, она и так будет».

Венский конгресс опять изменил наши отношения друг к другу.

При образовании нового царства Польского под скипетром России в него должна была войти вся территория бывшего герцогства Варшавского, причем одновременно королевство Саксонское переходило в руки Пруссии. Это было решено еще во время переговоров при Калише Александром и Фридрихом Вильгельмом. Мы знали о решении, но присоединение Саксонии к Пруссии затрагивало неизменные принципы императора австрийского и могло вызвать нежелательный конфликт между союзными державами и Пруссией. С самого начала возникновения этого плана император австрийский решил энергично восстать против него, но отложил его до заключения мира с Францией, желая отдать его на суд конгресса, миссией которого было восстановление не одного государства, а многих.

Этот важный инцидент внес некоторый разлад между дворами. Никто не решался заговорить первым. Так прошло несколько недель. Конгресс открылся, а вопроса этого никто еще не затронул. Александр I заговорил о нем с лордом Кэстльри. От лорда Кэстльри узнал уже и я. Я ему категорически заявил, что претензии России и Пруссии неприемлемы. Несколько дней спустя Александр сам заговорил со мной об

этом. Он был видимо смущен. Услыхав мой решительный ответ, он на исполнении намеченного проекта настаивал очень слабо и в конце предложил мне объясниться по этому вопросу лично с канцлером Пруссии. В тот же день мне сделал устное сообщение о том же и князь Гарденберг, подтвердивший его нотой.

Мой ответ письменный был равен устному. Я Гарденбергу ответил то же, что и Александру. Князь, видя свои планы разрушенными, был очень недоволен. Он вообще был человек раздражительный, и, кроме того, ему мешала его природная глухота; он, верно, не совсем расслышал и понял мои слова; узнав же, что Александр защищал их проект не особенно горячо, и, понимая, что благодаря этому планы их могут рухнуть; он решил прямо обратиться к Александру, взывая к его совести. Возможно, что царь мог счесть себя обиженным неправильным истолкованием слов.

Этот случай вызвал государя на очень странный с его стороны поступок. На следующий день после моего объяснения с прусским канцлером меня вызвал к себе рано утром мой государь, чтобы передать мне, что у него только что был Александр. В первом разговоре он объявил императору Францу, что считает себя мной лично обиженным и потому желает вызвать меня на дуэль. Император пытался ему доказать всю необычность такого намерения, но, видя тщетность своих слов, сказал, что если он остается при своем мнении, то, конечно, я готов буду принять вызов, против которого восстанет, конечно, мой разум, но от которого не позволит отказаться честь. Кроме того, император настоял еще на том, что прежде чем формально присылать мне вызов, Александр пришлет ко мне третье лицо для личных переговоров, и Александр на это согласился.

Я на это ответил Его Императорскому Величеству, что буду спокойно ждать дальнейших действий со стороны русского царя. Не успел я вернуться, как мне доложили о приезде одного из адъютантов Александра, графа Озаровского, с поручением от государя передать мне, что Его Величество требует, чтобы я сказал прусскому канцлеру, что я передал ему мой разговор с государем неправильно. Я попросил его, со своей стороны, передать Его Величеству, что я никогда не возьму назад ни одного слова, если я уверен в правоте его,

но если граф Гарденберг понял мои слова не так, как я этого желал, и передал их не совсем точно, то, конечно, я готов исправить происшедшее. Озаровский уехал. Вскоре после этого государь прислал сказать мне, что не будет на балу, на который я пригласил всех государей и всех членов конгресса. В тот же день, при встрече с русскими министрами, я передал обо всем графу Нессельроде. У него еще не было никаких инструкций по этому поводу.

Конференции не прекращались, все шло своим чередом, как будто ничего не случилось, и закончилось тем, что король саксонский получил половину своих владений.

Этот странный инцидент не нарушил ни с какой стороны важных совещаний, происходивших при конгрессе, и даже не подействовал на прекрасные отношения, царившие между императорскими дворами; но не так просто было с нашими личными отношениями.

Любя выезжать вообще, Александр особенно охотно посещал некоторые интимные кружки, где бывал и я. Мы встречались почти ежедневно и делали вид, что не замечаем друг друга. Скоро для посторонних наблюдателей, посещавших в то время салоны Вены, странность нашего поведения даже перестала бросаться в глаза — все привыкли к этому положению. Члены императорской фамилии бывали у меня, на моих вечерах, и только один Александр отсутствовал. Окружающие как-то незаметно привыкли к мысли, что царь на меня дуется, а так как дела от этого не страдали, то даже любопытство дипломатических кругов, сначала насторожившихся, и то пропало за неимением пищи. Часто мне приходилось выслушивать косвенные намеки на то, что мне бы следовало сделать первый шаг к примирению, но я решил предоставить все это времени.

И на самом деле, ссора наша тянулась до тех пор, пока случай огромной важности не перевернул всех событий Европы вверх дном.

Известие об отъезде Наполеона с острова Эльба я получил 6 марта в 6 часов утра с нарочным, посланным из Генуи. В донесении заключалось только известие о факте. Я сейчас же направился к своему государю, а он приказал мне немедленно сообщить эту новость Александру и королю прусскому. Я уже три месяца не бывал у русского государя. Меня

приняли тотчас же. Я передал о случившемся и доложил о том, что поручил мне передать мой государь. Александр высказался очень спокойно, с большим достоинством в том смысле, что и его августейший союзник, так что нам не пришлось долго обсуждать вопрос о дальнейших планах действий. Решение было быстрое и категорическое.

Когда вопрос был решен, государь вдруг обратился ко мне и сказал: «Нам ведь предстоит еще разобрать нашу личную ссору. Оба мы христиане, а наша святая вера приказывает нам забывать все обиды. Обнимемся и забудем все».

На это я возразил, что мне прощать было нечего, но забыть придется многое, и очень тяжелое для меня, а так как сам государь в таком же положении, как и я, то я прощения просить не буду, а просто предложу все забыть. Александр обнял меня и просил меня вернуть ему мою дружбу.

Потом мы часто встречались, но ни разу не было сделано намека на нашу бывшую размолвку, и все пошло по-старому. Весь 1815 г. мы были так же близки, как и раньше, и встреча наша в Ахене была очень дружеская.

Я хочу еще упомянуть о случае, происшедшем в 1822 г., который, пожалуй, лучше других поможет пролить свет на характеристику Александра.

Недель через шесть после Веронского конгресса явился я как-то вечером к нему для переговоров по текущим делам. Он казался очень взволнованным, и я справился о причине. «Я чувствую себя очень странно,— сказал государь,— мне необходимо переговорить с Вами об одном, по-моему, очень важном вопросе, и я положительно не знаю, как к этому приступить». На это я ему возразил, что прекрасно допускаю возможность с его стороны волноваться каким-нибудь вопросом, но не могу себе представить, как он может затрудняться говорить со мной о нем.

«Дело в том, что это не касается никаких обычных вопросов повседневной политики, а только нас лично, и я боюсь, что Вы не вполне ясно поймете мою мысль».

Только после долгих усилий государь сказал мне следующие, памятные для меня слова: «Нас хотят разлучить, хотят разбить то, что связывает нас, а я считаю эти узы священными, потому что они во имя общего блага. Вы ищете мира для вселенной, а у меня нет большего желания, как поддержать

его. Враги европейского мира не ошибаются и прекрасно понимают всю силу сопротивления, которую может оказать наш союз их хитрым планам, и им хочется уничтожить это препятствие во что бы то ни стало. Они отлично понимают, что прямыми путями этого не достигнут, и потому пользуются путями окольными. Меня упрекают в том, что я перестал быть самостоятельным и во всем слушаюсь только Вас».

Я горячо отвечал Александру, что все, что он имел честь сообщить мне, не было для меня новостью и что я, не задумываясь ни минуты, отвечу на лестно высказанное мне им доверие признанием, что я принужден подтвердить все только что им сказанное. «Вас, Ваше Величество, упрекают в том, что Вы слишком доверяете моим советам, а меня — в том, что я изменяю интересам моей родины ради Вас. Эти обвинения равносильны. Ваша совесть так же чиста, как и моя. Мы служим одной общей идее, одинаково ценной как для России, так и для Австрии, и для всего человечества. Я уже давно служу мишенью для многих партий, и только союз таких двух держав, как наши, еще может сдержать могущую произойти общую неурядицу. Но, с другой стороны, Вы могли бы заметить, принимая во внимание мою почти исключительную сдержанность в личных отношениях, какое огромное значение я придаю нашей дальнейшей дружбе. А Вы, Ваше Величество, Вы бы желали, чтобы я изменил свое поведение?» — «Вот, вот, я этого и ждал,— прервал меня государь,— если мне и трудно было начать с Вами этот разговор и признаться в своих затруднениях, то я сам давно решил не обращать на это никакого внимания и боялся только одного, как бы Вы сами не пали духом».

Мы долго еще с ним после этого говорили о политике одной из существовавших тогда партий, имевшей многих единомышленников в России, даже среди приближенных императора. По окончании разговора я дал слово Александру не поддаваться клевете и не изменять нашей тесной дружбе; при этом Александр потребовал от меня еще, чтобы и я с него взял слово, что и он никогда не отнимет своего доверия ко мне. А тогда, в самом деле, партия движения, несколько честолюбцев и вся масса придворных рассчитывали, что благодаря этим толкам порвется связь между обоими императорами и их кабинетами.

Эти лица, соединившись под знаменем либеральных течений, действовали под давлением новых идей и не замечали, увлеченные своим слепым тщеславием, что стоят во главе и ведут все дело не они, а другие, которым сами они служат послушным орудием.

Союз, имевший целью способствовать настоящей политической свободе, руководившийся принципами действительной независимости всякого государства, союз, мечтавший об общем мире, желавший предотвратить всякую попытку к завоеваниям и устранить всякую причину какого бы то ни было волнения,— такой союз вряд ли мог бы найти искренних адептов в среде софистов и людей больного честолюбия.

Эти-то люди и вызвали позже мятеж в Греции. По расчетам агитаторов, этот инцидент должен был послужить причиной разлада между Россией и Австрией, и главным образом между их дворами. Их расчет был верен, но все это вылилось в такую форму, которой, конечно, не могли предвидеть главари этого дела. Александр, так великолепно игравший в революционера у себя на родине, тут не выдержал борьбы ни в нравственном, ни в физическом отношении. Император Александр умер от полного отвращения к жизни. Он разочаровался во всех своих надеждах, планах и иллюзиях. Он знал, что должен нанести удар целому классу своих подданных, завлеченных и погубленных его же креатурами и принципами, которым сам же он раньше протежировал. И он не выдержал. Душа его рухнула, если можно так выразиться. События, омрачившие начало царствования его преемника, дают нам яркое понятие о той мучительной мозговой работе и колоссальных заботах, отравивших последние минуты жизни императора.

Историку, задавшемуся целью дать правильную и точную характеристику Александра, это будет очень трудно. Слишком часто ему придется блуждать взглядами по вопиющим противоречиям, и ум его с трудом найдет твердую точку опоры, столь необходимую для человека, призванного к благородной миссии историка.

И мысль, и сердце этого монарха колебались между столь различными моральными движениями, что при довольно сильном характере государь никогда не мог достигнуть равновесия.

Каждый отдельный период его жизни ознаменовывался серьезными ошибками, которые грозили опасностью общественным интересам.

Александр весь отдавался захватившему его моменту и никогда не мог остаться ему верен, потому же и никогда не испытал ни минуты истинного покоя. У него была масса достоинств, благороднейших чувств, он был рабом данного слова, но наряду со всем этим у него были крупные недостатки.

Будь он простым смертным, он остался бы, может быть, совсем незамеченным, но так как волей судеб ему предназначен был трон, то все и произошло иначе. Если бы ему пришлось управлять не Россией, а другим государством, то его недостатки могли бы быть незаметными, но тогда и достоинства были бы не так ярки.

Александру трудно было без руководителя. Кто-нибудь должен был всегда направлять его душу и мысль. И если всякому монарху трудно найти действительно бескорыстного человека, независимого по характеру и положению настолько, что его можно сделать своим другом, то русскому императору благодаря его неблагоприятному, более чем какого-либо другого монарха, положению это редкое счастье было почти невозможно.

Надо помнить, что в переживаемое им время всем властителям Европы приходилось разбираться в бесконечном количестве сложных затруднений, и если все это касалось других, то Александра больше всех.

Первые всходы насажденной неправильно цивилизации на всем огромном пространстве Российской империи поднялись еще до него, под гнетом деспотизма в империи, где не было ни одного правильно организованного правового института и где вся огромная масса народа тонула в беспросветной тьме.

Еще Павел I хотел уничтожить эти всходы. Александру пришлось царствовать после Павла. Он был воспитан под эгидой известных тогда революционеров, сумевших удержать свое влияние и на молодого монарха. У Александра не было опытности, и, желая сделать только добро, он сделал много зла. Он ошибался, а когда понял свои ошибки, это свело его в могилу.

Его душу, испытавшую столько метаний, нельзя, конечно, назвать сильной — она была только мягкая и нежная.

(Меттерних)

В ГЕРМАНИИ

Наш поход казался нам блестящей и приятной военной прогулкой. Добродушное, терпеливое, флегматичное, культурное население, подчиненное военному режиму, всюду принимало нас ласково; и несмотря на свое утомление слишком частыми визитами французской армии, оно не потеряло ни своего обычного гостеприимства, ни своего природного добродушия.

Подчиненные деятельно помогали своему начальству. Так поддерживается равновесие между высшими и низшими чинами нашей армии. Благородная дисциплинированность наших войск увеличивает почтение, внимательность и восхищение населения, среди которого мы останавливаемся на отдых.

На этом походе царит радость и веселье; итальянским войскам присуще в высшей мере самолюбие, рождающее чувство собственного достоинства, соревнование и храбрость. Не зная, куда их ведут, солдаты знают зато, что идут они в защиту справедливости; им даже неинтересно разузнавать, куда именно их отправляют.

Правда, у нас, как и во всех армиях, есть люди неразумные и необразованные, которые на все взирают невежественным и недоверчивым оком и делят мир на две половины: счастливую, где растет виноградная лоза, и совсем безрадостную, где нельзя получить вина. Слыша в начале каждой войны, что они должны нанести последний удар колеблющемуся могуществу Англии, солдаты, в конце концов, смешали с Англией все существующие державы. Они судят о расстоянии, которое их от нее отделяет, по числу переходов, которые уже несколько лет они совершают с одного конца Европы на другой, и все же никак не могут добраться до цели всех своих усилий — до этой пресловутой страны, которая беспрестанно от них ускользает. Одни, своими безыскусными и грубоватыми рассказами, своим философским и воинственным видом, приучают других к стоицизму, учат презирать страдания, лишения, саму смерть: они не знают другого божества, кроме своего повелителя, другого разума, кроме силы, другой страсти, кроме стремления к славе.

Другие — этих больше всего — не имея той грубости, которая не подходит к пахарю, сделавшемуся солдатом, столь

же добродушны, но поразвитее и пускают в ход патриотизм, жажду славы. И все это уравнивает дисциплина, пассивное повиновение — первая солдатская добродетель.

Новобранцы загрубевают, пройдя ряд различных бивақов: постоянные марши дают им военный пыл и осанку.

Ветераны своими военными рассказами подстрекают новичков; частым преувеличением своих подвигов они ставят себя в необходимость подтвердить своим поведением те свои рассказы, которые нашли доверчивых слушателей.

Соревнование наше еще больше возбуждается, когда мы узнаем о славных подвигах наших товарищей по оружию в Испании, и каждый из нас тревожно ожидает, когда же наступит момент, и мы сравняемся с ними, а то и превзойдем их. Да и полки, которые мы встречаем по дороге, не менее электризуют нас рассказами о геройских подвигах в последних походах. При таких разнообразных ощущениях, при постоянной перемене места, среды, при ежедневных новых предметах для разговора приятно совершить поход.

Но какова же цель нашей прогулки? Ничего об этом не знаю. Дипломаты окружают себя такой таинственностью, что как в Баварии, так и здесь, на границах Силезии, мы не можем сказать, с кем придется сражаться. Солдаты живут весело, нимало не думая о том, будут ли они воевать с Россией или Персией,— есть между нами и такие, которые считают целью экспедиции Персию или Ост-Индию.

(Ложье)

* * *

Плоцк. 4 июня. Большой парад в присутствии вице-короля на главной городской площади...

Принц убеждал нас особенно заботливо и тщательно поддерживать порядок.

«Беспорядки,— сказал он нам,— помрачат добрый характер солдата; мало того, они лишь отвратят от нас жителей, которые должны помогать нам в нашем предприятии. До сих пор я не могу нахвалиться своими войсками, и недавно еще император, говоря мне о мало похвальном поведении других полков, в лестных выражениях расхвалил мне корпус, которым я командую. Старайтесь по-прежнему заслужить уважение и его, и Европы, которая вся смотрит на нас».

А между тем хоть провиант у нас в изобилии, но фуража совершенно нет. Кавалеристы, чтобы прокормить своих лошадей, видят себя вынужденными срезать рожь еще зеленую и срывать снопы соломы с крыш домов. Жители бегут толпами жаловаться на эти насилия: но как удовлетворить их?

Но скоро эти бедствия умножаются. Среди самых лучших войск попадаются солдаты, недостойные этого наименования, столкнувшиеся с бродягами, которые, прикрываясь званием прислуги или маркитантов, сопровождают армии с единственным намерением красть, пользуясь удалением начальства для того, чтобы с угрозами грабить жителей,— нападения и грабежи, в которых не преминут обвинять всю армию.

Некоторые чиновники не стыдятся брать взятки под предлогом освободить семью от реквизиции, потом, немного спустя — случайно или умышленно, является другой чиновник, который отнимает у этих несчастных то, что они уже откупили своими грошами.

Ограбленные таким образом жители в горе не видят никакой разницы и в раздражении усматривают теперь в каждом человеке нового грабителя. Отсюда пререкания, угрозы, жалобы, недовольство, ненависть, несогласие.

Слишком мягко относятся к этим следующим в хвосте армии мнимым слугам и спекулянтам. Трусливые в беде, дерзкие при удаче, они сеют ужас, обкрадывают и мучают несчастных жителей, укрываясь под сенью храбрецов, поливающих своей кровью ту самую землю, которую опустошают эти злодеи.

(Ложье)

* * *

24 июня. Прибыли в Кальварию. Никто не сомневался более в войне, но никакого официального приказа нам еще не было объявлено. Мы провели ночь в Кальварии, когда наутро прочтен приказ:

«Солдаты!

Вторая польская война началась. Первая окончилась Фридландом и Тильзитом.

В Тильзите Россия поклялась быть в вечной дружбе с Францией и воевать с Англией. Она нарушает теперь свои клятвы; она не желает более давать никакого объяснения

своего странного требования, чтобы французские орлы не переходили Рейна, оставляя тем самым наших союзников в ее распоряжении... Россия увлекаема роком, ее судьбы должны совершиться. Неужели она думает, что мы выродились? Разве мы уже не солдаты Аустерлица? Она ставит нас между бесчестьем и войной: выбор ясен. Итак, идем вперед, перейдем Неман и внесем войну на ее территорию. Вторая война польская будет столь же славной, как и первая, но мир, который мы заключим, принесет с собой и гарантию: он положит предел тому гибельному влиянию, которое уже 50 лет оказывает Россия на дела Европы.

Наполеон»

Как описать впечатление, произведенное на нас словами нашего вождя? Горделивый трепет волнует нас. Скольким победам предшествовали подобные слова! Как не считать и этих столь же пророческими?

Еще не будучи осведомлены о войне с Россией, мы думали, что цель нашего путешествия — поход в Азию! Теперь наше предположение приняло вид вероятия. Россия подчинится, уязвимое место Англии открыто. Наполеон не замедлит со своей местью; мы явимся туда, куда не проникала ни одна южная армия. Предшествуемые шумной славой наших побед, мы вступим в эту богатую и обширную страну, полную славных предков. Мы видим перед собой всеобщий мир, покорение вселенной, богатые и славные награды, чудесную героическую славу...

(Ложье)

* * *

Мы вступили в Польшу. С этого времени, благодаря отсутствию порядка в армии, начался ужаснейший грабеж. Солдаты не были уверены — получат ли они завтрашний день провиант, и потому старались повсюду запастись провизией...

Подходя к Инстербургу, мы встретили какой-то отряд, которому только что был произведен смотр. Он входил в город врассыпную, забирая у жителей все необходимое для ночлега с таким видом, как будто это была неприятельская страна...

(Пион де Лош)

НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА ЧЕРЕЗ НЕМАН

По огромной массе надвигавшихся за нами войск мы поняли, что скоро будет переправа; мы снова сделали остановку на несколько дней и получили странный приказ: всем полкам запастись на три недели фуражом и провиантом; в приказе было обозначено, как это сделать. И вот по деревням и дворам в места нашей стоянки и ближайших окрестностей отправлены были команды с офицерами во главе, с поручением вытребовать, забрать и привезти в свои полки все необходимое. Эти команды всюду натыкались на другие, отправленные с той же целью. Никто не принимал отказа, ибо никто не смел вернуться с пустыми руками, а потому происходил просто насильственный дележ добытого. Таким путем быстро опустошены были всякие припасы из амбаров, житниц, кладовых и печных труб. Где беспорядок, там солдат преступает границы дозволенного; вот почему при этой оказии попутно хватали и несъедобные вещи. Но как доставить все собранное в полки? Отпирали конюшни, впрягали вьючный скот, грузили фураж и провиант, прихватывали кстати убойный скот, привязывали его к телегам, и — марш, в полк! Этот приказ, столь быстро выполненный, до такой степени начисто обобрал жителей той местности, что они наверное со всей силой почувствовали войну еще до ее начала.

Отлично запасшись всем, мы направились к Неману, куда и прибыли 25 июня в полдень. Невероятное количество повозок следовало за нами. Мы стали лагерем у опушки прелестного леса близ небольшой деревушки; перед нами расстилались прекрасные луга и пашни, погода стояла в высшей степени приятная. Прибытие и передвижение многочисленных, все новых и новых отрядов всех национальностей и родов оружия, масса артиллерии и понтонных мостов,— все это превращало наш лагерь в интереснейшее зрелище, когда-либо виденное мной.

Больше всего поразили меня: огромный транспорт болтливых баб — на телегах, на конях и пешком; мне сказали, что их назначение — ухаживать за больными и ранеными в госпиталях; затем — не менее многочисленное шествие врачей, по большей части молодых людей, которые подвергались постоянным порицаниям и наставлениям со стороны своего на-

чальника — ветерана; наконец, необычайно рослые лошади при понтонных повозках, впряженные по три пары в каждую...

(Роос)

* * *

23 июня. Когда наши кавалеристы (6-го Польского уланского полка) еще отдыхали в своих биваках, на Кёнигсбергской дороге показалась быстро мчавшаяся почтовая карета, запряженная шестью рысаками, и сразу остановилась в самой середине нашего лагеря. Ее сопровождало лишь несколько гвардейских стрелков, запыхавшиеся лошади которых еле могли стоять от страшной усталости.

Дверца отворилась, и из кареты быстро вышел Наполеон в сопровождении герцога Невшательского: не было видно ни одного адъютанта, ни одного ординарца. Немного спустя прискакал верхом генерал Брюйер, один, без свиты. Наполеон был в своей форме гвардейского стрелка; он, по-видимому, очень устал от дороги, и черты лица его выражали заботу. К нему поспешили несколько офицеров, среди которых находился и я, а также майор нашего полка Сухорцевский. Наполеон быстро сделал несколько шагов к майору и спросил его, где находится командир полка. Сухорцевский, не смущаясь отсутствием полковника, который еще отдыхал, ответил, что замещает последнего и готов принять приказания императора. Тогда император спросил о дороге к Неману и осведомился, где находятся аванпосты. Он задал также и ряд других вопросов относительно положения русских войск. Продолжая задавать свои вопросы, он выразил желание переодеться в польскую форму: было условлено или, вернее, приказано не показывать русским ни одного французского военного. Он снял поэтому свою одежду, то же сделал и герцог Невшательский; их примеру последовали Сухорцевский, я и только что явившийся полковник Паговский, а также и генерал Брюйер, так что мы, в количестве пяти или шести человек, очутились в самом центре лагеря в одном нижнем белье, стоя вокруг императора и держа свою одежду в руках. Поляки предлагали свою форму французам. В общем получилась весьма оригинальная картина. Из всего нашего платья более всего подошли императору сюртук полковника Паговского и его полицейская шапка. Сначала На-

полеону предложили шапку уланского офицера, но он отказался от нее, сказав, что она слишком тяжела. Все это было делом лишь нескольких минут. Бертье также надел польскую форму. Немедленно привели лошадей полковника. На одну из них сел Наполеон, на другую — Бертье. Сопровождать императора и служить ему проводником был назначен лейтенант Урельский, рота которого несла караул в этот день на аванпостах. Они отправились в деревню Алексоту, которая находилась на расстоянии одной мили от отправного пункта и была расположена против Ковно, на пушечный выстрел от него. Император слез с лошади на дворе принадлежавшего одному врачу дома, окна которого выходили на Неман и из которого можно было легко обозреть окрестности. (За три дня до этого я сам снял с этого пункта план Ковно.) Отсюда Наполеон великолепно ознакомился с местностью; его самого при этом не могли увидеть, так как лошади были тщательно спрятаны во дворе. Закончив эту разведку, Наполеон возвратился в наш лагерь. Он захотел узнать детали позиций врага. Так как полковник сообщил ему, что я недавно производил рекогносцировку и потому хорошо знаю окрестности, то он задал мне ряд вопросов о том, существуют ли броды, которыми можно воспользоваться; о строении и особенностях местности, о расположении неприятеля. Особенно расспрашивал меня император о том, где находятся главные силы русских, на левом или на правом берегу Вилии. Он желал, без сомнения, знать, свободна ли дорога в Вильно, намереваясь идти с главными силами в этом направлении с целью завладеть операционным центром и отрезать неприятельские войска, которые были разбросаны по течению Немана.

По возвращении Наполеона мы заметили большую перемену в выражении его лица. У него был веселый вид и очень хорошее настроение,— несомненно, его удовлетворяла мысль о сюрпризе, который он готовил русским на завтра и результаты которого он заранее учел. Ему принесли поесть, и он закусывал среди нас на большой дороге; ему, по-видимому, нравилось переодевание, и он два раза спрашивал нас, хорошо ли идет ему польская форма. Позавтракав, он сказал нам, смеясь: «Теперь нужно отдать то, что нам не принадлежит». Затем он снял взятое им платье, надел снова форму гвардейского стрелка и, сев в сопровождении Бертье в эки-

паж, быстро уехал. В тот же самый день он посетил и другие пункты на Немане и выбрал место переправы через реку.

(Солтык)

* * *

Император слез с лошади на возвышениях Понемуни и сам распоряжался организацией переправы. 13-й полк легкой пехоты имел честь первым высадиться на правом берегу. Переправа производилась на двух или трех лодках, на которых последовательно перевезли несколько отрядов. Я сел на одну из первых лодок, так как император дал мне специально поручение занять деревню, расположенную как раз против места переправы, собрать сведения и привести ему нескольких жителей. Я таким образом имел случай присутствовать при первых проявлениях враждебных действий, которые начались довольно странным образом.

По мере того, как наши пехотинцы высаживались на берег, они ложились на песок, прячась за небольшим возвышением, которое образовал берег. Глубокая темнота, благоприятствуя нашим действиям, оставляла нас все же в неизвестности относительно того, имеем ли мы или нет перед собой неприятельскую армию. Нигде не показывалось, насколько можно было видеть, ни одного патруля, ни одного конного разъезда.

Только после того как на правый берег успело высадиться около сотни человек, послышался издали шум галопирующих лошадей. На расстоянии ста, приблизительно, шагов от нашего слабого авангарда остановился сильный взвод русских гусар, которых мы узнали, несмотря на ночную тьму, по их белым султанам. Командовавший взводом офицер сделал несколько шагов в нашу сторону и закричал по-французски: «Кто идет?» — «Франция»,— ответили вполголоса наши солдаты.— «Что собираетесь вы здесь делать?» — продолжал русский, обращаясь к нам все время на правильном французском языке.— «Увидите, черт возьми!» — решительно ответили наши стрелки. Офицер, вернувшись к своему взводу, скомандовал сделать залп, на который никто с нашей стороны не ответил, и неприятельские гусары ускакали полным галопом.

Я немедленно вступил в соседнюю деревню. Жители ее высыпали из своих домов и, стоя на порогах дверей, подни-

мали руки к небу и благословляли нас: они видели в нас своих освободителей. Они бросались к ногам наших солдат и обнимали их колени, плача от радости. Все хотели следовать за мной посмотреть на французскую армию, но я взял с собой одного лишь деревенского войта.

Я представил императору этого честного человека, и он сделал ему несколько довольно важных сообщений.

(Солтык)

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ НЕМАН

Трудно изобразить величественную картину, которую представляло 60-тысячное войско, расположившееся у подошвы холма, на котором Наполеон приказал разбить свои палатки. С этой возвышенности он обозревал всю армию, Неман и мосты, приготовленные для нашей переправы. Мне удалось случайно полюбоваться этим зрелищем. Дивизия Фриана, которая должна была находиться в авангарде, сбилась с пути и достигла возвышенности в то время, когда вся армия была уже в сборе. Император, увидав, что мы наконец появились, подозвал Фриана и стал давать ему приказания. В это время дивизия остановилась в ожидании своего начальника перед императорской палаткой; я подошел к группе генералов, составлявших свиту Наполеона. Среди них царствовало зловещее молчание, чуть не уныние. Когда я позволил себе пошутить, генерал Огюст Коленкур[1], с которым я был в дружественных отношениях, сделал мне знак и сказал тихонько: «Здесь не смеются. Это великий день». Он указал при этом на противоположный берег реки, как будто хотел присовокупить: «Вот наша могила».

Когда император прекратил разговор с генералом Фрианом, дивизия прошла мимо всех армейских корпусов, направляясь к мостам; вскоре она очутилась на противоположном берегу. Тогда солдаты испустили громкие крики радости, которые привели меня в ужас; они как будто хотели сказать: «Теперь мы на неприятельской земле! Наши офицеры не будут более наказывать нас, когда мы будем кормиться

---

[1] Убитый при Бородине.

на счет жителей!» До тех пор, согласно строгому предписанию императора, начальству удавалось поддерживать строгую дисциплину. Прокламации напоминали войску, что, проходя по владениям короля прусского, мы находились на территории союзника и что к нему следовало относиться так, как будто мы находились на французской земле. Мы видели, к сожалению, что это приказание нередко было забыто или пренебрежено; но, по крайней мере, войско поступало в таких случаях вопреки приказанию начальства, которое удерживало солдат, говоря: «Когда мы будем на Русской земле, вы будете брать все, что захотите...»

Авангард обошел лес, росший у берега, но мы нашли в нем только кое-где следы людей; мы были уже в стране пустынной. Император, принц Невшательский, король Неаполитанский и принц Экмюльский проехались по сосновому бору и были удивлены или, быть может, испуганы тем, что они не видели нигде ни жителей, ни русских солдат. Поляки, посланные на высокие, поросшие лесом холмы, чтобы обозреть местность, донесли, что издали виден арьергард неприятеля, двигавшийся по направлению к Вильно...

В два часа мы вошли в Ковно... Уже в Ковно армейские полки убедились в том, что им придется все уступать гвардии, чем они были весьма недовольны. Мы нашли в городе много всяких съестных припасов, но вскоре было получено приказание поставить у городских ворот караул и не впускать ни солдат, ни офицеров, ни даже генералов, так как все должно быть предоставлено в распоряжение императорской гвардии, которая одна вступит в город; остальные корпуса, не исключая авангарда, должны были стать по другую сторону города. Таким образом мы стали биваком по дороге в Вильно в двух верстах от города, в сосновом лесу, на берегу Вилии, между тем как император остановился в Ковно, а гвардия грабила магазины и частные дома. Жители разбежались и разнесли ужас и уныние по окрестностям. Этот пример, конечно, не мог побудить население прочих городов встречать нас с удовольствием и доставлять нам все необходимое. Однако энтузиазм поляков и их желание вернуть самостоятельность были столь велики, что многие из них все же встречали нас как желанных гостей...

(Дедем)

ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

26 июня 1812 г. мы перешли Неман. Король Мюрат со своей кавалерией шел в авангарде; 60 000 войска маршала Даву колоннами шли по большой Виленской дороге так же, как и вся гвардия со своей артиллерией. Глядя на такие ряды, трудно было себе представить, что идут они в бесплодные равнины, где нет других населенных пунктов, кроме плохоньких деревень, опустошаемых русскими. Этих последних Мюрат настиг у Ковно, и они должны были отступить в направлении к Вильно. Погода, доселе прекрасная, внезапно изменилась. 29 июня, около трех часов, страшный ураган обрушился на нас, прежде чем мы успели дойти до деревни. Я готов был вынести какие угодно невзгоды, лишь бы только поскорее до нее добраться. Наконец, мы дошли. Мы не могли расседлать своих лошадей; надо было их разнуздать, дать им травы, развести костры. Буря была страшной силы и сопровождалась градом и снегом. Было невозможно сдерживать лошадей, пришлось их подвязывать к колесам телег. Я умирал от холода. Оставаться на ногах я уже не мог, поэтому открыл один из своих фургонов и забрался в него. Утром перед глазами — душераздирающее зрелище. В кавалерийском лагере около нас земля покрылась трупами не перенесших холода лошадей: в эту ужасную ночь их пало более 10 000. Выбравшись из своего фургона, я вижу, что и из моих лошадей три пали; остальных я распределил по своим четырем фургонам. Несчастные животные страшно дергались, ломали упряжь, бросались в своих хомутах наземь, приходили в какое-то бешеное состояние и делали отчаянные скачки. Если бы я опоздал хоть на час, все бы лошади пропали. Должен прибавить, что потребовалась вся наша энергия, чтобы их укротить.

Мы вышли на дорогу. На ней мы находили мертвых солдат, которые не могли вынести чудовищного урагана. Это удручающе действовало на значительное большинство наших людей. Хорошо еще, что наш форсированный марш заставил уйти из Вильно русского императора, державшего там свою главную квартиру. В этом большом городе можно было привести в порядок войска.

По своем прибытии 29 июня император отдал приказ о том, чтобы задержать всех отстававших и разместить их в

особо отведенном огороженном месте за городом. Там их и запирали, не забывая выдавать дневные порции. Жандармы продолжали подбирать в разных местах других отставших. Затем из них образовали три батальона от 700—800 человек в каждом. Все они сохранили при себе оружие.

(Куанье)

* * *

Неаполитанский король, лично очень храбрый, был мало талантлив в военном отношении. Главным образом ему обязана своей гибелью кавалерия, так как он не только подвергал ее опасностям совершенно без всякой пользы, но также ставил ее на пункты, отдаленные от воды и фуража.

Без всякого предубеждения можно приписать чувствительную убыль армии и кавалерии главным образом тем приемам, при помощи которых генералы вели в эту кампанию вверенные им войска. Кавалерия очень быстро растаяла — благодаря ежедневным битвам, которые приходилось ей выдерживать, благодаря чрезмерным переходам, которые она ежедневно должна была делать, и в особенности вследствие беззаботности и эгоизма начальников, которым поручили командовать ею и заботиться о ее нуждах. Из массы имеющихся примеров я приведу лишь один. В вечер накануне битвы под Вязьмой меня отрядили с отрядом в сто человек нести конный караул перед лагерем; и я без смены оставался на своем посту до 12 часов утра следующего дня, причем мне было строжайше приказано не разнуздывать лошадей. Между тем последние были взнузданы накануне еще до 6 часов утра. Не имея никаких припасов для моего караула, даже воды поблизости, я послал ночью офицера доложить о моем положении генералу и попросить у него хлеба и прежде всего овса. Генерал ответил, что ему поручили заставлять нас сражаться, а не кормить нас. Таким образом, наши лошади оставались в течение 30 часов без питья и без еды. Когда я возвратился со своим караулом, наши войска собирались уже выступать; мне предоставили один час, чтобы дать отдохнуть моему отряду, и я должен был догонять колонну рысью. Мне пришлось оставить с дюжину солдат, лошади которых не могли более идти. Неаполитанский король, который командовал всей кавалерией, и генералы того же образца, что и

он, были заняты гораздо больше собой, чем своими войсками. Шли весь день; делали остановки на час; часто на два, в течение которых можно было бы дать отдохнуть части лошадей. Но было безусловно приказано не разнуздывать их; и лошади падали. Становились лагерем посредине леса, не удостоверившись предварительно, имеется ли здесь фураж и можно ли достать поблизости воду. На следующий день нужно было идти дальше и сражаться, как будто накануне ни в чем не было недостатка. Этот превратившийся в манию метод формировать большие корпуса кавалерии, чтобы раздавать важные командования честолюбивым генералам, и был одной из причин гибели кавалерии.

(Капитан 16-го полка)

* * *

Страшная пыль, от которой ничего не было видно в двух шагах, попадала в глаза, уши, ложилась толстым слоем на лицо. Пыль и жара возбуждали сильную жажду, а воды не было. Поверят ли мне, что некоторые пили лошадиную мочу...

Пыль поднимали шедшие впереди многочисленные колонны войска. Они шли в таком порядке: во всю ширину просторной обсаженной деревьями дороги ехала артиллерия и экипажи; по бокам от нее двигалась сплошными колоннами построенная дивизиями пехота, имея по 8 человек в ряд. По бокам пехоты шла эскадронами кавалерия. Можно себе представить картину такой массы войск, двигавшихся в одном направлении! Когда после довольно долгого привала пыль немного улеглась, я мог любоваться соединенными дивизиями тяжелой кавалерии, состоявшей из 14 полков, в которые входили стрелки и кирасиры.

Красивое зрелище представляли собой сверкавшие на солнце бесчисленные каски и воинские доспехи.

Армия везла за собой множество экипажей, и император вначале это терпел и даже поощрял, так как припасы, которыми они были нагружены, могли оказаться очень полезными для войск. Но теперь, когда, по его расчетам, эти припасы должны были уже истощиться и сами экипажи являлись для армии только бесполезным балластом, он отдал приказ сжечь их.

Однако приказ этот не исполнялся, как видно из следующего примера, рассказанного очевидцем. Император остановился возле одной прекрасной желтой коляски, принадлежавшей не знаю кому, и велел при себе ее поджечь. Немедленно с только что покинутого привала принесли несколько горящих головней, и император подождал, пока коляска загорится. Однако едва он отъехал на какую-нибудь сотню шагов, как огонь был поспешно затушен, и коляску по-прежнему повезли дальше. Конечно, мы нашли средство избавить от строгого применения указа Его Величества и коляску генерала Дессе и кабриолет, вывезенный капитаном дю Бурже из самого Парижа.

(Жиро де л'Эн)

* * *

Наше составленное заранее мнение о России и наше малодушие относительно великого предприятия отчасти рассеялись, как только мы заметили, что на другом берегу реки все было иначе и в лучшем состоянии, чем нам приходилось видеть до тех пор в Польше. Мы сразу попали на хорошую военную дорогу, и первые встретившиеся нам дома имели очень милый вид. Мы увидели больше порядка в расстановке верстовых столбов, шлагбаумов и показателей пути, чем это было в Польше; вдоль дороги чаще и регулярнее расположены были хорошие усадьбы, почтовые станции и постоялые дворы. Вскоре мы шли уже по прекрасному частому лиственному лесу, в то время как раньше нас прямо удручали огромные пространства хвойного леса. Первая попавшаяся нам на глаза деревня, несмотря на дождливый вечер, выглядела очень хорошо; словом, первые впечатления заставили нас изменить к лучшему наше предварительное мнение.

Мюрат, окруженный генералами и адъютантами, стоял у въезда в красивое поместье и заставил нас, насквозь промокших, пройти перед ним парадным маршем, после чего мы расположились на ночевку на обработанном поле, близ деревни, вправо от военной дороги, идущей на Вильно.

Здесь мы бросили большую дорогу на Вильно и свернули в сторону на скверные проселочные дороги; врага мы не встречали, попадались только немногочисленные, но благорасположенные крестьяне, зато очень много грязных евреев.

К вечеру мы остановились покормить коней. Первый раз мы развязали серпы и косы и стали косить зеленую траву и посевы. На семь полков нужно много, а еще больше, чем нужно, они портят. Деревень вблизи не было, зато виднелась небольшая церковь, и уже в ту пору ходила молва, что в ней собраны большие запасы муки, драгоценностей и т. п.; однако никто из наших не подходил к ней, так молва и осталась непроверенной. И здесь, и впоследствии я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из наших ограбил церковь. Все эти безобразия всегда проделывались теми, кто шел позади нас, и я не раз убеждался, что пехота, менее занятая, скорее склонна к подобным поступкам, чем конница; у кавалерии, при постоянной заботе о конях, седлах и разнообразном вооружении, меньше остается времени на это.

Мы с каждым днем приближались к Вильно; дни стояли теплые. Во всех отношениях мы перебивались кое-как; уже мало было хлеба, а мука, молоко, вино и водка сделались большой редкостью. Вследствие жары и скверной воды мы забирались в ледники и захватывали с собой куски льда, которые переходили из рук в руки и сосались всеми. Купить ничего нельзя было, потому что маркитанты не поспевали за нашим быстрым передвижением. Офицеры должны были довольствоваться тем, что добывала воровством и грабежом их прислуга, да и к тому редко представлялась возможность; поэтому уже в первые дни за Неманом общая нужда вызвала крупнейшие беспорядки. Для лошадей лишь очень редко находилось сено и овес, а когда это и случалось, лошади не могли размолоть овса зубами, притупленными вследствие питания травой и зерновым кормом.

Подобный образ жизни не мог долго оставаться без последствий, и уже здесь всадники и лошади начали страдать поносом. Люди бледнели, становились вялыми и худели; кони еле-еле тащились и тоже худели.

Между Неманом и Вилией мы неоднократно переживали тревогу, но ни разу не видели русских...

(Роос)

* * *

Первые же четыре дня нашего похода по России привели артиллерию в ужаснейший вид. Холодные и дождливые ночи

на биваках погубили более трети лошадей. Генерал Сорбье, бывший свидетелем этого, высказывал вслух, что надо быть сумасшедшим, чтобы пускаться в такие предприятия. Чего же можно было ожидать осенью, если уже в конце июня холодные дожди убивали лошадей и делали дороги непроходимыми?

Мы вступили 1 июля в Вильно. Все дома предместья были разграблены и покинуты. В этот день мы прошли всего 8 верст: трупы лошадей загораживали путь; я насчитал их более 1000 на самой дороге, а по сторонам ее — их было бесчисленное количество.

Все десять дней, которые мы шли к Вильно, я уверял себя, что император, пораженный началом войны, не пойдет дальше, а займется восстановлением Польши.

Где было найти лошадей? — Я не знаю, каким образом снабдили ими армию, но для того, чтобы дать лошадей гвардии, их взяли из четырех запасных конных артиллерийских батарей, причем всех канониров спе́шили.

Где было взять провиант? — Уже больше не производили раздачи порций. К счастью, у меня был небольшой запас муки, благодаря чему мы не умерли с голоду в Вильно.

Где найти фураж? — Трава была скошена более чем на пять верст в окружности.

Но поляки своим энтузиазмом поддерживали императора; они говорили о том, что поднимут свои войска, хотя бы все обещания, сделанные им в 1807 г., были забыты...

(Пион де Лош)

* * *

4 июля мы подошли к местечку Троки. Оно казалось издали прелестным, но при вступлении в него вся иллюзия сразу пропала.

Около первых же домов нас окружила толпа евреев с женами, детьми и длиннобородыми старцами; все они на коленях умоляли нас избавить их от алчности солдат, которые забирались во все дома и разоряли их, похищая все, что попадалось под руку. Мы старались утешить этих несчастных, сознавая, что слова наши останутся словами. В местечке не было магазинов, а наши солдаты давно уже не получали своих порций и жили только грабежом жителей; это создавало

крайний беспорядок и пагубный упадок дисциплины, тем более печальный, что он является обыкновенно верным признаком упадка армии.

В домах не было мебели, так как бежавшие жители унесли все с собой; еврейские дома, грязные до отвращения, были опустошены нашими войсками; таким образом, это местечко, крайне привлекательное с виду, не принесло нам никакой помощи и было полно неудобств: нигде нельзя было найти соломы для спанья, а за фуражом для лошадей приходилось ездить верст за пятнадцать.

(Лабом)

ВИЛЬНО

Мы вступили в Вильно 28-го числа. Польские помещики, державшие сторону России, выехали из города; польская партия приняла нас восторженно; но Наполеон не был доволен теми средствами, коими он располагал для дальнейших действий, поэтому он не мог обнадеживать поляков относительно их будущей независимости.

— Воспользуйтесь случаем,— сказал он польским депутатам,— постарайтесь вернуть свою независимость, пока я веду войну с Россией. Если вы усилитесь, то я включу вас в условия мирного договора, но я не могу проливать за вас кровь французов; и если император Александр предложит мне заключить мир на возможных условиях, то я буду вынужден оставить вас.

Этот ответ, редкий по откровенности со стороны завоевателя, был переделан и смягчен министрами и приближенными императора, но поляки напрасно полагались на слова этих подчиненных лиц. Им следовало руководствоваться словами самого Наполеона; они также напрасно обвиняли его впоследствии по поводу мнимых обещаний. Я слышал от одного из депутатов, что Наполеон даже сказал им:

— Я вижу, что у вас нет достаточных средств; советую вам не компрометировать себя по отношению к русскому императору; я с минуты на минуту могу заключить с ним мир.

В Вильковишках Наполеон обнародовал прокламацию против русских и их монарха. В Вильно же мы познакоми-

лись с содержанием прокламации императора Александра, которая была написана не менее энергично; за ней были право и справедливость. Что же касается воззвания, с коим литовский комитет обратился к полякам, то в нем, равно как и в высокопарном донесении варшавского сейма, возвещалось восстановление Польского королевства.

Но все, кто знал близко Наполеона и его манеру выражаться, понимали, что в этих прокламациях гораздо менее было видно намерение императора восстановить королевство Польское, нежели чрезвычайное желание поляков, чтобы это совершилось, хотя все их надежды основывались только на двусмысленных обещаниях французских министров. Решив что-либо, Наполеон имел обыкновение выражать свое намерение вполне ясно. Обманчивые надежды, честолюбие и поверхностное знание человека, с которым им приходилось иметь дело, разногласие между словами министров и тайными планами монарха, в которых поляки не могли дать себе отчета,— вот что ввело в заблуждение этих восторженных людей, которым было простительно горячо желать восстановления независимости их отечества...

(Дедем)

* * *

14 июля в Вильно совершилось присоединение Литвы к федерации Великого герцогства Варшавского. Уполномоченные составили акт о присоединении, утвердил его король саксонский; император изъявил согласие. Весь обряд происходил в самом соборе. Я выпишу здесь отрывок из моего собственного письма, написанного на другой день и, как кажется, точно передающего те чувства, которыми все тогда были одушевлены.

«Мне было любопытно посмотреть, как примет известие о своем освобождении тот самый народ, который две недели тому назад разными празднествами приветствовал императора Александра. И вот к полудню я прибыл в виленский собор, где должны были служить обедню. Там же собралась большая часть местной знати, мужчины с саблями на боку и женщины в белых платьях с кокардами национальных цветов, лилового и красного. Немного погодя явились представители Варшавской федерации и члены Виленской юнты.

Некоторые из них были в церемониальной одежде; большинство же предпочло старинный народный костюм: коротко остриженные или обритые головы, зашнурованный шафранный кафтан, длинная сабля, висящая спереди, и особый пояс (отличительный знак шляхетства), тканный из золотой, украшенной драгоценными камнями материи. Их встретили два виленских епископа, греческий и латинский; местная гвардия поставила свои знаки в притвор, и служба началась...

Казалось, что в это мгновение были забыты как все вероисповедные распри, так и все политические разномыслия. По обе стороны разместились друг возле друга знатные поляки, тщеславные и гордые своей старинной одеждой и вызываемыми ею воспоминаниями. Легкомысленный и чуждый истинного благоговения, хотя и набожный, народ этот присутствовал с величайшим вниманием на службе, освящавшей его свободу. По окончании обедни один из уполномоченных от Варшавы поднялся со своего места и, положив поклон перед алтарем, во всеуслышание прочитал приветственное послание от федерации, представителем которой он был, и акт, в котором предлагалось присоединение. Народ, всегда любящий новизну впечатлений, хотя и не понимал точно значения слова «свобода», но знал, по крайней мере, что дело шло о какой-то перемене. Женщинам представлялся случай говорить об отечестве, чести и преданности долгу; лиц, принадлежащих к знати, ласкала надежда на происки при выборах, честолюбивые мечты о вновь открывающейся карьере и виды на большую независимость и на возвращение к старым феодальным правам. Вот почему все с каким-то исступлением разразились рукоплесканиями; после же речи Сераковского все ринулись к скамье представителей и наперерыв подписывали свои имена. Когда же, после хвалебных и благодарственных молений, те в порядке вышли из храма и понесли акт присоединения к герцогу Бассано, можно было быть уверенным, что все, невзирая на различные сердечные помышления, одушевлявшие их, готовы были воскликнуть: «И у нас тоже есть Отечество!»

(Маркиз Пасторе)

* * *

Пока Главная квартира находилась в Вильно, император прибегал к различным мерам, чтобы обеспечить за собой завоевание. Его щедрые обещания возбуждали энтузиазм в армии, которая шла на величайшие жертвы. Дворяне также поддерживали всеми силами завоевателя в его стремлении обеспечить самостоятельность Польши и возвратить ее к тому блестящему состоянию, в котором она находилась при Владиславах и Сигизмундах.

Вид польских знамен, водруженных на стенах древней столицы литовских великих князей, вызывал радость всех жителей и пробуждал славные воспоминания в сердцах всех, кому была дорога былая слава родины. Эти мысли о былом величии разгорались всего ярче при появлении на берегах Вилии тех воинов, которые посвятили время своего изгнания прославлению польского имени на берегах Нила, Тибра, Таго и Дуная. Повсюду их встречали кликами радости; народ толпой шел за ними; всем хотелось любоваться на них, всем хотелось запечатлеть в сердце образ этих храбрых соотечественников, и все были воодушевлены благородным желанием идти вместе с ними под одними знаменами.

Наполеон велел прежде всего выстроить нечто вроде укрепленного лагеря на правом берегу Вилии; на горе, где находился прежний дворец Ягеллонов, он велел построить цитадель, и мосты, сделанные на плотах, были поставлены на сваи. Среди этих военных работ он принял университет в полном составе и расспрашивал ректора о разных науках, преподававшихся в этом знаменитом университете. Затем он приступил к преобразованию гражданской администрации, расстроившейся совершенно вследствие выезда должностных лиц и увоза книг и списков, принадлежавших городским архивам. По образцу Франции он разделил захваченные провинции на префектуры, назначил инспекторов, сборщиков, частных приставов и особенно интендантов ради ускорения взноса его многочисленных реквизиций.

Больше всего ему хотелось побудить литвинов к поголовному ополчению для образования новых полков. Он предлагал оружие всем крестьянам, желавшим восстать против своих господ, и старался вызвать гражданскую войну между

дворянством и народом, как это было в начале нашей революции.

Эти проекты дали известный толчок в городе, где распоряжался император, но в местечках и деревнях они не дали желательных для него результатов. Между тем Наполеон ежедневно обращался к литвинам с призывом к помощи; чтобы удивить их, он говорил с ними в одну и ту же аудиенцию о театре и религии, о войне и об искусстве, затем садился на лошадь и объезжал войска, а в кабинете, среди самых серьезных занятий, делал вид, что интересуется самыми пустыми вещами.

Комиссия, организованная для общего управления страной, состояла сначала из 5 членов, но Наполеон увеличивал это число по мере возрастания числа его приверженцев. В день своего основания эта комиссия обнародовала 3 прокламации. В первой, обращенной к народу, провозглашалось введение Временного правительства и указывалось на то, как народ должен быть благодарен тому, кто его создал. Во второй духовенство призывалось к поддержанию усердия в нации и к испрашиванию в горячих молитвах милости Божьей. В третьей, имевшей целью привлечь на свою сторону литвинов, находившихся на русской службе, говорилось следующее:

«Поляки!

Вы служите под русскими знаменами. Эта служба была вам дозволена, пока у вас не было отечества, но теперь все изменилось. Польша воскресла, и теперь надо сражаться ради ее полного восстановления, ради того, чтобы заставить русских признать права, которые были у вас отняты несправедливостью и силой. Генеральная конфедерация Польши и Литвы отзывает всех поляков с русской службы. Польские генералы, офицеры, солдаты! повинуйтесь голосу отечества: покиньте знамена ваших притеснителей, спешите все к нам, чтобы стать под знаменем Ягеллонов, Казимиров, Собеских! Об этом просит вас Отечество, повелевают честь и религия».

Правительственный комитет, учрежденный в Вильно и, без сомнения, действовавший заодно с Наполеоном, только ради помощи народу, обездоленному ужасами войны, работал с неутомимым усердием над улучшением администрации. Виленский округ был уже образован, и захваченная террито-

рия разделена на 11 подпрефектур. Однако это устройство, по-видимому, выгодное, не принесло никакой пользы: поля были опустошены, деревни — безлюдны, все крестьяне бежали в леса, и можно было встретить только нескольких жалких евреев в лохмотьях; они предпочитали из алчности подвергаться притеснениям наших солдат, лишь бы не покинуть своих смрадных жилищ.

Чтобы дать понятие о беспорядке, царившем среди этого мнимого благоустройства, я расскажу такой факт: подпрефект, ехавший из Вильно в Новые Троки, чтобы занять там свою должность, был остановлен отсталыми солдатами, которые его ограбили. К тому же его собственный конвой съел его провизию и увел его лошадей, и он явился пешком и в таком плачевном виде, что все принимали его за шпиона...

(Лабом)

* * *

Наполеон, про которого говорили, что он занят в Вильно организационной работой, политикой и военными делами, хотел показать полякам всю строгость дисциплины в своей армии. Так как постоя на квартирах не было, и в магазинах припасов не оказалось, солдаты должны были поддерживать свою жизнь воровством и грабежом. Этого не должно было быть, под строгим запрещением, нарушителям которого грозила смертная казнь,— и потому вскоре в Вильно и вокруг него начались расстрелы. На третий или четвертый день после того, как мы покинули этот город, нам попалась кирасирская дивизия, построенная четырехугольником; посредине его мы увидели четырех солдат, рывших землю. На наш вопрос, что это такое, нам отвечали, что военный суд за насилия приговорил их к смертной казни; их расстреляют, но перед смертью они должны сами вырыть себе могилу. Холодный ужас охватил нас. Нам нечего было делать здесь; наши тем временем ушли вперед, и мы бросились скорее догонять их. Позднее мы узнали, что в Вильно многие были расстреляны, однако кое-кому удалось уйти от угрожавшей пули.

(Роос)

ЛЖЕ-НАПОЛЕОН

«Приехав в Варшаву[1], я встретил некоторых из своих прежних знакомых. Но женщины, с которой я был близок и которую хотел опять увидеть, не было (он мне назвал при этом ее имя; это была княгиня Радзивилл, или Понятовская, оказывавшая благодаря своему уму, происхождению и связям большое влияние на ход политических событий в Польше). Она была в одном из своих пригородных поместий, прозванном Аркадией за красоту местоположения и садов. Я не хотел пропустить случай повидаться с ней и поехал к ней на сутки; я приехал утром, и она приняла меня так, как может принять только прежняя возлюбленная. Когда мы вставали из-за стола, лакей с таинственным видом доложил ей, что император Наполеон прогуливается по садам замка. «Он переодет,— сказал нам слуга,— и офицер, сопровождающий его, тоже. Он, видимо, не хочет, чтобы его узнали; но я столько раз его видел во время последнего Польского похода, что легко узнал его, несмотря на скромный сюртук».

Мы с княгиней подумали сначала, что этот человек ошибается, потому что в Варшаве еще не было объявлено о приезде императора. Но потом сообразили, что император мог захотеть узнать лично сам, оставаясь неузнанным, какое настроение в Польше и как смотрят в столице на его поход,— что в поступках такого человека, как он, самое необычайное не должно поражать,— да, кроме того, и лакей, столько раз его видевший, что мог узнать.

Княгиня вместе со мной и несколькими лицами, составлявшими ее общество, вышла в сад и направилась в место, указанное лакеем. Мы вскоре увидали путешественников и, подойдя ближе, без труда узнали императора, несмотря на простоту его дорожного платья; на нем был только серый сюртук без орденов. Он с довольным видом подошел к княгине, в которой признал владелицу замка. Он сказал ей, что, в первый раз проезжая через здешнее место, не мог побороть своего желания пройтись по садам, показавшимся ему такими красивыми, и хозяйка, может быть, извинит его за то, что

---

[1] Гриуа передает здесь рассказ маркиза де Жюмильяка. *Ред.*

он не испросил предварительно ее разрешения и не представился ей. Княгиня ответила, что польщена тем вниманием, которого удостоился ее парк со стороны путешественников, но извинения их примет только в том случае, если они весь день проведут в ее поместье, чтобы подробно осмотреть его; уступая ее настояниям, император принял гостеприимное приглашение и отложил свой отъезд до следующего утра. В продолжение вечера княгиня показала своему гостю лучшие части сада и все, что было интересного в ее роскошном поместье. Разговор во время прогулки был общий и не останавливался на определенных темах; и если бы не та, как бы невольная, почтительность, которую выказывал императору его спутник, и если бы не его привычка ежеминутно вытаскивать табакерку, императора нельзя было бы узнать. Когда стемнело, мы вернулись в гостиную, и, сидя на диване рядом с императором, княгиня навела разговор на политику; как истинная патриотка, она скорбела о современном положении Польши, которая перестала существовать как государство, а между тем заслуживает другой участи во имя прежнего блеска, вернуть который могла бы еще, если бы Франция оказала поддержку ее горячим стремлениям. Беседа затянулась, и спор был горячий. Выразив княгине свою симпатию по поводу того, что она отстаивает интересы своей родины, император заметил в заключение, что национальные стремления в Польше, пожалуй, недостаточно единодушны, что такая женщина, как она, должна была бы их распространять, что восстановление царства Польского входило в его планы и отвечало как его политике, так и личным симпатиям. Чувство приличия не позволяло никому из нас вмешаться в разговор, так как император, хотя и не раскрыл свое инкогнито, тоном с княгиней показывал ясно, что он узнан и принимает это.

Время шло; император, видимо, нуждался в отдыхе; княгиня проводила его до дверей павильона, в котором было приготовлено для него помещение, оказывая ему при этом почести и проявляя утонченно изысканное внимание, подобающее такому гостю. Мы гуляли еще некоторое время, беседуя о странности этого случая. Проходя мимо павильона, окна которого были открыты, мы увидали императора, запросто разговаривающего со своим спутником; княгиня остано-

вилась и бросила в комнату апельсин, который был у нее в руках, привязав к нему бумажку, на которой написала карандашом: «*Нашему герою*». Император поднял апельсин и сейчас же подошел к окну; но мы скрылись в чащу деревьев, и он не увидал никого.

Вскоре я расстался с княгиней и пошел в помещение, приготовленное мне в том же павильоне, где был император. Дверь в его спальню была открыта, он увидал меня, когда я проходил мимо, и пригласил зайти. Вы понимаете, что я поспешил последовать приглашению. Он был еще любезнее, еще более добрым малым, если можно так выразиться, чем за ужином; прогуливаясь по комнате, он говорил о княгине, о том, как трогает его ее внимание; он спросил, давно ли я с ней знаком, спросил мое имя, в каком корпусе я служу и какую должность занимаю; когда я ответил, он поздравил меня с таким начальником, как генерал Груши. «Груши — прекрасный кавалерист,— сказал он,— я его очень ценю и не сомневаюсь, что в течение этой кампании Вы будете довольны, что находитесь под его командой, не сомневаюсь, что Вы будете произведены в штаб-офицеры. Ваши заслуги, сударь, имя, которое Вы носите, дают Вам право на это; император любит окружать себя людьми с историческими именами, будьте уверены, что он не забудет Вас и что скоро Вы будете штаб-офицером; смею Вас в этом уверить. Но теперь поздно, и путешественнику нужен отдых; прощайте же, господин де Жюмильяк». Я простился и ушел к себе, но вы поймете, что я не мог сомкнуть глаз, восстановляя в памяти странные события этого дня и думая о том, что могло меня ожидать».

На этом Жюмильяк закончил свой рассказ, и я поздравил его, считая его ожидания основательными. Когда же за целый месяц с ним ничего не произошло, я спросил его, нет ли чего нового, не говорил ли император о нем с генералом Груши, которого недавно вызывали в Главную квартиру. Он признался мне с печальным видом, что он и польская княгиня были жестоко обмануты авантюристом, пользующимся своим сходством с императором, которому он подражал манерами, платьем, чтобы вводить людей в заблуждение. Говорили, что этот человек был унтер-офицером или офицером из стрелковых полков и должен был недавно, по

распоряжению императора, оставить армию и вернуться во Францию. Однако он, кажется, никогда не употреблял во вред сходство[1].

(Гриуа)

ОТ ВИЛЬНО ДО ВИТЕБСКА

...По выходе из Вильно мы оказались со всех сторон окруженными лесами. Я шел позади своего батальона. Наступила ночь, и тут я стал замечать, что мои дезертиры начинают ускользать в чащу леса. Темнота не позволяла возвращать их на места; оставалось только злиться про себя. Что прикажете делать с подобными солдатами? А ведь они, пожалуй, все разбегутся! Часа через два передние ряды моего батальона увидели влево от себя круглую поляну и на ней остановились. Когда подошли задние ряды, костры уже пылали. Предоставляю судить о моем смущении. «Что вы тут делаете? Почему не идете дальше?» — «Достаточно походили, мы устали и хотим есть».

Огни горят, котлы разогреваются. В полночь, смотрю, император проезжает мимо со своей свитой. Видя мой бивак освещенным, он останавливается и подзывает меня к дверцам кареты. «Что ты тут делаешь?» — «Ваше Величество, не я здесь командую, а они. Я шел в арьергарде и нашел голову батальона здесь уже остановившейся, а костры разложенными. У меня уже многие бежали назад в Вильно со своими двумя рационами. Что же делать мне одному с 700 дезертирами?» — «Делай, что возможно. Я прикажу их задержать». Он уезжает, а я, я один остаюсь с этими непослушными солдатами и с сожалением вспоминаю о своих сержантских погонах. Бедствия мои этим не кончились. Утром велю бить сбор, и сейчас же пускаемся в путь, причем я говорю им, что император хотел отдать приказ о задержании дезертиров. Идем до полудня и, выходя из леса, находим лужайку, где

---

[1] Может быть, это был француз Ларуш из иллирийских провинций, про которого начальник штаба Дессоль 25 июня 1812 г. в кратком описании состояния 4-го корпуса говорит следующее: «Sieur Ларуш, забавлявшийся тем, что подчеркивал свое сходство с императором и вызывал смешные недоразумения, был арестован и отправлен в Главную квартиру».

пасутся коровы. Мои солдаты забирают сейчас свои баки и бегут с ними доить коров. Пришлось их подождать. Вечером они тоже отдыхали, и опять, как только им попадались коровы, всякий раз приходилось останавливаться. Нечего сказать, весело было! Наконец, входим в леса, далеко стоящие от поселков, значительная часть этих лесов разрушена была огнем. Один сгоревший лес лежал вправо от нашего пути, и когда мы с ним поравнялись, я увидел, что часть моего батальона пустилась как раз туда, в этот сожженный лес. Я скачу галопом, чтобы вернуть их назад. Каково же было мое удивление, когда вдруг солдаты оборачиваются ко мне и начинают в меня стрелять! От дальнейших попыток я, конечно, должен был отказаться.

Заговорщики были из солдат Жозефа Наполеона, все без исключения испанцы. Их было 133; ни один француз не замешался среди этих разбойников. Возвратившись к своему отряду, я собрал солдат в круг и говорю им: «Я вынужден донести о происшедшем начальству. Будьте же французами и следуйте за мной. Я не буду наблюдать в арьергарде; это — ваше дело. Равнение направо!»

Вечером я, наконец, выбираюсь из проклятого леса и подъезжаю к деревне, где стояли кавалеристы во главе с полковником, который охранял этап перекрестком и направлял проходившие мимо войска. Являюсь к нему и рапортую. Полковник разместил мой батальон, затем приказал привести евреев и переводчика. На основании моих сообщений он старается представить себе, на каком расстоянии могут теперь находиться мои дезертиры, в какую деревню могли они попасть. Командированы 50 конных стрелков; евреи их провожают. На полпути им встретились ограбленные крестьяне, ищущие защиты. В полночь стрелки подъехали к деревне, окружили ее и забрали всех испанцев, которых нашли там спящими. Испанцев схватили, обезоружили, а их ружья сложили в тележку. Самих дезертиров тоже разместили по тележкам; каждая из них тщательно охранялась. Утром, в 8 часов, 133 испанца доставлены были на место кавалерийской стоянки. С них сняли оковы; полковник велел им выстроиться и обратился к ним со словами: «Вы дурно вели себя; выстройтесь сначала в порядке. Есть ли среди вас сержанты или капралы, чтобы построить вас в обычном порядке?» Вот

два сержанта, которые указывают на свои галуны, скрытые под шинелью. «Станьте тут. А капралы есть?» Трое выступают. «Станьте тут. Больше нет? Хорошо. Теперь вы, остальные, вынимайте билеты».

Кто вынимал белый билет, отходил в одну сторону; кто вынимал черный — отходил в другую. Когда процедура была кончена, полковник сказал: «Вы воровали, вы поджигали, вы стреляли в своего офицера; закон присуждает вас к смертной казни; сейчас вы подвергнетесь этому наказанию. Я мог бы велеть расстрелять всех вас; но половину я щажу. Да послужит это примером! Майор, прикажите своему батальону зарядить ружья. Мой адъютант скомандует сейчас стрелять». 62 человека были расстреляны. Боже! какая это была сцена! С растерзанным сердцем, я тотчас же ушел. Но евреи были довольны. Вот чем пришлось обновить свой чин лейтенанта! На другой день я уезжаю в Витебск.

(Куанье)

* * *

С самого начала кампании солдаты дивизии Клапареда еще не видели никакого врага, кроме нескольких казачьих отрядов, показывавшихся на горизонте. Однако бесконечные переходы, отвратительная погода, недостаток продовольствия, повторные мародерства — уже вызвали самые прискорбные последствия. В Минске убыль достигала, в среднем, от 15 до 20 человек на роту.

В обычную кампанию даже два сражения не могли бы вызвать такого уменьшения наличного состава. Клапаред был взбешен таким результатом, получившимся вследствие собственного его нерадения к солдатскому благосостоянию и неудачного выбора лагерных стоянок. Все это Хлопицкий дал ему понять в довольно горячем объяснении, которое произошло у них по этому поводу.

Предшествовавшего 15 июля переправа дивизии Клапареда через эту реку (Березину), самое имя которой ныне вызывает в сердцах французов только печальные и славные воспоминания,— оживлена была комическим инцидентом. Березина незадолго до этого выступила из берегов вследствие недавних ливней, и на соседних лугах остались огромные лужи воды, в которых резвились бесчисленные дикие гу-

си. Шедшая в авангарде кавалерия Груши предприняла против них атаку, энергично поддержанную польскими полками. Не прошло и двух часов, как у каждого солдата к сумке привешено было по одной или по две штуки этой дичи.

Расставшись с областью гусей, мы попали в страну медведей. Их очень много в больших лесах, тянущихся от Вильно к Днепру, и особенно в окрестностях Неманицы, где отряд наш расположился на бивак 17-го вечером. Дрессировка и показывание медведей в ту пору были в тех местах столь же распространенным занятием, как обучение сурков у савояров. Поэтому в большинстве селений существовали помещения, специально приспособленные для обучения медвежат, пойманных на охоте; солдаты забрали с собой несколько штук. Некоторое время спустя, возвращаясь как-то ночью из Главной квартиры, куда меня призывали мои новые обязанности полкового адъютанта, я натолкнулся на одного из них, уже довольно сильного; это ему не понравилось, и он чуть было не расправился со мной. После целого ряда подобных случаев медведей устранили, к великому огорчению солдат, которые принялись за их воспитание.

(Брандт)

* * *

По пути между Вильно и Витебском каждый полк и отряд должен был уже сам заботиться о своем продовольствии. Каждый капитан уже лично распоряжался своим отрядом. Едва достигали бивака, как армия рассыпалась в поисках провианта. Солдаты приносили рожь, муку, но никогда им не удавалось раздобыться хлебом. Если отыскивали где-нибудь печь, то хлеб пекли ночью. С утра отправлялся авангард в сопровождении телег с мукой. Разведчики шли на поиски печей и мельниц. За неимением хлеба клали муку в суп. Большая часть солдат пользовалась этой пищей во время всего похода. Благодаря отнятым у поляков быкам и коровам, которых мы вели с собой, в мясе у нас недостатка не было, несмотря на то, что во всех ущельях, около каждого моста, где скот смешивался, войска друг у друга его воровали.

(Пион де Лош)

18 июля. Нынешний день отмечен неприятным происшествием. Две дивизии, французская и итальянская, пришли одновременно. Тут был запас сухарей, не попавших в мешки казаков. Французы, явившись первыми, завладели им. За ними пришли итальянцы и стали требовать свою долю. Они разделяли с другими опасности и страдания и умирали от голода; права были равны. Генерал явился к принцу Евгению, чтобы добиться осуществления этого права. Но принц возразил, что тут право захвата, право первого взявшего; в ответ на это генерал стал ярко изображать тяжелые лишения своих войск. С ним было несколько офицеров. «Ну, господа, то, чего вы хотите, невозможно. Если вы недовольны, возвращайтесь в Италию; мне нет до вас дела; знайте, что ваших шпаг я боюсь так же мало, как ваших стилетов!»

До сих пор ничто не нарушало чувства привязанности, которое было у итальянцев к вице-королю; его молодость, энергия, с какой он поддерживал порядок и дисциплину, его заботы о солдатах, то, что он приемный сын императора,— все вместе заставляло любить его. Но оскорбительные слова, вырвавшиеся у него в минуту гнева, жестоко уязвили нас как итальянцев. Принц забыл, вероятно, что он вице-король Италии, что, будучи сам французом, он говорил с итальянцами...

19 июля. Находим по дороге множество печатных прокламаций, оставленных для нас русскими; переписываю несколько отрывков:

«Итальянские солдаты!

Вас заставляют сражаться с нами; вас заставляют думать, что русские не отдают должной справедливости вашему мужеству; нет, товарищи, они ценят его, и вы убедитесь в этом при сражении. Вспомните, что вы находитесь за 400 миль от своих укреплений. Не обманывайте себя относительно наших первых движений; вы слишком хорошо знаете русских, чтобы предположить, что они бегут от вас. Они примут сражение, и ваше отступление будет трудно. Как добрые товарищи, советуем вам возвратиться к себе; не верьте уверениям тех, которые говорят вам, что вы сражаетесь во имя мира. Нет, вы сражаетесь во имя ненасытного честолюбия государя, не желающего мира. Иначе он давно заключил бы его. Он играет травлю своих храбрых солдат. Воз-

вращайтесь к себе или, если предпочитаете это, найдите на время убежище себе в наших южных провинциях».

Подобная прокламация, попав к нам в такую минуту, могла бы вызвать у нас некоторое колебание, но она возбудила только презрение, мы все смотрим на нее как на оскорбление национальной чести.

(Ложье)

* * *

20 июля. В походе и в лагере только и разговору что про сцену в Докшицах и про прокламацию русских. Спорят, кому из нас составлять ответ, и самый младший капрал, отправляясь на передовой пост, откуда ведутся разведки, захватывает такую ответную прокламацию, чтобы передать на передовые позиции русских. Наиболее распространенной является следующая, из которой выписываю главные места:

«Русские солдаты!

Итальянские солдаты удивляются, как вы могли хотя бы на минуту подумать, что их можно соблазнить таким низким способом, тогда как они всегда неизменно слушались голоса чести. Они потеряли к вам прежнее уважение, уважение, которое даже в разгар войны храбрый солдат сохраняет по отношению к своему противнику... Подобная провокация оскорбляет не только тех, к кому она отправлена, но и тех, кто ее отправил...» Отрывок заканчивается так: «Между прочим, этот ответ вам доставит один из наших товарищей-гренадер — француз».

Подписано: «Итальянский солдат».

Эти маленькие события вызвали у нас оживление, несколько большее, чем обычно. Наше изумление по поводу того, что мы нигде не встречаем препятствий, все более возрастает.

Неожиданно нас известили, что император, приезжающий из Глубокого, сделает смотр передовых позиций армии как раз около этого места, где мы разместились авангардом...

Войска, выстроенные в боевой порядок, представляли блестящую картину к моменту приезда императора. Но он

ограничился только тем, что вышел около моста из своей кареты, принял рапорты, осмотрел некоторые позиции, отдал приказы и возвратился к своей гвардии в Камень.

Какое разочарование! В скверном настроении снимали мы свои парадные мундиры и надевали медленно и в молчании свое походное платье, думая с досадой об этом человеке, для которого мы зашли так далеко, за которого готовы были проливать кровь, ради которого мы уже перенесли столько трудов и который не удостоил нас ни единым взглядом.

Это тем более унизительно для нас, что сегодня в первый раз с того времени, как ушли из Италии, мы находились в его присутствии! «Если у него нет других побуждений,— говорили мы друг другу,— то простое любопытство должно бы было заставить его взглянуть на своих подданных, своих верных союзников, и поговорить с ними.

В чем может он упрекнуть нас? Один взгляд, одно слово, улыбка сочувствия — все это так легко сделать. Так нетрудно доставить людям удовольствие; так легко завоевать привязанность массы. А вместо всего этого — ничего, ничего, ничего!»

Вот что я слышу вокруг меня, печально возвращаясь на свой бивак. Но тут же с гордостью прибавляют: «Ну, что же! Мы докажем ему, что заслуживаем его взгляда, как его французы; тогда увидят, следует ли нас оценивать наравне с ними».

(Ложье)

САЛТАНОВКА

Из Минска мы двинулись к Могилеву. Именно около этого города дивизия Дессе и дивизия Компана должны были встретиться 23 июля с корпусом князя Багратиона, который, отрезанный маневрами императора, мог спастись, только пробившись сквозь ряды этих дивизий. Накануне маршал Даву, предупрежденный о затруднении, в котором должен был находиться неприятельский генерал, с нетерпением ожидал донесений, из которых должен был узнать, куда именно он направит свои усилия, чтобы пробиться к ядру русской армии. Чтобы иметь возможность скорее дать свои

инструкции дивизионным генералам, он вздумал созвать их всех к себе в Могилев; я сопровождал туда генерала Дессе. Маршал заперся в своем кабинете и оставил в другой комнате всех бедных генералов, не принимая их, как простых вестовых, в продолжение всей ночи. В этой комнате было только несколько несчастных стульев; каждый решился лечь на пол. Там находились старые генералы, между прочими — генерал Валанс, сенатор, командовавший дивизией кирасир. Каждый, как и мой генерал, имел с собой адъютанта; мы оставались таким образом до утра, лежа на полу, как попало, и можно себе представить, насколько было нам неприятно не быть в наших биваках, где у нас было бы, вероятно, по нескольку охапок соломы, чтоб отдохнуть, и суп, чтобы подкрепиться, так как нужно прибавить, что маршал не предложил нам даже стакана воды; нашим лошадям и слугам, ожидавшим нас перед домом всю ночь, тоже пришлось весьма плохо, и они с большим трудом раздобыли себе немного хлеба и сена.

Наконец, когда наступил день, пришел один из моих товарищей узнать, что̀ с нами делается. Я попросил генерала оставить его, вместо меня, при себе и позволить мне вернуться к дивизии, чтобы узнать, что̀ там происходит, и по возвращении отдать ему отчет; он согласился на это. Я сел на лошадь, и, следуя по широкой дороге, обсаженной деревьями, которая вела к позиции, занятой нашей дивизией, приблизительно в версте от города, я вскоре услышал в этом направлении несколько ружейных выстрелов, потом пушечных, которые ясно указывали, что на нас нападали; я послал как можно скорее предупредить генерала и поспешил туда.

Налево у нас был Днепр, берега которого в этом месте очень топки; перед нами находился широкий овраг, в глубине которого протекал грязный ручей, отделявший нас от густого леса, и через него перекинут был мост и довольно узкая плотина, устроенная, как их обыкновенно делают в России, из стволов деревьев, положенных поперек. Направо простиралось открытое место, довольно бугристое, отлого спускавшееся к течению ручья.

Вскоре я прибыл к месту, откуда наши аванпосты перестреливались с неприятельскими, выставленными по ту сторону оврага. Одна из наших стрелковых рот поместилась в

деревянном доме у въезда на плотину, проделала в нем бойницы и сделала из него таким путем нечто вроде блокгауза, откуда стреляла по временам во все, что показывалось. Несколько орудий были поставлены наверху оврага так, чтобы стрелять ядрами и даже картечью в неприятеля, который попытался бы перейти его. Главные силы дивизии Дессе были построены в открытом месте направо от дороги и налево примыкали к дивизии Компана.

Все было, таким образом, готово, чтобы отбить подготовлявшееся нападение, и когда прибыл генерал Дессе, ему не пришлось ничего изменять в сделанных построениях.

До десяти часов ничего не произошло серьезного, так как неприятель почти не показывался; но в этот именно час мы вдруг увидали выходящими из лесу, и сразу в нескольких местах, весьма близких друг от друга, головы колонн, идущих сомкнутыми рядами, и казалось, что они решились перейти овраг, чтобы добраться до нас. Они были встречены таким сильным артиллерийским огнем и такой пальбой из ружей, что должны были остановиться и дать себя таким образом громить картечью и расстреливать, не двигаясь с места, в продолжение нескольких минут; в этом случае в первый раз пришлось нам признать, что русские действительно были, как говорили про них, стены, которые нужно было разрушить. Русский солдат, в самом деле, превосходно выдерживает огонь, и легче уничтожить его, чем заставить отступить; но это происходит главным образом от излишка дисциплины, т. е. от слепого повиновения, к которому он привык по отношению к своим начальникам. Он не увлечет товарищей своим порывом ни вперед, ни назад — своим бегством; он стоит там, где его поставили, или где он встречает слишком сильное сопротивление. Это пассивное и бессмысленное повиновение свойственно также офицерам всех чинов, в иерархическом порядке; таким образом отряд, злополучно поставленный в поле обстрела батареи, останется там под огнем без необходимости и без пользы, пока офицер, командующий им, не получит приказа от своего начальника изменить позицию. Французский характер не терпит такого слепого подчинения правилам дисциплины: и мы часто видим в истории наших походов, что судьба важных схваток зависела от инициативы простых подчиненных, и, наверно, ни один французский офи-

цер не побоится взять на себя расположение своего отряда так, чтобы он возможно меньше страдал от неприятельского огня, и воспользуется, чтобы поставить его под прикрытие, всеми удобствами пространства, малейшими неровностями почвы, не дожидаясь высшего приказания, но стараясь, при изменении позиции, не давать никакого преимущества неприятелю.

К полудню маршал Даву прибыл самолично на место и оказал предпочтение бригадному генералу Фредериксу, обратившись к нему для получения доклада о положении, вместо того чтобы обратиться прямо к генералу Дессе; последний, конечно, был возмущен таким поступком, а прием, более чем холодный, оказанный ему маршалом, когда он приблизился к нему, окончательно вывел его из себя. Он сошел тогда с лошади и удалился в сторону, заявляя, что ему нечего было более давать приказания и что ему оставалось только уступить командование другому. В эту самую минуту неприятель, казалось, сделал новую и серьезную попытку перейти овраг, около плотины; батальон 108 (полковник Ашар), занимавший там первое место, после долгой и оживленной перестрелки начал в полном порядке отступление, которое было замечено маршалом; он тотчас бросился к батальону, остановил его на месте, заставил его стать лицом к неприятелю и начал командовать ему ружейные приемы, как на учении. Тщетно доказывал батальонный командир, что он начал отступление только потому, что истощил свои патроны (извинение, правда, довольно плохое) и что он готов стать опять на свою позицию, как только получит приказ об этом; маршал ничего слышать не хотел, и, убежденный, что только один страх породил это отступление, он придумал поднять дух людей и возвратить им все их хладнокровие, заставляя их производить учение, как будто бы находились в ста верстах от неприятеля. А неприятель между тем продолжал двигаться вперед, и каждый видел его полчища, проходящие уже овраг, на расстоянии половины ружейного выстрела. Вскоре принуждены были предупредить об этом маршала, который, страдая, как известно, сильной близорукостью, не заметил, какие успехи делает атака и не подозревал о крайней важности положения. Он прекратил тогда учение этого несчастного батальона 108, и это новое нападение

русских, бывшее последним в этот день, было отбито, как и предыдущие, по всей линии. Они отступили и исчезли в лесах, откуда вышли.

Генерал Дессе, все еще недовольный, но сдерживающий свою досаду, сел опять на лошадь и, переехав овраг, поехал несколько минут по дороге, которая проходила через эти леса и по которой несколько отрядов авангарда были направлены вслед за русской армией; но он вскоре вернулся к ядру дивизии, чтобы заняться составлением доклада, который он должен был дать о событиях этого дня, и составить список всех военных чинов, для которых было основание ходатайствовать о наградах. Сражение было важное и делало величайшую честь нашей дивизии, которая, по правде сказать, почти одна выдержала напор 25 000 человек князя Багратиона; но благодаря раздору, существующему между маршалом и нашим генералом, это столь блестящее дело далеко не заслужило ему и его штабу наград, на которые они могли бы по закону иметь притязание.

Неприятеля не преследовали при его отступлении; иначе, вероятно, мы взяли бы у него множество пушек и обозов; но после этого дня, одного из самых важных дней похода кампании, мы оставались два дня на той же позиции, занятые погребением убитых.

(Генерал Жиро де л'Эн)

* * *

Вслед за этим сражением (при Салтановке) Даву обнаружил изумительную энергию в преследовании, что бы там ни говорили некоторые плохо осведомленные писатели. Несмотря на отсутствие поддержки со стороны короля Вестфальского, он все еще надеялся настигнуть Багратиона, помешать его соединению с главной русской армией или заставить его, по крайней мере, заплатить дорогой ценой за это соединение. В течение шести дней, пока продолжалось это преследование на правом берегу Днепра, как только попадалась малейшая возвышенность или какое-либо здание, откуда можно было окинуть взором окрестности,— туда непременно являлся сам маршал, то в легкой коляске, то верхом на коне. Я увидел его как-то забравшимся по лестнице на крышу одинокого дома, откуда он во все стороны глядел в подзорную

трубу. Там и сям виднелись вдали небольшие казачьи отряды, но больше ничего нельзя было ни видеть, ни знать. 2 августа, когда мы возвращались назад после длинного и тяжелого набега, нам показалось, что разъезды наши вступили в бой с неприятелем. Мы были слишком далеко, чтобы слышать выстрелы; но, передвигаясь по возвышенной местности, мы различали дым, а порой и значительные колонны движущихся войск. Около полудня мы переправились по понтонному мосту через Днепр, который здесь, в верхнем своем течении, и в эту пору года не отличается ни шириной, ни глубиной. Наши солдаты не хотели верить, что это знаменитый Борисфен; особенно незначительным был он в глазах тех, кто видел Тахо и Дунай. «Совсем как Россия; издали — что-то особенное, а вблизи — совсем ничего»,— говорили они, ибо настроение их в ту пору было чрезвычайно приподнятое, не только благодаря успеху Даву, но и вследствие успехов Великой армии, о которых мы только что узнали (сражения под Витебском, Островно и т. д.). Смеясь, переходили они реку, через которую лишь очень немногим из нас пришлось перейти обратно...

(Брандт)

РИГА И ДВИНСК

Все тогда было готово для знаменитой и столь злосчастной русской кампании.

Несмотря на мое состояние здоровья, в котором, однако, наступило улучшение, мне приказано было выехать в течение апреля 1812 г. Я покинул свое кресло в крепости Фигьер, оставил один костыль в Париже, а другой — в Берлине.

Я командовал на левом фланге армии 10-м корпусом, состоявшим из прусских войск и дивизии, в которую входили три полка польских, один баварский и один вестфальский; штаб состоял из французов. Прусский король особым письмом поручал мне свои войска.

Мы отправились маршем на Неман[1], где стали на позициях, и 24 июня вся армия ночью перешла его, не встретив ни

[1] У Тильзита. *Ред.*

малейшего сопротивления. Русские, стягиваясь, отступали перед нами; я выпустил первые заряды из орудий лишь в Самогиции.

Меня направили к Двине прикрывать берега Балтийского моря с поручением осадить Динабург и Ригу. Первая из этих крепостей имелась только на плане: у нее был лишь хороший tête de pont. Разведки, произведенные мной по ту сторону Двины, между двумя крепостями, вызвали тревогу на правом берегу этой реки и побудили русских генералов сжечь предместье Риги, которое могло облегчить нам штурм цитадели, и очистить tête de pont Динабурга, который я и велел занять. Тогда-то мы и узнали, что укрепления этого мнимого города существовали лишь на плане, а в действительности были едва намечены; чуть-чуть лишь была взрыта земля; ни одного даже барака, а следовательно, и обитателей, только одна старая развалившаяся иезуитская церковь. Я получил приказ отправить назад осадный парк, следовавший из Магдебурга, где он был сооружен с большими издержками. Другой был направлен из Данцига в Ригу; понадобилось не менее 40 000 вьючных лошадей для его доставки. Он остановился в Грожентале, в ожидании войск и необходимых средств для переправы через Двину и осады Риги.

Я представил несколько планов, но так как армия все более и более удалялась по дороге в Москву, меня оставили в нерешительном ожидании. Тем временем русский корпус, прибывший из Финляндии, численностью в 10 000 человек, попытался отнять осадный парк, но был храбро встречен прусскими войсками. В силу приказа я поместил свою главную квартиру недалеко от Динабурга, на краю левого фланга своей линии, в доме без мебели и без стекол; я поспешил на помощь с подкреплениями, но к нашему приходу дело уже было кончено. Согласно рапорту, который я представил об этом инциденте, было признано, что время года неудобно и этот дорогой и громадный материал слишком открыт для нападения. Мне был дан приказ переслать его в Данциг.

(Макдональд)

ДРИССКИЙ ЛАГЕРЬ

18-го вечером мы приблизились к русскому лагерю у Дриссы и к его окопам. При непрерывном приближении к главным окопам, необычайно высоким и снабженным большим количеством бойниц, у многих, вероятно, сердце забилось удвоенным или утроенным темпом. Чем больше мы подходили, тем тише становились все; не слышно было ни звяканья оружия, ни покашливания; ни одна лошадь не заржала; казалось, что и лошади умеют ходить на цыпочках. В любое мгновение ждали мы громового приветствия из этих окопов и их жерл и тихо подвигались к ним. Вдруг туман, застилавший нам глаза, рассеялся; тишина сменилась шепотом и затем хохотом; за огромными окопами не было ни одной пушки, ни одного солдата. Наверху бродил мужичок, которого раньше приняли за солдата, а посланные патрули скоро принесли известие, что русские на заре покинули свой лагерь и эти окопы. Переходы этих дней вызвали такое истощение сил, что я никак не могу вспомнить мест последующих наших стоянок. После того как мы, вследствие огромной нужды и затруднительных переходов, уже понесли значительные потери людьми и лошадьми, и известие об уходе русских из лагеря под Дриссой подтвердилось, мы прибыли вечером 22-го к Дисне.

(Роос)

МАРОДЕРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

29 июля 1812 г., когда мы стояли лагерем при Дисне на Двине, я получил приказание отправиться на мародерство...

На своем пути я никого не встретил. Мы шли час с четвертью, когда, наконец, показалась баронская усадьба, обещавшая уже издали хорошую добычу. Но я обманулся в своих ожиданиях: я встретил здесь отряд конных стрелков в пятьдесят человек, с тремя офицерами во главе. Я подошел к ним, и так как они мне сказали, что уже все навьючили и собираются немедленно выступать, то я отправился в дом.

Барон, окруженный слугами и служанками, находился в зале; он был в мрачном настроении, что, конечно, было впол-

не понятно. Я обратился к нему на французском языке и дал ему понять, что мне необходимы съестные припасы. Он отвечал по-немецки, уверяя, что французы отобрали у него все. Так как я не мог удовлетвориться этим ответом, то я сказал ему, что если я ничего не получу добром, то буду вынужден произвести осмотр дома, что только и может убедить меня в том, что нет спрятанных съестных припасов. Если такие найдутся, то это обстоятельство едва ли послужит на пользу господину барону.

Благодаря этой угрозе моим людям дали немного хлеба, вареной говядины и водки. Между тем гренадеры нашли в сараях двенадцать мешков зерна. Не удовольствовавшись этим, я потребовал от барона, чтобы он сообщил мне, нет ли поблизости какой-либо другой усадьбы, где бы я мог получить значительную добычу, не подвергаясь опасности со стороны неприятеля. Мой вопрос остался без ответа. Но после того, как я повторил его с угрозами и прибавил, что не оставлю без осмотра ни одного уголка в его доме, если он намерен относиться с таким безразличием к моим заявлениям, барон, наконец, сказал, что в полутора часах от его усадьбы живет его друг, у которого я могу получить все, что ищу, и что я по дороге к нему не встречу неприятеля, так как линия неприятельских аванпостов расположена в настоящий момент еще дальше на полчаса ходьбы.

Теперь вопрос был в проводнике, так как без него я неизбежно сбился бы с пути. Ни один человек из дворни барона не хотел взяться за это дело. Когда их колебания мне надоели, я приказал схватить одного из них, как оказалось, повара. Он, однако, сделал попытку убежать. Но гренадеры были так хорошо расставлены, что это ему не удалось. Барон сам должен был принести веревку, чтобы связать проводника.

Сержанту Каа и двум гренадерам я дал приказание обождать меня здесь и заявил, что барон до моего возвращения будет его пленником. По нашему расчету, мы должны были возвратиться к 6 часам вечера; если этого не произойдет, сержант должен будет привести барона связанным в лагерь, где его без всякого сомнения расстреляют, раз мы не вернемся.

Эти слова, произнесенные мной властным голосом, должен был выслушать и барон. От них у него выступил со

страху пот на лбу. Он бросился к своему связанному повару и стал на коленях умолять его, вероятно, привести нас в сохранности назад, иначе его, барона, ожидает смерть. Повар, как я заметил, явным образом успокоил своего господина, так что барон, когда мы уходили, уверял меня, что он надеется, что я возвращусь удовлетворенным.

Это приказание, данное мной моему унтер-офицеру, может быть, покажется читателю бесчеловечным. Но пусть он подумает, в каком положении был я сам, не зная, где и как я встречу врага и найду ли я потом опять дорогу в лагерь. Эта угроза принесла нам самые лучшие плоды.

Унтер-офицеру я дал, кроме того, тайный приказ освободить барона, после того как мы исчезнем из виду поместья, и остаться лишь при одних угрозах.

Наш связанный проводник, которого вел один из гренадер, привел нас по истечении часа с четвертью по окольным дорогам и длинным участкам леса к указанному, очевидно, пункту, причем нам не встретилась ни одна живая душа. Мы видели разный рогатый скот и лошадей. По дороге гренадеры поймали для меня великолепного коня.

Был полдень, когда мы подошли ко второй усадьбе, которая той стороной, с которой мы ее прежде всего увидели, близко прилегала к лесу. Прежде чем выйти на открытое место, я приказал половине моих гренадер обследовать окрестности замка, и только после того, как я удостоверился, что враг нигде не показывается, велел позвать барона, который и явился немедленно.

Я спросил его по-немецки, далек ли от этого места неприятель? На этот вопрос я получил ответ на плохом немецком языке. Все же, пустив в ход часы, я понял, что враг находится на расстоянии $^{3}/_{4}$ часа. Узнав через взятого нами проводника о наших желаниях, он кивком головы пригласил нас следовать за ним. Барон вошел в дом, а я сам поставил трех караульных. Он скоро возвратился со связкой ключей, при помощи которых передо мной отворились все двери. Мои люди получили водки и хлеба, и нам стали готовить обед.

Этот барон оказался очень услужливым и милым человеком; все его люди должны были помогать нам упаковывать и укладывать вещи, так что к трем часам были уже нагружены всякого рода съестными припасами двадцать одноконных те-

лег. Я указал ему на мою неоседланную лошадь, и почти немедленно на ней было уже новое английское седло и уздечка.

Во время обеда, который мы ели под открытым небом, я посоветовал барону немедленно скрыть в надежном месте все ценные вещи, так как в скором времени придут французы, которые потребуют и кое-чего другого, кроме съестных припасов.

Милый барон не хотел сначала взять у меня серебряной ложки, но, увидев, что я не придаю этой вещи никакой цены, похлопал меня по плечу и сказал: «Bravmann» (честный человек),— и сделал, как я ему говорил.

Приведши все в порядок, я стал готовиться к уходу. Вдруг появился один из гренадер со словами: «Французы идут!» Через несколько минут показался стрелковый офицер с четырьмя солдатами. Он немало был удивлен, увидев славную добычу на возах; но особенно, по-видимому, понравилась ему оседланная лошадка. Один из его стрелков хотел было положить на нее руку, со словами: «Она — наша со всем добром, которое вы тут набрали». Державший лошадь гренадер пригрозил стрелку, что немедленно его пристрелит.

Я, наконец, вмешался и заявил офицеру, что все, что он видит,— мое, и что я не понимаю, какие притязания он может иметь на это и т. д. После этого он ограничился угрозами, что если я не отдам ему, то он сделает об этом рапорт. Вполне понятно, что я послал его к черту и сказал ему, что если он недоволен, то пусть слезает с лошади, и мы покончим с ним расчеты другим способом. Но мой противник предпочел продолжать свой путь. Я едва мог удержать своих гренадер: они хотели подстрелить офицера, чего последний и его четыре стрелка, вероятно, и опасались, так как они ускакали от нас во весь опор.

Мой обоз уже двинулся, но последняя из моих телег не успела еще отъехать на сорок шагов от замка, как мы заметили приближение сильного отряда французской пехоты, который направлялся к усадьбе. Мы едва прошли четверть часа, как вдруг позади нас показался страшный столб дыма, из которого скоро стали высоко вздыматься огненные языки. Из этого, а также из поведения находившихся при обозе крестьян мы заключили, что баронская усадьба горит. Это обстоя-

тельство удвоило нашу поспешность, потому что без нее мы, вероятно, не смогли бы доставить в лагерь наши двадцать повозок. Несомненно, французы, не найдя более ничего в усадьбе, подожгли ее — месть, которая часто приводилась в исполнение второй шайкой мародеров.

Во время нашего движения мы встретили еще несколько отрядов войска, которые гнали перед собой много скота, так как был издан приказ ловить всюду рогатый скот. В лесу, среди которого шла наша дорога, случай дал мне в руки сначала одну, затем несколько, наконец, до 60 штук скота; нисколько не колеблясь, я приказал гнать их перед собой.

Скоро после этого мы пришли опять к немецкому барону. Как только я завидел усадьбу, проводник получил свободу и в довольном настроении подбежал впереди нас. Красивая дама с распущенными волосами, держа двух детей за руки, быстро подошла ко мне, бросилась передо мной на колени. Я немедленно ее поднял и спросил о причине ее горя, но от рыданий она в течение нескольких минут не могла произнести ни одного слова. Тронутый этим,— дети также начали плакать,— я сказал ей: «Если я смогу смягчить Ваше горе, скажите, и я сделаю это с удовольствием».— «Да, Вы это можете, это в Вашей власти!» Затем она рассказала, что после моего ухода здесь перебывало много других отрядов войска и что они отобрали у них без всякой жалости весь их скот, до 300 голов счетом. «Теперь у меня нет ничего, чем я могла бы кормить своих детей. Будьте добры дать мне только одну из этих коров, чтобы я могла поддержать жизнь моих детей. Бог вознаградит Вас за это!»

«Madame! возьмите на выбор не одну, а шесть коров, но поспешите спрятать их в лесной чаще: я пробуду у Вас, пока Вы этого не выполните». На лице ее заблестели опять слезы, но от радости, и, обернувшись к своим детям, она сказала им: «Теперь, милые мои дети, вы не умрете с голода,— этот господин дал вам молока».

В то время, как баронесса говорила это, подошли барон и повар, наш проводник. Как только барон услыхал от своей жены о том, что я сказал ей, он бросился обнимать меня от радости и благодарности. Повар поспешил отобрать шесть коров, к которым я прибавил еще шесть телят, и с помощью двух других парней погнал их в лес.

Сержант описал мне печальную картину грабежа. Без его покровительства этим милым людям пришлось бы еще хуже: барон сказал мне, что моим трем солдатам он обязан своей жизнью и тем немногим, что у него еще осталось, так как они взяли его под свою защиту.

Имея в своем распоряжении богатую добычу, я возвратил барону его двенадцать мешков зерна и дал ему еще три больших хлеба. Можно легко себе представить, что все это было принято с благодарностью. Я думал при этом: обязанность христианина — самому жить, давая возможность жить и другим. Я рассказал, кроме того, барону о своих опасениях относительно его друга, от которого я получил мою добычу, что он, может быть, еще несчастнее, чем он, так как его усадьба стоит еще невредима, а усадьба его друга превратилась, вернее всего, уже в груду пепла.

Когда повар возвратился из лесу, я снова отправился в путь, и таким образом к вечеру благополучно добрался до моего лагеря. Еще у моста на левом берегу Двины меня встретили с радостными криками многие из наших солдат. Когда обоз двигался по мосту, некоторые воскликнули: «Вот идет наш лейтенант! Он не позволил взять себя в плен и везет нам провиант».

Прибыв в лагерь, я распределил между штаб-офицерами и офицерами хлеб, масло, сыр, ветчину, некоторое количество пива, водки и меда, также и соль. Для команд у меня было на несколько дней водки и муки; для полковых лошадей — зерна и овса и т. д.

Это был первый и последний раз, когда я отправлялся на мародерство.

(Леглер)

БОЯРЩИНА И СМЕРТЬ КУЛЬНЕВА

Уже надвигалась ночь, когда аванпосты, поставленные для наблюдения на Дриссе, дали знать, что неприятель переходит реку. Маршал Удино, немедленно явившись к месту наблюдения, узнал, что 8 русских батальонов и батарея в 14 орудий собираются раскинуть бивак на левом, занятом нами берегу. Остальная часть их армии расположилась на

другой стороне Дриссы, очевидно, приготовляясь на следующий день перейти реку и атаковать нас. Авангард этот был под командой генерала Кульнева, человека очень смелого, но имевшего, как и большинство русских офицеров того времени, скверную привычку злоупотреблять водкой. Должно быть, в этот вечер он выпил сверх обычной меры, потому что ничем другим невозможно объяснить той огромной ошибки, которую он сделал, расположившись со своими 8 батальонами армии в 40 000 человек и в самых неблагоприятных условиях. Так, в 200 шагах позади его линии находилась Дрисса, которая, за исключением одного брода, была совершенно непереходима, не благодаря своей глубине, а потому, что высота ее совершенно отвесных берегов доходила до 15, даже 20 футов.

Таким образом, единственным путем для отступления Кульневу мог служить брод. Но мог ли он надеяться, что в случае поражения его 8 батальонов и 14 пушек успеют уйти через этот единственный переход от значительных сил французской армии, которая каждую минуту могла на них обрушиться из соседнего местечка Белого, где она была расположена? Нет. Но, очевидно, генерал Кульнев не был в состоянии что-нибудь соображать, когда он разбивал свой лагерь на левом берегу реки. Остается только удивляться, как мог главнокомандующий Витгенштейн, зная, по всей вероятности, слабость Кульнева, поручить ему свой авангард.

В то время, как голова русской колонны дерзко подходила на такое близкое от нас расстояние, ужасная растерянность царила не среди французского войска, но среди его начальников. Маршал Удино, один из самых храбрых людей, страдал отсутствием постоянства в своих решениях и в одну секунду переходил от проекта атаки к приказу об отступлении. Потери, которые он понес в конце этого дня по ту сторону большого болота, сильно смутили его, и он не знал, как ему выполнить предписание императора, который настоятельно приказывал ему оттеснить Витгенштейна на Петербургскую дорогу, по крайней мере, до Себежа и Невеля. К своей большой радости, ночью он получил депешу с известием о скором прибытии баварского корпуса под командой генерала Сен-Сира, который император отдавал ему под начальство. Но вместо того, чтобы поджидать это сильное под-

крепление, стоя на выгодной позиции, Удино, по совету артиллерийского генерала Дюлалуа, решил идти навстречу баварцам, заставляя отступать всю свою армию вплоть до самого Полоцка. Эта непонятная мысль вызвала самый живой протест в собрании генералов, созванном маршалом. Храбрый генерал Легран доказывал, что хотя наши утренние успехи и сводились на нет вечерними потерями, но тем не менее армия расположена как нельзя лучше для наступления на неприятеля; что заставить ее отступать до Полоцка — значит поколебать ее дух, представив ее баварцам как побежденное войско, ищущее у них прибежища; что, наконец, одна эта мысль должна привести в негодование все французские сердца. Горячая речь Леграна объединила голоса всех генералов, и маршал объявил, что отказывается от своего проекта отступления.

Оставалось решить очень важный вопрос: что делать с наступлением дня. Генерал Легран, старший из всех офицеров, к голосу которого прислушивались благодаря его большим заслугам и громадной боевой опытности, предложил воспользоваться ошибкой Кульнева, атаковать русский авангард, так неосторожно, без всякой опоры, помещенный на нашем берегу, и опрокинуть его в Дриссу, находившуюся у него в тылу. Предложение это было принято маршалом и всем советом, и выполнение поручено генералу Леграну.

Лагерь армии Удино помещался в нечастом сосновом лесу, перед которым был громадный луг. Опушка леса имела форму лука, два конца которого доходили до самой Дриссы, составлявшей как бы его тетиву. Бивак 8 русских батальонов расположился очень близко от реки, как раз против брода. Впереди выстроилась батарея из 14 пушек при значке.

Легран, желая захватить неприятеля врасплох, предписал генералу Альберу прислать в каждую из двух, составляющих бока лука, частей леса по одному пехотному полку, которые должны напасть с флангов на неприятельский лагерь, как только в нем будет услышано приближение кавалерии. Эта последняя из середины лука должна со всех ног обрушиться на русские батальоны и опрокинуть их в поток. Задача, предстоявшая кавалерии, была, как это видно, самая опасная, потому что для того, чтобы достичь неприятеля, она должна была не только атаковать *в лоб* неприятельскую ли-

нию, защищенную 6000 ружей, но и попасть под огонь 14 артиллерийских орудий. Правда, была надежда на то, что захваченные врасплох, во время сна, русские не смогут оказать сильного сопротивления.

Полк мой, вступивший в отправление своих обязанностей 31 июля утром в Клястицах, нес их в течение всего дня. Он должен был по установленному правилу быть заменен 24-м полком 1 августа в час утра.

Этот последний полк был командирован в атаку, мой же должен был оставаться в резерве, потому что на пустом пространстве между лесом и потоком не могло поместиться одновременно больше одного кавалерийского полка. Полковник А. явился к Удино и поставил ему на вид следующее опасение: как бы в то время, как мы приготовляемся к сражению с войском Витгенштейна, расположенным впереди нас, генерал этот не направил бы к нашему правому крылу сильный отряд для того, чтобы тот, перейдя Дриссу через брод, существующий, по всей вероятности, версты на 3 выше места, где мы находились, подошел бы к нам с тыла и захватил наших раненых и наши обозы. Он убеждал, что было бы благоразумно послать кавалерийский полк для наблюдения за тем бродом, о котором он говорил. Маршал согласился с этой мыслью, и полковник А., полк которого должен был вступить в дело, отдал приказание стремительно сесть на лошадей и отправился вместе со всем своим полком в предложенную им же самим экспедицию, предоставив 23-му весь риск предстоящего боя.

Мой храбрый полк спокойно принял известие об опасной миссии, возложенной на него, и с удовольствием смотрел на проезжавших перед его фронтом маршала и генерала Леграна, явившихся, чтобы лично руководить приготовлениями к предстоящей нам серьезной атаке.

В то время во всех французских полках, за исключением кирасир, была рота гренадер, носившая название *отборной* и державшаяся, обыкновенно, на правом фланге. Так же помещалась и отборная рота 23-го, но Легран обратил внимание маршала на то, что вследствие того, что неприятельская артиллерия находится перед его центром, пункт этот является самым опасным, а потому следовало бы направить на него отборную роту из закаленных людей и лучших лошадей для

того, чтобы избежать какого-нибудь колебания, могущего повлечь за собой печальный исход всего предприятия. Напрасно уверял я, что полк, составленный почти целиком из старых солдат, во всех отношениях, и нравственном и физическом, совершенно одинаково надежен во всех пунктах: маршал приказал мне поставить отборную роту в центр полка. Я повиновался; затем, созвав офицеров, я объяснил им вполголоса то, что нам предстояло сделать, и предупредил, что для того, чтобы вернее захватить врасплох неприятеля, я обойдусь без предварительной команды и ограничусь словами *«В атаку!»* тогда, когда наша линия будет на близком расстоянии от неприятельских пушек. С наступлением сумерек, как и было условлено, полк вышел с места стоянки в полнейшем молчании и довольно легко прошел лес с большими, но нечастыми деревьями. Затем мы вступили на гладкий луг, в конце которого находился русский лагерь.

Во всем полку только у одного меня не было сабли; происходило это по той причине, что правой рукой, единственной, которой я мог владеть, я должен был держать поводья лошади. Вы понимаете, до какой степени затруднительно такое положение для кавалерийского офицера, который должен броситься на врага. Но мне во что бы то ни стало хотелось идти с моим полком, и я занял место перед отборной ротой, рядом с ее бесстрашным капитаном Курто, одним из лучших и любимых моих офицеров.

Все было совершенно спокойно в русском лагере, к которому мы бесшумно, шагом подвигались. Я потому особенно надеялся захватить русских врасплох, что генерал Кульнев не взял с собой ни одного кавалерийского отряда, поэтому нигде не было видно ни одного патруля, и при слабом свете огней мы различали только редких пеших часовых, поставленных притом так близко к лагерю, что между той минутой, когда они могли поднять тревогу, и нашим внезапным появлением русские вряд ли успели бы приготовиться к отпору. Но вдруг два противных казака, эти пронырливые, подозрительные ищейки, появились внезапно шагах в 30 от моей линии, посмотрели на нас с минуту и затем бросились к лагерю, предупреждая его о нашем приходе! Эта помеха была мне в высшей степени неприятна, потому что без нее мы, конечно, добрались бы до русских, не потеряв ни одного чело-

века. Между тем, так как мы были открыты и притом приблизились к тому месту, откуда я решил ускорить шаг — я пустил мою лошадь в галоп, то же самое сделал весь полк, и вслед за тем я скомандовал: «В атаку!» Мои бесстрашные кавалеристы стремительно бросились за мной к лагерю, и мы обрушились на него подобно удару молнии!.. Но те два казака уже подняли тревогу. Артиллеристы, спавшие возле своих орудий, схватили фитили, и 14 пушек сразу засыпали нас картечью. 37 человек, и между ними 19 из отборной роты, были убиты наповал. Храбрый капитан Курто был в их числе! Лейтенант Лалуэт тоже! Русские артиллеристы хотели опять зарядить орудия, но на них бросились наши кавалеристы и изрубили их саблями. У нас было мало раненых, потому что почти все раны были смертельны. 40 из наших лошадей было убито. Моя, искалеченная картечью, все-таки донесла меня до лагеря, где русские пехотинцы, вскочившие со сна, уж бежали, чтобы схватиться за оружие, но это не удалось им, потому что с самого начала нападения они, согласно моему распоряжению, были отрезаны от своих сложенных в козла ружей, и теперь их рубили беззащитных. Эти люди не имели возможности стрелять в нас, тем более что, услышав пушечные выстрелы, два пехотных полка генерала Альбера, выйдя из лесу, беглым шагом бросились к крайним точкам лагеря и, устроив цепь, брали в штыки всякого, кто пытался защищаться. Под натиском этой тройной атаки русские пришли в полный беспорядок. Многие из них, явившись в лагерь ночью и не имея возможности рассмотреть, как высоки берега, пытались теперь спастись через реку и падали с высоты 15—20 футов на острые камни, о которые почти все и разбивались насмерть: много их погибло!

Между тем насилу проснувшийся генерал Кульнев собрал отряд из 2000 человек, из которых разве только у одной трети были ружья, и, машинально следуя за этой беспорядочно идущей толпой, достиг брода. Но, войдя в лагерь, я приказал занять этот важный пункт 500—600 кавалеристам, среди которых находилась и отборная рота. Эта последняя, раздраженная смертью своего капитана, бешено бросилась на русских и устроила среди них ужасающую бойню!.. Кульнев, качавшийся в седле от пьянства, бросился на унтер-офи-

цера Лежандра; последний вонзил ему саблю в горло и распростер мертвым у своих ног.

Сегюр в своем повествовании о кампании 1812 г. заставляет умирающего Кульнева держать речь наподобие гомеровского героя. Я был в нескольких шагах от унтер-офицера Лежандра, когда он воткнул свою саблю в горло Кульнева, и я мог удостоверить, что русский генерал упал, не произнеся ни одного слова.

Победа пехотинцев генерала Альбера и 23-го полка была полная. У неприятеля насчитывалось, по крайней мере, 2000 убитых и раненых, и около 4000 мы взяли в плен. Остальные погибли, разбившись о камни. Нескольким человекам, самым ловким, удалось вернуться к Витгенштейну, который, узнав о кровавом поражении своего авангарда, отступил к Себежу.

Маршал Удино, окрыленный блестящим успехом, выпавшим на его долю, решил преследовать русских и приказал армии, как и накануне, перейти на правый берег Дриссы, но для того, чтобы дать возможность отдохнуть пехоте Альбера и 23-му стрелковому полку, маршал оставил их для наблюдения на поле сражения.

Я воспользовался этим отходом для того, чтобы совершить обряд, который редко удается исполнить на войне. Это обряд отдания последних почестей нашим славным убитым товарищам. Огромная могила приняла их всех, уложенных рядами по чинам. Капитан Курто и его лейтенант начинали первый ряд. Перед могилой мы поместили 14 русских пушек, так геройски отбитых 23-м полком.

(Марбо)

ПОЛОЦК

1 августа перед нами очутился весь корпус русской армии под предводительством генерала Витгенштейна. Битва началась в 10 часов утра и продолжалась до 5 часов вечера. Русские храбро защищались, но должны были отступить, и притом с громадными потерями[1]. Мы все еще находились в

---

[1] Речь идет о сражении под Боярщиной. *Ред.*

480 верстах от С.-Петербурга, и нам очень хотелось войти в эту императорскую резиденцию. К несчастью, очень трудные препятствия пресекали нам путь. Почти во всех местах, куда мы приходили, съестные припасы были вывезены или сожжены русскими, деревни были пусты, жителей не было: они убежали, унося с собой свою провизию, в большие окрестные леса. На нашем пути мы не встретили ничего, кроме жалких и безлюдных деревень, дома которых были скорее несчастными избами. Скот, обозы, со съестными и боевыми припасами, предназначенными для нас, были по большей части захвачены и уничтожены казаками, которые проскальзывали мимо наших флангов. К тому же длинные переходы, которые приходилось совершать, чтобы преследовать и настигнуть неприятеля, частый дождь и рыхлая почва полей, а временами страшная жара, быстро меняющаяся погода, недоброкачественная пища или же полное отсутствие ее, а также и других необходимых предметов — одним словом, голод и усталость истощали солдат и вызывали болезни. Уже армия понесла значительные потери. Госпитали, или вернее места, предназначенные для приема раненых и больных, были от нас слишком далеко, и обозы с этими несчастными чаще всего попадали в руки русских. Ввиду всех этих обстоятельств наша армия ослабевала с каждым днем, в то время как русские набирались сил, и хотя до сих пор мы их оттеснили со всех их позиций, все же наш главнокомандующий был принужден вместо того, чтобы продолжать идти на С.-Петербург, отступить к Полоцку. Об этом переходе ничего точного указать я не могу, так как мы проходили лишь через самые незначительные деревни и останавливались отдыхать в пустынных степях или лесах.

8 августа мы пришли в Полоцк. 6-й корпус, в котором было 38 000 баварцев, предупредил нас несколькими днями и находился также около Полоцка. 9-го мы были уже перед Полоцком.

11-го мы атаковали там русских, которые собрались в большом количестве на хороших позициях и встретили нас сильным артиллерийским огнем.

Несколько раз возобновлялась атака. Битва продолжалась от 7 часов утра до 3 часов дня, но окончательного результата еще не было. 4-й полк французских кирасир стра-

дал ужасно. Наша дивизия не принимала большого участия в этой битве, так как ее держали в резерве. К вечеру наша армия отступила в Полоцк.

Русская армия под предводительством генерала графа Витгенштейна, сильно подкрепленная, двинулась вслед за нами и энергично атаковала нас. Это правильное сражение растянулось по фронту на 6 верст; оно было очень кровопролитно и продолжалось три дня сряду. Каждое утро атака возобновлялась и длилась под страшно жарким солнцем до ночи. 9 августа был день самый кровавый из всех трех.

Наконец, русские принуждены были оставить поле битвы. Но они отступили всего на несколько верст. Было сочтено, что на поле битвы осталась 31 000 человек. Потери русских были еще значительнее наших. Сам маршал Удино был ранен в этой битве. Тогда генерал Сен-Сир взял на себя временно командование армией.

Дома и церкви в Полоцке были полны ранеными. К несчастью, за недостатком помощи и вследствие громадного количества раненых уход за ними не мог быть достаточно хорошим, и большинство из них умерло там. В этой стычке баварцы потерпели громадные потери. Но наш полк пострадал немного.

20 августа я был назначен, чтобы следить на следующий день за погребением убитых на поле битвы. Эта грустная обязанность выпадала на мою долю несколько раз. Для этой тяжелой работы я нарядил 100 русских пленных, которые с лопатами и заступами должны были работать под присмотром сотни наших вооруженных солдат. Невозможно описать того плачевного вида, который представляет из себя поле битвы с массой раненых, умирающих, мертвых, людей, находящихся в агонии. Многие несчастные солдаты, раздавленные артиллерией и кавалерией, взывали к смерти, чтобы покончить со своими мучениями. Мы велели перенести в Полоцк всех тех несчастных, которых еще можно было спасти, не различая врагов от своих.

22 августа наш полк расположился гарнизоном в Полоцке. После долгого скитания по полям мы радовались, что, наконец, устроились в домах. Однако и в них мы нашли только мертвых солдат. Жители разбежались. И прежде чем занять жилища, мы должны были похоронить мертвых, которые в

них находились. Все остальные полки 2-го и 6-го корпусов остались в деревнях, расположившись на пространстве в 2—4 версты от Полоцка. Генеральный штаб был, как и мы, в городе; он занял бывший монастырь иезуитов, где еще жил старый монах, с которым я познакомился и который впоследствии оказал мне большие услуги.

Число больных в армии все время увеличивалось. Солдаты получали пищу очень неправильно: мясо без хлеба и соли. Часто в Полоцке невозможно было дышать, потому что воздух был отравлен (мы были там летом во время страшной жары) злокачественными испарениями от трупов, которые лежали вокруг города, еле погребенные и наполовину разложившиеся. Хотя в этой стране зима бывает холодной и очень долгой, однако жара в июне, июле и августе по крайней мере такая же сильная, как и у нас.

Чтобы предупредить недостаток пищи, жилища и ухода, многих больных и раненых отправили из Полоцка в Вильно. Во время этого путешествия, почти в сто верст, большинство этих несчастных умерло от голода и нищеты.

(Гаспар Шумахер)

* * *

17 августа, возвратясь в Полоцк, Сен-Сир собрал бóльшую часть генералов, чтобы сообщить им свое намерение атаковать на следующее утро неприятеля всеми силами; он оправдывал это намерение близостью русских, не позволявшей посылать отряды для фуражировки и заставлявшей войска быть постоянно наготове без малейшего отдыха.

События дня достаточно показывали намерение неприятеля не давать нам передышки и сражаться с нами, хотя бы даже все французские войска перешли на левый берег Двины; его положение было слишком угрожающим для того, чтобы можно было принять какое-нибудь другое решение, кроме того, чтобы дать ему битву, которой к тому же и при желании нельзя было надолго избежать, так как в тот день русский главнокомандующий начал возводить два моста, один через Двину, ниже Полоцка, другой через Полоту, направо от 6-го корпуса.

Невозможно было дольше оставаться в таком опасном положении; надо было во что бы то ни стало отбросить непри-

ятеля, который, предположив даже, что его намерением было не продолжать своего наступления, а оставаться в таком же близком расстоянии от нас, мог перебросить часть войск со своих флангов нам в тыл и захватить всех людей, рассыпавшихся на 10 лье кругом по окрестностям в поисках провианта для себя и своих частей. Число этих людей равнялось, по меньшей мере, четверти всей армии, которая могла содержать себя только таким способом, так как в лагере не производилось никакой выдачи за отсутствием запасов.

Главнокомандующему было нетрудно убедить своих генералов в необходимости наступления, но все удостоверяли, что их войска были так слабы, что они не будут в состоянии вынести всей тягости сражения, если оно, подобно предыдущему, будет продолжаться целый день. Тогда он предложил им занять их только полдня, но они отвечали, что им невозможно будет продержать своих солдат на ногах в течение шести часов: наконец, он предложил им покончить дело в четыре часа, и они подтвердили, что это все, чего можно ожидать от столь истощенных людей. Таким образом, было решено, что на следующий день, 18 августа, если только неприятель не предупредит нас, 2-й и 6-й корпуса дадут ему сражение, которое будет продолжаться четыре часа, а чтобы по мере возможности быть уверенными, что оно удержится в этих границах, было решено ввести войско в дело в 4 часа пополудни, чтобы наступившая ночь дала возможность закончить его. Генералы разошлись, ознакомившись с общей диспозицией, и в частности с тем, что касалось каждого из них. Уже несколько дней тому назад армия Витгенштейна получила значительные подкрепления; ее резерв, оставшийся в Ропне с генералом Сазоновым, присоединился к ней ночью так же, как войска князя Репнина, отделившиеся в Дриссе. Смотр, о котором я скоро буду говорить, показал, что 18 августа 2-й корпус содержал в себе только 21 000 человек, а 6-й 10 000, что, выключая четверть людей, отправляемых, как говорилось тогда, на мародерство, составляло в наличности под знаменами около 24 000 человек. Надо было пополнить недостающие силы и маневрировать так, чтобы застигнуть неприятеля врасплох. Было произведено фальшивое отступление для того, чтобы он, не ожидая нападения, не имел бы времени принять меры, способные помешать на-

шему предприятию. Мы настолько положились на его доверчивость, что надеялись обмануть его, несмотря на близость обеих армий, затруднявшую неожиданное нападение. Рвение, с которым неприятель старался окончить постройку своих мостов, войска, которые он посылал на подмогу работающим и в обход нашей армии,— все указывало на то, что он чувствовал себя в безопасности; в то же время такое положение вещей, казалось, оправдывало выбор для нашего нападения центра неприятельской армии.

Согласно данным о составе неприятельской армии, приводимым в сочинении Бутурлина, мы, по-видимому, преувеличивали силы неприятеля, как это почти всегда бывает на войне. По показанию этого автора, корпус Витгенштейна, в начале кампании, содержал в себе только 28 батальонов и 28 эскадронов, в общем 20 000 человек; в конце июня, вследствие присоединения к нему отряда князя Яшвиля,— 36 батальонов и 31 эскадрон (25 000 человек); в первых числах августа он был подкреплен еще несколькими батальонами и эскадронами, под начальством князя Репнина, а после присоединения Динабургского гарнизона, состоявшего из 12 батальонов, под начальством генерала Гаммена, надо считать, что силы его к 18 августа равнялись 50 батальонам, 36 эскадронам при 120 орудиях,— всего более 30 000 человек.

18 августа, в час пополудни, военный обоз обоих корпусов армии, расположенный за старым Полоцком, двинулся по дороге из Полоцка к Уле. 8-я дивизия немного спустя оставила позицию, занимаемую ею накануне на левом берегу Двины, около того места, где русский главнокомандующий возводил мост, и поднялась вверх по течению, по левому берегу реки до старого Полоцка, все время в виду правого фланга неприятельского лагеря, расположенного на противоположном берегу. Она, по-видимому, собиралась стать в хвосте обоза, в то время как дивизия кирасир и бригада Кастекса, выступив одна из Семенца, другая из Рудни, с лошадьми, нагруженными фуражом, по-видимому, собирались прикрывать переднюю часть и фланги. В половине третьего обоз стал быстро подвигаться к Уле; повозок было очень много, и они поднимали густую пыль. В то же время наиболее сильная часть артиллерии 2-го корпуса, под начальством генера-

ла Обри, заменившего Дюлалуа, перешла на правый берег Двины, чтобы занять назначенное ей место.

В половине четвертого 8-я дивизия, под начальством генерала Валентина, заменившего Вердье, раненного за два дня до этого, перешла реку по одному из мостов Полоцка непосредственно за частью дивизии Мерля, которая шла сменять по ее позициям дивизию Леграна, стоявшую лагерем у дороги к Петербургу и Невелю. Последняя должна была опереться правым флангом на село Спас, следуя по долине Полоты и скрывая свое передвижение от неприятеля, который ничего не должен был знать о нем; дивизия Валентина должна была следовать за ней на известном расстоянии. Дивизия Мерля составляла левое крыло армии, опирающееся на Двину; в резерве ее на правом фланге находилась швейцарская бригада, под начальством генерала Кандрá, расположенная на левом берегу Полоты; дивизия кирасир генерала Думерка была в пути, чтобы стать справа от нее и соединиться с остальной армией. Две дивизии 6-го корпуса, находившиеся накануне слева от центра неприятельской армии, куда французский главнокомандующий хотел направить главную атаку, не нуждались ни в каком передвижении; с половины пятого часа они были поддержаны на левом фланге дивизиями Леграна и Валентина, скрытыми так же, как и они, в долине Полоты и за селом Спас.

Главнокомандующий, находясь близ баварской артиллерии, которая должна была дать сигнал к атаке, видел, как все его войска приближались к назначенным им позициям. Русские не замечали никакого движения в долине Полоты, так как оно было скрыто от них; они следили своими зрительными трубами только за эволюциями на левом берегу Двины, производившимися открыто, так как они должны были симулировать отступление. Главнокомандующий не надеялся обмануть противника, находившегося так близко от Полоцка, что представлялось невозможным, чтобы он не услышал шума, производимого войсками, переправлявшимися с левого на правый берег Двины. Эти войска были довольно многочисленны; они состояли из двух дивизий пехоты, шести полков кавалерии и, кроме полковой артиллерии, имели еще большой артиллерийский парк. Шум, производимый этим последним, особенно когда он передвигался по плашко-

утным мостам и по улицам Полоцка, был прекрасно слышен с того пункта, откуда Сен-Сир наблюдал за русским главнокомандующим, который находился на одинаковом с ним расстоянии от города.

Видя полную беспечность неприятеля, Сен-Сир очень сожалел, что он распорядился начать атаку артиллерии, которая, подняв тревогу на всех пунктах его боевой линии одновременно, могла уменьшить выгоды, которых надеялись достигнуть в первый час сражения вследствие полной неподготовленности неприятеля. Но все уже было готово, и час, назначенный для атаки, даже уже прошел, поэтому он не решился отменить свои распоряжения даже в том, что касалось исправления движения 8-й дивизии, образовавшей в нашем строю брешь, которую пришлось охранять бригаде Корбино, оказавшейся под рукой.

Ровно в 5 часов баварские батареи подали сигнал к битве, открыв огонь по главной части русской армии, расположенной у Присменицы, где находилась также большая часть ее артиллерии и главный штаб графа Витгенштейна.

Батареи 2-го корпуса также открыли огонь, скрестивши его с огнем 6-го корпуса; канонада была очень сильна. Наши батареи состояли из 60 с лишком орудий; у неприятеля их было гораздо больше: при звуках пальбы дивизия кирасир, находившаяся при арьергарде, проходившем через город, побросав связки фуража, которым запаслись кавалеристы, направилась галопом к назначенному ей месту на левом фланге армии, единственному пункту расположения наших войск, где она могла найти достаточно места для маневрирования.

Невозможно выразить в простом рассказе замешательство, произведенное в русских войсках первыми залпами нашей артиллерии и внезапным появлением наших колонн; каждый бежал к своей лошади, к своему орудию, к своему знамени, за своим оружием. Среди этого смятения, когда дивизия Вреде, выступив справа из села Спас, атаковала неприятеля с левого фланга, храбрый генерал Дюруа, как будто спешивший навстречу смерти, отважно выступив из этого села во главе своей дивизии, двинулся на Присменицу, которую Легран хотел атаковать спереди; в это время дивизия Валентина атаковала русские войска, находившиеся справа от усадьбы Присменицы. Эти четыре дивизии подвигались

эшелонами, частью в виде колонн, частью развернутым строем, будучи прочно связаны между собой, и каждая сформировала себе резерв. Огонь нашей артиллерии прекратился, как только наши войска подошли к неприятелю; атака была произведена одновременно, решительно и отважно; в обороне, как и следовало ожидать, было сначала мало порядка и связности, на что французская армия рассчитывала, и ее ожидания оправдались. Русские выказали в этом деле непоколебимую храбрость и личное мужество, примеры которого можно редко встретить в войсках других наций. Они проявили чудеса храбрости, но не могли устоять против одновременной атаки четырех тесно сплоченных дивизий, напиравших всей тяжестью на отряды, которые по очереди им противопоставлялись.

Нападение было ужасно, борьба продолжалась очень долго; действовали столько же штыком, сколько огнестрельным оружием; мы оставили за собой большую часть русской артиллерии, и они стреляли только из ружей. Наши войска проникли за переднюю линию их войск, овладели усадьбой Присменицей. Их разрозненные батальоны сосредоточились на второй линии и в резерве; мы воспользовались этим временем, чтобы восстановить порядок в наших рядах и приготовиться к новому наступлению, так как можно было предположить, что неприятель сделает еще усилие, прежде чем исчезнуть с поля битвы. Мы воспользовались всеми выгодами, которые могло обещать нам их замешательство, теперь нам следовало сохранить приобретенные преимущества, что становилось затруднительнее, так как их армия сосредоточилась в одном пункте, и если мы до сих пор сражались с равным числом, то теперь нам приходилось иметь дело с сильнейшим неприятелем.

Витгенштейн снова выдвинул вперед генерала Гаммена, который командовал центром, подкрепленным войсками еще не вступавшими в битву, т.е. частью второй линии и резервом; атака их была поддержана еще несколькими полками кавалерии, между которыми находились части Императорской гвардии. Наши дивизии снова поспешно выступили, продолжая наступательное движение, с намерением докончить прорыв центра неприятельской армии и зайти затем в тыл войскам, находившимся на левом фланге русской армии,

под начальством генерала Берга и полковника Властова, и сражавшимся с баварцами. Войска центра, подкрепленные всей пехотой армии, выдержали новый натиск дивизии Леграна и Валентина с тем же мужеством, какое они выказали при первой атаке; они были поддержаны также атаками своей кавалерии, но последняя была каждый раз отражена нашей пехотой. Эта кавалерия по свойству местности, где происходило сражение, могла действовать только небольшими отрядами, а в таком случае она может принести мало пользы; она страшна только тогда, когда действует большими массами. Однако полубригада 8-й дивизии, потерявшая своего начальника за несколько дней перед тем и состоявшая из очень молодых солдат, поддалась и слегка отступила, что едва не вызвало в этом пункте замешательства, предупрежденного необыкновенной храбростью других войск этой дивизии, что еще увеличило репутацию генерала Мезона, принявшего большое участие в этом деле. Неприятель, несмотря на все свои усилия, должен был еще отступить, но понадобилась еще последняя генеральная атака, чтобы окончательно выбить его с поля сражения; поэтому впереди пехоты были выдвинуты пушки, и мы опять приблизились к русской армии в том месте, где находился ее резерв. Баварцы прорвали левое крыло, причем Берг отступил на Ропну, а Властов — по дороге к Невелю. Во время этого отступления они чуть не потеряли отряд, занимавший мост, построенный через Полоту, направо от 6-го корпуса: в то время как он присоединился к левому флангу армии, он должен был, чтобы не быть отрезанным, быстро пройти мимо правого фланга стрелков дивизии Вреде; таким образом, большей части их удалось спастись, остальные были взяты в плен или убиты. Дивизии Леграна и Валентина прорвали центр и часть правого фланга, отбросив русских к большому лесу, находившемуся позади них. Генерал направился тогда к своему резерву, чтобы направить его по Петербургской дороге за правым флангом неприятельской армии, но прежде чем это движение состоялось, произошел случай, вызвавший довольно большой беспорядок позади наших войск. Кавалерийский полк русской гвардии, состоявший из кавалергардов и драгун, бросился между левым флангом 8-й дивизии и правым флангом дивизии кирасир Думерка, проследовал некоторое

время поодиночке через болото, чтобы достигнуть равнины, где находилась наша бригада легкой кавалерии, и произвел на эту последнюю такое впечатление, что она сделала полуоборот, не осмелившись атаковать его. Эта бригада, состоявшая из трех полков, правда, слабых и сформированных из новобранцев, несмотря на все усилия командира (генерала Корбино), чтобы удержать его на месте, опрокинулась в беспорядочном бегстве на большую батарею 2-го корпуса и помешала ей стрелять, тогда как если бы она обратилась немного влево, то встала бы под защиту дивизии кирасир да и не нуждалась бы в этой защите, так как один залп батареи, имевшей 30 орудий, тотчас бы остановил неприятеля и отбросил бы его туда, откуда он появился. В это время главнокомандующий возвращался из центра на левый фланг своей армии, чтобы двинуть его вперед, так как он не был больше нужен в качестве резерва; он находился позади бригады Корбино на дороге к Невелю близ Спасского озера. Предвидя беспорядок, могущий возникнуть вследствие этого смятения, хотя сражение подходило к концу и наступал вечер, он тотчас послал к батарее 2-го корпуса полковника Коланжа, который должен был обстрелять ядрами бригаду легкой кавалерии, чтобы заставить ее демаскировать эту батарею или атаковать полк русской гвардии. Ясно было, что эта бригада была охвачена паническим страхом, потому что она не сознавала всех выгод, вытекающих из ее численного превосходства и безопасного положения, так как неприятель мог настигнуть ее, только пробираясь поодиночке по извилистым тропинкам, среди болотистой и лесистой местности; между тем опыт показал мне, что можно излечить войска, охваченные подобным страхом, только подвергнув их опасности, превосходящей ту, от которой они пытаются освободиться.

Главнокомандующий послал в то же время своего адъютанта (капитана Лешартье) к кирасирской дивизии с приказом Думерку, чтобы он двинул часть ее против русского полка. Сен-Сир следовал тогда на маленькой линейке, так как полученная им накануне рана не позволяла ему ехать верхом. Он ехал на небольшом расстоянии за полковником Коланжем, чтобы заставить действовать батарею, не решавшуюся последовать устному приказанию полковника. Прежде достижения ее он поравнялся с бригадой Корбино, убегав-

шей от русской кавалерии, которая уже рубила саблями людей баварской артиллерии и отняла два орудия. Начальники пропустили время действовать вследствие осторожности, излишней в таком важном случае, так как она могла совершенно изменить положение наших дел, если бы панический страх распространился далее и атака была бы поддержана, что случилось бы неминуемо в том случае, если бы она была результатом соображений русского главнокомандующего, а не дерзости русской гвардии. Застигнутая врасплох артиллерия поспешно отступила частью по дороге к Полоцку, частью вдоль стены кладбища Св. Ксаверия, где главнокомандующий до начала сражения поместил отряд в 100 человек, чтобы предупредить случайность такого рода.

Среди этого беспорядка лошади, запряженные в линейку, в которой ехал главнокомандующий, испугались и, опрокинув ее, потащили кучера среди убегающих к Полоцку артиллерийских зарядных ящиков; главнокомандующий очутился посреди неприятельского эскадрона, который вызвал все это смущение, и благодаря почти непонятному счастью пробрался в долину Полоты, крутые берега которой препятствуют в этом месте спуску кавалерии. Офицер Главного штаба, остававшийся с ним, помог ему спуститься вниз, и он направился к швейцарской бригаде, находившейся в резерве и ожидавшей приказаний, чтобы двинуться вперед; генерал, командовавший этой бригадой, не осмелился двинуть ее на край оврага, хотя она находилась очень близко от него, и ее появления было бы достаточно, чтобы остановить неприятеля. Те из русских кавалеристов, которые последовали за артиллерией по дороге, идущей вдоль кладбища, были остановлены огнем пехоты, скрытой за его стенами и стрелявшей в упор, другие, преследовавшие артиллерию по дороге к Полоцку, подверглись нападению 4-го полка кирасир, под начальством генерала Беркгейма, которого адъютант Лешартье уговорил двинуться с места, не дожидаясь, как он хотел, приказа генерала Думерка.

Бригада Кандра́ из дивизии Мерля выступила вперед, чтобы поддержать четыре батальона, которые Сен-Сир ввел в лес, преследуя неприятеля по дороге к Белому; но мы узнали, что эти четыре батальона, изнемогая от усталости, легли у опушки леса, не будучи в состоянии двинуться

далее. Таким образом, генералы верно судили накануне о состоянии своих войск, так как, хотя и оставшись победителями, мы не могли воспользоваться всеми плодами победы, одержанной благодаря стойкости и храбрости наших войск.

Но если победа и не была столь полной, как можно было бы желать, то все-таки у нас в руках остались трофеи: 1200 пленных и 14 пушек[1], отнятых у неприятеля на поле битвы, указывали на немаловажный успех по отношению к более сильному врагу, притом же поставленному в лучшие условия, чем наша изнуренная 6-месячным усиленным походом и 6-недельными суровыми лишениями армия. Русские, в беспорядке отброшенные в лес, находившийся позади них, потеряли свой лучший путь к отступлению, на который они могли выйти только в Гамзелеве, по непроходимым дорогам, где они потеряли бы всю свою артиллерию, если бы войска, посланные по этой дороге, могли бы последовать за ними. Отдых, в котором нуждалась армия, был ей обеспечен; она могла в полной безопасности запасаться провиантом и восстановлять свои силы, так как неприятель удалился по направлению к Дриссе. В этом деле были ранены генералы Валентин и Рагловиц; генерал Виценти был ранен накануне. Но самую чувствительную потерю мы понесли в лице доблестного генерала Дюруа, получившего смертельную рану[2], и потеряли выбывшими из строя около 2000 человек. Неприятель оставил поле битвы, покрытое трупами; его потери равнялись 3000—4000 человек. У него также было ранено три генерала.

(Сен-Сир)

---

[1] Во время отступления части 8-й дивизии у нас их было 30; 16 были отобраны от нас в то время, как мы старались восстановить порядок, нарушенный в наших рядах благодаря этому происшествию.

[2] Ему было около 80 лет; он был старейшим и самым доблестным из генералов Европы; в последнее время он, по-видимому, имел только одно желание: закончить свою долгую военную карьеру на поле брани. Его смерть вызвала горячие сожаления среди французской и баварской армий.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ. МЮРАТ

Мюрат был рядом со мной около моих орудий; он был в восторге от быстроты и точности выстрелов и, выражая артиллеристам свое удовольствие, сказал им своим гасконским выговором: «Славно, дети! опрокиньте эту сволочь; вы стреляете, как ангелы». Мы входили в состав авангарда армии, которым он командовал, и он каждый день посещал нас. Его театральный костюм сделал бы смешным всякого другого, но он необыкновенно шел к его фигуре и вполне гармонировал с блестящей доблестью, отличавшей его. Довольно длинные волосы прекрасного каштанового цвета падали локонами ему на плечи. Он носил шляпу с откинутыми полями, украшенную перьями и султанами, или польскую шапочку с большим султаном, светло-желтый камзол, малиновые панталоны и желтые сапоги. На плечи его был накинут или короткий шитый золотом плащ зеленого бархата, или изящный мех, украшенный золотыми галунами и шнурками. У лошадей его была самая странная роскошная сбруя, но благодаря ловкости, с которой он правил, это только увеличивало их красоту. Его храбрость была настолько прославлена в армии, все настолько привыкли видеть его в самом жестоком огне, что адъютанты и ординарцы, которых посылали к нему с приказаниями или докладами, направлялись всегда в ту сторону, где шло сражение, где атаки казались наиболее сильными; они знали, что найдут его там. Это был идеал мужества.

(Гриуа)

* * *

Ежедневно происходили у нас схватки с русскими; мы подвигались медленно, но все время подвигались; они отступали медленно, но все-таки отступали. Можно было бы сравнить эти битвы легкой кавалерии с играми в барры, обычными в школах, но когда королю Мюрату, нетерпеливому перед врагом, надоедали эти игры в барры и он находил сопротивление слишком долгим и движение слишком медленным, он заставлял атаковать неприятеля и нападал всегда сам во главе французских эскадронов, крича своим охрипшим голосом с гасконским акцентом: «Атакуем эту сволочь!» — и, соединяя действие с командой, он бросался на неприятельские ря-

ды, обращаясь с ними действительно согласно своим словам, так как он даже не удостаивал брать саблю в руку, а стегал казаков ударами хлыста.

Мюрат, неаполитанский король, генералиссимус всей кавалерии, был так же известен русским, как и своим солдатам. Всегда во главе авангарда, он был на виду обеих армий и отличался замечательным мужеством и театральным одеянием, с которым не расставался ни на один день в продолжение всей кампании; он был предметом удивления, уважения и восторга для русских.

Когда, утомленный слишком долгим сопротивлением, он хотел покончить с этим, жертвуя при этом как можно меньше людей из своей легкой кавалерии, он провозглашал: «Вперед, кирасиры!» Тогда мы неслись вперед, и наше наступательное движение тотчас вызывало отступление русских. Мы внушали им какой-то слепой ужас, и хотя часто прибегали к нам, мы ни разу не могли настигнуть неприятеля, ни разу не хотел он выждать нас: один наш вид обращал его в бегство.

(Тирион)

БОЙ ПРИ ОСТРОВНО И ПОД ВИТЕБСКОМ

Наконец, под Островно русская армия в первый раз действительно приостановилась, выставив перед своей линией сильную артиллерию на позиции, которую их генералы нашли выгодной. С нашей стороны там были только две кавалерийские дивизии, с королем Мюратом во главе.

Дорога тут делает поворот, и в нескольких шагах впереди этого поворота дивизия Брюйера выстроилась направо от дороги, наша дивизия — налево от нее, а дорога нас разделяла. Обе дивизии расположены были в линию по одному фронту, параллельно русской армии, которая была растянута напротив нас, а не доходила только до левой стороны из-за леса. Следовательно, вся тяжесть этого дня была выдержана легкой дивизией генерала Брюйера и нашей, в особенности моим полком, правый фланг которого примыкал к дороге, и именно против нас и по этой дороге неприятель расставил свои батареи.

Канонада началась с той и другой стороны с яростью, и неприятель, значительно превышающий нас числом пушек, был, к счастью, гораздо слабее нас в верности стрельбы. Наша артиллерия покрыла себя славой, до такой степени ее пальба была жаркая и точная. Мы видели, как ее ядра попадали в неприятельские батареи и в войска, выставленные для их поддержки, и производили там ужасные опустошения. Несмотря на то, что русские хуже стреляли, чем мы, они все-таки причинили нам большие потери. Мы стреляли таким образом шесть часов, не меняя места: 187 человек из моего полка были убиты, и на другой день место, занятое полком накануне, было покрыто двумя рядами лошадиных трупов; убитых товарищей мы похоронили вечером.

В начале сражения я был замыкающим офицером в 1-м эскадроне, 4-м взводом которого командовал лейтенант Ожер. С самого начала его лошадь была убита, и он исчез, не показавшись более за весь день, тогда как он обязан был вернуться к своему посту, взяв какую-нибудь другую из своих лошадей.

Как только д'Ожер был сбит с лошади и удалился, я предложил Лальманду, моему земляку, принять командование взводом, он был следующим по старшинству, ему приходилось принимать команду, и время от времени я подходил к нему и предлагал ему вина из моей фляжки; но после того как он пробыл там час, ядро разбило ему бедро и разворотило внутренности. Я велел унести моего бедного товарища в походный госпиталь, где, после двух часов страдания, он скончался. Он просил послать за мной, хотел меня видеть, говорить со мной, хотел отдать мне для своей матери пояс, в котором было зашито золото и который в мое отсутствие он передал в руки офицера-казначея для передачи мне, что никогда не было исполнено, так как этот офицер поступал согласно новому варианту поговорки Фигаро: «Что хорошо получить, хорошо и сохранить».

Ему пришлось умереть в Меце, где, если бы при нем назвали фамилию Лальманд, он должен был бы почувствовать угрызение совести.

Мы оставались еще четыре часа, не меняя места; мой взвод больше всех пострадал в полку, так как из 27 человек, составлявших его, у меня осталось только 11 человек.

Это зависело от двух причин: первая заключалась в том, что благодаря подъему почвы этот взвод находился на возвышении, что делало его более удобной точкой прицела для неприятельской артиллерии; вторая состояла в том, что в нескольких шагах впереди меня находился, в своем боевом ряду, командир Дюбуа верхом на белой лошади, вследствие чего легко было узнать в нем начальника. Он был мишенью многих ядер, которые в него не попадали, мы получали их за него. Несмотря на значительные потери, понесенные моим полком в этот день, мы должны были считать себя счастливыми, что не пострадали сильнее от русской артиллерии. Она стояла ниже, чем мы, и большая часть ее снарядов пролетала над нами; у деревьев по бокам дороги, которые позади нас составляли в 150 метрах линию, параллельную нашей, были буквально изрублены стволы и ветви; мы могли на досуге их осмотреть, так как провели ночь на этой дороге, привязав наших лошадей к обломкам этих изувеченных деревьев. Если спросят, чем жили наши лошади, находящиеся на поле битвы, я отвечу, что, снабженные косами и серпами, мы срезали жатву на корню для их корма, и в этом отношении им было лучше, чем нам, потому что мы ничего не могли найти поесть.

Однако во время бивака под Островно у нас не было недостатка в жареном мясе, мы могли выбирать среди наших убитых лошадей самых молодых, с более нежным мясом.

В течение дня неаполитанский король, желая заставить прекратить эту смертоубийственную канонаду, велел произвести атаку черным прусским гусарам, которые устремились на неприятеля по дороге, но не смогли его прогнать. Эти гусары были встречены очень сильным огнем неприятельской артиллерии, и два батальона пехоты, расставленные четырехугольником и поставленные по обеим сторонам дороги, открыли по ним жаркую ружейную пальбу; поневоле пришлось им вернуться.

Эта атака, произведенная на дороге, сделана была рысью, спокойно, и, не добившись успеха, эта кавалерия удалилась так же спокойно, как надвигалась. Это первый раз видел я кавалерию, нападающую таким ходом и которая возвращалась бы таким же образом, без криков, в порядке. Не знаю, почему неаполитанский король не заставил нас атаковать,

как он нам обещал, проезжая перед нами, сказав нам со смехом: «Сейчас будет ваша очередь, кирасиры».

Я предполагаю, что он хотел вынудить неприятеля к отступлению превосходством огня нашей артиллерии.

(Тирион)

* * *

В 3 часа утра (26 июля) принц Евгений отправился в Островно к неаполитанскому королю. 4-й корпус был расположен лагерем около него; кавалерия, поставленная впереди, наблюдала за движениями неприятеля. Около 6 часов командиры армии в сопровождении своего штаба направились к аванпостам и обошли то место, где накануне шла битва. Не успели они обойти его, как все донесения принесли известие, что дивизия Коновницына пришла на подкрепление к корпусу Остермана. Вице-король приказал тотчас же своей пехоте идти на подкрепление кавалерии, которой командовал неаполитанский король.

Гусары, посланные в качестве разведчиков, были встречены огнем при въезде в лес и принесли известие, что неприятель, по-видимому, намерен его упорно отстаивать. На самом деле, со всех сторон раздавался огонь стрелков, и пушки, выставленные русскими на дорогу, обстреливали наши колонны, двигавшиеся вперед. Генерал Дантуар велел тотчас же выдвинуть наши орудия, и во время этой перестрелки ядром оторвало ногу командиру 8-го гусарского полка Феррари, бывшему адъютанту князя Невшательского. Тогда неаполитанский король, поспевавший всюду, где его присутствие могло быть полезно, приказал атаковать со стороны нашего левого крыла, чтобы прогнать кавалерию, находившуюся на краю леса. Хотя это движение было хорошо задумано, оно не оправдало возлагавшихся на него надежд: гусары, которым было поручено его выполнение, были недостаточно сильны; они принуждены были отступить, правда, в большом порядке и без потерь, перед многочисленными эскадронами, высланными против них.

Пока мы были заняты на левом крыле, русские пытались прорвать наше правое крыло; заметив это, вице-король направил к этому пункту 13-ю дивизию; она остановила успехи русских. Артиллерия наших полков, занимавшая выгодное

положение на некоторых возвышенностях, поддерживала в нас уверенность, что эта линия не будет взята.

Наше правое крыло находилось, казалось, под хорошим прикрытием, но вдруг на левом крыле и в центре началась внезапная атака, и раздались страшные крики: неприятель явился в огромном количестве, оттеснил наших стрелков, поставленных в лесу, и заставил артиллерию поспешно отступить. Русская кавалерия воспользовалась этим успехом, чтобы произвести сильную атаку на кроатов и на 84-й полк; к счастью, неаполитанский король вовремя подоспел и остановил успехи русских.

Два батальона 106-го полка, остававшиеся в резерве, поддержали кроатов; в то же время генерал Дантуар, соединявший в себе высшую степень талантливости и храбрости, при помощи командира Деме и капитана Боннарделя, поднял дух артиллеристов и своими умными распоряжениями заставил их снова перейти к наступательным действиям, которые они на время прекратили.

Когда дела поправились на левом крыле и в центре, неаполитанский король и принц Евгений направились к правому крылу и призвали его к действию. Русские, сидевшие в засаде в лесу, оказывали живейшее сопротивление 92-му полку, который, несмотря на выгодное положение на возвышенности, оставался в бездействии; чтобы подбодрить его, вице-король послал к ним своего адъютанта Форестьера, которому удалось заставить его двинуться вперед. Это движение показалось, однако, слишком медленным горевшему нетерпением герцогу д'Абрантесу; этот неустрашимый генерал, привыкший к роли главнокомандующего, покинул принца, чтобы воодушевить полк, за которым мы все следили; его присутствие, или лучше сказать, его пример наэлектризовали все сердца, и в одно мгновение храбрый 92-й полк, под предводительством генерала Русселя, пошел в атаку, опрокинул все препятствия, встретившиеся на его пути, и проник, наконец, в лес, куда, очевидно, неприятель хотел загородить нам доступ.

На самом краю нашего правого крыла заметили в эту минуту, что русская колонна, посланная, чтобы обойти нас, стала отступать, когда мы завладели лесом; король Неаполитанский бросился немедленно к кавалерии и приказал ей лететь к этой колонне, чтобы ее отрезать и заставить положить

оружие. В первую минуту кавалерия была в нерешимости, опасаясь неровностей почвы, но королю хотелось, чтобы его мысль была немедленно приведена в исполнение: он пришпорил лошадь, выхватил шпагу из ножен и воскликнул с пылким воодушевлением: «Пусть храбрейшие следуют за мной!» Это геройство привело нас в восторг, все поспешили к нему на помощь и, наверное, захватили бы русских в плен, если бы глубокие овраги и густой кустарник не задержали наших эскадронов; неприятельская колонна воспользовалась этим временем, чтобы уйти от нас и соединиться с отрядом, от которого она отделилась.

Хотя успех битвы был, очевидно, за нами, еще нельзя было решиться пройти через большой лес, лежавший перед нами; за ним находились холмы Витебска, где сгруппировались в лагере все силы русских. Пока обсуждали этот важный переход, в наших задних рядах поднялся сильный шум; никто не знал его причины, и потому к любопытству примешалось беспокойство, но оно тотчас рассеялось при виде Наполеона, окруженного блестящей свитой. Его присутствие возбудило, как всегда, всеобщий энтузиазм, и все поняли, что он явился, чтобы увенчать славу этого прекрасного дня. Неаполитанский король и принц бросились к нему навстречу и дали ему отчет о совершившихся событиях и о всех принятых мерах. Чтобы лучше обсудить их, Наполеон поспешно направился к самым передовым постам нашей армии и с возвышения долго осматривал неприятельские позиции и свойства почвы. В силу своей проницательности он угадал и расположение лагеря русских, и их планы; благодаря распоряжениям, данным с полным хладнокровием и выполненным быстро и в порядке, армия прошла через лес и, двигаясь все время скорым маршем, подошла к холмам Витебска в ту минуту, когда солнце только что садилось.

13-я дивизия, шедшая лесом с правой стороны ради содействия этому маневру, встретила сильное сопротивление со стороны неприятеля; он отступал только постепенно, и его многочисленные стрелки заставляли дорого оплачивать почву, которую мы у них отвоевывали; в одну из таких непредвиденных и несчастных стычек русский драгун подскакал к генералу Русселю и выстрелом из пистолета повалил его на землю.

Русские редко назначали драгун стрелками; благодаря этому обстоятельству распространился слух, что генерал

Руссель был убит одним из наших; время обнаружило истину и убедило нас, что мы не должны упрекать себя в смерти этого храброго генерала, действительно, достойного сожаления, как по боевым, так и по личным своим качествам...

Дивизия Бруссье (14-я) шла по большой дороге и прибыла очень поздно на назначенную ей позицию между дорогой и Двиной. Что касается 15-й дивизии и Итальянской гвардии, которые составляли часть пехоты 4-го армейского корпуса, они были оставлены в резерве несколько позади четырнадцатой. Когда армия прекратила свои действия, Наполеон расположился со своей Главной квартирой в деревне Куковячи; неаполитанский король и принц Евгений расположились лагерем в плохонькой усадьбе, возле деревни Добрижки; вокруг них расположились отряды, находившиеся под их начальством.

На рассвете следующего дня (27 июля) бригада Пире пошла на Витебск; отступая к этому городу, русские дали несколько пушечных залпов по этой кавалерии, но они причинили ей мало вреда.

Затем они развернулись на большой площадке, находившейся около города и господствовавшей над всеми дорогами, ведущими к городу. С холма, где мы находились, легко можно было видеть неприятельские войска, выстроенные для битвы; численность их должна была доходить теперь, после присоединения к армии отряда Дохтурова, до 80 000 человек.

В этот день дивизия Бруссье шла впереди; она заняла с раннего утра позицию на возвышенности, находившейся против площадки, занятой русскими. В то же время несколько эскадронов гвардейских казаков атаковали 16-й полк конных егерей, и этот полк потерпел бы полное поражение, если бы его не выручили подоспевшие с левой стороны 200 стрелков под командой капитанов Гюйара и Савари. Эти воины обратили на себя внимание всей армии, которая, стоя на холме (имевшем форму амфитеатра), следила за их подвигом и высказывала справедливое одобрение их храбрости[1]. Наполеон, бывший свидетелем этого славного подвига, послал спросить, к какому корпусу принадлежат эти солдаты; они ответили: «К 9-му полку, и три четверти — сыны Парижа!» —

---

[1] Этот подвиг при всей своей изумительности вполне достоверен и может еще быть засвидетельствован всеми военными 4-го корпуса.

«Скажите им,— ответил император,— что они храбрецы и все заслуживают крест».

16-й конно-егерский полк, отступая за 14-й дивизией, находился под прикрытием 53-го полка, которым командовал полковник Гробон. Эта дивизия, выстроенная в каре́, представляла собой фронт, неодолимый для неприятеля; все усилия его расстроить были тщетны. Это обстоятельство внесло смятение в наши ряды, но благодаря присутствию Наполеона оно не могло быть продолжительно. Стоя на возвышенности, он видел все движения войска и с полным хладнокровием давал приказания, необходимые, по его мнению, для одержания победы; так, он велел отступить одному кавалерийскому полку, чтобы освободить 13-й дивизии проход к мосту.

13-я дивизия вышла вперед и двинулась направо; командовавший ею вице-король повел ее позади 14-й, по направлению к возвышенностям, господствовавшим над площадкой, где стоял неприятельский лагерь. Так как эти высоты не охранялись, мы подвигались вперед без затруднения и заняли позицию на вершине, как раз против русского лагеря; нас отделяла от них только река Лучеса, крутые берега которой образовывали такой глубокий ров, что общее сражение было невозможно. Чтобы сделать вид, что хотят приступить к нему, отделили несколько легких отрядов, которые перебрались через ров и расположились в небольшом лесу; так как поддержки у них не было, они дальше не пошли и вернулись к своему корпусу, когда батареи замолкли и дивизии прекратили свои действия.

Это прекращение военных действий, когда войска были налицо, вызвало всеобщее недоумение, и все спрашивали друг у друга, где же император и каковы его намерения. Но в это время часть 1-го корпуса и Императорская гвардия присоединились к нам. Тогда одни подумали, что Наполеон ждал только соединения всех своих сил, чтобы приступить к серьезному нападению; другие уверяли, наоборот, что герцог Эльхингенский[1] и кавалерия генерала Монбрена, приближавшиеся к нам по ту сторону Двины, обойдут позицию Витебска и отрежут таким образом русским отступление. Но

[1] Ней. *Ред.*

этот маневр был, очевидно, невыполним, так как он не был приведен в исполнение...

Уверенность, с которой русские сохраняли позицию, и стягивание большей части наших войск в одно место заставляли нас предполагать, что завтрашний день будет днем большого сражения; и каково же было наше удивление, когда с рассветом (28 июля) мы узнали, что враг отступил! Оказывается, Барклай де Толли ночью получил от Багратиона извещение, что, отброшенный после сражения при Салтановке за Днепр и принужденный отступать, он намечает Смоленск как наиболее удобный пункт для их соединения. Как только было замечено, что русские опять уклоняются от битвы, армия пустилась за ними в погоню, кроме Императорской гвардии, которая отправилась в Витебск, где Наполеон, казалось, хотел остановиться. Этот город был почти пуст; в нем оставались только евреи и несколько подозрительных типов.

По ту сторону дороги встретились казаки, преследовать которых отправился генерал Лефевр-Денуе, командир легкой кавалерии гвардии.

Уже больше двух месяцев мы встречали в Польше и Литве, на пространстве около 300 миль, одни только безлюдные деревни и опустошенные поля. Казалось, всюду наше приближение вызывало опустошение; все население бежало при нашем приближении, предоставляя свои жилища казакам, уничтожавшим все, чего они не могли унести с собой. После долгих и тяжелых лишений мы смотрели с завистью на эти чистые, щеголеватые дома, где, казалось, должны были царить покой и довольство, но мы и тут не находили отдыха, на который рассчитывали, и принуждены были продолжать поход, оставляя налево от себя этот город, предмет наших желаний и надежд.

Все были изумлены превосходным порядком, с которым князь Барклай де Толли отступил со своих позиций. При этом трудном отступлении генерал-майор граф фон Пален блестяще проявил свою прозорливость и военное искусство; на наших глазах он маневрировал с арьергардом и так хорошо прикрыл остатки армии, что мы не нашли на ее пути никаких следов ее прохода; ни одной брошенной повозки, ни одной павшей лошади, даже ни одного отсталого — ничего,

что бы могло нам указать ее направление. Мы были в неизвестности, пожалуй, исключительной в своем роде, когда полковник Клитский, обозревая местность в поисках какого-нибудь крестьянина, нашел спавшего под кустом русского солдата; эта встреча показалась нам счастливым случаем, вице-король воспользовался ею и допросил пленника, давшего некоторые сведения о колонне, к которой он принадлежал.

(Лабом)

* * *

28 июля. Как только занявшаяся заря расчистила горизонт, мы все, как по общему соглашению, не говоря ни слова, устремляем взгляд на расстилающуюся перед нами громадную равнину, вчера еще усеянную врагами, на которых нам так хотелось напасть. Сегодня она лежит перед нами пустынная, покинутая. Неприятель не только исчез, он не оставил никакого указания относительно дороги, по которой пошел. Мюрат первый переправляется через Лучесу, за ним идет сначала корпус Богарне, потом и все войско; он отправляет во всех направлениях отряды, чтобы обыскать всю местность и найти след русских,— но бесполезно! Невозможно даже получить какие-нибудь указания от жителей, так как все ушли. Мы находимся в полной неизвестности относительно того, что происходит вокруг нас. Император переправляется через Лучесу одновременно с армией, потом принимает депутацию от города Витебска, которая приносит ему ключи и умоляет о милосердии.

(Ложье)

ВИТЕБСК

...Витебск — большой город; там я нашел своих прежних товарищей и своих прежних милых начальников. Мы остались в Витебске, чтобы подождать припасов. Страшные жары, в связи со всякого рода лишениями, вызвали эпидемию дизентерии, причинившей значительные потери в рядах армии.

(Куанье)

* * *

В Витебске мы нашли много помещений, годных для госпиталей, в которых чувствовалась большая нужда. Их немедленно приготовили для приема раненых в сражениях 27, 28 и 29 июля. Со стороны французов раненых было 750 человек и почти столько же было их со стороны русских.

Я много усилий прилагал к тому, чтобы все раненые могли получать первую помощь на самом поле сражения, причем приходилось употреблять в дело не только солдатское белье, но и наши собственные рубашки.

В городе в домах разбежавшихся жителей было забыто или брошено до 350 наиболее тяжелораненых русских.

Несмотря на все мои розыски, я нашел их лишь на 4-й день. Трудно описать, какой ужасный вид имели эти несчастные; почти все изуродованные огнем артиллерийских орудий, они не могли выйти из своих убежищ, чтобы попросить о помощи. Они лежали на грязной соломе вповалку, друг на друге, среди нечистот и, можно сказать, гнили в этом смраде. У большей части их раны были поражены гангреной или страшно загрязнены. Все они умирали с голоду.

Прежде всего я позаботился об их продовольствии. Затем я всем им перевязал раны, а многим сделал и серьезные операции. Наконец, я велел перенести их вместе с нашими ранеными в приготовленные госпитали, где их лечили и выхаживали совершенно одинаково с нашими.

(Ларрей)

* * *

В течение двенадцати дней, которые я стоял лагерем в двух верстах от Витебска, мне пришлось, чтобы не умереть с голоду, посылать партии людей за провиантом для моих батальонов и для Главного штаба. Эти партии отправлялись за 20—25 верст, переправлялись даже за реку и возвращались обыкновенно с хорошей добычей; но некоторые из них попадались в руки казакам. Известно, что мародерство действует на армии развращающим образом, уничтожает дисциплину, способствует дезертирству и вызывает со стороны солдат жестокие поступки, коими они потом хвастаются; слушая их, я содрогался. Война ожесточает человеческое сердце. Новобранцы были кротки и человеколюбивы, многие же из старых солдат утратили всякое нравственное чувство.

Немецкие корпуса соблюдали обыкновенно порядок и дисциплину даже при отступлении. Голландцы менее всего переносили лишения, форсированные переходы, холода. Их нравственный дух был вскоре поколеблен. Ими были довольны в отношении храбрости и обучения офицеров; но молодые люди в особенности страдали сплином, падали духом при мысли о том, что их ведут далеко от родины, тосковали по своим методическим привычкам, и большинство из них не отличалось той веселостью, любовью к завоеваниям и господству, какими отличались французы, что, поддерживая в них бодрость духа, давало им возможность легче переносить лишения и сутолоку, среди которой нам приходилось жить. Маршал Даву пользовался еще по-прежнему влиянием; дела шли еще на взгляд достаточно хорошо для того, чтобы император не имел повода упрекать его за то, что он советовал ему начать поход в то время, когда Испания причиняла еще Франции довольно большие затруднения. Наполеон надеялся, что в Витебске к нему явится русская депутация для переговоров, но он ошибся в своих расчетах.

Пронесся слух, что император Александр убит! Эта новость не произвела неприятного впечатления на Главный штаб. Напротив, там надеялись теперь половить рыбку в мутной воде. Благодаря горячему характеру великого князя Константина можно было ожидать революции и перемены системы войны, которая была нам прямо необходима. Чтобы выйти как-нибудь из нашего сомнительного положения, мы все желали хотя бы раз сразиться с русскими! Император собрал совет, чтобы решить: идти ли на Москву и Петербург, или же остановиться, чтобы устраивать Польшу, устроить продовольственные магазины и двинуться дальше не ранее, как освободившись от русской армии, возвращающейся с границ Турции. Попробовали вступить в переговоры с казаками, которым пообещали создать собственное независимое государство[1].

Ответ от них получился неопределенный и уклончивый. Казаки совсем не верили в наш успех. Они хотели видеть бо-

---

[1] Наполеону приписывали намерение вызвать восстание народа против дворянства и даже говорили, будто он принял к этому меры. Но подобный образ действий шел слишком вразрез с его личными интересами и с его деспотической системой правления, чтобы можно было этому поверить. *Примеч. автора.*

лее ясные результаты, прежде чем компрометировать себя перед Россией, и они дали нам понять, что не видят никакой выгоды в том, чтобы, избавляясь от русского владычества, подпасть под иго Наполеона, который предлагал им перемену деспотизма, давая лишь слабую надежду на будущую свободу...

В окрестностях Витебска население проявило революционные чувства. Помещики со всех сторон стали обращаться к витебскому губернатору, генералу Шарпантье, с просьбой прислать охрану для их защиты от крестьян, которые грабили помещичьи дома и дурно обходились с самими помещиками (я сам видел, как многие семейства переехали в Витебск, заботясь о своей безопасности). Я полагаю, что император мог бы возбудить восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу, так как народ этого ожидал, но Наполеон был уже в то время не генерал Бонапарт, командовавший республиканскими войсками. Для него было слишком важно упрочить монархизм во Франции, и ему трудно было проповедовать революцию в России...

(Дедем)

* * *

В Витебске Наполеон действительно поручил двоим из близких себе людей выведать настроение в народе. Надо было привлечь их свободой и более или менее общим восстанием втянуть их в наше дело. Но действовать пришлось только среди отдельных, почти диких крестьян, оставленных русскими среди нас, может быть, в качестве шпионов. Эта попытка послужила только к разоблачению его проекта и заставила русских насторожиться против него.

Кроме того, это средство претило Наполеону, природа которого влекла его больше к интересам королей, чем к народным. Он пользовался им небрежно. Позднее, в Москве, он получил несколько прошений от разных отцов семейств. В них были жалобы на то, что помещики обращаются с ними как со скотом, который, сколько угодно, продают и меняют. В них просили, чтобы Наполеон отменил крепостное право. Они предлагали себя в вожди отдельных восстаний, обещая обратить их во всеобщее.

Эти предложения были отвергнуты. Ведь у варварского народа и свобода варварская, необузданная, ужасная распущенность! Это показали раньше бывшие отдельные возмущения. Русское дворянство погибло бы, как колонисты в Сан-Доминго во время восстания негров. Такое опасение взяло верх в мыслях Наполеона; это выразилось в том, что он решил не стараться подымать движение, которое он не смог бы направить.

Впрочем, господа сами не доверяли своим крепостным. Среди всех опасностей они более всего боялись восстания крепостных. Прежде всего они старались влиять на настроение своих несчастных крепостных, которые отупели от всевозможных тягостей. Священники, которым крестьяне привыкли верить, обманывали их своими лживыми речами; крестьян уверили, что мы легионы дьявола под начальством Антихриста, духи ада, вид которых вызывает ужас, что наше прикосновение оскверняет. Пленные французы заметили, что несчастные не решались пользоваться посудой, которая служила им, и что они ее сохраняли для самых нечистых животных.

Между тем мы приближались, и перед нами должны были рассеяться все эти грубые выдумки. Но вот помещики со своими крепостными спасаются в глубь страны, как при наступлении сильной заразы. Богатства, жилища, все, что могло бы их удержать или послужить нам — все это приносится в жертву. Они выдвигают между собой и нами преграду — голод, пожары и опустошение, и это направлено не только против Наполеона, но и против крепостных. Приходилось уже вести не войну с королями, но войну с классами, войну с партиями, войну религиозную и национальную — все войны разом.

Император увидал тогда всю необъятность своего предприятия. Пока на его пути были только короли, для него, более великого, чем они, победа над ними была безделицей; но короли побеждены, он перед народами; и здесь, на другом конце Европы, он опять наталкивается на ту же Испанию, но далекую, бедную, бесконечную. Он удивлен, он колеблется и останавливается.

Каково бы ни было его решение, но в Витебске ему нужен был Смоленск, и он отложил свое решение до Смолен-

ска. Потом та же нерешительность охватила его; она становится сильнее под влиянием этих пожаров, эпидемии и тех жертв, которые окружают его; лихорадочное беспокойство охватывает его, его взоры обращаются к Киеву, Петербургу и к Москве.

В Киеве он окружил бы Чичагова с его армией; он вывел бы из затруднения правый фланг и тыл Великой армии; он прикрыл бы польские провинции, наиболее богатые людьми, провиантом и лошадьми, а в то же время Могилев, Смоленск, Витебск, Полоцк, Динабург и Рига, с размещенными в них войсками, защищали бы остальное. Зимой за этой линией он бы поднял и организовал всю старую Польшу, чтобы весной двинуть ее на Россию, противопоставить народ народу и сделать войну равной.

Между тем в Смоленске он находится как раз в узле Петербургской и Московской дорог, в двадцати девяти переходах от одной из этих двух столиц и в пятнадцати от другой. В Петербурге — центр управления, узел, где связаны все административные нити, голова России: там сухопутные и морские арсеналы, наконец, там он завладеет единственным пунктом сообщения между Россией и Англией. Полоцкая победа, о которой он только что узнал, кажется, толкает его туда. Направившись вместе с Сен-Сиром на Петербург, он окружит Витгенштейна и заставит Ригу пасть перед Макдональдом.

С другой стороны, в Москве он нанесет удар имуществу и исконной части дворянства и нации: дорога к этой столице короче, на ней меньше препятствий и больше средств к существованию; на ней находится главная русская армия, которой он не может пренебрегать, которую надо уничтожить; здесь же, следовательно, и возможность сражения, и надежда поколебать нацию ударом в сердце в этой национальной войне.

Единственным возможным из этих трех проектов кажется ему последний, несмотря на позднее время года. Однако ж история Карла XII была у него в руках, не вольтеровская, которую он нетерпеливо отбросил, считая ее романтической и неточной, а журнал Адлерфельда, который он читал, но который не остановил его. Сравнивая эти два похода, он находил тысячи различий, которые подчеркивал; ибо кто может быть судьей в своем деле? И к чему может сослужить

пример прошлого в мире, где нет никогда двух сходных людей, двух вещей, ни двух совершенно сходных положений? Во всяком случае в это время имя Карла XII часто было у него на устах.

(Сегюр)

* * *

В то время как армия отдыхала и снова выступала в поход, император занимался введением нового управления как в Витебской, так и в Могилевской губерниях.

Ему хотелось придать некоторый блеск возрождению Польши, и для того употребил он средство, почти всегда достигающее цели: обаяние громких имен. К действию в устройстве нового управления были вызваны: один из князей Сапегов, князь Огинский, граф Пржеческий, граф Тизенгаузен, граф Косаковский. С тем же расчетом произведены были выборы и в Витебске. К участию в губернской комиссии были призваны: князь Павел Сапега, князь Радзивилл, граф Борх, литовец, из семьи, выдающейся своим состоянием, Шадурский и Вейсенгоф, род которых почитался в северных областях; наконец, некто Серит, простой дворянин, но из уважаемой семьи, многочисленные члены которой пользовались большим доверием местного населения. Меня назначили интендантом...

Было тогда два значительных препятствия, которые должны были помешать всем начинаемым предприятиям. Во-первых, в стране царил самый крайний беспорядок, распространяемый восстанием крестьян, убежденных тайными агентами революции, что свобода, о которой шла речь, состоит именно в безудержном произволе. Во-вторых, денежных средств не было вовсе, а без них обойтись было чрезвычайно трудно. Власть государя в силах была уничтожить первое препятствие, и оно было уничтожено. А что было предпринято против второго, я сейчас скажу.

Дворяне Витебской губернии по собственному побуждению обратились к императору, надеясь, что ему удастся подавить эти беспорядки, наконец раздражавшие их, так как они посягали уже на их права. Император принял их просьбу и приказал мне обнародовать вместе с комиссией и от ее имени прокламацию, которую он лично поправил и в которой

несколько строк продиктовано им самим. Губернатору было поручено послать по деревням летучие отряды, которые должны были выполнить двоякое назначение: подавить крестьянское восстание и перехватить мародеров. Благодаря ужасу, повсюду внушаемому этими войсками, и благодаря суровости некоторых дворян, может быть, получивших на то приказ, скоро было подавлено это мимолетное восстание, которым наши враги не сумели воспользоваться, после того как возбудили его.

Менее удачной была попытка улучшить финансовое положение страны.

Русским правительством для порядка денежного обращения была принята особая система, которая будто бы оправдывалась целым рядом примеров. На помощь к ходячей монете была призвана монета идеальная. Недостаток денежных знаков был пополнен выпуском кредитных билетов С.-Петербургского банка стоимостью в 5, 10, 20, 50 и 100 р.; а по соображениям, может быть, менее справедливым и менее благовидным, правительство употребило всю свою власть, чтобы распространить эти билеты в присоединенных провинциях и обменивать их на естественные ценности. Это было бы еще злом терпимым, если бы количество выпущенных билетов не превысило стоимости находящейся в обращении звонкой монеты. Но русское правительство без всяких ограничений воспользовалось тем правом, которое многие правительства воображают себе присущим: оно насиловало доверие народа, принуждая его принимать в уплату обменные денежные знаки, стоимость которых ничем не была обеспечена. Почти немедленно пришлось ему стать жертвой этой добровольной ошибки и видеть, как его билеты пали сначала на 50%, потом на 65%, на 75% и, наконец, когда появление французов удвоило все страхи, на 78% и даже на 82%. Новое управление Белоруссией не было в силах вернуть этим бумагам какую бы то ни было законную цену, потому что назначение им определенной стоимости повело бы к их полному обесцениванию.

Между тем надо было предвидеть, что император в своих расчетах со страной будет платить этими банковыми билетами по их номинальной цене, а население согласится их принимать по действительной стоимости. Действительно, в конце

концов добились, что император стал их принимать по обычному курсу дня и так, как это делалось в Литве, т.е. с узаконенной потерей 75%, платя по рублю металлическому за четыре рубля кредитных. Но этого еще не было довольно: в торговых сделках их не хотели принимать по такому расчету. Кроме того, целью всех надежд было тогда возрождение королевства Польского, и ввиду этого приходилось помышлять о приискании средств, которые могли бы вернуть стране ее старинное богатство. Я, со своей стороны, предлагал финансовую систему, подобную предприятию Лоу с некоторыми видоизменениями, вызываемыми требованиями времени и места; я просил разрешения испытать ее постепенно, применяя ее действия к соляной торговле, достигшей в Витебске громадных размеров. Но замысел мой был непрочен в самом его основании. Император не одобрил его; он приказал мне идти обычным путем и постараться довести курс до признанной высоты 75%. Приказание это было выполнено довольно счастливо, несмотря на представлявшиеся трудности; как только положение дел несколько окрепло, бумаги поднялись до 73 и 72%.

Намерением императора в то время было провести зиму в Витебске, дать там отдых войскам, образовать запасные склады припасов, сосредоточить операционную линию на Двине и заняться из Витебска или из Вильно преобразованием и устроением королевства Польского. Дней десять все появлявшиеся приказы исходили из этих соображений, и мы уже могли думать, что этот тридцатидневный поход привел к великим действительным последствиям. Но мы увлекались нашим злым роком. Самохвальство короля Неаполитанского одержало верх над волей императора и над советами истинной мудрости. Витебск был оставлен, армия снова выступила в поход и двинулась на Смоленск. Император выехал из Витебска 12 августа и направился по назначенной дороге. Главная квартира последовала за ним на другой день.

(Маркиз Пасторе)

ОТ ВИТЕБСКА ДО СМОЛЕНСКА

Около 6 часов (Сураж, 29 июля) император выходит из палатки. Королевская гвардия приветствует его обычными восклицаниями. Наполеон без шляпы, со шпагой на боку. Он

садится на складной стул, который ему принесли, и обращается с расспросами к двум велитам, стоящим на часах при входе в палатку. Черты лица его выразительны, носят отпечаток силы и здоровья. Обращаясь к офицеру тех же велитов, тому, который всех ближе к нему, он спрашивает, какова действительная численность его полка; сколько людей потеряли при переходе, много ли больных. Офицер отвечает ему:

— Ваше Величество, у нас есть роты, которые от самой Италии не потеряли до сих пор ни одного человека.

Не выказывая изумления, император говорит в ответ:

— Как! Они так же сильны, как были, уходя из Милана?

— Да, Ваше Величество.

Потом, после небольшой паузы:

— Ваш полк еще не мерился силой с русскими?

— Нет, государь, но он страшно желает этого.

— Я это знаю,— прервал император.— Он покрыл себя славой в Испании, Далмации, Германии,— всюду, где только ни был... А, вот они, старые аустерлицкие усы! (этот шутливый намек относился к гренадерам гвардии). Испанцы храбры... У них такие славные летописи!.. У вас в жилах течет кровь римлян... Вы не должны никогда этого забывать.

Слова императора всегда оставляли глубокое впечатление.

Дисциплина, чистота, порядок, учение, распределение времени, правила службы, установленные в Милане,— все это применяется и в Сураже. Но сам отдых вызывает массу заболеваний, которые до тех пор, ввиду напряженной деятельности и напряжения сил, перемогались. Еще Королевская гвардия вместе с одной дивизией счастливо устроились и отдохнули от пережитых бедствий, но далеко не для всех выпало такое счастье. Многие отряды и теперь испытывают слишком тяжелые лишения; настоящего отдыха, в котором они так нуждаются, для них нет...

Верные своей системе, русские и здесь (повсюду, где успели) сожгли свои магазины, рассыпали зерно и уничтожили все, чего не могли захватить.

Отдельным отрядам приходится для поддержки своего существования прибегать к собственным средствам: они делают набеги, которые в результате только подрывают основы

дисциплины, разоряют население и озлобляют его против нас.

Армия уже уменьшилась на треть со времени перехода через Неман. Многие солдаты, под влиянием голода, отделялись от армии, отыскивая пищу, и были убиты на флангах; другие заперлись в покинутых господских домах, где нашли достаточно припасов, чтобы жить в довольстве, выбрали себе начальника и охраняют себя по-военному, не помышляя об армии, к которой принадлежат. Сочтите еще больных, отставших, умерших и раненых, и вы представите уменьшение наличного состава армии.

Мне тяжело постоянно говорить на эту тему. Уменьшение армии следует, конечно, приписать недостатку провианта, происходящему от запаздывания в подвозе, истреблению русскими всяких источников продовольствия и препятствиям, которые сам характер почвы и жаркое время года создают нам на каждом шагу; но все же, может быть, предусмотрительность начальства могла бы предупредить такое сильное и быстрое развитие зла.

Высшее начальство, насколько это возможно, все еще запрещает мародерство и отдельные набеги солдат в поисках пропитания. Но иногда, в силу необходимости, приходится прибегать к таким средствам. Тогда действуют методически и с возможным соблюдением требований гуманности. Делом тогда заведуют особо выбранные офицеры из наиболее развитых...

Довольно часто бывало, что расположимся на биваке, раздобудем топлива, изготовим скудную порцию мяса, разобьем палатки, и вдруг неожиданный приказ — идти дальше. Тогда при новой остановке приходится начинать все сначала! Это, может быть, единственные случаи, при которых теряются и забрасываются припасы. Ничего неизвестно, далеко еще идти или нет; а может быть, даже предстоит сражение. И вот солдаты, усталые, раздосадованные, приведенные в уныние этими приказами и контрприказами, опрокидывают котелок с готовым уже супом и, придя на новый этап, подавленные усталостью, бросаются на землю и засыпают, ни о чем больше не думая.

Мы часто теряем людей, остающихся на полях, с которых мы уходим. Сколько раз из-за стремительности наших

выступлений отставшие солдаты не знали, где найти свой отряд. Они бродят тогда на авось по здешним обширным равнинам, по громадным лесам, прорезанным столькими дорогами; охваченные усталостью, побежденные ею или сном, они становятся жертвой озлобленных крестьян или добычей казаков, кружащихся около наших флангов.

А между тем эти усиленные переходы мы делаем, чтобы спастись от голода, скорее кончить войну и добраться до неприятеля. И тем не менее, в конце концов войско теряет пыл первых дней. Оно истощает свои силы и с каждым днем уменьшается. Войско ослабело, поэтому поневоле сокращается и число отрядов, отправляемых на поиски провианта. А питаться людям надо, и в результате, во имя гуманности, из сострадания, по тяжелой необходимости, мы должны терпеть досадное мародерство, которого хотели бы не допускать.

Поддаются мародерству и самые твердые люди: иногда они возвращаются, иногда — нет. Возвратившись, приносят с собой очень немного. Биваки, недоедание, форсированные марши все более разрежают наши ряды.

(Ложье)

* * *

10 августа. Погода прояснилась, и жар начал понемногу спадать. На параде, перед тем, как нам уходить, император обратился к группе офицеров и начальников наших с такими словами:

— Господа, служба у вас идет плохо; у вас слишком много отсталых. Офицеры останавливаются на походе и проводят время у помещиков. Биваки их утомляют, тогда как храбрость не берет в расчет дурную погоду. И в грязи сохраняется честь. Солдаты нарушают дисциплину; под предлогом искания припасов не возвращаются к своим корпусам и бродят в беспорядке. В окрестностях возникают жалобы на их насилия. Надобно прекратить этот беспорядок, господа, и строго наказывать тех, которые осмелятся уйти, не спросясь. В случае встречи с неприятелем полки наши недосчитались бы своих людей; наличный состав войска такой, каким он мог бы оказаться после сражения, тогда как мы еще не видали неприятеля. Если корпуса маршалов Удино и Макдональда одержали победу, то потому, что полки их были в полном составе, когда они пришли на берега Двины и Дриссы; осо-

бенно храбрый 84-й пехотный полк, который так отличился и понес наибольшую потерю ранеными[1].

Потом император потребовал барона Ларрея, но так как тот был в отсутствии, то на место его явился доктор Паулет, начальник походного госпиталя. Император спросил его:

— На сколько раненых заготовлены у вас перевязки?

— На десять тысяч,— отвечал доктор.

— Скажите мне,— продолжал Наполеон,— сколько, примерно, необходимо дней для излечения раненого?

— Тридцать дней,— отвечал доктор.

— В таком случае,— возразил Наполеон,— не из чего подавать помощь 400 человекам. Нам понадобится гораздо больше.

Тут глухой ропот прошел в нашей толпе, а кто-то заметил:

— Сколько ж, по его мнению, должно быть убитых!

Наполеон, по-видимому, расслышал эти слова, но, не обратив на них внимания, продолжал разговор с доктором и спросил:

— Где находятся госпитальные припасы и аптека?

— Они остались в Вильно, за недостатком средств к перевозке.

— Следовательно,— вскричал Наполеон,— армия лишена медикаментов, и если б мне понадобилось принять лекарство, то я не мог бы его получить?

— В распоряжении Вашего Величества собственная аптека,— возразил доктор.

Эти слова рассердили императора.

— Я первый солдат в армии,— сказал он, возвысив голос,— и я имею право на лечение в войске в случае нездоровья.

Потом он спросил:

— Где находится главный аптекарь?

Ему отвечали:

— В Вильно.

---

[1] Я привожу буквально слова Наполеона. Меня удивила ссылка на полк, в котором я служил. Император дал ему в девиз: «1 против 10». Мне кажется, что речь эта никогда не была записана историей. *Примеч. автора.*

— Как? — возразил император.— Один из старших медицинских чинов не находится при армии? Я приказываю отправить его обратно в Париж. Пусть он отпускает там лекарства девкам улицы Сент-Оноре. Назначить на его место другого, и чтобы вся госпитальная часть немедленно примкнула к армии.

Возвратясь на свои квартиры, мы принялись толковать обо всем, сказанном императором. «Император,— сказал один из нас,— жалуется на войско, но войско имеет более причин жаловаться на него; он требует многого, тогда как недостаток у нас во всем. Разве он не видит, что здешний край не Австрия и не Италия! Местность дикая, дороги непроходимые; каждый день нам приходится бороться со всевозможными затруднениями, испытывать усталость, превосходящую силы человеческие; оставаться каждый день голодными, не получать даже водки, которая точно так же полезна для французского солдата, как для всякого другого. На походе у нас нет палаток и никакой защиты ночью от холодных дождей. Придет солдат усталый и голодный в местность, где нет припасов; как ему запретить идти на поиски пищи? Не заставляйте делать усиленные переходы; подвигайтесь медленно, как следует поступать в дальних походах, когда идешь в неизвестные страны, где ничего не заготовлено для войска; оказывайте войску отеческое попечение, снабжая его исправно каждый день надлежащими припасами, а на ночь — палатками, словом, меньше опасайтесь издержек, а больше гибели солдат, тогда никто не подумает бросить свое знамя, как это и было в странах, где войско постоянно находило все необходимое. Что касается до обвинения Наполеона, что офицеры заходят в помещичьи усадьбы, то надобно благодарить помещиков за их гостеприимство, спасавшее от голода не только отдельных офицеров, но даже целые роты. Странно забывать, что люди не могут существовать без пищи, ни проводить ночи, подобно зверям, без крыши. Наконец, что касается отставшего госпитального обоза, то виноват ли был наш главный аптекарь, ученейший парижский химик Сюро, что для него не хватило лошадей? Отставлять его было несправедливо. Но вот то-то и есть, что прежние примеры довольства и избытка в цивилизованных странах избаловали войско так, что уже трудно ему привыкать к лишениям, испытываемым в крае, чуждом цивилизации. Че-

ловек, так сказать, раб привычки. Она-то и заставила Наполеона не обратить внимания на разность климата. Здесь надо было подвигаться медленно, чтобы усиленными переходами не причинить столько же потери, сколько может причинить неудачное сражение. Наконец, постоянное отступление русских должно же надоумить нас, что этим нам готовят очевидную гибель, заманивая нас все глубже в страну,— страну, где на тысячу человек едва один пользуется достатком. Итак, невзирая на гений свой, Наполеон обманут незнанием того края, куда он перенес войну. Многие его генералы не больше его сведущи. Только поляки могли бы с успехом действовать на русское население, и если б император поручил князю Понятовскому окончить этот поход, то несдобровать бы русским. Но Наполеон не доверяет полякам; он помнит только их революцию 1794 г., когда польские магнаты продавали русским свою родину, а между тем времена уже не те. Он так ошибается в поляках, что говорит: «Если б я восстановил Польшу, поляки продали бы меня русским; храбрость их — не более как вспышка соломы». Вот к чему ведет ложное мнение великого человека. Судя о польской нации по старинным ее заблуждениям, Наполеон забывает, что ошибки польских сеймов прошлых столетий послужили нации уроком для будущих времен; новое поколение, поняв это, не возобновит старого, так точно, как невозможны ужасные религиозные войны, возбужденные суеверием и иезуитством».

(де ла Флиз)

* * *

Причиной нашего спешного ухода из Витебска, по-видимому, было то обстоятельство, что лагерное место производило впечатление только что брошенного русскими. Мы умчались очень далеко и все-таки не нагнали их в этот день...

От Рудни дорога шла на восток. Вскоре мы увидели в отдалении поместье, сразу привлекшее наше внимание. Прекрасное, высокое каменное главное его здание в три этажа ласково манило нас: оно расположено было словно в весенней роще, на склоне отлого подымавшейся горы; за ним тянулись прекрасные темные еловые леса, а вокруг виднелись почти созревшие хлеба и сочные луга.

Мы очень приятно провели там несколько дней; прекрасные поля давали нашим коням много корма, более спелого, чем до сих пор; не было недостатка в хлебе и мясе, ибо мож-

но было ежедневно печь хлеб и резать скот. Погода стояла хорошая и теплая; солдаты увеселялись на качелях, построенных у дороги. Одно было неприятно: приходилось довольствоваться скверной водой, что плохо отзывалось на людях и увеличивало поносы...

К нам прибыл полковой аудитор, Крафт, который за Неманом должен был взять на себя распоряжение по доставке нам провианта и фуража. Он привез с собой захваченную добычу, деньги и вести о том, что делается в тылу армии; утешительного оказалось мало. Он рассказывал о великой нужде и о всевозрастающем бедственном положении людей, о пожарах, грабежах, разбое, о развалинах, опустошенных дорогах, полях и лесах, об огромном количестве трупов солдат, погибших от жары, голода и жажды, об отощавшем скоте и о болезнях, царивших во всех лагерях; и рассказы его были потрясающие. Наших земляков он встретил в лагере под Лесной; грустно было видеть, прибавил он, как офицеры и солдаты лежали по лагерю больные; понос захватил их настолько сильно, что нельзя было производить учения, больше того,— едва возможно было отправлять обычную службу. Все дома наполнены были больными, многие умирали, а в самом лагере замечалось такое беспрерывное беганье из фронта, как будто всем полкам сразу дали слабительного.

Этот аудитор с большим трудом и медленностью доставил в Вильно транспорт съестных припасов, фуража и скота. Он убедился в невозможности двигаться со всем этим дальше и думал, что ему никогда не нагнать нас, если бы даже истомленный вьючный скот выдержал дорогу. А потому он продал там евреям все, что припас для нас, за исключением убойного скота, зато привез много денег, которые и передал полковнику. Сам он, по его словам, ничего не удержал себе; однако этому — странно сказать — не хотели верить. Но как все земное тленно, так и солдатское добро. Два дня спустя эти деньги были в руках русских.

Должно быть, командир был осведомлен, что нам предстоит пробыть здесь некоторое время. Вскоре после нашего прибытия он послал одного знавшего по-польски унтер-офицера с шестью человеками в местность впереди и вправо от нас раздобыть съестного...

Однако сведения, сообщенные прибывшим, вскоре заставили вытянуться все лица, сначала столь радостные вследст-

вие обилия припасов. «Здесь,— говорил он,— приходит конец таким местам, где население за нас; дальше — люди становятся другими. Все против нас; все готовы либо защищаться, либо бежать; везде меня встречали неприязненно, с упреками и бранью. Никто ничего не хотел давать; мне приходилось брать самому, насильственно и с риском, меня отпускали с угрозами и проклятиями. Мужики вооружены пиками, многие на конях; бабы готовы к бегству и ругали нас так же, как и мужики. Верховые разъезжают от места до места, сообщают о том, что делается; есть у них доски для подачи сигнала, а распоряжаются ими помещики».

(Роос)

БОЙ ПОД СМОЛЕНСКОМ И ВАЛУТИНОЙ

Утром 16-го числа Ней с авангардом подошел к Смоленску. Император шел невдалеке за ним. Замечено было менее укрепленное место, и был отдан приказ взять его приступом. С редкой неустрашимостью бросились сюда три колонны; неприятель встретил их с удивительным хладнокровием. Паскевич из половины своей дивизии устроил засаду в овраге, а вторую половину укрыл за бруствером артиллерийской цитадели. Два раза храбрецы Нея переходили рвы и достигали откосов контрэскарпа цитадели, и оба раза они были отброшены благодаря вовремя присланным резервам Раевского и Паскевича. Корпус Дохтурова занял южные предместья. Французские полки тоже постепенно приближались, и к ночи под стенами Смоленска расположились лагерем около 230 000 человек. Не имея возможности взять город приступом, Наполеон решил обойти его. Он поручил генералу Гиллемино отыскать переправу через реку выше города, чтобы перекинуть мост и отрезать неприятелю путь к Москве. Жюно с вестфальцами должен был это исполнить, но он заблудился и не мог этого сделать. Между тем разгорелся серьезный бой под Смоленском, так что этот проект был оставлен. Очень может быть, что благодаря близости армии Багратиона, которая стояла по дороге к Москве, проект этот был трудноисполним, но это был один из лучших исходов и необходимо было бы попытаться это сделать.

17-го был горячий день! Русские генералы, расположившись на возвышенном правом берегу Днепра, выслали свежий корпус, состоящий из 30 000 человек, чтобы сменить отряд Раевского. Император думал, что они намереваются вступить в открытый бой, и приготовился принять их, но видя, что они не хотят сами перейти в наступление, приказал начинать атаку. Слева Ней атаковал цитадель, справа, с верховья Днепра, наступал Понятовский, а Даву в центре атаковал рославльские предместья. Такая атака с разных сторон представляла массу опасностей, так как атакующие подвергались огню 100 орудий, расположенных по берегу Днепра. Однако Понятовскому под защитой батареи удалось добраться до бреши, пробитой в стене города, а Ней почти завладел цитаделью. В центре Даву после ужасной битвы выбил из предместий Дохтурова. Но, несмотря на все усилия храбрецов, ничего нельзя было сделать; около самого города, который неприятель мужественно защищал, Наполеон велел собрать всю запасную артиллерию, чтобы пробить брешь в стене, но напрасная попытка — ядра застревали в этих огромных каменных стенах, не производя им никакого ущерба. Единственная возможность пробить брешь была бы, если сконцентрировать огонь на одну из круглых башен, но мы не имели никакого понятия о толщине их стен.

Так как наши гранаты произвели пожары в городе, дома которого были по большей части деревянные, и так как неприятель потерпел большой урон и не хотел дать нам сражение вне города, то Барклай решил отступить ночью, предоставив Корфу прикрывать его отступление. И он действительно отступил, но, уходя, поджег сначала дома, не сгоревшие еще от наших гранат.

Въезд Наполеона в Смоленск был еще более зловещ, чем это было даже в Вильно, несмотря на то, что наше вступление в Вильно сопровождалось его полным разрушением. Вся армия считала Смоленск концом своего утомительного похода. Все рассчитывали войти в город, изобилующий всем необходимым, и здесь отдохнуть как следует. Все отважные рискованные предприятия действуют на чернь совершенно особенным образом. Войска, утомленные тяжелым и гибельным походом, видя, как цель этого похода все от них удаляется и удаляется, начали беспокоиться; вспоминая огромное рассто-

яние, отделяющее их от Франции, было решено остановиться в Смоленске, но теперь это стало невозможным. Немудрено, что войска пали духом!

Этот город русских считался у иностранцев главным базисом всего государства, и на него были обращены с надеждой все взоры французской армии, и теперь этот город представлял из себя лишь огромный костер, покрытый трупами и ранеными. Пожар, причину которого трудно выяснить, уничтожил половину города; жители бежали...

С большим трудом завоеванный и покинутый своими жителями город не мог, конечно, избежать разграбления, и все то малое, что осталось в нем, сделалось жертвой солдат, раздраженных постоянными лишениями. Единственный священник, оставшийся в городе и не желавший покинуть своей паствы, доказал нам своими ответами, как настроены были жители против французов, которых им описывали в самых черных красках. Все, что было связано с религиозным или патриотическим чувством,— все было сожжено. Можно было предвидеть, что ко всем лишениям, перенесенным нами в Литве, здесь еще присоединятся все ужасы национальной войны. Мы найдем здесь новую Испанию, но Испанию без полей, без виноградников, без городов; мы не найдем здесь, конечно, Сарагосы, так как все деревянные дома были во власти огня, благодаря поджогам и гранатам, но не менее ужасные препятствия, только в другом роде, ожидали здесь наступающую армию...

(Жомини)

* * *

15 августа перед императором продефилировали все войска. Все были воодушевлены по поводу дня его рождения. Позабылись все прошлые невзгоды, и стойко выдерживались теперешние лишения, с нетерпением ждали дня сражения в надежде, что мир будет наградой за все.

Однако неприятель все отступал в полном порядке.

16-го утром на горизонте перед нами открылся Смоленск. Мы все были уверены, что неприятель покинул город. Сам император разделял это убеждение и, призвав на рассвете около 3 часов утра генерала Коленкура, отдал ему приказ пе-

ренести в город Главный штаб. Мне же было приказано находиться при нем.

Мы отправились. Миновав дивизии 3-го корпуса, разбросанные колоннами по дороге, мы очутились в полуверсте от Смоленска впереди первой стрелковой линии, обменивающейся с неприятелем ружейными выстрелами.

Маршал Ней, недовольный медленным передвижением своего отряда, появился среди своих стрелков: это сам бог Марс — его вид, взгляд, его уверенность могут воодушевить самых трусливых. Вдруг отряд из 700 или 800 казаков, находящихся до сих пор под прикрытием земли и хвороста, с громким криком «Ура!» бросается на нас. Смяв и обратив в бегство нашу кавалерию, они окружают маршала и генерала Коленкура; они так теснят их, что пуля, пущенная прямо в упор в герцога Эльхингенского, пробивает ему воротник мундира. Однако смятение продолжалось недолго, так как бригада Доманже оправилась и, освободив маршала, преследовала казаков до самого Смоленска; пехота генерала Разу подкрепила их и тем дала возможность маршалу дойти до самых стен города и убедиться, что русские намерены защищать его.

Тем не менее император был настолько уверен, что защита Смоленска не могла быть серьезной и что русские не намеревались там удержаться, что он не придавал никакой веры рапортам, привозимым ему, до тех пор, пока генерал Коленкур не явился к нему сам и не подтвердил этого. Это обстоятельство объяснилось полным незнанием местности, отсутствием шпионажа и главным образом неправильными указаниями, получаемыми императором от людей, которые должны были знать страну.

Однако же все-таки последовал приказ взять Смоленск приступом, как будто бы все должно было преклоняться перед императором и его фортуной.

Печальная и пагубная самонадеянность!

Во все время похода армия мужественно переносила всякие лишения, отважно подвергалась всевозможным опасностям, побеждала неприятеля при всевозможных обстоятельствах и полила своей кровью весь путь, по которому влекла ее судьба...

Стены города были снабжены большим количеством орудий; но самый сильный и уничтожающий огонь шел с батарей, поставленных русскими на высотах внутри города. Император сам поставил нашу артиллерию на позиции, и атака началась. Неприятель, силы которого совершенно не убывали, оказал упорное сопротивление геройским усилиям наших солдат. Их гранаты и картечь опустошали наши ряды, и русские, то нападая, то отступая, отстаивали шаг за шагом каждую пядь земли до тех пор, пока уже к вечеру они быстрым натиском не были отброшены к стенам города; тогда наши метко направленными выстрелами усилились по всей линии, хотя все-таки не смогли пробить стен. Наконец, наступила ночь, и вместо того, чтобы хоть немного успокоить нервы от всех пережитых сцен, она только усилила весь ужас дня, и вид горящего города, от которого скоро останутся только груды пепла, был благодаря темноте ночи еще ужаснее. Покидая город, русские подожгли его и оставили после себя только одни развалины. Итак, исчезла надежда завладеть городом, который мы, не без основания, считали снабженным всем необходимым.

Вечером дивизии Морана и Гюдена расположились в предместье и смогли войти в город лишь на следующее утро.

Между тем русские, отступая, сожгли мост, соединяющий петербургские предместья с городом, и заняли выгодные позиции по пути к Москве и Петербургу. Взятие Смоленска стоило жизни 12 000 человек: теперь необходим был продолжительный отдых после такого урона...

(Барон Денье)

* * *

8 августа 1812 г. наша дивизия вновь выступает в поход. 13 августа мы переходим Днепр, Борисфен греков. 16-го французская армия идет тремя колоннами на Смоленск: в 6 часов вечера она собрана у этого города. 17-го, в три часа утра, она поднимает оружие. Линия застрельщиков 13-го легкого полка нашей дивизии открывает огонь по левой стороне города, в то время как 1-й корпус главной армии маневрирует, всей массой по дивизиям, под огнем местной артиллерии. После нескольких часов маневров, все время под неприятельским огнем, мы захватываем площадку Большов-

ки, на которой расставлена батарея из 60 пушек. Во время этой операции наш полк получает приказ от маршала Даву идти вперед и нападать. Мы теряем много людей, строясь к сражению под пальбой пушек русских; но мертвые на своем месте, так как мы находимся на кладбище. Другие полки нашей дивизии подвигаются за тридцатым. Мы стоим на небольшом расстоянии от города; и потому наш полк обстреливается не только орудиями с вала, но еще пушками с башни, которые нас сильно терзают. И страдаем мы от этого до такой степени, что полковник Бюке велит нам стать позади контрэскарпа рва, окружающего кладбище. Неприятель, стоящий выше, чем мы, продолжает осыпать нас ядрами и чем-то вроде гранат с тремя отверстиями. В два часа граната, изрыгающая пламя через свои три отверстия, падает перед моей ротой. Я бросаюсь на нее, схватываю ее руками и бросаю в колодец, который находится недалеко от меня, позади. Я обжигаю себе немного руки и перед моей одежды. Мои начальники и весь батальон кричат: «*Браво! Да здравствует капитан Франсуа!*» Если бы эта граната разорвалась, она взорвала бы два зарядных ящика налево от батальона. Полковник Бюке, очень любивший меня, сделал по этому поводу представление обо мне, но меня опять забыли, как в нескольких других случаях, о которых я говорил. Моей наградой, той, которая была самая лестная для меня, было одобрение, громко выраженное моими начальниками и моими товарищами.

В 3 часа орудия установлены по всей линии и выпускают адский огонь. В 4 часа начинается жаркая пальба по предместьям. В 5 часов мы отталкиваем неприятеля, идем в штыки, добираемся до прикрытого пути[1]. Тогда битва делается ужасной. Несмотря на убийственный огонь русской артиллерии, мы захватываем укрепленные предместья, действуя все штыками, доходя даже до самого жерла пушек.

В 6 часов были установлены три батареи в то время, как мы продолжаем атаку прикрытого пути. Эти батареи начинают стрелять, и посредством гранат, производящих пожар в городе и во многих башнях, заставляют русских покинуть эти башни. Мы мало подвигаемся на прикрытом пути, но две батареи, стреляющие анфиладой, заставляют, наконец, рус-

[1] Часть вала, защищенного цасисом.

ских вернуться в крепость. Две роты минеров, поддержанные нашим полком, заняты копанием мотыгой у основания вала. В 7 часов неприятель защищается уже слабо, и мы слышим большой шум, идущий от города, который весь объят пламенем. В час утра этот шум прекращается. Русские отступили на другой берег Днепра и занимают позиции на возвышенностях.

В два часа гренадеры нашей дивизии входят в Смоленск: все улицы в огне и наполнены мертвыми и ранеными. Дивизии Морана и Фриана переезжают Борисфен на пароме, соблюдая полнейшее молчание, и взбираются, как козы, на возвышенности, где выстраиваются к сражению. Они долго перестреливаются с русским арьергардом. Наша кавалерия нападает на этот арьергард и побеждает его после сражения, данного 3-м корпусом.

Потеря русских под Смоленском была 4000 убитых, 7000 раненых и 2000 пленников; наша потеря равнялась 1200 убитым и 3000 раненым, причем бо̀льшая часть приходилась на долю нашей дивизии, которая принимала самое деятельное участие в этой битве. На долю 30-го полка выпало 90 убитых и 107 раненых.

18 августа 1-й батальон 30-го полка входит в Смоленск с польским батальоном. Мы выстраиваемся для сражения на плац-параде, среди горящих домов. Полчаса спустя после нашего вступления расставляют посты и охрану в те магазины, которых пожар не достиг еще. Потом составляют козлы, и каждый ищет, что̀ бы поесть, что отыскивается с трудом в городе, подожженном, опустошенном и потерявшем свое население. Мы находим некоторых жителей, которые говорят по-французски и помогают нам в наших поисках. В 5 часов мы покидаем Смоленск. Мы переезжаем Борисфен, или Днепр, на пароме, и наша дивизия соединяется в большом саду, на правом берегу реки. Мы уходим ночью и идем вдоль Днепра. Мы отбрасываем несколько сотен казаков, которые хотят нас тревожить.

(Франсуа)

* * *

Смоленск явился перед нашими глазами со своими древними и толстыми стенами. Это был святой город. Религия заставляла русских стараться изо всех сил не дать ему под-

пасть под чужеземное иго; они выполнили свой долг. Французы нападали со своим обычным мужеством на людей, которые с яростью защищались. Нужно сказать, что русские были возбуждены обильными возлияниями водки; мы нашли на валах множество бочек, почти пустых. Французы, которым эта роскошь была запрещена, повиновались только духу чести, которая воодушевляет их в присутствии опасности; они стремились покончить с этим, достигнув решительной победы.

Я продвинулся вперед через маленький лес, в конце которого легко было видеть движения обеих армий. Картечь, свалившая драгуна в нескольких шагах от меня, напомнила мне, что мне следовало бы умерить мое любопытство, и я вернулся назад к госпиталю. Туда только что привели артиллериста, которого молодой офицер поддерживал, и он горько рыдал; его рука была раздроблена; ампутация была произведена: во время операции несчастный призывал смерть громкими криками. Глухой шум вдруг возвещает о прибытии императора, который вскоре появился в сопровождении блестящего штаба. «Ваше Величество,— восклицает раненый,— подойдите ко мне, подойдите ко мне!» Наполеон слышит его и подходит: «Что тебе?» — говорит он ему. «Ваше Величество, трое из моих братьев были убиты на Вашей службе; видите, я сам теперь не в состоянии Вам долее служить; поручаю себя Вашей милости».— «Твое имя?» Наполеон сказал Бертье записать в его памятной книжке имя раненого, а раненый более не жаловался уже. В эту самую минуту прискакал галопом Мюрат; на нем был ментик, обшитый галуном; панталоны телесного цвета обрисовывали его формы, на голове была шляпа, украшенная богатым султаном. Ней, облеченный в свой мундир французского маршала, тоже только что прибыл. Оба отдали отчет в своих действиях своему начальнику, и, после нескольких минут совещания, каждый удалился.

После 24 часов упорной и кровавой борьбы наши солдаты вошли в Смоленск, который был покинут русскими ночью. Довольно много домов не были охвачены пламенем: были употреблены всевозможные усилия, чтобы остановить пожар. Я расположился биваком на ступенях одного храма; ка-

мень служил мне подушкой, и я глубоко заснул, завернув голову моим плащом.

Мосты были восстановлены на Борисфене; армия совершила свой переход и пустилась в погоню за неприятелем. От семи до восьми тысяч раненых были покинуты русскими в слободе, которая находится на противоположном берегу; они все погибли, истребленные пожаром, который их соотечественники зажгли, чтобы задержать наше наступление. Я прошел среди этих останков людей и обломков домов, избегая с религиозным уважением наступить на трупы, обугленные огнем и ставшие почти детскими, и обходя со страхом рытвины, которые образовались на каждом шагу благодаря провалу погребов и колодцев и едва были прикрыты пеплом и углем.

(Дюверже)

* * *

Город подвергался со всех сторон страшному бомбардированию, и подземными минами взорвало на воздух целые части стен. Неприятельская артиллерия не в состоянии была отразить это нападение и бросила свою позицию; русские решились отступить, потеряв 12 000 человек убитыми, ранеными и пленными, и перед отступлением зажгли город со всеми его магазинами. Общий пожар охватил город. Канонада прекратилась. Мы двинулись вперед и увидали императора; он слез с лошади у ворот города и стоял, окруженный несколькими генералами. Он отдавал приказания, как в это время из города выехали три кареты, направляясь в его сторону. Из карет вышли несколько русских в светло-зеленых мундирах с красным воротником; они держали шляпы в руке и низко кланялись императору. Наполеон поговорил с ними с четверть часа. То были русские гражданские власти, и во главе их уездный предводитель дворянства. Они, как говорили, поднесли ключи города, объявляя, что армия русская выступила вон из города. Передавая его в руки императора, они умоляли Наполеона приказать подать помощь тысячам раненых, разбросанных по городу, и затем возвратились в город. Император вызвал вперед несколько дивизий для занятия Смоленска и приказал немедленно образовать группы врачей и лекарей со служителями из гвардии, с тем чтобы все они

разделились по кварталам города, лечили бы всех раненых, без разбора, и свезли бы в госпитали. Приказание это было немедленно исполнено.

(де ла Флиз)

* * *

Около двух часов пополудни Наполеон приказал атаковать по всей линии; битва была одна из самых кровопролитных. Когда она уже завязалась, я был к нему призван. «Скачи сейчас же в Витебск с этим вот ордером, приказывающим всякому, к какому бы роду оружия он ни принадлежал, помогать тебе расседлывать лошадь. В случае необходимости сменить лошадь — все лошади в твоем распоряжении, исключая артиллерийских. У тебя есть лошадь?» — «Есть, государь; у меня их две».— «Бери обеих. Когда ты загонишь одну, пересаживайся на другую; вообще выполни дело со всей возможной быстротой. Я жду тебя завтра; теперь три часа, поезжай!» Я сажусь на лошадь. Граф Монтион говорит мне: «Время не терпит, мой друг, берите за повод другую лошадь, а первую потом бросите на пути».— «Но у меня они оседланы».— «Лучшее седло оставьте у моей прислуги и не теряйте ни минуты».

Я лечу, как молния, держа в руке повод другой лошади. Когда первая стала сгибаться подо мной, я соскакиваю наземь, в один миг расседлываю ее, седлаю другую и оставляю мое бедное животное на месте. Продолжаю свой путь. Въезжаю в лес и вижу там маркитантов, которые спешили к своему отряду. «Стой! Лошадь! Скорее!! Оставляю вам свою. Страшно тороплюсь. Берите, расседлайте мою лошадь!» — «Вот четыре прекрасные польские лошади,— говорит маркитант,— какую хотите?» — «Вот эту! Седлай! Седлай! Время не терпит, у меня ни минуты свободной».

Ах, как хороша была моя новая лошадь, как далеко она меня унесла! В этом лесу я нашел пост для охраны пути. Являюсь к начальнику поста и говорю: «Видите мой ордер. Скорее лошадь! Храните мою!»

Я не терял ни часу, чтобы доскакать до Витебска. Передаю депеши начальствующему здесь генералу. Прочтя их, он говорит: «Дайте обедать этому офицеру, положите его на час на постель, приготовьте ему хорошую лошадь и вооруженно-

го проводника. Около леса Вы найдете стоящий там полк. Можно и в самом лесу, на сторожевом посту, переменить лошадь».

Через час генерал приходит. «Пакет для Вас готов, поезжайте, мой храбрец. Если Вы не замедлите в пути, то не потратите и 24 часов, включая сюда потерю времени на смену лошадей». Я еду на хорошей лошади и хорошо охраняемый. В лесу нахожу полк. Представляю полковнику ордер. Быстро прочитав его, он сказал: «Дайте Вашу лошадь, адъютант, таков приказ императора. Расседлайте его лошадь, время не терпит».

Я рассчитывал встретить в лесах кавалерийские пикеты, но их не оказалось. Все или разбежались, или были смяты. Я совершенно один, без спутника. Соображаю, замедляю шаг и довольно далеко от себя вижу стоящих на бугорке кавалеристов. Сворачиваю в сторону, чтобы не быть заметным, так как, конечно, это казаки, поджидающие врага. Пробираюсь дальше у самого леса. Вдруг оттуда выходит крестьянин и говорит мне: «Казаки!» Я ясно его разглядел; без всяких колебаний слезаю с лошади и, держа пистолет, подхожу к крестьянину, показывая ему в одной руке золото, в другой — пистолет. Он понял и говорит мне: «Так! так!»,— т. е. он хочет сказать этим: «Хорошо!» Положив золото в жилетный карман, взяв лошадь за уздечку в правую руку и продолжая держать пистолет в левой, я иду справа от моего русского, который ведет меня по тропинке. Проделав большой крюк, он опять выводит меня на дорогу со словами: «Нет, нет казаков!»

Вижу березы и по ним узнаю свою прежнюю дорогу. Полный радости, даю три наполеона моему крестьянину и сажусь на лошадь. Отчаянно гоню лошадь и, к счастью, достигаю какой-то фермы, прежде чем лошадь окончательно не выбилась из сил. Влетаю во двор и вижу там трех молодых врачей, соскакиваю с лошади и бегу в конюшню. «Лошадь скорее! Оставляю вам свою. Читайте ордер».

Еще раз сажусь на славную лошадь. Идет она хорошо, но мне потребуется, по крайней мере, еще одна, чтобы добраться до Смоленска. Между тем наступила ночь, и я ничего не видел перед собой. К счастью, встречаю четырех офицеров с хорошими лошадьми и проделываю опять ту же церемонию.

«Взгляните, если можете прочесть, на этот ордер императора и перемените мне лошадь». Толстый господин, которого я принял за генерала, обратился к одному из своих спутников: «Расседлайте Вашу лошадь и дайте ее этому офицеру. Дело спешное, помогите ему». Я спасен. Въезжаю на поле битвы и отыскиваю императора.

(Куанье)

* * *

Нам хотелось отвернуться от этих сцен резни. Русские убегали, и кавалерия бросилась за ними в погоню; вскоре она настигла арьергард. Корф хотел оказать сопротивление, но был подавлен численностью наших. Подоспел Барклай со своими силами, но и мы получили подкрепления; завязалась отчаянная схватка. Ней атаковал с фронта, Жюно — с фланга; неприятельская армия была бы разрезана пополам, если бы герцог ринулся вперед. Раздраженный ожиданием, Мюрат бросился к нему: «Что с тобой? Отчего ты не идешь вперед?» — «Мои вестфальцы начинают колебаться».— «Я их расшевелю». Король Неаполитанский во главе нескольких эскадронов бросается вперед, ударяет на русских, опрокидывая все на своем пути. «Вот маршальский жезл уже наполовину и твой; доканчивай, русские пропали». Но Жюно не довел дело до конца; от усталости ли или из-за нерешительности, но храбрый из храбрых дремал под пушечные выстрелы, а неприятель, возвратившийся на помощь своему арьергарду, восстановил свою боевую линию.

Схватка завязалась жестокая; храбрый Гюден погиб, и русская армия ускользнула от нас. Наполеон посетил места, где происходил бой. «Узел битвы был не у моста, а вон там, в деревне, где должен был выйти 8-й корпус. А что делал Жюно?» Король Неаполитанский попытался смягчить его вину. Он ссылался на численность неприятеля, на препятствия, пустил в ход все обычные доводы... Бертье, всегда любивший герцога, принял в нем участие; Коленкур со своей стороны тоже. Все по мере возможности говорили в защиту храбреца, которого можно было упрекнуть лишь в минутной растерянности. Правда, из-за этого мы потеряли весьма большие преимущества. Наполеон призвал меня к себе. «Жюно теперь окончательно утратил все шансы на маршаль-

ский жезл. Я назначаю Вас командиром вестфальского корпуса: Вы говорите на их языке, Вы подадите им пример и заставите их сражаться». Я был польщен этим доверием и высказал ему это; но ведь Жюно был весь покрыт ранами. Он отличился в Сирии, в Египте, везде; я просил императора забыть одну минуту его рассеянности во внимание к 20-летнему мужеству и преданности. «Из-за него русская армия не сложила оружия: ведь это может мне помешать пойти на Москву. Примите команду над вестфальцами». Тон, которым он произнес эти слова, был уже значительно более мягкий. Заслуги бывшего адъютанта заставляли легче относиться к бездействию, проявленному 8-м корпусом. Я продолжал: «Ваше Величество только что говорили мне о Москве. Армия не ожидает этого похода».— «Дело начато, надо довести его до конца. Я только что получил хорошие известия: Шварценберг на Волыни, Польша организуется; у меня будет всякого рода помощь».

Я покинул Наполеона, чтобы сообщить князю Невшательскому и герцогу Виченцскому[1] о немилости, грозившей Жюно. «Мне крайне тяжело,— сказал мне князь,— что его лишают командования; но не могу не сознаться, что из-за него не удалась самая лучшая операция за всю кампанию. Вот от чего зависят успехи в войне: от забывчивости, от минутной рассеянности и растерянности; не сумеешь на лету схватить подвертывающуюся случайность, а она ускользнет и уже не вернется более. Ведь ни у кого нет такой отваги, таких способностей. Воинские качества соединяются в нем с обширными познаниями; он неустрашим, умен, приветлив и добр. Он забылся на час, а врагов у него много. Впрочем, я поговорю с Коленкуром». Оба действовали настолько успешно, что Жюно сохранил за собой командование; я был очень доволен этим, во-первых, потому что лишение командования было бы для него ударом, а во-вторых, потому что для меня не было большой радости в его солдатах. К несчастью, неукротимость и пылкость юных лет сменились у него усталостью. В битве под Москвой он не проявил того увлечения и той энергии, которые он прежде неоднократно выказывал; а

[1] Бертье и Коленкур. *Ред.*

дело под Вереей довело недовольство им Наполеона до последних пределов.

Несколько дней спустя мы узнали о движении Тормасова. Мы были в тревоге и обсуждали эти отступления в сторону от намеченного пути, говорили об опасностях, которым подвергаешься, чрезмерно удаляясь от операционной базы. Без сомнения, Наполеон слышал наши разговоры. Он подошел к нам, много говорил о том, как он обезопасил свой арьергард, о войсках, составлявших наши фланги, и о той цепи постов, которые тянулись от Немана вплоть до тех мест, где мы находились. «Тормасов,— сказал он нам,— взбудоражил всех варшавян. Они уже видели его действующим в Праге! Но, как видите, его выставили даже скорее, чем он пришел». Наполеон ушел в свой кабинет и начал диктовать совершенно равнодушно, но настолько громко, чтобы мы могли слышать все от слова до слова, свои инструкции герцогу Беллунскому[1].

(Рапп)

* * *

Корпус, прикрывавший отступление русских, занял позицию на Валутиной Горе, где находилась часть их армии, выстроенной для битвы. Герцог Эльхингенский приказал 11-й дивизии остановиться, чтобы дождаться 10-й и 25-й; неприятель принял нашу осторожность за колебание; не видя за собой преследования, он захотел, в свою очередь, перейти к наступательным действиям и с удвоенным усилием напал на дивизию Разу, но был отброшен. Храбрый 18-й полк выказал при этом энтузиазм, который не поддается описанию: он один прорвал первую линию осаждавших. Около 4 часов дня началась снова перестрелка; герцог д'Абрантес, заблудившийся вправо от Смоленска, сделал неправильное движение и не мог поспеть вовремя на Московскую дорогу, чтобы отрезать отступление нашим противникам. Поэтому первые неприятельские эшелоны вернулись обратно и последовательно завязали сражение с 4 дивизиями. Русским было тем более важно защитить эту позицию, что, будучи на самом деле сильной, она считалась в стране неодолимой; в прежние вой-

---

[1] Маршал Виктор.

ны поляки всегда терпели тут поражения. Поэтому москвичи, по религиозной традиции, связывали с этой площадкой надежду на победу и дали ей громкое название «Священного поля».

Но если Барклай де Толли придавал большое значение тому, чтобы сохранить за собой эту позицию, мы не менее горячо желали взять ее, тем более что это дало бы нам возможность завладеть обозом и телегами с ранеными, выехавшими из Смоленска под охраной арьергарда. В 6 часов вечера дивизия Гюдена, посланная в помощь 3-му корпусу против многочисленных войск, которые неприятель собрал, подошла в виде колонны к центру позиции, поддерживаемая дивизией Ледрю и дивизией генерала Маршана, остававшейся в резерве. Когда распоряжения были сделаны, наши солдаты, по данному сигналу, бросились на неприятеля, который бился с яростью. 7-й легкий полк, полки 12, 21 и 127-й, составлявшие дивизию Гюдена, с такой стремительностью ударили в штыки, что русские бежали, оставив нам позицию; они были, очевидно, уверены, что имеют дело с Императорской гвардией. Это геройское дело стоило жизни храброму генералу, командовавшему этой дивизией; это был один из наиболее выдающихся офицеров армии, достойный сожаления по своим нравственным качествам, талантливости и редкой отваге. Впрочем, эта смерть была хорошо отомщена: его дивизия произвела жестокую резню среди неприятелей, которые бежали к Москве, оставив «Священное поле» усеянным телами убитых. Во время стычки один генерал из русской дивизии был взят в плен одним из наших пехотных офицеров...

На другой день император раздавал в 3 часа утра на поле битвы награды отличившимся полкам, и так как вновь сформированный 127-й полк вел себя хорошо, Наполеон дал ему право носить «орла»; до сих пор он не имел еще этого права, так как не участвовал ни в одном сражении. Эта раздача наград среди мертвых и умирающих, и к тому же на месте, прославленном победой, представляла величественное зрелище, которое как бы уподобляло наши подвиги наиболее геройским подвигам древности. Впечатление, произведенное этим смотром на Наполеона, имело пагубные последствия: говорят, что он предполагал закончить поход этой битвой, но при виде валутинских победителей он был так восхищен их воен-

ной выправкой, что сказал окружающим: «Будем продолжать побеждать; с такими войсками надо идти на край света».

(Лабом)

* * *

Прибытие Наполеона, как всегда, вызвало шумные клики; даже самые тяжелораненые делали последнее усилие, чтобы еще раз приветствовать его... Он прошел мимо гренадера, занятого перевязкой раны на ноге: «Ah Mon Empereur! — сказал этот служака.— Почему не Вы были вчера во главе нас? Мы бы раздавили русских!» Вид поля битвы был ужасен. Нам ежеминутно приходилось поворачивать лошадей, чтобы не наткнуться на груды трупов; и в награду за столько жертв ни одного трофея, ни одного орудия, ни одной амуниционной повозки! Захват этого участка, покрытого мертвыми,— вот единственный плод победы. Лучезарное солнце заливало светом это поле бойни.

Император сделал смотр войскам Нея, вручил «орла» 127-му полку, который только что получил боевое крещение. Эта церемония, сама по себе внушительная, приобрела на этом месте прямо эпический характер. Полк построился в каре; в рядах виднелось много лиц, еще черных от пороха, много окровавленной амуниции. Полковник и офицеры построены были полукругом около императора. «Солдаты,— сказал он,— вот вам «орел»! В часы опасности он будет служить вам центром единения. Клянитесь мне никогда не покидать его, оставаться всегда на стезе чести, защищать отечество и никогда не давать в обиду Францию, нашу Францию!» Все, как один человек, ответили: «Клянемся!» Тогда император взял «орла» из рук Бертье и вручил его полковнику, который передал его знаменосцу. В тот же момент каре расступилось, полк перестроился, и знаменосец, предшествуемый барабанщиками и музыкой, занял свое боевое место в центре отборного взвода...

Сержант гренадерской роты того же полка тут же на месте произведен был в су-лейтенанты. «Немедленно провозгласите об этом производстве»,— сказал Наполеон. Полковник произнес обычные торжественные слова, но не подумал обнять нового офицера. «Ну, что же Вы, полковник! Лобзание-то, лобзание!» — живо произнес Наполеон. Действительно, было очень некстати забыть это. Ордена, производства, на-

грады сыпались градом. Видно было, что Наполеон и в себе, и в других чувствовал повелительную потребность подавлять печальные мысли... Подойдя к 95-му полку, он попросил полковника позвать ему отличившихся накануне, и когда тот, естественно, начал с офицеров, император прервал его на шестом или седьмом. «Как, полковник, значит, Ваши солдаты — трусы?» И он сам вызвал из рядов унтер-офицеров и солдат, которых ему указали, как достойных производства или отличий.

При виде этой сцены я понял, я сам почувствовал то непреодолимое очарование, которое производил Наполеон, когда он этого хотел, и притом всюду, где он бывал. Но он не мог быть везде!

(Брандт)

СМОЛЕНСК ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ

Единственными свидетелями нашего вступления в опустошенный Смоленск являются дымящиеся развалины домов; лежащие вперемешку трупы своих и врагов засыпают в общей яме.

В особенно мрачном и ужасном виде предстала перед нами внутренность этого несчастного города. Ни разу, с самого начала военных действий, мы еще не видали таких картин; мы ими глубоко потрясены. При звуках военной музыки, с гордым и в то же время нахмуренным видом, проходим мы среди этих развалин, где валяются только несчастные русские раненые, покрытые кровью и грязью. Наши уже подобраны, но сколько трупов, должно быть, скрыто под этими дымящимися грудами! Сколько людей сгорело и задохнулось!

На порогах еще уцелевших домов ждут группы раненых, умоляя о помощи. Подбирают наиболее пострадавших и переносят их на руках. Я видел повозки, наполненные оторванными частями тела; их везли зарывать отдельно от тел, которым они принадлежали... Город кажется покинутым. Немногие оставшиеся жители укрылись в церквах, где они, полные ужаса, ждут касающегося их постановления. На улицах встречаем в живых только французских или союзных солдат, уже водворившихся в городе. Они отправляются шарить по улицам, надеясь отыскать что-нибудь, пощаженное огнем...

(Ложье)

* * *

На другой день (19 августа) мы вошли в Смоленск по предместью, идущему вдоль реки; мы шли среди развалин и трупов; дворцы еще догорали и представляли собой только стены, потрескавшиеся от пламени; под их обломками виднелись почерневшие от дыма скелеты сгоревших жителей. Немногие уцелевшие дома были заняты солдатами, а на пороге их стояли их прежние хозяева с оставшимися членами своей семьи и оплакивали или умерших детей своих, или гибель всего имущества, добытого долгим и тяжелым трудом. Одни церкви доставляли некоторое утешение несчастным, оставшимся без крова. Собор, известный в Европе и очень почитаемый русскими, сделался убежищем бесприютных жителей, бежавших с пожарища. В этой церкви, возле самых алтарей, целые семьи лежали на лохмотьях; в одном месте умирающий старик вглядывался потухающим взором в лики святых, которым он молился всю жизнь; в другом — невинные младенцы сосали грудь у матери, поблекшей от горя и обливавшей их слезами.

Вся эта картина бедствия представляла поражающий контраст с видом армии, вступавшей во внутреннюю часть города. С одной стороны было горе побежденных, с другой — гордость победителей; одни все потеряли, другие обогатились добычей и, не испытав ни одного поражения, шли горделиво под звуки военной музыки, поражая ужасом и восхищением несчастные остатки покоренного населения.

(Лабом)

* * *

Осада Смоленска не задержала нас даже на три дня. На третий день город был уже пуст; но он горел, и соединительные мосты через Днепр были сломаны.

Мы были принуждены пройти через этот пылающий ад. Достигнув берега реки, мы свели своих лошадей вниз по откосу и, не тратя времени на розыски брода, переправились через реку вплавь.

С целью помочь моему молодому нормандцу, которого я очень любил, я положил свою саблю на седельную шишку и его голову, а сам поплыл рядом, поддерживая одной рукой патронташ и пистолет над поверхностью воды. Однако я вы-

мочил себя совершенно напрасно, так как наши лошади почти повсюду доставали своими ногами дна; оставаясь подобно своим товарищам верхом, я вышел бы сухим, по крайней мере большей частью; но я был молод, полон сил и боялся болезни так же мало, как смерти.

Впрочем, на другом берегу мы нашли пылавший уже костер, который способен был высушить целый фонтан.

Старый город, куда мы пришли, состоял, как я уже заметил, сплошь из деревянных построек.

Русская армия, надеясь, по-видимому, на более продолжительное сопротивление, эвакуировала в Смоленск раненых под Красным, Могилевом и во всех других предшествовавших боях.

И вот перед нашими глазами предстало ужасное зрелище.

При приближении французской армии всех этих раненых собрали в старый город.

В первый же день осады несколько гранат вызвали здесь пожар. Сила атаки и стремительность преследования дали неприятелю лишь время разрушить мосты, но не позволили ему эвакуировать раненых; и эти несчастные, покинутые таким образом на жестокую смерть, лежали здесь кучами, обугленные, едва сохраняя человеческий образ, среди дымящихся развалин и пылающих балок.

Многие после напрасных усилий спастись от ужасной стихии лежали на улицах, превратившись в обугленные массы, и позы их указывали на страшные муки, которые должны были предшествовать смерти.

Я дрожал от ужаса при виде этого зрелища, которое никогда не исчезнет из моей памяти. Задыхаясь от дыма и жары, взволнованные этой страшной картиной, мы поспешили выбраться за город.

Казалось, что я оставил за собой ад.

(Комб)

* * *

Штурм Смоленска был одним из самых кровопролитных, какие только мне удавалось видеть. Ворота, бреши в стенах, главные улицы города — все это было завалено трупами и умирающими, и притом почти исключительно русскими, потери которых были громадны. Трудно исчислить огромное

количество трупов, которые отыскивали постепенно и в городских ямах, и в пригородных оврагах, и по берегу реки, и под мостами. Мы со своей стороны потеряли 1200 человек убитыми и 6000 человек ранеными; при этом большей части раненых первая помощь была оказываема на самом поле битвы по мере того, как их приносили. Я сделал в походном госпитале массу операций; оттуда мы уносили раненых со всей возможной поспешностью в 15 обширных зданий, превращенных в госпитали. Одни из последних находились поблизости от главных пунктов сражения, другие помещались в слободах, третьи и самые обширные — в городе.

Как и в Витебске, мы ощущали большой недостаток в необходимых материалах. Мне, как и раньше, приходилось измышлять разные средства, чтобы чем-нибудь заменить недостающее. Так, вместо белья, которое мы, исключая белье раненых, израсходовали в первые же дни, я пользовался бумагой, найденной в архиве, здание которого было обращено в госпиталь. Пергамент заменял лубок; пакля и тонкая береста — корпию, на бумагу же клали раненых. Но зато как много приходилось работать, какие затруднения надо было преодолевать! Горожане почти все разбежались, а большая часть удобных зданий погибла от пожаров или была разграблена.

Большую помощь оказывали мне коллеги Главного штаба и гвардии. День и ночь мы перевязывали пострадавших от огня и холодного оружия людей, и, несмотря на недостаточность наших материалов, все операции мы успевали делать в течение первых суток после поранения...

Большое число больных и раненых, как французов, так и русских, сильно затрудняло дело по продовольствию госпиталей. Русские лежали вперемешку с нашими и пользовались одинаковым с ними уходом.

Кое-как удалось спасти от огня и грабежа значительное количество самых необходимых медикаментов, а также вина и водки. В окрестные деревни мы послали добыть мяса и провизии. Из резервных походных госпиталей нам прислали белья и корпии. Все эти средства, а также неусыпный надзор наших хирургов помогли выздороветь всем легкораненым, а тяжелораненые получили необходимый уход. Однако месяц спустя в провизии стал ощущаться недостаток, и только му-

ки было довольно, так как несколько обозов ее было доставлено из отдаленных местностей. Военные, не раненные в нижние конечности, еще могли мириться с этим недостатком, но другие сильно страдали.

Необходимость обеспечить помощь почти 10 000 раненым русским и французам, собранным в госпиталях Смоленска, а также мое внутреннее убеждение, что армия после такого крупного успеха и с началом осенних дождей не пойдет далеко на север, побудили меня оставить в Смоленске, кроме всех военных врачей резерва, 5 отделений наших легких походных госпиталей.

(Ларрей)

* * *

Так как госпиталей с трудом хватало для размещения всех раненых, прием в них больных был воспрещен, тем более что число последних было очень велико, и вот они, лишенные всякой помощи, принуждены были тащиться вслед за своими полками до тех пор, пока не испускали духа где-нибудь на дороге или на биваке. Что за ужасное зрелище, в особенности для нас, врачей, на чьей обязанности лежит облегчить страдания этих несчастных, и когда, в то же время, мы были лишены всякой возможности исполнить это! Позднее, во время дальнейшего похода, и в особенности во время плена, мне приходилось переносить жестокие, пожалуй, даже ужасные страдания, но мне все-таки кажется, что я ни разу не переносил таких острых душевных мучений, как иногда при виде этих бедных больных и раненых в Смоленске. Правда, это происходило, так сказать, в начале кампании; впоследствии же, когда душераздирающие сцены и картины успели притупить чувствительность нервов, моя восприимчивость была несколько понижена благодаря привычке к подобным зрелищам.

(Руа)

* * *

На следующий день, 23 августа, император произвел смотр корпусу Понятовского и обнаружил при этом ту же щедрость на награды. Несомненно, он хотел изгладить воспоминание о жестоком и несправедливом нагоняе, какой он за-

дал князю, в первые дни кампании, в ответ на заявленные им претензии по поводу задержки жалованья и припасов. Письмо это, почти оскорбительное по тону, тайно распространено было во множестве экземпляров. Говорили также о посещении князем и его генералами императорского бивака перед взятием Смоленска. Император сначала принял их довольно хорошо. Но скоро, недовольный сведениями, которые ему давали относительно убыли наличного состава войск с момента начала кампании, он запальчиво сказал начальнику Главного штаба, генералу Фишеру:

— Но, черт возьми! Куда же Вы дели своих людей?

— Государь! недостаток припасов, утомление...

— А! Вы все поете мне ту же песню; почему же другие корпуса не потеряли половины своего состава в дороге? Но я отлично знаю, отчего все это происходит; Вы только и хороши со своими варшавскими *танцовщицами*. (Некоторые уверяли даже, что он употребил еще более характерное слово.)

К этому добавляли, что Понятовский, задетый этой новой выходкой, готов был покинуть армию. Наконец, ходили еще слухи, что после этого смотра 21-го числа, когда император обнаружил большую благосклонность к полякам, Понятовский отправился к нему вместе с Даву и *на коленях* умолял разрешить ему двинуться к Киеву для организации поголовного ополчения в бывших польских областях; но император с запальчивостью отклонил его просьбу и будто бы грозил даже расстрелять его, если он будет настаивать на своем проекте. Я воспроизвожу это происшествие, не ручаясь за его достоверность,— в такой форме, в какой я слышал его в тот же день в Смоленске, от людей, обычно хорошо осведомленных...

После нас дошла очередь до Старой гвардии, которую я мог в этот день разглядеть на досуге. С той поры мне приходилось видеть более красивые войска, но никогда — более внушительные. Смешное приключение, случившееся за несколько дней до этого у нашего полковника с одним из этих старых солдат, отлично показывает, каково было их положение в армии, положение, принуждавшее даже офицеров высокого чина считаться с ними.

Дело было на биваке. Я был у нашего полковника Хлусевича, который как раз брился около входа в палатку. Чашка, полная воды, стояла на столе около него. Вдруг в палатку врывается огромный белый пудель и, без всякого стеснения, принимается лакать воду из чашки. Ни полковник, ни я не успели пошевельнуться, как следом появляется гренадер Старой гвардии и, пробормотав себе в усы: «Извините, господа»,— принимается привязывать веревку к шее собаки. Собака отбивается, опрокидывает наземь чашку,— а надо сказать, что на этой лагерной стоянке было необычайно много пыли и весьма мало воды. «Видали ли Вы когда-либо подобного нахала?» — сказал взбешенный полковник, схватив за плечи и вытолкав из палатки пораженного изумлением гренадера, который исчез вместе со своей собакой...

Полковник и думать перестал об этой истории, как вдруг два часа спустя гренадер вернулся назад в сопровождении офицера Главного штаба; оба были в парадной форме. «Господин полковник,— сказал офицер,— вы поставили в очень неловкое положение почтенного человека, который пользуется уважением всего своего полка. Я являюсь от лица маршала Бертье, чтобы уладить эту неприятную историю, заранее уверенный, что достаточно будет одного слова разъяснения с Вашей стороны».— «Действительно,— сказал, не смущаясь, полковник,— я давеча погорячился: я сейчас уже пожалел об этом и немедленно сказал бы это этому почтенному человеку, если бы он не исчез так быстро. Я очень рад, что это посещение избавляет меня от необходимости отыскивать его, чтобы сказать ему, как я раздосадован тем, что так грубо обошелся с ним. Ну, а теперь, не правда ли, гренадер, Вы ничего больше не имеете против меня?» — прибавил он, протянув руку ворчуну, который сердечно пожал ее, заявляя, что получил самое лучшее удовлетворение в мире. Полковник, который в глубине души был совершенно доволен, сказал мне потом, что он охотно покорился из страха, как бы эта история не имела дурных последствий для полка. Может быть, она повредила бы и его производству, потому что как раз в ту пору шла речь о его переводе в гвардию; действительно, он был назначен майором 2-го полка легкой кавалерии...

(Брандт)

* * *

Вот уже пять дней, как Наполеон с Главной квартирой пошел вслед за армией по Московской дороге; итак, тщетно мы ожидали, что войска наши останутся в Польше и, сосредоточив силы свои, станут твердой ногой. Жребий брошен; русские, отступая во внутренние области, находят везде сильные подкрепления, и нет сомнения, что они вступят в битву лишь тогда, когда выгодность места и времени даст им уверенность в успехе.

Несколько дней раздача провианта становится весьма беспорядочной: сухари все вышли, вина и водки нет ни капли, люди питаются одной говядиной от скота, отнятого у жителей из окрестных деревень. Но и мяса надолго не хватает, так как жители при нашем приближении разбегаются и уносят с собой все, что только могут взять, и скрываются в густых, почти неприступных лесах.

Солдаты наши оставляют свои знамена и расходятся искать пищи; русские мужики, встречая их поодиночке или несколько человек, убивают их дубьем, пиками и ружьями.

Собранный в Смоленске провиант, в небольшом количестве, отправлен на возах за армией, а здесь не остается ни одного фунта муки; уже несколько дней нечего почти есть бедным раненым, которых здесь в госпиталях от 6000 до 7000. Сердце обливается кровью, когда видишь этих храбрых воинов, валяющихся на соломе и не имеющих под головой ничего, кроме трупов своих товарищей. Кто из них в состоянии говорить, тот просит только о куске хлеба или о тряпке, или корпии, чтобы перевязать раны; но ничего этого нет. Новоизобретенные лазаретные фуры еще за 200 верст отсюда, даже те фуры, на которых уложены самые необходимые предметы, не успевают за армией, которая нигде не останавливается и идет вперед ускоренным маршем.

Прежде, бывало, ни один генерал не вступит в сражение, не имея при себе лазаретных фур; а теперь все иначе; кровопролитнейшие сражения начинают, когда угодно; и горе раненым, зачем они не дали себя убить? Несчастные отдали бы последнюю рубашку для перевязки ран; теперь у них нет ни лоскутка, и самые легкие раны делаются смертельными. Но всего более губит людей голод. Мертвые тела складывают в кучу, тут же, подле умирающих, на дворах и в садах; нет ни

заступов, ни рук, чтобы зарыть их в землю. Они начали уже гнить; нестерпимый смрад на всех улицах, он еще более увеличивается от городских рвов, где до сих пор навалены большие кучи мертвых тел, а также множество мертвых лошадей покрывают улицы и окрестности города. Все эти мерзости, при довольно жаркой погоде, сделали Смоленск самым несносным местом на земном шаре.

(Письмо Пюибюска от 27 августа)

* * *

Мы получили приказание отправить из Смоленска в армию всех, кто только в состоянии идти, даже и тех, которые еще не совсем выздоровели. Не знаю, зачем присылают сюда детей, слабых людей, не совсем оправившихся от болезни; все они приходят сюда только умереть. Несмотря на все наши старания очищать госпитали и отсылать назад всех раненых, которые только в состоянии вытерпеть поездку, число больных не уменьшается, а возрастает, так что в лазаретах настоящая зараза. Сердце разрывается, когда видишь старых, заслуженных солдат, вдруг обезумевших, поминутно рыдающих, отвергающих всякую пищу и через три дня умирающих. Они смотрят, выпуча глаза, на своих знакомых и не узнают их, тело их пухнет, и смерть неизбежна. У иных волосы становятся дыбом, делаются твердыми, как веревки. Несчастные умирают от паралича, произнося ужаснейшие проклятия. Вчера умерли два солдата, пробывшие в госпитале только пять дней, и со второго дня до последней минуты жизни не переставали петь.

Даже скот подвержен внезапной смерти; лошади, которые сегодня кажутся совсем здоровыми, на другой день падают мертвыми. Даже те из них, которые пользовались хорошими пастбищами, вдруг начинают дрожать ногами и тотчас падают мертвыми. Недавно прибыли 50 телег, запряженных итальянскими и французскими волами; они, видимо, были здоровы, но ни один из них не принял корма: многие из них упали и через час околели. Принуждены были оставшихся в живых волов убить, чтобы иметь от них хоть какую-нибудь пользу. Созваны все мясники и солдаты с топорами, и, странно! несмотря на то, что волы были на свободе, не привязаны, даже ни одного не держали,— ни один из них не по-

шевельнулся, чтобы избежать удара, как будто они сами подставляли лоб под обух. Таковое явление наблюдалось неоднократно, всякий новый транспорт на волах представляет то же зрелище.

В то время, как я пишу это письмо, двенадцать человек спешат поскорее отпрячь и убить сто волов, прибывших сейчас с фурами 9-го корпуса. Внутренности убитых животных бросают в пруд, находящийся посередине той площади, где я живу, куда также свалено множество человеческих трупов со времени занятия нами города. Представьте себе зрелище, какое у меня перед глазами, и каким воздухом должен я дышать! Зрелище, до сих пор вряд ли кем виденное, поражающее ужасом самого храброго и неустрашимого воина, и, действительно, необходимо иметь твердость духа выше человеческой, чтобы равнодушно смотреть на все эти ужасы.

(Письмо Пюибюска от 5 сентября)

ОТ СМОЛЕНСКА ДО ГЖАТСКА

Надежда на то, что мы отдохнем в Смоленске, не осуществилась. Я получил в 4 часа утра приказание двинуться далее и занять укрепления за Днепром, затем мы прошли по развалинам предместья, и вся армия двинулась к Москве. От Наполеона зависело окончить войну в Смоленске, восстановив королевство Польское, за что Европа была бы ему признательна. Если верить тому, что я слышал, то русские ожидали этого. Говорили, будто генерал Вильсон, бывший представителем Англии в Главной квартире, писал в Петербург и Лондон, в первой депеше: «Все погибло; Смоленск взят»; а два дня спустя он послал второго курьера с известием: «Все спасено, французы идут на Москву». Император Наполеон не сумел остановиться в Смоленске...

(Дедем)

* * *

Мы быстро догнали русский арьергард. Была образована стрелковая цепь наперерез большой дороге из Смоленска в Москву, и таким образом мы преследовали неприятеля до наступления ночи, положившей конец бою.

Русский генерал, впрочем, по обыкновению, вполне ясно дал нам знать о своем намерении не отступать дальше, заняв позицию и пожелав нам пушечными выстрелами спокойной ночи.

Был конец августа. В русском климате в это время года жара не та, что в южных странах Европы. Нам приходилось переносить не только солнечный зной, но и раскаленные испарения земли.

Наши лошади подымали своими ногами облака жгучего, мелкого, как пыль, песка, который покрывал всех нас настолько, что трудно было различить цвет нашей формы. Проникая в глаза, этот песок причинял сильные боли. Я едва мог дышать. Но, несмотря на убийственную жажду, вызванную стечением всех этих обстоятельств, мы не могли остановиться, чтобы освежить себя глотком чистой воды из источников, мимо которых мы проезжали. Наши лошади были более счастливы. Они почти с бешенством погружали в воду свои горячие морды, но также не имели ни времени, ни возможности пить с удилами во рту. Некоторые из них с наслаждением валялись в воде, несмотря на притворные или действительные усилия своих всадников, которые вовсе не прочь были иметь предлог сделать то же самое. Словом, даже в Италии я никогда не испытывал в такой мере невыносимой жары.

Бивачный дым каждый вечер еще увеличивал полученное днем раздражение глаз, и я не знаю, каким чудом я не потерял своего зрения.

Однако мы все же подвигались вперед. Нашему авангарду ежедневно приходилось вступать в бой с русским арьергардом; сопротивление неприятеля заметно становилось все более упорным.

Бой 4 сентября явился уже настоящим сражением.

Русская армия имела, несомненно, намерение задержать наше наступление и тем выиграть время, чтобы закончить укрепления, сооружавшиеся на знаменитом Можайском поле, обширной равнине, на которой, как утверждало национальное предание, ни одна русская армия не могла быть побеждена.

(Комб)

* * *

Переход от Смоленска до Гжатска (24 августа — 3 сентября) был одним из самых утомительных. Жара стояла удручающая; бешеные порывы ветра поднимали вихри пыли, до того густой, что часто мы не могли уже видеть деревьев, растущих по краям дороги.

Эта беспрестанная горячая пыль была прямо пыткой. Чтобы уберечь от нее хотя бы глаза, многие солдаты устраивали себе из стекол что-то вроде очков. Другие шли с киверами под мышкой, обернув голову платком и оставив самое маленькое отверстие, чтобы можно было дышать. Третьи устраивали себе покрытия из листьев. Таким образом, армия в эту пору имела иногда довольно странный вид; но зато всякие следы этого маскарада исчезали при малейшем ливне. Ночные биваки были едва ли не тягостнее этих переходов. Очень сильная жара резко сменялась довольно чувствительным холодом; вода в большинстве случаев была очень плоха, а порой ее и вовсе не было. Тогда солдатам приходилось жарить себе мясо на угольях, а мясо это почти всегда было лошадиное, потому что крестьяне уводили свой скот настолько далеко, что его никак невозможно было поймать.

Недостаток припасов жестоко давал знать о себе в этот вечер (5 сентября). Пришлось пообедать поджаренными хлебными зернами и кониной. Ночь была холодная и дождливая; многие офицеры и солдаты, окоченевшие и, быть может, охваченные печальным предчувствием, тщетно пытались уснуть. Они вставали и, подобно блуждающим теням, ходили взад и вперед мимо лагерных огней...

(Брандт)

* * *

В Дорогобуже мы нашли объятыми пламенем все дома, которые могли бы послужить приютом. Пожар быстро распространялся, и мы должны были ночевать на биваках. Город подожгли русские солдаты, а горожане все разбежались. Отсюда начались для нас всевозможные лишения. И этот случай как бы предупреждал нас о иных несчастьях, которые ожидали нас на нашем дальнейшем пути к Москве. Но, увлекаемые какой-то необходимой силой и убаюкиваемые пустыми надеждами, мы все продолжали идти вперед.

Вскоре мы достигли Вязьмы — довольно значительного города, служившего посредником в торговле между двумя половинами России. Здесь имелись обширные склады масла, водки, мыла, сахара, кофе и мехов.

Город весь пылал, и армия проходила через него с большим трудом; дул сильный ветер, и потому остановить пожар было невозможно. И здесь горожане покинули свои дома. Можно себе представить, как мы страдали от такого разорения.

Солдатам, однако, удалось добыть из нескольких уцелевших домов и даже из погребов уже пылавших домов муку, масло, водку, сахар и немного кофе.

Из Вязьмы мы скоро пришли в Гжатск — город, менее значительный и в котором почти все дома были деревянные. В городе была всего одна, очень длинная улица. Через Гжатск, как и через два предыдущих города, мы прошли, окруженные с обеих сторон пылающими зданиями. Но проливной дождь, разразившийся над городом, когда мы туда входили, прекратил пожар, так что штаб и гвардия могли приютиться в уцелевших домах. Кочанная капуста, росшая на окрестных полях, а также свиное сало и сухари, найденные в одном магазине, позволили солдатам на время утолить свой голод.

Дожди, хотя и непродолжительные, сделали дороги непроходимыми для артиллерии. В ожидании хорошей погоды армия должна была остановиться возле Гжатска. К нашему большому и неожиданному удовольствию, подул северный и северо-восточный ветер и послал нам сухую погоду.

Во время стоянки под Гжатском пришло известие, что русская армия остановилась на Можайских высотах, близ Москвы.

Был отдан приказ готовиться к большому сражению; главнокомандующий уведомил меня, чтобы и я готовился по своей части. Известие это сильно меня взволновало, так как все мои хирурги остались в Смоленске, а походные госпитальные фуры были позади. Для восполнения недостатка в военных врачах я попросил отдать в мое распоряжение всех полковых хирургов, исключая главного хирурга и двух его помощников для пехоты и главного хирурга с помощником для кавалерии.

Таким образом, я получил 45 хирургов и их помощников, которых и прикомандировал к Главной квартире.

Продление на сутки нашей стоянки под Гжатском позволило многим фурам походного госпиталя догнать нас, и я был сравнительно счастлив, что могу, несмотря на отдаленность резерва, оказать в нужную минуту необходимую помощь.

(Ларрей)

* * *

Для нас, легкой кавалерии авангарда, бой следовал за боем без перерыва каждый день. Неприятельская армия отступала в удивительном порядке, оставляя после себя очень мало убитых и ни одного раненого. После перехода через Днепр мы начали испытывать уже большие лишения вследствие редкости съестных припасов. Сделали только одну раздачу провианта в Смоленске; и чем дальше мы подвигались вперед в этой дикой стране, тем сильнее давал себя чувствовать голод.

Оба полка саксонской и баварской легкой кавалерии, входившие в состав нашей дивизии, настолько растаяли вследствие дезертирства, что едва могли выставить по два эскадрона каждый. Мы, следовательно, были слишком слабы, чтобы, подобно пехоте, посылать на фуражировку большие отряды на значительное расстояние от дороги. Если мы приходили в деревню или хутор, мы находили их в огне. Казаки покидали его, лишь поджегши, опустошив все, что не могли унести с собой, разбив бочки с пивом и овсяной водкой, которая в большом количестве потребляется в этой стране.

Мы не могли найти ни одного ягненка, ни какого-либо другого животного, годного для пищи, разве только время от времени тощую курицу, спасшуюся от всеобщей эмиграции, или молодого жеребенка, слишком слабого еще для того, чтобы следовать за своей матерью, и жалобно ржавшего в поле.

Сделав такую находку, наши стрелки вводили его в свои ряды; жеребенок волей-неволей должен был следовать за передвижениями полка. Став лагерем, его убивали и съедали в виде бифштексов без всякой приправы, что было вполне естественно.

Я никак не мог привыкнуть питаться кониной и брался за нее лишь после нескольких дней вынужденной голодовки, когда я стоял уже перед альтернативой — или есть, или умереть с голоду. Это мясо так жилисто и жестко, что, взяв его в рот, казалось, что растираешь зубами пучок конопли. Сердце и печень этого животного так же, как и мясо жеребенка, более сносны. Но я с удовольствием обедал только тогда, когда мне удавалось найти скрытый где-нибудь запас картофеля.

Благодаря ловкости моего денщика Бастьена на мою долю выпадали иногда великолепные находки, которыми я делился со своими товарищами по эскадрону и особенно со своим полковником.

Так как лошади не были редки, Бастьен легко доставал себе маленькую лошадку местной породы.

Накинув на себя *овчинный тулуп* и надев на голову шапку, снятую с убитого казака, он удалялся иногда на довольно большое расстояние от армии и, в конце концов, всегда открывал не покинутую еще жителями деревню.

Здесь с помощью переодевания и своих познаний в русском языке он выдавал себя за жителя сожженной французами деревни и просил съестных припасов для себя и своей семьи, бежавшей от французов. Если иногда ему не хотели давать даром, то никогда не отказывались продавать; и так как карманы убитых не всегда оказывались пустыми, и так как считали совершенно бесполезным хоронить деньги вместе с их владельцами, то он добывал себе, чем заплатить местной монетой за то, что приводил с собой вечером в лагерь...

Мы подвигались к Москве, но очень медленно: русская армия не отступала так, как до взятия Смоленска, а защищала каждую пядь земли, причиняя нам большой урон артиллерийским огнем всякий раз, когда ее артиллерия находила удобную позицию для того, чтобы поставить батарею.

Каждый вечер после захода солнца, еле живые от усталости, умирая от голода и жажды, мы разбивали свой лагерь в поле или в еловом лесу. Здесь, растянувшись у ног своих лошадей, мы ждали, пока мародеры не найдут деревни, хутора или даже покинутой хижины. Желаемую весть приносили нам стрелки, которые возвращались к своим ротам, нагруженные соломой, картофелем, всем, что можно было спасти от пожара.

Тогда все устремлялись туда в надежде найти немного пищи для себя или, по крайней мере, для своей лошади, но только очень редко в селении находилось достаточное количество запасов, чтобы удовлетворить эту голодную толпу, и поневоле приходилось ограничиваться отложенным еще днем куском конины, поджаренным на острие сабли, которая тогда выполняла роль вертела, на огне лагерного костра.

(Комб)

* * *

В Дорогобуже мы, наконец, узнали обо всем, что делалось в Великой армии в наше отсутствие; что произошло у Смоленска и от Смоленска до Дорогобужа; как Наполеон победоносно и быстро движется к Москве; что он уже в Вязьме и что вся большая дорога от самого Смоленска так же опустошена, как здесь, вокруг нас, у Дорогобужа. Нам советовали запастись всем необходимым, ибо на всем пути, позади армии, ничего не найдешь ни для людей, ни для лошадей. Но где взять, когда брать нечего? Пришлось двигаться дальше наудачу, без всяких запасов.

Мы продолжали свой путь по разоренной дороге. Ранним утром нам попался курьер, отправленный Наполеоном из Вязьмы в Вильно. Ему некогда было отвечать на наши расспросы, однако он крикнул нам, что не помешало бы нам поторапливаться, чтобы принять участие в генеральном сражении. Мы прошли в этот день 42 версты.

На полдороге, приблизительно на версту вправо от большой дороги, мы увидели монастырь (Болдино), о котором у нас ходила молва, что это женский монастырь, в котором французы, помимо грабежа, насильственным и весьма нехристианским образом предавались любви. К вечеру нам опять ласково светило солнце; мы расположились у прекрасного поместья на возвышенности и в изобилии нашли созревшие хлеба для своих усталых коней; зато все остальное давно уже было съедено.

В глаза нам бросались такие же предметы, как и вчера. На прекрасной дороге и близ нее виднелись остатки сожженных или брошенных и начисто разграбленных домов и деревень, шалаши русских и французов, следы тех и других, какие часто остаются при быстрых передвижениях: клочки

одежды, сломанные колеса и телеги, сбруя, трупы, дохлый вьючный и убойный скот. Жителей тех мест мы не видели даже тогда, когда мы, ради корма лошадям и пропитания себе, далеко отклонялись от большой дороги. И не только города и села, но и прилегавшие к дороге леса носили на себе самые явные следы этой опустошительной войны.

Теперь мы ежедневно встречали все больше отсталых от Великой армии в странных сочетаниях и образах. Нередко попадались небольшие телеги, запряженные в одну или в пару тощих лошадей (их звали в ту пору не конями, а конякастами); на телеге кое-какие припасы и три-четыре гордых гвардейца или гренадера, довольствующихся кое-как. Телегу обычно окружало еще несколько солдат, изнуренных жарой и тяжестью своего вооружения и багажа, либо спешенных кавалеристов со своей поклажей, не приспособленной к носке. Иногда попадались огромные кирасиры на мелких польских крестьянских лошадках, волочившие ноги по земле. Иногда такой всадник окружен был многими своими товарищами, но уже без лошадей. В другом месте двое-четверо егерей гнали перед собой усталую скотинку. То в смешном, то в жалком виде такие отряды грабителей, мародеров, легкораненых и отставших в поисках за провизией тянулись за Великой армией к одной великой цели — к Москве.

Борясь с нуждой и кое-как перебиваясь, мы прибыли 4 сентября в Вязьму. Здесь военные события были еще свежее, а опустошение только что началось. Ласково встретившая нас часть города, со стороны нашего прибытия, пострадала лишь от грабежа, но не от огня; зато противоположная часть, откуда дорога повела нас на Гжатск и Можайск, еще дымилась от пожара.

Мы встретили много раненых офицеров и солдат из легкой кавалерии Мюрата, рассказавших нам, что за городом русская конница оказала упорное сопротивление, что могло показаться, будто здесь дело дойдет до настоящей битвы, что было много раненых.

Мы шли дальше по большой дороге, которая все более и более являла картину войны. Нам попадались нагромождения телег и лагерные огни, встречались раненые, кругом валялись тела павших воинов, и по всему можно было узнать, что мы все ближе к Великой армии...

В эту ночь и на следующее утро в первый раз стало заметно холодней; мы очень зябли, однако полуденное солнце снова согрело нас. Еще чувствительнее холод стал 5 сентября, когда мы на заре подошли к городку Гжатску. Уже попадались всадники в бабьих шубах и наушниках из овчины и т. п. Эти новые костюмы давали богатую пищу смеху, однако не были запрещены. Полковой майор фон Гайсберг в последнюю ночь подарил мне шубу. За этот дар я по сию пору ему признателен. Я тщательно берег этот дар,— вообще в то время хлеб и другое необходимое ценилось дороже золота,— до тех пор, пока на обратном пути, за Оршей, я не лишился лошади, и не был вынужден, идя пешком, сбросить шубу; так она и осталась в придорожном рве.

Нередко случалось, и в эту войну в особенности, что наши предшественники разбрасывали много соломы вокруг опустевших домов вдоль дороги; приходилось покидать лагерь, не потушив костров, огонь разгорался, охватывал уцелевшие от прежних пожаров деревянные дома, и мы покидали лагерные свои стоянки в огне, вовсе не будучи сознательными поджигателями. Такова уж война! Трубач трубит, бьют барабаны; хватаешься за оружие, идешь, и не приходится думать о том, что делается позади.

(Роос)

* * *

Мы стоим лагерем в Веремееве (2 сентября).

Вице-король занимает очень красивый дворец, принадлежащий князю Кутузову. Спустя немного времени после своего прихода в сопровождении адъютантов и обычного конвоя драгун он пожелал ознакомиться с окрестностями, но едва прошел версту, как увидал, что впереди вся долина полна казаков. Они надвинулись, чтобы захватить довольно малочисленную группу, состоящую из вице-короля и его конвоя. Лейтенант Бокканера во главе нескольких драгун, понимая опасность, которой подвергался принц, бросился смело им навстречу, решаясь скорее погибнуть, чем допустить, чтобы рука опустилась на его начальника. Не знаю, случайно или благодаря отваге, которую выказали наши храбрецы, или, быть может, в силу новых полученных приказаний, но только казаков, собиравшихся помериться с нами оружием, ста-

ло значительно меньше. Их скоро привели в расстройство, и они спешно, галопом, поскакали догонять своих.

Нам прочитан был приказ императора, помеченный сегодняшним днем, в Гжатске, предписывающий дневной отдых и общую перекличку в три часа дня; перекличку, несомненно, для того, чтобы знать число людей, которыми можно располагать в сражении. Нам было приказано тщательно осмотреть оружие, патроны, артиллерию и госпитали; мы должны были также предупредить солдат, что момент большого генерального сражения наступил, что нужно быть к нему готовыми.

Перекличка показала, что боевые силы состоят из 103 000 пехотинцев, 30 000 кавалерии и 587 пушек.

Все менее необходимые повозки приказано было поставить в хвост колонны и сжечь все поврежденные. Несомненно, что движение артиллерии благодаря этому значительно облегчилось. Но многие из генералов и начальников войск не желали терять из вида как своих, лично им принадлежащих повозок, так равно и тех, которые были нагружены провиантом для их отрядов. Наконец, мы постоянно нуждаемся в наиболее необходимой утвари для лагеря, для кухни, для съестных припасов. И тем не менее, желая показать пример, император приказал в своем присутствии сжечь две повозки своего адъютанта Нарбонна...

В виду Валуева, 5 сентября. Сегодня на заре мы выступили в поход в обычном порядке; мы шли по кровавым следам войск Коновницына. При выходе из леса, запруженного казаками, обращенными в бегство итальянской кавалерией, мы прошли несколько деревень, опустошенных русскими. Разорение, которое оставляли за собой эти татарские орды, указывало нам дорогу. Подойдя к склону холма, мы увидали на одной из возвышенностей несколько их эскадронов, развернутых в боевом порядке вокруг прекрасной усадьбы, возвышавшейся над всей местностью. Вице-король тотчас отделил легкую кавалерию авангарда, которая, несмотря на трудности пути, вошла на возвышения в прекрасном порядке. По мере того, как она подвигалась вперед, враг отступал.

По другую сторону холма легкая артиллерия гвардии, которая успела построить батарею в несколько орудий на террасе господского дома, послала им вдогонку несколько пу-

шечных выстрелов, затем лишь, чтобы заставить их только ускорить шаг. И мы видели, как длинные ряды неприятельских колонн удалялись, прогоняемые нашим авангардом; видели, как они взобрались потом на возвышенность, стоящую в пол-лье от нас.

Трудно представить себе окружающую нас картину опустошения. Ни травы, ни соломы, ни деревца; нет ни одной деревни, которая не была бы разрушена вконец. Невозможно найти в них хоть сколько-нибудь пищи для лошадей или съестных припасов для себя, ночью нечем поддерживать огонь. Одно только притягивает к себе наше внимание в этой печальной и жалкой картине,— это Колоцкий монастырь, который сам по себе составляет целую деревню. Он находится в 3 верстах от Гриднева и в полверсте от речки Колочи, протекающей направо от него. Построенное во времена готов, это сооружение часто служило цитаделью во время междоусобных войн, да и до сих пор оно окружено траншеями.

На первый взгляд этот огромный монастырь, снизу поднимавшийся перед нами, производил впечатление города. Разноцветные крыши его блестели под лучами солнца. Наша кавалерия торопилась и на бегу своем поднимала густые облака пыли. Это было полным контрастом печальному и безжизненному виду, окружавшему нас. Было два часа дня. Одни авангарды медленно подвигались. Итальянская армия остановилась и выстроила свои батальоны колоннами на нескольких возвышенностях.

Вице-король после прогулки некоторое время прохаживался по террасе господского дома, а затем направился к авангарду, сопровождаемый гвардейскими драгунами, между которыми было и несколько стрелков; он обозревал русские позиции. Только что он прибыл туда, как подъехал император; они долго беседовали вместе, рассматривая окрестность. Затем, сделав необходимые распоряжения, император ускакал галопом, чтобы присоединиться к корпусу, с которым он шел. Вице-король, не покидая занятого им холма, разослал своих адъютантов с приказаниями снова продолжать движение.

Мы — среди песков, с длинными рядами ив и кустарника по сторонам; за ними скрывается Валуево, где император устроил свою Главную квартиру. Только что мы расположи-

лись в нашем лагере, как перед нами открылось грандиозное зрелище: русские, стоящие лагерем на возвышении в форме амфитеатра, зажгли массу огней, которые в целом образовали большой полукруг. Огни отбрасывали яркий отблеск на горизонт и производили поразительный контраст с нашими слабо мерцавшими кострами. Дело в том, что мы в совершенно незнакомой местности, ничего у нас не приготовлено, и в топливе недостаток. То немногое, что мы находим второпях и в потемках,— мокро и сыро. Наши огни поэтому не только не сияют, но они распространяют вокруг нас облака густого черного дыма и отбрасывают во мраке лишь бледный отсвет. Одни стараются как-нибудь устроить себе шалаши из листвы, так как погода суровая. Другие сидят вокруг котлов и присматривают за своим скромным ужином. Те, у кого есть ржаная мука, готовят род теста, который зовут, не знаю почему, пульта. Около полуночи начинает накрапывать мелкий холодный дождь при сильном ветре: очень скоро наш лагерь становится сплошной топью.

На заре мы с радостью узнали, что русская армия осталась на своих позициях: мы смотрели, как они окапывались.

Император сам поехал под выстрелы батарей обозревать передовые посты. Почти весь день, как с той, так и с другой стороны, прошел в разведках и приготовлениях.

Тишина нарушалась время от времени или пушечными выстрелами, или перестрелкой на аванпостах.

(Ложье)

ШЕВАРДИНСКИЙ РЕДУТ

Направо, ниже нас, виднелся Колоцкий монастырь: большие башни придавали ему вид города. Глянцевитые черепицы его крыш, освещенные солнечными лучами, блестели сквозь густую пыль, поднятую нашей многочисленной кавалерией, и только еще сильнее заставляли выступать темные и мрачные тона, разлитые по всем окрестностям; русские, намереваясь остановить нас перед этой позицией, ужасающим образом опустошили равнину, на которой мы должны были расположиться. Еще зеленая рожь была срезана, леса

вырублены, деревни сожжены; словом, нам нечего было есть, нечем кормить лошадей и негде приютиться.

Мы остановились на одном холме, между тем как центр армии усердно преследовал неприятеля и принуждал его отступать на возвышенность, где он окопался. В таком бездействии мы оставались до второго часа пополудни, когда вице-король, сопровождаемый своим штабом, поехал осматривать траншеи позиции, выбранной Кутузовым. Мы начинали объезжать строй, когда наши караульные драгуны сигнализировали о приезде императора: его имя тотчас же передалось из уст в уста, и мы остановились, ожидая его; он скоро явился в сопровождении своих главных офицеров. Стоя на возвышенности, с которой легко было увидать лагерь русских, он долго наблюдал их позицию; потом он осмотрел окрестности и с довольным видом стал напевать какие-то незначительные слова; поговорив с вице-королем, он сел на лошадь и ускакал галопом, чтобы сговориться с командирами других корпусов армии, которые должны были содействовать атаке...

У русских около нашего крайнего правого фланга был редут, расположенный между двумя лесами над деревней Шевардино, его убийственный огонь нес ужас в наши ряды. Они устроили его для укрепления левого крыла, являвшегося слабой стороной их укрепленного лагеря. Наполеон понял это: и с этого момента вопрос был только в том, чтобы захватить этот редут; честь захвата была вверена солдатам дивизии Компана (5-й дивизии 1-го корпуса). Эти храбрецы, построенные в колонну для атаки, шли на деревню с такой отвагой, которая обеспечила нам успех всего предприятия. В это время князь Понятовский с нашей кавалерией на правом фланге обходил позицию; поднявшись достаточно высоко, дивизия Компана окружила редут и взяла его после часового боя. Попытавшийся вернуться неприятель был наголову разбит; наконец, после 10 часов вечера, он покинул соседний лес и в беспорядке бежал на большую возвышенность, чтобы соединиться с центром своей армии.

Дивизия Компана, выйдя с честью из такого предприятия, поплатилась значительными потерями. 1000 наших солат купили своей кровью эту важную позицию, и более половины из них полегли в тех самых окопах, которые они захватили с такой славой. На другой день, делая смотр

61-му полку, наиболее пострадавшему, император спросил полковника, куда он девал один из своих батальонов. *«Государь,*— было ответом,— *он в редуте»*.

(Лабом)

* * *

Прекрасное зрелище представляли наши войска в своем одушевлении. Ясное небо, лучи заходящего солнца, отражавшиеся на саблях и ружьях, увеличивали красоту его. Остальная армия следила со своих позиций за двигавшимися войсками, гордившимися тем, что им на долю выпала честь открыть сражение, она провожала их криками одобрения. Рассуждения о способах атаки и возможных препятствиях пересыпались военными остротами. И все справедливо предполагали, что неприятель отступит перед такими войсками; должно быть, и император был убежден в этом, если попытался в такой поздний час идти на приступ против сильной позиции, которой неприятель видимо дорожил, да и должен был дорожить, так как взятие этого редута открывало его левый фланг. Дело скоро стало очень горячим. Кавалерия произвела ряд атак, но сражение не было еще решено, когда мы получили приказ двинуться на редут. Когда же мы подошли, он был уже взят, и мы остались на позициях до 9 часов вечера. Неприятель отступил в соседний лес. Он пытался даже отбить редут, но был отбит; все же он продолжал пальбу до полуночи, и снаряды падали на наш бивак.

(Гриуа)

БОРОДИНО

Наполеон, приказав произвести рекогносцировки, отдал приказания двинуться и приготовиться к следующему дню. Король Неаполитанский считал все эти распоряжения излишними: он овладел главным редутом, левая сторона позиции была обойдена. Он не думал, чтобы русские пожелали принять бой; он полагал, что за ночь они отступят. Но не таково было их намерение: они копали окопы, носили землю и укрепляли свою позицию. На следующее утро мы заметили, что все они были за работой. Было 11 часов, когда Наполеон послал меня на рекогносцировку: мне было поручено при-

близиться насколько возможно к неприятельской линии. Я снял свои белые перья, надел солдатскую шинель и осмотрел все с наивозможной тщательностью; сопровождал меня один лишь гвардейский стрелок. В нескольких местах я проник за линию русских пикетов. Деревня Бородино отделялась от наших постов всего лишь одним узким и глубоким оврагом. Я слишком далеко зашел вперед, и в меня два раза выстрелили из пушки картечью; я удалился и часам к двум вернулся к своим и явился к Наполеону с докладом обо всем виденном. Наполеон разговаривал с королем Неаполитанским и князем Невшательским. Мюрат изменил свое мнение: к удивлению своему, увидев на рассвете, что неприятельская линия была по-прежнему развернута, он решил, что предстоит бой, и приготовился к нему. Однако другие генералы продолжали утверждать, что русские не рискнут на битву; что касается меня, я думал противное; я заметил, что у русских много войска и довольно хорошая позиция; по моему убеждению, они должны были атаковать нас, если мы не предупредим. Наполеон сделал мне честь согласиться с моим мнением, которое разделял и Бертье. Он потребовал своих лошадей и лично произвел ту же рекогносцировку, что и я[1]. Под Бородином его встретили так же, как и меня, картечный огонь заставил его удалиться. Все виденное им укрепило его в убеждении, что он не ошибся, и, вернувшись, он отдал соответствующие приказания.

Настала ночь. Я был дежурным и спал в палатке Наполеона. Отделение, где он спал, обычно было отделено полотняной перегородкой от другой, где спал дежурный адъютант. Император спал очень мало. Я будил его несколько раз, чтобы передать ему рапорты с аванпостов, которые все доказывали, что русские ожидали атаки. В три часа ночи Наполеон позвал камердинера и приказал принести себе пунша; я удостоился чести пить его вместе с ним. Он осведомился у меня, хорошо ли я спал; я ответил, что ночи стали уже свежими и что меня часто будили. Он сказал мне: «Сегодня нам придется иметь дело с этим пресловутым Кутузовым. Вы, конечно, помните, что это он командовал под Браунау. Он оставался в этом месте три недели, ни разу не выйдя из своей

[1] 6 сентября 1812 г.

комнаты; он даже не сел на лошадь, чтобы осмотреть укрепления. Генерал Беннигсен, хотя тоже старик, куда бойчее и подвижнее его. Я не знаю, почему Александр не послал этого ганноверца заместить Барклая». Он выпил стакан пунша, прочел несколько донесений и продолжал: «Ну, Рапп, как ты думаешь, хорошо у нас пойдут сегодня дела?» — «Без сомнения, Ваше Величество; мы исчерпали все свои ресурсы и должны победить по необходимости». Наполеон продолжал свое чтение и потом заметил: «Счастье — самая настоящая куртизанка; я часто говорил это, а теперь начинаю испытывать на себе».— «Как, Ваше Величество, помните, Вы сделали мне честь сказать под Смоленском, что дело начато и надо довести его до конца. Именно теперь это справедливо более чем когда-либо; теперь уже некогда отступать. Кроме того, армия знает свое положение: ей известно, что припасы она может найти только в Москве, до которой ей осталось всего лишь 120 верст».— «Бедная армия! Она сильно-таки поубавилась; но зато остались лишь хорошие солдаты; кроме того, и гвардия моя осталась неприкосновенной». Он послал за Бертье и работал до половины шестого. Мы сели на лошадей. Трубили трубы, слышался барабанный бой. Лишь только войска заметили императора, раздались единодушные клики.

— Это энтузиазм Аустерлица. Прикажите прочесть воззвание[1].

«Солдаты!

Вот битва, которой вы так желали! Победа зависит от вас; нам она необходима; она даст нам обильные припасы, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину. Ведите себя как под Аустерлицем, Фридландом, Витебском, Смоленском, чтобы самое отдаленное потомство приводило в пример ваше поведение в этот день. Пусть о вас скажут: он был в этой великой битве под Москвой».

Клики усилились, войска сгорали нетерпением сразиться, и бой скоро начался.

Итальянцы и поляки стояли на флангах. Наполеон действовал против левого фланга неприятеля. Впрочем, никаких точных сведений мы не имели; женщины, дети, старики,

---

[1] Помеченное императорским лагерем, под Бородином, 7 сентября, в два часа утра.

скот — все исчезло; не оставалось никого, кто мог бы дать нам малейшие указания. Ней двинулся на неприятеля и прорвал его с той силой и стремительностью, которые он проявлял уже неоднократно. Мы овладели тремя редутами, поддерживавшими неприятеля. Последний подоспел со свежими силами; в наших рядах произошло замешательство, и мы очистили два из этих укреплений; даже третье было в затруднительном положении. Русские стояли уже на гребне рвов. Король Неаполитанский, заметив опасность, примчался, спешился, вошел в редут и появился на парапете; своим призывом он воодушевил солдат. Редут снова наполнился, огонь принял страшные размеры, атакующие не решились рискнуть на приступ. Появилось несколько эскадронов; Мюрат сел на лошадь и опрокинул колонны, рассеянные по равнине. Мы снова овладели ретраншементами и утвердились в них, чтобы больше уже не покидать их. Этот отважный удар решил судьбу дня.

Генерал Компан был ранен; я принял командование его дивизией. Она входила в состав корпуса маршала Даву. Она овладела одной из укрепленных окопами неприятельских позиций и сильно пострадала. По прибытии к ней я сговорился с маршалом Неем, на правом фланге которого я находился. Наши войска были в беспорядке; мы собрали их и, ринувшись на русских, заставили их дорого поплатиться за успех. Канонада, оружейный огонь не прекращались. Пехота, кавалерия с ожесточением бросались друг на друга в атаку из одного конца боевой линии в другой. Мне еще ни разу не приходилось видеть такой резни.

Мы слишком усилили свой правый фланг, и король Неаполитанский один подвергался губительному огню батарей Семеновского. У него были лишь конные войска; глубокий овраг отделял его от деревни, и овладеть ею было нелегко: тем не менее это было необходимо, чтобы не быть в конце концов разгромленным картечным огнем. Генерал Беллиар, видя перед собой лишь неглубокие ряды легкой кавалерии, предлагает оттеснить ее подальше и, повернув налево, ударить на редут. «Скачи к Латур-Мобуру[1],— отвечает ему Мюрат,— прикажи ему взять бригаду кирасир французских и

[1] Генерал кавалерийской дивизии.

саксонских, перейти овраг, изрубить всех, галопом влететь с задней стороны на редут и заклепать орудия. Если это ему не удастся, пусть он возвращается в том же направлении. У тебя в распоряжении будет батарея в 40 орудий и часть резерва, чтобы прикрывать отступление». Латур-Мобур двинулся, опрокинул и рассеял русских и овладел укреплениями. Фриан явился и занял их. Весь резерв прошел и расположился с левой стороны деревни. Оставался лишь один окоп, обстреливавший нас с фланга и сильно нам мешавший. Резерв, только что овладевший одним окопом, решил, что может справиться и с другим. Двинулся вперед Коленкур, сея издали смятение и смерть. Он внезапно обрушился на редут и овладел им. Но один солдат, спрятавшийся в амбразуре, убил его наповал. Он почил сном храбрецов и не был свидетелем наших злоключений[1].

Все бежали, огонь прекратился, резня приостановилась. Генерал Беллиар отправился на рекогносцировку в лес, находившийся на некотором расстоянии. Он заметил дорогу, ведшую по направлению к нам; она была наполнена удалявшимися войсками и обозами. Если бы перерезать ее, вся правая сторона неприятельской армии была бы замкнута в том сегменте, в котором она теперь находилась. Он предупредил об этом Мюрата. «Скачи и доложи об этом императору»,— ответил ему тот. Беллиар поскакал, но Наполеон не счел момент подходящим. «На моей шахматной доске для меня еще не все ясно. Я жду известий от Понятовского[2]. Поезжайте, осмотрите все и возвращайтесь». Генерал вернулся, но время уже было упущено. Русская гвардия двигалась вперед; пехота, кавалерия все надвигалась для возобновления атаки. Генерал еле успел собрать несколько орудий. «Картечь, опять картечь и все время картечь»,— сказал он артиллеристам. Открыли огонь; результаты его были ужасны; в несколько минут земля покрылась трупами; разгромленная ко-

---

[1] Битва под Москвой (Бородино) 7 сентября 1812 г. Кроме Коленкура, в этот день были убиты генералы: Монбрен, Тарро, Компер, Гюйар, Марион, Маршан, Ланабер, Дюма, Ромеф, Плозонн.

[2] Понятовский, племянник последнего польского короля, сражался в рядах французской армии. За его блестящие подвиги в битве под Вахау 16 октября 1813 г. он был возведен в маршалы Франции; но три дня спустя, во время битвы при Лейпциге, он потонул вместе с лошадью при переправе через Эльстер.

лонна рассеялась подобно тени. Она не успела дать ни одного ружейного залпа. Артиллерия ее появилась лишь несколько минут спустя, и мы овладели ею.

Битва была выиграна, но жестокий огонь все еще продолжался. Пули, гранаты сыпались градом вокруг меня. В течение часа я был задет четыре раза, сначала двумя пулями довольно легко, затем в левую руку пулей, которая сорвала сукно с моего рукава и рукав рубашки вплоть до тела. Я командовал в это время 61-м полком, который я знал еще с Верхнего Египта. В нем от того времени оставалось еще несколько офицеров, и странно было нам встретиться здесь. Вскоре я был ранен в четвертый раз; картечью ударило меня в левое бедро, и я свалился с лошади. То была в общей сложности двадцать вторая моя рана. Я вынужден был покинуть поле битвы и сообщил об этом маршалу Нею, войска которого перемешались вместе с моими.

Генерал Дессе[1], единственный генерал из этой дивизии, еще не раненный, сменил меня; через минуту у него была перебита рука. Фриан был ранен позже.

Перевязку мне делал хирург Наполеона. Император сам навестил меня. «Опять, значит, твоя очередь? А как дела?» — «Ваше Величество, я думаю, Вам придется пустить в дело гвардию».— «Я не сделаю этого; не хочу рисковать ею. Я уверен, что выиграю битву без ее участия». И действительно, гвардия в бою не участвовала, за исключением 30 орудий, сделавших прямо чудеса.

День кончился; 50000 человек легли на поле битвы. Множество генералов было убито или ранено: их выбыло из строя около сорока.

Мы захватили пленных, отняли несколько орудий, но этот результат не вознаграждал нас за потери, которых он нам стоил.

(Рапп)

* * *

7 сентября. Всю эту ночь мы принуждены были провести на сырой земле, без огней. Дождливая и холодная погода резко сменила жары. Внезапная перемена температуры вме-

---

[1] Дессе родился в 1764 г. в Ганоне, в Савойе, был выдающимся дивизионным генералом, умер в 1834 г. Его прозвали «Савойским Баярдом».

сте с необходимостью обходиться без огня заставила нас жестоко страдать последние часы перед рассветом. Кроме того, мы умирали от жажды, у нас недоставало воды, хотя мы и лежали на влажной земле.

В эту ночь, наконец, пришел к нам приказ о решительной атаке. Наступал великий, столь нетерпеливо ожидавшийся день. Вице-король должен будет овладеть деревней Бородино и затем, перейдя три моста, занять высоты, а находящиеся под его начальством генералы Моран и Жирар должны будут двинуться вперед для захвата главного неприятельского редута — все это в порядке и методически, с соблюдением возможно большей осторожности. Таковы распоряжения императора, поскольку они касаются нас. С восходом солнца мы находимся уже на позиции. Я не могу не провести параллели между русской армией и нашей. Мы выступаем, плохо одетые, наполовину замерзшие, утомленные, невыспавшиеся. «Слава и честь,— шутят солдаты,— вот единственные напитки, которые дают нам смелость для того, чтобы сражаться и побеждать».

Вице-король нашел, что мы чересчур открыты, и сейчас же приказал заняться кое-какими защитительными работами — их начинают вести вокруг итальянской батареи, стоящей под руководством генерала Антуара. Батарея находилась на расстоянии около 850 туазов от главной русской батареи, но ее двинули вперед еще на 500 туазов. Русские, вопреки ожиданиям, нисколько этому не противились...

В $5^1/_2$ часов утра солнце рассеивает туман. Тотчас же новые адъютанты рассылаются во всех направлениях, чтобы окончательно увериться, хорошо ли выполнены приказания, отданные в эту ночь. Бьет барабан, и каждый полковник громким голосом читает своему полку прокламацию императора...

Тысячекратные возгласы: «Да здравствует император!» — были ответом на это лаконическое приглашение. Все удивляются выразительности, простоте и мощной силе императорской прокламации, которая так хорошо соответствовала теперешним обстоятельствам. «Она достойна главы армии» — слышались замечания. Пушечный выстрел послышался с батареи правой стороны и дал, наконец, сигнал к сражению. Было ровно 6 часов.

В $6^1/_2$ часов вице-король дает приказ генералу Дельзону атаковать деревню Бородино, занятую егерским полком русской гвардии. В момент, когда 106-й полк, которому поручено было это дело, пробирался в деревню, стоявший во главе его генерал Плозонн падает смертельно раненный. Деревня взята, и русские стрелки отступили по ту сторону Колочи.

Этим собственно ограничились инструкции, данные 106-му полку; но, охваченный наступательным пылом, он быстро переходит мост, устроенный неприятелем на Колоче позади деревни, и двигается к неприятельским рядам.

Русские стрелки, подкрепленные двумя новыми полками, ставят себе задачей отразить 106-й полк. Последнему дорого пришлось бы заплатить за свой риск, но 82-й полк на звуки пушечных выстрелов устремился на помощь к нему беглым шагом, атакуя три неприятельских полка, освободил 106-й и с триумфом возвращается в Бородино, согласно полученным приказаниям.

Помощник полкового командира Буассерфей заменил несчастного Плозонна. Он тотчас делает несколько превосходных распоряжений для сохранения за собой Бородина, за которое, по общим инструкциям, нельзя было переходить в данный момент. В 8 часов с небольшим император посылает принцу Евгению приказ повести решительное наступление на главный неприятельский редут, поддерживая этим движение Нея и Даву...

Поле битвы скрыто было от Королевской гвардии возвышавшимся перед ней холмом, и мне решительно ничего нельзя было видеть. Но на другом склоне холма стояла итальянская батарея, и я выпросил у полковника Морони разрешение направиться к ней. Капитан Дальштейн и лейтенант Гвидотти также получили разрешение, и мы трое пустились в путь. Да, до конца жизни не позабуду я возвышенного впечатления, какое произвел на нас вид этого длинного и широкого поля сечи. Нельзя представить более благоприятной для наблюдения позиции, чем та, где мы находимся. Наш взгляд обнимает все изгибы широкого пространства, расположение различных армий, все действия, какие где-либо завязываются. Дивная панорама раскрывается перед нами.

Прежде всего нам бросается в глаза позиция русских; она образует половину амфитеатра, или полукруг, кривые

которого соответствуют на другой стороне месту, где находится Наполеон. Находясь на левом фланге этого полукруга, я вижу перед собой на далеком расстоянии густой лес, заставляющий меня вспомнить о чудесных описаниях Тассо и Ариосто. Из этого леса все время вырываются громадные столбы огня, сопровождаемого страшными ударами; под действием этих вихрей огня и дыма колеблются глубокие массы, чтобы идти навстречу другим огням, не менее страшным. Под блеском солнца сверкают оружие и амуниция пехотинцев и кавалеристов, марширующих навстречу одни другим. Внизу холма на нашем левом фланге бригада Плозонна уже овладела Бородином, этим необыкновенно важным стратегическим пунктом при слиянии Колочи и Войни. Покатости этого холма спускаются к Колоче; несколько мостов ведут к широкой и открытой плоской возвышенности, через которую идет большая дорога в Москву, охраняемая расположенным влево от нее главным редутом.

В этот момент 30-й полк, под предводительством генерала Бонами, бросается в атаку. Солдаты держат себя удивительно, и я не могу оторвать глаз от этой группы героев. Отвлекает меня только не перестающий треск пальбы, поднимаемый во всех пунктах, где завязывается стычка, при различных шансах на успех. Мной овладевает неописуемое волнение. Ведь я смотрю на все это, как посетитель цирка может смотреть на все происходящее перед ним на арене.

Но экстаз, овладевший мной, внезапно уступает место чувству сострадания. Несчастный полк, которым я только что восторгался, в данный момент подставляет себя на убой, и новые русские батареи выдвинуты для отражения итальянских батарей, расположенных на возвышенности, на которой я стою[1].

---

[1] 30-й полк, действительно, был буквально расстрелян. Оторванные части тел летали в воздухе, и солдаты умирали с криками: «Да здравствует император!» Русская дивизия Паскевича, защищавшая форт, должна была уступить. Только несколько человек 30-го полка проникли в форт вместе со своим генералом. В этой атаке особенное удивление вызывает адъютант Мармона Фавье. Накануне он прискакал из Испании, чтобы сообщить Наполеону о проигранной битве. Он принят был очень плохо. Желая показать, чего стоила испанская армия, он на другой день добровольно сражался в первых рядах. Он пал раненый на этом форте рядом с генералом Бонами, который также был ранен и взят в плен.

В тот же момент звуки барабана заставляют меня вопреки желанию покинуть свою позицию. Сила обстоятельств вынуждает Королевскую гвардию браться за оружие. Я спешно возвращаюсь к своему полку, который идет, чтобы принять участие в деле. Теперь я уже не могу видеть того, что происходит на нашем правом фланге. Я могу говорить лишь о том, что делается около нас. Несчастный 30-й полк не мог удержаться на занятой позиции. Русские, окрыленные успехом, стараются выгнать нас с высот и атакуют правый фланг дивизии Морана; и вице-король немедленно противопоставляет им дивизию Жирара. Наш 1-й полк легкой кавалерии, атакованный русскими драгунами, моментально разбивается на ряды, которые подпускают к себе русских, затем открывают пальбу рядами. Пальба отличается такой силой, что в мгновение ока площадь покрывается телами людей и лошадей, мертвых или раненых — и они создают новый барьер вокруг наших доблестных батальонов[1].

Русская кавалерия исчезает. Батальоны 7-го полка, прикрытые дивизией Бруссье и итальянской артиллерией и выступом холма защищенные от огня русских батарей, пытаются сохранить свои позиции. Часть холма открывается нашим взорам, и мы видим ужасное зрелище корчащихся и изуродованных тел людей и лошадей, делающих последние усилия в борьбе со смертью; перед нами и вокруг нас обезображенные трупы, туловища, оторванные части тела — все это покрывает землю.

Русские опять получили новые подкрепления и удваивают усилия, чтобы выгнать с позиции наши дивизии.

Вице-король, видя, что его первая линия удерживается с трудом, дал приказ отрядам легкой артиллерии, гренадерам и стрелкам гвардии броситься вперед на небольшой бугорок подле Колочи. В Королевской гвардии мы получаем приказ перейти эту речку, чтобы пойти на помощь атакованным дивизиям.

Огонь наших новых батарей в конце концов совершенно истребил русскую дивизию, стоящую против нас, но взамен ее мы сейчас же видим другую. Вся ярость битвы сосредото-

[1] В этом именно деле убит был наповал русский генерал Кутайсов, смело ведший в огонь своих кавалеристов.

чивается теперь на пункте, где мы стоим. Четыре часа мы держимся под градом железа и свинца. Стойкость принца Евгения и доблесть его солдат выше всякой похвалы.

Общий бой ведется и в деревне Бородино и захватывает пространство до старой Смоленской дороги. Более 1000 орудий сеют смерть. Пальба непрерывная, ужасная.

Вот новое положение, в каком мы очутились: дивизии Жирара, Морана и Бруссье, поддерживаемые Королевской гвардией, борются с многочисленными русскими силами, упорно стремящимися к тому, чтобы выгнать их с возвышенности, которая ведет к главному редуту.

Вице-король, в свою очередь, решается сделать еще одно усилие; он соединяет войска, чтобы накрыть неприятеля со всех сторон и овладеть фортом. Королевская гвардия, до сих пор пассивно страдавшая от потерь, причиненных ей пушечными выстрелами, не будучи в состоянии производить ответные выстрелы, теперь волнуется от своего бездействия. Она убеждена, что от взятия этого окопа может зависеть результат дня; она ревниво хочет взять на себя всю честь за это дело и через посредство своих начальников добивается от вице-короля, чтобы исключительно ей поручен был натиск. Вице-король уступил. Все мы испускаем радостные крики. Полки строятся сперва во взводную колонну. Легкие отряды открывают путь, за ними идут гренадеры, стрелки и драгуны. Радость, гордость, надежда сияют на всех лицах.

Русские заметили наше движение и тотчас же направляют в нашу колонну огонь из сотни орудий. Одни только крики: «Да здравствует император!», «Да здравствует Италия!»— раздаются в шуме падающих бомб и гранат, не перестающего свиста железа и свинца. Почти в тот же миг приходят спешные сообщения вице-короля, что многочисленные отряды неприятельской кавалерии выступают из леса, чтобы отрезать наш левый фланг, и угрожают нас обойти. Последний прибывший адъютант сообщает нам, что Дельзон и Орнано смяты превосходящими силами неприятеля и вынуждены отступить для прикрытия итальянской батареи, Бородина, Война и провианта. Они требуют поддержки, прежде чем неприятель получит подкрепления и еще подвинется вперед.

В сопровождении своего штаба принц Евгений сам скачет к этим местам, чтобы дать себе отчет в положении дела,

предупреждает об этом императора, задерживает движение вперед Королевской гвардии, заставляет ее поворотить и приказывает ей следовать за собой беглым шагом на другую сторону Колочи. Королевская гвардия, к огорчению своему, видит, что ее движение вперед остановлено, но не теряет надежды, что найдет случай вознаградить себя за вынужденный перерыв. Мы идем назад и в хвосте колонны доходим до атакованного пункта.

Новые неприятельские отряды (корпуса Уварова и Платова) с каждым мгновением увеличиваются, выступают из леса, испуская пронзительные крики, и бросаются между войсками Дельзона и Орнано.

Эти последние, как слишком слабые, отступают в полном порядке после отчаянной схватки и стараются прикрыть Бородино и итальянские батареи. Русские батареи с удвоенной яростью стреляют по нашему правому флангу и покрывают своими огнями деревню. Артиллерийский полковник Демэй убит.

Генерал Литуар и полковник Милло, не прекращая огня впереди, вынуждаются теперь обратить все внимание на арьергард. Они немедленно ставят туда несколько орудий, чтобы подготовиться ко всякой случайности. Итальянские артиллеристы, сохраняя порядок и хладнокровие, быстро проделывают все маневры, хотя все пространство покрыто трупами наших товарищей.

Вице-король галопом прискакал на позицию и, не находя другого, более подходящего места, выезжает в каре 84-го полка, на который тут же поведена была атака. Вице-король подбодряет людей, обещая, что скоро на помощь им явится Королевская гвардия; и действительно, мы в этот момент переходим уже вброд Колочу и быстро двигаемся туда. Несмотря на внутренний пыл, усиливающийся от слухов, что принц находится в опасности, мы сохраняем величайшее хладнокровие. А тем временем силы русской кавалерии, непрерывно увеличивающиеся, возобновляют свои атаки против колонны 8-го кроатского, 84-го и 92-го полков.

Мы без конца повторяем свои крики, чтобы предупредить о нашем приближении принца и войска, его окружающие. Но наши крики в то же время привлекают к себе и внимание наших противников (т. е. войск Уварова и Платова). Только

что прибывшие полки Королевской гвардии очутились лицом к лицу с неприятельской кавалерией. Разбившись на каре, мы устремились ей навстречу. Русские почти уже подступили к итальянским батареям и заставили их прекратить огонь; затем они опрокинули полки Дельзона. В этот-то момент они очутились перед Королевской гвардией, поджидающей их со скрещенными штыками. После одной неудачной попытки русские, в конце концов, были отброшены сильным огнем с нашей стороны и побежали во всю прыть. Легкая кавалерия Орнано, которая перед тем должна была укрыться за нашими рядами, теперь желает взять свой реванш. С помощью драгун и отряда почетной стражи она вновь нападает на русских. Эти последние, страшно напуганные, спешно бегут через Войню и Колочу и не осмеливаются возвращаться.

Вице-король оставляет тогда кавалерию гвардии на этой позиции, лицом к лицу, и галопом возвращается на возвышенность к главному редуту в сопровождении гвардейской пехоты. Было около 3 часов.

Все усилия сосредоточиваются теперь на редуте, который представляется поистине адской пастью. Но вот, как-то внезапно, на этой самой высоте, которая господствует над нами и которая в течение стольких часов сеяла смерть над нами и кругом нас, мы не замечаем более огней; все приняло вид какой-то горы из движущейся стали.

Кирасы, каски, оружие — все это блестит, движется и искрится на солнце и заставляет нас забыть об остальном. Это — кирасиры Коленкура. Вице-король следует за ними во второй линии.

Командир батальона дель Фанте, из штаба вице-короля, обходит тогда слева редут во главе 9-го и 35-го полков и, несмотря на храбрую защиту отчаянно бьющихся русских, захватывает его. Осажденные не хотят сдаваться, и там происходит поэтому ужасная резня. Сам дель Фанте, увидав в схватке русского генерала,— это был генерал Лихачев,— бросился к нему, обезоружил, вырвал его из рук освирепевших солдат и спас ему жизнь против его воли. «Ваше поведение, бравый дель Фанте,— сказал ему вице-король,— было нынче геройским!» Он тут же, на поле битвы, назначил его адъютантом,— награда, украшающая и принца, и солдат.

В тот же приступ мы завладели 21 русской пушкой, которую наши враги не успели увезти с редута.

Взятие этого редута, воздвигнутого нашими противниками с такими заботами, кажется, заканчивает в данный момент наши подвиги. Действительно, приходит приказание держаться на нем в ожидании новых предписаний. Обе армии опять располагаются лицом к лицу, причем наша на поле битвы, захваченном ценой таких героических усилий.

Ночь настала, и битва везде прекратилась.

(Ложье)

* * *

Наполеон хотел обойти левое крыло русских; для предотвращения нашей атаки они поместили весь корпус Тучкова (3-го) и Московское ополчение в засаду за густым кустарником, прикрывавшим их крайний левый фланг, а их корпуса 2, 4, 5 и 6-й образовали сзади две линии пехоты, прикрытой флангами, соединявшими лес с главным редутом. Несмотря на это препятствие, наши стрелки возобновили бой с новым ожесточением; и хотя день кончался, огонь с обеих сторон продолжался с тем же пылом. В то время распространился ужасный свет от нескольких подожженных направо деревень; горячность сражающихся, железо и огонь, изрыгаемые сотней пушек, несли всюду опустошение и смерть; солдаты нашего корпуса, построенные в боевом порядке, с оружием в руках, встречали смертельные удары и без замешательства смыкали ряды, как только ядро уносило нескольких товарищей.

Темнота ночи ослабила перестрелку, но не уменьшила нашего пыла; каждый, не будучи уверен в наносимых им ударах, решил, что лучше сохранить силы и боевые запасы на завтра. Как только мы прекратили стрельбу, русские, расположенные амфитеатром, зажгли многочисленные огни. Яркие симметрично расположенные огни придавали этому холму почти волшебный вид и составляли сильный контраст с нашими биваками, где лишенные дров солдаты отдыхали впотьмах, слыша вокруг только стоны несчастных раненых...

Окрыленный достигнутыми успехами Кутузов приказал двинуть резерв, чтобы попытать в последний раз счастье; Императорская гвардия участвовала в этом деле. Собрав все

вспомогательные войска, он атаковал наш центр, на который опирался наш правый фланг; был момент, когда мы боялись, что будем опрокинуты в этом месте и потеряем захваченный третьего дня редут. Однако 1-му польскому батальону после больших усилий удалось взять штурмом холм, господствующий над всей равниной; но, несмотря на поддержку батальонов, сопротивление неизмеримо большей силе было невозможно. Отброшенные с этого холма, они держались в перелеске. Император послал им приказ стойко держаться и осыпать потерянную ими позицию снарядами большого калибра. В это время генерал Дюфур защищал во главе 15-го полка легкой кавалерии высоты впереди деревни, примыкающей к одному редуту; подоспевший с остатками своей дивизии и 24 пушками генерал Фриан остановил неприятельские колонны, которые в течение двух часов продержались под картечью, не смея двигаться вперед и не желая отступать. Этой их нерешительностью воспользовался неаполитанский король и вырвал у них победу, которая, казалось, уже была в их руках; сейчас же он отдает приказ всей кавалерии заехать за редуты; корпус Латур-Мобура, бывший в резерве, последовал за ней: король приказал ему, перейдя овраг, ударить на массы русских и на их кирасирские эскадроны. Приведенные в замешательство таким смелым наступлением, они отступают и рассеиваются во все стороны.

Принц Евгений пользуется удобным моментом, летит на правый фланг и приказывает одновременно начать атаку 1, 3 и 14-й дивизиям, которые все еще сражались. Построенные в боевом порядке, спокойно двинулись эти полки вперед; они уже приближались к неприятельским окопам, когда все пушки батареи стали стрелять картечью, что внесло в наши ряды опустошение и ужас. Наши солдаты сначала пришли в замешательство от этого губительного отпора; заметив это, вице-король стал ободрять их, напоминая каждому полку заслуженную им в различных обстоятельствах славу, говоря одному: *«Сохраните доблесть, которая дала вам имя непобедимых»;* другим: *«Подумайте, ведь ваша слава зависит от этого дня»;* потом, обратившись к 9-му линейному полку, он воскликнул с волнением: *«Храбрые солдаты, вспомните, что при Ваграме вы были со мной, когда мы опрокинули центр врага».* Он настолько воспламенил их

такими словами, а еще больше своим примером, что повсюду прошло радостное волнение, и, двинувшись снова на редут, все поклялись честью и родиной, что ни пули, ни ядра, ни раны не заставят их ни на шаг отступить. Принц хладнокровно командовал атакой, объезжая ряды, и вел ее сам, ободряя дивизию Бруссье,— в то время как генерал Нансути во главе 1-й дивизии кавалерии генерала Сен-Жермена мужественно атаковал все, что было направо от редута, и очищал равнину до оврага перед одной сожженной деревней. Вместе с ним во главе шла стрелковая бригада, под начальством генералов Пауоля и Шуара, опрокидывая все, что встречалось ей на пути. Она покрыла себя славой, равно как и стрелки генерала Пауоля.

Только что генерал Монбрен во главе своей кавалерии закончил свою доблестную жизнь, как принадлежащая к тому же корпусу кирасирская бригада получила приказ атаковать бывшего налево врага и идти на приступ большого редута, который обстреливал все фланги нашей кавалерии. Эта бригада под командой генерала Коленкура сейчас же бросилась на редут, и мы были поражены представившимся нам изумительным зрелищем; казалось, что вся возвышенность, господствующая над нами, обратилась в движущуюся железную гору: блеск оружия, касок и панцирей, освещенных солнечными лучами, смешивался с огнем орудий, которые, неся смерть со всех сторон, делали редут похожим на вулкан в центре армии.

Стоявшая вблизи за оврагом неприятельская пехота встретила таким ужасным залпом наших кирасир, что принудила их отступить; наша пехота заняла их место... Наши полки, выйдя из окопов, произвели страшное избиение русских, все усилия которых были направлены к тому, чтобы помешать нам захватить окопы снова. Несмотря на ужасающий огонь неприятеля, вице-король и его штаб шли впереди дивизии Бруссье, за которой следовали 7-й и 13-й легкой кавалерии, 21-й и 30-й полки. Добежав до редута, они ворвались в него через горловину и перебили артиллеристов на орудиях, которые те обслуживали. Изумленный этой атакой Кутузов сейчас же выдвинул гвардию, чтобы постараться взять обратно позицию; это была лучшая часть его кавалерии. Туда поспешили генерал Лауссэ, принявший командова-

ние после того, как был ранен граф Груши, и генералы Шастель и Думерк; столкновение русских кирасир и наших драгун было ужасно. Генерал Тири и полковник де Лафорс были ранены; ожесточение боя обнаружилось, когда после отступления неприятеля поле битвы оказалось покрытым убитыми...

Внутренность редута была ужасна; трупы были навалены друг на друга, и среди них было много раненых, криков которых не было слышно; всевозможное оружие было разбросано на земле; все амбразуры разрушенных наполовину брустверов были снесены, и их можно было только различить по пушкам; но большинство последних было опрокинуто и сорвано с разбитых лафетов. Я заметил среди этого беспорядка труп русского артиллериста, у которого было три ордена в петлице: казалось, что храбрец еще дышит; в одной руке он держал обломок сабли, а другой крепко обнимал пушку, которой так хорошо послужил.

Неприятельские солдаты, занимавшие редут, предпочли погибнуть, чем сдаться; та же участь постигла бы и командовавшего ими генерала, если бы уважение перед его храбростью не спасло ему жизнь. Этот достойный воин хотел сдержать данное слово и умереть на своем посту; оставшись один, он бросился нам навстречу, чтобы погибнуть; он был бы задушен, если бы честь захвата такого пленника не остановила жестокость солдат. Вице-король ласково принял его. Принц, желая уважить храбрость и в несчастье, поручил полковнику Асселину отвести его к императору, который в течение этого памятного дня все время оставался за центром, нетерпеливо ожидая результатов горячего боя на нашем крайнем правом фланге, в котором участвовали 1-й корпус и поляки. Обойдя русских в этом месте, принц Экмюльский облегчил герцогу Эльхингенскому кровавую, повторную атаку, сделанную 3-м корпусом, чтобы опрокинуть центр неприятеля. На его левом крыле Багратион стойко выдерживал наш напор; подкрепленный гренадерскими дивизиями Строганова и Воронцова, он сперва нанес большой урон полякам; но когда наш успех в центре был обеспечен, князь Понятовский повел новую атаку на холм, с которого раньше был отброшен; успех был полный благодаря помощи кавалерии генерала Себастиани. Подкрепив наше правое крыло вестфаль-

цами, герцог Эльхингенский не только облегчил возобновление на момент упущенного с этой стороны наступления, но и содействовал отражению всех усилий неприятеля захватить позиции. Соединив дивизию Ледрю с дивизиями генералов Морана и Жирара, этот маршал действовал одновременно с принцем Евгением; обойдя левый фланг русских, он послал вперед многочисленные батареи, которые внесли ужас в ряды неприятеля. Такая отвага укрепила за нами, наконец, поле битвы и дала потом герцогу Эльхингенскому славный титул[1], связавший его имя с одной из наиболее достопамятных наших побед.

Внимание вице-короля сосредоточивалось на центре, когда сильное движение неприятельской кавалерии, направленное на его левый фланг, привлекло его туда. Генерал Дельзон, которому уже с утра угрожала эта кавалерия, построил свою 1-ю бригаду в каре налево от Бородина: несколько раз ему грозила атака, но неприятель, видя, что не сможет его поколебать, напал на наш крайний левый фланг и неожиданно ударил на нашу легкую кавалерию под командой графа Орнано и на минуту привел ее в замешательство, потом напал на кроатов, которые и отразили его батальным огнем. Находившийся недалеко принц стал в середине каре, образованного 84-м полком под командой полковника Пего: он уже готовился двинуть его, когда казаки, в свою очередь, были отбиты и, пустившись в бегство, освободили наше левое крыло; тогда был восстановлен полный порядок.

Между тем вице-король объезжал ряды во всех направлениях, убеждая генералов и полковников честно исполнить их долг, напоминая им, что от этого дня зависит слава французов; подъезжая к каждой батарее, он велел продвигать пушки вперед, по мере того как русские отступали, и, презирая опасность, указывал артиллеристам, куда они должны целить. Посещая с ним все эти опасные места с начала битвы, его адъютант Морис Межан был ранен в бедро; лошади были убиты под самим принцем, под генералом Жифленга и под шталмейстером Беллизоми. Стоя на бруствере большого редута и не обращая внимания на летавшие вокруг него пули,

---

[1] Князя Москворецкого. *Ред.*

принц со своими офицерами наблюдал в амбразуры движение неприятеля...

Мы захватили два редута, но у неприятеля все еще оставался третий, расположенный на другой возвышенности, за оврагом; установив там хорошо действующие батареи, он осыпал ужасным огнем наши полки, из которых одни были в закрытых траншеях, другие — за окопами. В течение нескольких часов мы бездействовали, уверенные, что Кутузов отступает; одна артиллерия изрыгала повсюду огонь и смерть...

Хотя победа была на нашей стороне, но пушки не прекращали сильную пальбу и постоянно вырывали все новые жертвы. Под градом картечи и пуль, презирая опасность, всегда неутомимый вице-король объезжал поле битвы; огонь не утихал и вечером был настолько силен, что пришлось поставить на колени расположенный за большим редутом Привислинский легион под командой генерала Клапареда. Более часа были мы в этом мучительном положении, когда у князя Невшательского началось совещание с вице-королем, длившееся до ночи: по окончании его принц Евгений разослал различные приказания своим дивизиям и приказал прекратить огонь. Тут и неприятель стал спокойнее; он дал еще несколько залпов с промежутками, и тишина его последнего редута убедила нас, что он отступает по Можайской дороге.

Прекрасная в течение всего дня погода стала к ночи холодной и сырой; армия расположилась на поле битвы и частями разместилась по редутам, захваченным с такой славой. Это был плохой привал; корма не было ни людям, ни лошадям, а недостаток дров был очень чувствителен в эту дождливую холодную[1] ночь.

(Лабом)

* * *

После дождливой холодной ночи 6-го был прекрасный день, и мы могли обстоятельно рассмотреть неприятельский лагерь, весь освещенный ярким солнцем.

---

[1] Здесь в сентябре так же холодно, как в Моравии в декабре (XVIII бюллетень).

С утра я отправился на захваченный накануне редут. Множество лежавших кучами трупов свидетельствовало об энергичном сопротивлении и об усилиях наших солдат. Парапеты были во многих местах разрушены нашими пушками; русские орудия сзади были сброшены с лафетов и опрокинуты; артиллеристы, обслуживавшие их, лежали тут же мертвые. Особенно много убитых было во рвах и на внутренней стороне валов. На наружной их стороне лежали трупы французских солдат, которых во время приступа погибло еще больше, чем русских гренадер на противоположном конце вала, куда они несколько раз пытались взобраться, после того как мы заняли редут. Когда я подъехал, на редуте было несколько маршалов и командиров корпусов, между ними генерал Монбрен, который был убит на следующий день; я некоторое время разговаривал с ним.

6 сентября обе стороны наблюдали друг за другом, и хотя во многих местах наши позиции были очень близки от неприятельских, не было даже перестрелки. Готовившееся великое событие делало отдельные атаки позиций и патрулей ненужными, почти смешными, и только к вечеру открыли огонь батареи, установленные императором на позиции против правого фланга противника; пальба продолжалась часть ночи и возобновилась на рассвете. В сопровождении маршалов и генералов Наполеон проехал вдоль фронта армии, чтобы сделать последние распоряжения и указать ей на завтра арену ее славы, по его выражению.

В сущности, трудно себе представить вид нашего лагеря в эту ночь. У нас царила шумная радость, вызванная мыслью о битве, исход которой никому не казался сомнительным. Со всех сторон перекликались солдаты, слышались взрывы хохота, вызываемые веселыми рассказами самых отчаянных, слышались их комически-философские рассуждения относительно того, что может завтра случиться с каждым из них. Горизонт освещали бесчисленные огни, довольно беспорядочно разбросанные у нас, симметрично расположенные у русских вдоль укреплений; огни эти напоминали великолепную иллюминацию и настоящий праздник. Мало-помалу шум стихает, огни бледнеют, потом гаснут, и людей охватывает сон, для многих — последний.

На рассвете 7-го на пространстве обоих лагерей раздаются звуки труб и барабанов, сливающихся вскоре с канонадой установленных ночью батарей. Люди берутся за оружие, строятся, и в каждой колонне прочитывают приказ императора . . . .

. . . .

Наш корпус приближается к большому редуту. Мы построились за глубоким рвом, отделявшим нас от него. Я же перевел свою артиллерию за овраг и поставил батарею, тотчас открывшую огонь против артиллерии редутов, бывших направо и налево от нас, и против масс пехоты и кавалерии впереди. Скоро весь кавалерийский резерв собрался в этом пункте и построился несколькими рядами вправо от моих батарей. Огонь все усиливался. Пули, ядра, гранаты и картечь градом сыпались на нас со всех сторон и делали большие борозды в рядах нашей кавалерии, простоявшей несколько часов неподвижно под огнем. Равнина была покрыта ранеными, направлявшимися к перевязочным пунктам, и лошадьми без всадников, скачущими в беспорядке. Недалеко от меня был полк вюртембергских кирасир, на который как будто всего больше сыпалось снарядов; каски и латы, сверкая, взлетали над всеми рядами. Французские стрелки, поставленные впереди, тоже сильно пострадали, в особенности от ружейных выстрелов, причем пули звенели, ударяясь об их латы. Здесь был смертельно ранен в низ живота молодой Ларибуазбер, капитан этого корпуса, сын генерала от артиллерии. Моя артиллерия тоже очень потерпела; вскоре два орудия были сдвинуты с лафетов и убито много людей и лошадей. В это время генерал Груши подъехал со своим штабом к краю оврага позади меня и велел меня позвать. Не успел я подойти к нему, как неприятель стал стрелять по нашей группе, и в несколько минут были убиты или ранены картечью многие ординарцы и штаб-офицеры; раненная пулей в грудь лошадь генерала Груши упала, придавив его; мы думали, что он убит, но он отделался сильной контузией. Одновременно был ранен в шею картечью ординарец из стрелкового полка, бывший при мне.

С той и другой стороны продолжалась сильная пальба, не приводившая к окончательным результатам, когда в 2 или 3 часа дня появился неаполитанский король с многочислен-

ной блестящей свитой. С самого начала сражения мы видели одного принца Евгения, но и он был около нас только на минуту, потому что его отвлекало направо нападение казаков, и теперь мы были очень рады прибытию короля Мюрата. Мы были уверены, что он, прекратив убийственную, ни к чему не ведшую канонаду, которая уже ослабевала из-за недостатка снарядов, сумеет воспользоваться таким количеством войска, собранного в одном месте, и поведет открытую решительную атаку. Действительно, ознакомившись с положением и осмотрев место, на котором несколько часов теснилась наша кавалерия, он замечает, что насыпь большого редута почти снесена нашими снарядами. Он приказывает кавалерии атаковать этот редут и войско прикрытия. Тотчас все приходит в движение; многочисленная кавалерия строится в колонны; во главе идут кирасиры 2-го корпуса,— это был, насколько я помню, 5-й кирасирский полк,— они переходят в галоп, опрокидывают все перед собой и, обойдя редут, устремляются на него по узкому проходу и по тем местам, где осыпавшаяся земля облегчает подъем. Тем временем вице-король со своей пехотой атакует редут справа.

Но скоро каски и сабли наших храбрых кирасир сверкают уже на редуте, огонь которого сразу прекращается. Он взят! Трудно представить, что мы почувствовали при виде этого блестящего подвига, которому нет, может быть, равного в военных летописях народов. Каждый следил глазами и хотел бы помочь руками этой кавалерии, когда она переправлялась через рвы, перескакивала через заграждения под картечью, и восторженные крики понеслись отовсюду, когда редут был взят. Эту атаку вел Коленкур, нашедший себе здесь славную смерть.

От обладания этим укреплением зависела судьба сражения. Чувствуя его значение, к нему устремились многочисленные колонны русских. Момент был важный. Мы получаем приказ наступать. Вскоре мы сталкиваемся с неприятелем. После нескольких атак он в беспорядке отступает от редута. Но успех дорого стоил нам, и мы потеряли здесь много людей . . . .

. . . .

День кончался. Я присоединился к своему корпусу, опять вступившему в битву так же, как и моя артиллерия вправо

от редута, где мы оставались еще час после того, как стемнело. Ибо, хотя битва и была выиграна, неприятель все еще стоял против нас на сильных позициях; на нас сыпались пули и ядра. Пальба прекратилась только, когда совсем стемнело. Тогда все корпуса расположились биваками, и я провел ночь с частью своих пушек на позиции, которую мы первую взяли в это утро. Холод был очень чувствительный, у нас не было топлива и почти не было припасов, но в сознании успеха мы забывали о лишениях за рассказами о подвигах. Но усталость скоро заставила нас погрузиться в глубокий сон.

Эта битва, названная французами битвой на Москве, а русскими — Бородинской, началась в 6 часов утра и продолжалась до наступления ночи без перерыва. С обеих сторон огонь был ужасен. Обширное пространство, на котором шла битва, было во всех направлениях изрыто ядрами, и потери были громадны с обеих сторон. Русские весь день шаг за шагом отстаивали свои позиции, становясь на новую, когда не могли удержать старой, с которой мы их оттеснили, и только среди ночи массы их начали окончательно отступать к Можайску.

Во время битвы они, по обыкновению, отправили нам в тыл и на фланги многочисленные отряды казаков, которые внесли беспорядок в наши обозы, оставленные в 4 верстах от поля сражения. Даже наутро они произвели нападение на наше правое крыло неподалеку от императорской квартиры; но первый отряд, взявшийся за оружие, прогнал их к их армии.

Я уверен, что если бы использовано было одушевление войск, если бы движения их были целесообразны и атаки единодушны, сражение вышло бы решительное, и русская армия была бы уничтожена. И такого успеха можно было добиться в 9 часов утра после взятия большого редута. Общий натиск на русскую армию, поколебленную этим блестящим успехом, вероятно, загнал бы ее в бывший у нее с тылу лес, в котором были проложены только узкие тропинки. Но для этого было необходимо присутствие императора; он же оставался все время на одном месте правого фланга со зрительной трубой в руке и не показывался вдоль остальной цепи. Если бы он употребил те решительные приемы, которые дали ему столько побед, если бы он показался солдатам и ге-

нералам, чего бы только он не сделал с такою армией в подобный момент! Может быть, война закончилась бы на берегах Москвы. Такие мысли приходили на другой день офицерам и старым солдатам при виде количества пролитой крови: неприятель уступил нам несколько миль опустошенной страны, и надо было опять сражаться.

(Гриуа)

* * *

7 сентября, в день кровавой битвы при Бородине, я был с 5 часов утра около офицеров, которые ожидали приказаний Наполеона. Мы находились у подножия редута, отнятого накануне у неприятеля; это был центр, откуда шли все движения и все приказания... Отсюда-то я видел, как поскакал полным галопом, весь горя боевым пылом, один из самых замечательных наших витязей, генерал Монбрен. Он только что получил от Наполеона приказание атаковать большой и грозный редут, расположенный в центре неприятельской армии, который изрыгал уже смерть во все стороны. Я не могу выразить той боли, которую я испытал, когда два часа спустя сообщили Наполеону, что этот славный воин пал под огнем неприятеля в момент атаки, которую можно считать одной из самых блестящих. Я знал и любил графа Монбрена, который был моим земляком. Он унес с собой уважение, привязанность, сожаление всей армии и, может быть, также маршальский жезл, который он получил бы, пережив все то мужество и славу. Я выражал свои сожаления Огюсту Коленкуру, который был в нашей группе, когда император, бросив взгляд в нашу сторону, заметил его, подозвал и передал ему командование славными воинами, которых смерть генерала Монбрена оставила без начальника. Коленкур вернулся к нам с сердцем, полным благородной радости, которую я не разделял и которая навеяла на меня самые грустные предчувствия. Он велел привести своих лошадей, пожал руку лучшему из братьев, попрощался с нами и помчался, как молния, сопровождаемый своим адъютантом... И он также! Во главе 5-го полка кирасир он пал в этом убийственном редуте, который был взят приступом и где была решена участь сражения. Он умер, оставив молодую и прекрасную жену, с которой он обвенчался за несколько часов до своего отъезда

в армию. Он был похоронен в редуте, скорбном театре стольких славных подвигов.

Утром того дня, который был таким гибельным и таким славным для французской армии, над головой Наполеона и той группы, в которой были мы позади него, пролетело несколько ядер. Он отдал приказ генералу Сорбье придвинуть несколько батарей гвардейской артиллерии, чтобы избавить нас от таких неожиданностей. Через два часа ядра стали пролетать снова, и один момент мы думали, что неприятель берет верх... Но мало-помалу огонь стал ослабевать, и ядра на излете катились и останавливались у ног Наполеона; он их тихо отталкивал, как будто отбрасывал камень, который мешает во время прогулки. Он разговаривал с маршалом Даву, под которым только что была убита лошадь и который, страдая от контузии, с трудом следовал за Наполеоном на маленьком пространстве, по которому он ходил взад и вперед. К двум часам пополудни огонь русских пушек стал удаляться.

Большой редут был взят, беспорядок воцарился в рядах неприятельской армии, которая стала отступать и билась еще только затем, чтобы не понести бóльших потерь. Победа была полная... трофеи громадны... но безжалостная смерть бросила на поле битвы более 50 000 воинов всех наций; говорят, что русские там оставили более 30 000 человек, не считая раненых и пленных.

Часто случается, что в самое серьезное дело врывается комичный элемент. Молодые солдаты пользовались обстоятельствами, чтобы покинуть опасные ряды под предлогом доставки на перевязочный пункт раненых товарищей... Вот собралось несколько человек, чтобы нести легкораненого товарища; к их несчастью, им пришлось проходить мимо маршала Лефевра, который командовал гвардией и был около нас... «Виданное ли дело, чтобы эти проклятые солдаты вчетвером несли Мальбрука? На места!» — крикнул он им, прибавляя еще более энергичные эпитеты. Они повиновались; но что было еще смешнее, так это то, что раненый герой нашел достаточно силы, чтобы подняться и дойти одному до перевязочного пункта... Многие русские генералы, тяжелораненые, получили, по приказанию Наполеона, первую помощь: между другими князь Потемкин, получивший удар

саблей по голове... Доктор Иван, хирург императора, наложил ему в нашем присутствии первую повязку.

В 12 часов дня я спросил Наполеона, не хочет ли он завтракать... Битва не была еще выиграна, и он сделал мне отрицательный жест: я неосторожно сказал ему, что не существует причины, которая могла бы помешать завтракать, раз это можно; тогда он довольно резко попросил меня удалиться... Позднее он съел кусок хлеба и выпил стакан красного вина, не разбавляя его водой. Он выпил стакан пунша в 10 часов утра, так как у него был сильный насморк.

Штаб артиллерии показал, что с нашей стороны было выпущено более 55 000 выстрелов. Русские дали, по крайней мере, столько же: я предоставляю, таким образом, судить об адском грохоте, который сопровождал эту памятную битву.

К четырем часам Наполеон сел на лошадь и поехал к авангарду, которым командовал неаполитанский король, и к корпусам вице-короля и маршала Нея, которые сражались так мужественно. Было 7 часов вечера, когда он вернулся в свою палатку, которая была устроена позади Шевардинского редута, впереди которого император находился во время сражения. Он пообедал с князем Невшательским и маршалом Даву. Его палатка была разделена на несколько комнат: первая служила гостиной и столовой, во второй была его походная кровать, а последняя служила кабинетом для его секретарей.

Я заметил, что против обыкновения лицо его было разгоряченное, волосы в беспорядке и вид усталый. Он страдал, потому что потерял столько храбрых генералов и храбрых солдат. Должно быть, впервые ему показалось, что слава куплена слишком дорогой ценой; и это чувство, которое делает ему честь, было, наверное, одной из причин, которые заставили его отказаться двинуть кавалерию гвардии[1], как того просили неаполитанский король, вице-король и маршал Ней, чтобы преследовать неприятеля и сделать победу еще

---

[1] На том расстоянии, на котором мы находились от Франции, ему казалось необходимым сохранить отборное войско. Если бы гвардия пострадала под Бородином, то французская армия, ядро которой все время составляла эта гвардия и которая поддерживала мужество во время отступления, едва ли перешла бы обратно Неман.

более полной... А может быть, занятый больше общим положением дела, чем деталями, которые имели в виду эти три героя, и видел он гораздо дальше, чем они. Что касается меня, то, по-моему, его нужно только благодарить за то, что он пощадил свое отборное войско, из которого состояла гвардия, потому что мы были ему обязаны нашим спасением при отступлении; именно в отступлении мы найдем ее благородной, великой, великодушной, верной, и она единственная сохраняла свое оружие в то время, как остальные части армии упали духом.

Как бы там ни было, но победа была полная, настолько полная, что русская армия ни одной минуты не могла поверить в возможность отстоять свою столицу. Но это не помешало им служить там молебны. Благодарили Бога за успех, когда сражение было проиграно... Эти молебны теперь ничего не означают... Каждая сторона преувеличивает и умаляет... Например, в Австрии есть правило, которое обязывает каждого офицера, приносящего вести из армии, собирать всех почтальонов из всех соседних с Веной почт,— у них у всех есть маленькие рожки, вроде охотничьих,— и входить в столицу под резкие и громкие звуки фанфар. Но все эти выдумки этикета ничуть не меняют содержания депеш, которые он привозит: часто бывало, что вслед за таким шумным выражением торжества следовал приказ укладывать наиболее драгоценные вещи и отправлять их в Венгрию; туда же направлялся и двор, выходя из храма, где только что пели молебны в благодарность Богу за «большую победу».

В петербургских церквах раздавались подобные же песни победы, и Лондонская биржа, получив соответствующие сведения от английских комиссаров в России, ликовала в продолжение 24 часов; но ликование скоро исчезло, когда они прочли XIX бюллетень Великой армии, который возвещал наше вступление в старую столицу России...

(Боссе)

* * *

Наконец, 5 сентября отыскали главную часть неприятельской армии. Она была в 20 верстах от Гжатска (и, приблизительно, в 100 верстах от Москвы) и решилась принять сражение. Она занимала прекрасную позицию, которую еще

укрепила линией редутов, снабженных многочисленными артиллерийскими орудиями. Один из этих редутов, который, господствуя над позицией нашей армии, мешал ей развернуться, был захвачен вечером того же дня дивизией генерала Компана. Весь следующий день прошел в приготовлениях к предстоящему большому сражению. Император объехал с фронта всю русскую линию. Каждый из нас мог делать свои наблюдения относительно находившихся перед нами или бывших у нас на виду пунктов и судить, какие из них будет более или менее трудно взять. Весь тот день 6 сентября, как мне помнится, ни разу не стреляли. Корпуса, пришедшие на линию накануне, как, например, наш, имели возможность отдыхать целый день, но другие, бывшие в арьергарде, едва успели прийти на место. Все были рады, что наконец-то дождались той желанной битвы, которую считали решительной. Между тем для скольких из нас день этот оказался последним.

Я, после довольно продолжительной поездки, посвященной изучению, насколько позволяло мое зрение, взаимного положения двух армий, вернулся к своему биваку, где брал первые уроки шахматной игры у командира Фанфета, страстного любителя той игры. Он всегда возил с собой маленькую складную картонную шахматную доску, которую сам же очень искусно сделал.

Я должен был прервать игру и ехать верхом, но когда я вернулся, он показал мне прерванную партию, записав положение всех фигур; месяца 3—4 спустя мы доиграли ее в Берлине. Храбрый командир Фанфет был большой оригинал, и, если бы рассказ о нашей партии в шахматы не отклонил слишком в сторону моего рассказа о Бородинском сражении, я не устоял бы против искушения нарисовать здесь портрет этого человека. Но надо вернуться к партии, интересной совершенно в ином смысле и которую император собирался разыграть вблизи старинной русской столицы и так далеко от нашей родины.

6-го вечером он приказал созвать к себе всех маршалов и главных генералов, чтобы дать им инструкции на следующий день, которые те должны были передать по своим дивизиям. Генерал Дессе только в полночь получил инструкции, касавшиеся его дивизии. Мы стали читать их при свете костра, вокруг которого отдыхали в полудремоте. Но это чтение (су-

лившее нам успех ввиду приобретенного знакомства с неприятельскими позициями, которые предстояло брать) не могло не возбудить в нас наивысшего интереса. Приказ гласил, чтобы наша дивизия двинулась на рассвете и следовала бы на близком расстоянии сомкнутыми колоннами за дивизией Компана, которую должна была подкрепить в ее атаках на неприятельские редуты, которые нужно было взять.

И, действительно, еще до рассвета мы уже выстроились. Погода была пасмурная. Жара прекратилась уже несколько дней тому назад, и природа уже была окрашена осенними красками.

Каждому корпусу была прочитана прокламация императора, при повторных криках: «Да здравствует император!»

Из нашего 85-го два батальона были оставлены при батареях Императорской гвардии, которая открыла бал пальбой 60 орудий, искусно расставленных на площадке, слегка господствовавшей над неприятельскими позициями. Это было на рассвете.

Следуя за дивизией Компана, мы с остальной частью нашей дивизии сошли с этой площадки и среди густого тумана стали спускаться по довольно крутому откосу. Едва мы вышли из лесу, как командование дивизией перешло к генералу Дессе, так как Компан был опасно ранен. Он во главе дивизии пустился галопом, сопровождаемый только капитаном Дю Бурже, (лейтенантом) Магнаном (адъютант генерала Бресанда) и мной. Мы прискакали в тот момент, когда редуты только что были взяты. Эти редуты были простые реданы, или лагерные работы в форме шеврона, не закрытые у входа, так что вторые позиции неприятеля оружейными и картечными залпами выметали находившихся внутри них. Удержаться в них было несравненно труднее, чем завладеть ими. Солдат 5-й дивизии поэтому поместили за этими редутами и в углублениях, находившихся в той местности, стараясь в ожидании новой атаки, по возможности, укрыть их от неприятельского огня.

Генерал Дессе, которому нельзя было отказать в личной храбрости, оставался несколько минут совершенно открытым возле одного из редутов, исследуя позиции и движение русских войск, бывших перед нами. Я находился возле него, созерцая ту же картину. Вдруг пуля попала в кобуру у его

седла и разбила бутылку с водкой, которой он запасся. Он очень огорчился и с досадой воскликнул, обращаясь ко мне: «Этим я обязан Вашей проклятой белой лошади». Моя лошадь, одна из тех, которых я приобрел у генерала Бресанда, была действительно ослепительно белой масти, а такие лошади, правда, часто служат мишенью для неприятельских выстрелов, тем более что на них, обыкновенно, ездят генералы, да и приметить их издали гораздо легче, чем лошадей темных мастей.

Пока мы так стояли в течение нескольких минут, капитан Дю Бурже, желая лучше укрыться, столкнул свою лошадь в яму самого редана; когда мы поехали дальше вперед, он выехал из ямы, но тут уже упал мертвый: пуля пробила ему череп. Вечером, проезжая по этому месту, я узнал его труп, хотя все одежды были с него сняты. Бедный малый не намеревался остаться на службе. Имея хорошее состояние, он желал только получить чин командира эскадрона или старшего офицера и затем выйти в отставку, но ему не было суждено снова увидеть берега озера Бурж.

Несколько времени спустя генералу Дессе пришлось снова взять на себя командование своей дивизией, так как командовать 5-й был послан императором один из его адъютантов, генерал Рапп. Эта дивизия, вследствие понесенных ею при взятии редутов потерь, была отведена на вторую позицию, а дивизия Дессе перешла на первую.

Пройдя некоторое расстояние вперед, мы на опушке леса, тянувшегося вправо от нас, выстроились колоннами. В это время мы заметили отряд русских кирасир, мчавшихся, как ураган. Они направлялись не прямо на нас, а на батарею из 30 орудий, которая вследствие нашего движения заняла позицию несколько сзади и левее нас. Проходя мимо нас, отряд отведал наших пуль, но это не замедлило его движения; не сделала этого и картечь нашей батареи; он опрокинул последнюю и изрубил на местах не успевших укрыться артиллеристов. Однако несколько французских эскадронов быстро смяли кирасир, и тем пришлось еще раз проехать мимо фланга нашей колонны, перенести ее огонь и штыки солдат, которые, выйдя массами из рядов, побежали им навстречу, преграждая путь наступления. В этом отряде было, по нашему счету, до 1500 русских кирасир, а вернулось из них к своим линиям ед-

ва ли более 200 человек. Остальные, и люди, и лошади, пали на месте, и я даже не помню, чтобы кого-нибудь из них взяли в плен. Они были забронированы только спереди; их броня и каски были черного цвета.

Едва скрылись последние из отряда кирасир, как мы увидели на близком расстоянии массу пехоты, продвинувшейся во время атаки первых. Эта пехота после отступления кирасир оказалась открытой и одинокой. Одну минуту мы видели, как она как будто закружилась на одном месте и затем отступила слегка в беспорядке. Но, уходя, она в свою очередь обнаружила присутствие батареи, пославшей нам несколько картечных залпов, причинивших нам большой вред, и, между прочим, в это самое время пуля перебила генералу Дессе правое предплечье. Мы с лейтенантом Магнаном отвели его назад, так чтобы неприятельские выстрелы не могли до него долетать. Здесь нам попалось несколько хирургов, шедших навстречу раненым, и среди них был главный хирург неаполитанского короля. Он оказал генералу первую помощь и по исследовании его раны стал уговаривать его согласиться на ампутацию предплечья.

Явившийся почти вслед затем главный хирург Ларрей держался того же мнения и еще решительнее настаивал на операции, на которую генерал ни за что не соглашался. Впрочем, у Ларрея это было системой — удалять серьезно пораненные члены, и он приводил в ее защиту красноречивые аргументы. Он говорил генералу: «Конечно, можно с некоторым шансом на успех постараться сохранить Вам руку, но для этого долгое время Вам необходим тщательный уход и известные условия, на которые в походе и в стране, подобной этой, за тысячу лье от родины, Вы не можете наверное рассчитывать. У Вас впереди еще долгие лишения и тяжелые труды и, наконец, Вы не застрахованы от несчастных случайностей. А между тем Ваша рана при ампутации прекрасно зарубцуется через какие-нибудь 2 недели».

Генерал Дессе не внимал никаким увещеваниям и оставался непоколебимым в своем решении сохранить свою руку. Он был прав, как будет видно дальше, но лишь благодаря стечению невероятно счастливых обстоятельств. И, кроме этого, он страдал от своей раны всю жизнь, и еще 10 лет спустя из нее продолжали выходить обломки костей.

Поместив генерала в безопасное место, где за ним был обеспечен нужный уход, я счел своим долгом вернуться в гущу сражения и перейти под начальство генерала Фредерикса, принявшего на себя, после раны Дессе, командование 4-й дивизией. Лейтенант Магнан остался при Дессе, к которому присоединились еще два брата, доктор, командир и прислуга.

Возвращаясь к дивизии, я встретил несколько в арьергарде от нее полковника Ашара из 108-го со знаменем и кучкой людей. «Вот все, что осталось от моего полка»,— печально сказал он мне.

4-ю дивизию я нашел почти в том же положении, в каком оставил,— за мое отсутствие в этом пункте не произошло ничего важного.

Генерал Фредерикс похвалил меня за мое возвращение и почти немедленно послал меня за инструкциями к маршалу Нею.

Маршал Даву был сильно контужен пушечным ядром, сбросившим его с лошади, и оказался вынужденным в это самое время покинуть поле сражения. Маршал Ней, когда я к нему явился (это было в 2 часа пополудни), один командовал по всей линии. Следует заметить, что огонь с той и другой стороны стал затихать, и можно было надеяться на скорый конец сражения ввиду недостатка сражающихся — так велики были потери обеих армий в течение утра. Только батареи продолжали на очень значительном расстоянии переговариваться частыми залпами, и я по пути к маршалу Нею, направляясь по дну небольшой долины, слышал, как пули скрещивались над моей головой и летели со свистом. Очевидно, утренние волнения сильно возбудили мою добрую, обычно смирную лошадь. Она упрямилась до того, что я был вынужден слезть и вести ее в поводу. Особенно удивительно то, что она дрожала всем телом не от гула пушек, а от жужжания пуль, очевидно, она понимала, что в них, а не во взрыве кроется опасность.

Маршал Ней послал меня к генералу Фредериксу с приказом идти вперед, и то же самое велел передать герцогу д'Абрантесу, стоявшему с вестфальским корпусом вправо от нас.

Насколько было возможно быстро, я исполнил это двойное поручение. Генерал Фредерикс повиновался приказу и

занял позицию, так что имел вестфальцев в арьергарде, соприкасаясь справа с польским корпусом князя Понятовского.

Жюно я нашел на лесной поляне. Он сошел с лошади и приказал солдатам составить ружья в козлы. По-видимому, он не был расположен тронуться с места. На все сказанное мной он не обратил ни малейшего внимания и вел себя так же, как и при Валутиной Горе[1].

Приближался вечер. Неприятель везде отступил. Мы все ожидали, что вот император со своей гвардией сойдет с площадки, на которой он пробыл все утро, и решительным движением завершит поражение русских. Но он не трогался с места, и генерал Кутузов мог спокойно отступить, увозя с собой все орудия, экипажи и походные госпитали, оставляя только убитых и тех из раненых, которые пали на занятой нами территории, отбитой у него.

Я в этот день был, по обыкновению, очень счастлив — ни одна пуля не задела даже мое платье или головной убор. Лошадь моя была задета пулей выше колена, но получила только царапину, а другая пуля пролетела у нее вдоль шеи, опалив шерсть, но не тронув кожи.

Вечером я отправился к биваку генерала Дессе. Я нашел его среди своих терпеливо переносившим боль от раны. Он поручил мне немедленно составить рапорт на имя маршала Даву и подписал его левой рукой.

(Жиро де л'Эн)

* * *

В следующие два дня, 5 и 6 сентября, мы продвинулись вперед лишь на очень небольшое расстояние, так как русская армия всюду оказывала нам самое решительное сопротивление, пользуясь всеми удобными для артиллерии позициями для того, чтобы громить нас из пушек, и прикрывая свое отступление частой цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир.

Последние были вооружены луками и стрелами, свист которых был для нас нов, и ранили нескольких из наших стрелков. Шея лошади капитана Депену, из моего полка, бы-

---

[1] См. выше. *Ред.*

ла пронзена под гривой одной из этих стрел, имевших, приблизительно, 4 фута в длину.

Мы убили нескольких башкир, и я никогда не видал более безобразной расы людей.

Наконец, вечером 6 сентября русская армия стянулась на равнине у г. Можайска и заняла там позиции. Наш авангард получил приказание сделать движение налево: стало ясно, что мы займем наши боевые позиции. Мы остановились недалеко от дороги из Смоленска в Москву.

Эта ночь прошла очень тревожно. Все время непрерывно слышался заглушенный шум передвигающихся артиллерийских обозов и кавалерийских отрядов. Каждая дивизия, каждый армейский корпус передвигался на боевую линию и занимал место, указанное ему адъютантами императора и главнокомандующих.

Многими овладело беспокойство; многие не закрывали всю ночь глаз. Немало рассуждали о важном значении той драмы, которая должна была разыграться на следующий день, арена которой, столь далекая от нашей родины, делала возможным для нас или победу, или смерть.

На рассвете мы получили приказание двинуться вперед вдоль Московской дороги и остановиться против Бородина. Дивизия выстроилась в колонну побригадно перед тянувшимся через все поле оврагом, на дне которого протекал ручей.

Едва только солнце начало освещать горизонт, прискакал адъютант генерала Груши и передал полковнику для прочтения перед полком замечательную прокламацию императора.

Едва успели закончить чтение этого воззвания, как показалось лучезарное солнце. Погода была великолепная, и перед нашими глазами открылось все поле битвы.

Мы должны были защищать 25 орудий, поставленных между нами и дивизией Монбрена, наблюдать и следить за дорогой в Москву и селом Бородино.

Битва завязалась почти в одно и то же время по всей линии.

Против нас на крайнем правом фланге неприятельской линии находился редут, огонь которого был направлен против нашей артиллерии, расположенной вправо от нас. Но несколько орудий обстреливали и нас.

Все ядра попадали рикошетом в наши ряды, и мы ждали их, обнажив сабли.

В таком ужасном положении мы пробыли 6 часов...

Бедный 8-й стрелковый полк понес очень большие потери; его ряды были сильно разрежены; большое количество трупов людей и лошадей покрывало позицию, которую мы занимали с восхода солнца.

Было около 11 часов. По всей равнине раздавался ужасный артиллерийский грохот. Земля дрожала от кавалерийских атак. Наконец, во весь опор к нам прискакал адъютант генерала Груши и передал приказание двинуться в атаку, сделав движение налево, чтобы перейти дорогу немного выше Бородина. Никогда осужденный на казнь, получая помилование, не чувствовал большей радости, чем мы, когда нам поручили выполнить этот маневр, освобождавший нас от этого ужасного бездействия.

Полки построились в эскадроны на скаку и мчались галопом, пока, достигнув правого фланга неприятеля, не очутились перед русскими кирасирами.

Мы выстроились в боевой порядок — колоннами по целому полку.

6-й гусарский находился во главе отряда; он произвел решительную атаку и смял русских кирасир. 8-й стрелковый, бывший вторым, налетев с быстротой молнии, докончил их поражение.

В полном беспорядке они повернули назад, и мы начали бешено рубить, как бы стараясь вознаградить себя за потерянное время.

Так как русские кирасиры носят панцирь только на груди, мы могли с особым успехом колоть их именно во время бегства.

Мы настолько ожесточились, что многие из нас продолжали преследование еще долгое время, после того как трубы уже протрубили отбой, так что для того, чтобы соединиться с нашей дивизией, нам пришлось прокладывать себе дорогу через густую цепь казаков.

Русские кирасиры, которым удалось, наконец, выстроиться, бросились вперед в атаку.

Они остановились на расстоянии ста шагов от нашего фронта. Мы, твердо держась на стременах, сабли наголо, были готовы встретить их.

Казаки, по своему обыкновению, расступились в стороны, чтобы оставить свободным поле битвы.

Видя нашу твердость, неприятель начал колебаться; он не осмелился произвести атаку и выполнил повзводно шагом полуоборот с такой правильностью, как будто дело происходило на маневрах на Марсовом поле. Казаки бросились в промежуток, как стая свирепых волков, и с не бо́льшим порядком. Чтобы сдержать их, выслали значительное количество стрелков. Но так как битва не была еще окончательно выиграна и так как нам было дано приказание не наступать, то остальная часть дня прошла без каких-либо решительных действий, и мы разбили свой лагерь перед Бородином.

Так как я сильно страдал от полученной в ногу раны, полковник разрешил мне устроиться на ночь самым удобным образом, какой только окажется возможным, с тремя товарищами, также ранеными, и полковым врачом хирургом Жераром, которого очень любили в полку.

Наступившее за этим достопамятным днем утро было очень смертоносно для 8-го стрелкового полка. Наступила наша очередь стать во главе колонны.

На рассвете наши аванпосты были атакованы, и мы бросились к ним на помощь. Но нам пришлось сражаться, не говоря уже об очень сильном арьергарде, с бесчисленной массой казаков и батареей из 30 орудий, которая, подпустив на короткое расстояние, стала осыпать нас градом картечи.

Более 60 стрелков было убито; очень много людей было ранено, в особенности унтер-офицеров.

Слева от нас находились польские уланы. Сражаться вместе с ними было прямо наслаждением; удивительна была их блестящая храбрость и та ярость, с которой они бросались на врага, где бы тот ни появлялся и какова бы ни была его сила.

Мы сделали фланговое движение, чтобы следовать за стрелками и не подставлять себя без пользы под неприятельский огонь, как вдруг я, стараясь увидеть что-нибудь в окружавшем нас облаке дыма и пыли, почувствовал, как кто-то схватился обеими руками за мою ногу и цеплялся за нее с крайними усилиями.

Я уже был готов освободить себя ударом сабли от этого крепкого объятия, как увидел молодого, замечательно краси-

вого польского офицера, который, волочась на коленях и устремив на меня свои горящие глаза, воскликнул:

— Убейте меня, убейте меня, ради бога, ради Вашей матери!

Я соскочил с лошади и нагнулся к нему. Чтобы обследовать рану, его наполовину раздели, а затем оставили, так как он не в состоянии был выдержать переноски.

Разорвавшаяся граната отрезала ему позвоночник и бок; эта ужасная рана, казалось, была нанесена острой косой.

Я вздрогнул от ужаса и, вскочив на лошадь, сказал ему:

— Я не могу помочь Вам, мой храбрый товарищ, и мой долг зовет меня.

— Но Вы можете убить меня,— крикнул он в ответ,— единственная милость, о которой я прошу Вас.

Я приказал одному из моих стрелков дать мне свой пистолет и взять себе другой в первой кобуре, которую он найдет, и, передав заряженное оружие несчастному, я удалился, отвернув голову.

Я все же успел заметить, с какой дикой радостью схватил он пистолет, и я не был от него еще на расстоянии крупа лошади, как он пустил себе пулю в лоб.

Не думаю, чтобы, оказав ему эту услугу, я совершил дурной поступок, и, что бы ни говорили ригористы, моя совесть никогда не упрекала меня за это: смерть была здесь несомненна, а мучения ужасны.

Наконец, мы вышли из сферы действия неприятельской артиллерии, и, после того, как дым рассеялся, мы увидели, что находимся на правой стороне от той позиции, которую она занимала.

(Комб)

* * *

Во все время сражения Наполеон не садился на лошадь. Он шел пешком со свитой офицеров и не переставал следить за движением на поле битвы, ходя взад и вперед по одному направлению. Говорили, что он не садился на лошадь оттого, что был нездоров. Адъютанты беспрестанно получали от него приказания и отъезжали прочь. Позади Наполеона стояла гвардия и несколько резервных корпусов. Мы были выстроены в боевой порядок, оставаясь в

бездействии и выжидая приказаний. Полковые музыканты разыгрывали военные марши, напоминавшие победные поля первых походов революции: «Allons, enfants, de la patrie», когда дрались за свободу. Тут же эти звуки не одушевляли воинов, а некоторые старшие офицеры посмеивались, сравнивая обе эпохи. Я отдал лошадь свою солдату и пошел вперед к группе офицеров, стоявших за спиной императора. Перед нами расстилалось зрелище ужасного сражения; но ничего не было видно за дымом тысячи орудий, гремевших непрерывно. В воздухе подымались густые облака одно за другими, вслед за молниями выстрелов. По временам у русских взлетали ракеты, должно быть, сигналы, но значение их было для меня непонятно. Бомбы и гранаты лопались в воздухе, образуя беловатое облачко; несколько пороховых ящиков взлетели на воздух у неприятеля, так что земля дрогнула. Такого рода случаи гораздо реже встречаются у нас, нежели у русских, потому что ящики у них дурного устройства. Я несколько придвинулся к императору, который не переставал смотреть в трубу на поле сражения. Он одет был в свою серую шинель и говорил мало. Случалось, что ядра подкатывались к его ногам; он сторонился, так же, как и мы, стоявшие позади.

(де ла Флиз)

* * *

Генерал Нури привез мне печатный приказ, который я и прочел артиллеристам и солдатам. Это был приказ об обходном движении нашей батареи: маневр, благодаря которому мы прославились. Нас называли победителями Аустерлица, Йены и Фридланда; еще одно подобное сражение здесь, и мы войдем в Москву, где найдем удобные квартиры, где будет заключен продолжительный мир, и получится, наконец, уверенность в быстром возвращении во Францию... Все кричали «Ура!»

Немного спустя генерал Нури приказал мне именем фельдмаршала поставить мою батарею на передовую линию, чтобы прикрыть ставку императора.

Я велел стать на позицию и сняться с передков. Как сейчас вижу всю картину боя: сзади и сбоку от меня стоит в полном порядке пехота Старой гвардии; в центре — пехота

Молодой гвардии; налево — кавалерия; в центре же моей батареи находился император в своей серой шинели, со скрещенными на груди руками, ходивший в большой ажитации по маленькому пространству; немного далее — офицеры с подзорными трубами в руках. Две конные батареи под командой Марена поместились налево, прикрывая собой фронт кавалерии. Моя батарея простояла таким образом до 4 часов дня. Мы слышали со всех сторон ужасную перестрелку, едва разбирая сквозь дым позицию неприятеля. Более 100 офицеров Главного штаба подбегали один за другим к императору; он выслушивал их рапорты и отсылал движением руки, ни разу не промолвив ни слова.

Я не сводил с него глаз и могу поручиться, что с самого начала битвы и до 4 часов он не покинул своего места, не отдал ни одного приказания.

(Пион де Лош)

* * *

Справа от дороги возвышался громадный редут, откуда расстреливали все, что к нему ни приближалось. Понадобились страшные усилия, чтобы его взять. Наконец, это удалось кирасирам, и тогда наши колонны высыпали на равнину. Главный резерв помещен был слева от большой дороги; боевых колонн не было видно, так как деревья и кустарник заслоняли их. Ночью войска были расставлены, а на рассвете все было уже на ногах и артиллерия начала действия с обоих флангов. Император приказал своим резервам сделать большое движение и разместил их на этот раз справа от большой дороги у глубокого оврага, где они и выстояли, не трогаясь, целый день. Здесь находилось 20 000 или 25 000 человек, отборные силы Франции; все они были в парадной форме. Наши войска делали все усилия, чтобы захватить редуты, расстреливавшие на нашем правом фланге нашу пехоту; но их все время отражали, а между тем занятие этой позиции решало победу.

Генерал проводил меня к императору. «У тебя хорошая лошадь?» — «Да, государь!» — «Скачи сейчас же и передай этот приказ Коленкуру, ты найдешь его справа отсюда, вдоль леса; ты заметишь там кирасир, которыми он командует. Возвращайся только по окончании дела».

Приезжаю, являюсь к генералу и передаю ему приказ. Он прочел и обратился к своему адъютанту со словами: «Вот приказ, которого я ждал. Трубите, чтобы садились на лошадей, и зовите сюда полковников». Они прибыли верхами и стали в круг. Коленкур прочел им приказ, чтобы редуты были взяты, распределил, кому какой редут брать, и прибавил: «Я беру на себя второй. Вы, офицер штаба, следуйте за мной и не теряйте меня из виду».— «Слушаю, генерал!» — «Если я паду, то Вы, полковник, примите командование. Редуты надо брать при первой же атаке». Затем он обратился ко всем полковникам: «Вы слышали мои слова, становитесь во главе своих полков. Гренадеры нас ждут. Не терять ни минуты! За мной рысью, а как только подойдем на ружейный выстрел — галопом. Гренадеры атакуют с фронта».

Кирасиры понеслись вдоль леса и ринулись на редуты с задней стороны, тогда как гренадеры устремились к валу. Кирасиры и гренадеры врассыпную сражались с русскими. Храбрый Коленкур упал подле меня, убитый наповал. Я присоединился к старому полковнику, принявшему на себя начальствование, и все время не выпускал его из виду. Атака кончена, и редуты в наших руках. Старый полковник говорит мне: «Поезжайте, скажите императору, что победа наша. Я сейчас отправлю ему штаб-офицеров, взятых в плен на редутах».

Все силы русских двинулись на помощь к этим редутам, но маршал Ней расстреливал их с их правого фланга. Я поскакал галопом через поле битвы, видел, как ядра взрывали поле, и не надеялся выбраться оттуда. Подъехав к императору, соскакиваю с лошади, подхожу к нему, снимаю шляпу и тут замечаю, что у нее недостает заднего угла. «Ну,— сказал император,— ты дешево отделался».— «Я и не заметил этого; редуты взяты, генерал Коленкур убит».— «Ах, какая потеря!» — «К Вам сейчас приведут много офицеров».

Император потребовал свою медвежью шкуру; он находился в это время на склоне оврага в полулежачем положении. Сюда привели взятых в плен офицеров, сопровождаемых гренадерской ротой. Их разместили в порядке их чинов. Император обошел их и спросил, не сделали ли им солдаты чего дурного; они ответили, что ни один солдат не задевал их. Старый гренадер выходит из строя и говорит, передавая

оружие императору: «Я взял в плен этого старшего офицера». Император выслушал гренадера, спросил его имя и затем задал вопрос: «А что сделал твой капитан?» — «Он первым вошел на третий редут». Обращаясь к капитану, император говорит: «Я назначаю тебя батальонным командиром, твои офицеры получат по кресту. Капитан! — закончил он.— Скомандуй им равнение направо и отправляйтесь все на поле чести».— «Да здравствует император!» — кричат они и быстро несутся к своему знамени. Ночь мы провели на поле битвы, а на другой день император приказал подобрать раненых. Зрелище, которое мы увидали, привело нас в дрожь; русские ружья покрывали землю; около их громадных походных госпиталей лежали груды трупов; кучей лежали части тела, оторванные от туловища. Мюрат преследовал русских так энергично, что они сжигали всех своих раненых; мы видели их обуглившиеся тела. Вот как преступно обращаются они с солдатом.

(Куанье)

* * *

Странное и удивительное явление — современный бой: две противные армии медленно подходят к полю сражения, открыто и симметрично располагаются друг против друга, имея в 140 шагах впереди свою артиллерию, и все эти грозные приготовления исполняются со спокойствием, порядком и точностью учебных упражнений мирного времени; от одной армии до другой доносятся громкие голоса начальников; видно, как поворачивают против вас дула орудий, которые вслед затем понесут вам смерть и разрушение; и вот, по данному сигналу, за зловещим молчанием внезапно следует невероятный грохот — начинается сражение.

В течение нескольких часов обе армии остаются неподвижны, одна только артиллерия говорит и действует; число орудий и меткость стрельбы — вот что дает первый успех; тот, кто подобьет более орудий, тот, кто, произведя в линиях противника более опустошений, внесет в ряды его более ужаса, тот и вынудит своего противника к отступлению.

Нужно отдать справедливость французской артиллерии, что она превосходила артиллерию других государств живостью и меткостью огня, что признавалось всей Европой.

После нескольких часов оживленной канонады, потому ли, что неприятель заметил некоторое замешательство в наших рядах, или наше нетерпение нашло этот обмен снарядами слишком продолжительным, но только мы перешли в наступление, и наша пехота атаковала редут, расположенный посреди равнины и посылавший нам смертоносный огонь. Этот редут, ключ поля сражения, был блистательно атакован и столь же мужественно обороняем. Вся местность перед редутом была завалена телами французов, а сам редут и местность позади — телами русских. На этом пункте русские переходили несколько раз в наступление, но новая атака в штыки заставила их отступить. Тела убитых затрудняли движение сражающихся, они ходили по крови, которую насыщенная земля отказывалась поглощать.

Наконец, император, утомившись сопротивлением и чувствуя, что от успеха на этом пункте поля сражения зависит успех дня, приказал пехоте отступить, что было принято русскими с торжеством: они думали, что мы уже сдались перед их сопротивлением, и уже было восхваляли победу. Но напрасно, так как пехота была заменена лишь кавалерией, в составе всех почти кирасирских полков армии, в числе до 15, считая в том числе саксонцев и полк голландцев. Мгновенно развернутая, эта железная линия, предводимая Мюратом, понеслась в атаку. Ничто не устояло, все было опрокинуто, пройдено и взято (т. е. только до оврага). 5-й кирасирский полк, бывший фронтом к редуту, перешел ров, взобрался на небольшой вал и ворвался в редут, рубя и давя пехоту своими конями.

Мы продолжали нашу атаку на равнине вплоть до артиллерии, поддерживаемой русскими кирасирами и драгунами. Доскакав до них, мы были поражены их неподвижностью, не понимая, почему неприятельская кавалерия не вынеслась перед своей артиллерией, для ее защиты и для встречи нашей конницы; только очутившись в 100—110 шагах от русской артиллерии, мы поняли, в чем дело, ибо причина стала ясна — это условие местности, что не могло быть нами принято в соображение. Та часть России, по которой мы двигались, представляла из себя равнину, частью покрытую лесами, но никакие возвышения не представлялись взору, а между тем на пути было немало крутых спусков и подъемов.

Обстоятельство это объясняется тем, что равнины эти (т.е. равнины для глаз) изборождены оврагами, которые только тогда и заметишь, когда они уже у вас под ногами, и подобный же овраг находился теперь перед линией русского расположения, играя роль рва и вала, которые и помешали нам атаковать эту линию. Доказывая наше желание видеть русскую армию поближе, мы спустились в овраг, с целью выскочить на противоположный берег, но дно оврага оказалось болотистым, передовые лошади в нем завязли, и нам волей-неволей пришлось вернуться обратно и стать в боевом порядке фронтом к неприятелю, по сю сторону оврага и на краю его.

В подобных условиях расположения мы очутились в 100 шагах от русских орудий, которые не замедлили встретить нас беглым огнем. Признаюсь, редко когда приходилось мне переживать подобную передрягу. Во время атаки, которая к тому же и не может быть продолжительной, каждый всадник, находясь в оживлении, наносит удары, отражает, если может, ему наносимые, вообще, тут существует движение, действие, борьба человека с человеком, но в данном случае было нечто совсем другое. Неподвижно стоя перед русскими, мы отлично видели, как орудия заряжались теми снарядами, которые должны были лететь в нашу сторону, и как производилась наводка орудий наводчиками; требовалось известное хладнокровие, чтобы оставаться в этом неподвижном состоянии. К счастью, вследствие ли взволнованного состояния прислуги или плохой стрельбы, или по причине близости расстояния, но только картечь перелетала наши головы в нераскрытых еще жестянках, не успев рассыпаться и рассеяться своим безобразным веером.

Долго простояли мы здесь, ожидая пехоты.

Наконец, подошла вестфальская дивизия и стала позади нас, отделенная от русских двумя шеренгами наших лошадей, совершенно нами прикрытая, но когда поворотом «повзводно направо» мы открыли интервалы между взводами, по которым пехота могла бы пройти вперед, стать перед нами и вступить в бой, то бедные вестфальцы, наполовину рекруты, изумленные подобной близостью орудий, а также и под впечатлением того обстоятельства, что мы собираемся отходить, начали кричать: «Wir bleiben nicht hier! Wir bleiben

nicht hier!» — и пожелали присоединиться к нашему отступательному движению.

Это обстоятельство вынудило нас вернуться, чтобы поддержать или, вернее, успокоить пехоту, по пятам которой шли наши лошади. Этим маневром мы продвинули пехоту эту к краю оврага, в который и заставили ее спуститься на несколько шагов, с расчетом укрыть людей от огня русской артиллерии, которая не могла уже теперь действовать вниз оврага. Эта пехота из оврага немедленно открыла огонь по артиллерии и прикрывающей ее кавалерии. Тогда русской артиллерии и кавалерии, очутившейся в 85 шагах под огнем пехоты вестфальцев, только и оставалось, что отойти назад и дать место своей пехоте, которая и завязала ружейный огонь с вестфальцами. Нас отодвинули назад, чтобы вывести из сферы ружейного огня.

(Тирион)

* * *

В два часа мы получили приказ продолжать наше движение вперед. Мы перешли речку, очевидно, Семеновку, в таком месте, где виднелись заметные следы прохода значительного отряда кавалерии. Но в то время, когда мы взбирались на холм по ту сторону оврага, нас вдруг окутала настоящая тьма пыли. Одновременно с этим ужасный крик, вырвавшийся из тысяч грудей, покрыл собой грохот орудий, чьи снаряды врывались в наши колонны. И когда эта пыль стала рассеиваться, мы увидели, что большой центральный редут только что был взят и что французская кавалерия неслась уже на другую сторону его, непрестанно рубя русских, которые все еще бились, хотя уже отступали.

Нас поставили позади редута. Очевидно, нас предназначили поддерживать, а в случае надобности и сменить этих первых атакующих. Они выиграли дело, но какой ценой! Редут и его окрестности представляли собой зрелище, превосходившее по ужасу все, что только можно было вообразить. Подходы, рвы, внутренняя часть укреплений,— все это исчезало под искусственным холмом из мертвых и умирающих, средняя высота которого равнялась шести-восьми человекам, наваленным друг на друга. Перед моими глазами так и встает лицо одного штабного офицера, человека средних лет, ле-

жавшего поперек русской гаубицы, с огромной зияющей раной на голове. При мне уносили генерала Огюста де Коленкура; смертельно раненный, он был обернут в кирасирский плащ, весь покрытый огромными красными пятнами. Тут лежали вперемешку пехотинцы и кирасиры, в белых и синих мундирах, саксонцы, вестфальцы, поляки. Среди последних я узнал друга, эскадронного командира Яблонского, красавца Яблонского, как его звали в Варшаве!

(Брандт)

* * *

В 6 часов утра пушечный выстрел гвардейской артиллерии является сигналом начала боя. 120 жерл начинают действовать с нашего правого фланга. Наш полк спускается в овраг и взбирается по другую его сторону по линии сражения; трудный утомительный путь, особенно когда гранаты разрываются над нашими головами и несут смерть в наши ряды. Пока мы маршируем, все другие части армии производят свое движение. В 8 часов наш полк взобрался на холм и перешел Колочу, маленькую речку, впадающую в Москву-реку и отделяющую нас от русских. Не доходя на 10 футов до уровня равнины, скрытой гребнем оврага, мы строимся в боевую линию, и генерал Моран ведет нас на большую неприятельскую батарею. Объезжая линию, чтобы ободрить солдат, генерал подъезжает и к моему отряду и, видя, что я серьезно ранен, говорит мне: «Капитан, Вы не можете идти, отойдите к страже знамени». Я отвечаю: «Генерал, этот день слишком привлекателен для меня: я хочу разделить несомненную славу полка».— «Узнаю Вас»,— сказал генерал, пожимая мне руку, и продолжал объезд боевой линии среди сыпавшихся со всех сторон ядер. Наш полк получает приказ идти вперед. Мы достигаем гребня оврага и уже находимся на расстоянии половины ружейного выстрела от русской батареи. Она осыпает нас картечью, ей помогают несколько прикрывающих ее батарей, но мы не останавливаемся. Я, несмотря на раненую ногу, прыгаю, как и мои стрелки, перескакивая через ядра, которые катятся среди наших рядов. Целые ряды, полувзводы падают от неприятельского огня, оставляя пустые пространства. Стоящий во главе 30-го

полка генерал Бонами приказывает нам остановиться и под пулями выстраивает нас, а затем мы снова идем.

Русская линия хочет нас остановить; в 30 шагах от нее мы открываем огонь и проходим. Мы бросаемся к редуту, взбираемся туда через амбразуры, я вхожу туда в ту самую минуту, как только что выстрелили из одного орудия. Русские артиллеристы бьют нас банниками, рычагами. Мы вступаем с ними врукопашную и наталкиваемся на страшных противников. Много французов вперемешку с русскими падает в волчьи ямы. Я защищаюсь от артиллеристов саблей и убиваю нескольких из них. Солдаты были до того разгорячены, что перешли редут шагов на пятьдесят. Но другие полки, имевшие свои схватки с русскими, не последовали за нами, и нам помогает только один батальон 13-го легкого. Мы вынуждены отступить и пройти через редут русскую линию, успевшую оправиться, и через волчьи ямы. Полк наш разгромлен. Мы снова строимся перед редутом, все под пулями неприятеля, и пытаемся сделать вторую атаку, но без поддержки нас слишком мало, чтобы иметь успех. Мы отступаем, имея 11 офицеров и 257 солдат — остальные убиты или ранены. Храбрый генерал Бонами, все время сражавшийся во главе полка, остался в редуте: он получил 15 ран и взят русскими в плен.

Я участвовал не в одной кампании, но никогда еще не участвовал в таком кровопролитном деле и с такими выносливыми солдатами, как русские. Вид мой был ужасен: пуля сорвала с меня кивер; полы моего платья остались в руках русских солдат во время моей рукопашной схватки с ними; повсюду у меня были ссадины, а рана моей левой ноги причиняла мне сильные страдания. После нескольких минут отдыха на площадке, где мы снова выстраиваемся, я ослабел от потери крови и падаю без сознания. Мои стрелки приводят меня в чувство и относят в госпиталь, где в то время перевязывали раненного в подбородок генерала Морана. Он узнает меня, пожимает мне руку и, когда перевязка его сделана, делает знак хирургу, чтобы он оказал мне помощь. Подходит доктор, исследует мою рану. «Счастливое поранение»,— говорит он и вынимает осколки. Затем, наложив первоначальную повязку, он велит мне отправиться в госпиталь в Колоцкий монастырь, где собраны тысячи раненых, но среди них

из 30-го мало: они остались в редуте. Я вхожу в палату; 27 офицеров полка, из них 5 ампутированных, лежат на соломе или на полу и нуждаются решительно во всем. В госпитале находится 10 000 с лишком раненых; ими полны все помещения монастыря.

Мой верный солдат, уцелевший среди резни, идет вечером на поле сражения, чтобы отыскать меня; товарищи говорят ему, что я в госпитале, и он является туда, ведя моих лошадей. Ему и нескольким моим товарищам обязан я своей жизнью: они так энергично добывали мне пищу. Я платил за яйцо 4 франка, за 1 фунт говядины — 6 франков и за трехфунтовый хлеб — 15 франков. К счастью, у меня имелись 400 франков, присланные мне в госпиталь моими начальниками.

На другой день в госпиталь пришло несколько легкораненых солдат из 30-го полка. Заметя меня, один из моих стрелков воскликнул: «Боже мой, капитан! А говорили, что Вы убиты. Как я рад Вас видеть. Почему, черт возьми, Вы не удовольствовались одной Вашей раной?»

Это выражение участия, которое я всегда видел со стороны своих служащих, заставило меня на минуту позабыть свое печальное положение. Тот же стрелок сообщил мне, что мой поручик убит, а подпоручик тяжело ранен, мой фельдфебель, 3 унтер-офицера, 6 капралов и 57 солдат убиты и что из всей моей роты осталось только 5 человек. Из 4100 человек полка уцелело всего триста.

(Франсуа)

* * *

7 сентября. Сигнал был дан около 7 часов, и 300 наших пушек немедленно открыли пальбу по такому же приблизительно числу русских орудий, ядра которых с не поддающимся описанию шумом и свистом бороздили наши ряды. К несчастью, в этот роковой момент начала сражения наши резервы, даже кавалерии, стояли на слишком близкой позиции и из гордости, или скорее, чтобы не подать повода к фальшивой тревоге, не захотели отступить хотя бы на несколько сотен шагов, где бы могли укрыться и избежать бесполезных потерь. Мы были свидетелями, как тысячи храбрых всадников и крайне нужных нам лошадей гибли без всякой пользы для армии.

Стоявшая влево от нас дивизия Дельзона корпуса вице-короля храбро атаковала и взяла деревню Бородино. Принц Евгений не верил, чтобы атака эта кончилась успешно, и приказал только взять Бородино. Но 106-й полк, увлеченный победой, перешел вслед за русскими по мельничному мосту через речку Колочу и продолжал их преследовать в то время, как они поднимались на высоты укреплений деревни, закрытой длинной насыпью реданов. Скакавшие не переводя духу солдаты этого полка при подъеме на крутой косогор отделились от колонны, которая еще только переходила мост.

Генерал Плозонн, заметя это расстройство и зная в то же время, что эта атака не была подготовлена и не будет поддержана, приказал 106-му полку остановиться, выстроиться и приготовиться отразить нападение русской колонны, спускавшейся к нам сверху. Генерал Плозонн был в ту минуту убит. Немедленно среди его солдат произошло замешательство, которым и воспользовались русские, так что в живых остались лишь немногие из этих храбрецов.

Между тем к ним на помощь пришел 92-й полк, и Бородино осталось за нами, несмотря на все старания русских его отбить.

Как участник в этом деле, я докладывал императору о его подробностях, когда маршал Ней овладел высотами, где во всю их длину были устроены редуты, стояла артиллерия, громившая наши ряды. Маршал был прекрасен: спокойно стоял он на парапете одного из редутов и командовал сражавшимися, толпившимися у его ног и терявшими его из виду лишь в те моменты, когда его заволакивали густые клубы дыма. В нескольких шагах оттуда ядро только что сразило нашего блестящего генерала Монбрена. Принц Экмюльский продолжал отстаивать занятые им редуты, откуда неприятель старался его вытеснить. Мне было поручено передать ему грустное известие, что князь Понятовский, который, маневрируя слева, должен был обойти с польским корпусом левый фланг русских и произвести среди них замешательство, не мог этого сделать, так как встретил препятствие в слишком частом и болотистом лесу.

В эту минуту положение маршала было на самом деле критическое, так как хотя кавалерия короля Мюрата и при-

крывала впереди равнину и довольно удачно атаковала русскую кавалерию, но страшный огонь сыпался на его войско со стороны русской пехоты и артиллерии. Он был ранен в руку, но продолжал командовать, а его начальника штаба генерала Ромефа пуля пронзила в то время, как он говорил с нами. Смущенный тем, что приходилось брать с фронта позицию, которая по его предложению должна была быть сразу атакована с трех сторон, маршал сказал мне с досадой: «Черт возьми, хотят, чтобы я взял быка за рога».

Я поскакал к королю Мюрату, чтобы указать на затруднительное положение Даву, и тот немедленно выстроил значительную часть своей кавалерии в подкрепление дивизии генерала Фриана, которому я доставил приказ взять Семеновское. Я увидел, как моментально равнина покрылась бесчисленной кавалерией; русские, казаки, французы, союзники сплетались самым прихотливым образом, и, наконец, после получасового боя поле осталось за французами, которые заняли Семеновское, превращенное во время схватки в пепел.

Эту радостную весть я повез императору. Когда я подъехал к нему, он с живым интересом следил за этим зрелищем, самым поразительным в этот день. Было, вероятно, 3 часа.

Русская артиллерия продолжала наносить большие потери нашим рядам из большого центрального редута. Императору было необходимо овладеть этим редутом, и соответственные приказы были посланы генералу Жерару, пехота которого стояла у подошвы возвышения, а королю Мюрату было поручено поддержать атаку Жерара многочисленным корпусом кавалерии. Генерал Беллиар, его начальник штаба, отдал приказ Коленкуру, уловив момент, когда инфантерия Жерара начнет подниматься на холм к редуту, немедленно выстроиться в колонну, имея во главе 4 кирасирских и 2 стрелковых полка, и вести колонну рысью направо, немного объехать редут как бы с намерением атаковать корпус русской кавалерии, стоявшей на равнине справа, и, дав пехоте время подняться на холм, внезапно пуститься галопом влево ко входу в редут и войти туда в момент, когда Жерар будет готов напасть на парапеты; таким образом неприятель будет обойден с тылу и поставлен между двух огней.

Коленкур понял и прекрасно выполнил этот маневр, поразивший неприятеля. В мгновение ока внутренность этого

огромного укрепления была заполнена кирасирами, и артиллеристы неожиданно перебиты возле своих орудий кавалеристами; в то же время пехота проникла через амбразуры и парапеты.

Генерал Кутузов, считавший этот редут как бы ключом всей позиции, немедленно, чтобы нас оттуда вытеснить, велел направить на этот пункт 100 пушечных жерл, а значительная избранная колонна русских гренадер, спрятанная позади редута в овраге, полезла отбивать редут штурмом.

В эту минуту не перестававший дуть сильный ветер поднял на редуте огромный столб пыли и дыма, доходивший чуть не до облаков и в котором чуть не задохлись люди и лошади, и эта густая туча все росла благодаря ожесточенной схватке. Наконец, когда дым рассеялся, мы отбросили русскую колонну в овраг. Редут был наш. Артиллеристы лежали убитые у своих орудий; нам достались 30 пушек, так как неожиданность и быстрота натиска нашей кавалерии не дали неприятелю времени их вывезти. В плен были взяты: один генерал Лихачев, несколько полковников и много других военных.

Со своей стороны мы понесли тяжкую потерю в лице генерала Коленкура, убитого при нашем вступлении в редут, и многих других достойных офицеров.

Я смотрел на всю эту картину еще и глазами живописца. Очень эффектно выделялись столбы пыли и серебристого дыма. Вот осколок гранаты разбил бочонок с дегтем, которым русские смазывают оси орудий и повозок, и немедленно багровое пламя полилось по земле, извиваясь, как рассерженная змея, и поднялось вверх, сливаясь с облаками и отбрасывая на землю темные пятна. Проживи я еще 100 лет, и то никогда не забуду этой трепетной картины.

Довольный этой удачей, а также успехом генерала Фриана и других дивизий маршала Даву, император решил, что наступил момент пустить в дело всю гвардию, чтобы завершить победу. Внутренний голос нашептывал ему, что Париж остался за 800 лье, что перед ним Москва. Мысль вступить в этот город с торжеством победителя, казалось, оживила его взор, и он сказал мне: «Отыщите Сорбье; пусть он поставит всю артиллерию моей гвардии на позицию, занятую генералом Фрианом, куда вы с ним поедете; он развернет 60 ору-

дий под прямым углом над неприятельской линией, чтобы раздавить ее с фланга, а Мюрат его поддержит. Идите».

Я мчусь галопом к горячему генералу Сорбье. Он не верит мне, едва дает мне время объясниться и нетерпеливо отвечает: «Мы должны были это сделать более часа тому назад»,— и велит следовать за ним рысью. Немедленно вся эта внушительная масса орудий с лязгом цепей и звоном подков 2000 лошадей спускается, пересекает долину, поднимается по отлогому скату, где неприятель устроил укрепления, находящиеся теперь в наших руках, и пускается галопом, чтобы занять пространство, где бы они могли развернуться.

Далеко впереди себя на равнине я вижу короля Мюрата, гарцующего на лошади среди своих стрелков, гораздо менее занятых им, чем многочисленные казаки, которые узнали его, вероятно, по султану, по его бравурности, а главное по его короткому плащу с длинной козьей шерстью, как у них. Они рады ему, окружили его с надеждой взять и кричат: «Ура! Ура! Мюрат!» Но приблизиться к нему никто не смел, а несколько наиболее дерзких он ловко сразил острым лезвием своей сабли. Когда я принес ему приказ, король Мюрат покинул линию стрелков, чтобы поспешить на помощь Сорбье. Его движение казаки приняли за бегство или отступление и бросились за нами. Моя лошадь, не такая быстрая, как прекрасный арабский скакун Мюрата рыжей масти, была задета мчавшимся галопом орудием. Удар ранил и опрокинул животное, но оно встало, не выбив меня из седла, и я помчался к Сорбье, в самый пыл сражения, откуда на неприятельскую линию по всей ее длине посыпался град картечи, ядер и гранат. Тщетно неприятельская кавалерия пыталась разбить эту линию орудий. Кавалерия Мюрата сильно ей мешала своими блестящими атаками, о которых историки не преминут упомянуть.

Их укрепленная позиция, которую они считали неприступной, осталась в наших руках.

Я поехал к императору доложить о подробностях.

День клонился к вечеру. Дорогой ценой купили мы успех на всех пунктах, но не было никаких доказательств тому, чтобы и на следующий день бой не возобновился.

Когда я прибыл к императору, он уже имел время убедиться в благотворной деятельности артиллерии своей гвар-

дии и колебался, не повторить ли ее выступление, прибавив блестящую колонну гвардейской кавалерии (чего многие из нас очень желали).

В это время к нему привезли пленного русского генерал-лейтенанта. Поговорив с ним очень вежливо несколько минут, император сказал одному из свиты: «Принесите мне его шпагу». Немедленно была принесена русская шпага, которую император любезно вручил генералу со словами: «Возвращаю Вам Вашу шпагу». Случайно оказалось, что это не была шпага того генерала, и он, не понимая, что было почетного в предложении императора, отказался ее принять. Удивленный такой нетактичностью генерала, Наполеон пожал плечами и, обращаясь к нам, сказал настолько громко, чтобы тот слышал: «Уведите этого глупца».

Между тем сражение, казалось, замирало; заметно стихал гул артиллерийских орудий, солнце близилось к закату.

Скоро ночь стала очень темной. Мало-помалу по той и другой линии зажглись огоньки чересчур многочисленные, чтобы можно было сомневаться в важности следующего дня.

В ожидании простого обеда, который должен был подкрепить наши силы, я мысленно подводил итоги всему виденному за этот день. Сравнивая это сражение с другими, бывшими при Ваграме, Эслинге, Эйлау, Фридланде, я удивлялся тому, что сегодня мы не видели, чтобы император проявлял, как раньше, ту энергию, которая решала нашу победу. Он только приехал на поле сражения и сел поблизости от своей гвардии на холме, откуда ему все было видно и над которым пролетело много пуль.

Возвращаясь из всех своих поездок, я неизменно находил его на этом месте. Он сидел все в одной и той же позе, с помощью карманной зрительной трубы наблюдал за всеми движениями армии и с невозмутимым спокойствием отдавал свои приказания.

Мы не имели счастья видеть его таким, как прежде, когда одним своим присутствием он возбуждал бодрость сражающихся в тех пунктах, где неприятель оказывал серьезное сопротивление и успех казался сомнительным. Все мы удивлялись, не видя этого деятельного человека Маренго, Аустерлица и т. д. и т. д. Мы не знали, что Наполеон был болен и что только это не позволяло ему принять участие в вели-

ких событиях, совершавшихся на его глазах единственно в интересах его славы. Между тем татары из пределов Азии, сто северных народов, все народы Адриатики, Италии, Калабрии, народы Центральной и Южной Европы — все имели здесь своих представителей в лице отборных солдат. В этот день эти храбрецы проявили все свои силы, сражаясь за или против Наполеона; кровь 80 000 русских и французов лилась ради укрепления или ослабления его власти, а он с наружным спокойствием следил за кровавыми перипетиями этой ужасной трагедии.

Мы были недовольны, суждения наши были суровы.

(Лежен)

ПОСЛЕ БИТВЫ

С поля сражения Наполеон отправился в бивак, в котором провел предшествующую ночь. Усталый и сильно страдая от насморка, он нуждался в отдыхе и уходе. Однако и эту ночь он провел в палатке, что увеличило его недомогание, и он совершенно потерял голос. На рассвете я явился в императорский бивак, чтобы узнать новости и получить инструкции от обер-шталмейстера. Перед палаткой, занятой Наполеоном, был разведен большой костер, вокруг которого грелись дежурные офицеры. Вскоре подошел к нам погреться неаполитанский король; он справился о здоровье императора и о том, можно ли его видеть. Несколько минут спустя явился маршал Ней. Оба героя сражения дружелюбно поздоровались друг с другом, и король сказал маршалу:

— Вчера был жаркий день, я никогда не видел сражения с таким артиллерийским огнем. При Эйлау не меньше стреляли из пушек, но то были ядра, а вчера обе армии так близко стояли друг от друга, что почти все время стреляли картечью.

— Мы не разбили яйца,— возразил маршал.— Потери неприятеля должны быть громадны, и нравственно он должен быть страшно потрясен. Его надо преследовать и воспользоваться победой.

— Он, однако, отступил в полном порядке,— заметил король.

— Просто не верил этому,— возразил маршал.— Как это могло быть после такого удара?

Тут этот интересный разговор был прерван, так как император позвал к себе маршала.

Утром Наполеон сел на лошадь и в сопровождении многочисленной свиты, среди которой был и я, отправился на поле вчерашней битвы и сделал смотр разным корпусам, так храбро на нем сражавшимся. Я заметил значительное уменьшение в составе наших батальонов, так что некоторые, на мой взгляд, не насчитывали в своих рядах и 100 человек. Эта громадная потеря не может быть приписана исключительно гибели солдат в сражении; многие из солдат были посланы подбирать раненых и относить их в госпитали, другие были отправлены добывать припасы по окрестным деревням.

Подъехав к маленькой дотла сожженной деревне, мы увидели, что земля была сплошь покрыта убитыми; попадались целые ряды московских гвардейцев — это были полки Семеновский и Литовский, совершенно разгромленные.

Оттуда мы направились к Бородину вдоль высот, где была выстроена русская армия. Они также были покрыты трупами. Мы заметили, что по всей линии в общем на 1 убитого француза приходилось 3 русских, и это может дать понятие о пропорциональности потерь обеих армий, тем более что мертвых еще не успели похоронить и они лежали там, где пали. Что касается наших раненых, то под центральный госпиталь был приспособлен Колоцкий монастырь. Этот обширный монастырь, расположенный всего в 8 верстах от поля сражения, мог вместить большое их число. С появлением на поле сражения Наполеона этот долг гуманности был исполнен и по отношению к русским раненым; он сам указывал, кого из них следовало перенести, по мере того как он их находил или до него доносились их стоны. Постепенно он разослал всех офицеров своего штаба, чтобы ускорить дело и оказать этим раненым быструю помощь. Наполеон принимал в них самое горячее участие, и я видел, как его глаза не раз наполнялись слезами. Бесстрастный и спокойный во время сражения, он был гуманен и чувствителен после победы.

(Солтык)

* * *

Бородино, 8 сентября. Еще одна ужасная ночь! Проведя предыдущую в грязи, истребив, несмотря на всю нашу бережливость, весь провиант до последней крохи, мы остались без продовольствия: нечего есть, нечего пить. Колоча, куда многие кидались, чтобы избегнуть резни, запружена трупами; вода окрашена кровью. Нам пришлось расположиться среди мертвецов, стонущих раненых и умирающих. Усталые и изнуренные, мы не можем помочь им. Наконец, погода, прекрасная в течение всего дня, с наступлением ночи стала сырой и холодной. Большинство полков осталось без огня, его разрешили зажечь только в полночь, когда усталым людям, умирающим от голода, не оставалось другого средства от страданий, как согреться!

Утром мы были изумлены: русская армия исчезла. Какое грустное зрелище представляло поле битвы! Никакое бедствие, никакое проигранное сражение не сравняется по ужасам с Бородинским полем, на котором мы остались победителями. Все потрясены и подавлены. Армия неподвижна; она теперь больше походит на авангард. Многие солдаты отправляются в окрестности искать пропитания или дров; другие стоят на часах, а некоторые, наконец, заняты подачей помощи и переноской раненых. Несчастных отправляют или в Колоцкий монастырь, в 4 верстах от поля битвы, или в соседние дома. Но места для всех не хватает.

Часть утра Наполеон употребил на осмотр вчерашних русских позиций.

Решительно ни на одном поле сражения я не видал до сих пор такого ужасного зрелища. Куда ни посмотришь, везде трупы людей и лошадей, умирающие, стонущие и плачущие раненые, лужи крови, кучи брошенного оружия; то здесь, то там сгоревшие или разрушенные дома.

Огромная площадь трех главных редутов взрыта ядрами; на ней виднеются тела, разбросанные члены, глубокие ямы, вырытые снарядами, с погребенными на дне их трупами. Ясно видны те места, где разорвавшимся снарядом разбиты лафеты пушек, а кругом убиты все — люди и лошади. В некоторых местах битва была такой ожесточенной, что трупы нагромождены там кучами. Солдаты роются не только в мешках, но и в карманах убитых товарищей, чтобы найти ка-

кую-нибудь пищу. Говорят, что Наполеон велел переворачивать трупы офицеров, чтобы определить, чем они убиты. Почти все изранены картечью. Трудно представить себе что-нибудь ужаснее внутренних частей главного редута. Кажется, что целые взводы были разом скошены на своей позиции и покрыты землей, взрытой бесчисленными ядрами. Тут же лежат канониры, изрубленные кирасирами около своих орудий; погибшая тут почти целиком дивизия Лихачева, кажется, и мертвая охраняет свой редут.

Иногда под кучами мертвецов завалены раненые, призывов и стонов которых никто не услыхал в течение ночи. С трудом извлекают некоторых из них. Одежда и оружие, все покрыто грязью и кровью; штыки согнулись от ударов по лошадям.

Пасмурное небо гармонирует с полем битвы. Идет мелкий дождь, дует резкий однообразный ветер, и тяжелые, черные тучи тянутся на горизонте. Всюду угрюмое уныние.

Не один император объезжает поле сражения; генералы, офицеры, солдаты, движимые любопытством, молча бродят везде, осматривая с изумлением каждый кусочек земли. Они смотрят друг на друга, как бы изумляясь, что еще живы. Незнакомые начинают разговаривать, каждому хочется рассказать, что с ним случилось за этот день. Вокруг рассказчиков образуются кружки слушателей; разговор оживляется, и картинные рассказы несколько оживляют это унылое место.

(Ложье)

* * *

Я возвращаюсь к Главной квартире, где мы еще находились 8-го числа. В то время как мы отдыхали, около 12 часов дня поднялась тревога: многочисленный отряд казаков, отделившись от русской армии, по ошибке приблизился к нам. Достаточно было небольшой демонстрации, чтобы заставить их повернуть обратно и рассеяться; через час после этого Наполеон сел на лошадь, сопровождаемый своим штабом, и объехал поле битвы. Я следовал за ним, и мне приходили на ум самые горькие размышления об ужасных результатах недоразумений между земными царями. Целыми линиями русские полки лежали распростертые на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем от-

ступить хоть на один шаг. В этих грустных местах Наполеон собирал все сведения и приказывал замечать даже номера на пуговицах мундиров, чтобы знать, какие части действовали со стороны неприятеля. Эти сведения нужны были ему для его бюллетеней. Но что его занимало больше всего, это забота о раненых. Он приказал перенести их в соседний обширный монастырь, который был обращен в госпиталь. Вслед за ним вошли мы в тот самый большой редут, взятие которого стоило крови стольких славных жертв. Двое из нас не последовали за Наполеоном, это Коленкур и Канвилль; проливая слезы, они отвернулись от этого печального места, в котором лежали славные останки их братьев. Скорбь их была вполне понятна.

(Боссе)

* * *

При наступлении утра 8 сентября я прошелся по полю битвы; я увидел, что во многих местах трупы были навалены один на другой; текли ручьи крови; поле было все осыпано ядрами и картечью, точно градом после сильной бури; в местах, которые больше подверглись огню, особенно против нашей батареи, ядер, осколков гранат и картечи было такое множество, что можно было подумать, что находишься в плохо убранном арсенале, где разбросали кучи ядер и рассыпали картечь. Я не мог постичь, каким образом хоть один человек мог уцелеть здесь. Я еще больше удивился, подойдя к рвам; здесь была такая масса гранат, что, не видавши, невозможно себе это представить!

Признаюсь, что первая моя мысль при виде всего этого хаоса была, что я нахожусь в каком-то складе; ничего подобного я раньше не видал и не мог уверить себя, что все это произошло! Я стоял, как только что проснувшийся человек, который не верит своим собственным глазам; я оплакивал несчастных раненых, которые по какому-то инстинкту забрались в эти рвы, где они хоть немного были защищены от ветра. Эти несчастные, не получая помощи, молили как милости, чтобы их прикончили. Их было такое огромное количество, что походных госпиталей не хватало; кто не мог до них дотащиться, тот оставался на поле битвы, подвергаясь опасности быть раздавленным ногами лошадей и колесами фурго-

нов. Почти все они погибли или от ран, или же от голода. Я видел французского солдата, ему оторвало ногу ядром, но она еще немного держалась на коже, и он сам отрезал ее своей саблей, чтобы она не мешала ему доползти до какого-нибудь места, где он мог бы умереть спокойно, не рискуя быть растоптанным ногами. Он дополз до маленького костра, который зажгли мне солдаты; я велел насколько только возможно удобнее поместить его; другие раненые увидали это и также поползли ко мне. Я видел русского сержанта с двумя оторванными ногами, он говорил немного по-французски: он был пленником во Франции и присутствовал при свидании в Тильзите. Вскоре мой бивак был настолько переполнен ранеными, что мне пришлось покинуть его и искать другого убежища. Мои слуги и вестовые сердились на мою доброту и унесли с собой то небольшое количество дров, которые они разыскали, и несчастные вновь остались без всякого утешения.

Я продолжал ходить по полю битвы и осматривать позиции. Я убедился, что атака нашим левым крылом была бы невозможна и что если бы мы попытались это сделать, то погибель наша была неизбежна. Пока я продолжал мой обход и делал свои наблюдения, мой повар отрезал кусок конины и приготовил мне жаркое к моему возвращению, он сварил еще кашу, которая должна была заменить мне хлеб. Все это я нашел очень вкусным и ел с большим аппетитом.

(Вионне де Маренгоне)

* * *

Нам приказано было расположиться на этом самом месте, посреди умирающих и мертвых. У нас не было ни воды, ни дров, зато в патронницах у русских найдена была водка, каша и иная провизия. Из ружейных прикладов и обломков нескольких фургонов удалось развести огни, достаточные для того, чтобы поджарить конину — основное наше блюдо. Для варки супа приходилось снова спускаться за водой к речке Колоче. Но вот что было ужаснее всего: около каждого огня, как только блеск его начинал прорезывать мрак, собирались раненые, умирающие,— и скоро их было больше, чем нас. Подобные призракам, они со всех сторон двигались в полумраке, тащились к нам, доползали до освещенных кост-

рами кругов. Одни, страшно искалеченные, затратили на это крайнее усилие последний остаток своих сил: они хрипели и умирали, устремив глаза на пламя, которое они, казалось, молили о помощи; другие, сохранившие дуновение жизни, казались тенями мертвых! Им оказана была всякая возможная помощь не только доблестными нашими докторами, но и офицерами и солдатами. Все наши биваки превратились в походные госпитали.

(Брандт)

* * *

Две трети всех раненых прошли через наш госпиталь, который вся армия знала и благодаря сделанному извещению, и потому еще, что он находился близ Главной квартиры. Едва только я успел окончить необходимые приготовления, как раненые стали появляться массами.

Я делал трудные операции без перерыва до поздней ночи следующего дня. Работу затрудняла очень холодная, временами туманная погода.

Северные и северо-восточные ветры, дувшие весь этот месяц, были очень холодны; приближалось равноденствие. Ночью с большим трудом удавалось держать передо мной зажженную восковую свечу, в которой я, впрочем, нуждался только при наложении на кровеносные сосуды лигатуры...

В общем раны, полученные в этом сражении, были тяжелые, так как почти все они были причинены артиллерийским огнем, раны от ружейных пуль были получены в упор и на очень близком расстоянии. К тому же, как мы неоднократно замечали, русские пули были гораздо крупнее наших.

Большая часть артиллерийских ран требовала ампутации одного или двух членов. В течение первых суток я сделал до 200 ампутаций. Исход их мог быть вполне благоприятным при наличности у наших раненых убежища, соломы для постелей, одеял и достаточной пищи. Всего этого мы были, к сожалению, лишены, а местности, где бы мы могли добыть нужное, были далеко.

Прежде всего недостаток перевязочных средств принудил нас оставлять больных в окрестных деревнях, в том числе и в Колоцком монастыре, где их больше всего скопилось.

Пребывание кавалерии в лесном районе, занятом ранеными, истребило весь запас фуража, и мы с большим трудом могли найти количество соломы, чтобы хотя на первые дни уложить раненых.

Небольшой запас муки, имевшейся в армии, скоро был съеден. Раненые остались при конине, картофеле и капусте, из которых им варили суп. Скоро и эта пища иссякла, а проезду наших обозов мешали казаки, наводнявшие дороги.

Повсюду мы терпели недостаток в белье и корпии. Многие предметы первой необходимости, как то: хлеб, муку, пиво, медикаменты, белье для перевязок — можно было бы привезти из мест, где мы отыскали запасы их, и высшее начальство, согласившись с моим представлением, дало соответствующий приказ. Но обыкновенно выполнение таких приказов затрудняется тем, что в том замешано слишком много чиновников. Время шло, а раненые не получали того, надеяться на что они имели полное право.

Хирурги, единственные утешители этих несчастных, вынуждены были стирать сами или заставлять делать это при себе белье, уже употребленное для перевязок, чтобы таким образом иметь возможность менять его ежедневно. Именно хирургам, их неутомимому труду и искусству обязана большая часть раненых своим спасением...

(Ларрей)

* * *

Человек 30, раненных более или менее тяжело, но еще способных к передвижению, предпочли во всяком случае отправиться в путь с нами. Увидев одного из этих несчастных, такого, который едва в состоянии был тащиться, я тщетно уговаривал его остаться в походном госпитале. «Не расставаясь с полком,— отвечал он мне,— я имею хоть какую-нибудь надежду спасти свою шкуру; в худшем случае я, по крайней мере, похоронен буду товарищами. Иначе, я уверен, меня все равно съедят волки, живого или мертвого».

Я чуть было не забыл одного характерного обстоятельства: три дня кряду совсем не раздавали продовольствия; приходилось жить припасами, найденными на мертвых русских. Бешеные порывы ветра неоднократно разметывали наши бивачные костры. Уже поговаривали, что эти ураганы обещают ужасную зиму.

(Брандт)

ПУТЬ В МОСКВУ

В этот день (8 сентября) наше движение началось лишь в три часа пополудни, и мы мало ушли вперед. В семь часов вечера сделан был привал, в нескольких верстах от небольшого городка Можайска, еще занятого русским арьергардом. Мы стояли по соседству с 13-м полком польских улан, принадлежавших к 5-му корпусу. Офицеры рассказали нам, что накануне, во время битвы, им удалось после удачной атаки на казаков пробиться через лес и ударить в тыл неприятельской армии, достигнув возле этого самого Можайска, где появление их вызвало ужас. Это происходило между тремя и четырьмя часами, в тот самый момент, когда дивизии Княжевича и Красинского энергично атаковали русских с фронта. Этой кавалерийской атакой руководил один из старших офицеров, по фамилии Гавронский. Известно, что Даву задумал направить в эту сторону главное усилие армии, что он просил императора дать ему руководить этим движением и присоединить к его корпусу войска Понятовского и что он был страшно обозлен упорным отказом императора. Другой непосредственный очевидец, состоявший в штабе Понятовского, говорил также, что генерал Тулинский, посланный со своими гусарами по направлению к Можайску, пробил себе дорогу через лес и неожиданно напал на тыл неприятельской армии на равнине, загроможденной беглецами, ранеными, амуниционными повозками и обозом. Не имея приказания и не поддержанный пехотой, он ограничился тем, что захватил попавшееся под руку и дальше не пошел. Генерал Толь, занимавший видный пост в русской армии, также говорит в своих мемуарах, что поляки пытались обойти армию с левого фланга, но это движение осталось безрезультатным, так как они могли пустить здесь в ход лишь одну кавалерию. Во всяком случае, 5-й корпус один взял в плен 2000 человек, т. е. больше, чем вся остальная армия.

Справедливо или нет, но мы остались при убеждении, что, если бы император усилил Понятовского всего лишь на одну дивизию и предоставил ему свободу действий, он достиг бы Можайска и взял бы его до заката солнца. Русская армия, у которой оказалась бы отрезанной главная линия отступления, лишилась бы, по меньшей мере, большинства

своих военных припасов... Каков был бы в этом случае окончательный результат кампании? Никто не может сказать этого; но во всяком случае непосредственный результат сражения был бы иным. Мы преследовали бы русских *по пятам* и заняли бы Москву под впечатлением решительного превосходства.

(Брандт)

* * *

Проезжаем Можайск, где наши войска одержали 8-го новую победу. Мы находим здесь громадную массу раненых, как русских, так и французов. Переезжаем поле сражения; сотни лошадей, тяжелораненых или со сломанными ногами, мирно пасутся на нем. Русские солдаты еще живые, с ампутированными ногами тащатся по этому полю резни, где их бросили. Они кормились только тем, что находили в ранцах мертвых неприбранных солдат. Среди других я вижу одного, который притащился к краю дороги. Его разбитая нога повязана тряпками. Он влез наполовину во внутренности лошади и, как собака, пожирает ее мясо. Только шум наших шагов заставил несчастного отойти. Мы дали ему воды и немного провизии и поехали дальше.

(Капитан Франсуа)

* * *

При дороге, по которой нам пришлось идти, покинув лес, лежала небольшая деревушка, которая вчера переполнена была русскими ранеными и загорелась. Несколько домов обращено было в пепел. Вблизи них нам показали обгорелые, черные, обуглившиеся скелеты и разрозненные кости этих несчастных жертв вчерашнего дня, которые сначала истекали кровью под Бородином, среди мучений доставлены были сюда и, наконец, пожраны были пламенем, казалось, для того, чтобы испытать до конца муки столь горькой иногда геройской смерти.

У этого местечка мы отклонились вправо от большой дороги, все время держась близко к неприятелю, иногда подходя совсем вплотную, так что раз, во время остановки и взаимного обозрения, какой-то казачий офицер подмигнул одному из наших, лейтенанту фон Менцингену. Наш выступил,

подошел и тот. Долго оба гонялись друг за другом в пространстве между обоими фронтами. Все взоры обращены были на них; оба ревностно действовали саблями, но ни один не мог даже задеть другого, ибо оба умели ловко отпарировать удар противника. Наконец, утомившись от бесплодного и бескровного боя, оба вернулись на свое место, и это зрелище так и осталось веселым приключением.

Было уже темно, пасмурно, дождливо и холодно, когда мы стали лагерем на расстоянии около часа пути вправо от Можайска, позади высоко расположенной деревни. Едва привязали мы лошадей и развели костры, как уже часть команды отправилась в деревню искать припасов. Вскоре они притащили с собой столько, что можно было рассчитывать наесться досыта; вместе с тем они рассказали, что встретились с русскими, которые пришли в деревню с той же целью; что обе стороны разошлись, не мешая друг другу, и что лагерь русской кавалерии так же близко расположен к деревне, как и наш, только с другой стороны. Ночью до нас доносился лагерный шум русских, как, вероятно, до них — наш, и костры обеих сторон озаряли ночную тьму.

Здесь, можно сказать, природа предъявила к человеку свои права: потребовала, чтобы он был человеком. С самого Смоленска мы были друг для друга тягостной помехой, ежедневно встречались врагами, бились два последних дня,— и ночи, назначенные после этого боя для отдыха, должны были пойти на то, чтобы добыть пропитание людям и коням. Если бы поиски происходили под командой офицеров, несомненно, потревожены были бы оба лагеря. Солдаты же не находили ни малейшего повода к ссоре. Этому обстоятельству обязаны тем, что наелись и спокойно выспались в эту ночь.

(Роос)

* * *

В Можайске мы застали многие кварталы в огне. Жители разбежались, а наиболее удобные дома были полны теми русскими ранеными, которые не могли следовать за армией, были оставлены без всякой помощи. Все это были калеки, не имевшие возможности сами отыскивать себе пищу. Больше всего мучила их, если оставить в стороне необходимость перевязки ран, страшная жажда. Я думаю, что от нее и умерли

многие из этих несчастных, лежавшие теперь вперемешку с живыми. Лишь нескольким из них русские хирурги сделали ампутации...

При помощи гвардейских солдат, гуманность которых я не раз испытывал, я постарался удовлетворить насущные потребности этих несчастных. Я дал им воды и немного сухарей, найденных в одном складе, затем я велел унести мертвых. Все не перевязанные раны были немедленно перевязаны.

Для французских раненых были приготовлены церкви и общественное здание. Русские размещены были по купеческим домам.

При них я оставил немногих имевшихся у меня санитаров под наблюдением главного хирурга. Проведя в Можайске два дня, Главная квартира, следуя за армией, направилась к Москве.

Отойдя несколько миль от Можайска, мы, к нашему удивлению, очутились на песчаной, бесплодной и совершенно пустынной равнине. И это по соседству с одной из самых обширных столиц света! Унылый вид этого пустыря произвел на солдат удручающее впечатление и являлся как бы провозвестником полного запустения Москвы и ожидающих нас бедствий в этом городе, когда-то сулившем нам совершенно иное.

Армия подвигалась с большим трудом. Лошадей мучили голод и жажда, так как вода была такой же редкостью, как и фураж. Люди страдали от чрезмерной усталости и недоедания. Раздача войску провизии давно прекратилась, а небольшие запасы, найденные в Можайске, были съедены Молодой и Старой гвардией. Очень многие из рекрутов этой Молодой гвардии умирали от излишнего употребления местной водки. Напившись, они отходили, покачиваясь, на несколько шагов от товарищей, кружились, падали на колени или садились и, просидев несколько минут неподвижно, тут же умирали без всяких стонов. Угнетенное душевное состояние, всевозможные лишения и чрезмерная усталость делали их восприимчивыми к вредным элементам этого напитка...

(Ларрей)

* * *

Продолжая путь среди кустарника, мы пришли к большой деревне, называвшейся Вруинково, где, нам сказали, должна остановиться Главная квартира. Оттуда виднелись красивые дома и четыре симметрично стоявшие колокольни. Мы готовы были устроиться во Вруинкове, где, казалось, царило изобилие, если бы не получили извещения, что наш корпус должен направиться к городу Рузе, колокольни которого ясно виднелись. Вскоре мы увидали множество крестьян с запряженными повозками, которые были нагружены всем, что у них могло быть самого ценного. Такое новое для нас зрелище изумило нас; я спросил у полковника Асселина, почему эти крестьяне были таким образом собраны, и вот что он мне ответил:

«По мере того, как наши армии подвигались внутрь России, император Александр захотел, поддерживая намерения дворянства и подражая Испании, обратить эту войну в народную. По этой системе дворяне и деревенские священники своими деньгами и речами побуждали находившихся в их зависимости крестьян подыматься против нас. Из всех приставших к этому плану защиты уездов Рузский проявил себя наиболее рьяным. Возбужденное помещиком, поднявшим это движение, все население сорганизовалось по-военному и готовилось присоединиться по первому приказу к русской армии. Так как Руза лежит в пяти или шести милях от главной дороги, то жители надеялись, что мы не пройдем через их город; они спокойно жили в этом убеждении. Каково же было их изумление или, вернее, страх,— продолжал полковник Асселин,— когда, посланный принцем, я явился перед Рузой с баварскими стрелками! Надо было видеть всех этих крестьян, в ужасе выбежавших из домов, запрягавших лошадей и гнавших их, чтобы скорее убежать.

Однако же те, которые должны были принять участие в ополчении, вооруженные кольями, копьями или косами, собрались на площади, призываемые своим помещиком, и сейчас же двинулись против нас; но это местное население не могло сопротивляться нескольким привычным к бою солдатам и сейчас же пустилось в бегство. Только помещик выказал большое мужество; он ждал нас на площади и, вооруженный кинжалом, грозил всем, требовавшим, чтобы он

сдался. «*Как могу я пережить бесчестье моей родины?* — воскликнул он в бешенстве.— *У нас нет больше алтарей, наша империя обесчещена! Берите мою жизнь, она мне ненавистна...*» Его хотели успокоить и отобрать у него кинжал; но, рассвирепев еще больше, он ударил им нескольких наших солдат, которые и прикололи его своими штыками.

Сейчас же вслед за этим наш авангард вступил в Рузу. Когда я рассказал все солдатам,— продолжал полковник,— они сейчас же пустились в погоню за крестьянами, бежавшими со всем своим имуществом и скотом; их скоро настигли. И вот эти тоже из беглецов; но входите в город, и вы их увидите еще больше».

По мере приближения мы встречали массу маленьких повозок, сопровождаемых нашими кавалеристами; они были нагружены детьми и немощными стариками; с сокрушенным сердцем думалось о том, что скоро все эти повозки, лошади — все, являвшееся единственным достоянием этих отчаявшихся семейств, будет отобрано и разделено.

Наконец, мы вступили в Рузу, и вплоть до середины площади видели только толпу грабивших дома солдат; они не слушали ни криков хозяев, ни слез матери, которая, чтобы тронуть победителей, указывала на своих стоящих на коленях детей; сложив руки, обливаясь слезами, эти невинные создания умоляли только, чтобы их оставили живыми. Эта горячность грабежа у некоторых вполне оправдывается тем, что, умирая от голода, они стремились только найти пищу; но многие другие под тем же предлогом грабили и тащили все вплоть до платья с женщин и детей.

Как только слух о том, что мы взяли Рузу (9 сентября), дошел до окрестных крестьян, и они узнали, как безжалостно мы расправились с тамошними жителями, так тотчас же все население лежащих нам по пути в Москву деревень обратилось в бегство. Мы всюду нагоняли ужас, и многие, бежавшие в последнем порыве отчаяния, сжигали свои дома, усадьбы, хлеб и новый урожай, и только что снятый с лугов сенокос.

Большинство этих несчастных, убедившись в полной неудаче защищавшей Рузу милиции, побросали данные им как вооружение пики, чтобы легче можно было бежать, и скрылись с женами и детьми в леса, подальше от нашего пути.

Сначала мы было надеялись, что ближе к Москве все будет иначе. Там, ближе к культурному центру, все сильнее поднимает нервы, дух, жажду власти и обладания, что вполне нормально для большого города, там, казалось бы, город будет влиять на соседних деревенских жителей, и они не покинут своего жилья, понимая, что опустошения, произведенные нашими солдатами, были естественным следствием полной заброшенности тех деревень, которые попадались нам до сих пор по пути. Оказалось, что соседние Москве земли совсем не принадлежали горожанам, а все было владениями магнатов, наших заклятых врагов. Их крепостные крестьяне были такими же покорными рабами своих господ, как на Волге и на Днепре. Им было приказано под страхом смерти бежать при первом нашем приближении и прятать в лесах все, что могло бы быть нам полезным. Весь ужас этих мероприятий мы испытали на себе при въезде в деревню Апальшицу: и дома, и усадьбы были разрушены и опустошены, мебель переломана, провизия расхищена; все это представляло из себя полную картину разрушения, которая ясно доказывала нам, на какие крайности способен народ, достаточно великий, чтобы предпочесть полное разорение потере независимости.

Звенигородский монастырь. При виде его высоких башен и стен мы, конечно, решили, что и внутри должны быть огромные здания, удобные для нас, и что мы найдем у монахов обычное для всякого богатого монастыря изобилие. Огромные железные ворота, казалось, только подтверждали все наши надежды на то, что в монастыре много припасов. Мы уже собирались высаживать ворота, когда их неожиданно отпер нам старик в белой одежде и с длинной белой бородой. Мы попросили, чтобы нас сейчас же отвели к игумену монастыря. Когда мы вошли во двор, то крайне удивились, увидав, что строения далеко не соответствовали тому высокому понятию, которое мы себе составили о монастыре. Наш гид не повел нас в помещение игумена, а направился к маленькой келейке, где было несколько монахов, стоявших на коленях перед алтарем, устроенным по греческому образцу. Когда мы вошли, эти старцы бросились к нашим ногам, умоляя нас именем Бога не оскорблять их церкви и тех нескольких могил святых отцов, оберегать которые они здесь остались. «Вы можете судить по нашей нищете,— передали они нам

через переводчика,— что у нас нет никаких спрятанных сокровищ, а наша пища так груба, что многие солдаты способны отказаться от нее. Кроме наших реликвий и наших алтарей, у нас ничего нет. Не оскорбляйте их из уважения к нашей религии, столь схожей с вашей». Им обещали исполнить их просьбу, что подтвердил и приехавший вице-король, который остановился в церкви, что спасло ее от грозившего ей ограбления . . . .

(Лабом)

* * *

Мы подошли к большому монастырю — настоящей крепости, окруженной зубчатыми стенами и подъемными мостами. Кажется, это Звенигород, находящийся всего в нескольких верстах от Москвы. Там еще было несколько монахов; на их истощенных лицах, обрамленных густой бородой, были написаны ненависть и отчаяние. Совершенно закутанные в широкие синие одежды, они казались призраками. При виде нас они удалялись, укрывались в самых потайных местах своего монастыря; когда же мы находили их и начинали расспрашивать, то от них ничего нельзя было добиться, на все вопросы они хранили полнейшее молчание или отвечали отрицательными жестами.

Обширные здания монастырские в общем все еще производили впечатление роскоши и великолепия, хотя в них уже не было мебели и они большей частью были опустошены. Одна зала была вся украшена портретами древних князей московских. Их разнообразные одежды и головные уборы, соответствующие векам, когда они жили, соперничали в богатстве и оригинальности, а длинные бороды, украшавшие все эти лица, придавали им действительно необыкновенное выражение. Исполнение некоторых портретов было довольно художественно.

Среди зданий стояла небольшая, но богато отделанная церковь; кажется, она была местом погребения царей, когда они жили в Москве, или, по крайней мере, некоторых из них, судя по многочисленным гробницам, наполнявшим ее. Эти гробницы причудливой и более или менее изысканной архитектуры, с русскими непонятными для меня надписями, были покрыты металлическими плитами, кажется, из позоло-

ченного серебра. Пришедшие в Звенигород раньше нас солдаты 4-го корпуса проникли в церковь и унесли часть этих серебряных или, может быть, позолоченных медных плит, приняв их за чистое золото. Они даже открыли или взломали часть гробниц, надеясь найти в них украшения или драгоценности, и одинаково тяжелое зрелище, как для глаз, так и для сознания, представлял беспорядок в этом храме, чтимом целым народом в течение нескольких веков.

Мы покинули до ночи монастырь и расположились биваком в деревне на некотором расстоянии впереди; 14 сентября утром мы продолжали наш путь к Москве.

(Гриуа)

* * *

9 сентября мы продолжали подвигаться к Москве; мы прошли маленький уездный городок Можайск. Он стоит на холме и окружен двумя большими равнинами, одной более возвышенной, другой низменной. Я увидел прекрасную, еще строящуюся церковь. Город был полон русскими ранеными, которых армия не могла увести с собой. Еще бóльшее количество их мы видели по дороге; многие умирали здесь, и тогда русский арьергард складывал их трупы в канавы, засыпал немного землей и воздвигал над ними крест.

Нашему арьергарду пришлось сражаться весь день.

Ночевали мы в селе в 12 верстах от Можайска. Мы мерзли ночью от холода, который еще увеличился от жестокого ветра.

Мы поместили наших лошадей в доме, где нашли на соломе четырех раненых солдат и сержанта; еще двое, лежащие рядом с ними, были мертвы, но раненые даже не постарались вытащить их из комнаты; они так же мало обращали на них внимание, как будто это были не трупы, а живые, уснувшие только товарищи. Мы зарыли их в саду, поступая, однако, так же, как и русские, т. е. обратив их головы на восток и воздвигнув над их могилами крест.

Армия все также не получала ни хлеба, ни говядины, воду тоже редко можно было найти, и я платил по шесть франков за бутылку чистой воды. Многие лошади погибли от жажды, некоторые из них шли по три дня, не получая ни капли воды.

10 сентября у русских празднуется день Александра Невского, именем которого назван русский император. Мы выступили в 8 часов утра. Авангард сражался весь день. Мы переходили с места на место под редкими пушечными выстрелами и подвигались так медленно, что к ночи прошли всего 16 верст. Мы прошли через Щелковку и ночевали около села Краимского на равнине, покрытой песком и пылью. Впереди наших сложенных в козлы ружей мы нашли овраг, в котором и провели ночь, защищаясь от сильного и холодного северного ветра. Голод продолжал делать опустошения в нашей армии; мясо лошади, и то стало редким, его ели наполовину тухлое и продавали по дорогой цене; цены на хлеб уже не существовало — его у нас больше не было...

(Вионне де Маренгоне)

* * *

Должен тебе заметить, что 12 сентября все несчастья, случившиеся с армией, были мне предсказаны офицером русской гвардии, посланным своим главнокомандующим с поручением к нам. Я разговаривал с ним около двух часов. Отрешившись от всякой национальности и не ставя друг друга в неловкое положение, мы беседовали с ним по-приятельски. Мы обоюдно попросили друг друга высказать свое мнение о войне. Он сказал мне: «Мы так же, как и вы, прекрасно знаем, что будем побиты. Мы ждем спасения только от зимы, которая вознаградит нас сторицей. Зима и голод,— предсказывал он мне,— будет такое оружие, против которого вы не сможете бороться. Поверьте мне,— говорил он,— я знаю климат своей страны, дай бог, чтобы он не оказал своего вредного влияния на вас!» Я рассказал все это некоторым из своих друзей, и последующие события нам явно доказали, что он говорил правду.

Вернемся, однако, к Московской дороге, которая поистине великолепно устроена. По ней могут проехать десять карет в ряд. По обе стороны дороги расположены два ряда очень высоких деревьев, между которыми пролегает дорога для пешеходов. Эти деревья очень напоминают плакучие ивы; они благодаря своей гостеприимной тени предохраняют летом от сильной жары, а зимой, когда снег засыпает все ов-

раги и канавы и земля сливается с небом, они служат для указания дороги.

(Из письма кирасирского капитана)

ВСТУПЛЕНИЕ В МОСКВУ И НАЧАЛО ПОЖАРА

На следующий день (14 сентября) мы выехали рано, желая поспеть как можно скорей в Москву. По дороге нам попадались только разрушенные и безлюдные деревни; слева, по берегам Москвы-реки, тянулись великолепные дворцы-усадьбы, которые уничтожали и разоряли татары, чтобы лишить нас тех удобств, которые мы бы могли там получить; спелый хлеб еще на корню был вытоптан лошадьми, а скирды сена были подожжены на всем протяжении окрестных полей, и густой дым стлался по воздуху. Когда мы подъехали к деревне Черепково, вице-король поднялся на возвышенность и долго смотрел, не видать ли Москвы, цели наших общих стремлений, потому что в достижении этой цели мы видели конец нашим мучениям, нашей усталости и нашему странствованию. Москва была конечной целью нашего похода. Ее еще не было видно за пригорками; нам видно было только облако пыли, которое шло параллельно нашему пути, указывая нам направление, по которому следовала Великая армия. Несколько пушечных выстрелов, долетевших до нашего слуха, очень отдаленных и редких, показывали нам, что наши войска подходили к Москве без особого сопротивления. Спускаясь, мы услышали отчаянные крики: это были несколько отрядов казаков, выскочивших из соседнего леса и нападавших со свойственной им манерой на наших стрелков, порываясь остановить наш авангард. Наши храбрецы не струсили и не поддались этому неожиданному нападению, они смело отпарировали напрасные усилия орды, желавшей задержать наш въезд в столицу России. Их отчаянные усилия действительно были последними. Их отбили и рассеяли так, что им ничего не оставалось делать, как скрыться за стенами Кремля, так же, как и раньше у берегов Колочи. Вдали сквозь

пыльное облако мелькала длинная линия неприятельской кавалерии, идущая по направлению к Москве; она постепенно, в полном порядке, по мере того как мы приближались, скрывалась за городом. Отступление это продолжалось все утро.

Пока строили переправу через Москву-реку, к одиннадцати часам Главный штаб расположился на высоком пригорке. Оттуда мы вдруг увидели тысячи колоколен с золотыми куполообразными главами. Погода была великолепная, все это блестело и горело в солнечных лучах и казалось бесчисленными светящимися шарами. Были купола, похожие на шары, стоящие на шпиле колонны или обелиска, и тогда это напоминало висевший в воздухе аэростат. Мы были поражены красотой этого зрелища, приводившей нас еще в больший восторг, когда мы вспоминали обо всем том тяжелом, что пришлось перенести. Никто не в силах был удержаться, и у всех вырвался радостный крик: «Москва! Москва!!!» Услышав так давно жданный возглас, все толпой кинулись к пригорку; всякий старался высказать свое личное впечатление, находя все новые и новые красоты в представшей нашим глазам картине, восторгаясь все новыми и новыми чудесами. Один указывал на прекрасный видный слева от нас дворец, архитектура которого напоминала восточный стиль, другой обращал внимание на великолепный собор или новый другой дворец, но все до единого были очарованы красотой панорамы этого огромного расположенного на равнине города. Москва-река течет по светлым лугам; омыв и оплодотворив все кругом, она вдруг поворачивает и течет по направлению к городу, прорезывает его, разделяя на две половины и отрывая, таким образом, друг от друга целую массу домов и построек; тут деревянные, и каменные, и кирпичные; некоторые построены в готическом стиле, смешанном с современным, другие представляли из себя смесь всех отличительных признаков каждой из отдельных национальностей. Дома выкрашены в самые разнообразные краски, купола церквей — то золотые, то темные, свинцовые и крытые аспидным камнем. Все вместе взятое делало эту картину необычайно оригинальной и разнообразной, а большие террасы у дворцов, обелиски у городских ворот и высокие колокольни на манер минаретов,— все это напоминало, да и на самом деле представляло из себя картину одного из знаменитых городов Азии, в суще-

ствование которых как-то не верится и которые, казалось бы, живут только в богатом воображении арабских поэтов.

15 сентября наш отряд снялся с места рано утром и вышел из деревни, где была последняя стоянка, направляясь в Москву. Подходя к городу, мы с удивлением заметили, что не было стен. Простая земляная насыпь указывала на первоначальное его зарождение.

Ничего, казалось, не давало нам следа обитаемости города; дорога, по которой мы шли, была так пустынна, что мы не только ни одного москвича, но даже и французского солдата не встретили. В этой торжественной тишине и полном одиночестве не слышно было ни звука, ни возгласа; руководил нами один страх, увеличившийся еще более при виде густого дыма, высоким столбом поднимавшегося в центре города. Сперва мы было подумали, что загорелось несколько магазинов, которые по своему обыкновению перед уходом зажгли русские.

(Лабом)

* * *

Мы не захотели переходить первую заставу, которую встретили по пути, и решили, взяв влево, продолжать огибать город. По приказанию принца Евгения я стал расставлять войска для охраны Петербургской дороги. 13-я и 15-я дивизии расположились у Петровского дворца; 14-я стояла в деревне на полпути от Москвы к дворцу; легкий баварский кавалерийский полк под началом графа Орнано занял позицию в 7 верстах от вышеупомянутой деревни. Под такой охраной въехал вице-король в Москву и остановился во дворце князя Мамонова на Санкт-Петербургской улице. Эта часть Москвы, отданная в наше пользование, была одной из лучших в городе. Сплошь стояли чудесные, большие здания и дома, хотя и деревянные, но они нам казались и громадными, и поразительно богатыми.

Магистраты (судьи), оставшись без дела и занятий, могли каждый по желанию выбрать для своего жилья один из дворцов, и каждый простой офицер жил в огромном великолепно отделанном помещении, где чувствовал себя вполне хозяином, не видя никого кругом, кроме послушного и робкого дворника, отдавшего в полное распоряжение все ключи от

дома. Накануне с вечера Москва принадлежала нам, но несмотря на это, в том квартале, где мы расположились, не видно было ни солдат, ни обитателей, до того город был велик и казался безлюден. Тяжелое безмолвие царило в нем. Самые смелые из нас — и те были потрясены. Улицы были так длинны, что всадники не узнавали своих на другом конце их; когда кто-нибудь медленно приближался с другого конца улицы, видевший это не мог разобрать, враг это или друг, и так, приближаясь осторожно один к другому, они вдруг испуганно поворачивали назад и бежали друг от друга, воображая, что встретили врага, хотя оказывалось потом, что служили под одними и теми же знаменами.

Прежде чем занять новый квартал, туда отправляли разведчиков; они осматривали дворцы и церкви, но никого не находили, кроме детей и стариков, и только изредка им попадались русские офицеры, раненные в прежних боях. В некоторых церквах алтари были разукрашены как в дни больших праздников; горели тысячи свечей у престола, что свидетельствовало о том, что москвичи неустанно продолжали молиться до последней минуты своему любимому святому. Торжественность и святость окружающей обстановки внушали нам сильное уважение к побежденному нами народу и невольный страх, который порождает всякая сделанная большая несправедливость. Мы робко подвигались среди этого ужасающего опустошения, часто останавливались, оглядываясь назад, часто прислушивались, так как страх перед огромностью нашей победы внушал нам постоянно мысль о какой-нибудь западне или засаде. Малейший шум — и нам везде чудились крики нападающих и бряцание оружия. По мере приближения к центру города, особенно около базара[1], нам стали попадаться изредка жители Москвы, собравшиеся у Кремлевских стен. Эти несчастные, веря в старинную легенду о неприкосновенности этих стен, решились даже, накануне, оказать сопротивление нашему авангарду под начальством короля Неаполитанского. Наши войска моментально разогнали их, и они, пораженные своей неудачей, в слезах смотрели на высокие башни Кремля, твердыню, которую до

---

[1] Большая площадь в Китай-городе, окруженная галереей из кирпича, где помещается бесконечное количество маленьких лавочек.

сих пор считали «палладиумом» города. Тут же попалась нам толпа солдат, открыто торговавших краденными товарами. Охрана была поставлена только у главных магазинов со съестными припасами. Чем дальше мы шли, тем больше нам попадалось солдат, возвращавшихся с целыми свертками различных товаров; они тащили за спиной огромные куски сукна и целые головы сахара. Мы положительно не знали, чем оправдать весь этот беспорядок, но фузилеры гвардии объяснили нам, что дым, который бросился нам в глаза при входе в город, шел от пожара в огромном здании, где были собраны все товары; здание это называлось Биржей[1]. Русские сами подожгли его, отступая. «Вчера,— рассказывали нам солдаты,— мы вошли в город в полдень, а сегодня утром мы увидели огонь. Сначала мы, было, хотели тушить его, думая, что загорелось от какой-нибудь неосторожности на наших бивакax, но нам пришлось отказаться от этого, так как мы узнали, что само русское правительство отдало приказ поджечь город и убрать пожарные трубы, чтобы мы не могли ничего спасти. Очевидно, правительство рассчитывало этой отчаянной мерой нарушить дисциплину в нашем лагере и разорить класс торговцев, восставших усиленно против общего бегства из города».

Вполне понятное любопытство тянуло меня вперед: чем ближе мы подходили к горящему зданию, тем больше улицы были заполнены солдатами и нищими, тащившими всевозможные предметы, причем менее ценные тут же бросались на землю, и скоро вся улица была забросана разными вещами.

Наконец-то я добрался до желанной цели. От прежнего, известного своим великолепием здания, почти ничего не осталось. Это был просто огромный горящий костер — печь, откуда валились горящие балки. Двигаться можно было только по галереям, где шли рядами магазины; в этих магазинах солдаты и хозяйничали, они выламывали крышки сундуков, разбивали кассы и делили затем между собой добычу.

В этой ужасающей обстановке даже не было слышно ни криков, ни возни; всего было так много, что можно было насытить самый алчный аппетит. Слышался только треск пла-

[1] Торговые ряды на Красной площади.

мени, шум высаживаемых дверей и изредка страшный гул, когда обваливался вдруг подгоревший свод. Бумажные ткани, бархат, кисея, самые дорогие материи Европы и Азии — все неудержимо горело; в подвалах горели склады сахара, деревянного и постного масла, смолы и купороса, и из этих подвальных этажей пламя потоками вырывалось наружу сквозь железные толстые решетчатые отверстия.

(Лабом)

* * *

14 сентября, вечером, мы вступили в одно из московских предместий. Мы узнали здесь, что, уходя из города, русская армия увела с собой всех горожан и чиновников, так что осталось только немного простонародья и прислуга. На следующий день, проходя по главным улицам, мы почти никого не встречали. Дома были покинуты. Особенно удивило нас появление огня во многих отдаленных кварталах, в которые еще не вступил ни один из наших солдат. Горели и кремлевские ряды — огромное здание с портиками, похожее на парижский Пале-Рояль.

После всего виденного нами нас не могли не удивлять и обширность Москвы, и большое число ее церквей, и прекрасная архитектура ее зданий, а также удобное расположение зажиточных домов, богатство их меблировки и наличность в большей части из них различных предметов роскоши. Улицы были просторны, правильно расположены, и все вообще гармонировало одно с другим. Все указывало на богатство города, на его огромную торговлю товарами всех стран света. Красоту города значительно увеличивало разнообразие построек дворцов, церквей, домов. Некоторые кварталы особенностью своих построек указывали, какая народность их населяла; так, легко было отличить кварталы французский, китайский или индийский, немецкий. Кремль можно назвать московской крепостью. Он находится в центре города на довольно значительной возвышенности и окружен зубчатыми стенами, там и здесь пересекаемыми башнями, вооруженными пушками.

Упомянутые выше кремлевские ряды, обычно наполненные индийскими товарами и дорогими мехами, стали добычей пламени, так что воспользоваться можно было только ве-

щами, сложенными в подвалы, куда наши солдаты проникли по окончании пожара. Наружные же части этого прекрасного здания были дотла истреблены огнем.

Остальную часть Кремля занимали дворец императоров, Сенат, Арсенал и два очень старинных храма. Все эти памятники роскошной архитектуры величественно вздымались вокруг военной площади. Казалось, что вас перенесли на общественную площадь древних Афин, где можно было любоваться с одной стороны Ареопагом и храмом Минервы, а с другой — Академией и Арсеналом.

Между двумя храмами возвышалась в виде колонны почти цилиндрическая башня, известная под именем колокольни Иван Великий. Она походила на египетский минарет. Внутри нее было повешено множество колоколов различной величины, а один — удивительной величины, о котором упоминают историки, стоял возле нее на земле. С высоты башни можно видеть весь город, который представлялся в виде звезды с четырьмя раздвоенными концами, а разноцветные крыши домов и покрытые золотом и серебром верхушки многочисленных церквей и колоколен придают картине весьма живописный вид.

Едва ли найдется что-либо богаче одного из храмов Кремля (того, где хоронили императоров). Его стены покрыты золотом и вызолоченными пластинками, толщиной в 5—6 линий, на которых рельефно изображена вся история Ветхого и Нового Завета. Массивные серебряные паникадила поражают своими огромными размерами.

Привлекшие мое особенное внимание больницы сделали бы честь самой цивилизованной нации. Они делятся на военные и гражданские.

В обширном военном госпитале мы нашли очень немного больных, которых и перевели в другой, меньший, устроенный при Военно-сиротском доме.

Больницы гражданские менее примечательны. Четыре главные из них это: Шереметевская, Голицынская, Александровская и Воспитательный дом.

Воспитательный дом расположен по берегу Москвы-реки под охраной кремлевских пушек. Это, без сомнения, лучшее во всей Европе из учреждений подобного рода. Здание делится на две части. Первая, та, где входная дверь, заключа-

ет в себе помещение для заведующего, назначаемого из старых заслуженных генералов, квартиры служащих, контору и т. п.

Вторая часть в виде правильного четырехугольника. Внутри расположен довольно обширный двор, посередине которого фонтан и резервуар, снабжающий речной водой все части здания. Каждая сторона представляет собой 4 высоких этажа, окруженных изнутри довольно широким коридором, далее идут залы, в одних помещаются девочки, в других — мальчики. Кроватки с пологами стоят в 2 ряда и соответствуют росту детей. Повсюду образцовый порядок и чистота.

Следует заметить, что в первой части здания и в главных залах второй потолки сводчатые, и постройка настолько прочна, что может противостоять пожару. Кухни и все принадлежности устроены прекрасно.

Русские, покидая Москву, увезли всех детей обоего пола старше 7 лет, так что осталось всего небольшое число детей меньшего возраста. Их поместили в особом отделении, а больницу приготовили для французских больных, которых нельзя было перевезти. Выбрали это убежище в надежде, что казаки скорее его пощадят, если бы армии пришлось внезапно покинуть Москву.

(Ларрей)

* * *

В виду Москвы, 14 сентября. Сегодня утром за деревней Черепково, при нашем приближении к Хорошеву, пока саперы перекидывали мост через Москву-реку для третьего перехода через нее, кто-то из разведчиков, прикрывающих сбоку колонны, указал на один холм... последний!

Новый мир,— так буквально говорят они,— открылся им. Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов: группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: «Москва! Москва!» Я не смогу, конечно, лучше и красивее выразить наше впечатление при виде этого города, как напомнив стихи Тассо, когда он в третьей песне изображает армию Готфрида Бульонского, увидавшего впервые башни Иерусалима:

«У каждого как бы крылья выросли на сердце и на ногах; как легко стало идти. Солнце лило свои горячие лучи на бесплодные поля, оно дошло до зенита, когда Иерусалим предстал перед нами! Да, это Иерусалим, мы видим его, мы осязаем его, тысячи голосов, как один, звучат в воздухе, приветствуя Иерусалим!»

При имени Москвы, передаваемом из уст в уста, все кучей бросаются, карабкаются по собственной охоте на холм, откуда мы услышали этот громкий крик. Каждому хочется первому увидеть Москву. Лица осветились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся и подымаем с благодарностью руки к небу; многие плачут от радости, и отовсюду слышишь: «Наконец-то! Наконец-то Москва!»

Мы не устаем смотреть на огромный город с его разнообразными и причудливыми формами, с куполами, крытыми свинцом или аспидом; дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колокольни заставляют нас думать, что мы на границе Азии.

От нетерпения войти в Москву мы, не дождавшись постройки моста, вброд переходим Москву-реку. Вице-король, видя настроение войск, дает своей кавалерии приказ тронуться; пехота следует за ней.

Наше сердце разрывается от радости по мере приближения; но нас изумляет то, что все окрестные дома покинуты, как везде, где мы только проходили. Мы всматриваемся в огромный город и не решаемся верить, что и он пуст, как его окрестности.

Мы скорее склонны думать, что жители предместий, устрашенные нашим приближением, массами укрылись в столице. Всякого, высказывающего предположение, что Москва покинута, сейчас же поднимают на смех товарищи. И, действительно, можно ли предположить, что столько роскошных дворцов, великолепных церквей, богатых магазинов покинуты своими обитателями?

Беседуя так, дошли мы до деревни Хорошево, находящейся на расстоянии полутора миль от Москвы. Колонна остановилась, чтобы привести себя в порядок, надеть парадную форму и подождать возвращения адъютанта вице-короля с приказаниями от императора. Приказания эти жестоко нас

разочаровали. Наше вступление в столицу царей было отложено на завтра.

Москва, 15 сентября. С зарей мы покинули это скверное Хорошево и в парадной форме двинулись к Москве. Приближаясь, мы заметили, что город открыт. Простой земляной вал служит ему единственной защитой. В то же время мы не замечаем ни одного дымка над домами — это плохой знак. Дорога наша идет прямо в город: мы нигде не видим ни одного русского и ни одного французского солдата.

Страх наш вырастает с каждым шагом; он доходит до высшей точки, когда мы видим вдали, над центром города, густой столб дыма.

Сначала мы все думали, что горит какой-нибудь магазин; русские приучили нас к таким пожарам. Мы уверены, что огонь скоро будет потушен солдатами и жителями. Мы приписываем казакам все эти ненужные разрушения и опустошения...

Вице-король во главе Королевской гвардии въезжает в Москву по прекрасной дороге, ведущей от предместья Петровско-Разумовского. Этот квартал, один из наиболее богатых в городе, назначен для квартирования итальянской армии. Дома, хотя большей частью и деревянные, поражают нас своей величиной и необычайной пышностью. Но все двери и окна закрыты, улицы пусты, везде молчание! — молчание, нагоняющее страх.

Молча, в порядке проходим мы по длинным, пустынным улицам: глухим эхом отдается барабанный бой от стен пустых домов. Мы тщетно стараемся казаться спокойными, тогда как на душе у нас неспокойно: нам кажется, что должно случиться что-то необыкновенное.

Москва представляется нам огромным трупом; это царство молчания: сказочный город, где все здания, дома воздвигнуты как бы чарами для нас одних!..

Мы выходим на красивую и широкую площадь и выстраиваемся в боевом порядке в ожидании новых приказов. Они скоро приходят, и мы одновременно узнаем о вступлении императора в Москву и о пожарах, начавшихся со всех сторон.

(Ложье)

* * *

Ранним утром 14 сентября мы снова очутились на большой дороге, которая по холмам и долинам повела нас к цели. Быстро вызванные полки с артиллерией указывали на серьезность предприятия, и всеобщее ожидание стало крайне напряженным. Скоро все стихло, и разнеслась быстрая весть о перемирии. Но наше ожидание оставалось напряженным, ибо перед нами, в получасе пути, лежала огромная Москва, раскинувшаяся на таком протяжении, какого я еще никогда не видел ни у одного большого города.

Мы теперь стояли по левую сторону дороги, в можжевеловом кустарнике. Голод вынуждал нас подкрепляться ягодами последнего, а лошади пожирали его ветки. Затем мы вступили на большую дорогу и двинулись вперед.

Вправо близ дороги ехал по полю Наполеон в сером сюртуке, на белом коне; он прибыл сегодня к самой голове авангарда, в сопровождении небольшой свиты; с левой стороны его шел длинный польский еврей в своем национальном костюме. Наполеон устремил свои взоры на столицу, лежавшую теперь еще ближе к нам, а еврей делал указания и разъяснения, по-видимому, касавшиеся некоторых пунктов города. Тут мы увидели и окопы, сооруженные русскими перед нашим прибытием. Когда мы совсем подошли к первым домам города, во главе дивизии стал Мюрат, а Наполеон ускакал от дороги вправо, как бы направляя свой путь в близкую усадьбу...

Напряженное внимание к грядущим событиям, мысль, что мы после стольких страданий, лишений и трудов дожили до этого дня, что мы в числе первых вошли в эти любопытные стены,— все это заставляло нас забыть о прошлом.

Всякий более или менее охвачен был гордостью победителя, а где эта гордость не подсказывала соответствующих чувств, там всегда находился офицер или старый вояка, умевший проникновенными словами объяснить величие места и момента.

Нашей дивизии отдан был строжайший приказ, чтобы никто, под страхом неминуемой смертной казни, не смел слезать с коня или выезжать из строя. Нам, врачам, этот приказ внушен был с такой же настойчивостью, как и войскам, и мы охотно ему повиновались.

Пока мы ехали по улице до реки Москвы, не было видно ни одной обывательской души. Мост был разобран, мы поехали вброд; пушки ушли в воду до оси, а лошади до колен. По ту сторону реки мы встретили несколько человек, стоявших у окон и дверей, но они, казалось, были не особенно любопытны. Дальше попадались прекрасные здания, каменные и деревянные, на балконах иногда виднелись мужчины и дамы.

Наши офицеры приветливо отдавали честь; им отвечали столь же вежливо; но все-таки мы видели еще очень мало жителей, а около дворцов все стояли люди, имевшие вид прислуги. Во внутренних частях города мы наткнулись на истомленных русских солдат, отсталых, пеших и конных, на брошенный обоз, на серых убойных быков и т. п. Все это мы пропускали мимо. Медленно, с постоянными поворотами продвигались мы по улицам, в которых наше внимание привлекало множество церквей с их столь для нас чуждой архитектурой, особенно многочисленностью башен и внешним их убранством, а также прекрасные дворцы и окружавшие их сады. Мы проехали через рынок; его деревянные лавки были открыты, товары, разбросанные в беспорядке, валялись и на улице, словно перед нами здесь хозяйничали грабители. Шествие наше совершалось крайне медленно, остановки были очень часты, и вот наши пронюхали, что у валявшихся по улицам отсталых и спящих русских во фляжках есть водка. Не смея слезать с коня, они ухитрялись перерезывать кончиком сабли ремни, которыми фляжки привязаны были к ранцам, и подхватывать сами фляжки крючочками, выточенными на концах сабель. Этим хитроумным способом добыта была водка, которая давно уже была большой редкостью.

Мюрат проезжал взад и вперед по нашим рядам, был очень серьезен и деятелен и глядел даже туда, куда не успевал попасть сам. Он шел во главе нас, когда мы, идя между большими старыми зданиями, добрались до Арсенала. Арсенал был открыт, и всякого рода люди, в большинстве, по-видимому, мужики, выносили оттуда оружие, некоторые старались пробраться внутрь. На улице и на площади, где мы теперь остановились, валялось множество всякого оружия разного вида, по большей части нового.

В воротах Арсенала возникла перебранка адъютантов короля с выносившими оружие. Несколько адъютантов въехало внутрь здания, перебранка стала очень громкой. Тем временем было замечено, что на площади позади Арсенала собралось много народа, шумного и беспокойного. Все это заставило короля придвинуть ко входу на площадь наши пушки и дать залп. Трех выстрелов оказалось достаточно, чтобы толпа с невероятной поспешностью рассеялась по всем направлениям...

...В это время заходило солнце при ясной погоде, совсем не такой, как утром, когда было пасмурно и холодно. Более трех часов продолжалось наше вступление, и с каждым шагом, с каждым часом росла наша надежда на столь желанный и необходимый для нас мир, и мы сладко мечтали об отдыхе. Это настроение еще более усилилось, когда мы, выбравшись за город, увидели несколько русских драгунских полков, частью построенных, частью проходивших мимо. Мы с самыми мирными намерениями выстроились против них. Они обнаружили подобное же настроение, офицеры и солдаты сблизились, протягивали друг другу руки и фляжки с водкой и разговаривали, как умели. Все это, однако, продолжалось лишь короткое время; подскакал со своим адъютантом какой-то крупный русский офицерский чин и настрого воспретил всякие переговоры. Мы остались, русские медленно потянулись дальше.

Тем временем мы подметили, что русским так же, как и нам, мир был желателен, и мы видели, что лошади у них так же истощены, как и у нас, ибо при переправе через канаву многие из лошадей попадали, поднявшись потом медленно и с трудом, совсем как это бывало и у нас.

Наступила, наконец, ночь и с ней время отдыха. Вместе с артиллерией и одной дивизией кирасир мы стали лагерем в недалеком расстоянии от города, вправо от дороги, ведущей на Владимир и Казань. Влево от нее находится огромное, широко раскинувшееся здание, которое мы принимали за монастырь. Лагерные костры наши горели необычайно ярко, а невдалеке перед нами виднелись и русские костры. Воинственный шум вокруг нас, яркое пламя костров, а в особенности наше удовлетворение, что мы дожили до этого знаменательного дня, и все еще напряженное ожидание гряду-

щих событий, суматоха близкого города и кое-какие раздобытые припасы — все это ободряло нас, и давно наш лагерь не был так полон оживления при всей необходимости отдыха.

Много разного вида людей из русской армии проходило мимо нашего лагеря по Казанской дороге. Среди них были и раненые: одни — уже перевязанные, другие — окровавленные, страдающие от ран, полученных недавно при отдельных случаях насилия и близ ворот. Наши офицеры отправляли их к нашему костру. Пока я перевязывал одного такого пехотного офицера, у которого на голове было несколько ран, он рассказал мне, что отправился переменить белье к родным и хотел явиться к ним здоровым и невредимым; их он дома не застал, и тут-то с ним и произошло несчастье.

После перевязки я направил этого офицера к русским лагерным огням; мы и вообще направляли туда всех этих отсталых.

Вокруг и среди нас настроение было настолько бодрое, что всякий забывал об усталости и сне; да если бы этого и не было, обстоятельства, вскоре наступившие, отняли бы всякую охоту ко сну.

Не могу сказать, в центре ли города, или на окраине — ведь ночью так легко ошибиться, но я скорее склоняюсь к первому,— вдруг последовал взрыв такой ужасающей силы, что у всякого должна была явиться мысль, что это взорван склад снарядов, пороховой погреб, либо так называемая адская машина очень большой силы. Из возникшего сразу огромного пламени большими и малыми дугами стали взвиваться кверху огненные шары, словно разом выпустили массу бомб и гранат, и на далекое пространство рассеивался со страшным треском их губящий огонь. Этот взрыв, далеко распространивший страх и ужас, длился минуты 3—4 и казался нам сигналом к началу столь рокового для нас пожара Москвы. Вначале пламя виднелось только на этом месте, но уже несколько минут спустя мы увидели, как пламя поднимается во многих местах города; мы увидели скоро восемнадцать таких мест, и их число быстро возрастало.

При таком зрелище мы смолкли и с изумлением глядели друг на друга; казалось, мы читали на всех лицах, что каждый считает это за дурное предзнаменование. Тогда штабсротмистр фон Рейнгардт сказал: «Это — скверное событие,

оно сулит много зла, оно разом уничтожает надежду на мир и разрушает то, что нам так необходимо. Это — не злая воля наших, это — признак большого озлобления наших противников, это — жертва, которую они приносят, чтобы погубить нас».

Мы с первого момента ясно видели всю эту потрясающую картину, ибо наш лагерь стоял выше города. Вскоре пламя стало вспыхивать и в частях города, лежавших ближе к нам, озаряя нас и все окрестности; но с увеличением света и пламени наш только было встрепенувшийся дух снова начал падать, и мы сквозь этот яркий свет грустно глядели навстречу тем более темному будущему.

Наступила полночь. Широко раскинувшееся пламя, подобно морю, бушевало над огромным городом. Шум все усиливался, и вместе с тем увеличивалось количество отсталых и бегущих из города, которые валили мимо нашего лагеря.

Страшное зрелище, в конце концов, утомило нас, и мы легли спать. После короткого сна мы заметили, что пламя значительно усилилось, а с наступлением дня стали видны и огромные облака дыма, разноцветные и различные по очертаниям.

Таким образом, я видел старую, славную Москву, город царей, в последний ее день, и видел само начало того пожара, который уничтожил ее и погубил нас. Много наших уже погибло; с нами была лишь половина тех, кто стоял на Дунае; в таком же положении были и другие полки нашей дивизии; и все-таки мы гордились настоящим, питали суетные надежды и предъявляли большие требования к будущему!

Утром, с восходом солнца, я решил пройтись и зашел во двор ближайшего, похожего на монастырь, здания, ища возможности умыться, что мне и удалось. К удивлению своему, я увидел там людей, занятых обычными делами, как будто все, происшедшее со вчерашнего дня в городе, не оказало на них никакого влияния или даже не было замечено ими. Я был единственный чужой среди них, но не привлек к себе их внимания.

Вернувшись в лагерь, я застал все подготовления к посадке на коней.

С наступлением дня было замечено, что русские бросили свой лагерь поблизости от нас. Мы последовали за ними,

увидели их скорее, чем ожидали, и снова расположились на глазах у них у первой пригородной деревни, которая лежит по Казанской дороге. Передовые посты казаков были так близко от наших, как еще ни разу в эту войну, и все-таки мы позволили себе некоторые удобства в этот холодный день. Лежавшее впереди нашей линии картофельное поле доставило работу многим из нас и накормило всех. Должен признаться, плоды тамошней почвы были настолько вкусны и привлекательны, что у меня на родине таких не бывает даже от лучших голландских семян.

(Роос)

* * *

14 сентября в 7 часов утра мы выступали. Мы рассчитывали на сопротивление, вместо этого в четырех километрах от Москвы появился парламентер, поручавший раненых милосердию короля Неаполитанского и просивший не обстреливать города, наполненного пьяными русскими солдатами. Я обезоружил и взял в плен 12 из них.

В этом не было большой заслуги — достаточно было только их встретить. С казачьей пикой в руке я отвел их в штаб императора, устроенный в предместье; затем, минуя Кремль, вернулся в город, чтобы устроить помещение для моего генерала. Кое-какие жители еще оставались. Я вынужден был заставлять впускать себя с саблей в руке. Я был один среди дюжины не понимавших меня русских; они мне дали поужинать и хорошего вина, и я заснул в этом брошенном жилище. Это было не слишком благоразумно, так как в квартале было много отсталых русских солдат. Меня разбудил пожар, вспыхнувший в ту же ночь в Гостином Дворе. Русское правительство оставило своих полицейских для выполнения этой операции.

(Из дневника Кастеллана)

* * *

Маршал доложил императору, что в Кремле собралось множество вооруженных людей — большей частью преступников, выпущенных из тюрем, и что они стреляют в кавалерию Мюрата, составлявшую авангард. Несмотря на многократные требования, они отказывались отпереть ворота.

«Все эти негодяи — пьяны,— добавил маршал,— и не хотят слушать никаких резонов».— «Пусть же выбьют ворота пушками! — отвечал император,— и выгонят оттуда все, что там засело».

Так и сделали; король Мюрат взял на себя эту обязанность: два пушечных выстрела — и весь сброд рассыпался по городу. После того король Мюрат двинулся дальше по городу, преследуя русский арьергард.

Послышались раскаты всех барабанов, затем раздалась команда: «Garde à vous!» То был сигнал вступления в город. В половине четвертого пополудни мы вступили колонной, тесно сплоченной по взводам. Авангард, в состав которого входил и я, состоял из тридцати человек, командовал им Цезарис, поручик нашей роты.

Только что вступили мы в предместье, как увидали идущих на нас тех самых негодяев, которых выгнали из Кремля: у всех были убийственные рожи, и вооружены они были ружьями, пиками, вилами. Едва перешли мы через мост, отделявший предместье от города, как из-под моста выскочил какой-то субъект и направился навстречу войскам: он был в овчинном полушубке, стянутом ремнем, длинные седые волосы развевались у него по плечам, густая белая борода спускалась по пояс. Он был вооружен вилами о трех зубьях, точь-в-точь, как рисуют Нептуна, вышедшего из вод.

Он гордо двинулся на тамбурмажора, собираясь первый нанести ему удар; видя, что тот в парадном мундире, в галунах, он, вероятно, принял его за генерала. Он нанес ему удар своими вилами, но тамбурмажор успел уклониться и, вырвав у него смертоносное оружие, взял его за плечи и спустил с моста в воду, откуда он только что перед тем вылез; он скрылся в воде и уже не появлялся, его унесло течением, больше мы его и не видали.

Далее нам встретились и другие русские, стрелявшие в нас; но так как они никого не ранили, то у них просто вырывали ружья, разбивали, а их самих спроваживали, ударяя прикладами в зад. Часть оружия была взята ими из Арсенала в Кремле; оттуда же были взяты ружья с трутом вместо кремней; трут кладут всегда, когда ружья новы и стоят в козлах. Мы узнали, между прочим, что эти несчастные покуша-

лись убить одного офицера из Главного штаба короля Мюрата.

Пройдя мост, мы продолжали путь по широкой прекрасной улице. Нас удивило, что не видно было ни души, даже ни одной женщины, и некому было слушать нашу музыку, игравшую «Победа за нами!» Мы не знали, чему приписать такое полное безлюдье. Мы воображали, что жители, не смея показываться, смотрели на нас сквозь щели оконных ставен. Кое-где попадались только лакеи в ливреях да несколько русских солдат.

(Бургонь)

* * *

В надежде, что французская армия действительно сменила арьергард русских, мы осмелились открыть ставни. Подняли шторы; прижав лица к стеклам, мы старались узнать, что происходило на улице, как вдруг сильные удары в дверь снова возбудили в нас ужас. Мы поскорей закрыли окна и ставни. Опять стучат. То же молчание с нашей стороны. Наконец, энергичное восклицание на чистом французском языке уничтожило всякое сомнение в том, кто были наши посетители. Это французы, освободители! Мы суетимся, спешим, летим отворять... «Черт возьми, сударыня! Когда люди сделали 2500 верст беглым шагом, чтобы иметь удовольствие видеть Вас, Вы могли бы, кажется, проворнее отворить, потому что, если я не ошибаюсь, судя по кокарде нашего великого императора, Вы француженка, не так ли?» Субъект, столь любезно обошедшийся со мной, был унтер-офицер егерей Императорской гвардии. Он вошел в сопровождении нескольких товарищей, так же, как и он, умиравших с голоду. С полной готовностью мы дали им все, чем только могли располагать. По нашей заботливости скорее, быть может, чем по языку, они могли узнать, что находятся у соотечественников...

Между тем как солдаты занимали опустелые дома, иностранцы стали показываться на улицах. Число их, считая и тех обывателей, которые не решились бросить свои очаги, доходило все-таки тысяч до двадцати пяти. Но рассеянные там и сям или скрываясь в глубине своих подвалов, они терялись в громадном, безмолвном городе, имеющем 35 верст

в окружности. Пустота, запертые дома, оставленные богатства — все это заставляло французскую армию подозревать, нет ли тут какой ловушки. Вследствие этого офицеры и солдаты запирались в своих квартирах и ложились спать, не раздеваясь, имея под рукой оружие. Эти предосторожности делались по инстинкту, потому что никакого приказа в этом роде не было отдано. Этого было достаточно, чтобы снова возбудить подозрения в несчастных иностранцах. Что значила подобная осторожность, недоверчивость, которыми сопровождались малейшие движения французов, столь доверчивых и легкомысленных по природе? Не было ли это запустение только притворным, не скрывало ли оно какой-нибудь обширный заговор? А куда делись те злодеи, разбойничьи песни которых еще недавно леденили нас ужасом?

В то время как Императорская гвардия и некоторые другие полки занимали Москву, остальная часть армии, не предназначенная войти в город, стояла лагерем в окрестностях. Запрещение входить в город исполнялось этими войсками только до наступления ночи. Но каким образом помешать изнуренным людям взять то, что находится у них под руками? Многие солдаты, тайком пробравшись в город, рассеялись по всем направлениям, чтобы поискать только пищи, но, найдя опустелые дома, они без церемонии стали брать вещи, которые им нравились и которые прежние владельцы, казалось, молча им уступали. Французские солдаты встретили также несколько отсталых русских, на которых приманка добычи и вино оказали больше действия, чем страх неприятеля. Вследствие этой встречи последовали с обеих сторон ружейные выстрелы, но сражение скоро прекратилось, так как и те, и другие явились сюда вовсе не за тем, чтобы драться.

Около 12 часов ночи нам едва не пришлось подвергнуться нападению войск, бывших в лагере; это были итальянцы. Они уже влезли на стену, окружавшую сад, когда наши гвардейцы, при первой тревоге бывшие уже на ногах, мужественно их отразили. Бедняки говорили, что умирают от голода. Им подали через забор несколько хлебов, после чего они ушли.

По-видимому, все дома один за другим подвергались подобной же участи. Москва, несмотря на громадное протяжение и обезлюдение, царствовавшее в ней, не представляла

для французов никакого затруднения относительно распознавания местности, что обыкновенно случается в незнакомом городе. Самые положительные сведения, мельчайшие топографические подробности доставлены были еще до начала войны нашим консулом Дорфланом. Он находился тут же, при армии, так что указания его переходили ко всем, начиная с офицеров и до последнего солдата. Любопытно было видеть, как французы среди громадного города, за 2500 верст от родины, ориентировались и расходились отрядами в Кремль, в Китай-город, в Белый город, как будто все это происходило в городе, отлично известном.

(Домерг)

* * *

Наконец, 14 сентября, когда наши стрелки, выехав из лесу, поднялись на возвышение, у подошвы которого простиралась великолепная равнина, перерезанная рекой Москвой, мы увидели вдали на горизонте огромную древнюю столицу этого обширного государства — великую Москву, где мы надеялись насладиться несколькими днями покоя, купленного такой дорогой ценой.

Эта роскошная картина решительно превзошла все, что рисовало себе наше воображение относительно азиатской роскоши. Невероятное количество раскрашенных в яркие цвета колоколен и церквей, с золочеными крестами, которые соединялись между собой также вызолоченными цепями, резко выделялось на красноватом фоне солнечного заката. Над всей этой панорамой доминировал Кремль, древний и обширный, и его колокольня, на вершине которой сверкал большой крест, сделанный если и не из массивного золота, то, по крайней мере, из позолоченного серебра. Река Москва, очень широкая в этом месте, протекала через весь этот агломерат пышных дворцов и роскошных садов и извивалась по равнине, куда мы должны были спуститься.

Все это произвело на нас магическое впечатление, и наша радость была тем живее, что, так как орудийные выстрелы перестали раздаваться, по всей линии начали говорить о перемирии, которое должно было явиться преддверием мира. В веселом настроении подошли мы поэтому к берегу реки,

переправились через нее вброд и разбили лагерь на противоположной стороне.

Было около 5 часов вечера. Я и один из моих товарищей, по имени Паскаль, сын богатого землевладельца в Дофине, тот самый, которому было поручено захватить тирольского партизана Андрея Гоффера, услаждали себя мыслью об удовольствиях, которые мы надеялись вкусить в Москве, как вдруг почти в одно и то же самое время, под влиянием одной и той же мысли, мы оба воскликнули: «Э! да зачем дожидаться до завтра? Сядем на своих коней и едем в Москву провести там ночь! Мы возвратимся рано утром, чтобы быть уже в седле, когда выступит полк». Эта смелая идея была почти безумием; но мы были слишком молоды, слишком ветрены, у нас слишком уже разыгрался аппетит, чтобы устоять перед искушением тонкого ужина и ночи, полной удовольствий.

Мы были готовы в одно мгновение, несмотря на доводы наших старших и более благоразумных товарищей. Я сел на серую найденную Бастьеном лошадь, и мы галопом отправились по большой дороге в Москву.

Достигнув аванпостов, занятых легкой кавалерией нашей дивизии, мы спросили командующего офицера, очистила ли неприятельская армия город и можно ли будет нам направиться туда.

Он нашел наше предприятие очень опасным; сообщил нам, что рекогносцировки доходили до внешней стены, но что, хотя ворота были отперты, еще не решились проникнуть внутрь города.

Один баварский офицер прибавил, что, по полученным им сведениям, в другом месте неаполитанский король в сопровождении своего Главного штаба встретился с казаками, которые высказали ему свой восторг, и что он, в ответ на их похвалы его рыцарской храбрости, хорошо известной большинству из них, раздал им часы всех своих адъютантов и других офицеров своего штаба.

Несмотря на неопределенность этих указаний, мы дали лошадям шпоры. Мы скакали уже около десяти минут, как вдруг увидели вполне отчетливо кавалерийскую колонну, которая направлялась в нашу сторону. Так как расстояние, отделявшее ее от нас, не позволяло еще узнать форму и так как мы не знали, с кем нам придется иметь дело, с друзьями

или русскими, то мы обнажили сабли и, несколько разъехавшись, двинулись вперед с большой осторожностью. Когда мы приблизились на расстояние ружейного выстрела, от авангарда отделились под командой унтер-офицера несколько человек и направились к нам, и мы могли узнать французскую форму. Тогда, вложив сабли в ножны, мы подъехали к колонне. Ею командовал генерал Брюйер. Он спросил нас, откуда мы приехали, куда направляемся и к какой части войска принадлежим. Зайдя слишком далеко вперед, чтобы отступать, не находясь к тому же под его начальством, ободренные его добрым видом, мы сознались ему во всем.

— Я слишком рад узнать, где находится итальянская армия, с которой мне приказано соединиться и за которой я гоняюсь уже в течение трех часов, чтобы делать вам какие-либо замечания или упреки,— сказал он нам.— Отправляйтесь в Москву веселиться... если можете.

Мы не заставили говорить себе это два раза. Пустив лошадей во весь опор, мы проскакали мимо кавалерийской колонны и скоро очутились перед въездом в город, на что указывали большие ворота, оба створа которых были широко раскрыты, как бы для того, чтобы оказать нам гостеприимство.

Мы готовы были переехать уже их порог, как я увидел старуху, которая, остановив одной рукой за узду мою лошадь и поддерживая другой края своего фартука, криками и жестами приглашала меня взять его содержимое. Я нагнулся к ней и, опустив в ее фартук руку, вытащил оттуда большую печеную грушу, похожую на те, что продают во всякую погоду на набережных или на Новом мосту в Париже. Но, в надежде на более утонченный ужин, я с презрением бросил назад то, что принял бы накануне с благодарностью.

Мы проникли в великолепную улицу, по обеим сторонам которой тянулись тротуары и стояли прекрасные особняки. Мы заметили, что эти особняки отделялись друг от друга обширными садами, обнесенными высокими стенами, что объяснило нам величину этой огромной столицы.

Но, хотя ночь только что наступила, мы не встретили ни одного жителя. Нигде не видно было света, все ставни были закрыты. Ни малейшего шума, ни малейшего признака жиз-

ни, как внутри домов, так и снаружи: всюду царствовало глубокое молчание, молчание могилы...

Мы остановили своих лошадей. Нам было страшно.

Великое решение, принятое неприятелем,— покинуть город предстало перед нашими глазами, как призрак, угрожающий и ужасный. Все иллюзии разрушены. Прощайте, наши надежды на отдых, на спокойное возвращение на родину, которая была так далеко от нас. Перед нами — цепь бесчисленных битв и лишений. Таковы были те жестокие мысли, которые сами пришли нам в голову и которые выразились в одном скорбном восклицании, охватывавшем всех:

«Город покинут!..»

В данный момент нечего было уже думать о хорошем ужине, о ночи, полной удовольствий. Я почти сожалел о печеных грушах старухи.

Мы были ошеломлены этим внезапным ударом судьбы, словно в нас ударила молния. Мы стояли неподвижно, предаваясь нашим печальным размышлениям и не зная, что предпринять, как вдруг послышался шум, сначала глухой и смутный, но потом все более и более отчетливый и ясный, указывавший нам на приближение артиллерийского обоза.

Скоро мы стали отличать голоса и проклятия на французском языке. Улица осветилась красноватым светом факелов, которые несли шедшие впереди артиллеристы. Мы подъехали и познакомились с майором Шопеном, который, проникнув в город, уже довольно давно старался теперь выйти из него, двигаясь почти наугад, к счастью, в верном направлении.

Мы дали ему все нужные указания и, в свою очередь, спросили его, не заметил ли он по дороге, по которой он сейчас прошел, что-нибудь вроде гостиницы, ресторана, трактира или даже кабака, так как мы не собирались уже быть очень разборчивыми.

Он рассмеялся и стал уверять нас, что не встретил ни одной живой души.

«Если вы, мои юные безумцы,— прибавил он,— желаете сделать то же, что и мои канониры, которые только что выломали дверь в двухстах шагах отсюда, то присоединяйтесь к нам и берите наудачу то, что найдете».

Я сознаюсь, что мы должны были бы устоять перед этим искушением, чтобы не компрометировать честь мундира. Но, с одной стороны, печальная перспектива вернуться с пустыми руками в лагерь и стать предметом насмешек товарищей, с другой стороны, гнев, охвативший нас, когда мы увидели, что все наши надежды обмануты благодаря эвакуации города, наконец, голод, который пожирал нас; все это вместе привело нас к тому, что мы совершили поступок, который мы не только не позволили бы себе, если бы жители остались в городе, но и подавили бы всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, если бы кто-либо другой попытался его сделать.

Как бы то ни было, после некоторых колебаний мы продолжили свой путь и скоро очутились перед очень красивым домом. В нем раздавались голоса и смех. Дверь, выходящая на тротуар, была вышиблена, и из подвальных окон ярко сверкал среди глубокой тьмы, окружавшей нас, свет, словно огненные глаза.

Мы слезли с лошадей и, привязав их, проникли внутрь дома. Осторожно ступая и руководясь исключительно шумом раздававшихся под землей голосов, мы нащупали первые ступени лестницы, и через несколько мгновений перед нами открылся ряд сводчатых погребов, ярко освещенных прислоненными к стене или вставленными среди бочек факелами.

Успевшие уже изрядно выпить артиллеристы пели песни во все горло. Но при нашем неожиданном появлении среди них воцарилось глубокое молчание; несмотря на молчаливое разрешение майора Шопена, они сочли себя пойманными на месте преступления. Мы поспешили успокоить их и принялись за осмотр подвалов.

Написанные на бочках крупными буквами имена наиболее известных французских виноградников заставили нас почувствовать большую радость и живо напомнили нам родину.

Можно было прочесть: Château-margaux 1804, 1805; Médoc, Sauterne, 1803, 1804 и т. д. Мы нашли множество мелких бочонков вместимостью от десяти до двадцати бутылок. В них было фронтиньянское вино и несколько лучших сортов испанских вин. Словом, мы не могли напасть на лучшее место; было из чего выбрать. Узнав от одного из артил-

леристов, что мы находимся у аптекаря, мы решили, что он продавал своим клиентам скорее тонические, чем фармацевтические средства.

Переходя из подвала в подвал, мы заметили мертвецки пьяного русского солдата, который валялся в луже вина, вытекшего через кран из почти уже пустого бочонка.

Далее, мы увидели двух высоких, свирепых на вид субъектов, которые, прислонившись к стене, надвинув свои широкополые шляпы на глаза и закутавшись в овчинные тулупы, стояли неподвижно, как статуи, со скрещенными на груди руками. Они кидали на нас дикие и удивленные взгляды, но не выражали ни малейшего опасения.

Может быть, в руках у них были спрятанные кинжалы, и я думаю, что если бы мы были вдвоем, то они могли бы оказаться для нас очень опасными. Но так как у них не было видно оружия, то они не вызвали в нас никаких подозрений.

Однако мне трудно было объяснить их присутствие. Наполняя один бочонок бордо, а другой — малагой, я спросил Паскаля, как могло случиться, что эти люди вместо того, чтобы последовать за общей эмиграцией своих соотечественников, остались здесь и спрятались в подвале. Были ли это дезертиры русской армии или крепостные крестьяне, стремившиеся стряхнуть с себя неволю, воспользовавшись вступлением французской армии в Москву?

Мы терялись в догадках, потому что, если великий акт эвакуации города был очевиден, то еще не начали приводить в исполнение отчаянное решение сжечь город: огонь показался только на следующий день, день торжественного вступления французов.

(Комб)

* * *

Наконец, 14 сентября, в полдень, мы подошли к Москве, не встретив ни одного неприятеля. Под предводительством неаполитанского короля авангард проник в город и прогнал казаков, которые безжалостно грабили последних жителей, не пожелавших удалиться из города. Между регулярными казаками и неаполитанским королем на одной из главных площадей было нечто вроде переговоров о приостановке враждебных действий. Они просили и получили отсрочку,

чтобы подобрать всех своих и удалиться, не делая беспорядка. В особенности обращались они к великодушию победителя, поручая ему многочисленных раненых, которых они должны были оставить. Это и было справедливо, хотя сомневаться в лояльности французской армии — значило не знать ее. К несчастью, зажженный самими же русскими пожар долгое время не давал возможности оказывать им помощь, которая была обещана. Пока шли эти переговоры, казаки, постоянно видевшие неаполитанского короля, одетого всегда очень эффектно, бывшего всегда впереди авангарда, подошли к нему с чувством уважения, смешанного с восторгом и радостью. Он один во всей армии носил на шляпе большой султан из белых страусовых перьев и был одет в какой-то особенный польский плащ, цвета серого льна, опушенный соболем и куницей. Король отдал им все деньги, бывшие при нем, даже часы, а когда у него уже больше ничего не оставалось, он занял часы у полковника Гурго, у своих адъютантов и офицеров (его щедрость не была обременительна для храбрецов, которые его окружали, так как позднее они получили подарки стоимостью, значительно превышающей те предметы, которые они ему одолжили). Казаки выражали свой восторг и громко говорили, что великодушие этого героя французской армии равно его храбрости.

Наполеон сошел с коня у Московской заставы и остановился там, где русские устроили несколько укреплений. Он ждал, пока авангард не очистит город от последних неприятелей, а может быть, и ожидал он каких-нибудь местных властей, которые пришли бы к нему и преподнесли ключи столицы. Но губернатор Ростопчин сумел навести там порядок. Город был совершенно пуст, не считая 2000—3000 колодников. Все, что можно было собрать,— это каких-нибудь 50—60 человек разных наций, которые издавна жили в Москве и которые, далекие от мысли о каких бы то ни было подношениях, сами приходили просить помощи и защиты, потому что они подвергались насилиям и грабежам со стороны уходивших русских. Наконец, Наполеон решился войти в ту часть города, которая называется Дорогомилово, и устроил свою Главную квартиру в прекрасном деревянном доме. Армия тоже расположилась в этом предместье города, которое почти отделено от лучшей части Москвой-рекой. Не успели

мы прийти, как граф Филипп де Сегюр и я получили приказание тщательно осмотреть Кремль с отрядом жандармов. По рассказам русских пленных и иностранцев, живших в Москве, мы знали, что с некоторых пор были приготовлены горючие вещества и воспламеняющиеся снаряды одним химиком, про которого говорили, что он немец и который, как позднее мы узнали, был настоящим англичанином. Этот субъект, которому помогали многочисленные рабочие, долгое время скрывался в усадьбе Вороново, недалеко от Москвы, под покровительством губернатора Ростопчина. Чтобы больше успокоить жителей, официально было объяснено, что там сооружается большой воздушный шар, который должен был поднять 50 человек, снабженных горючими веществами, для того, чтобы бросить их на палатку Наполеона: простодушные москвичи поверили этому. Но вполне вероятно и даже достоверно, что в этом притоне заготовлялось громадное количество пакли, напитанной дегтем, серой и смолой, для распространения задуманного пожара такой силы, чтобы невозможно было его потушить. Действительно, все это можно было найти в оставленных домах. И даже трубы печей губернаторского дома, который не был сожжен и в котором жил генерал Делаборд, были полны маленькими адскими машинами[1], взрывом которых стены должны были обрушиться и задавить наших солдат. Я знаю об этом от нашего доктора Жоанна, который состоял при дивизии генерала Делаборда и жил во дворце Ростопчина все время нашего пребывания в Москве. К счастью, догадались осмотреть трубы и печи[2].

Было вполне естественно предполагать, что подобные вулканические манипуляции были заготовлены и в Кремле, единственном подходящем месте для Главной императорской квартиры. Но после очень тщательного и кропотливого осмотра мы убедились, что никаких приготовлений в этом роде не существовало и опасности никакой не было. Кремль представлял из себя довольно грустную резиденцию для великого

---

[1] Предусмотрительность в деле разрушения была доведена до такой степени совершенства, что только после того, как разрубили поленья, которые казались предназначенными для топки печей, они оказались начинены порохом.

[2] Они очень большие, и большинство их, оказывается, служили для ночлега многочисленных рабов русских вельмож.

государя, и, может быть, граф Ростопчин льстил себя надеждой, что Наполеон захочет поселиться у него во дворце. Но этого не случилось, потому что по докладу, сделанному графом Филиппом и мной, император решил на следующий же день утром переехать в Кремль. Мы же вернулись туда в 10 часов вечера в сопровождении придворных чинов всякого рода, чтобы устроить и приготовить все для встречи Наполеона. Так как во время всех этих передвижений Сегюру и мне было невозможно иметь при себе наших лакеев и все необходимое для ночлега, мы были принуждены провести ночь совершенно одетыми на креслах и стульях. Мы предпочли устроиться в салоне, приготовленном для императора, где окна были без ставней и без драпировок. Я подчеркиваю эти небольшие подробности, так как они имеют отношение к моему дальнейшему рассказу. На таких неудобных постелях, несмотря на страшную усталость этого дня, мой сон был тревожен, и я часто просыпался. Между двенадцатью и часом ночи я заметил довольно яркий свет, хотя и в отдалении; я подошел к окну и ясно увидел, как одновременно вспыхнуло пламя по всем тем пунктам, которые мне позволяло видеть положение Кремля. Расстояние между этими пожарами и правильность их расположения рассеивали возникшие было у меня подозрения, что поджигателями были те грабители, которые являются бичом самых дисциплинированных армий. Я его приписываю отчаянию нескольких диких москвичей, которых присутствие победителя довело до этой крайности. Кроме того, я думаю, что нашим мародерам для грабежа незачем было ходить на окраины такого большого города, который они совершенно не знали и который мог представить некоторую опасность в такой поздний час. Наконец, вся армия была расположена в Дорогомилове, и только на другой день утром были даны точные приказания, чтобы занять различные части города, разместить войска по квартирам. Таким образом, пожар Москвы не должен ни в каком случае быть приписан французской армии, которая никогда не отмечала свои победы бесполезным разрушением. Во имя ее чести я отвергаю такую ужасную славу и отдаю ее тем, которым она принадлежит. Полуцивилизованные варвары задумали этот пожар, приготовили план, распоряжались им, приводили в исполнение, и, заранее отдавая дань лояльности фран-

цузов, они увезли с собой все пожарные трубы, с помощью которых мы могли бы прекратить дальнейшие пожары. Вот что должен отметить правдивый историк в ярких и кровавых красках пожара.

Мы не имели понятия о том великолепии, которое представляла Москва и как широко она раскинулась. Упрятанная в северной глуши, она была малоизвестна Европе, но в ней было 300 000 населения; и если бы обширные пространства, занимаемые садами многочисленных дворцов, были застроены, как Париж, то в своем первоначальном виде, какой мы ее видели, когда приехали, она могла вместить 1 млн жителей. Архитектура дворцов, которые продолжали охватываться пожаром, была смешанная; здесь был и итальянский стиль, и французский, и восточный. Между прочим, расположенный против Кремля Пашковский дворец, внешние стены которого пощадил пожар, представлял смесь всех известных архитектурных стилей; он был увенчан итальянской балюстрадой, уставленной тумбами. На них высились белые мраморные статуи, которые, стоя одиноко на самом высоком пункте среди развалин и обломков, напоминали укоряющих свидетелей. Это изобилие украшений всякого рода производило приятное впечатление.

Кремль — не дворец: это, вернее, безобидная цитадель, выстроенная на возвышенности, окруженной Москвой-рекой. В нем находятся красивые здания, прекрасные церкви, большие казармы, великолепный Арсенал и жалкое помещение для государя, такого могущественного, как самодержец России. Легкая зубчатая стена служит ему военным укреплением. Каменный мост, переброшенный через реку, ведет к укрепленным воротам, которые помещаются в углу большого пространства, служащего общественной площадью, а не двором при дворце. Дальше, в глубине этой площади, налево, есть большая лестница. Она на открытом воздухе, без малейших украшений и какой-либо архитектуры, очень длинная, совершенно прямая, называется «красной лестницей» и ведет на широкую, очень обыкновенную площадку (крыльцо) на одном уровне с апартаментами, предназначенными для резиденции царя. Это помещение состоит из трех больших гостиных, парадной спальни и громадной залы во всю половину здания, названной «царской залой». Службы, кухни, ко-

нюшни помещаются в подвальном этаже под дворцом и площадкой. Наружный вид дворца очень жалкий и неправильный. Не было в Москве вельможи, который не имел бы лучшего помещения, чем государь. С Красного крыльца, налево виден дворец Петра I, построенный в эпоху детства архитектуры, давно заброшенный, который мы отдали нашим служащим, несмотря на рельефные фризы, сохранившие еще позолоту. Арсенал современной постройки, начатый при Петре Великом и конченный его преемниками, расположен на площади почти против дворца и украшен соответственно его назначению. Громадные бронзовые мортиры служат столбами, а две гигантские пушки, поставленные стоя по обеим сторонам главных дверей, служат своеобразными колоннами. Большая церковь Ивана Великого с греческими крестами, золочеными цепями и куполами производит чудное впечатление, когда ее освещает солнце.

(Боссе)

* * *

Шпион, добродушно принятый нами за дезертира, сообщил нам, что русские собирались дать нам сражение под стенами Москвы, где позиция их была сильно укреплена. Действительно, 14 (2) сентября поутру мы заметили некоторые приготовления; русские вырубали деревья, возводили редуты, а на высотах, окружавших Москву, виднелась кавалерия. Я следовал с моей бригадой по пятам за королем Неаполитанским, который, идя все время вперед, указывал нам путь. Мы видели его постоянно среди разведчиков, и неприятель мог также легко различить его по его большому белому султану и по зеленому плащу с золотыми петлицами. Русские сделали четыре или пять выстрелов из орудия; но огонь вскоре прекратился; пронесся слух, будто начались переговоры. Но адъютант императора, генерал граф Нарбонн, посланный с каким-то поручением к королю Неаполитанскому, сказал мне: «Конечно, русские покидают Москву, оставляя ее на великодушие французов». Немного погодя император проехал в экипаже и, подозвав меня, сказал: «Прикажите войскам двинуться, еще не кончено». Я видел ясно, что он был озабочен; не знаю, какие были к тому причины, но, очевидно, граф Нарбонн считал известие, привезенное им, более бла-

гоприятным, нежели его нашел император. Быть может, Его Величество был недоволен радостью, которую выказали солдаты при мысли, что скоро начнутся переговоры о мире. Они ясно выразили эти чувства, приветствуя императора в то время, когда он проезжал мимо них к городу.

Нам велели остановиться около деревянного моста, перекинутого через Москву-реку. Вскоре адъютант короля привез мне приказ идти в Кремль, где часть жителей и нечто вроде национальной гвардии укрылись и заперлись в Арсенале.

В нас стали стрелять из амбразур. Мы рассеяли эту толпу выстрелом картечью из пушки; и, собрав по приказу короля всех, носящих мундир, я запер их в императорском дворце, приставив отряд вольтижеров сторожить пленников.

Король продолжал свой путь, окруженный казацкими генералами, которые осыпали его самыми лестными похвалами за его храбрость. Он думал, что русские не узнавали его, но атаман сказал:

«Я давно узнаю Ваше Величество,— Вы неаполитанский король. Разница между нами в том, что я вижу Вас с самого Немана всегда впереди, во главе Вашей армии, между тем как я вот уже три месяца постоянно нахожусь позади нашей». Он пожелал получить какие-нибудь знаки отличия от короля. Его Величество подал ему прекрасные часы, говоря, что он надеется впоследствии предложить ему что-нибудь более приятное: он говорил о своем ордене, которого желал, как ему казалось, русский офицер.

Стали говорить о мире. Русские были откровенны. «Вы сами напали на нас,— сказали они королю,— наш император был другом Наполеона. Зачем объявил он нам войну? Мы очень хотим мира, хотя теперь это стало очень затруднительным, будем, однако, надеяться, что скоро мы опять станем друзьями!» Генерал Дери спросил одного молодого офицера, очевидно, из лиц с положением, находится ли император Александр в армии, так как мы слышали, что его там ждали. Офицер ответил: «Его там нет, и мы не хотим, чтобы он туда приезжал».

Когда мы подошли к Владимирским воротам, русские генералы стали просить неаполитанского короля, чтобы он не шел дальше.

«Мы Вам уступили город, Ваше Величество,— говорили они,— смотрите, как бы дальше Вы не стали нашим пленником!» Наконец, все-таки условились на перемирие, которое, однако, не должно было ничем обязывать государей. Вследствие этого король приказал мне избегать всяких стычек. Мы вместе с русскими разделили между собой огромное стадо прекрасных быков, которое захватили мои солдаты. Казаки сказали, что это стадо принадлежит им и что им нечем будет поужинать, если мы не отдадим часть его назад. Они говорили, что не заботятся о завтрашнем дне и что пятнадцати быков с них будет достаточно. Я велел возвратить им 22 быка, и они, казалось, были очень довольны. Скрытая радость промелькнула на их лицах, и их лукавая усмешка ясно говорила о их надежде хорошенько наказать нас за наше вступление в Москву.

Был 7-й час вечера, как вдруг раздался выстрел со стороны Калужских ворот. Неприятель взорвал пороховой погреб, что было, по-видимому, условным сигналом, так как я увидел, что тотчас взвились несколько ракет, и полчаса спустя показался огонь в нескольких кварталах города. Как только я убедился, что нас хотели сжечь в Москве, я тотчас решил присоединиться к моей дивизии, стоявшей биваком, не сходя с лошадей, на Владимирской дороге, под стенами города. Я устроил свою главную квартиру на мельнице, где я был уверен, что не сгорю. Ветер был очень сильный, к тому же было очень холодно. Только слепой мог не видеть, что это был сигнал к войне на жизнь и смерть; все подтверждало известия, полученные мной еще в январе месяце в Ростоке и Висмаре относительно намерения русских сжечь свои города и завлечь нас в глубь России. Я уже говорил, что я предупреждал об этом герцога де Бассано и что король прусский, как верный союзник, предсказал императору Наполеону все, что с нами случилось и что ожидало нас впереди.

Лучшие дома Москвы были покинуты жителями, из коих иные уехали всего за несколько минут до нашего вступления в город.

Лакей одной княгини, видевший меня в Италии, узнал меня; он подошел ко мне и просил как милости — спасти дом. Его хозяйка уехала всего только час тому назад, и ее комнаты имели еще жилой вид. Я велел лакею взломать

письменный стол, в котором, по его словам, хранились бумаги, и пообещал ему охрану, которую на самом деле послал сюда, но стража, не найдя дома, заблудилась и проблуждала несколько дней в этом огромном опустошенном городе. На другой день этот прекрасный дом сгорел так же, как и дом генерала Дурасова, в котором осталось несколько слуг.

Все эти слуги беспрестанно повторяли мне, что город будет сожжен, чего им вовсе не хотелось, и умоляли меня о помощи. Сначала я думал, что они приписывают это намерение французам, и старался их разуверить, только тогда они объяснили мне, что в городе осталось более 1000 человек поджигателей и что граф Ростопчин велел вывезти из Москвы все пожарные трубы, часть которых им, однако, удалось припрятать. Итак, они просили моей помощи против русских!

Только на другое утро я смог послать туда своих солдат, но было уже поздно — дом был разрушен.

(Дедем)

* * *

Вступив в Москву, я разослал своих лейтенантов с несколькими солдатами по соседним улицам, чтобы раздобыться провизией. Они нашли все двери запертыми и забаррикадированными. Пришлось их взломать. В одну минуту все было разграблено! То же самое происходило и в других частях города.

Опасаясь какой-нибудь неожиданности, я приказал части солдат остаться при орудиях, а другим возвращаться по первому сигналу.

Почти уже ночью ко мне подошел какой-то человек и, называя себя французом, очень вежливо предложил гостеприимство мне и моим офицерам. Его дом находился рядом со стоянкой моих солдат, и я согласился. Нас приняла дама, рекомендовавшаяся француженкой, женой служащего в Главном бюро французской лотереи в Париже.

Мы были в доме. Мы разговаривали по-французски. Более трех месяцев не было у нас такого праздника.

Нам подали суп с вермишелью, кусок говядины с макаронами, несколько бутылок прекрасного бордо; мне казалось, что никогда в жизни я так вкусно не ел.

После кофе мы начали болтать. Не утратив в России способности болтать как истая француженка, наша хозяйка рассказала нам о богатстве и роскоши Москвы, об удовольствиях, которыми мы будем пользоваться зимой. «Здесь столько дворцов,— говорила она нам,— что каждый из вас получит по одному». По ее словам, Александр придет униженно умолять нашего императора о мире, и все население вернется, чтобы устроить нам манифестацию.

Мои лейтенанты приходили от всего этого в восторг, как вдруг покинувший нас на минуту хозяин вошел смущенный и дрожащий, говоря:

— Ах, господа, какое несчастье. Ряды горят!

— Что такое ряды? — спросили мы.

— Это громадное здание, вдвое больше императорского дворца. Там торгуют золотом, бриллиантами и прочими драгоценностями. Потеря этой ночи будет неисчислима!

Я вышел и действительно увидал зарево. Нагнувшись к моим лейтенантам, я шепнул им:

— Мы погибли, русские хотят сжечь Москву. Пойдем спасать наши орудия!

Вернувшись к моему отряду, который был поблизости, я собрал его и посоветовал запастись самым существенным, т. е. мукой, водой и теплой одеждой. Я сам заставлял солдат взламывать магазины, чтобы забрать несколько мешков муки; мне трудно было заставить их это делать, так как они предпочитали золото.

Сложив все эти мешки в занимаемом нами помещении, я вернулся к нашему хозяину и провел всю ночь, сидя на стуле, не раздеваясь и с оружием в руке.

Я встал на следующее утро очень рано, уверенный, что мы покинем Москву, где пожар опустошил уже несколько кварталов, но, не получая никаких приказаний и не зная, к кому за ними обратиться, я решил устраиваться со своим отрядом.

Сыну моей хозяйки было 15 лет; он говорил по-французски и по-русски. Я обратился к нему с просьбой помочь мне при осмотре соседних домов. Многие из них были уже разграблены. Я поместил своих солдат в огромном здании; комнаты там были великолепны — но мебели не было никакой.

Мне оно тем более понравилось, что там было много печей, где я рассчитывал в свободное время напечь хлебов.

Другое, рядом с нами стоящее здание принадлежало князю Барятинскому. Мой проводник, поговорив кое с кем, принес мне следующие сведения: дом не был еще разграблен; в нем было много мебели; провизии не было никакой, если не считать нескольких кур, но зато было много овса и очень хороший винный погреб.

Я поместился здесь, решив заменить все вино съестными припасами, которые достанут мои солдаты.

В доме находились еще несколько человек слуг. Я удалил их всех в задние комнаты дома, обещав им пропитание, с условием, чтобы они не касались нас. Затем я спустился в погреб. Взломали дверъ, и я увидел, что слуги пьянствовали уже здесь всю ночь. Всюду на полу было разлито вино и валялись пустые бутылки. Однако погреб оказался удобным. Я поставил одного часового во дворе, где стояли батарейные повозки и лошади, а другого — у своей двери. Разместив их таким образом, я опять спустился в погреб, где меня ожидал приятный сюрприз. Кроме огромной 20-ведерной бочки с вином, мы нашли еще массу бутылок, зарытых в песок. Тут были самые тонкие вина: бордо, мускатное, малага, мадера и разные ликеры. Все это стоило, не преувеличивая — более 10000 р.

У меня из головы все-таки не выходила мысль, что скоро нам придется возвращаться во Францию со всякими лишениями, и потому я велел отнести в наши фургоны 250 бутылок мадеры, несколько мешков муки и соленой рыбы, которую мы также нашли в числе провизии погреба.

Мои солдаты тащили все без всякого разбора; они приносили мне из кондитерских корзины с драже, миндалем и макаронами, не обращая между тем никакого внимания на бочку чудного портера, найденного в одном из погребков, или на свежие туши мяса, висящие в мясной.

(Пион де Лош)

* * *

Генерал Дюронель, состоявший при Главном штабе, был только что назначен губернатором Москвы и еще не успел туда уехать. Он навестил генерала Пансоля и предложил

ему послать с ним в Москву офицера, обещая, что в таком случае он отыщет и приготовит ему там квартиру, где бы генерал мог заняться лечением своей раны и немного отдохнуть.

Генерал согласился и указал на меня. На другой день на рассвете я в сопровождении своих ординарцев и одного унтер-офицера — поляка, говорившего по-русски, двинулся в путь.

Мне стоило большого труда отыскать штаб генерала Дюронеля. Увидя меня, последний сказал: «Мой милый, мы распорядились, не спросясь хозяев. Все власти покинули город вслед за русской армией. Таким образом, нельзя думать о регулярном расквартировании, каждый разместился по своему усмотрению. Ищите себе сами подходящую квартиру, и Вы легко ее займете». Я сел на коня и принялся за поиски. Дворцов и особняков, один роскошнее другого, было так много, что я не знал, на каком остановиться. Так я доехал до большой улицы, называемой Петербургской. Тут я увидел вдалеке всадника в сопровождении ординарца, по-видимому, также выбирающего себе квартиру. Подъехав ближе, я узнал принца Евгения. «Что Вы здесь делаете?» — спросил он меня, когда я подъехал. «Я приехал,— сказал я,— найти помещение для генерала Пансоля, но так как я попал в занятый Вами квартал, то и удалюсь».— «А, для Пансоля,— продолжал вице-король,— берите ему квартиру, я его всегда считаю принадлежащим к итальянской армии».

Несмотря на разрешение принца, я направился в другой квартал города и скоро нашел особняк. Пока я его осматривал, в дверь постучали, и скоро явился полковник из штаба принца Ваграмского. Он сказал мне: «Товарищ, Вы меня предупредили. Я не стану оспаривать Ваших прав на эту квартиру, но я предложу Вам обменяться. Я оставил вестового в одном особняке, который, без сомнения, просторнее этого, но который мне не подходит, так как он слишком далеко от штаба принца. Посмотрите его, и если Вы согласитесь, мы поменяемся». Затем он дал мне ординарца, чтобы указать дорогу к особняку, который я нашел более подходящим, чем прежний.

Я даже нашел в нем управляющего, родом француза и потому говорившего по-французски. Я узнал, что он брат на-

чальника эскадрона 5-го гусарского, по имени Хуэн, убитого в Ваграмскую кампанию. Непродолжительность нашего знакомства помешала мне узнать мотивы, побудившие его покинуть Францию и жить в России.

В этом особняке, как и во всех других, хозяин отсутствовал, но вся прислуга осталась, равно как и мебель, белье, серебряная посуда.

Так как генерал имел отличного повара, то ему было достаточно найти лишь самые необходимые вещи.

Итак, я принял предложение полковника штаба и сделал на двери надпись, а для большей верности оставил в доме одного из своих двух ординарцев. Затем я отправился навстречу генералу, которому время должно было показаться очень долгим. Он меня ожидал у тех самых городских ворот, в которые я въехал.

Я повел его на квартиру. Там нас угостили прекрасным холодным завтраком, который мы запили лучшими винами. Генеральский повар, осмотрев запасы провизии, обещал нам к вечеру «парижский завтрак».

Так как рана в руку не мешала генералу ходить, то он предложил мне, в ожидании обеда, немного ознакомиться с окрестностями.

Нам попалось по дороге роскошное мраморное здание. Я стучу, отворяет негр, мы входим. Всюду роскошь и полный порядок, повсюду царило восточное великолепие убранства. «Черт возьми,— сказал генерал,— это гораздо лучше. Поместимся здесь и пригласим к себе управляющего, он нам послужит переводчиком, и мы превосходно устроимся». И мы принялись осматривать особняк, распределяя между собой его комнаты. Вдруг я вижу яркий свет, немного спустя раздается треск, показывается огонь, отель охвачен пламенем. Мы спешим из него выбраться и попадаем в центр пожарища. Здания пылали по обеим сторонам улицы. В то время как мы искали выход, послышались крики, звавшие на помощь. Я отправился туда и увидел бездельника кирасира, силой тащившего какую-то женщину. Я заставил его выпустить пленницу, и та последовала за мной, чувствуя себя в безопасности в моем присутствии. Я присоединился к генералу, и мы отправились на свою первую квартиру. Но едва мы в ней пробыли несколько минут, как и там показался огонь. Экипа-

жи еще не были разгружены, их запрягли, и мы покинули отель, обещавший нам так много удовольствий.

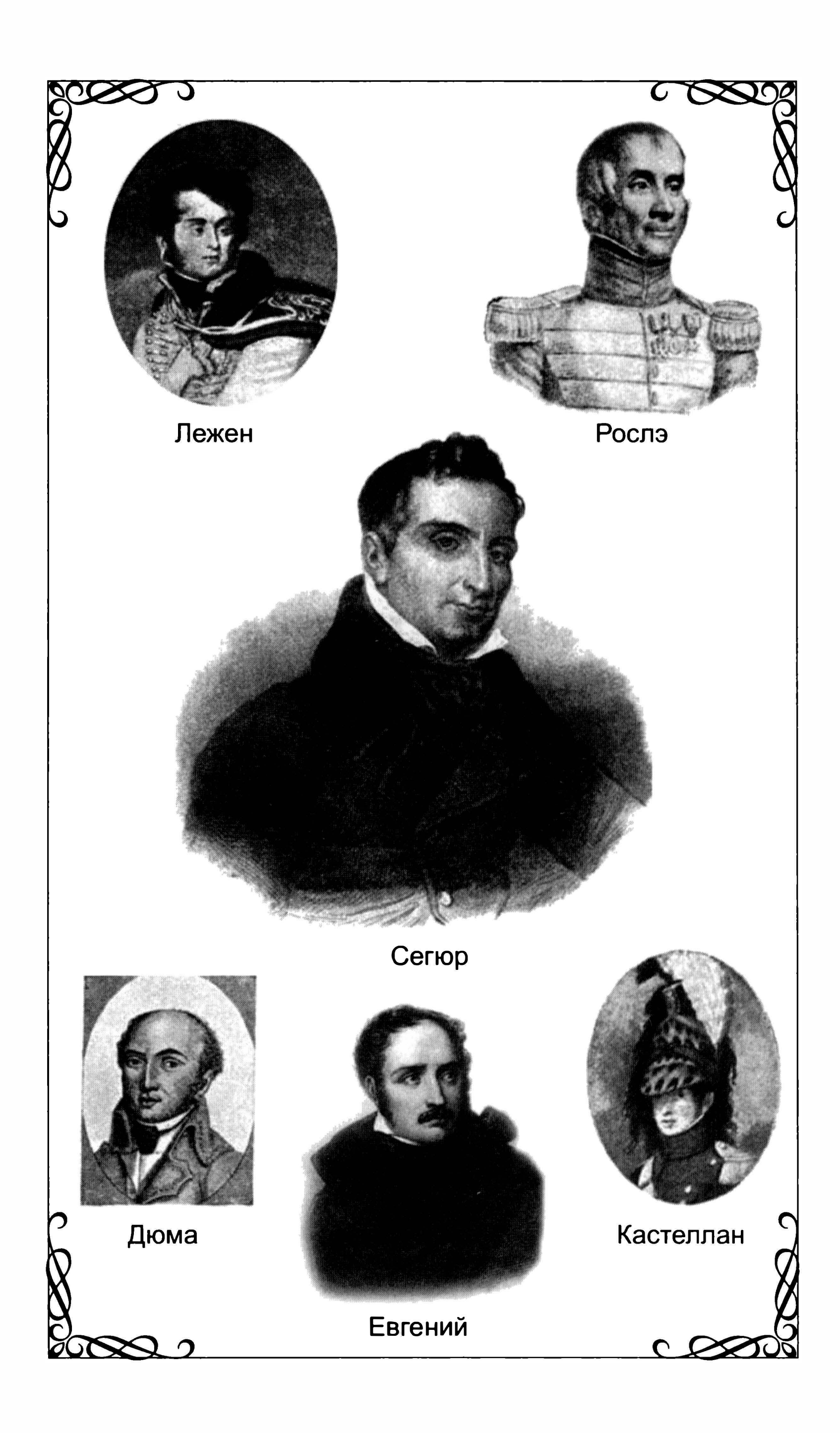
Но куда идти? Огонь был всюду.

Всю ночь мы проблуждали по пожарищу, рискуя каждую минуту быть раздавленными или убитыми пылающими головнями, летавшими справа и слева.

(Био)

ЧАСТЬ II

Пожар Москвы.
Начало отступления.
На старую Смоленскую дорогу

Лежен

Рослэ

Сегюр

Дюма

Кастеллан

Евгений

ПОЖАР МОСКВЫ

К вечеру появилось зарево в нескольких местах, это было вскоре замечено, и слышались вопросы: «Что же значит это быстрое распространение огня?» — «Это биваки». Но скоро мы услышали совсем противное; с быстротой молнии распространился огонь по всем частям города, и к полуночи большая часть его была уже объята пожаром. Были сделаны строгие распоряжения, никому не разрешалось уходить из лагеря, ежечасно били сбор. Тем не менее солдаты десятками бегали в город, выхватывали из горящих домов всякие жизненные припасы, напитки, одежду, возвращались с этой добычей в лагерь и делились с товарищами, даже с офицерами, которые были всему этому очень рады; да и неудивительно, ибо после того, как довольно долго ощущался недостаток во всем, вдруг, можно сказать, в изобилии появились на биваке напитки и жизненные припасы всякого рода. Скоро можно было видеть массу пустых бутылок, валяющихся по биваку, из которых было выпито разного рода вино, сидр, шампанское, ром и арак.

В таком положении пробыли мы до третьего дня, когда, наконец, были снаряжены команды под начальством офицеров, чтобы идти в город и взять оттуда из одежды и припасов то, что уцелело от огня. Но солдаты, как только вступили в предместья, тотчас разбежались в разные стороны, кто куда хотел, входили в горящие дома, забирали все, что только попадалось им, особенно в погребах. Там они нашли в изобилии разные напитки, и, проходя мимо погребов, можно было видеть там пьяных солдат, которые с бутылками в руках кричали проходящим: «Сюда, товарищ!» Зачастую можно было

видеть, как верхняя часть домов, подгорев, обрушивалась над погребами, полными пьяных солдат, пьющих за здоровье проходящих мимо товарищей. Таким образом погибли целые тысячи людей.

(Фоссен)

* * *

Час спустя после нашего прибытия (14 сентября) начался пожар: на правой стороне показался густой дым, потом взвился вихрь пламени; никто, однако, не знал, откуда это происходит. Вскоре нам сообщили, что горит базар, квартал купцов. «Вероятно,— объяснили некоторые,— это мародеры армии по неосторожности заронили огонь, входя в лавки за продовольствием». Многие, не участвовавшие в этой кампании, говорят, что пожар Москвы был гибелью армии; что касается меня и многих других, то я думаю, наоборот, что русские могли бы и не поджигать города, а просто увезти с собой или побросать в Москву-реку все продовольствие, опустошить край на 40 верст в окружности — что было нетрудно, так как часть края пустынна — и тогда нам, по прошествии двух недель, поневоле пришлось бы убраться.

После пожара все еще оставалось достаточно жилищ, чтобы поместить всю армию, и даже если допустить, что все жилища сгорели — и тогда остались бы подвалы.

В 7 часов загорелось за губернаторским домом; полковник сейчас же пришел к нам в караул и приказал немедленно выслать патруль в 15 человек, в том числе был и я. Цезарис отправился с нами, во главе патруля. Мы двинулись в ту сторону, где горело, но едва сделали мы шагов 300, нас салютовали ружейными выстрелами справа и слева. В первую минуту мы не придали этому значения, все еще думая, что это пьяные солдаты армии. Но 50 шагов дальше — из какого-то тупика опять раздаются выстрелы, направленные прямо в нас.

Решили поближе рассмотреть, в чем дело. Мы подошли к дому, откуда заметили выстрелы, выломали ворота и очутились лицом к лицу с девятью дюжими молодцами, вооруженными копьями и ружьями,— они не пускали нас войти.

Тотчас же завязался во дворе бой, довольно неравный, так как нас было 19 человек против девяти...

Мы поспешили осмотреть дом, в одной из комнат мы застали двоих из бежавших людей; увидав нас, они были так поражены, что не успели схватить свое оружие, которое мы забрали себе; тем временем они спрыгнули с балкона.

Так как мы отыскали всего двоих людей, а ружей было налицо три, то мы стали искать третьего и нашли его под кроватью; он вышел к нам, не заставляя себя просить и крича: «Боже! Боже!» Мы не сделали ему никакого вреда, но удержали при себе, чтобы он мог служить нам проводником. Он был, как и другие, отвратителен и безобразен — каторжник, как и прочие; на нем был овчинный тулуп, подпоясанный ремнем. Мы вышли из дома. На улице мы увидели тех двух колодников, что выскочили из окна; один был мертв: он разбил себе голову о мостовую; у другого были сломаны обе ноги.

Мы оставили их, а сами расположились вернуться на Губернаторскую площадь. Но каково было наше изумление, когда мы увидали, что это невыполнимо, настолько распространился пожар: пламя справа и слева образовало сплошной свод, под которым нам приходилось идти, а это было невозможно, при сильно дувшем ветре и ввиду того, что некоторые крыши стали проваливаться. Мы принуждены были избрать иную дорогу и направиться в ту сторону, откуда раздались другие ружейные выстрелы; к несчастью, мы не умели ничего втолковать нашему проводнику.

Пройдя шагов двести, мы увидали по правую руку какую-то улицу; но прежде чем войти в нее, мы, ради любопытства, пожелали осмотреть дом, откуда раздавались ружейные выстрелы,— с виду он показался нам очень красивым. Мы пропустили вперед нашего пленного и сами шли за ним; но вдруг раздались тревожные крики, и выскочило несколько человек с зажженными факелами в руках; пройдя через большой двор, мы убедились, что место, где мы находимся, не простой дом, а великолепный дворец. Раньше чем войти в него, мы оставили у ворот двух часовых, с распоряжением предупредить нас в случае нападения врасплох. У нас были свечи, мы зажгли их несколько и вошли; отроду я не видывал жилища с такой роскошной меблировкой, как то, что представилось нашим глазам; в особенности поражала коллекция картин голландской и итальянской школы.

Уже около часа мы бродили по обширным роскошным хоромам, в стиле, для нас совершенно новом, как вдруг раздался страшный взрыв: он шел откуда-то снизу из-под того места, где мы находились. Сотрясение было страшно сильное, мы думали, что будем погребены под развалинами дворца. Мы проворно спустились вниз, со всякой осторожностью, но были поражены, не застав наших двух солдат, поставленных на часах у дверей. Довольно долго проискали мы их, наконец, нашли на улице; они сказали нам, что в момент взрыва они поскорее убежали, думая, что весь дом обрушится на нас. Перед уходом мы хотели узнать причину напугавшей нас катастрофы; оказывается, в обширной столовой обрушился потолок, хрустальная люстра разлетелась вдребезги, и все это произошло от того, что нарочно были положены ядра в большую изразцовую печь. Русские рассудили, что для того, чтобы истреблять нас, всякое средство годится.

Пока мы были в доме, размышляя о многих вещах, которых еще не понимали, мы услыхали крики: «Горим! Горим!» Это наши часовые заметили, что дворец загорелся. Действительно, из многих мест повалили клубы густого дыма, сперва черного, потом багрового, и в один миг все здание очутилось в огне. По прошествии четверти часа крыша из крашеного глянцевитого толя рухнула со страшным треском и увлекла за собой три четверти всего здания.

Сделав несколько крюков, мы попали на довольно широкую и длинную улицу, где направо и налево возвышались великолепные дворцы. Она должна была привести нас в ту сторону, откуда мы пришли, но каторжник, служивший нам проводником, ничего не мог сообщить нам; он был полезен нам лишь на то, чтобы по временам тащить нашего раненого: ему стало трудно идти. Во время нашего странствия мы встречали проходивших мимо людей с длинными бородами и зловещими лицами; при свете факелов, которые они несли в руках, они казались еще страшнее; не подозревая их намерений, мы пропускали их.

Дальше мы встретили гвардейских егерей и от них узнали, что это сами русские поджигают город и что встреченным нами людям поручено выполнять этот замысел. Действительно, минуту спустя мы увидали трех русских, поджигавших православную церковь. Заметив нас, двое побросали

свои факелы и убежали; мы подошли к третьему — тот не бросил факела, а, напротив, старался привести в исполнение свое намерение, но удар прикладом в затылок сломил его упрямство. В ту же минуту мы встретили патруль егерей, заблудившихся точно так же, как и мы. Командовавший ими сержант рассказал мне, что они видели каторжников, поджигавших несколько домов, и что одному из них он принужден был отсечь кисть руки саблей, чтобы заставить его бросить факел, но когда факел выпал у него из правой руки, он поднял его левой, с намерением продолжать поджоги; они принуждены были убить его.

Немного дальше мы услыхали голоса женщин, звавших на помощь по-французски; мы вошли в дом, откуда слышались крики, думая, что это маркитантки армии в драке с русскими. Войдя, мы увидали разбросанные в беспорядке разнообразные костюмы, показавшиеся нам очень богатыми, и навстречу нам вышли две дамы, взволнованные и растрепанные. При них был мальчик лет 12—15; они умоляли нас оказать им покровительство против солдат русской полиции, которые хотели поджечь их жилище, не дав им времени унести свои пожитки, между коими была одежда Цезаря, шлем Брута, латы Жанны д'Арк; дамы объяснили нам, что они актрисы, что мужья их поневоле должны были уйти в поход вместе с русскими. Мы воспрепятствовали пока поджогу дома, забрав с собой русских полицейских; их было четверо; мы увели их к своему полку, все еще стоявшему на Губернаторской площади; прибыли мы туда с немалыми затруднениями, не раньше двух часов ночи и со стороны, противоположной той, откуда вышли...

Бросив взгляд на площадь, где расположился на биваках наш полк, мне представилось, что я вижу перед собой сборище разноплеменных народов мира,— наши солдаты были одеты кто калмыком, кто казаком, кто татарином, персиянином или турком, а другие щеголяли в богатых мехах. Некоторые нарядились в придворные костюмы во французском вкусе, со шпагами при бедре, с блестящими, как алмазы, стальными рукоятками. Вдобавок вся площадь была усеяна лакомствами, какие только душе угодны — винами, ликерами, в большом количестве; был небольшой запас свежего мя-

са, много окороков и крупной рыбы, немного муки,— а хлеба не было.

15 сентября в 5 часов наша рота вернулась на площадь; она снова была отряжена пикетом, так что моя надежда отдохнуть не осуществилась — я опять был назначен в дежурство на сутки. Остальная часть полка, точно так же, как часть гвардии, были заняты тушением пожаров, приближавшихся к Кремлю; временно удалось остановить распространение огня, но вслед затем он опять вспыхнул сильнее прежнего.

После того как рота вернулась на площадь, капитан разослал патрули в разные кварталы: между прочим, один был отправлен в квартал бань, но он тотчас же вернулся, и командовавший им капрал рассказал нам, что в ту минуту, как они подходили, крыша бань обрушилась со страшным треском, и искры, разлетевшиеся кругом, подожгли другие здания во многих местах.

Весь вечер и всю ночь наши патрули только и делали, что приводили нам русских солдат, которых находили в разных частях города — пожар заставлял их вылезать из своих сокровенных убежищ. Между ними было два офицера, один из армии, другой из ополчения; первый беспрекословно позволил себя обезоружить, т. е. отдал свою саблю без возражений, и попросил только, чтобы ему оставили золотую медальку, висевшую у него на груди; но второй, человек совсем еще молодой и имевший на себе, кроме сабли, пояс с патронами, ни за что не соглашался дать себя обезоружить, и так как он очень хорошо говорил по-французски, то объяснил нам, в виде довода, что принадлежит к ополчению; но в конце концов мы убедили его повиноваться.

В полночь опять вспыхнул пожар поблизости от Кремля; удалось ограничить его распространение. Но в 3 часа утра он возобновился с новой силой и уже не прекращался.

(Бургонь)

* * *

Вторник, 15-е. В городе постоянно вспыхивают пожары, и теперь уже ясно, что причины их неслучайны. Много схваченных на месте преступления поджигателей было представлено на суд Особой военной комиссии...

Большинство арестованных оказываются агентами полиции, переодетыми казаками, преступниками, чиновниками и семинаристами. В назидание решают выставить их трупы, привязанные к столбам на перекрестках или к деревьям на бульварах,— зрелище, которое не может нас развеселить.

Ночью видишь ракеты, которые все время с целью поджога пускают с колоколен, с крыш домов и даже на улицах. Схваченных на месте преступления немедленно расстреливают. Часто несчастные бывают пьяны, и так не протрезвившись, непосредственно переходят к смерти. Находились даже такие, которые, подливая деготь, старались разжечь потухавший огонь. Носясь, как сумасшедшие, они на наших глазах бросали в дома, где мы жили, пылающие головешки, которые они прятали под полами платья.

За поджигателями появляется масса жителей, оставшихся в надежде на возможность грабежа. Замки сломаны, двери вышиблены, магазины, которым грозит пожар, разграблены. Прежде всего истребляются сахар, кофе, чай; затем кожи, меха, материи и различные предметы роскоши.

Солдаты, исполняя до тех пор в общих интересах приказы начальства, заняты были тушением пожара и спасением кусков сукна, драгоценностей, тканей, самых дорогих европейских и азиатских материй и товаров; теперь, зараженные примером грабящего на их глазах народа, они сами с увлечением начинают все расхищать.

Солдаты совсем не грабили, пока не убедились, что поджигают сами русские. Разве можно назвать преступлением то, что они захватывают вещи, никому больше не нужные, которые сгорят и в которых они, всего лишенные, крайне нуждаются. Если бы жители не бежали, город не потерпел бы никаких убытков.

Среда, 16-е, утро. В центре города нет ни одного уцелевшего от огня магазина, кроме книжного, и другого еще, в Управе благочиния. Смола, водка, купорос, самые дорогие товары — все горит. Потоки огня вырываются из этого огромного костра, увенчанного густой тучей дыма. Самые смелые солдаты решаются еще броситься в это горнило; они выскакивают оттуда обожженные, но нагруженные драгоценностями. Видя это, другие следуют их примеру; но, менее счастливые, они часто не возвращаются.

Улицы около базара загромождены самыми разнообразными товарами, и скоро начинается торг между офицерами и солдатами.

17 и 18 сентября. Сильный восточный ветер. Загорелись еще нетронутые части города, огонь овладел частью Мясницкой, Красными Воротами, Лесной площадью, Новой и Старой Басманной и всей Немецкой слободой. Потоки огня несутся по всем кварталам, все слилось в один пожар. Волны пламени, колеблемые ветром, образуют как бы огненное море, взволнованное бурей. Днем большие облака дыма подымаются отовсюду и образуют густую тучу, которая закрывает от нас солнце; ночью пламя пробивается через черные столбы, далеко освещая все зловещим светом.

Жители пригорода, перегоняемые пожаром с места на место, в поисках безопасного пристанища, укрылись на кладбищах, лежащих за госпиталем, или бежали к Петровскому дворцу, где находится император. У всех этих несчастных, женщин, мужчин, стариков, детей, калек, больных, лица искажены ужасом и отчаянием.

Тронутый их судьбой, император обещает заняться ими и помочь им в несчастье.

Более четырехсот из них великодушно помещены в Запасном дворце у Красных Ворот, где они получают не только верное пристанище, но и уход, помощь и пропитание. Другие направляются во дворец Разумовского, где остановился неаполитанский король, который гуманно относится к ним и старается оказать им всякого рода помощь.

Но сколько этих несчастных, изнуренных голодом, усталостью, страданием, ужасом, питаются только овощами, которые они находят в огородах.

Иностранные купцы почти все находятся под защитой генералов и офицеров. Что касается некоторых женщин, оставшихся в Москве, то они выдают себя за несчастных одиноких и стараются пристроиться гувернантками в дома офицеров. Сколько из них, под давлением нужды, ищут покровителя, друга?

Но среди всех этих зрелищ самое ужасное, самое плачевное — пожар больниц. Там было более 20 000 тяжелобольных и раненых. Только что пламя охватило эти здания, как из открытых окон послышались страшные крики: несчастные

двигались, как призраки, и после томительных, мучительных колебаний бросаются из них.

Считают, что таким образом погибло 10000 больных и раненых — т. е. приблизительно половина всех.

Тем временем пожар продолжает свирепствовать, истребляя низкую часть Петровки и уничтожая все магазины снизу доверху по Кузнецкому Мосту, доходя до Лубянки.

Большую часть этих ужасов я увидел с моего поста в пригороде и у Петровской заставы. Приходившие из Москвы рассказали мне остальное. Я записывал все это по мере того, как слышал. В то же время я могу свободно наблюдать солдат разных полков, которые ходят взад и вперед, нагруженные различной провизией и товарами: мукой, сахаром, ликерами, бутылками вина, кофе, ящиками икры, сукном, мехами, дорогими тканями и другим. Все это они сваливают кучами в домах, где живут, и скорее идут за новой добычей.

Они слишком много страдали дорогой от голода, и понятно, что теперь они прежде всего стараются запастись на будущее. За припасами следует одежда, наконец, они тащат полные мешки серебра, жемчуга, ювелирных изделий и другой ценной добычи, которую они сейчас же рады спустить, хотя бы за самую ничтожную цену.

«Идем! — говорят они.— Постараемся вырвать у огня все, что можно. Не дадим русским радоваться их варварскому торжеству и воспользуемся по крайней мере тем, что они бросили. Имеем же мы право воспользоваться тем, что они оставили огню?»

Москва, 19 сентября. Мы узнали, что казакам и русским солдатам, спрятанным в городе, удалось, с помощью жителей и под прикрытием ночи и пожара собраться и, перебегая с места на место, разжигать огонь там, где он затихал; они даже чуть не захватили один из наших пороховых обозов, который, во избежание взрыва, объезжал город; вследствие этого вчера вечером нам был дан приказ преследовать этих поджигателей, всюду задерживать их и исполнять обязанности городской полиции. Мы отправились с батальоном велитов, и я собственными глазами видел следующее.

Солдаты всех европейских наций, не исключая и русских, маркитантки, население, каторжники, масса проституток бросались взапуски в дома и церкви, уже почти окружен-

ные огнем, и выходили оттуда, нагрузившись серебром, узлами, одеждой и проч. Они падали друг на друга, толкались и вырывали друг у друга из рук только что захваченную добычу; и только сильный оставался правым после кровопролитной подчас схватки. Треск пламени, грохот падающих зданий, драка грабителей, крики, жалобы, проклятия схваченных поджигателей, которых казнят на месте; стоны растерявшихся семейств, бегущих в отчаянии спасаться, причем родители тащат на руках плачущих детей; при нашем проходе, дрожащие, они бросаются нам в ноги, умоляя о сострадании; сама поспешность, с которой мы идем к указанному месту,— все это заставляет сжиматься наши сердца; дыхание прерывается, и мы содрогаемся от ужаса.

Спасаясь от сильного жара, мы бесконечное число раз сворачивали из стороны в сторону и все же попадали на дорогу, прегражденную пламенем.

(Ложье)

* * *

15-е. Пожар Москвы все увеличивается...

Москва — великолепный город с чудесными дворцами. Грабеж со всех сторон... Около нашего дома начинается пожар; ночь мы проводили на ногах, пытаясь прекратить его, что нам и удается. Арестуют многих русских, снабженных зажигательными приспособлениями. Конечно, и наши солдаты могли поджечь в некоторых местах, но не повсюду же. Кажется, московский губернатор оставил полицейских, поручив им эту почтенную миссию.

16-е. Пожар вынуждает императора покинуть Кремль. Прогуливаясь по террасе, он сказал графу Лабому, смотря на пожар: «Это сулит нам большие несчастья».

Его Величество переселяется в Петровский дворец за милю от города. Верхом я разъезжаю в разных направлениях по Москве с риском задохнуться в дыму. Никогда не видели более ужасающего зрелища: город больше Парижа, преданный огню и грабежу. Однако как-никак, а надо спасать от пламени, что возможно; значительная часть товаров была истреблена. По целым дням наши лошади стояли оседланными. Так как пожар снова угрожал дому, где мы находились, то для меня вытащили из огня почтовую карету, чтобы заме-

нить ею мою пришедшую в негодность коляску. Можно дешево приобретать экипажи. Я разбил стекло от моих часов; это все равно, как если бы их у меня вовсе не было, так как невозможно достать другое стекло.

Вечером вид горящей Москвы представляет прекрасные световые эффекты. Меня посылают с генералом Нарбонном предохранить от огня прелестный Желтый дворец (Palais Jaune) Екатерины. Нам удается добраться до него в 10 часов вечера после длинных объездов, которые приходилось делать из-за пламени. На улицах мы видели много русских солдат, вооруженных и свободно расхаживающих; другие, раненые, старались укрыться от огня. Мы встретили толпу жителей, увозящих на тележках наиболее ценное из своего имущества, и так как наши солдаты грабили их, то мы дали им конвой. Большое число этих несчастных группами расположилось в окрестностях города.

Отстоять Желтый дворец (Palais Jaune) оказалось невозможным. Мы приказали свернуть много картин; их участь мне неизвестна. У нас было время полюбоваться богатством обстановки.

18-е. На заре после бессонной ночи мы отправляемся обратно. Я возвращаюсь в новое помещение, расположенное против прежнего, сожженного накануне. Этот дом принадлежит графу Каменскому, судя по любовным письмам, забытым в его библиотеке. Так как с рабами невозможно объясниться, то открыть имя владельца очень трудно. Целое утро я провожу в хлопотах о спасении дрожек из пламени. Я приобретаю меховую шубу. Приходится покупать у солдат, если желаешь что-нибудь иметь. Они вытаскивают все из огня; это отчасти делает законным их грабеж. В Москве неслыханные запасы; дома снабжены провизией на восемь месяцев, вино в изобилии. Поэтому наши солдаты пьянствуют; видишь, как они на улицах, растянувшись во всю длину вокруг больших банок с вареньем, едят его как бы за общим столом, окруженные массой бутылок с вином, которыми они великодушно потчуют проходящих. Много шампанского. Несмотря на пожары, в погребах открывают в изобилии съестные припасы.

Службы самых лучших дворцов одноэтажные; сами дворцы самое бóльшее двухэтажные. Этим объясняется обширность города с населением в 300 000 душ. Дома раскрашены,

но меблировка замечательно богата. Деревянные службы, хижины рядом с наилучшими домами благоприятствовали быстрому распространению пожара.

20-е. Первый отвратительный день в Москве: страшный ливень. С аванпостов к нам прибыл Тибурций Себастиани. Со времени взятия Москвы они в дружеских отношениях с казаками. Авангард подвинулся на восемь миль. Перед выступлением он предупредил казаков, которые тоже выступили. Когда генерал Себастиани хотел остановиться, он давал знать об этом неприятелю; последний занимал позиции. Конные патрули устанавливались на расстоянии пистолетного выстрела, лагеря — ружейного. Генерал Себастиани посылает вино казацкому генералу; установили соглашение не драться без предупреждения. 18-го они прислали сказать, что не могут оставить своих позиций без приказа; генерал Себастиани ответил, что он должен занять их; дали несколько пушечных залпов, произвели атаку; в дружеских отношениях вечером от этого ничто не изменилось. Казаки продолжали жить в согласии с нашими кавалеристами; наши гусары делятся с ними вином.

Пожар продолжается, но слабо, так как осталось немного домов. Приказ прекратить грабежи; солдаты должны возвратиться к своим полкам. Странная вещь: на другой день после нашего прибытия я видел оставшихся в городе русских рабов, которые грабили больше, чем наши солдаты.

С высоты Кремля на Москву все еще прекрасный вид благодаря греческим церквам, выстроенным из камня и сохранившимся в большом числе. Каждая из них имеет пять или шесть куполов из позолоченной меди или выкрашенных зеленой краской, и это очень красиво. В Кремле есть огромный колокол, вдавившийся в землю.

(Кастеллан)

* * *

Хотя разрушение Москвы и было большим ущербом для русских, однако эта потеря была для нас еще чувствительнее, так как позволяла нашим врагам извлечь все выгоды, связанные с их суровым климатом. Напрасно среди нас говорили, что пожар столицы был бесполезен и что французская армия должна, напротив, радоваться, что ей удалось избавиться от

многочисленного населения, которое благодаря своей пылкой фантастической натуре могло восстать стихийно. Рассуждая об этом, я убеждаюсь, что русское правительство боялось, зная хитрость нашего вождя, как бы это самое население, далекое от возмущения против нас, не послужило бы орудием для выполнения наших планов. Боялось и того, что большинство сановников, увлекшись этим опасным примером или прельстившись заманчивыми обещаниями, забудет интересы своей родины и согласится на все, чего потребует от них честолюбивый Наполеон. Чтоб предупредить это бедствие, Ростопчин и зажег Москву, думая, что один уж этот великий пример поднимет энергию дворянства и пробудит в народе живую ненависть, жертвой которой должны сделаться мы. К тому же этот город был снабжен продовольствием на восемь месяцев, и французская армия, занимая его, предполагала дождаться в нем весны и тогда двинуться в поход с резервными войсками, которые раскинулись лагерем в Смоленске и на Немане. Пожар же в Москве принудил нас к быстрому отступлению в разгар самого сурового времени года. План, построенный русскими на этом расчете, был вполне верен, так как наша грозная армия, пришедшая во время прекрасной погоды, потеряла треть своего состава только благодаря быстрому передвижению. Нечего было также бояться русскому правительству того, что мы расположимся в какой-нибудь другой местности: отсутствие дисциплины обратило в пустыню все покоренные нами места, а непредусмотрительность того, кто руководил предприятием, не щадила ничего нужного для обратного пути. Чтобы дополнить картину наших бед в разгар мнимой победы, необходимо сказать, что все были страшно измучены маршами и обезоружены стойкостью русских. Кавалерия гибла, а артиллерийские лошади, истощенные дурной пищей, не могли больше тащить орудий. И даже в то время, когда мы были несчастными жертвами московского пожара, мы не могли не восхищаться великодушным самопожертвованием жителей этого города, которые, по примеру испанцев, своей храбростью и настойчивостью сумели поднять себя до высшего предела настоящей славы.

В продолжение четырех дней (17, 18, 19, 20 сентября), которые мы прожили возле Петровского дворца, Москва не переставала гореть. Дождь лил потоками, а небольшое коли-

чество домов, расположенных около дворца, не могло приютить громадного количества народа, стоявшего в этой местности: люди, лошади, экипажи помещались под открытым небом среди поля. Штабы, расположенные со своими генералами вокруг дворца, устраивались в английских садах, ютились в гротах, китайских павильонах, киосках, садовых беседках. Лошади, привязанные к акациям или липам, отделялись одна от другой питомниками или грядками из цветов. Этот лагерь казался еще более оригинальным благодаря новым костюмам, которые выбирали себе солдаты: большинство, чтоб спастись от нападений, надевали на себя те самые одежды, которые раньше живописно пестрели на московских базарах. В нашем лагере можно было увидеть людей, одетых татарами, казаками, китайцами; одни носили польские плащи, другие — высокие шапки персов, баскаков или калмыков. Таким образом, наша армия в это время представляла картину карнавала, и можно было бы сказать, что наше отступление, начавшееся маскарадом, кончилось похоронным шествием.

Армия страшно радовалась награбленным вещам, и это ей помогало даже забывать свою усталость. Стоя под дождем, с промокшими ногами, люди утешались хорошей едой и барышами, которые они извлекали, торгуя всевозможными предметами, принесенными ими из Москвы. Несмотря на то, что было запрещено ходить в город, наши солдаты, соблазнившись легкой наживой, нарушали эти запрещения и постоянно возвращались, нагруженные съестными припасами и различными товарами. Разрывая возле Кремля развалины, груды пепла, они находили совершенно нетронутые склады, из которых они в изобилии уносили всякие предметы. Таким образом, наш лагерь совершенно не походил на армию, а скорее имел вид громадной ярмарки, где военные, преобразившись в купцов, продавали за бесценок драгоценные вещи. Больше всего бросался в глаза чрезвычайный контраст: с одной стороны, люди жили в ужасную непогоду среди поля, под открытым небом, и в то же время они ели на фарфоровых тарелках, пили из серебряной посуды и вообще обладали такими предметами роскоши, которые можно было себе представить только среди очень богатой и комфортабельной обстановки.

Скоро пребывание в Петровском дворце и его садах сделалось нездоровым и неудобным. Наполеон возвратился в Кремль, который был нетронут пожаром. Тогда же гвардия и штабы получили приказание войти в город (20 и 21 сентября). По списку, составленному топографом, в городе уцелела только десятая часть домов.

На этот раз нам уже не представилось затруднения при выборе наших жилищ. Войдя в город, мы страшно огорчились, не видя и намека на прекрасные гостиницы, в которых мы располагались раньше. Все они исчезли, а дым от их развалин густыми облаками закутывал солнце и делал его диск кроваво-красным. Совершенно нельзя было различить направления улиц, только каменные дворцы сохранили некоторые очертания того, чем они были раньше: очищенные от груды угля и пепла, эти остатки нового города походили скорее на остатки древностей.

Все искали себе квартиры, но очень трудно было найти что-нибудь подходящее. Церкви, менее пострадавшие, чем другие здания, и еще сохранившие свои крыши, были обращены в казармы и конюшни. Ржание лошадей и ужасное сквернословие солдат заменили здесь священные благозвучные гимны, которые раздавались раньше под этими священными сводами.

Долго я искал дом, в котором помещался раньше. Наконец, уцелевшая по соседству церковь дала мне возможность распознать его жалкие остатки — торчали только четыре стены, потрескавшиеся от сильного огня. Я с ужасом смотрел на это опустошение, когда из глубокого подвала вышли слуги этого дома; их похудевшие, изнуренные лица, покрытые сажей и пеплом, были неузнаваемы — они мне казались привидениями. Но еще больший ужас овладел мной, когда среди этих несчастных я нашел своего бывшего хозяина, прикрытого лохмотьями, которые ему одолжили его слуги. Он жил теперь так же, как и они — несчастье уравняло все сословия.

При виде меня он не мог удержаться от слез, особенно когда подвел меня к своим полураздетым и умирающим от голода детям. Его немая печаль оставила в моей душе глубочайшее впечатление. Знаками этот несчастный объяснил мне, что солдаты, разграбив во время пожара его имущество,

отняли у него потом и платье, которое он носил. При виде этой раздирающей картины у меня заныло сердце; ища средств, чтоб облегчить его страдания, я боялся, что не смогу ему ничего дать, кроме бесплодных утешений, но этот самый человек, который несколько дней тому назад угощал меня великолепным обедом, принимал теперь с благодарностью кусок хлеба.

Несмотря на то, что большинство населения Москвы исчезло, однако осталось еще много несчастных, которых судьба заставила быть свидетелями всех бедствий. Они бегали по улицам с солдатами, прислуживали им и были довольны, когда в награду получали вещи, которыми те пренебрегали. Можно было увидать и много публичных женщин: это был единственный класс населения, который извлек некоторую выгоду в момент расхищения Москвы. Каждый стремился заполучить женщину и с удовольствием принимал их у себя: войдя в наши жилища, они делались там хозяйками и расточали все, что уцелело от огня. Были и другие женщины, которые заслуживали полного уважения своим поведением и особенно своим несчастьем; часто голод и нужда заставляли их матерей приходить и предлагать нам эти жертвы. Упрек в безнравственности в подобных случаях падает, конечно, всецело на тех, кто не имел в себе силы сдержать грубой страсти и кто искал наслаждений от уст, с которых голод стер краску.

Эта власть, которую нам давали матери над своими дочерьми, была уже признаком общественного бедствия.

Был еще один класс населения в Москве, самый жалкий из всех, который искупал свои преступления ценой новых еще более ужасных преступлений — это были каторжники. В продолжение всей осады столицы они отличались замечательной храбростью, с которой выполняли все приказания, которые им давались. Снабженные огненными снарядами, они снова разжигали пожар в тех местах города, где он, казалось, потухал. Тайком пробирались они в населенные дома, чтобы там устраивать поджоги. Многие из этих гнусных существ были задержаны с факелами в руках, но на них очень поспешная казнь произвела мало впечатления.

Некоторые москвичи, спрятавшиеся в соседних лесах, при виде прекращения пожара решили, что им нечего боль-

ше бояться, и вернулись в город. Одни из них тщетно искали свои дома, другие, желая укрыться в храме, с грустью обнаруживали, что его осквернили. Улицы в это время представляли отталкивающее зрелище; на каждом шагу валялись мертвые лошади, разложившиеся трупы, а на многих полусгоревших деревьях висели бездыханные тела поджигателей. Среди этих ужасов можно было увидеть несчастных жителей, оставшихся без приюта, подбирающими железо, которым были покрыты крыши: они его употребляли на постройку хижин в каких-нибудь отдаленных кварталах или в совершенно опустошенных садах. Не имея совершенно съестных припасов, они раскапывали землю, чтобы вырыть корешки овощей. Или, блуждая среди развалин, они разрывали остывший пепел и отыскивали там полуобгорелые съестные припасы. Все были смертельно бледны, исхудалы, почти раздеты, а медленная походка говорила об их чрезмерных страданиях. Нашлись и такие, которые, вспомнив о потопленных барках с зерном, ныряли, чтобы достать для еды наполовину проросшее и с одуряющим запахом зерно.

Чтоб смягчить впечатление от такого множества бедствий, я хочу напомнить о прекрасном поступке одного французского солдата. Он нашел на кладбище женщину, которая недавно родила; больная находилась без всякой помощи и даже без пищи — и вот этот великодушный солдат, тронутый положением несчастной, окружил ее своими заботами и в продолжение многих дней делился с ней крохами съестных припасов, которые ему удавалось раздобыть.

(Лабом)

* * *

Пылавший город напомнил мне также пожары, истребившие на моих глазах часть Константинополя и Смирны; но на этот раз зрелище было величественнее: это было самое потрясающее зрелище, какое мне довелось видеть. Я никогда не забуду четвертую ночь по вступлении нашем в город, когда император был вынужден покинуть Москву и искать убежища в Петровском дворце. Я выступил накануне со своей дивизией по Владимирской дороге, но страдания, которые я испытывал после взятия Смоленска, вследствие полученной

мной сильной контузии, так усилились, что я не мог более сидеть на лошади и был вынужден просить у короля Неаполитанского позволения уехать для пользования в Москву, сдав временно командование бригадой. Пламя пожара освещало дорогу на расстоянии более двух верст от города; подъезжая к Москве, я увидел целое море огня, и так как ветер был очень сильный, то пламя волновалось, как разъяренное море. Я рад был добраться до моей мельницы, откуда я наслаждался всю ночь этим единственным в своем роде зловещим, но вместе с тем величественным зрелищем. Пожар Смоленска был еще величественнее: глядя на высокие стены и толстые башни, по которым с яростью взвивалось пламя, я представлял себе Трою в роковую ночь, так высокохудожественно описанную Вергилием. Пожар Москвы, обнимавший собой гораздо большее пространство, был менее поэтичен.

Императора Наполеона осуждали за то, что в одном из своих бюллетеней он говорил с восторгом об этой катастрофе. Но он не мог упрекнуть себя в этом случае ни в чем, и, без сомнения, он был бы рад сохранить Москву, не из расположения к русским, но для своей собственной выгоды. Как ни смотреть на пожар Москвы,— как на проявление высокого патриотического чувства, или как на явление, вызванное бессильной злобой,— все-таки решимость русских сжечь Москву была основана на плохом расчете; сожжение ее не имело и не могло иметь никакого влияния на участь армии. Я уже говорил, что в уцелевшей части города остались огромные запасы и что, если бы в нашей армии было более порядка и начальство действовало бы предусмотрительнее, то мы могли бы без труда дойти обратно до Вильно.

(Дедем)

* * *

Все полки, фузилеры и даже Молодая гвардия, состоявшие в распоряжении маршала Мортье, назначенного губернатором города, были заняты последние 36 часов тушением пожаров,— потушат огонь с одной стороны, а он вспыхивает с другой. Однако все-таки удалось спасти достаточно жилищ, даже сверх того, что нужно было для расквартирования войск; но это стоило немало труда — Ростопчин приказал

увезти все пожарные трубы. Немногие оставшиеся трубы оказались негодными к употреблению.

16-го числа был отдан приказ расстреливать всех тех, кто будет уличен в поджогах. Этот приказ начали немедленно приводить в исполнение. Неподалеку от Губернаторской площади находилась другая небольшая площадь, где было расстреляно несколько поджигателей и потом повешено на деревьях; это место навсегда сохранило прозвище «площади повешенных».

В самый день нашего вступления император отдал маршалу Мортье распоряжение запретить разграбление города. Этот приказ был сообщен в каждом полку, но когда узнали, что сами русские поджигают город, то уже не было возможности более удерживать нашего солдата: всякий тащил, что ему требовалось, и даже то, чего ему вовсе не было нужно.

В ночь на 17-е число капитан разрешил мне взять десятерых солдат, вооруженных саблями, и отправиться на добывание продовольствия. Еще двадцать человек он отрядил в другую сторону, потому что мародерство или разграбление — как угодно — были разрешены, но приказано было производить как можно меньше беспорядка. И вот я отправился в третью ночную экспедицию.

Мы добрались до квартала, где все было еще цело; между прочим, мы увидели несколько экипажей, но без лошадей. Кругом царила глубокая тишина. Мы осмотрели экипажи и ничего в них не нашли. Но едва успели мы отойти, как раздался позади яростный крик и повторился вслед затем еще в нескольких местах. Мы стали прислушиваться, но более уже ничего не слышали. Тогда мы решились зайти в два дома: в один — я с пятью солдатами, а в другой — капрал с остальными пятью. Мы зажгли фонари, принесенные с собой, и с саблями в руках собрались войти в дома, надеясь найти там что-нибудь для себя полезное.

Дом, куда я хотел войти, был заперт, и ворота забиты железными болтами. Это сильно меня раздосадовало, нам не хотелось шуметь, выбивая ворота. Но, заметив, что открыт подвал, выходивший на улицу, двое людей спустились туда. Там находилась лестница, сообщавшаяся с внутренностью дома, и нашим людям ничего не стоило отпереть нам ворота. Мы вошли и очутились в бакалейной лавке; все было в цело-

сти, только в одной комнате — в столовой, замечался некоторый беспорядок. На столе виднелись остатки вареного мяса, на сундуке лежало несколько мешков с крупной медной монетой; может быть, ими пренебрегли или просто не могли забрать их с собой.

Осмотрев весь дом, мы решили унести провизию,— там оказалось большое количество муки, масла, сахара, кофе, а также большая бочка, полная яиц, уложенных слоями на овсяной соломке. Пока мы выбирали предметы продовольствия, не торгуясь, считая себя вправе захватить все, раз это добро оставлено владельцами и с минуты на минуту может сделаться добычей огня, капрал, вошедший в дом с другой стороны, прислал мне сказать, что в одной из комнат несколько русских солдат лежат на соломенных тюфяках и что, удивленные появлением французов, они бросились на колени, скрестив руки на груди, моля о пощаде; наши, увидав, что они ранены, оказали им помощь и подали воды; сами они были не в силах принести себе напиться, так тяжки были их раны; по той же причине они лишены были возможности вредить нам.

Я тотчас же отправился к каретнику выбрать два хорошеньких экипажика, очень удобных, чтобы сложить туда все запасы, какие мы найдем, и с большей легкостью перевезти их на место стоянки. Я увидал и раненых: между ними находилось пять канониров гвардии с раздробленными ногами. Всех их было 17 человек, многие были азиаты,— их легко было отличить по манере кланяться.

Выезжая из дома со своими экипажами, я увидал троих каких-то людей, вооруженных, один — пикой, другой — саблей; третий с зажженным факелом собирался поджечь дом бакалейщика, причем оставленные там мной люди этого не подозревали, усердно занятые выбором и упаковкой съестных припасов, найденных в лавке. Увидав это, мы пронзительно вскрикнули, чтобы испугать 3 негодяев, но, к нашему удивлению, ни один не двинулся с места, они спокойно смотрели, как мы подходили, и тот, что был вооружен пикой, встал в горделивую позу с намерением защищаться. Но подойти нам было довольно трудно; с нами не было сабель. Капрал подоспел, однако, с 2 пистолетами, найденными в комнате у раненых. Он дал мне один из пистолетов, а другим

собирался уложить человека с пикой. Но я покуда остановил его, избегая поднимать шум, из опасения, чтобы нам не пришлось навязать себе на шею еще большее число противников.

Тогда один бретонец из числа наших людей схватил небольшое дышло от экипажа и, вертя его в руке, как тросточку, пошел на противника; тот, не умея сражаться таким образом, скоро свалился с перешибленными ногами. Падая, он испустил пронзительный крик; расходившийся бретонец не дал ему времени вскрикнуть еще раз и нанес ему в голову удар до того сильный, что пушечное ядро не могло бы оказать бо́льшего действия. То же самое он собирался сделать с двумя другими, но мы остановили его. Человек, державший в руках зажженный факел, ни за что не хотел его выпускать: он побежал со своей горевшей головней внутрь дома, двое наших людей бросились за ним. Потребовалось не меньше двух ударов саблей, чтобы вразумить его. Что касается третьего поджигателя, то он покорился охотно и немедленно был впряжен в нагруженную повозку, вместе с другим русским, схваченным на улице.

Наконец, мы собрались в путь...

Но в самый момент отъезда мы вдруг увидели, что огонь охватил дом каретника. Мысль, что несчастные раненые должны погибнуть в мучительных страданиях, заставила нас остановиться и поспешить к ним на помощь. Немедленно мы отправились туда, оставив всего троих людей стеречь экипажи. Мы перетащили бедных раненых в сарай, стоявший отдельно от главного здания. Вот все, что мы могли для них сделать. Исполнив это дело человеколюбия, мы как можно скорее уехали, чтобы нам не помешал на пути пожар, ибо огонь занялся во многих местах и как раз в той стороне, куда мы должны были направиться.

Не успели мы сделать и двадцати пяти шагов, как несчастные раненые, которых мы только что перетащили на новое место, в ужасе закричали. Опять пришлось остановиться и узнать, в чем дело. Капрал отправился с четырьмя людьми. Оказывается, загорелась солома, сваленная кучами во дворе; огонь уже добирался до того места, где лежали несчастные. Капрал со своими людьми сделал все возможное, чтобы предохранить их, но, по всей вероятности, они так и погибли.

Мы двинулись дальше и, боясь, чтобы нас не застиг огонь, погоняли свою упряжку ударами сабель плашмя; однако пожара так и не избегли. Очутившись в квартале Губернаторской площади, мы увидели, что главная улица, где разместились многие из начальствующих офицеров армии, вся объята пламенем. Это был третий поджог на этой улице, но уже последний.

Когда мы очутились у выхода на улицу, мы заметили, что подожжено было в нескольких местах на небольшом расстоянии и что, если пуститься бегом, можно было миновать места, где свирепствовал огонь. Первые дома улицы уже горели. Приблизившись к горевшим зданиям, мы остановились, чтобы убедиться, можно ли пройти. Уже многие здания рухнули; те, под которыми или мимо которых нам надо было пройти, также грозили обрушиться на нас и поглотить нас в пламени. Между тем долго оставаться в этом положении не было возможности, так как те дома, которые мы уже миновали, в конце улицы также занялись.

Таким образом, мы были захвачены огнем не только впереди и позади, но справа и слева, и в одну минуту всюду кругом образовался огненный свод, сквозь который мы должны были пробираться. Решено было провезти экипажи вперед. Нам хотелось экипаж, запряженный русскими, пустить первым, но, несмотря на удары сабель плашмя, наша упряжка заупрямилась. Тогда другой экипаж, запряженный нашими солдатами, выехал вперед и наиудачнейшим образом проскочил сквозь самое опасное место. Увидав это, мы еще пуще стали колотить по плечам наших пленных, а те, боясь, что не было бы хуже, ринулись вперед с криками «Ура!» и быстро промчались, слегка опалив себя и подвергаясь большой опасности, так как на дороге валялись разные предметы меблировки, выброшенные из домов.

Вслед за проехавшим первым экипажем мы сами бегом пробежали опасное расстояние и очутились на месте, где здания образовали четыре угла и откуда шли четыре больших широких улицы, сплошь объятых пламенем. И хотя в ту пору лил дождь, но пожар продолжался своим чередом; все новые и новые дома и даже целые улицы исчезали в дыму и в развалинах.

Однако надо было подвигаться вперед и как можно скорее достигнуть места стоянки нашего полка, но мы с прискорбием убедились, что это вещь невыполнимая и что надо было ждать, покуда вся улица обратится в пепел, чтобы иметь свободный проход. Решено было вернуться назад, что мы тотчас же и сделали. Добравшись до опасного места, через которое мы только что перед тем прошли, русские, на этот раз из боязни побоев, не колеблясь, пустились вперед; стремясь оказаться в безопасном месте, они не успели пройти и половины пути. В ту самую минуту, когда мы собирались последовать за ними на этом опасном участке, раздался страшнейший шум: затрещали своды, пылающие стропила и железные крыши обрушились прямо на экипаж. В один миг все было уничтожено, не исключая и возниц; мы не пробовали даже и разыскивать их, но очень сожалели о своих запасах, в особенности о яйцах.

Невозможно описать то критическое положение, в каком мы очутились. Мы были блокированы огнем и не имели никаких средств к отступлению. К счастью для нас, на перекрестке было пространство, достаточно просторное, чтобы мы могли там стоять в защите от пламени и ждать, пока одна из улиц совершенно выгорит и освободится проход.

19 сентября, вечером, я снова был командирован в состав отряда, состоявшего из фузилеров, егерей и гренадер и из эскадрона польских улан — всего-навсего 200 человек; нам поручено было охранять от поджога Летний дворец императрицы, лежащий на одной из окраин Москвы. Этим отрядом командовал, если не ошибаюсь, генерал Келлерман.

Выступили мы в 8 часов вечера, а прибыли туда в половине 10-го. Мы увидели обширное здание, показавшееся мне не меньше Тюильрийского дворца, но выстроенное из дерева и только покрытое штукатуркой, что делало его похожим на мраморное. Тотчас же поставили часовых снаружи и установили пост напротив дворца, где помещалась большая гауптвахта. Для пущей безопасности разослали патрули. Мне поручили с несколькими солдатами осмотреть внутренность здания, чтобы удостовериться, не спрятан ли там кто-нибудь. Это поручение доставило мне случай обойти это обширное здание, меблированное со всей роскошью, со всем блеском, какие могли доставить Европа и Азия. Казалось, ничего не

пожалели, чтобы разукрасить его, а между тем в какой-нибудь час времени оно было совершенно истреблено; не прошло и четверти часа после того, как приняты были меры для устранения поджога, как дворец все-таки был подожжен спереди, сзади, справа, слева и притом так, что не видно было, кто поджигал. Огонь показался сразу в 12—15 местах. Видно было, как он вылетал из окон чердаков.

Немедленно генерал потребовал саперов, чтобы постараться изолировать огонь, но это оказалось невозможным: у нас не было ни пожарных труб, ни даже воды. Минуту спустя мы увидали выходящих из-под больших лестниц и преспокойно удаляющихся каких-то людей, у которых еще были в руках горящие факелы. За ними бросились и задержали их.

Это они и подожгли дворец; их оказалось 21 человек. Еще 11 было схвачено с другой стороны, но, очевидно, они не были во дворце.

По крайней мере, две трети этих несчастных были каторжники, все с отчаянными лицами; остальные были мещане среднего класса и русские полицейские, которых легко было узнать по их мундирам.

(Бургонь)

* * *

Около полуночи я пошел проверять посты, расставленные в городе. Подойдя к тому, который стоял около Биржи, я заметил густой дым, но без огня; караульный офицер сказал мне, что видит этот дым уже второй раз, но что все двери заперты, и потому он думает, что дым происходит от какой-нибудь самой естественной причины, и французская армия здесь ни при чем. Разговаривая с ним и осматривая, откуда мог появиться дым, я вдруг заметил огонь; я побежал на площадь и вернулся в сопровождении сотни солдат, велев остальной части батальона вооружиться. Хотя мое отсутствие продолжалось очень недолго, но, вернувшись, я увидал, что один дом уже в огне. Пожар начался!

Я послал предупредить маршала, который велел разыскать пожарные трубы и принять все необходимые предосторожности, чтобы помешать его распространению. Ветра не было, и огонь разгорался медленно, но мы ничего не мог-

ли сделать, так как двери дома были заперты, и у нас не было никаких орудий, чтобы их взломать.

Убедившись, что горевший дом не соприкасался с другими и что, по всей вероятности, он один только и сгорит, я с помощью нескольких человек взломал все-таки большую дверь и вошел внутрь. Пожар легко было бы потушить, если бы были трубы. Один из помогавших мне людей сказал по-итальянски, что в городе не было ни одной трубы и что губернатор увез их с собой. Он уверял меня, что, по всей вероятности, дома поджигаются также по приказанию губернатора людьми, выпущенными из тюрьмы. Я послал сказать обо всем этом маршалу, а сам за неимением пожарных труб старался локализовать огонь, решив разрушить маленький домик, примыкающий к горящей стене, и таким образом помешать огню распространиться дальше. Человек 20 стрелков-гренадер, человек 10 жителей и я, мы все принялись за работу. Во время нашей работы подъехал маршал посмотреть, в чем дело. Он нашел, что я сделал все необходимое, чтобы прекратить несчастье. Он не хотел верить, что дом подожжен русскими. Он удалился, а мы продолжали работать. Я проверил, что все двери Биржи были заперты и что ни один француз не побывал там. Внутри здания я нашел нескольких человек, которые повторили мне то же самое. После невероятных усилий и после четырехчасовой утомительной работы мы, наконец, разобрали маленький домик. Я думал, что все уже кончено и потеря выразится несколькими малостоящими строениями Биржи. Я страшно устал, едва держался на ногах и, отправившись на площадь, проспал часа полтора; меня разбудили и доложили, что загорелось с другой стороны Биржи, в доме, стоящем с подветренной стороны. Я поспешно направился туда; к нам присоединилось несколько человек жителей; мы приложили невероятные усилия, чтобы прекратить огонь, и достигли этого к 12 часам дня. Теперь можно было надеяться, что настал конец нашим несчастьям. Мы все умирали от усталости, как вдруг увидали нечто такое ужасное, что невозможно даже было себе представить. Город был подожжен с шести совершенно противоположных друг другу сторон, и в то же время природа как бы вошла в соглашение со злодеями, уничтожавшими в один миг памятники нескольких веков: поднялся такой сильный ветер, что огонь перебрасывало на

громадное расстояние. Ночь с 15 на 16 сентября была ужасна! Шум от разрушающихся домов, перспектива всеобщего пожара, вид несчастных, едва спасшихся от пламени,— все это представляло тяжелое зрелище.

16-го числа в 12 часов дня я получил приказ вернуться в полк. Без всякого сожаления я отказался от управления, которым я заведовал. Оно принесло мне только много забот, но не дало даже возможности оказать помощь несчастным, бедствия которых были ужасны. Я был глубоко взволнован. Печаль моя усилилась при приближении к Кремлю. Солдатам было разрешено брать все, что угодно, из горящих домов, и вот я увидал их, нагруженных добычей, отнятой у несчастных жителей, так как под предлогом разграбления горящих домов они грабили во всех.

17-го ветер переменил направление и перекинул огонь к Кремлю, тогда император выехал из Москвы. Невероятные усилия были употреблены, чтобы спасти хоть часть города, но каторжники, которым было приказано поджигать, исполняли этот приказ с таким рвением, что все наши усилия были тщетны.

Я поместился в доме одного полковника, имя которого мне было знакомо и которого я видел в Тильзите; мне удалось спасти его дом от пожара и разграбления.

18-го числа буря, продолжавшаяся уже три дня, настолько усилилась, что на площадях и улицах невозможно было удержаться на ногах. Я стоял у окна и смотрел на печальный вид города, как вдруг увидал во дворе дома против меня мужика, поджигавшего кучу соломы, которую он подложил под деревянное строение. Я стремительно выбежал, и нам удалось спасти этот дом. Мужика задержали как раз в тот момент, когда он поджигал дом с другой стороны; он был так спокоен, точно разводил огонь в своей собственной печке, и его, по показаниям свидетелей, отправили в тюрьму. Что с ним стало, я не знаю! Таких поджигателей задержали очень много, и их судили военным судом. Негодование, возбужденное ими, было так велико, что суду не было даже дано обычной торжественности, которая могла бы устрашить первых подстрекателей. Между прочим более 20 человек было поймано с поличным, и все они признавались, что получили приказ сжечь город, как только в него войдет французская ар-

мия. Однажды мне пришлось отправиться в полк, и, вернувшись, я застал мой дом в беспорядке. Мои слуги и гвардейцы с лошадьми и вещами стояли на улице, не зная, куда идти. Они мне рассказали, что, как только я вышел, они увидали опять напротив в доме человека, который поджигал солому. Они хотели пойти затушить огонь, как и в первый раз, но двери дома оказались запертыми, и они не могли войти внутрь; не прошло и минуты, как он был весь в огне, а так как ветер был в сторону моего дома, они поспешили вывести лошадей и фургоны.

Буря все продолжалась. Солдаты рыскали по улицам в сопровождении русских мужиков, которые указывали им дорогу и помогали грабить.

Вышел приказ, чтобы все войска были вооружены и чтобы защищали только Кремль и часть города, находящуюся около Кузнецкого Моста, где жили иностранные купцы. Я поместился в уцелевшем доме секретаря Нелединского-Мелецкого. Там был управляющий, говорящий немного по-французски. Он заявил мне, что его хозяева увезли все с собой. Я ровно ничего не нашел в этом доме, даже постели, хотя французы не были еще там. Мне показалось, что управляющий поступает так же, как и другие; он брал себе все, принадлежащее его хозяевам, надеясь по их возвращении свалить все на французов. Я ничего не мог получить в доме; однажды я попросил у него стакан вина, но он сказал мне, что в погребе осталось всего 28 бутылок, но на другой день гвардейцы рассказывали мне, что ночью управляющий вывез целую телегу вина и различных вещей.

19-го числа пожар продолжался, но пошел очень сильный дождь, ослабивший силу огня.

20-го дождь продолжался, и огонь стал еще меньше, чем накануне.

21-го прекратился пожар, продолжавшийся с 12 часов ночи 14-го числа, т. е. 8 суток. Император вернулся в Кремль. Отдан был приказ прекратить грабеж; задерживали солдат, несших награбленные вещи, и тут же складывали их на землю под охрану гвардейцев. Жалко было смотреть на богатые меха, серебряные и золотые вышивки и разные другие драгоценные вещи, валяющиеся в грязи.

Я думаю, что более трех четвертей домов в Москве были истреблены. Уцелел Кремль и еще несколько домов, находящихся по большей части около Кузнецкого Моста, где мы квартировали...

(Вионне де Маренгоне)

* * *

В Кремле, этой крепости-дворце, на каждом шагу были расставлены часовые-гренадеры. Они были закутаны в русские шубы, перевязанные кашмирскими шалями; возле них стояли хрустальные четырехфунтовые банки с вареньем и самыми изысканными фруктами, а в банках торчали большие деревянные ложки. Рядом с банками стояли многочисленные фляжки и бутылки, которым, чтобы легче с ними справиться, отбивали горлышки.

На некоторых солдатах вместо медвежьих шапок были надеты русские. Солдаты все казались пьяными; оружие свое они сняли и, по-видимому, караулили при помощи своих больших деревянных ложек. «Стойте, капитан,— сказали они мне при входе,— надо доложить караульному офицеру». Не слушая этой шутки, я хотел продолжать свой путь, но они с оружием и посудой в руках загородили мне дорогу, и я, полусмеясь, полусердито должен был подчиниться этой излишней требовательности, вызванной возлиянием Бахусу. Эти бедные люди так много выстрадали от жажды и голода, что снисходительность к ним казалась мне вполне справедливой. Они повели меня к так называемому караульному офицеру, которого изображал самый старый солдат отряда. Он поместился под сводом, защищавшим его от ветра; перед ним был разложен из досок хороший костер, а одет он был еще причудливее. С важным видом захмелевшего человека, он держал военный совет с бутылками и с банками варенья. «Товарищ,— сказал он,— здесь нельзя пройти, не выпив стаканчика по приказу китайского императора,— и тотчас, взяв левой рукой бутылку вина, а в правую большую ложку варенья, сказал, указывая на бутылку: — За Ваше здоровье, товарищ, но пить нужно до дна». Тут он взял другую бутылку, и, чокнувшись самым любезным образом, мы опустошили их, не переводя духу. «Это не все,— сказал он мне,— вот варенье, приготовленное доброй подругой китайского императора,

Вам надо его отведать». Я сделал это очень охотно и думал, что тут и конец, когда явилась вторая бутылка (прекрасное бордо), и после этого мы стали думать о расставании.

«Прощайте, товарищ, прощайте,— твердил он,— до свидания, и не забывайте друзей китайского императора». Я отправился и слышал, как все бывшие на карауле повторяли в один голос: «Прощайте, капитан; хороший малый — он прекрасно осушает бутылки с вином».

Дорогой я приметил, что пламя значительно увеличивалось, и солдаты принялись за грабеж.

Вернувшись к генералу Дюронелю, я помогал ему надписывать названия кварталов города, писал прокламации императора и письма разным командирам этих кварталов. Принесли большое количество сабель, и я выдал расписку в их принятии. Затем, видя, что во мне более не было нужды, я вышел, чтобы разыскать Лакура. Я застал его за обедом у того русского буржуа, про которого говорил раньше, в компании тех же офицеров 16-го конно-егерского, одного капитана-поляка и бедного немецкого аптекаря, дом которого был совершенно разграблен. Несмотря на печальные обстоятельства, разговор наш был веселый, и в нем приняли участие все присутствующие, кроме несчастного русского, который все время плакал. Мы постарались немного его уговорить, но когда я, рассказывая свои приключения, заметил, что говорят, будто русские должны сжечь свой город, то он вдруг заговорил. «Как же вы хотите, чтобы я не горевал!» — воскликнул он. Его слова на минуту омрачили нашу веселость. Напившись чаю из китайских чашек, я вернулся к своему генералу, который дал мне переписать разные довольно скучные бумаги. Вечером я зашел к Лакуру, устроившемуся с товарищами у того же русского буржуа. Они взапуски пили вино. Я оставил их сильно захмелевшими и вернулся на свой пост. Среди ночи пожар настолько усилился, что генерал послал меня и Дампьера хотя бы проведать, что делалось, если уже невозможно было помочь беде. Мы вышли из дома, повернули налево и пошли все прямо по направлению Москвы-реки. По этому берегу была устроена аллея, обсаженная липами. Вокруг было много деревянных домов и дворцов, отделенных друг от друга подобием маленьких бульваров. Огонь свирепствовал здесь с особой силой. Несчастные обитатели

той стороны бульвара, отделенные от огня какими-нибудь 40 шагами, были все на ногах с женами и детьми; в глубоком молчании следили они за страшными клубами дыма и пламени, пожиравшего их жилища. Тишину нарушали только падения прогоревших зданий, потрескивание огня да жалобный вой гибнущих в огне собак. Улица, на которую мы вышли, была очень красиво обстроена рядами маленьких дворцов в итальянском вкусе, окруженных деревьями и украшенных при входе красивыми решетками. Дампьер и я заметили, что огонь внезапно показывался внутри домов по ту сторону бульвара; сперва его видно было через окно, а затем рушилась крыша. Мы сами видели, как в течение каких-нибудь 5—6 минут огонь вспыхнул в нескольких каменных домах, не сообщавшихся с пылавшими зданиями. Так как мы не могли получить здесь никаких нужных нам разъяснений, то отправились в Кремль, но и там ничего не узнали. Возвращаясь к генералу, мы были отчасти свидетелями тех бедствий, которые неизменно сопутствуют грабежу города. Слышались крики «Убивают!», а затем голоса несчастных замирали в потоках их собственной крови. В другом месте жители устраивали засаду и защищали свои уже наполовину разграбленные очаги от нападений солдат, которых винные пары и оказываемое сопротивление доводили до бешенства. Там полураздетых мужчин и женщин тащили по улице с угрозой задушить, если те не укажут им немедленно, где спрятаны их пресловутые сокровища. Двери всех лавок были широко открыты, торговцы разбежались, товары были разграблены, а сами эти грабители нередко крепко спали в домах, уже наполовину охваченных огнем.

На другой день пожар распространился почти по всему городу, и, когда не осталось никакой надежды на его прекращение, император решил покинуть город. К нашей чести следует сказать, что мы принимали все меры для спасения города от огня, и лично мне, например, несколько раз приказывали (вместе с русскими) идти потушить пожар. Мы отыскали пожарные трубы, но они оказались прорванными и совершенно негодными к употреблению. В домах и на колокольнях находили много людей с пропитанными серой фитилями.

Генерал Дюронель, губернатор города, не хотел покинуть города, пока не будет к тому вынужден крайностью положения, и просил меня и Савиньяка отыскать ему другую квартиру.

Мы отправились по улице вправо и, повернув сперва влево, затем вправо, вышли на недавно разведенный бульвар. Но ни одного годного для жилья дома мы не нашли и остановились на дворце князя Голицына.

(Де Мальи-Нель)

* * *

Я выбрал себе помещение в довольно красивом доме. Нас принял некто вроде управляющего. Богатые люди покинули город, но оставили в своих домах прислугу. Наш управляющий был человек догадливый; он правильно сообразил, что на погреб его барина будет сделан самый жестокий набег, и, желая его предупредить, он выпил столько вина, сколько мог вместить его желудок. Он дорого поплатился за свою излишнюю предусмотрительность; когда начался пожар, не было никаких сил его разбудить, и он погиб в огне.

Было 10 часов вечера. Мы с товарищем спали крепким сном. Нас разбудили жалобные крики. «Пожар, пожар!»— звучали тревожные голоса. Кое-как одевшись, мы выбежали на улицу. Небо пылало. Пожар надвигался со всех сторон и гудел, как вышедшая из берегов река.

Горожане бежали вперемешку с нашими солдатами. При отблесках пламени на их лицах можно было прочитать выражение изумления и отчаяния. Мы приказали запрячь наши повозки и покинули город, держась направления Москвы-реки, протекавшей поблизости.

Я с одним из друзей бродил еще несколько времени среди этого разорения. Мы вышли на большую улицу. Несчастные полураздетые женщины и дети бежали со всех сторон, а перекрестный огонь уже грозил преградить им дорогу.

Среди улицы поместилась старая маркитантка. Я ее узнал; я видел ее утром того же дня, когда она отталкивала своим сильным кулаком гренадера, не хотевшего впустить ее в город. Теперь она стояла, вперив свои зелено-карие глаза в бегущих людей; она останавливала и обшаривала их. Поглощенный зрелищем страшного бедствия, я не обратил на старую маркитантку никакого внимания. В это время ко мне

подходила группа людей: старик, двое или трое детей, молодая девушка, прекрасная лицом, несмотря на свою бледность, и женщина, которую два человека несли на носилках. Все они плакали с надрывающими сердце рыданиями. Старая маркитантка внезапно бросилась к больной женщине и принялась рыться в ее одежде, ища, не спрятано ли там какой драгоценности. Этого с меня было довольно на этот день, чтобы прийти в ярость. Я схватил негодяйку. Да простит мне небо за то, что я ударил женщину.

На другой день мы разбили свой бивак в двух верстах от Москвы, где и провели 5 дней.

Наконец, пожар стих, и мы вернулись в город, где каждый постарался устроиться в уцелевших домах.

О беспорядках и смятении, сопровождавших это печальное событие, рассказывали немало. Говорили о формально разрешенном грабеже, о нарушении дисциплины, о том, что генералы и солдаты, победители и побежденные сталкивались среди развалин и дрались из-за добычи золота, драгоценностей, а главное, из-за съестных припасов, которые бы позволили им прожить несколько дней.

Собаки жалобно выли и по своему врожденному патриотическому инстинкту бросались на пришельцев, захвативших дома их хозяев.

Надо сказать, что причины пожара Москвы были очень сомнительны и остались невыясненными. Много поджигателей, одетых в лохмотья и с лицами разбойников и рабов, было схвачено на месте преступления с роковыми факелами в руках.

Это были, без сомнения, русские люди; их видел и я лично, и вся армия. Трусы, отдавшие им приказ разрушать и убивать, скрылись; клеймо мстителя, которое должно было бы запятнать их, они постарались отвести от себя и указывали причину бедствия в невоспитанности цивилизованных наций. Они посмели обрушиться на французов с осуждением, которое тяготело над ними самими. Поистине странная стыдливость деспотов.

Сегюр нарисовал блестящую и стильную картину пожара Москвы, жаль только, что он изобразил Наполеона, со своей гвардией и армией в беспорядке покидающего Кремль и бегущего среди пылающих улиц. Наполеон ехал вдоль реки, и

если такое отступление было менее драматично, зато оно более соответствовало правилам здравого смысла.

(Дюверже)

* * *

Моя подруга была большой трусихой, и потому я всю ночь не ложилась спать. Я боялась поделиться с ней моими мыслями, чтобы не пугать ее еще больше. Наш квартал был уединенный, и я изредка слышала брань пьяных людей. Следующий день мы также провели очень беспокойно, особенно после того, как узнали, что толпа разграбила кабаки. С наступлением ночи шум усилился, и я слышала громкие возгласы: «Французы!»

Я ждала каждую минуту, что взломают нашу дверь.

Мы провели эти две ночи в ужасном состоянии; наступила и третья, не принеся нам никакого облегчения, так как мы были в полном неведении о том, что происходит в центре города. Я была больна и измучена и потому рано легла спать, а мои друзья поднялись на вышку дома, как и во все предыдущие дни. Вдруг г-жа Вандрамини стремительно вошла ко мне, говоря: «Идите скорее смотреть метеор в небе; это очень редкое явление, он имеет вид пылающего меча — это принесет нам несчастье!»

Считая ее за суеверную особу, я не придала значения ее словам, однако, отправившись наверх, я, действительно, увидала нечто необычайное. Мы поговорили об этом явлении, ничего не понимая, и легли спать.

В 6 часов утра раздались удары в наши ворота. Я бросилась в комнату моих друзей с криком: «На этот раз мы погибли — ломают нашу дверь!» Однако я услыхала, что кто-то зовет хозяина дома, называя его по имени. Мы посмотрели через ставни и увидали одного из наших знакомых. Это был эмигрант Ториак, бывший офицер Королевской гвардии.

«О боже мой,— закричала я,— избивают в другом квартале, он пришел спасаться сюда!»

Этот господин рассказал нам, что все вокруг его дома объято пламенем, и, боясь сгореть, он пришел просить у нас приюта для себя и для других его знакомых. Мы сейчас же согласились, и он пошел за своими друзьями. Вандрамини решился пройти до конца улицы и, вернувшись, рассказал

нам, что чудо, которое видела его жена, не что иное, как зажигательный снаряд, брошенный в дом князя Трубецкого на Покровке, находившийся очень близко от нас, и что как дом князя, так и все ближайшие к нему — в огне. Очевидно, действительно, город будет сожжен. Вандрамини вновь вышел, чтобы узнать еще какие-нибудь новости, а мы решились выглянуть в окно. Я увидала солдата на лошади и услыхала, как он спрашивал по-французски: «Сюда?» Я страшно удивилась. Но так как я не была такой трусихой, как моя подруга, то закричала ему: «Господин солдат, разве Вы француз?»

— Да, сударыня.

— Значит, французы уже здесь?

— Они вступили вчера в три часа в предместья.

— Все?

— Все.

— Должны ли мы радоваться или сокрушаться? — спросила я свою подругу.

— Из одной опасности мы попадаем в другую, может быть, еще худшую?

Наши мысли были очень печальны, и последующие события доказали нам, что наши предчувствия были верны.

Те трое, которые просили у нас приюта, явились, наконец, нагруженные вещами, которые они могли спасти. Они нам рассказали, что огонь распространился во все стороны, но затушить его не было никакой возможности, так как не было пожарных труб.

Мне захотелось выйти, чтобы узнать, не случилось ли чего-нибудь с моими друзьями и с домом, в котором находились мои остальные вещи. Мне говорили, что благоразумнее было бы идти пешком, так как на улице отбирали всех лошадей для армии, которая в них нуждалась. «Впрочем,— сказал хозяин дома,— французы — народ вежливый, может быть, ваших и не возьмут, но своими я рисковать не буду; если нам придется спасать свои вещи, то они нам очень пригодятся».

Казалось, что он пророчествует!

После обеда я взяла дрожки одного из пришедших ночью и отправилась в город. Все дома были полны военными, и в моей квартире я увидала двух гвардейских жандармских капитанов; все в комнатах было перевернуто. Они объяснили мне, что этот беспорядок произошел до их прибытия. Они

встретили здесь одних только русских слуг и, не понимая их слов, решили, что помещение было покинуто. Они приглашали меня вновь поселиться здесь, уверяя, что теперь опасаться мне было нечего. Я ничуть не соблазнилась этим предложением, ожидая, что распространяющийся кругом пожар скоро достигнет и моего дома.

Вернулась я к своим друзьям при свете горящих домов. Ветер дул так свирепо, что огонь распространялся с невероятной быстротой. Казалось, все способствовало тому, чтобы сжечь несчастный город!

Вообще осень бывает прекрасна в России, а теперь была только половина сентября. Вечер стоял превосходный, и мы обошли все соседние с домом Трубецкого улицы, чтобы посмотреть на пожар. Вид всего этого был в одно и то же время и величествен, и грозен.

Четыре ночи мы обходились без освещения — было светло, как днем. Изредка слышались взрывы, похожие на выстрел из ружья, появлялся густой черный дым, который постепенно краснел, приобретая огненный цвет, разрастался в огромное пламя, и несколько часов спустя дома не существовало.

Вернувшись однажды домой, я застала г-жу Вандрамини разговаривающей с одним раненым офицером.

«Я предложила господину офицеру,— сказала она мне,— поместиться у нас. Наш дом находится в такой уединенной местности, что мало ли что может с нами случиться; вот господин офицер советует даже, чтобы мы попросили себе охрану».

На следующее утро я вышла, чтобы собрать кой-какие справки. С одной стороны бульвара, через который я проходила, видно было полное разрушение от пожара; кое-где перебегали улицу солдаты-поляки, и город имел вид обреченного на разграбление.

Я отправилась к губернатору, но около его двери было столько народу, что мне не пришлось говорить с ним.

Возвращаясь домой, я была остановлена молодым офицером, очень вежливо предупредившим меня, что опасно идти одной; он предложил мне свои услуги. В такой критический момент нечего было рассуждать, и я поспешно согласилась. Он хотел слезть с лошади, чтобы идти рядом со мной, но я воспротивилась.

На повороте одной из улиц какие-то заплаканные женщины стали умолять его защитить их от солдат, грабящих их дом, и офицер не преминул за них заступиться, разогнав солдат.

Я торопилась домой, ожидая найти наше жилище разграбленным; до сих пор его сохраняло лишь его отдаленное месторасположение. Наш офицер мог еще некоторое время удержать солдат, но город продолжал гореть, и вскоре не будет никакой возможности их остановить.

Мой молодой проводник пообедал вместе с нами; он оказался очень остроумным, говорил о модах, театре, и под маской солдата мы чувствовали в нем настоящего аристократа.

В скором времени он был отправлен в Петровский дворец, и я его больше не видала. Мне было бы искренне жаль, если бы с ним случилось что-нибудь дурное!

Наполеон, боясь, как бы не взорвали Кремль, жил в Петровском дворце. Г-жа Вандрамини, я и наш раненый офицер решили ехать туда на другой день, чтобы просить себе охрану.

Этот день нашего путешествия останется навсегда в моей памяти. При нашем отъезде дом наш был невредим, и ни на одной из ближних улиц не было заметно даже признака огня. Дочь г-жи Вандрамини, девочка 13 лет, была с нами; она еще ни разу не видала пожара вблизи. Первое, что ее поразило, это были Красные Ворота, самые старинные в Москве. Мы хотели ехать обычной дорогой бульварами, но это было невозможно — повсюду был огонь! Мы поднялись по Тверской, тут было еще хуже: Большой театр, к которому мы направились, представлял из себя пылающую массу. Примыкающий к нему склад дров, приготовленных для театра на целый год, дал еще большую пищу огню. Мы повернули направо: с этой стороны, нам казалось, было меньше огня. Но едва мы очутились на середине улицы, как ветер так сильно раздул пламя, что огонь перекинуло на другую сторону, и образовалось нечто вроде огненного купола. Это может показаться преувеличением, но между тем это сущая правда! Мы не могли пройти ни вперед, ни в сторону, и нам оставался единственный путь назад, по которому мы только что прошли. С каждой минутой огонь увеличивался, и горящие головни уже падали в нашу коляску. Кучер, сидящий боком на козлах, конвульсивно держал еще вожжи, но его лицо, обращенное к нам, выражало ужас.

Мы крикнули ему: «Назад!» Это было трудно, но, подгоняемый страхом, он с невероятным усилием повернул лошадей, пустил их вскачь, благодаря чему мы, наконец, выехали на бульвар.

Мы возвращались домой, радуясь, что, наконец, сможем отдохнуть от огня и пыли.

Никогда не забуду того впечатления, которое произвела на меня представившаяся нашим глазам картина. Дом, куда мы рассчитывали мирно вернуться, дом, где час тому назад не было ни искорки, теперь был в огне. Очевидно, он недавно загорелся, так как люди, живущие во флигеле, сидели покойно, и только крики дочки г-жи Вандрамини заставили их выбежать. Девочка совсем потеряла голову и кричала: «Спасите маму, спасите всех... ах, боже мой, мы все погибли!» Эти возгласы и вид пылающего дома разрывали мне сердце. Я думала о своей дочери и благодарила Бога, что ее не было со мной в такую ужасную минуту.

К счастью, я никогда не теряю присутствия духа, ни при какой опасности, и тут, успокаивая других, я постаралась спасти все, что у меня было более ценного. Толстая прислуга, единственная оставшаяся у нас, помогала мне выносить мои вещи в сад. Мужчины, живущие у нас, и даже наш раненый офицер потеряли голову. Они бегали взад и вперед, но ничего не делали. Они ломали топором запертую дверь, не видя рядом с собой открытую. Несколько офицеров вошли в сад и предложили нам на помощь солдат. Надо было спешить, так как главный дом отделялся от нашего флигеля только садом и оранжереями, через которые огонь мог перейти к нам, что и случилось на самом деле, к счастью, только к утру.

Если бы все делалось обдуманно, мы потеряли бы гораздо меньше. Но страх не рассуждает, да к тому же крики матери и дочери всех волновали.

Когда я все перенесла в сад, то села рядом с портретом моей дочери, с которым не хотела расстаться, и на свободе наблюдала за всем, что происходило вокруг меня.

Не имея больше ни дрожек, ни телеги, я рисковала все потерять. Надо было позаботиться об этом, и, связав в узел самые необходимые вещи, я положила его на дрожки одного из моих сотоварищей по несчастью, другой поменьше я положила на узел офицера, которого сопровождал солдат Марти-

но, очень славный и услужливый парень. Устроив таким образом свои дела, я уложила в свою ручную сумочку мои брильянты и деньги, а сама спокойно стала ожидать, чем все это кончится.

— Чьи это сундуки? — спросил караульный офицер.

— Мои,— ответила я.

— Что же, сударыня, Вы их так и покидаете?

— Куда же я их дену, у меня нет ни коляски, ни лошадей.

— Черт возьми, тогда я возьму часть их себе,— воскликнул офицер.— Правда, что эти вещи больше нужны женщине, чем мужчине, впрочем, мы должны же друг другу помогать!

Я почувствовала себя наполовину спасенной, хотя и потеряла значительную часть своей мебели и сундуков, наполненных вещами. Я бросила все остальное, поставив только портрет своей дочери в уголок оранжереи. Я плакала, расставаясь с ним, предчувствуя, что не увижу его больше. Как мне было жалко, что портрет не сделан миниатюрой!

Мы покинули дом, и вскоре все сделалось жертвой солдат. Грустно было видеть, как женщины, дети и дряхлые старики убегали так же, как и мы, от своих горящих домов.

На улицах было много военных, которые шли в лагерь. Они звали нас с собой.

Проблуждав довольно долго, мы, наконец, нашли улицу, на которой ничего еще не горело. Мы вошли в первый попавшийся дом (все было там разорено), бросились на диваны, между тем как наши мужчины сторожили во дворе экипажи и следили, чтобы огонь не добрался до нас. Таков был конец этого печального дня, воспоминание о котором никогда не изгладится из моей памяти.

Мы провели, понятно, ужасную ночь, не зная, где найти приют, так как меня уверили, что мой дом был истреблен. Оба соседних дома находились между двумя огнями, хотя пожар и не достиг еще до них.

В Петровское мы не могли ехать без офицера, а наш не хотел нас сопровождать. Мы блуждали из улицы в улицу, из дома в дом. Все вокруг носило следы разрушения, и вместо недавно еще богатого и великолепного города я видела только кучи пепла и развалин, по которым мы бродили, как призраки.

В конце концов мы решились все-таки вернуться в наш прежний дом, питая смутную надежду, что он не сгорел. На самом деле, мы нашли его таким же, как в то время, когда его покинули, если не считать того, что солдаты все поломали. Мы даже нашли там нашу спрятанную провизию, которую они, к счастью, не нашли. Не имея во рту куска со вчерашнего дня, мы были голодны, и наш офицер стал поговаривать об обеде.

Мы вынесли из дома стол, несколько уцелевших стульев, и, приготовивши нечто вроде обеда, подали его на стол, поставленный среди улицы.

Вообразите себе обед среди улицы, где со всех сторон нас окружали пылающие дома и дымящиеся развалины; искры от огня, раздуваемые ветром, неслись нам прямо в глаза, поджигатели перестреливались около нас, пьяные солдаты тащили награбленную добычу. Вот картина нашего печального пира!..

Увы! В скором времени нам пришлось увидеть картину, еще более ужасную.

После обеда опять пришлось подумать о приюте. Нам посоветовали пойти поговорить с полковником, который заведовал этим кварталом, и попросить его дать нам офицера, чтобы провести в лагерь.

Моя подруга впала в уныние и ни о чем не могла думать. Надо было на что-нибудь решиться, и я отправилась к полковнику (полковник Зигар, убитый в 1813 г.), самому честному и лучшему человеку, которого я когда-либо встречала и который сделался нашим спасителем.

(Фюзи)

* * *

С 15 сентября начались пожары и всеобщее разграбление Москвы. Я узнал в это утро, что император выехал из Кремля, боясь погибнуть там от пожара или взрыва магазинов. Армия была вся рассеяна. На улицах то и дело попадались офицеры и пьяные солдаты, нагруженные награбленной добычей и провизией, взятой из горящих домов. Улицы были завалены книгами, мебелью и всякого рода одеждой.

Огромное количество женщин, сопровождавших нашу армию, с невероятной жадностью запасались всем, чем только

было возможно, чтобы во время нашего возвращения продавать нам же все это втридорога... Они рыскали по городу, нагруженные вином, ликерами, кофе и дорогими мехами.

Однако пожар продолжал истреблять все кварталы; солдатам приходилось покидать найденные убежища по мере того, как огонь доходил до них, и искать себе другие, пока и оттуда не выгонял их пожар.

Не знаю, правду ли говорили, что русские оставили нарочно в своих покинутых домах несколько солдат и слуг, чтобы сжечь столицу, но я видел собственными глазами, как однажды появился огонь внутри наглухо запертой церкви, огонь проник через ставни, и церковь сгорела; я видел, как в ночь с 14-го на 15-е русские солдаты с топором в руке взламывали двери в дома и поджигали их. Сила ветра и отсутствие пожарных сделали то, что изобилующий деревянными постройками город был в полном смятении. Если бы несколько кавалерийских полков вошло в эту ночь в Москву, они разбили бы нас наголову, тем более что войско, поставленное вокруг стен, чтобы нас защищать в случае нападения, разбрелось для грабежа.

Я боялся — не было ли это уловкой неприятеля, чтобы, пользуясь беспорядком во время всеобщего пожара, атаковать нас, и потому старался удержать своих солдат недалеко от наших орудий.

В ночь с 15-го на 16-е мы легли одетые, чтобы немного отдохнуть, как вдруг Ривиер пришел сказать мне, что загорелось недалеко от нас.

Я вскочил, велел собрать орудия и запрячь лошадей, но затем, пройдя на пожар, я увидал, что огонь не дойдет до нас ранее утра, и вернувшись, приказал, чтобы запрягали только к 6 часам утра.

На самом деле, каким образом мог бы я выйти ночью из этого огромного города, когда я не знал даже ни одной заставы.

На следующее утро в назначенный час я перевел свой отряд в заставу, по дороге к Петровскому дворцу. Стоящий у заставы караул не мог идти на добычу в город, и потому их офицер в виде контрибуции отбирал у проходящих мимо солдат часть их добычи. Он, кажется, даже хвастался этим, показывая мне свою караулку, полную бутылок с вином и корзин с яйцами. Его солдаты были мертвецки пьяны, и он сам подавал им пример, едва держась на ногах...

Когда пожары стали стихать, мы могли, наконец, удобно устроиться, иначе говоря, воспользоваться запасами нашего помещения. У нас не было ни белья, ни посуды, и, руководствуясь указаниями слуг, я велел взломать свежеоштукатуренную стену, за ней мы нашли огромное количество фарфоровой и стеклянной посуды, кухонной утвари, уксуса, горчицы, самого лучшего чая и столового белья. Взломав другую — я нашел чудную библиотеку. Я поделился своими богатствами с товарищами и даже со многими генералами. С этих пор дом мой стал убежищем моих менее счастливых товарищей, которые, однако, любили хорошее вино и вкусную пищу.

Несмотря на все это — время у нас проходило тоскливо; у нас не было других развлечений, кроме библиотеки, но трудно было читать, когда голова полна забот о том, как проведем мы зиму в Москве и каково будет наше отступление в самый разгар зимы...

(Пион де Лош)

* * *

В 11 часов вечера мы услыхали крики, поднимавшиеся в садах: это наши солдаты отнимали у женщин их добро — их шали, их серьги... Мы вышли, чтобы прекратить грабеж. На улицах можно было видеть от 2000 до 3000 женщин, стоявших группами с детьми на руках. Они смотрели на ужасы пожара, но я не видел, чтобы хоть одна из них проливала слезы.

16 сентября вечером император вынужден был удалиться из Москвы и устроился в 4 верстах от города в Петровском замке. Армия также вышла из города и оставила его беззащитным против грабежей и пожаров. В Петровском император провел четыре дня, дожидаясь, пока в Москве не прекратится огонь. Он вернулся туда 20 сентября и снова занял нетронутый пожаром Кремль. Большой штаб его поселен был в Кремле, а малый штаб, к которому я принадлежал, поместился около заграждений, недалеко от Кремля. Я с двумя своими товарищами назначен был адъютантом к одному штабному полковнику, которому поручена была эвакуация госпиталя.

Мы, все четверо, со всеми своими слугами (у одного только полковника их было трое) и лошадьми поселились в доме одной княгини. Полковник умел хорошо распоряжаться. Он посылал нас по госпиталям, но сам туда не заглядывал; он предпочитал оставаться дома и устраивать свои соб-

ственные дела. По вечерам полковник уходил в сопровождении своих трех слуг, запасавшихся свечами; узнав, что в церквах образа выступают рельефами на серебряных пластинках, он шел туда, приказывал снимать иконы, потом всех святых подвергал плавке и превращал их в простые слитки. Свое украденное добро он за банковые билеты продавал евреям. Это был грубый человек и притом самой непривлекательной внешности.

Мы имели в своем распоряжении тысячи бутылок бордо, шампанского, тысячи фунтов сахара. Каждый вечер княгиня приказывала приносить нам четыре бутылки хорошего вина и сахара. Ее погреба были полны. Она часто нас навещала и говорила с нами хорошим французским языком. Однажды вечером полковник стал показывать нам свои покупки и свои хищения (обыкновенно он куда-нибудь уходил в это время со своими слугами). Показал, между прочим, и приобретенные им чудные меха сибирских лисиц. Я имел неосторожность показать, в свою очередь, свой соболий мех, и он потребовал от меня, чтобы я обменял его на шкурку сибирской лисы. Пришлось уступить, так как я боялся его мстительности. Он имел варварство отнять этот мех у меня только затем, чтобы продать его принцу Мюрату за 3000 франков. Этот грабитель церквей позорил имя француза. Я помню, как потом он умер недалеко от Вильно, не перенеся морозов. Бог наказал его. Слуги полковника сейчас же набросились на его тело, чтобы опустошить его карманы.

Моя тяжелая служба кончилась, и несколько дней после этого я отдыхал. Генерал сказал мне: «Я оставляю Вас при себе; больше Вы меня не покинете, обедать Вы будете за моим столом. Вы довольно уже помучились при очистке госпиталей. Отдохните». Приятно было состоять при таком генерале; только одна была у меня забота — доставить корм своим лошадям, а затем приходилось еще похлопотать о столе. Обед генерала был на 12 кувертов, а так как его адъютант был немного ленив, то я сказал ему: «Не хлопочите больше, я озабочусь». В дом притекало все необходимое, у нас было достаточно провизии, чтобы провести здесь зиму, чтобы прокормить и себя, и своих лошадей.

(Куанье)

* * *

Едва мы овладели городом и успели прекратить пожары, устроенные русскими в лучших кварталах города, как пожары эти возобновились с новой силой по двум главным причинам. Первая причина — поджоги со стороны некоторых русских, среди которых, говорят, были и прежние арестанты, так как с уходом русской армии двери тюрем были открыты. Эти несчастные, исполняя, может быть, приказания свыше, а может быть, и самовольно, но во всяком случае с целью грабежа, на глазах у всех бросались от одного дома к другому и поджигали их. Французские патрули, хотя и многочисленные и частые, не могли их удержать. Многих из них я видел взятыми на месте преступления с зажженными факелами или горючими материалами в руках. Смертная казнь, произведенная над некоторыми, не производила на других никакого впечатления, и пожар продолжался 3 дня и 3 ночи без перерыва.[1]

Тщетно наши солдаты рубили дома, чтобы остановить огонь,— последний перескакивал через пустыри, и в одну минуту изолированный дом загорался.

Вторая причина, благоприятствующая пожарам,— были сильные ветры, дувшие по случаю равноденствия. Они раздували огонь, который и распространялся с необычайной силой.

Трудно представить себе картину ужаснее той, какая была у нас перед глазами. Особенно зловеща была ночь с 18 на 19 сентября, когда пожар достиг высшей степени своего напряжения. Погода стояла хорошая и сухая; ветер дул, не переставая, в разные стороны. В эту ночь, страшный образ которой навсегда сохранился в моей памяти, весь город был охвачен пламенем. Со всех сторон до самого неба, покрывая весь горизонт, вздымались огромные разноцветные столбы огня, распространяя на далекое пространство яркое зарево. Эти огненные снопы, разбрасываемые во все стороны и увлекаемые сильным ветром со зловещим свистом, быстро поднимались вверх, сопровождаясь взрывами воспламенив-

---

[1] Один из этих поджигателей проник во дворец, занятый генералом Груши, и хотел поджечь дом, поднеся зажженный факел к пологу постели. Сын генерала бросился на него и при помощи слуги успел вытолкнуть его за дверь; французские патрули арестовали его и представили в суд, судивший поджигателей.

шегося пороха, селитры, смолы, масла или водки, запасы которых имелись почти во всех домах и лавках.

Крашеное кровельное железо внезапно, под влиянием сильного жара, вздувалось и отскакивало в стороны. Большие куски горящих сосновых бревен и балок отскакивали так далеко, что загорались дома, по-видимому, вполне безопасные по своей отдаленности. Всех охватил страх, ужас. Гвардия, Главная квартира и император покинули Кремль и город и перешли в Петровский дворец, расположенный по Петербургской дороге. Я с немногими товарищами остался в уединенном каменном доме, стоявшем во французском квартале недалеко от Кремля. Оттуда мне было удобно наблюдать этот ужасный пожар. Обозы свои мы отправили в лагерь, сами были постоянно настороже.

Оставшееся в Москве простонародье с жалобными стонами перекочевывало из дома в дом. Многие, желая спасти последнее имущество, нагружались такими узлами, которые едва были в силах нести и которые часто им все-таки приходилось бросать, спасаясь от огня. Женщины по чувству природного человеколюбия несли на плечах по одному или по двое детей, таща остальных за руку. Чтобы избежать грозившей им со всех сторон смерти, они, подобрав юбки, бежали по закоулкам улиц и площадям отыскивать себе убежище, из которого их снова выгонял пожар, и тогда они разбегались во все стороны и часто оказывались не в силах выбраться из этого лабиринта, ставшего для многих из них могилой.

Я видел стариков с опаленными бородами, которых их собственные дети спешили вывезти на тележках из этого ада.

Наши солдаты, мучимые голодом и жаждой, пренебрегали всеми опасностями, лишь бы извлечь из подвалов и горящих лавок съестные припасы и другие предметы первой необходимости. Они бегали вперемешку с потерявшими голову горожанами и тащили все, что только могли вырвать у страшного огня.

Наконец, 8—10 дней спустя, весь обширный и прекрасный город был превращен в пепел. Уцелели только кремлевские дворцы, некоторые богатые дома и каменные церкви.

Армию это страшное бедствие повергло в большое уныние; оно предвещало нам большие несчастья.

Возможно было, что у нас не будет ни съестных припасов, ни материалов, чтобы одеть войско. Какую еще худшую картину могло нам нарисовать наше воображение?

Между тем по окончании пожаров Главная квартира снова вернулась в Кремль, а гвардия заняла уцелевшие дома французского квартала, и каждый отдался своим обязанностям.

Скоро удалось разыскать склады муки, мяса, соленой рыбы, масла, водки, вин и ликеров. Небольшое количество провизии раздали солдатам, а бóльшую часть хотели сберечь, сложив в магазины, и эта излишняя предусмотрительность, которая иногда бывает одной отговоркой, впоследствии заставила сжечь или побросать в складах все эти запасы, которые бы очень пригодились и которых хватило бы на прокормление армии, если бы даже она осталась в Москве более 6 месяцев.

Особенно это касается материй и мехов, из которых надлежало бы поскорее сшить теплые одежды, чтобы защитить солдат от будущих морозов. И солдаты, со своей стороны, никогда не думающие о будущем, были далеки от мысли в своих же интересах выказать предусмотрительность, они думали только, как бы добыть вина, ликеров, золотые и серебряные вещи, пренебрегая всем остальным.

Изобилие, к которому привели неустанные розыски, повредило дисциплине армии и здоровью неумеренных людей. Эта причина сама по себе должна была ускорить наше отступление в Польшу. Москва стала для нашего войска второй Капуей.

(Ларрей)

* * *

От 200 до 300 поджигателей были застигнуты на месте преступления и преданы военному суду. Это были по преимуществу шайки рабов, колодники, тайком выпущенные на свободу, и всякий сброд. По их мнению, пожар распространялся недостаточно быстро; с помощью палок, покрытых серой, они через окна домов поджигали приготовленные в них легковоспламеняющиеся вещества. Эти несчастные могли с успехом подождать северо-восточного ветра, который подул со страшной силой два дня спустя после того, как мы пришли, вместо того чтобы лезть на опасность, жертвой кото-

рой они стали впоследствии. Пожар, вспыхнувший сразу во многих местах, распространялся со страшной силой и быстротой. Граф Тюренн и я были вынуждены в одно это утро переменить свое помещение целых три раза. Обыкновенно огонь начинался в верхней части домов, пламя и искры, подгоняемые ветром, поджигали крыши, по большей части покрытые толем. Огонь доходил до балок и теса, которые поддерживали крышу, и тогда уже не было никакой возможности спасти здание. Надо было бежать от этой горящей лавы, которая просачивалась всюду и все уничтожала. Наконец, мы устроились в одном из домов напротив Кремля, единственно уцелевшем среди окружающих его обломков. У наших лошадей были хорошие конюшни, нам тоже было довольно удобно; а наши слуги должны были исполнять свои тяжелые обязанности — идти осматривать погреба. Они выкапывали бутылки и приносили их в комнату, нечто вроде кухни; граф Тюренн и я следили за их работой. Его лакей прекрасно распознавал вино по вкусу; в числе бутылок оказалось несколько совершенно похожих на другие, как по форме, так и по цвету и по качеству пробок. Проба происходила без предосторожностей, просто при помощи горсти. Взяв в рот содержимого одной из бутылок, лакей графа Тюренна вдруг сплюнул и вылил с ладони жидкость, громко крича и делая ужасные гримасы: то была азотная кислота — руки и рот у него были страшно обожжены. Это предостережение заставило наших людей быть более осмотрительными. Граф Тюренн и я обедали, обыкновенно, во дворце, и, следовательно, мы были в стороне от этой тяжелой неразберихи, в какой жили наши лакеи. Я здесь говорю обо всем этом только потому, чтобы дать понятие о всех родах истребления, которые были приготовлены для нас.

Через три дня успехи пожара, задуманного на досуге, сделались так велики, что они достигли Кремля. Огонь проник даже в Арсенал, который охранялся особенно тщательно, так как он был полон военных припасов. Саперам гвардии удалось справиться с пожаром. Но так как огонь снова мог добраться до Кремля, то было благоразумнее удалиться и дать пламени уничтожить все то, что еще оставалось. Император решил оставить Кремлевский дворец. Главной квартире приказано было расположиться лагерем вокруг Петров-

ского дворца, представлявшего из себя род татарского павильона и принадлежавшего русскому императору; он находился верстах в шести от Москвы на берегах Москвы-реки, и там не было даже стула, на который можно было бы сесть. Выходя из Кремля, чтобы отправиться туда, мы должны были проходить по горящим улицам и задыхались от пламени и дыма, разгоняемых ветром; нам понадобились проводники, чтобы пройти более или менее безопасно через Москву. Так на море приходится брать лоцмана, чтобы избежать рифов в опасном и неизвестном месте. Никогда больше в моей жизни не пришлось мне видеть такой красоты ужаса, как этот громадный занавес пламени, колеблемый ветром. При его свете вечером в Петровском мы могли читать без всякого другого освещения. Так как самая холодная и самая возмутительная предусмотрительность управляла распределением стольких способов истребления, то сера, смола, водка, спирт и проч. то и дело меняли оттенки и цвета пламени, смотря по тому, какова была его пища в том или другом месте.

Мы провели в Петровском два дня, которых было достаточно, чтобы удалить опасность от Кремля, и Наполеон вернулся опять туда же. Мы нашли наше жилище в том же положении и расположились вновь, уже вполне спокойно. Так как не было никакой раздачи фуража, то я послал двух моих служащих в сопровождении кавалерийской роты с несколькими лошадьми принести все необходимое, чтобы животные могли просуществовать несколько дней. Едва только начали они собирать сено, верстах в восьми, как целая туча казаков накинулась на них с громкими криками «Ура!»; мои служащие, обладавшие таким же миролюбивым характером, как и я, спаслись бегством и вернулись без фуража, оставив лошадей, которых они вели на поводу; они привели мне только тех, на которых сидели сами: так они спешили бежать. В этом грустном предприятии я потерял трех лошадей, купленных в Нормандии. Таким образом, я начал предвкушать последовательные потери, которые мне пришлось понести во время нашего бедственного отступления.

(Боссе)

* * *

Москва, 21 сентября 1812 г.[1]

Пожар, уничтоживший большую часть этого прекрасного города, наконец, прекратился. Эта страшная катастрофа, причинившая русским больше зла, чем потеря шести сражений, является делом рук Ростопчина, его преступлением. Он один автор и распорядитель в выполнении этого адского замысла, выполненного с определенной систематичностью.

Между горожанами, заинтересованными в сохранении своего имущества, он бы не нашел себе помощников, и он отправился за ними в тюрьмы, где и нашел достойных его соучастников.

Утром 14-го он велел освободить 800 колодников, приговоренных к смертной казни за проступки, несомненно, менее тяжкие, чем те, к выполнению которых он их привлек.

День и ночь 15, 16 и даже 17-го все новые пожары разгорались в кварталах города по направлению дувших ветров и оттуда переносились в другие части города. Дома, расположенные в кварталах, где огонь еще не показывался, вдруг загорались сверху, как будто бы от удара молнии. Так, например, прекрасное здание Биржи, у которого все железные двери были заперты на задвижки, неожиданно загорелось, так что нельзя было понять, каким образом попал в него огонь.

Все было заранее приготовлено, и было достаточно одного поджигателя, чтобы разразился пожар.

Во многих домах были найдены груды белья и других легковоспламеняющихся материалов, пропитанных смолой или покрытых серой и положенных в сараи, конюшни, под деревянные мостницы. Наружу были проложены веревки наподобие пушечных фитилей, которые должны были перенести огонь внутрь. Там, где подобные средства не были заготовлены, помощники Ростопчина очень ловко выпускали зажигательные ракеты.

---

[1] Письмо было послано Маре де Бассано дипломатическому корпусу и составлено на основании сведений, доставленных ему Лелорнье д'Идовилем и другими корреспондентами.

Очень грустно видеть на обширном пространстве, когда-то занятом Москвой, вместо украшавших город прекрасных дворцов одни кучи кирпичей и еще дымящиеся развалины.

С предусмотрительностью, свойственной преступному уму, губернатор Ростопчин приказал вывезти все пожарные трубы, тогда как помощь против пожара организована здесь так хорошо, как ни в одном европейском городе.

И в то же время неразумие его ярости сказалось в том, что он не указал своим приспешникам местонахождения ни артиллерии, где были сложены военные припасы русской армии, ни огромных складов муки, дорогой ценой собранной для продовольствия этой армии. Французская армия нашла здесь припасы, достаточные для нескольких кампаний, и ее продовольствие обеспечено на 6 месяцев.

По словам горожан, оставшихся в Москве, ожидали императора Александра, возвестившего 10-го о своем прибытии. Но он не появился ни в столице, ни в армии.

Великий князь Константин прибыл после сражения под Москвой. Уверяют, что это он посоветовал открыть тюрьмы в момент вступления в Москву французской армии, но это очень сомнительно.

Ростопчин не нуждался ни в чьем совете. Этот человек способен на всякое преступление. Стоит вспомнить приказ, помещенный им в «Московских ведомостях», месяца два тому назад, по поводу некоего Верещагина, сына московского купца, которого подозревали в том, что он сказал или написал, что через 8 месяцев Наполеон овладеет Москвой. Верещагин содержался в тюрьме, когда 14-го в 3 часа утра Ростопчин велел схватить его и привести на задний двор губернаторского дома и без всякого суда отдал его на растерзание солдатам. Он приказал также привести его отца, но несчастному удалось бежать из-под стражи. Это лишило Ростопчина жестокого удовольствия приказать убить сына на глазах у отца. Смерть Верещагина была медленная и мучительная. Его истерзанное тело еще лежало у дверей дома Ростопчина, когда французы вступили в Москву.

В городе восстановлен порядок. Маршал Мортье, герцог Тревизский, назначен генерал-губернатором Москвы и губернии. Кавалер ордена Лессепс получил должность интенданта.

Город разделен на 20 кварталов, каждый со своим особым командиром.

Много говорили о сельском ополчении, организованном русским правительством. Кое-кого из них взяли; они умирали от голода и усталости. По их словам, их гоняли, как стадо животных.

Несмотря на все старания воодушевить этих невежественных полуварваров, их не сделали фанатиками. Они повсюду бросают пики, которыми их вооружали, и мечтают об одном — о возвращении в свои деревни. Мундиром им служит кусок кожи в форме буквы «А», а на шапках у них нашиты греческие кресты.

Московская молодежь сформировалась в небольшие группы гренадер, стрелков и казаков, конных и пеших. Они желают, но не имеют духа бежать. Их забирают ежедневно. Кажется, они совершенно излечились от своего воинственного пыла.

(Маре, герцог Бассано)

* * *

Вечером 14 сентября, т.е. накануне вступления Наполеона в Кремль, пожар вспыхнул зараз в нескольких местах: на Солянке, около Воспитательного дома, в окрестностях Кузнецкого Моста и во многих домах по сю сторону Яузы. С наступлением дня пожар страшно усилился. В то время как старались затушить огонь в первой из этих частей, неаполитанский король быстрыми и энергичными мерами совершенно погасил его около Кузнецкого Моста. Принц этот жил очень близко отсюда, в доме Баташева. Едва успели потушить здесь, как огонь снова показался на Покровке, в доме князя Трубецкого, на Арбатской улице и на всей линии, ведущей к Смоленской заставе. Французы сперва не обращали на это большого внимания. Они приписывали пожар случайностям, которых нельзя предупредить в городе, покинутом жителями.

Между тем пожары усиливались и распространялись с ужасающей быстротой. Стали подозревать, что причина стольких несчастий — дело злоумышленников. Как только внимание было обращено на это, ужасная истина не замедлила обнаружиться. Поджигателей хватали на месте преступления. Многие были тут же убиты, другие предавались военному суду. Разумеется, энергичная деятельность фран-

цузских войск в соединении с усилиями оставшихся благонамеренных граждан была бы достаточна для того, чтобы остановить распространение бедствия. Но, как мы уже видели, главная часть войск стояла биваком у разных застав. Что же могли сделать несколько тысяч солдат, рассеянных в громадном городе и, надобно прибавить, занятых еще обереганием и защитой собственных жилищ? Сделавшись хозяевами удобного дома или великолепного дворца, они все вообще думали, что купили эту минуту отдыха слишком дорогой ценой, для того чтобы идти на новые опасности. «Пусть себе другие возятся,— говорили они,— это нас не касается...»

Пользуясь этим роковым равнодушием, поджигатели удвоили смелость и деятельность в ночь с 15-го на 16-е число сентября. Пожар распространялся с невероятной быстротой. Утром в среду 16 сентября само небо, казалось, приняло участие в этом ужасном разрушении. Около 9 часов, когда поднялся порывистый равноденственный ветер, большой пожар вспыхнул с яростью на всех пунктах одновременно. Мы говорим, большой пожар, потому что пожар Москвы может быть разделен на три периода: сначала горели предместья, затем город; наконец, Кремль, когда, месяц спустя, последние французы покинули столицу.

Менее чем в один час огонь появился в ста различных местах.

«С крыши нашего дома, где мы сторожили день и ночь,— рассказывала нам одна из жертв этого великого бедствия,— мы увидели, что пожар начался внезапно позади комиссариата и расстилался по ветру, подобно свирепому потоку, пожирая и преодолевая на своем пути все препятствия. Скоро вся часть Земляного города, находящаяся по сю сторону Москвыреки, представляла глазам огненное море, волны которого колебались в воздухе. В центре города и всюду, где потушили в предшествующие дни, пожар начался с новой силой.

Китай-город подвергся также ужасному опустошению. Там был базар. Сила пламени, поддерживаемая множеством товаров, тесное пространство между лавками и ярость бури делали всякую помощь бесполезной и потери невосполнимыми. Другие кварталы города также не избежали бедствия. Пречистенка, Арбат, Тверская и оттуда вдоль вала Красных

Ворот и Воронцова Поля до Яузы было все зажжено добровольно.

Было два часа пополудни. Великий Боже, какое зрелище представлялось нашим глазам! Небо исчезло за красноватым сводом, прорезываемым во всех направлениях искрящимися головнями. Над нашими головами, под ногами, всюду кругом — ужасно ревущее пламя. Сила ветра, разреженность воздуха, происходящая от жара, производили ужасный вихрь. Нас чуть не снесло с террасы: надо было скорей сойти и позаботиться о бегстве».

В эту-то минуту пожар приближался к Кремлю и грозил его безопасности. В полдень огонь показался в дворцовых конюшнях и в башне, прилегающей к Арсеналу. Несколько искр упало на дверь Арсенала, в паклю, которую употребляли русские артиллеристы, и на ящики французской артиллерии. Опасность была очевидна. Бросились предупредить императора, который явился на место происшествия. В ту минуту, когда он находился внизу большой лестницы, ему представили одного поджигателя, схваченного под окнами на месте преступления. Наполеон обратился с вопросом к этому человеку.

— Мы исполняем священный долг,— отвечал русский фанатик.

К опустошениям пожара, которому способствовали сильные порывы ветра, вскоре присоединилась адская тактика. Русские добирались до самого дворца императора: пожар, как огромный огненный пояс, мало-помалу охватывал Кремль со всех сторон.

Попы, будочники, агенты полиции, наконец, несколько дворян, надев парики, накладные бороды и мужицкие кафтаны, руководили шайками в их разрушительных действиях. Смешавшись с народом благодаря своим костюмам, они сначала скрывались от мщения французов, но скоро, узнанные по походке и принужденным манерам, они и их гнусные подчиненные погибли почти все от рук наших раздраженных солдат. Последние кидали их в огонь, резали, вешали без сострадания, и долго еще после пожара на изящных фонарях, украшающих Тверской бульвар, висели обезображенные трупы поджигателей.

Император Наполеон, стоя у одного из окон Кремля, следил печальным взором за распространением пожара. Не опасность обращала на себя его внимание, но гибель города, который он обещал как награду своей доблестной армии. Коммуникационные пути легко могли быть прерваны, положение с каждой минутой становилось опаснее, но все это бледнело перед сокрушительной мыслью, занимавшей императора. Оторванный от своего грустного созерцания просьбами окружающих, Наполеон заметил, наконец, опасность, ему угрожавшую; но величие духа, возрастая соразмерно опасности, не позволяло отступать перед ней. Все настояния генералов разбивались о настойчивость императора оставаться в Кремле. Вдруг являются офицеры с известием, что они тщетно старались проложить себе путь через горящий город. При мысли о том, что сообщение с армией может быть прервано, Наполеон, наконец, решился. Но чего ему стоил этот первый шаг отступления! Тем не менее благодаря присутствию духа, которое никогда не покидало его в опасностях, он приказал взять одного из агентов московской полиции, бродивших в Кремле. Этот человек должен был знать путь. Действительно, оставался еще единственный выход, и Наполеон вовремя им воспользовался и перенес свою Главную квартиру в Петровский дворец, находящийся на расстоянии полулье от Тверской.

Между тем, выгнанные силой пожара из своих подземных жилищ, более 20000 жителей, существования которых и не подозревали, начали показываться на улицах. Они выражали полное безучастие при виде своих горящих домов. Это был какой-то восточный фанатизм. Одни довольствовались тем, что выносили святые иконы и, набожно ставя их перед дверьми жилищ, казалось, ожидали помощи Всемогущего; другие, поклонившись в землю в знак смирения, удалялись, говоря: «Так Богу угодно».

Если вы спрашивали у некоторых из них, почему они не принимают никаких мер против пожара, то получали в ответ: «Мы спасли бы себя, но французы нас убьют, потому что ведь это они нас жгут». Прокламации Ростопчина сделали свое дело. Цель его была достигнута: французы в глазах русского народа сделались виновниками этой ужасной катастрофы.

До общего пожара Москва явно щадилась солдатами. Несмотря на мучения голода и нищету, они только тайком пу-

скались на мародерство: грабеж был безусловно запрещен. Приказы Наполеона в этом случае были ясны и строги, а им привыкли повиноваться. Притом же эти меры были в интересах самой армии и всеми разделялись. Не было французского солдата, который бы инстинктивно не понимал, что его спасение связано с существованием города. Но когда армия, собственный интерес которой требовал умеренности, увидала, что обманулась в своих надеждах, когда это громадное скопище людей 16 различных наций, которое едва сдерживала воля императора, узнало, что разорение Москвы было делом русских,— тогда ярость, мщение, страсть к наслаждениям, столь долгое время запрещенным, прорвались наружу. Уверенный в безнаказанности, солдат хотел в один день вознаградить себя за все лишения, перенесенные им, и обеспечить себя от тех, которые еще предстояли.

Беспорядок дошел до крайности. К сценам разрушения и смерти, которые представлял пожар, прибавился еще самый ужасный грабеж. Жажда корысти охватила всех: французы, немцы, итальянцы и даже русские ломали двери, разбивали погреба, оспаривали добычу у пламени. Сахар, чай, меха, дорогие ткани и множество других предметов роскоши валялись среди улицы: грабители бросали их ради других вещей, более ценных. Окрестные крестьяне, сбежавшиеся при первом известии о грабеже, также приняли деятельное участие в нем. Возвращаясь домой, они были нагружены всем, что только могли стащить. Смятение, беспорядок все увеличивались. Это была какая-то ужасная сумятица. Проклятия и мольбы терялись в реве ветра и пламени, в треске зданий, во взрыве водочных складов. Таково было зрелище, которое представляла Москва в течение целых пяти дней.

Со времени вступления Наполеона в древнюю столицу царей русские воины, которых удержали в Москве тяжелые раны, находились в самом плачевном положении. И можно ли, откровенно говоря, ставить это в вину нашим солдатам? Удрученная усталостью и нищетой французская армия, придя, прежде всего весьма естественно позаботилась о своем пропитании и безопасности, а не о раненых неприятелях. Последние, оставленные на произвол судьбы, пали жертвами голода и отсутствия медицинских пособий. Но еще более ужасное мучение выпало на долю многих из этих несчаст-

ных. Среди столь страшных сцен, которые представляло разрушение Москвы, пожар в русских госпиталях был самой ужасной. Как только огонь охватил здания, где были скучены раненые, послышались раздирающие душу крики, восходящие как бы из громадной печи. Вскоре затем несчастные показались в окнах и на лестницах, напрасно силясь освободить свое полусгоревшее тело от огня, который их обгонял. Силы им изменяли; задыхаясь от дыма, они не могли уже более ни двигаться, ни кричать; только руки их еще шевелились, показывая отчаяние, до тех пор, пока, наконец, охваченные пламенем, несчастные умирали в страшных мучениях. Более 10 000 погибло в этом ужасном костре.

Не подвергаясь таким ужасным крайностям, мирные граждане, жившие в Москве, также не избежали жестокой участи. Некоторые из них были застигнуты пламенем среди ночи. Одни выбегали на улицу полуодетые и со слезами звали дорогих им лиц, с которыми разлучил их огонь. Другие со страшными глазами, согнувшись под тяжестью своих пожитков, искали пристанища в уединенных местах, но, предоставленные произволу солдат, большинство из них недалеко уходили со своим имуществом. Ограбив их, солдаты нередко простирали свое варварство до того, что заставляли их нести до лагеря свою добычу...

(Домерг)

* * *

Русский император решил свалить вину за московский пожар на французов... Очень оживленная, очень упорная полемика завязалась по этому поводу между русскими и французскими писателями... В настоящее время необходимо в интересах беспристрастной истории дать торжество истине... Вот что могут засвидетельствовать все очевидцы нашего вступления в Москву.

Когда главная масса армии Наполеона очутилась в виду Москвы, единственными французами, которые вошли в город, были солдаты авангарда под начальством Мюрата. Делать их виновниками пожара, вспыхнувшего сразу отовсюду, до появления в Москве какой бы то ни было другой части, значило бы предполагать, что авангард, преследуя все еще сильную русскую армию, сошел с лошадей, чтобы по прика-

занию императора поджечь город сразу во многих местах. Такое приказание было бы явной бессмыслицей, и едва ли кто может допустить, чтобы оно было дано. Главнокомандующий огромной армией, который всеми силами души должен был стремиться найти для нее приют и продовольственный центр, не мог желать разрушения этого драгоценного соединения годных для обитания домов и магазинов, одежды и пищевых продуктов. Остается предположение, столь же невероятное, что сама армия или, вернее, толпы пехотинцев, покинувших свои части, солдаты, бросившие строй, свершили это огромное разрушительное дело. Чтобы допустить это, нужно было бы забыть, что отсталые следуют за армией, но никогда не опережают ее; нужно было бы забыть, что сама армия стала вступать в Москву только на другой день после начала пожаров. Когда Наполеон, его гвардия, легионы его пехоты вступили во все кварталы города, наши солдаты не только не поджигали ничего; они делали бесплодные усилия, чтобы побороть разрушительную стихию.

Но у меня имеются другие решительные свидетельства, указывающие настоящие причины пожара. По прибытии в Москву генерала Делаборда[1] ему было отведено помещение во дворце графа Ростопчина. Я перечислю, описывая их с величайшей точностью, материальные доказательства, найденные нами в этом доме. Они с ясностью устанавливают, что гражданский начальник Москвы имел поручение свыше привести в исполнение эту страшную меру национальной обороны.

Во дворце мы встретили очень скоро нескольких оборванцев, которым мы, по-видимому, внушали большой страх. Но они мало-помалу успокоились насчет наших намерений, и некоторые из них предложили нам свои услуги. Нам они были очень нужны, чтобы осведомлять нас насчет разных мелочей. Когда, между прочим, нам вздумалось начать у себя топку печей, эти самые *мужики* (так называют бородатых крестьян или горожан, одетых в национальный костюм) взялись объяснить нам, как нужно обращаться с огромными шведскими печами, которыми снабжены дворцы и большие особняки. Прежде чем принести дрова, наши мужики извлекли из внутренности печей и из печных труб целый ассортимент

[1] Дивизионный генерал, у которого автор был адъютантом.

маленьких деревянных бочонков, наполненных горючими веществами. Я называю эти предметы бочонками, потому что они имели цилиндрическую форму; сделаны они были из цельного куска соснового дерева, закруглены по концам в форме шапочек; они имели около 9 дюймов длины и около $2^1/_2$ в диаметре. Относительно способа их употребления мы предполагали, что их должны были зажигать и руками вбрасывать в окна домов. Во всяком случае задача поджигателей не должна была быть ни слишком трудной, ни слишком сложной. 300 или 400 злоумышленников вроде тех, которые были захвачены нашими солдатами, когда они поджигали дома, снабженные только кремнем и огнивом, могли быть распределены во всех кварталах и произвести то, что мы видели: многочисленные вспышки огня, появившиеся сразу на расстоянии 8 верст. Ясно для всех, что такой согласованный поджог не мог быть делом случайного беспорядка; он мог быть лишь результатом заранее начерченного плана, выполненного по приказу и при правильной организации.

Я не буду более распространяться относительно причин московского пожара. Отныне — это факт, занесенный на скрижали истории. Жертва удалась слишком хорошо. Я вспоминаю, что во время нашего пребывания в городе мне приходилось делать до четырех верст по городу в разных направлениях — и направо, и налево видеть одни почерневшие развалины. Лишь несколько кирпичных труб торчали среди груды пепла и обуглившихся балок. Целые кварталы спаслись только благодаря случайности...

(Капитан Бургонь)

* * *

...Погода была тихая, и мы сначала надеялись, что столице придется оплакивать потерю только Биржи, но на следующий день утром (16 сентября) каков был наш ужас, когда мы вдруг поняли, что город горел с четырех концов, а неожиданно поднявшийся ветер разносил горящие головешки во все стороны. Вот когда перед моими глазами предстало зрелище, которое мое воображение не могло бы нарисовать себе даже при чтении самых тягостных страниц древней и новейшей истории. Большая часть московских жителей попряталась от нас у себя в домах. Когда огонь, против воли, выгнал

их оттуда, несчастные дрожали, не смея произносить даже проклятия: страх сковывал им уста. Уходя, они захватывали с собой все, что подороже, но более мягкосердечные, отдаваясь естественному порыву, думали только о спасении своих близких и родных: то сын нес больного отца, то попадались навстречу плачущие женщины с детьми на руках, а дети постарше шли за ними, семеня ногами, ускоряя свои маленькие шаги вдвое, чтобы не отстать от старших.

Старики, изможденные не столько от старости, сколько от горя, не могли уже идти за семьей и оставались там, где родились, и умирали на родном пепелище. Все улицы, площади, а главное церкви, были полны погорельцами; они лежали на обломках своей движимости и отчаяние свое выражали только стонами; никто не кричал и не ссорился: и победители, и побежденные были одинаково поражены, кто невероятной удачей, кто бесконечным горем. Огонь двигался по пути за общим несчастьем и скоро достиг лучших кварталов; он в один момент уничтожил все чудесные дворцы, архитектурной красоте, вкусу и роскоши внутренних покоев которых мы накануне так удивлялись. Великолепные фронтоны, барельефы и статуи — все это, не чувствуя более поддержки, рушилось, падая на обломки поддерживавших их раньше колонн. Даже церкви, крытые толем и свинцом, и те рушились, увлекая за собой чудесные купола, блеск и красота которых так восхищали нас накануне. Вскоре огонь охватил и больницу, где лежало до 20000 больных и раненых[1]. Опустошения, произведенные пожаром, там были ужасны. Почти все погибли в огне, а те, которые еще не успели задохнуться, ползали полуобгорелые в горящей золе, стараясь как-нибудь выбраться из моря пламени; другие стонали, придавленные горой обгорелых трупов; они выбивались из сил в напрасном старании сбросить с себя эту ужасающую ношу, чтобы выбраться на свет божий.

Ночью пожар начался еще ужасней, пламя горело еще рельефней, еще ярче; оно текло огненными потоками с севера на юг и, гонимое ветром, подымалось до небес; ночью же видней было, как поджигатели бросали с колоколен зажигательные снаряды, и, когда они летели в воздухе, за ними полосой

[1] В бюллетене XX сказано — 30000; в XXIII сказано, что удалось спасти только 4000.

тянулась струя дыма — и это напоминало издали падающие звезды. Но страшней всего все-таки был тот ужас, который царил в человеческих сердцах, ужас, который еще больше усиливался в ночной тишине, когда раздавались крики убиваемых жертв или слышались вопли молодых девушек, старающихся спастись в объятиях матерей от диких преследователей, которых борьба только еще больше возбуждала. Ко всему этому примешивался еще вой привязанных, по московскому обычаю, к воротам сторожевых собак; они не могли спастись от окружающего их пламени и жалобно выли.

Я думал, что хоть сон прогонит эти ужасные видения, но я не мог заснуть; мои мысли все вертелись вокруг виденных мной возмутительных картин. На одну минуту я было задремал, но вдруг ярко вспыхнувшее пламя пожара разбудило меня, и мне показалось, что уже настал день, потом я вспомнил все и решил, что горит моя комната. На этот раз это была почти правда, а совсем не сон. Я подошел к окну и увидел, что вся наша улица в огне, и он добирался до моего жилья. Искры сыпались на наш двор и деревянную крышу наших конюшен. Я бросился к моим хозяевам, которые в порыве отчаяния перебрались из своего обычного жилища в подвальный этаж, где считали себя в большей безопасности. Там они лежали вповалку, вместе со слугами, не двигаясь и не отходя оттуда, боясь, как они говорили, солдат больше пожара. Один отец сидел у самого входа, желая пасть первым от ударов судьбы, направленных против всей его семьи. С ним рядом стояли его обе дочери, заплаканные, бледные и еще более прекрасные от слез, с растрепавшимися волосами, и обе оспаривали у него честь приносимой им жертвы. Я вытащил их всех оттуда только силой, но, выйдя на свет, они, казалось, с полным равнодушием смотрели, как гибло все их имущество, и единственно, что еще поражало их, так это то, что они еще живы. Когда им втолковали, что никто не хочет их гибели, они не выказали никакой благодарности, как обреченные на казнь, когда им вдруг дают жизнь: их это только поражает — ужас и пережитый ими страх делают их нечувствительными к настоящей жизни.

О местах, где прежде были дома, можно было судить только по кучам обожженных и почерневших каменьев. Сильный ветер дул с такой силой, что казался шумом бурно-

го моря, он срывал с крыш толь громадными кусками и бросал их с шумом к нашим ногам. Всюду, куда ни взглянешь, виднелись только груды развалин и море огня. Все разгоралось кругом как по волшебству какой-то невидимой силы; целые кварталы загорались, горели и исчезали. В облаках густого дыма тянулись подводы, нагруженные драгоценной добычей. Повозки от страшной давки поминутно останавливались, и возницы, боясь сгореть, понукали двигаться остальных вперед самыми невероятными проклятиями. Вооруженные солдаты перед уходом все-таки выламывали по пути ворота и двери, точно боясь оставить хоть одну целой; если новые вещи казались лучше прежних, эти прежние бросались, а новые захватывались. Если не было уже места в подводах, то тащили на спине. Пожарище загораживало главные улицы, и часто приходилось с награбленным добром идти назад и искать другой дороги. Они терялись, заблудившись в этом огромном и незнакомом им городе, и в поисках выхода не замечали, что только отдаляются от тех немногих проходов, к которым еще можно было пройти. Многие так и погибли от собственной жадности.

4-й корпус получил также приказ уходить из Москвы, и мы направились (17 сентября) по дороге в Петровское, где стояли наши другие дивизии. Как раз в это время мне показалось, что это было рано утром, я увидел страшное и трогательное одновременно зрелище: толпы погоревших бедняков тащили на себе повозки со всем своим оставшимся скарбом, спасенным от пожара. Солдаты отняли у них лошадей, и вот мужчины и женщины впряглись сами в повозки, где лежали то калека мать, то параличный старик. Полуголые дети шли за этими интересными группами; их личики были полны бесконечной грусти, что так несвойственно их возрасту; они разражались отчаянными криками, бросаясь в объятия матерей при всяком приближении военного. Куда могли они скрыться, где могли они забыть виновников их ужаса! Оставшись без пристанища, эти несчастные не знали, где искать спасения; они метались по окрестностям, прятались в леса и везде наталкивались на победителей Москвы, а победители эти обращались с ними ужасно, а порой у них же на глазах продавали вещи, награбленные в их же собственных домах.

(Лабом)

* * *

До минуты общего пожара, как мы уже сказали, в городе не было никаких беспорядков. Напротив, те из обывателей, которые просили себе защиты, легко ее получали. Грабеж не был дозволен. Им занимались тайком, и если бы город не был покинут, он не потерпел бы иных бедствий, кроме тех, которые влечет за собой многочисленная оккупационная армия. Но когда началась великая катастрофа, тщетно обыватели, даже находившиеся под военной охраной, хотели спасти из своего имущества, что подороже: они сделались первыми жертвами своих охранителей, которые преследовали их и безжалостно отнимали эти дымящиеся остатки.

Грабеж продолжался 24 часа. Остановить его не было возможности. С этих пор старались только регулировать его, подчинить известному порядку. Все части войск были призваны к участию в нем последовательно, как будто дело шло об исполнении служебной обязанности. Сначала Старая гвардия получила эту привилегию, потом Молодая гвардия, затем поочередно различные армейские корпуса. Но как были жестоки вымогательства пришедших последними! Обманувшись в надежде на добычу, вследствие жадности своих предшественников, они предавались всем излишествам.

После трудов столь утомительной кампании одежда и в особенности обувь войска находились в состоянии обветшалости, как это и можно себе представить. Армейские полки более потерпели в этом отношении, чем Императорская гвардия. Поэтому, врываясь в горящие дома, солдаты первым делом отнимали у несчастных погорельцев обувь, взамен которой бросали им свою. То же самое было и с одеждой, которую жители должны были менять на военные лохмотья. Наши войска, переодетые таким образом, возвращались в лагерь так странно закутанные, что, кроме вооружения, не имели ничего военного...

(Домерг)

* * *

Беспорядки достигли высшей точки. Город был отдан на разграбление. Мои солдаты приносили мне все необходимое и даже все, что понадобилось моим призреваемым, у которых сгорел дом и потому они находились в страшной нужде. Часть населения вернулась в город на 8-й или 9-й день и грабила еще больше, чем наши солдаты...

Трудно себе представить чисто азиатскую роскошь, коей следы мы видели в Москве. Запасы, хранившиеся во дворцах и частных домах, превзошли все наши ожидания. Если бы в городе был порядок, то армии хватило бы продовольствия на три месяца; но дисциплины более не существовало. Провиантские чиновники думали только о себе. Раненым генералам отказывали в красном вине под предлогом, будто его не было; когда же, шесть недель спустя, герцог Тревизский взорвал Кремль, то он приказал перебить хранившиеся там 2000 бутылок вина для того, чтобы солдаты Молодой гвардии не перепились. Для того, чтобы получить куль овса, надобно было иметь разрешение генерал-интенданта, а его было довольно трудно получить; а когда мы ушли из Москвы, то в магазинах осталось столько овса, что его хватило бы для прокорма 20000 лошадей в течение 6 месяцев. Уезжая из Москвы, я видел неимоверной длины склад, под сводами которого хранились кули с превосходной крупитчатой мукой; склад этот был предан разграблению, а между тем за неделю перед тем я с трудом получил мешок самой грубой муки. Если бы чиновники, и в особенности низшие служащие, выказали более деятельности и старания, армия была бы лучше обмундирована и накормлена. Более третьей части города осталось нетронутой, и в ней было в изобилии все то, в чем мы нуждались. В городе не было только сена и соломы, и князь Невшательский посылал за ними по окрестным деревням. Казаки нередко уводили у нас лошадей, захватывали экипажи. Жителям Москвы надоели безобразия, чинимые нашими слугами; потеряв терпение, они стали убивать их или бежали просить помощи у казаков в то время, как наши люди пировали и нагружали всяким добром свои повозки и лошадей. Мне кажется, что наши дела были бы гораздо лучше, если бы мы действовали осторожнее. Мне удалось обставить дело так, что мои фуражиры возвращались всегда благополучно дней через 4—5 и приносили мне яйца, картофель и иногда дичь благодаря тому, что мной было отдано строгое приказание ничего не брать даром, кроме фуража, а за все остальное платить. Один сержант, человек весьма порядочный, сопровождал всегда моих слуг с несколькими вооруженными солдатами. Он не допускал никаких злоупотреблений, и эта мера дала прекрасные результаты. Однажды жи-

тели деревни, в которую мои люди являлись за покупками, вышли к ним навстречу, неся двух кур и яйца, и советовали им не входить в деревню, так как у них были казаки, что оказалось совершенно справедливо.

Мне послужил также на пользу следующий случай. Я встретил двух солдат, нагруженных серебряными вазами и церковной утварью; это было в двух шагах от маленькой церкви, находившейся возле занятого мной дома; я подумал, что солдаты ограбили именно эту церковь, отправился туда и передал все вещи священнику, открывшему мне двери. Он спросил у меня, где я живу. Я дал ему охрану и разрешил благовестить. Колокольный звон доставлял мне большое беспокойство, но зато я оказался под покровительством духовенства. Священники приказали всей челяди, жившей в том доме, где был я, относиться ко мне хорошо.

Солдаты продавали за бесценок великолепные шубы. В Кремле, в комнатах, предназначенных для Императорской гвардии, хранились серебряные вызолоченные блюда, бриллианты, жемчуг, шелковые ткани и т. п. Я представлял себе мысленно картину Самарканда при нашествии Тамерлана.

(Дедем)

* * *

Проходя мимо Гостиного Двора, я[1] увидел зрелище, наверное, единственное в своем роде. Тысячи солдат всех родов оружия и почти столько же простых людей в русской одежде были заняты опустошением лавок и взламыванием тех, которые были еще заперты. Все шло при этом мирно и дружелюбно, несмотря на то, что люди, принадлежавшие к разным нациям, не могли разговаривать между собой. Каждый брал, что ему нравилось, никто не мешал другому, так как добычи было довольно для всех. Часто кто-нибудь, схвативши раньше связку товаров, потом бросал ее на землю, как только в другой лавке находил что-нибудь, что ему больше нравилось или что ему казалось более нужным. Другой тотчас поднимал брошенное, уносил с собой или потом заменял чем-нибудь лучшим. Все это походило на завтрак à la

---

[1] Настоящие записки принадлежат очевидцу, немцу, торговавшему в Москве колониальным товаром. Отрывки из них опубликованы покойным профессором М. С. Корелиным в «Русской мысли» за 1896 г.

fourchette, когда каждый из приглашенных гостей выбирает то, что ему по вкусу. В открытых лавках, где прежде продавалось варенье, грабители рядами, один после другого, без отвращения хватали его грязными руками, и хотя я ходил вокруг около двух часов, я не слыхал даже разговора, а тем более спора. Только один раз я видел, как французский солдат отнимал у русского мужика кусок сукна и делал это с большим усилием, так как мужик не хотел отдавать своей добычи. Когда, наконец, солдат овладел сукном, то мужик побежал за ним и старался отнять похищенное. Тогда солдат бросил ему мешок около $^3/_4$ аршина в длину и немного меньше в ширину и побежал прочь. Мужик открыл мешок, заглянул в него и поднял такой ужасный крик, что нельзя было разобрать, кричит ли он от радости или от горя, и этот крик привлек к нему внимание всех окружающих. Между тем мужик кричал все громче и, наконец, пустился бежать как можно быстрее, обеими руками прижимая мешок к груди. Я уже потерял его из виду, но его крики все еще можно было слышать издали. Вероятно, мешок был наполнен кредитными билетами, цены которых солдат не знал, а мужик оценил их с первого взгляда, и эта неожиданно огромная находка вызвала его радость, выразившуюся смехом и слезами...

Не проходило почти ни одной ночи, чтобы целая толпа грабителей не врывалась через окна в мою комнату, находившуюся в нижнем этаже дома, и без неутомимой помощи доброго полковника Кутейля, спальня которого находилась прямо над моей, я не избежал бы, по меньшей мере, самых тяжелых оскорблений. Как только приближалась такая толпа, я стучал нарочно приготовленной палкой в потолок моей комнаты, и тотчас полковник со шпагой и пистолетом в руках спешил ко мне на помощь... В домах, расположенных против моей квартиры, я часто среди белого дня видел форменные схватки между грабившими солдатами и офицерами, которые жили не в самих магазинах, а в задних помещениях домов, передние флигеля которых нанимали модистки. При этом весьма многие солдаты платились жизнью, так как во время таких стычек защищать хорошеньких модисток сбегалось много офицеров, квартировавших на Кузнецком Мосту... Все это показывает, как слаба была в это время субординация и как дешево ценилась человеческая жизнь...

Однажды ко мне пришел префект двора, маршал Дюрок, и, наговорив мне комплиментов по поводу всего хорошего, что он слышал обо мне от адъютантов Бертье, сказал мне: «Уксус, который принесли вчера адъютанты, так понравился Наполеону, что он приказал купить весь запас для императорской кухни». Затем он спросил, сколько у меня бутылок уксусу и какая его цена. Я сказал, что ранее продавал по 5 рублей за бутылку, что по курсу составляет 5 франков, и показал свой запас в 200 бутылок, умолчав об остальных, так как они нужны были для наших кушаний. «Хорошо,— сказал Дюрок,— 200 бутылок останутся для императора».

Тогда я собрался с духом и спросил: «Когда же я получу 1000 франков, которые мне приходятся?» Дюрок добродушно посмотрел на меня и, похлопав по плечу, сказал: «Оставьте у себя Ваш уксус; у императора уксус будет, а денег Вы не получите. Я скажу ему, что Ваш запас уже весь вышел...» Другой раз я не отделался бы так легко, если бы меня не вывела из затруднения одна дама, правда, не обладавшая образцовыми добродетелями. Она жила наискось от меня, была очень красива, но пользовалась не наилучшей репутацией. Однажды утром она пришла ко мне с просьбой, не продам ли я ей ножницы. Я поискал, нашел одни, которые были несколько заржавлены и потому не были упакованы. Она спросила о цене, но я отказался взять какую-нибудь плату, потому что о заржавленных ножницах и говорить не стоило. Но во время нашего спора, когда она хотела заплатить, а я не хотел взять платы, вошел придворный комиссар и спросил, нет ли продажных чернил и сколько стоит бутылка?.. Я показал ему чернила по 1 франку за пузырек; он велел запаковать 100 пузырьков, и я тотчас уложил их в большой коробок. Комиссар подошел к окну, подозвал двух проходивших мимо солдат и велел им взять коробок. Но когда я спросил деньги, то он рассердился, нашел бесстыдным, что я осмеливаюсь требовать денег от придворного комиссара за чернила, предназначенные для императорской канцелярии. Я уже хотел удовлетвориться таким аргументом и подумал, что все же лучше отдать даром 100 пузырьков чернил, чем 200 бутылок эстрагонного уксусу. Но тогда перед комиссаром выступила с геройским видом моя соседка и повелительно сказала ему: «Заплатите за чернила или оставьте здесь короб».

Француз вежливо спросил ее: «Кто Вы, сударыня?» — «Я метресса того генерала, который живет напротив и теперь именно смотрит в окно,— отвечала она с большим чувством собственного достоинства.— Я сейчас его позову, чтоб он научил Вас, что это позор для великого императора, если будет грабить его именем придворный комиссар. Если император вынужден был позволить это солдатам, то великий Наполеон, наверное, не допустит, чтобы делали это для него его придворные комиссары». Комиссар поклонился, достал кошелек, положил на стол 5 штук 20-франковых монет, приказал взять короб, вежливо раскланялся и вышел. Таким образом, мои ножницы были щедро оплачены, и дама обещала мне с королевским видом свое покровительство и на будущее время и предложила обращаться прямо к ней за помощью в подобных случаях, что мне, однако, слава богу, не понадобилось...

Полковник Кутейль уверял, что он обязан спасением жизни только своей превосходной английской лошади и, как настоящий воин, не находил слов, чтобы достаточно похвалить храбрость русских мужиков, которые истребили целый французский отряд.

Во всех походах Наполеона и даже в Египте он не видал ничего подобного. Высланная за фуражом команда пришла в большую деревню около Москвы, по-видимому, покинутую жителями. Но когда французы дошли до середины деревни, вдруг с противоположных ее концов, как из-под земли, выросла масса вооруженных крестьян. Командовавший отрядом французский офицер тотчас приказал своим людям открыть огонь одновременно на обе стороны и непрерывно и живо его поддерживать. Но крестьяне не потеряли смелости и смыкались над павшими братьями, которых было немало, так как выстрелы попадали в густую толпу и каждый достигал своей цели. Тем не менее крестьяне с вилами, косами и топорами, а также с военным оружием нападали с обеих сторон на окруженных французов, из которых спасся один только полковник Кутейль.

Увидав храбрость крестьян, он бросился в сторону в открытый двор, перескочил через изгородь, потеряв при этом свою шляпу, достиг открытого поля и благополучно ускакал в Москву.

(Из записок колониального торговца)

* * *

Улицы, еще не тронутые пожаром, походили на настоящую ярмарку, где и купцы, и покупатели были военные,— не видно было ни одного обывателя; по мере того как пламя достигало рынка, он отодвигался дальше. Солдаты всех полков и отрядов, привлеченные надеждой наживы, а также и необходимостью, покидали свой лагерь и, несмотря на строгие запрещения, стекались в Москву, нагруженные сахаром, кофе, дорогими мехами и всевозможным платьем. Они делались купцами, и офицеры всей армии покупали у них за деньги всевозможные припасы.

Большинство из солдат, для которых покинутые погреба представляли легкую добычу, валялись пьяными и полумертвыми посреди груды осколков от бутылок, которыми были засорены все улицы. От такого поголовного пьянства происходили часто драки, сопровождавшиеся кровопролитием. Я был свидетелем одной подобной сцены. Однажды я увидал около дверей гостиницы солдат, нагруженных бутылками; я подошел, чтобы купить у них вина. Через довольно узкую опускную дверь с помощью лестницы выходили они из подвала, в глубине которого стоял страшный шум,— было ясно, что там в темноте спорили и дрались. Вскоре из подвала показался ужасно бледный драгун, залитый кровью и вином. Он сделал несколько шагов, упал и здесь же на улице умер, окруженный бутылками, которые он держал и с которыми решился расстаться, только умирая. В драке он получил смертельный удар саблей. В этот самый момент, привлеченный криками и суматохой, прибыл сюда главный интендант генерал Матье Дюма (Mathieu Dumas). Размахивая шпагой направо и налево, он добрался до входа в подвал. Здесь, схватив за волосы первую голову, которая снова оттуда появилась, он узнал... своего повара, который поднимался, нагруженный бутылками, полупьяный и весь запачканный вином и кровью. В высшей степени любопытно было наблюдать удивление, гнев и досаду генерала при виде своего слуги, вылезающего среди дружного хохота солдат. Он его угостил несколькими ударами, не шпагой, а ногой, и удалился, не надеясь обуздать разбушевавшиеся страсти, которые успели принять такие грандиозные размеры.

Солдаты отыскали груду металлических пластинок, из которых некоторые весили до 10 фунтов. Это был, насколько я могу судить, сплав олова и цинка, но французы из-за цвета и блеска принимали его за серебро; говорят, их вытащили из кладовой Монетного двора. Все с жадностью набрасывались на эти драгоценности и предпочитали их всему; это было и последним, с чем расставались солдаты во время отступления; я видел много раз подобного рода слитки, падающие из мешка несчастных, которые изнемогали в дороге, и эта ноша, увеличивая усталость, без сомнения, ускоряла их смерть.

(Гриуа)

ПОЖАР И ГРАБЕЖИ

На другой день утром (15 сентября) прибывшие из города польские уланы уверяли, что город отдан на разграбление. Эта весть вскоре была подтверждена людьми, которых послали за провиантом и которые вернулись с огромными запасами чая, рома, сахара, вина и всякого рода ценных предметов. Теперь уже не было средств сдерживать солдат. Все, кто не был занят в строю, исчезли. Кухни были брошены; все, кому полагалось носить дрова, воду, солому, и даже патрули,— все ушли и не вернулись. Если манила возможность грабежа, то у поляков к этому присоединялось желание отомстить за былые обиды. Я видел, как один улан ударами хлыста гнал перед собой русского, который должен был нести его добычу и гнулся под тяжестью своей ноши. Когда я стал упрекать его за эту грубость, он гневно ответил мне: «А знаете ли Вы, что у меня убили мать и отца в Праге?»

Грабеж этот был логическим, неизбежным последствием отданного с самого начала приказа — расположить войска в городе на военный постой — и исчезновения властей, которые могли бы упорядочить это расквартирование. Никаких мер против беспорядка принято не было, разве только у самого Кремля. Наконец, здесь не оказалось, как в других больших городах, толпы людей из низших классов, которые послужили бы завоевателям в качестве проводников и помощников. Результатом такого стечения обстоятельств было то, что солдаты, отыскивая себе квартиру, пищу и питье,

проникали со взломом во многие дома и лавки, запертые и покинутые. Разграбление и началось с магазинов съестных припасов, вин и спиртных напитков; с быстротой молнии оно перешло на частные жилища, общественные здания, церкви. В одном только нашем лагере и то я видел, как принесли сюда значительное количество серебряной посуды, серебра с эмалью, столового белья, дорогих материй и мехов, на которых растягивались солдаты; а затем целая масса мебели, стульев, канделябров и т. д., и все это грабители поручали переносить русским, таким же пьяным, как и они сами. Большинство этих предметов скуплено было по низкой цене теми подлыми торговцами подержанных вещей, по большей части евреями, которые в подобных случаях внезапно являются словно из-под земли. Голодовка сразу и резко сменилась крайним изобилием. Все бараки завалены были съестными припасами и напитками всякого рода: мясом свежим и соленым, копченой рыбой, вином, ромом, водкой и т. д. Вокруг всех костров варили, ели, а главное — пили чрезмерно; каждое новое прибытие награбленных предметов приветствовалось радостным «Ура!» Приводили также и раненых русских. Большинство из них, без сомнения, состояло из профессиональных воров, которые хотели захватить свою долю добычи; но — увы! — между ними была и беднота, оставшаяся в городе и пострадавшая при защите своего добра...

Весь этот беспорядок, сначала всеобщий, скоро уменьшился вследствие насыщения, и особенно тогда, когда увидели, что многие из грабивших возвращались не с добычей, а с одними только тумаками. Один монастырь, недалеко от центра, в котором устроился наш генерал Клапаред, обязан был этому обстоятельству почти полной своей сохранностью; и все-таки у этих почтенных монахов проделали огромную брешь в кладовой и погребе. Одного из них, хотевшего оказать сопротивление этому нашествию, даже избили довольно жестоко. Это совершенно вывело из себя одного из его собратьев, монастырского библиотекаря, с которым я свел знакомство и который до этого момента казался мне довольно безропотным. Он заявил мне, что это святотатство принесет нам несчастье, что все священники и монахи, начиная с него самого, пойдут во главе русских войск, с Распятием в руках...

(Брандт)

* * *

В это же время начинал выполняться план, родившийся в момент патриотического энтузиазма: пожертвовать Москвой для спасения государства, т. е. поджечь этот громадный город и приготовить французской армии невиданный костер. В продолжение нескольких недель в поместье князя Репнина, расположенном в шести верстах от города, было выстроено что-то наподобие арсенала, где изготовлялись фейерверки, конгревовы ракеты и другие взрывчатые снаряды для выполнения великого проекта. Чтобы рассеять или предупредить беспокойство и подозрения народа, губернатором заранее распространялись афиши, где говорилось, что строится громадный аэростат, с помощью которого правительство надеется разбить всю неприятельскую армию. За несколько дней до прибытия французов сделали пробу этих фейерверков, после чего в народе все заговорили о готовящемся пожаре — одни с таинственным видом, другие более открыто. Поспешность же, с которой покидали город более зажиточные и почетные классы населения, говорила о чем-то зловещем. В тот же самый день, когда Москву оставила бо́льшая часть населения, огненный шар разорвался в квартале Яузы, что являлось как бы сигналом для жителей. В то время, как здесь сделался добычей огня небольшой дом, у Каменного моста громадный винный магазин, принадлежавший казне (Винный двор), пылал со всех сторон. В этот же вечер, около 11 часов, появился огонь, с гораздо большей силой, в магазинах около Биржи, которые были наполнены маслом, салом и другими горючими материалами; огонь здесь распространялся с такой быстротой, что не представлялось возможности его удержать. Потребовали городские трубы, но их нигде не оказалось; говорили, что полиция их вывезла так же, как и другие инструменты, необходимые для тушения пожара. Искали средств потушить огонь в одном месте, он разгорался с большей силой в другом.

3-го[1], во вторник, поднялся северо-восточный ветер, и теперь все магазины около Биржи были в огне. Наполеон с утра в этот день водворился в Кремлевском дворце. Он был поражен при виде такого грандиозного пожара и дал приказа-

[1] Аббат Сюрюг жил в Москве и потому считает по старому стилю. *Ред.*

ния тушить огонь. Но каково должно было быть его удивление, когда ему доложили, что огонь свирепствует во многих местах сразу, что всюду громко говорят о проекте сжечь весь город и оставить французам только груды пепла. Наполеон не хотел сначала верить, что можно было прибегнуть к такой крайней мере, но многочисленные поджигатели, захваченные со взрывчатыми веществами, подтверждали достоверность слуха; многие из них были приговорены к расстрелу. Говорят, это были служащие в полиции, переодетые казаки, солдаты, мнимые раненые, семинаристы, которые смотрели на это дело как на заслугу перед Богом.

Между тем буйная чернь взламывала двери и бросалась в погреба магазинов, которым угрожал огонь. Сахар, кофе, чай были скоро разграблены; затем принялись за кожи, обувь, мелочные, железные и медные товары, меха, материи и, наконец, за предметы роскоши. Солдаты, бывшие сначала спокойными зрителями, скоро приняли живейшее участие в этом опустошении. Мучные магазины были расхищены; вина и водки наводняли погреба,— одним словом, город сделался еще большей жертвой хищничества, чем огня.

План сожжения города, предпринятый русским правительством как военная мера, вызвал грабеж, что являлось неизбежной местью со стороны врага, потерявшего надежды, которыми его давно ласкали. Какое вознаграждение предложили войскам, истощенным трехмесячной усталостью и сражениями, испытавшим всевозможные лишения и обнадеженным торжественными обещаниями найти в Москве конец своим страданиям, лекарство от всех недугов, утоление всех своих нужд? Здесь же не было теперь никакого различия между французом и русским, иностранцем и обывателем — все было разграблено самым диким способом. Те, которые уцелели от огня, не избежали грабежа, причем хищничество выливалось в такие безобразные формы, что многие жалели, что не были похоронены вместе с имуществом под пеплом своего дома.

Пожар же в городе, в свою очередь, продолжал опустошения: Тверская была в огне и начинала заниматься Никитская; параллельно с этим загоралась Покровка, а поднявшийся северо-восточный ветер еще более увеличил сокрушительную силу огня. Таким образом, в среду, 4-го утром, кругом

Управы благочиния, которая уцелела от огня, не осталось ни одного магазина, ни одного дома — все было уничтожено. Одна ракета была даже брошена на одно из зданий в Кремле с намерением поджечь и эту местность, но огонь был сейчас же потушен императорской стражей. Тогда Наполеон, видя себя окруженным со всех сторон огнем, решил, что для него будет безопаснее покинуть Кремль и удалиться в Петровский дворец.

Около 4 часов вечера ветер изменился на юго-восточный, но это был не ветер, а в настоящем смысле слова ураган. Огонь, перебросившийся на другую сторону Яузы и Москвы-реки, раздувался ветром с такой силой, что скоро представлял необъятный вулкан, кратер которого извергал потоки пламени и дыма. Это был потоп из огня, который в несколько часов истребил все кварталы по ту сторону обеих рек, всю Солянку; между тем как Моховая, Пречистенка, Арбат представляли такое же зрелище. Нужно было быть свидетелем, чтобы вообразить себе эту ужасающую картину. Повсюду встречались несчастные с жалкими остатками своего имущества, которые им удалось вырвать из пламени; раздавались раздирающие крики людей, попавших в руки мошенников, которые их безжалостно грабили. Многие из этих пострадавших отправились к императору в Петровский дворец просить о помощи. Наполеон, казалось, был тронут их участью и обещал принять все меры, чтобы облегчить их положение. Более 400 человек из них были помещены в Красный дворец у Красных Ворот, где им был предоставлен не только приют, но и продовольствие.

Во вторник, 5-го, ветер, который теперь дул с востока, безжалостно разрушал все на своем пути, как и накануне. Огненные облака неслись со Сретенки на все Мещанские и Трубу. Огонь захватил в своем неудержимом порыве часть Мясницкой, Красные Ворота, Дровяной рынок, Старую и Новую Басманные, наконец, всю Немецкую слободу. Море огня наводняло все кварталы города; волны движимого ветром пламени живо напоминали морские волны во время бури. Несчастные жители слободы, преследуемые огнем, принуждены были бежать на кладбище, расположенное около военной больницы, но даже и тут они не чувствовали себя в полной безопасности. При виде этих бледных, измученных лиц

среди могил, освещенных отблесками огня, можно было подумать, что это призраки, вышедшие из своих могил.

Многих радушно приютил у себя неаполитанский король, который теперь основался во дворце князя Алексея Разумовского, но помощь эта была незначительна в сравнении с громадным количеством пострадавших. В это время огонь обнимал нижнюю часть Петровки и уничтожил все прилегающие магазины внизу Кузнецкого Моста. Пламя, перебрасываемое ветром, угрожало перейти на все пространство Моста и истребить все магазины, которые поднимались по направлению к Лубянке. Жители этого района, с узлами на спине, казалось, готовы были на эту последнюю жертву, когда рота стрелков новой Императорской гвардии, вооружившись ведрами, стала так энергично поливать подвергнутые опасности дома, что быстро предупредила здесь распространение огня. Таким образом был спасен весь этот квартал, один оставшийся нетронутым в целом городе. Он заключал ломаную линию, которая начиналась с Кузнецкого Моста, поднималась по Рождественке, потом направлялась направо по бульвару на Мясницкую до Покровки, а с Покровки — по бульвару на Маросейку, которая оканчивается внизу Кузнецкого Моста. Церковь Св. Людовика, которая могла сгореть от одной искры, охранялась чудесным покровительством Провидения.

Около 3 часов утра небо покрылось тучами, полил сильный дождь, ветер утих, и сила огня уменьшилась. В это время исчезло только три дома на Новой Басманной, большая часть Горохового поля и Демидовская улица, которая вела в Летний сад.

В пятницу, 6-го, дождь продолжал идти, и пожар, казалось, затихал; вечером, правда, огонь еще вспыхнул в некоторых местностях, но уже с гораздо меньшей силой — уничтожено было несколько магазинов у Тверских ворот.

В субботу, 7-го, Наполеон решил возвратиться в кремлевский дворец, находя теперь свое положение в нем безопасным. Первые его заботы были направлены на пострадавших всех сословий населения. Он приказал выбрать старшин, которые должны были заботиться обо всех, оставшихся без приюта и без съестных припасов, открывать убежища, где бы могли селиться погорельцы,— всем им он обещал выдавать пайки.

Видя, что Воспитательный дом избежал пожара, он призвал генерала Тутолмина, приказал ему доложить о состоянии дома и спросил, не желает ли он сделать доклад Ее Императорскому Величеству государыне императрице, который он пошлет с нарочным. (Этот доклад остался без ответа). Затем император позаботился о больницах, которые в большинстве случаев были спасены от пожара. Но каково было его удивление, когда ему доложили, что они находились в самом плачевном состоянии; что там не было ни врачей, ни лекарств, ни надзора; что найдено множество мертвых; что из более чем 15000 привезенных раненых половина погибла; оставшиеся же в живых терпели страшные лишения. Немедленно было организовано бюро помощи из хирургов французской армии для всякого рода больных, которые должны были быть размещены в удобные дома; причем врачи обязаны были давать императору подробные отчеты о состоянии здоровья этих несчастных. Кроме того, было приказано генерал-губернатору маршалу Мортье и дивизионному генералу графу Мильо выбрать муниципалитет и упорядочить полицию, чтобы водворить спокойствие в городе и тем обеспечить населению безопасное в нем существование. Но благодаря медлительности, с которой обыкновенно возникают подобного рода организации среди беспорядочного войска, благодаря путанице, в которую попала нарождающаяся администрация, работы эти свелись к нулю.

Наконец, Наполеон, чтобы скрыть свое замешательство, в котором он находился, неосторожно попав в неприятельскую страну и не видя нигде помощи, хотел уверить своих солдат, что его намерение было провести зиму в Москве, и приказал собрать все остатки французской труппы, чтобы образовать Императорский театр. Созваны были также все музыканты, чтобы давать ему концерты.

В воскресенье, 8-го, начали уже думать, что после разразившейся грозы наступило спокойствие. Но какое это было спокойствие! Никто не решался выйти из дома, боясь быть публично ограбленным. Все, что уцелело от пожара, было разграблено; то, что ускользнуло от солдат в их первых поисках, сделалось теперь предметом их ненасытной жадности. Солдат совершенно не уважал ни стыдливости робкого пола, ни невинности ребенка в колыбели, ни седых волос стариков;

и даже несчастные лохмотья ограбленной огнем нищеты сделались добычей для людей, беспощадно обиравших своих братьев.

Не знаю, по какой причине были покинуты все церкви, но в продолжение целых двух недель не слышно было ни одного звука колокола — и это в городе, где такое множество храмов. Не встречалось ни одного священника, не было признаков богослужения. Даже в самые ужасные минуты бедствия народ не имел возможности излить душу перед алтарем своего Бога.

(Аббат Сюрюг)

* * *

Бонапарт, который из окон Кремля мог следить за всем ходом пожара, узнав, что поджигателей хватали в самом Кремле, немедленно удалился в Петровский дворец, где и провел ночь. Очень вероятно, что он боялся попасть в ловушку, что могло быть очень опасно в таком огромном городе: только этим объясняется, почему он не воспользовался своими войсками для спасения хотя бы некоторых частей города, что, конечно, было возможно. Легко представить, каким печальным размышлениям должен он был предаваться в своем Петровском дворце; по всей вероятности, он не смыкал глаз, как и все несчастные жертвы этой несчастной ночи, потому что около 6 часов утра один из его адъютантов отправился в ближайший лагерь и просил от его имени г-жу О***[1] явиться к нему. В первые попавшиеся дрожки запрягли скверную лошадь, и адъютант провожал г-жу О***, которая отправлялась, как была, в своем лагерном костюме. У ворот дворца встретил их маршал Мортье, подал ей руку и провел ее до большой залы, куда она вошла одна. Бонапарт ждал ее там, у окна. Когда она вошла, он сказал ей: «Вы очень несчастливы, как я слышал?» Затем начался разговор наедине, состоявший из вопросов и ответов и продолжавшийся около часа, после чего г-жу О*** отпустили и отправили с такими же церемониями, с какими она была встречена.

Бонапарт сказал ей, что если у нее есть до него какая-нибудь просьба, то он готов исполнить, что видно из одного

---

[1] Г-жа Обер-Шальме, владелица большого модного магазина на Кузнецком. *Ред.*

письма г-жи О***, найденного в ее бумагах; она писала, что война заставила ее бросить в Москве состояние в 500 000 р., и просит поэтому избавить ее от преследований кредиторов, так как она задолжала в России и за границей 300 000. Что касается до разговора с Бонапартом, то не знаешь, что подумать о великом человеке, который спрашивает, и кого же, г-жу О***, о предметах политики, администрации и ищет совета для своих действий у женщины! Не следует думать, что она одна удостоилась такой милости: к нему также приводили множество невежественных глупцов, и он у них искал истины. Люди более благоразумные избегали этого опасного человека и сказывались больными. Мне было так же любопытно, как и вам, может быть, узнать наконец, что он спрашивал у этой дамы, и как она отвечала ему; некоторые из этих ответов она сообщила мне; они показывают здравый смысл и большое беспристрастие. Так, например, Бонапарт спросил, что она думает об идее освободить крестьян? «Я думаю, Ваше Величество, что одна треть из них, может быть, оценит это благодеяние, а остальные две трети не поймут, пожалуй, что Вы хотите сказать этим». При этом Бонапарт понюхал табаку, что он делал всегда, встречая какое-нибудь противоречие...

(Изарн)

* * *

Мысль, что может не оказаться жизненных припасов, приводила в содрогание солдат и вынуждала их прекратить отдых, которым они только что начали пользоваться.

Французские бюллетени того времени говорят о царившем в Москве изобилии, доходившем, по их словам, до того, что армия свободно могла провести в этом городе всю зиму. Действительно, некоторых предметов потребления было много, например: сахара, кофе, соленой рыбы, разного сорта варений. Но в то же время муку достать было очень трудно, а говядины и вовсе не было. Раздача провизии солдатам нередко прекращалась в течение 2—3 дней; иногда мясо и хлеб заменяли сушеными овощами.

Правда, сахара было так много, что солдаты клали его даже в суп, и Главный штаб лакомился донским вином, выморозками и цимлянским, которое приняли сперва за шампан-

ское. В то самое время, как говорили об изобилии припасов, авангард уже питался кониной. Для прокормления Великой армии думали воспользоваться обозными быками, так как некоторые из них дошли до Москвы. Но долгий путь и дурное обращение с ними дорогой сделали их мясо негодным в пищу, и доктора запретили есть его, как вредное для здоровья.

Жители Москвы, наконец, дождались окончания пожара, но положение их оставалось очень тяжелым. Вместе с солдатами они бродили среди пожарища, вокруг дымящихся развалин, ожидая, пока они настолько остынут, чтобы можно было поискать — не осталось ли среди них каких-нибудь пищевых продуктов.

Их худоба, бледность, слабость, медленность их походки свидетельствовали о сильной нужде. Они выгребали из пепла полуобгоревшие зерна, наполовину сгоревшую муку; они ныряли в Москву-реку на местах, где были потоплены барки, и вылавливали полусгнивший хлеб, издававший отвратительный запах. Несчастные умирали с голоду и проклинали французскую армию, бывшую причиной их бедствий.

Грабеж был разрешен, когда пламя пожара охватило город. Тогда различные корпуса армии покинули свой лагерь и направились грабить город. Потом они устроили при своих корпусах склад разных товаров, где очень дешево можно было получать всякие продукты. Когда огонь охватил магазины, стали вытаскивать разные товары, которые потом сложили в одно место, чтобы отложить пригодное для госпиталей, но солдаты скоро нарушили приказ, и товары были растащены. Высшие офицеры заставляли служащих стеречь то, что пришлось им по вкусу; появились кареты, на которых мелом были написаны имена их новых владельцев.

Жители, прятавшиеся по кладбищам и окрестным лесам, увидали, что нечего бояться свирепости солдат, и многие из них вернулись в Москву. Одни из них старались отыскать свои дома и находили одни развалины, другие искали убежища в церквах, которые находили оскверненными, ограбленными или превращенными в конюшни. Иные из нескольких бревен и листов железа устраивали себе хижины, скорее похожие на логова животных, чем на человеческие жилища. У многих семей не было иного жилища, кроме сырого подвала;

и в то время, как они стерегли его от алчности грабителей, кто-нибудь из них отправлялся на поиски пищи; приносили соленую рыбу, картофель, капусту, а то и ничего не находили. Одну русскую семью, состоявшую из 5 человек, я кормил, выдавая ей ежедневно 2 порции. Вот какое изобилие царило в Москве! Я видел возвращение в Москву одного глубокого старца с большой белой бородой, пережившего, вероятно, не одно поколение. От старости он не мог идти и несколько человек везли его в экипаже.

При виде развалин, в которые был обращен его родной город, глаза его наполнились слезами. Несколько сотен мужчин, женщин и детей следовало за ним...

Среди анархии и беспорядка страсти вырождаются в преступления или же становятся добродетелью.

Во время московских грабежей один солдат разыскал подвал, в котором укрылось одно французское семейство. Он бросился к ним, обрадованный добычей, и, не желая пощадить несчастных соотечественников, стал отбирать у них все их имущество. У жены было обручальное кольцо, она просила его на коленях оставить ей этот дорогой ей залог верности, но грабитель сурово отказал ей, грозя отрубить ей палец, если кольцо не будет немедленно ему отдано.

К счастью, наряду с таким жестоким поступком я могу привести и поступок благородный. Один французский солдат натолкнулся на кладбище на одну спрятавшуюся там женщину из простонародья, только что разрешившуюся от бремени. Оставленная без помощи, без пищи, она, несомненно, погибла бы. Но великодушный солдат, тронутый ее положением, принес ей еды и несколько дней кормил ее.

В эти дни скорби и резни человеческая жизнь ценилась нипочём. При арестах лиц, которых считали поджигателями, приговор произносился немедленно, и многие несчастные стали жертвой ярости солдат, так как, не имея возможности дать себя выслушать, они не могли оправдаться. У заподозренных, например, смотрели руки, искали на них следы от поджигательных фитилей. Один, например, человек, прятавшийся в подвале, вышел из него, чтобы отыскать себе пищи как раз в момент начавшегося пожара.

Его заметил один гуманный офицер, обласкал и дал понять, что будет ему покровительствовать. Но офицер этот

спешил доставить один нужный приказ и не мог долго оставаться с несчастным. Встретив другого офицера, он, передавая ему еще дрожавшего бедняка, сказал: «Поручаю его Вам, сударь». Он думал, что этих слов было достаточно для спасения человека, и против своего желания произнес над последним смертный приговор. Офицер, которому было дано такое поручение, возбужденный страшными сценами, его окружавшими, ожесточенный против поджигателей, многих из которых он уже казнил, получив человека, найденного среди дымящихся развалин, и слышав слово «поручаю», сказанное, быть может, несколько суровым тоном, решил, что это преступник, и велел его расстрелять.

Один военный встретил даму из французской колонии, бежавшую от грубости солдат. На изысканном языке хорошо воспитанного человека он предложил ей проводить ее и понести ее шубу, чтобы ей было легче идти. Из вежливости она отказалась. Он стал настаивать. Она, наконец, согласилась и передала ему меха — свое единственное имущество, спасенное от пожара. Он унес ее шубу, смеясь над ее легковерием и доверчивостью.

Некто Р., очень богатый купец и отец многочисленного семейства, лишился всего имущества, за исключением портфеля, в котором хранилось 5000 р. Едва он вышел из своего охваченного пламенем дома, как ему встретился солдат, принявший его за эмигранта-француза, и отнял у него портфель, который, вероятно, спустил за пустяки.

Сен-Р., начальник эскадрона, подвергся ограблению со стороны собственных солдат, и они сняли бы с него последние сапоги, если бы он, показав свой форменный жилет, не доказал им, что принадлежит к французской армии.

Все эти факты я привел для того, чтобы показать, как разыгрываются страсти во время грабежей, и вовсе не желая внушать дурного мнения о французских солдатах. Напротив, в защиту французских солдат можно сказать, что грабить Москву они начали лишь тогда, когда получили на это разрешение. В общем, они оказались более дисциплинированными, чем союзники.

Наполеон принялся за организацию Москвы, как будто намереваясь провести здесь зиму.

Французскую колонию, оставшуюся без средств, поместили в здание медицинской школы. Затем членам ее предложили места по военной части, по управлению провинцией. Многие из них в надежде получить пропитание и оказать помощь несчастным жителям Москвы, которая всегда была для них гостеприимным городом, заняли места муниципальных служащих, чем навлекли на себя злобу со стороны русских властей. Перевязь на руке служила знаком их служебного положения.

Одного интенданта Наполеон назначил губернатором Москвы и губернии, хотя губерния эта не простиралась дальше застав, причем казаки все суживали и суживали эти пределы, захватывая фуражиров и отдельных военных.

Пришлось отправлять фуражиров под конвоем.

Прокламации призывали жителей вернуться в Москву, а крестьянам, которые бы захотели привезти на продажу свои товары, обещалась полная безопасность. Некоторые из них, соблазнясь выгодой, привезли зерно, но были ограблены караульными на заставах.

Укрепили «острог» (тюрьму, окруженную стенами и башнями) и устроили в нем склады.

Распространился слух о приведении Кремля в осадное положение, так как часть армии должна была провести в нем зиму.

В подтверждение слуха, что французы будут расквартированы в Москве, назначили торги на освещение улиц, которые не были окончательно разрушены.

(Делаво)

* * *

На улицах московских можно было встретить только военных, которые слонялись по тротуарам, разбивая окна, двери, погреба и магазины; все жители прятались по самым сокровенным местам и позволяли себя грабить первому нападавшему на них. Но что в этом грабеже было ужасно,— это систематический порядок, который наблюдали при дозволении грабить, давая его последовательно всем полкам армии. Первый день принадлежал Старой императорской гвардии; следующий день — Молодой гвардии; за ней следовал корпус генерала Даву и т. д.

Все войска, стоявшие лагерем около города, по очереди, приходили обыскивать нас, и можете судить, как трудно было удовлетворить явившихся последними. Этот порядок продолжался 8 дней, почти без перерыва; нельзя себе объяснить жадности этих негодяев иначе, как зная их собственное бедственное положение. Без панталон, без башмаков, в лохмотьях — вот каковы были солдаты армии, не принадлежавшие к Императорской гвардии. Когда они возвращались в свой лагерь, переодетые в самые разнообразные одежды, их можно было узнать разве только по оружию. Что было еще ужаснее, так это то, что офицеры, подобно солдатам, ходили из дома в дом и грабили; другие, менее бесстыдные, довольствовались грабежами в собственных квартирах. Даже генералы под предлогом розысков, по обязанностям службы, заставляли уносить отовсюду, где находили, вещи, которые для них годились, или переменяли квартиры, чтобы грабить в своих новых жилищах.

Во время этого грабежа Бонапарт, вернувшись в пятницу в Кремль, поместился там с большими предосторожностями. Все ворота Кремля были на запоре, исключая те, которые ведут к Никольской; пропускали туда только того, кто носил кокарду. Начали думать об учреждении полиции и муниципалитета. В то же время Бонапарт, желая показать великодушие относительно неимущих иностранцев, сидевших без хлеба, без платья, без пристанища, велел принимать их в двух домах: в Медицинской академии[1] и в доме Давыдова[2],— назначенных для этой цели, и обещал велеть раздавать и съестные припасы, для чего назначались три синдика, обязанных управлять этими домами. Кроме того, тем из них, которые нуждались в денежной помощи, было предложено служить в канцелярии армии, за что обещано было соблазнительное жалованье. Многие поддались на эту приманку, пошли служить по доброй воле и таким образом вынуждены превозносить дело, которому служили.

(Изарн)

---

[1] Медицинская академия помещалась на Рождественке и Кузнецком Мосту в самом центре галантерейных и иностранных магазинов. Впоследствии она преобразована в Университетские клиники. *Пер.*

[2] Дом Давыдова находится против Страстного монастыря. *Пер.*

УСТРОЙСТВО АДМИНИСТРАЦИИ

По возвращении в Москву первой заботой императора было помочь бедствию, не терпящему отлагательств. Он занялся организацией гражданского и военного управления.

Герцог Тревизский был назначен губернатором Москвы, генерал Дюронель — командующим войсками, Лессепс — генеральным интендантом, или провинциальным префектом. Сами москвичи, движимые чувством человеколюбия и привлеченные выгодным содержанием, поступали в канцелярию новой администрации. Городское управление встретило, однако, некоторые затруднения в своем образовании, вследствие отказов многих лиц, призванных в состав его.

Официальное заявление о том, что муниципальное правление не имеет никакой другой цели, кроме восстановления общественного порядка и безопасности, и, быть может, страх за последствия, какие могло повлечь дальнейшее упорство, заставили некоторых из московских жителей принять новую должность. Это были по большей части купцы. Головой выбрали некоего Никотина. Поведение его в этих обстоятельствах заслуживает упоминания.

Представляясь первый раз Лессепсу, Никотин явился довольно смело во главе первого муниципального собрания и прямо обратился к начальнику со следующими словами, сказанными по-русски:

«Ваше превосходительство! Прежде, чем вступить в исполнение своих обязанностей, я должен официально объявить, что ничего не стану делать против веры и моего государя. Иначе мы скорее все умрем, чем не исполним долга, который в наших глазах есть первый и священный...»

Несколько удивленный неожиданной речью, Лессепс отвечал им мягко:

«Вас, господа, нисколько не касается борьба императора Наполеона с императором Александром. От вас требуется, от вашей гуманности и филантропии ожидают только восстановления порядка и обеспечения частной собственности; вы должны восстановить доверие между жителями деревень и города... Таковы, охотно повторяю, ваши единственные обязанности, господа!»

На таких условиях муниципалитет состоялся.

Сверх того, в каждом квартале были учреждены полицейские комиссары. Первым делом новых чиновников было собрать несчастных, бродивших по улицам Москвы без одежды и пищи, и приютить их.

(Домерг)

* * *

Думали также устроить полицию и муниципалитет; составить полицию было легко, во-первых, потому что при этом не затруднялись в выборе, во-вторых, потому что чиновники рассчитывали обеспечить себя от грабежа и, кроме того, имелся верный кусок хлеба, что заставило решиться поступить туда всех, кто не имел средств к существованию. Муниципалитет составить было труднее по причине постоянных отказов со стороны лиц, которым предлагали в нем участвовать. Но, наконец, постоянно повторяемые уверения в том, что все дело будет ограничиваться наблюдением за порядком в городе, а также и страх за последствия слишком упорных отказов заставили принять службу большей частью купцов, которых туда назначали.

Но эти зачатки властей ничего не могли сделать для водворения порядка; грабеж все-таки продолжался и распространялся даже на самих новых чиновников, когда они исполняли свои обязанности. Бонапарт ясно понимал, что этот грабеж кончится не прежде, чем когда все части его армии воспользуются им. Вот причина этому. После взятия Смоленска Бонапарт объявил армии, что ведет ее в Москву, что там он даст ей зимние квартиры, позаботится обо всех ее нуждах и хочет заключить мир с императором Александром. Потом, подходя к Москве, он показал на нее рукой и сказал: «Вот где конец войны». Пожар уничтожил всякую надежду на мир и на зимние квартиры; лишения, которым подвергались жители, оставшиеся в Москве, уничтожили всякую возможность достать платье и пищу. Таким образом, Бонапарт поставлен был в необходимость заглушить чем-нибудь ропот армии и отдал на разграбление ускользнувшую от него добычу.

Но, наконец, нужно было подумать о защите, а для этого необходимо было прекратить грабеж, *чтобы примириться* с населением города, без чего нельзя было рассчитывать на помощь с этой стороны. Тогда грабеж был запрещен, но тем не менее продолжался; запрещения повторялись, но только

бесполезно; наконец, стали вывешивать объявления и расстреливать ослушников: это произвело свое действие. Жители перестали бояться и начали выходить из своих берлог. Как изменилась вся Москва! Она превратилась в огромные пространства развалин, между которыми едва можно было различить прежние улицы; везде: на улицах, на дворах — валялись трупы, большей частью бородатые; мертвые лошади, коровы, собаки; далее, встречались трупы повешенных: это были поджигатели, которых сначала расстреляли и потом повесили; мимо всего этого проходили с неестественным хладнокровием. Несчастье так изменило всех, что встречавшиеся не узнавали друг друга. Но что еще более надрывало сердце, это то, что беспрестанно встречались люди, которые, заливаясь слезами, говорили, что они и их семейства сидят без хлеба. Дошло до того, что прятались, чтобы съесть дурной обед, и что деликатность не позволяла принять что-либо.

Голод породил еще новый род грабежа: заботясь о пище, все спешили рыть картофель и рвать капусту, но солдаты опережали всех: горе тому, кто пробовал собирать овощи вместе с ними или возвращаться с огорода один. Дело шло о жизни и смерти, и всякий с охотой трудился, чтобы достать себе пищу.

(Изарн)

* * *

Чтобы нарисовать более правдивую картину, необходимо прибавить, что вновь назначенные власти не были против национального богослужения и дали приказание найти священников и пригласить их к исполнению своих обязанностей; нашлось несколько священников, но они по разным причинам отказались совершать богослужение. Некоторые из них имели, конечно, и законное к тому основание, так как их церкви сгорели. Другим же, хоть и было предложено все необходимое для совершения священного богослужения, но вследствие боязни, или по каким-нибудь секретным политическим соображениям, они согласились на это лишь спустя три-четыре недели.

Только один священник, духовник Кавалергардского полка, охотно вызвался служить в церкви. Он во время прохода русской армии через Москву задержался по частным делам и был здесь застигнут прибывшими французскими войсками.

Он представился командиру, который дал ему стражу на случай беспорядков. Один московский протопоп пугал его тем, что его заставят молиться за Наполеона вместо Александра и заменять именем папы Святейший синод, но священник заранее осведомился об этом, и командир разрешил ему не менять ни одного слова из литургии и продолжать молиться за Александра I, своего законного монарха. На другой же день этим священником была совершена служба в церкви Евпладиакона, и в Москве первый раз после двух недель раздался колокольный звон. Народ толпами бежал в церковь, проявил громадное усердие в молитве, и по случаю годовщины коронования Александра I здесь был отслужен молебен. Чем могло кончиться это непонятное оставление церквей на произвол судьбы? Иконы, священные сосуды, предметы приношения частью были разграблены, частью вывезены на площади. Можно было встретить церкви, превращенные солдатами самым бесцеремонным образом в бойни, гауптвахты, конюшни. Наконец, даже уважение к праху умерших было нарушено. Никогда взятый приступом город не был свидетелем подобных сцен, и сами французские офицеры признавались, что со времен Французской революции французская армия не была до такой степени деморализована; большую часть вины они приписывали иностранцам и особенно полякам, которые имели свои особенные причины для мщения.

Все улицы были усыпаны человеческими трупами, валявшимися в таком же беспорядке, как и трупы лошадей и других животных, погибших от холода или огня.

Между тем император Наполеон, который, говорят, смотрел сквозь пальцы на грабеж, потому что этим путем спасалось от пламени то, что иначе сгорело бы, и особенно съестные припасы, не мог скрыть своего огорчения при виде такой распущенности своих войск; он делал строжайшие распоряжения остановить грабеж,— непокорным же грозила смертная казнь. Но чем можно было остановить этот поток? Преступление наказывалось, но грабеж невозможно было обуздать. Не один раз офицеры убивали непокорных солдат, но ничего не могли добиться и этими мерами. Вновь назначенное начальство, которому было дано распоряжение успокоить жителей соседних деревень и заставить их доставлять съестные припасы в город, потерпело окончательную неуда-

чу в своих попытках. Ни один крестьянин или, вернее, почти ни один не мог безнаказанно переправить свою провизию в город. При въезде на заставу у него отбирались провизия, лошадь и телега, и он еще радовался, что хоть сам-то остался жив. Часто повторяющиеся подобного рода происшествия лишили всякой надежды снабдить город съестными припасами. Всюду чувствовался крайний недостаток, что делало солдат более дерзкими к офицерам. Частные лица жили только подачками, получаемыми от военных или из жалости, или за услуги, которые они им оказывали.

Новые власти мало уважали; меры, которые ими предписывались, не исполнялись. Только теперь почувствовали, но, конечно, уже слишком поздно, необходимость охранять магазины с мукой, вином, водкой. Если бы заранее была упорядочена охрана съестных припасов, то Москва была бы обеспечена в продолжение целой зимы, но эта мера была употреблена только после полного разгрома, естественным следствием чего явилась голодовка.

С другой стороны, кавалерия не имела корма для лошадей, и это уже было одной из причин разложения французской армии. Кавалеристы, принужденные удалиться за 30—40 верст от Москвы, чтобы разыскивать пропитание, попадали в руки казаков, рассыпавшихся вокруг всей Москвы, и, таким образом, кавалерия, находившаяся большую часть времени в таком положении, терпела постоянные потери, что было очень чувствительно для французской армии. Наполеон намеревался расставить свою кавалерию по крестьянским избам верстах в 15—20 от Москвы, но все пригородные деревни были или разграблены, или сожжены. Дождливое же и холодное время говорило о приближении зимы. Непослушание солдат наводило на серьезные опасения. Они требовали вступить в переговоры с русской армией, но эти попытки были безуспешны и привели к решению покинуть Москву. Потребовалось много энергии, чтобы вывезти больных и раненых на Смоленскую дорогу. Приказано было заготовить для них громадный запас сухарей.

Обещанные же императором Наполеоном пайки пострадавшим местным жителям, разместившимся по богадельням, ввиду ужасной нужды, не могли быть раздаваемы, и он распорядился вместо этого выдать 50 млн р. медью в распоряже-

ние старшин, ухаживавших за этими несчастными. Таким образом, каждому приходилось около 90 р., но ввиду трудности перевоза такой тяжелой монеты и быстрого отступления французов помощь эта оказалась недействительной. Подонки московского общества и крестьяне соседних деревень воспользовались этим подарком: большинство из них увозили целые повозки с медными деньгами или даже зарывали их в подвалы.

(Аббат Сюрюг)

ПАРТИЗАНЫ

Вчера, 29 сентября, около 1000 человек пехоты, 200 кавалеристов и 2 орудия были переданы в распоряжение Морони для разведки вдоль Тверской дороги, а также для защиты многочисленных маркитантов, выступивших с телегами и ломовыми лошадями.

Большая часть деревень, через которые мы проходим, были совершенно покинуты и уже сверху донизу были обысканы при предыдущих рекогносцировках. Между Черной Грязью и Воскресенском, на расстоянии около 28 верст от Москвы, мы подошли к крайнему пределу, до какого доходили раньше. Мы нашли здесь на равнине несколько разбросанных селений, нашли древние хижины, хотя и покинутые, но оставшиеся совершенно целыми и нетронутыми, так что можно было судить о внезапном бегстве оттуда жителей. Ночью мы расположились лагерем в этой местности. На рассвете обнаружено было присутствие неприятеля; пехота, разбитая на две колонны, продолжала, однако, свой путь без принятия каких-либо предосторожностей. И в самом деле, неприятель отступал по мере того, как мы подвигались вперед.

Мы обошли еще несколько деревень и без затруднения забирали себе провизию, охраняемые цепью пехотных и кавалерийских постов. Жара стояла сильная, великолепный лес вырисовывался впереди наших передовых постов — вправо от меня, ехавшего в сопровождении нескольких унтер-офицеров. Мне очень захотелось туда съездить.

Я сделал всего несколько шагов, как вдруг услышал шум голосов. Я один спокойно двинулся туда, откуда несся этот

шум, и через ветви деревьев заметил среди леса лужайку, где находилась толпа мужчин и женщин всякого возраста и всякого положения. Они внимательно смотрели на меня, не выказывая при этом ни страха, ни изумления. Несколько человек, манеры и внешность которых не предвещали ничего доброго, подвинулись мне навстречу.

Сделав им знак, чтобы они близко не подходили, я подозвал к себе одного из них, в котором я узнал русского священника. При помощи латинского языка я учтиво попросил его объяснить мне, не принадлежат ли эти люди к числу жителей деревень, занятых в настоящий момент нашими войсками.

«Мы,— ответил тот, окинувши меня внимательным взглядом,— мы — группа тех несчастных жителей священной столицы, которых вы превратили в бродяг, в жалких и отчаянных людей, которых вы лишили крова и отечества!..

Каким духом варварства, какой бесчеловечной жестокостью,— говорил он,— охвачен дух вашего вождя, если он мог сжечь нашу дорогую столицу!» Тщетно я пытался убедить его, что он глубоко ошибается. Он ограничился в своем ответе словами, что я сам ошибаюсь, что ни для кого нет сомнения в том, что Наполеон, а не кто другой устроил пожар Москвы.

Вдруг один из русских, присутствовавших при этой сцене, подошел к попу, сказал ему что-то на ухо и взглянул на меня с видом бесконечного презрения.

У меня шевельнулось подозрение, я сделал вид, что собираюсь уехать, но поп удержал меня вопросом: христианин ли я. Эти слова удивили меня только наполовину, так как я уже знал, что нас расписывали в глазах русского народа как банду еретиков. Мой утвердительный ответ сейчас же сделался известным всем, и я заметил, что на меня стали смотреть с большим интересом, и разговоры кругом оживились. Поп взял меня за руку, с чувством пожал ее и сказал: «Уходите скорее; Иловайский с местными партизанами и совсем свежим кавалерийским отрядом подвигается, чтобы вас атаковать; оставаясь здесь, вы рискуете подвергнуться опасностям. И помешайте, если вы только можете, тем неистовствам, в которых винят вашего вождя и ваших».

(Ложье)

* * *

Во время напрасных переговоров о мире приготовляли все, чтобы снова начать войну; но ничего не делалось к тому, чтобы приготовиться к жестокой зиме. Поэтому ее приближение было ужасно; и чем больше тянулось наше пребывание в Москве, тем оно становилось все мучительнее. По мере того, как мы использовали все ближайшие деревни, приходилось искать провиант все дальше и дальше. Эти громадные расстояния делали наши экспедиции и опасными, и утомительными: уйдя с раннего утра, наши фуражиры возвращались только к ночи. Подобные ежедневные экспедиции утомляли страшно солдат и истребляли кавалерию; самые сильные отряды не имели сотни лошадей; у людей же из съестных припасов осталось только мясо этих животных.

По мере нашего истощения удваивалась смелость казаков, что еще более внушало нам робость.

14-я дивизия расположилась по дороге к Вязьме, а 13-я — по дороге к Твери, причем последняя чувствовала себя спокойно, удобно разместившись по квартирам. Вдруг ее известили, что князь Салтыков, любимец императора Александра, владелец деревни Марфино, около Дмитрова, вооружил всех своих крестьян и собирает в своем дворце много других помещиков, чтобы организовать план грандиозного восстания. Надо было задержать такой опасный пример и тем предупредить его последователей. Ввиду этого было приказано бригаде 13-й дивизии отправиться в Марфино. Генерал, командовавший этой дивизией, произвел тщательную рекогносцировку, чтобы убедиться, были ли там действительно собрания, но попытки обнаружить что-либо подобное оказались совершенно бесплодными. Принужденный сообразовываться с получаемыми приказаниями, этот генерал сжег дворец, справедливо считавшийся самым красивым в России. Рассказ об этих мнимых собраниях внушал мысль о том, что Наполеону просто хотелось отомстить князю Салтыкову, которого он ненавидел лишь за то, что этот помещик был верен своему государю.

(Лабом)

* * *

30 сентября нам пришлось проезжать через лес, в котором, как говорили, засели большие шайки казаков. Мы вы-

строились по взводам в колонну. Всадники (и я в их числе) составили авангард под командой адъютанта князя Понятовского. При входе в лес этот адъютант, ехавший впереди с 4 гусарами, был атакован; его и трех гусаров взяли, а четвертый был ранен. Мы были от него всего в 50 шагах и выстрелили. Тогда из лесу выскочили и напали на нас сотни казаков; часть авангарда, в котором я был, они перебили, а остальных отогнали к колонне, встретившей казаков ружейным залпом. Тогда они бросились в лес, где их преследовали несколько стрелков. В бегстве они встретили половину перебитого ими авангарда и убили многих из наших. Моя добрая лошадь помогла мне пересечь их ряды и достигнуть нашей колонны. Я не получил новой раны, но старая открылась, я потерял много крови и не мог ни идти, ни держаться на лошади. Меня поместили в фургон и таким образом я прибыл в 8 часов вечера в Москву. С помощью двух солдат я добрался до стоянки 30-го полка. Начальники и товарищи встретили меня с большой радостью. К моей компании прибавилось 2 стрелка, а всех стало 7 человек. Эти люди больше всех радовались моему возвращению и несли мне провизию, вино, сахар, кофе. Каждый хотел сделать мне какой-нибудь подарок из предметов, найденных ими среди дымящихся развалин Москвы. Тот дарил мне серебряный столовый прибор, другой нес слиток сплавившегося золота, один подавал разливательную ложку, другой подбитую горностаем шубу,— и, в общем, все это составляло значительную сумму денег.

(Франсуа)

* * *

22-е. Я дежурный. В 10 часов утра император потребовал меня в свой кабинет и послал с приказом к стрелкам-драгунам и гренадерам гвардии немедленно сесть на коней. Когда я вернулся, Его Величество был верхом. Он приказал мне направить эту кавалерию к редуту перед Москвой на Можайской дороге. Эти полки возвратились вечером. Его Величество возвратился также в 5 часов. Причиной этого передвижения были казаки, которые в 20 километрах от Москвы напали на отряд с артиллерийскими повозками, возвращавшимися с фуражировки из Смоленска. Казаки с двух концов подожгли деревню, взорвали 15 повозок, захватили в плен

50 канониров и солдат обоза; трое из них ускользнули и явились рассказать об этом событии. В тот же день был взят авангард генерала Ланюсса (Lanusse) в 160 человек, шедший из Смоленска.

(Кастеллан)

ЖИЗНЬ В МОСКВЕ

22 сентября. Погода не холодная, начинают поговаривать о выступлении. Сегодня ночью кавалерия гвардии была на разведках; был послан генерал Нарбонн с 15 стрелками, чтобы обследовать поместье в трех милях от Москвы; он нашел его занятым 400 казаков.

23-е. Я был на обеде во дворце. Наша столовая — великолепна; она служила для русских императорских празднеств. Она очень велика; посредине — колоннада, поддерживающая своды, делит ее на четыре части; она обтянута красным бархатом. Бедная столовая, для того ли ты предназначалась? Не император Александр со своим семейством обедает теперь под твоими сводами, его заменили ординарцы, адъютанты адъютантов, караульные офицеры, пажи, казначеи, врачи, хирурги, наполеоновские аптекари.

Возвращаясь к себе, я проходил среди развалин, отделяющих наш дом от Кремля. На пути находится чудом уцелевший дворец; он служит казармами одному из батальонов 30-го полка, а мне — маяком, благодаря которому я ориентируюсь среди ночи. Солдаты зажгли люстры; это удовольствие они доставляют себе каждый вечер.

27-е. Идет снег, который тут же тает. Я дежурный. В эти дни я часто прихожу в переднюю около императорского кабинета поболтать с его камердинером Анжелем, бывшим лакеем герцогини де ла Вальер. Этот человек относится ко мне дружелюбно и рад поговорить о Его Величестве. Между прочим он рассказал мне: «Со времени нашего прибытия в Москву император приказал мне каждый вечер зажигать по две свечи около его окна, чтобы солдаты говорили: «Смотрите-ка, император не спит ни днем, ни ночью; он всегда за работой!»

28-е. Погода мрачная, вечером морозит. Гвардия на ногах, с приказом быть готовой к выступлению.

29-е. Дождь; больше не говорят о выступлении, но об устройстве зимних квартир в Москве, о необходимости приезда итальянских певцов для развлечения императора.

1 октября. В качестве дежурного верхом сопровождаю императора; в течение четырех часов мы разъезжаем шагом; погода сносная. Мы были в пороховом погребе, проехали часть города; сколько развалин! Едва ли двадцатая часть Москвы осталась несгоревшей. Немецкий квартал нетронут. Направляясь за фуражом, казаки забрали дюжину рабочих повозок. Неприятель оставил много прекрасных укреплений; отступая, он останавливается и защищает каждую позицию... Казаки взяли в плен Альфреда Потоцкого, адъютанта генерала Понятовского, и генерала Ферьера, адъютанта неаполитанского короля... Мы находимся в 860 милях от Парижа, на посылку эстафеты требуется от шестнадцати до семнадцати дней, на почту — иногда по сорок одному.

2-е. Нам заплатили жалованье, треть — бумажными рублями; мы не знаем, что с ними делать... Холод очень кусается. Во время фуражировки казаки то и дело отбивают у нас служителей, лошадей, солдат.

Император по четыре часа не слезает с лошади; приказал попробовать пробить брешь при помощи двух 12-дюймовых орудий в ограде каторжной тюрьмы, чтобы видеть, устоят ли кирпичи, можно ли воспользоваться ею как крепостью.

Сторожевой итальянский отряд, далеко выдвинувшийся вперед, оказался с незаряженными ружьями; мы неслыханно беспечны. Надо постоянно повторять, что мы недостаточно бережемся, что надо беречься.

3-е. Прекрасная холодная погода. У нас по-прежнему захватывают фуражиров...

5-е. Я сажусь верхом, чтобы следовать за императором; прекраснейшая в мире погода. В строю большое движение. Его Величество занимается артиллерией. Он работает по целым ночам. Правда, он спит часть дня. Рассчитывают на скорое выступление. Говорят о походе в Индию. У нас столько доверия, что мы рассуждаем не о возможности подобного предприятия, а о числе месяцев, необходимых для похода, о времени, за которое к нам будут доходить письма из Франции. Мы привыкли к непогрешимости императора, к преуспеянию всех его планов.

6-е. Император производит смотр инфантерии Старой гвардии при довольно мягкой погоде... Генерал Лористон возвращается, выполнив свое поручение к русским; результаты его нам неизвестны. Он был очень любезно принят генералами Кутузовым и Беннигсеном. На аванпостах — перемирие; обязались предупреждать за 2 часа.

10-е. Сегодня второе представление французского спектакля; дворцовому префекту Боссе поручено поставить его; нашлись всего две актрисы — с этим каши не сваришь.

11-е. Мы меняем помещение в шестой раз; я устроился у князя Куракина, великолепный дворец. У меня очаровательные комнаты: есть камин — редкость в этой стране; в моей спальне — портрет князя, поразительно похожий; в моем первом салоне — еще один, во весь рост; на нем князь Куракин изображен в раззолоченных одеждах. Эта картина мне очень нравится. В доме с полсотни портретов; нет недостатка в портретах императора Павла и в портретах незаконных детей князя. Неудобство дворца в том, что он еще дальше от Кремля, чем дом, в котором мы были раньше. Перемирие между авангардами прервано. Император его формально отменил; оно служило лишь для того, чтобы казаки свободнее действовали на нашем арьергарде; в миле от него все было для них легкой добычей; они захватили 27 солдат и 1 офицера из 9-го гусарского полка. Наши аванпосты испытывают большую нужду в продовольствии.

Его Величество осматривал 600 лошадей 1-го и 5-го полков легкой кавалерии, прибывших из Франции; дорогой они потеряли 400 лошадей. Ежедневно мы получаем подкрепления. Две недели тому назад корпус маршала Нея состоял из 4000 человек; поляков Понятовского было не больше.

12-е. Я дежурный; стоит довольно холодная, туманная погода. В половине 11-го вечера шталмейстер двора, войдя в дежурную комнату, приказал трем адъютантам отправляться в Главный штаб Его Величества короля Иоахима ждать там императора. Император объявил, что он трогается в путь завтра в 9 часов утра. Никто этого не ожидал; были немного удивлены и раздосадованы.

(Кастеллан)

* * *

Несмотря на то, что у нас был излишек всего необходимого, я, однако, не переменил своего образа жизни. Я запасся 20 печеными хлебами, 3 головами сахара, 25 фунтами кофе, несколькими фунтами чая, 20 бутылками вина и 30 бутылками рома и водки. Все эти вещи были уложены в мои фургоны с большой предосторожностью, чтобы они не разбились бы и не замерзли. Вот все, что я вывозил из Москвы. Я купил драп и мех у французского купца, который взял с меня втридорога, и велел сшить себе меховое серое пальто. Кроме того, я купил у одного офицера енотовую шубу — это очень теплый мех. Я был готов каждую минуту к выступлению. Я старался, насколько возможно, предусмотреть все случайности, готовые обрушиться на нас.

А между тем зима быстро приближалась. Ночи становились все холоднее, небо было пасмурно, и все предвещало приближение страшной в этом ледяном климате зимы.

9 октября отдан был приказ всем войскам запастись провиантом на шесть месяцев. Мы запаслись зерном, картофелем, который мы накопали в окрестных полях, и вообще всем необходимым. Благодаря этому приказу мы окончательно разорили несчастных жителей, дома которых еще избежали опустошения.

Пока шли эти приготовления, уничтожили дома, примыкающие к Кремлю, вкладывали секретным образом мины в ограду, и во всех этих мерах было удивительное противоречие, бросавшееся каждому опытному человеку в глаза.

Масса публичных женщин оставалась в Москве; многие честные женщины, умиравшие с голоду, принуждены были также служить развлечением для всех. Во всех уцелевших домах можно было встретить этих падших женщин; они располагались там, как хозяйки, забирали себе все дамские украшения. Они заставляли приносить себе богатые одежды, награбленные солдатами, и слитки серебра за свои ласки, подчас очень грустные. В этих ласках был поразительный контраст с их вызывающей манерой держаться.

Во время своих прогулок я часто встречал стариков, плакавших при виде этих ужасных беспорядков. Я не мог их утешить, не зная достаточно русского языка, но я указывал им

на небо, и они кидались целовать мои руки и вели меня в свои развалины, где их семьи страдали от голода и нужды...

(Маренгоне)

* * *

В Москве существовали еще общественные бани. Я посетил одну из более известных. Вот как там поступают. Прежде всего я вошел в небольшую очень чистую комнату; мне предложили прилечь на один из диванов, которые стояли по трем стенам комнаты. Не успел я оглянуться, как приятный запах распространился по комнате, появился легкий пар и небольшая теплота. Очень чисто одетый слуга раздел меня, оставил только рубашку и панталоны, надел мне подбитые мехом туфли и повел в следующую комнату. Здесь было более натоплено, и пар был гуще, но без запаха. По стенам этой комнаты стояли широкие и удобные скамейки, покрытые кожей; пол был паркетный. Тут я увидал двух совершенно голых слуг, на поясе которых спереди висел только четырехугольный кусок полотна. Эти люди были прекрасно сложены и носили бороды, доходящие до самого живота. Они сняли с меня остальную одежду, подняли меня на руки и очень ловко отнесли в ванну, приготовленную в соседней комнате. В этой комнате между окнами и дверью были две ванны, а напротив возвышалось нечто вроде амфитеатра, который предназначался, кажется, для музыкантов. Справа и слева было по отдушнику, где лежали душистые дрова, на которые они изредка плескали немного воды, чтобы извлечь из них очень приятный запах. Под окнами стояли нары, на которых лежали тростниковые подстилки. Пол был мраморный и настолько подогретый, чтобы с удовольствием можно было поставить ноги. Через полчаса один из слуг стал чесать мне голову, затем скрести на ней кожу пальцами, осторожно раздвигая волосы, затем он ее намылил душистым мылом и вымыл несколько раз. Он промассировал мое тело и дал отдохнуть четверть часа. Затем они опять подняли меня на руки и положили на тростниковую подстилку; здесь, вытерев меня фланелью, один взял шерстяную перчатку, жесткую, как фехтовальная рукавица, и стал тереть мне тело. Другой принес эссенции разных запахов и натер меня ими, после чего в третий раз растерли меня уже более мягкой перчаткой

и, поставив на ноги, три раза облили меня водой. Обтерев меня простынями, взяли меня на руки и отнесли в прежнюю комнату, где надели то же белье, в котором я сюда вошел. Отсюда я прошел в большую комнату, где слуги одели меня.

Я нашел этот способ очень полезным для здоровья и чувствовал, выходя оттуда, непомерную легкость. Я стал часто посещать этот дом. Владелец его был русский, но говорил по-французски и бывал в Париже. Дом его, хотя и много пострадал, но еще был цел. Я поставил сюда охрану для его семьи и его учреждения и больше его не видал...

Пока я занимался этими осмотрами, Наполеон велел забрать бриллианты, жемчуг, золото и серебро, которые были в церквах. Он велел даже снять позолоченный крест с купола Ивана Великого. Говорят, что мотив, заставивший его снять этот крест, был тот, что у русских существовала пословица: если говорили о какой-нибудь невозможной вещи, то говорили: «Это так же верно, как то, что крест с Ивана Великого отправится в Париж». Он захотел доказать обратное. У русских была еще пословица, вытекавшая из того мнения, что Кремль никогда не был и не мог быть захвачен. Чтобы показать, что какое-нибудь место или дом вне всякой опасности, говорили: «Там находишься в такой же безопасности, как и в Кремле». Поэтому Наполеон велел вывезти все трофеи Кремля. Ими нагрузили 25 телег. Но по странности его характера вместо того, чтобы заплатить армии серебром жалованье, заплатили русскими кредитными билетами, которые ценились в четверть их стоимости, так как рубль менялся за 20 к. Наполеон приказал заплатить двойное жалованье, и, таким образом, несчастный офицер должен был ограничиться только половиной обычного содержания. Так, например, капитану 1-го ранга, получающему 200 франков в месяц, давали 400 р., которые, обменянные на серебро, стоили 100 франков. Он много говорил о том, что платит двойное жалованье армии, между тем как он уменьшил его наполовину. Трудно понять такое скряжничество в то время, как у него были телеги, полные золота. Надо вернуться к тому, что я говорил при начале похода. Он был обманут подлыми льстецами, которые его окружали и которые одобряли все его самые странные и экстравагантные идеи.

(Маренгоне)

* * *

В ожидании результатов переговоров Наполеон неутомимо занимался восполнением потерь своей армии. В это время потребовал у него аудиенции некто князь Визапур. Интересуясь всем, что касается мира, и введенный в заблуждение громким именем князя, император вообразил, что имеет дело с посланным от Александра. Но тут надо сказать несколько слов в объяснение странной личности, послужившей причиной этого недоразумения.

Князь Визапур происходил из рода, который царствовал в Азии. После одного из политических переворотов, столь обыкновенных в этой части света, предки князя нашли себе убежище в России. Вследствие ли странности характера, или чужеземного влияния, бывшего причиной вырождения благородной крови, только ничто в этой интересной личности не напоминало происхождения от царского рода. Низкий рост, толщина, маленькие блестящие глазки на широком смуглом лице, черные кудрявые до плеч волосы, наконец, голос, представлявший странное сочетание самых тонких и низких звуков,— все это делало князя Визапура настоящим посмешищем. Всякий сказал бы, что это один из волшебных карлов Ариосто. Ум вознаграждал, однако, до некоторой степени странность его наружности. Ответы князя были быстры, остроумны, а память изумительна. Отлично владея французским языком, он возбуждал удивление своим разговором, который был, смотря по обстоятельствам, то важный, то шутливый, то легкий или поучительный и всегда оригинальный. Если вы были ему другом, то он не иначе обращался к вам, как декламируя целые тирады стихами, которые он знал на память, или импровизировал в вашу честь...

Выехав вместе с другими из Москвы при приближении французской армии, князь Визапур тайно возвратился в столицу и потребовал аудиенции у Наполеона. Мы уже сказали, что подумал император при пышном и громком имени князя Визапура. Приказано было тотчас же ввести его. Представьте себе удивление и досаду Наполеона, когда, вместо посланца от Александра, он увидел какое-то смешное существо и вместо серьезных переговоров услыхал следующее:

— О великий человек! Истинно великий человек! Самый нижайший и самый восторженный из твоих почитателей имеет, наконец, счастье видеть тебя!..

Постояв минуту неподвижно на пороге двери, подняв руки к небу, Визапур мерными шагами приблизился и пал к ногам императора.

Совершенно разочаровавшись насчет характера и значения ожидаемого им лица, Наполеон, однако, улыбнулся, глядя на энтузиаста. Нахмуренное чело императора прояснилось. Такое обожание ему очень понравилось. Он ласково поднял Визапура и спросил о причине его визита.

— Истинно великий человек! — отвечал последний.— Я хочу служить под твоими победоносными знаменами, но с одним только условием: чтобы не быть мне против России, хотя я и должен на нее сильно жаловаться.

— Но ваша жена, дети? — заметил император.— Вы прежде всего имеете обязанности относительно вашего семейства...

— Моя жена,— отвечал Визапур,— имеет достаточно средств, чтобы обойтись без меня, а я со своими способностями сумею обойтись без нее. Ничто не привязывает меня к этой неблагодарной стране. Притом же сегодняшний мой поступок относительно Вашего Величества не допускает возвращения назад: его сочтут изменой, и я пропал.

В беспорядочном полете фантазии этого человека Наполеон сумел подметить проблески ума и сообразил пользу, которую он мог ему доставить своим знанием страны. Думая, что Визапур может со временем ему пригодиться, Наполеон на другой день отправил его в карете с курьером в Париж. Но неприятельские отряды уже отрезали пути сообщения: курьер был остановлен, и несчастного Визапура узнали. Теперь уже, несмотря на мольбы и просьбы в александрийских стихах, его осудили на смерть и, как сам он себе напророчил, без пощады расстреляли за измену отечеству.

(Домерг)

* * *

Понемногу народ возвращался в Москву; открылся рынок, на котором производился торг между солдатами и чернью. Тут продавались и покупались вещи, награбленные из брошенных или выгоревших домов. Таким грабежом многие из черного народа нажились благодаря отсутствию полиции. Мне случилось видеть большие погреба, полные крупной

медной монеты, состоящей из пятаков, равных нашим четырем су. Чекан этой монеты был так аляповат, что я счел ее за негодную, которую бросили тут за недостатком средств к перевозке. Никто из наших не подумал воспользоваться ею; но русские крестьяне вывозили ее вон возами, что продолжалось безостановочно несколько дней, и никто не помешал их работе.

О Наполеоне говорили, что он очень занят, что он постоянно работает. Но дело в том, как стало известно, что цель его была издать как можно больше декретов из столицы Русской империи в доказательство французам, что он и на дальнем рубеже Европы не перестает пещись о своем государстве, как вездесущее Провидение. К сожалению, предметы, избранные им для реформ, касались самых ничтожных частей внутренней администрации Франции. Например, он составил правила театрального управления да разных промыслов, как то: булочного, аптекарского и т. д. Этими мелочами он хотел выказать всеобъемлющий гений свой. Между тем все это, в сравнении с прежней деятельностью Наполеона, делало его неузнаваемым. Не пустяшными делами внутренней администрации Франции следовало ему заниматься, а вникнуть в свое положение в России, настолько критическое, что меры выхода из него могли бы занять его мысли. Эти неуместные декреты из столицы России напоминали мне те мистические ссоры, которые затевали между собой жители Византии во время осады города турками и перед тем, как им подпасть под иго мусульман. Ошибки Наполеона в эту кампанию были различные и неисправимые. Он вступил войной в страну, не имея понятия ни о нравах, ни о характере русских. В Египте, например, он оказывал столько почтения магометанству, что можно было ожидать его перехода в эту веру. В Италии, Австрии и Испании — везде он покровительствовал местному духу религии и казнил святотатцев. Но в Москве он точно не знал, что и русские привязаны к своей вере, он не обратил внимания на то, как глубоко почитали русские своих святых, как дороги для них церкви и важен сан священника. Едва ли он признавал их за христиан. И что же вышло? Не предупредив войска строгими приказаниями иметь должное уважение к церквам, иконам и духовенству, он навлек этим упущением ненависть народа на французов. В глазах русских они хуже

мусульман, потому что обращали церкви в конюшни. Зато уже горе французу, когда он попадался в руки народа, жаждущего мести! Таких жертв было множество. Следовательно, не лучше ли было бы внушить своему войску верные понятия о русском народе и об их вере, столь схожей с нашей?

Не менее важной ошибкой был беспечный взгляд на близкое будущее. Наполеон как будто не предвидел зимы, обманутый, может быть, продолжительной осенью. Он не знал, что немного пройдет дней, как наступят морозы, пойдет снег и так покроет землю, что езда на колесах окажется невозможной, а затем недалеко и истребление армии. Обо всем этом не догадывались. Не подумали даже о теплой одежде, об обуви солдат; ни о ковке лошадей, о возобновлении упряжи, наконец, о перестановке обозов на полозья и т. д.

(де ла Флиз)

* * *

Наша действительная нужда была замаскирована мнимым изобилием. Не было ни хлеба, ни мяса, но зато столы были заставлены вареньем и конфетами; чай, ликер, вина всех сортов, сервированные на фарфоре и хрустале, говорили о том, что роскошь у нас граничила со страшной бедностью. Наши жизненные потребности страшно обесценили деньги, благодаря чему вошел в обычай обмен: сукно предлагали за вино, а кто имел шубу, тот мог за нее получить много сахара и кофе.

Наполеон же в это время тешил себя смешными надеждами приблизить к себе самыми ласковыми воззваниями тех, которые всячески стремились избавиться от него и освободиться от его ига. Чтоб прельстить их и внушить им некоторое доверие, он разделил остатки города на кварталы, для каждого назначил начальника и учредил должностных лиц, которые должны были нести обязанности судей среди небольшой кучки оставшихся граждан. Генеральный консул Лессепс (Lesseps), назначенный губернатором Москвы, выпустил воззвания к жителям об отеческих намерениях Наполеона. Но эти великодушные и доброжелательные обещания не дошли до москвичей, а если бы и дошли, то после всех ужасов, которые они переживали, были бы приняты ими как злейшая ирония. К тому же многие убежали за Волгу, дру-

гие укрывались среди русской армии и, проникнутые вполне понятной ненавистью, не чувствовали ничего, кроме жажды мести.

Пребывание в столице, когда-то блестящей, но теперь разрушенной, не представляло ничего привлекательного. Деревни были пустынны — крестьяне и казаки объезжали страну, задерживая наши транспорты, останавливая наших курьеров и вообще причиняя нам непоправимое зло. Наше положение становилось все более и более невыносимо: недостаток в съестных припасах увеличивался, недовольство среди солдат росло с каждым днем. В довершение несчастий мысль о мире была лишена всякой вероятности. Строились самые разнообразные проекты, чтобы привести в порядок армию; одни говорили, что надо идти в Украину, другие — двинуться на Петербург, самые же умные повторяли, что давно надо было бы вернуться в Вильно. Наполеон, всегда упрямый в затруднительных положениях, увлекающийся необыкновенными поступками, упорно сидел в Москве только потому, что грозили его оттуда выгнать. Он надеялся принудить врага подписать условия мира, прикрываясь желанием провести зиму в Москве. Чтобы заставить верить в успехи своей военной хитрости, он строил план укрепить Кремль и превратить в крепость острог (мы его называли четырехугольный дом — maison carrèe). Наконец, когда все было испробовано и ничего не оставалось из съестных припасов, он дал приказ запастись провиантом на два месяца. Такая неуверенность в поступках разоблачила наше бедственное положение.

Вместо того чтобы посещать отряды войск, расположенные в окрестностях Москвы, и убедиться в их крайнем истощении, император сидел, запершись, в Кремле и искал выхода из этого опасного положения, в котором он очутился. Его увлекала надежда на мир с русскими, и это было единственной причиной его пребывания в Москве, а следовательно, и причиной его неудачи.

В минуты тоски он делал смотр войскам, что было его единственным развлечением. Своим примером он заставлял полковников поддерживать в войске суровую дисциплину, надеясь этими торжественными приготовлениями устрашить русских и принудить их подписать его условия. Погода, к на-

шему удивлению, была великолепная и очень способствовала торжественности этих смотров. Такая погода была действительно редким явлением, и москвичи, привыкшие видеть с октября снег, с удивлением смотрели на прекрасные дни, которым мы так радовались.

Суеверный народ, ждавший давно зимы как своей мстительницы, отчаивался в помощи Провидения и, очевидно, видел в этом факте покровительство Наполеону самого Бога. Это явное покровительство ослепляло и Наполеона и заставляло думать, что климат Москвы похож на климат Парижа. В своем безумном тщеславии он надеялся командовать временами года так же, как он командовал людьми и, веря в свою счастливую звезду, воображал, что солнце Аустерлица будет светить ему вплоть до полюса, или что по его приказанию так же, как по приказанию Иисуса Навина, солнце остановится, чтобы дать ему возможность продолжать его праздное странствование.

(Лабом)

* * *

Москва, 26—29 сентября. Император возвратился в Кремль, как только затих пожар, и теперь занимается главным образом больницами; он отдал приказы, чтобы всем несчастным дать жилище и пропитание. Он отправился затем в Воспитательный дом, уцелевший от пожара. Там он был принят генералом Тутолминым, директором этого благотворительного учреждения и, может быть, единственным русским чиновником, оставшимся в Москве. Император дал здесь доказательство своего человеколюбия и благородства чувств.

Мы располагаем несколькими помещениями для раненых и больных, которые тащились за армией. Маршал Мортье, генерал-губернатор, и генерал Мильо, комендант, стараются устроить муниципалитет и полицию, чтобы восстановить порядок и добывать продовольствие. Город был разделен на 20 кварталов; для каждого был назначен особый начальник.

Но как сделать все это быстро среди такого хаоса? 50 000 р. медной монетой переданы в распоряжение муниципальных старшин, чтобы ускорить выдачу пособий бедным. Однако переноска такой тяжести оказывается очень затруд-

нительной, и это лишает возможности осуществить на деле благородный приказ императора.

Приказ быть готовыми к выступлению 28-го вызвал всеобщую радость. Но непрерывный ряд получаемых инструкций, по-видимому, указывает на намерение императора провести зиму здесь или в окрестностях. Недолог был восторг, вызванный мыслью об отбытии; но удивительна стойкость солдат: она помогает им перенести все помехи. Корпусные командиры получили приказ позаботиться о способах запастись провиантом на шесть месяцев. Интендантская часть армии передана в заведование графа Дюма. Он очень способный офицер, но, к сожалению, окружен помощниками, которые получили места только по протекции и в государственной службе видят только удобный способ маскировать праздность.

Вот результаты наших первых справок: вино, ликеры, сахар, кофе, бисквиты и т. п. в изобилии. Большие сады, огороды в состоянии доставлять зелень нам и траву для скота. Имеется и кожа, чтобы сшить новую обувь, и сукно, чтобы дать людям новую одежду.

Можно также пользоваться овчинами, которые здесь в большом ходу; они довольно хорошего качества, и русские одеваются в них в течение зимы. Таким образом, мы не умрем от голода, как можно было одно время этого бояться; мы, так сказать, плаваем в изобилии, и обязаны этим не администрации, а случайным результатам наших открытий. Приказы о выходе из Москвы были даны сначала на 22-е, потом на 28 сентября, но затем отменялись. А пока мы каждый день отходим на расстояние приблизительно 10—12 миль от города, отрядами, составленными из разных частей армии, чтобы раздобыть съестных припасов и фуража.

(Ложье)

ТЕАТР В МОСКВЕ

Посмотрим, что сделала французская армия во время пребывания среди дымящихся развалин Москвы. Наш национальный характер и тут остался верен себе.

Большая часть русских вельмож имела домашние театры. Театр генерала Позднякова уцелел от пожара. Актеры, находившиеся в Москве, получили приказание давать в нем представления. Наполеон хотел занять, развлечь умы; он знал, как легко и вместе могущественно влияет это средство на воображение французов. Труппы составили, как могли, и представления начались. Скоро зала оказалась недостаточной благодаря наплыву посетителей. Здесь царило шумное веселье и раздавались оглушительные аплодисменты.

На долю мадам Андре, очень хорошенькой актрисы, выпадали каждый день овации. Это была, разумеется, тень наших блестящих спектаклей в счастливые времена столицы, но теперь не были так требовательны. Престарелый актер Сенве, живший на пенсии от русского двора, впал в нищету вследствие пожара. Он исполнял роли лакеев. Но,— увы! — возраст делал его неспособным к живости и ловкой расторопности, которых требует это амплуа. Общие затруднительные обстоятельства отражались и на костюмах актеров: они одевались в мишуру разного рода, нередко в священнические ризы, неузнаваемые остатки которых наши солдаты отдавали за кусок хлеба. Аврора Бюрсе получила приказание от Наполеона организовать новую комическую труппу. Русские не замедлили обвинить ее как директрису в том, что она играла главную роль в этом святотатстве и продавала священные одежды на выделку из них театральных костюмов. Обвинение нелепое, которое вполне опровергается снисходительностью зрителей, делавшей подобную продажу совершенно ненужной. Но, несмотря на неправдоподобие обвинений, мадам Бюрсе все-таки была очень счастлива, что впоследствии не попалась в руки русских.

Пьесы, которые игрались в поздняковском театре, были следующие: «Defiance et Malice», «Guerre ouverte», «Les Joueurs» и др. Как ни мало разнообразен был репертуар, генералы и маршалы со своими штабами так же прилежно посещали театр, как и простые солдаты. В театр приходили среди ночной темноты по дымящимся развалинам. Актрисы Домерг и Бюрсе насилу успевали получать деньги, сыпавшиеся в их кассу.

За недостатком типографии афиши были писаные и без означения имен актеров. Наши военные восполняли послед-

ний недостаток насмешливыми прозвищами, которые они давали каждому члену труппы. Не было также ни входных билетов, ни кассы, устраиваемой, как обыкновенно делается, вне театра. Продажа билетов производилась в галерее, рядом с залой, где шли представления. Герцог Тревизский постоянно, входя в театр, клал на стол кассы горсть пятифранковых монет и рублей. Простые офицеры платили также щедро и никогда не требовали сдачи, даже офицеры не пользовались обычным правом платить половинную цену и бросали в кассу больше, чем следовало бы за целое место.

(Домерг)

* * *

С Тильзитского мира, который облегчил сношения России и Франции, в Москве существовала труппа французских актеров, под управлением г-жи Бюрсе, очень умной женщины, с твердым и мужественным характером, 45—50 лет. Удаляясь из своей столицы, русские, понятно, совсем не интересовались судьбой наших несчастных соотечественников. Жертвуя своими собственными ранеными, они должны были равным образом жертвовать всем, что было чуждо им. Но дело не ограничилось лишь равнодушием и пренебрежением: наших бедных актеров сначала грабили убегавшие русские, потом наши солдаты, которые мало заботились о том, чтобы справиться об их национальности. Пожар довершил их несчастье: я имел случай говорить о них за завтраком императору. Он велел оказать им первую помощь, назначил меня главным распорядителем над ними и приказал мне посмотреть, могут ли они в том составе, в каком были, дать несколько представлений, которые могли бы доставить развлечение войскам, расквартированным в Москве.

Г-жа Бюрсе привела ко мне актеров, имена которых я запомнил, это были: г-да Адне, которого я видел в Париже, в театре Порт Сен-Мартен, Перу, Лекен, Белькур, Перон, Госсе, Лефевр и г-жи Андре, Периньи, Лекен, Фюзи, Ламараль и Адне. Мы составили нечто вроде репертуара; эти актеры находились в таком грустном положении, что никто не предъявлял никаких претензий. Страшно легко было распределять роли; я думаю, нельзя было найти более сплоченную, более послушную труппу, которой так нетрудно было руко-

водить. Кроме того, г-жа Бюрсе имела на них громадное влияние и прекрасно знала их способности и таланты. Не теряя времени, я занялся тем, чтобы достать для них костюмы и приличное помещение для спектакля. Военные власти собрали в церкви Ивана Великого (mosquèe d'Ivan) все, что они могли спасти от пламени, и благодаря любезности графа Дюма, главного интенданта армии, я нашел в этой церкви всевозможные одеяния. Французские актеры достали оттуда бархатные платья и бархатные костюмы, переделали их по своей фигуре и нашили широкие золотые галуны, которые имелись в большом количестве в этих магазинах. Они действительно были одеты роскошно, но их беда была в том, что под этими бархатными платьями некоторые из наших актрис едва имели на себе самое необходимое белье, так, по крайней мере, мне говорила г-жа Бюрсе. Я нашел небольшую хорошенькую театральную залу в доме Позднякова, который был пощажен пожаром. Она была великолепно украшена и обильно снабжена всеми необходимыми принадлежностями. Я занял ее и приложил все мои старания к тому, чтобы исполнение было насколько возможно совершенным.

Для открытия было поставлено «Jeu de l'amour et du hazard» («Азартная любовная игра»), затем «L'Amant auteur et valet» («Любовник, виновник и слуга»).

Дебют вышел блестящим: не было интриг ни в зале, наполненном военными, ни в театре, где не существовало никакого соперничества в самолюбии. Партер был переполнен солдатами, а два яруса лож занимали офицеры всех полков. Оркестр был великолепный: это были музыканты гвардии. Вход был очень дешевый, и весь сбор разделен между артистами, за предварительным вычетом расходов по освещению. Во время нашего пребывания было дано 11 спектаклей. Многие пьесы давались по нескольку раз, между прочим «Distrait», в которой прекрасно играл Адне, премьер труппы. Большой успех имели «Troies Sultanes», также «Procureur arbitre» и др. Несколько раз было даже нечто вроде балета, исполненного госпожой Ламираль. Это были настоящие русские танцы, но не такие, которые исполняются в парижской опере, а те, которые танцуют в России. Вся прелесть этой пантомимы заключается главным образом в игре плеч, головы и всего тела.

На этих импровизированных спектаклях Наполеон никогда не присутствовал лично: я нашел ему развлечение, более подходящее его вкусам.

Среди иностранцев, проживающих уже несколько лет в Москве, которые избегли несчастья, принесенного нашествием и пожаром, я открыл превосходного певца, синьора Тарквинио, который уже несколько лет как имел громадное имя в Италии, где он выступал в операх известного Крешентини; он жил в Москве уже два года и давал уроки пения прелестным москвичкам. Г-жа Бюрсе указала мне великолепного аккомпаниатора, г-на Мартиньи, сына Винченцо Мартиньи, знаменитого композитора, автора «Cosa rara», «L'Arbore di Diana» и др. Эти два таланта вместе дали мне возможность доставить некоторое развлечение Наполеону среди его тяжелых трудов. И вовсе не было безделицей среди всевозможного рода руин, нас окружавших, суметь организовать в такое короткое время концерт при дворе и спектакль в городе. Но я должен отдать всем должное: это мне было очень легко; в лице г-жи Бюрсе я имел очень искусного адъютанта и необыкновенно талантливого руководителя театра.

(Боссе)

* * *

Несмотря на все беспорядки, начали собирать артистов, находящихся в Москве, и рассылали им приказания; одним — петь во дворце, другим — участвовать в комедии. Это было в высшей степени трудно в разграбленном городе, где женщины и мужчины не имели ни костюмов, ни башмаков, где трудно было найти гвоздь, чтобы прибить декорацию.

Граф Боссе просил меня тоже поступить к нему.

— Мы хотим,— говорил он,— собрать оставшихся артистов, чтобы дать несколько представлений и концертов перед императором. Тарквинио говорит, что Вы прекрасная певица.

— Как? Мне петь перед императором?— вскричала я.— Я, скромная певица, поющая только романсы и маленькие арии, тем более что я не пою больше итальянской музыки, с тех пор, как потеряла голос.

— Да, но Вы ведь пели дуэты с Тарквинио?

— Конечно, но ведь это перед дамами без всяких претензий, и просто я пела из любезности, но предстать под видом

певицы перед императором — у меня от одного страха парализуется голос. Он такой знаток! Нет, ради бога оставьте меня в стороне!

— Ну, тогда примите участие в водевиле или комедии.

— А вот это другое дело...

Я уже говорила раньше, что все русские вельможи имели частные театры в своих дворцах. Поздняковская зала была одной из самых лучших и уцелела от пожара. Нам ее предоставили для спектаклей. В солдатских казармах достали ленты и цветы, и мы танцевали среди еще дымящихся развалин.

Мы играли до самого дня отъезда, и Наполеон был очень мил с нами. Он редко присутствовал на спектаклях, но вот что однажды случилось со мной, когда он был на представлении.

Давали пьесу «Начало войны». Во время сцены у окна я пела романс, выбранный мной самой, неизданный романс немецкого композитора Фишера, создавший мне громадный успех во всех московских салонах.

Когда император был в театре, никогда не аплодировали, но этот никому незнакомый романс произвел нечто вроде сенсации. Наполеон, разговаривая с кем-то, не слыхал моего пения, и спросил управляющего дворцом Боссе: «Что такое?» Тогда тот пришел ко мне и попросил повторить номер. Я так взволновалась, что голос мой стал дрожать, и я думала, что не смогу успокоиться. Однако все-таки я оправилась, и с тех пор этот романс стал самым модным. Повсюду меня просили его петь. Даже неаполитанский король просил меня переделать его для него.

Это был рыцарский романс; слова его довольно красивы. Благодаря мне его стали петь в Париже.

Рыцарь, на поле битвы уезжая,
Прощаясь, свою подругу утешал:
«Любовь направит шаги мои на поле чести,
Оружие ты мне в руки дай.
За жизнь не бойся ты мою.
Я победителем к тебе вернусь.
За храбрость получу награду,
За верность твою сердце дам свое в награду,
За постоянство же возьми мою любовь».

Наконец, в самый неожиданный момент стали поговаривать об отъезде. Генералы и офицеры не могли смотреть без

жалости на большое количество людей, так называемых «русских французов», которые, в конце концов, могли сделаться жертвой ярости солдат.

Нам предлагали покинуть страну и добраться хотя бы до Польши. Особенно жалко было женщин: одни не могли найти лошадей, другие не имели денег, чтобы их нанять. Менее всех расположена была я выехать, так как мои дела заставляли меня оставаться в России, но меня так напугали тем, что могло здесь со мной случиться, что я решилась, наконец, уехать.

(Фюзи)

ГВАРДИЯ

Императорская гвардия была идолом своего шефа-императора, который донельзя ее баловал, почему она стала заносчивой и дерзкой по отношению к армии, которая ее не любила и к тому же упрекала в том, что она не ходила в огонь и не несла тягости сражений. Упрек заслуженный, но его следовало отнести более к императору, который не хотел пускать ее в бой. Гвардия была его резервом, и он не хотел, чтобы говорили, что он был вынужден прибегнуть к этому резерву, не допуская и мысли, чтобы тела его гвардейцев покрывали собой поля сражений. Я участвовал во многих сражениях и только один всего раз, при Гаунау, видел гвардию, построившую боевой порядок и пошедшую в атаку с почетным конвоем включительно.

Если бы в день Бородинского сражения, вечером, император двинул бы вперед, нам на смену, свою свежую, нетронутую гвардейскую кавалерию, о чем напрасно его умоляли, то, повторяю, исход сражения был бы другой, мы же, вследствие невероятного утомления и истощения людей и в особенности лошадей, уже не были способны решить участь дня; остатки русской армии были бы уничтожены, тогда как ей была предоставлена возможность спокойного отступления. Но император хотел вступить в Москву со своей гвардией, столь же прекрасной и столь же многочисленной, как и при ее выступлении из Парижа, и если только он хотел похвалиться ею перед жителями Москвы, то он в этом успел бы. Так или иначе, но, явившись в Москву, гвардия реши-

тельно всем овладела, отодвинула чинов армии и жила в полном довольстве, так как после пожара, вернувшись на развалины домов, гвардейцы рылись в подвалах, в которых жители припрятали всякого рода провизию, вина, ликеры и всякого рода предметы; и вот гвардейцы устроили себе лавочки и открыли для армии торговлю, чем только можно. Подобное поведение окончательно вооружило против них всю армию, которая в насмешку называла их «московскими купцами» и «московскими жидами». Конечно, далеко не все гвардейцы этим занимались, но упреки, сыпавшиеся на гвардию, имели свои основания. То, что говорю, могу подтвердить, так как сам купил себе сукна на одном подобном базаре, устроенном гвардейскими гренадерами.

Неприязнь эта принесла свои плоды во время отступления, и солдаты армии за это главенство гвардии, которым она так грубо злоупотребляла, жестоко отомстили «московским купцам» впоследствии.

Отрываясь или отставая от своего корпуса, что случалось с людьми и других частей, гвардейцы брели обыкновенно совершенно одинокими и отовсюду, куда бы они ни подсаживались или ни пристраивались бы, к костру ли, или какому-либо приюту, их грубо отгоняли, ругая жидами и купцами.

К чувству эгоизма, овладевшего людьми, находившимися в непрестанном опасении за свое существование, угрожаемое противником и зависевшее от голода и холода, присоединилось еще чувство злопамятства по отношению к себе равных, но когда-то их унижавших и продававших им добро, ими же отвоеванное у противника; чтобы составить себе ясное понятие об этом чувстве и его проявлении, надо быть личным свидетелем этой жестокости людей, решительно во всем нуждавшихся, особенно в пище. Я не знаю, может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, и я тогда заметил, что именно люди этого отборного войска были деморализованы более людей остальных частей, и, желая отдать себе отчет в причинах подобного, я нахожу объяснение в следующих обстоятельствах.

В то время, когда армия дралась каждый день и бивакировала каждую ночь, подвергаясь всем соответственным лишениям, гвардия находилась на особом положении, располагалась по квартирам в городах, получала провиант от жите-

лей и интендантских чиновников, которые не посмели бы чего-либо недодать гвардии, окружающей своего вождя, да и какого еще вождя... Большинство гвардейцев были уже люди пожилые, отвыкшие от трудностей бивачной службы и от лишений в пище.

В то время, когда мы умирали от усталости и голода в знаменитом лагере около Калуги, гвардия оставалась в Москве в безопасности, пользуясь всеми благами, а когда она, в конце концов, подверглась жестокостям зимы и лишениям всякого рода, то она начала страдать больше нашего, ненависть же, которую она возбудила против себя, ее окончательно деморализовала.

Как следствие подобной вражды,— несколько дуэлей между этими несчастными во время отступления, при 20° мороза; так, еще под стенами Смоленска офицер полка карабинеров Дюборайль убил офицера полка гвардейских гренадер.

(Тирион)

ДЕЙСТВИЯ АВАНГАРДА

В два часа пополудни 15 сентября, словно прилетев из дыма и пламени, на дороге внезапно появился вскачь Мюрат, без адъютантов, в сопровождении лишь одного трубача. «На коней, на коней!» — крикнул он нам, поскакал дальше и приказал трубить тревогу на аванпостах.

Мы поехали, сопровождаемые дымом, который гнало на нас со стороны города. Солнце светило сквозь дым, окрашивая все видимые предметы в желтый цвет. Совсем близко перед нами были казаки, однако в этот день не обменялись даже пистолетным выстрелом. Мы отошли от Москвы приблизительно на 4 версты и стали лагерем, когда уже стало совсем темно; пламя горевшего города озаряло нас.

На следующий день, 16 сентября, мы потянулись дальше, по дороге, ведущей на Владимир и Казань. Мы проходили через довольно красивые и зажиточные деревни; их своеобразные постройки, снаружи опрятные и разукрашенные, чрезвычайно понравились нам. Своих противников мы увидели лишь вечером, когда приблизились к деревянному городку Богородску, стоявшему вправо от дороги. Пока наша кавале-

рия выстраивалась рядами, мы увидели несколько казаков на крутой вершине горы, которую огибает большая дорога, пересекающая дальше реку Клязьму, текущую здесь в направлении с юга на север. Мы остались по сю сторону реки, стали лагерем около городка и стараниями некоторых офицеров полка получили из Москвы обильный транспорт съестных припасов.

После обеда, 17-го числа, мы стали переправляться через Клязьму...

Гора, на верхушке которой мы вчера видели казаков, осталась вправо; мы поехали поперек поля, миновали русский лагерь, вновь очутились на большой дороге и в первой же деревне увидели обитателей, собиравших пожитки для поспешного бегства. Одна баба, изба которой стояла на пригорке у самой дороги, суетилась, нагружая на телегу постели и т. п., усаживая на нее своих ребят и привязывая сзади корову,— а телега-то не была даже запряжена; баба вызвала у нас хохот и изумление. Мы проехали мимо, никто не тронул ее. А красивая молодая баба деловито и сердито продолжала свои хлопоты, даже не оглянувшись на нас.

Продолжая свой путь, мы увидели влево от дороги большую, далеко на восток простирающуюся луговую равнину; бесчисленными стогами стояло на ней заготовленное на зиму сено. Там и сям раскиданы были селения, и посредине каждого высилась барская усадьба.

Темным вечером мы раскинули лагерь у селения, расположенного между Богородском и Покровом; селение, со стороны въезда в него, было холмистое. По расстановке патрулей командиры отправились туда за продовольствием, ибо все вокруг казалось спокойным.

Ранним утром я нанес визит своему командиру полковнику фон Милькау. Он встретил меня словами: «Мы потеряли врага и всякий его след; приходится оставаться здесь и ждать новых приказаний».

В полдень пришел приказ выступать...

Мы ехали лесами с прекрасной растительностью, особенно дубами, встретили массу богатых усадеб и хлебных полей, где рожь и гречиха еще стояли на корню. Эта превосходная земля с ее прекрасной и благословенной культурой, с многочисленными, свидетельствовавшими о богатстве

усадьбами и запасами сена и зерна, опять давала нам повод мечтать и говорить о мире, несмотря на то, что мы все еще видели и ощущали дым, идущий от Москвы. Эти мечты скрашивали нам тяготу военной жизни. Пруссаки, поляки, французы и мы — все думали одинаково; офицеры и солдаты охотно говорили о том, чего желали все, и сама неосведомленность о том, что делали русские и куда они девались, много способствовала возникновению догадки, что теперь-то и обсуждается заключение мира.

Что делалось в армии, мы и теперь по-прежнему не знали. Кроме пожара Москвы, издали светившего нам ночью, да дыма, который днем следовал всюду за нами, мы так же мало знали о готовившемся нам будущем, как во время событий под Смоленском.

Следующие дни были еще дождливее и холоднее. Мы попали на какую-то дорогу, ведущую из Москвы; войск на ней не было. Мы свернули вправо, когда уже наступила ночь, и прибыли в городок Подольск, лежащий на реке Пахре, в долине которой наши провели на берегу ужасно бурную ночь при дожде, ветре и холоде. В твердой уверенности, что ночь придется провести здесь, я со своими двумя помощниками приспособил себе для ночевки сенной сарай. Мы были чрезвычайно счастливы, укрывшись от дождя и бури, покормив своих усталых коней, и совершенно не заботились о том, что происходило снаружи, хотя всю ночь слышно было прохождение кавалерии. Младший врач, отыскавший хозяйку, сумел раздобыть яиц, масла и хлеба, так что и мы насытились. Тем временем настало утро; буря и дождь прекратились, небо прояснилось. Освеженные отдыхом и пищей, мы жалели лишь о том, что нашим пришлось провести под открытым небом самую тяжелую ночь с начала войны. Это была ночь с 25 на 26 сентября, когда мы опять соединились с войсками, покинувшими нас на Казанской дороге, у Богородска; и Мюрат опять был с нами. Утром, 26-го, тронулись в дальний путь. Мы рады были снова очутиться вместе с большим отрядом войск и переправились через реку Пахру.

Во время этих переходов мы встречали русских поселян, а в этот день увидели на пригорке крестьянские дворы, обитатели которых безбоязненно и равнодушно вышли поглядеть, что им готовит новый день.

Командир дал им понять знаками, что ему хочется пить. Скромно и без всякого смущения один крестьянин подал в широкой и глубокой деревянной посудине какой-то светло-коричневый напиток. Утолив жажду, командир передал посудину окружающим. Напиток оказался очень приятным и прозрачным, ибо на дне посудины я заметил нарисованные цветы.

Крестьянину вернули пустую посудину и дали серебряную монету нашего чекана; на это он ответил таким низким поклоном, что волосы его коснулись земли: такого способа благодарности мы еще никогда не видели. Лишь на следующее лето в Борисове на Березине я узнал, что этот напиток зовется квасом.

В этот день, 26 сентября, мы снова обрели русских, которые словно канули в пропасть с того момента, когда мы видели их на вершине холма у Богородска. Снова началась кровавая военная потеха; все виды оружия приведены были в действие, и ежедневно, нередко с утра до вечера, происходила пушечная пальба. Русские все отступали, а мы следовали за ними, непрерывно вытесняя их и неся вместе с тем большие потери ранеными, мертвыми и изможденными людьми и лошадьми...

Так пошло день за днем,— потери были значительны то в одном полку, то в другом, то во всех сразу. Больных и раненых приказано было отправлять в Москву, однако, без уверенности, найдутся ли там постели. Ощущался недостаток в повозках, в конвое, потому что полки были уже настолько ослаблены, что не могли откомандировывать никого; не хватало также и врачей.

(Роос)

* * *

Шли до самого вечера, не встретив ни одного казака; наконец, вместе с корпусом Понятовского и кирасирами, мы заняли лагерь у речки Черничной, лагерь, столь знаменитый своим концом.

Когда Себастиани принимал нашу дивизию в Вильно, она насчитывала 3500 лошадей; теперь же полки настолько сократились, что каждый составлял немного более или менее эскадрона. У нас, у прусских улан и у французских полков можно было насчитать 100—130 лошадей. Польский гусар-

ский 10-й полк, пожалуй, еще был сильнее других и представлял собой линию в два эскадрона; этот полк и с самого начала был сильнее.

Мы стояли на левом фланге лагеря; рядом с нами деревушка, Тетеринка, на речке Черничной, по которой всего правильнее и зовут происшедшую здесь впоследствии битву. Впереди деревни расположилась кавалерийская дивизия, позади нее — ее артиллерия; вправо и впереди нас — пехота Понятовского; позади леса и невдалеке от него, в усадьбе, была квартира короля, а лагерь остальных войск тянулся вправо через большую дорогу, которая ведет через Нару и Тарутино, лежавшее приблизительно на расстоянии мили впереди нас, но мы так его никогда и не видели.

Здесь мы простояли без малейшей тревоги целых две недели; осенняя погода менялась; было, правда, сухо, однако, порой довольно холодно. Нам приходилось бороться с невероятной нуждой, и мы беспрестанно жили в колеблющейся надежде на мир, столь всеми нами желанный и всем необходимый.

За несколько дней до последнего события мы видели в одном лесу, на большой дороге, явившихся к нам из Москвы парламентеров в обществе русских офицеров. И теперь в лагере мы неоднократно слышали, что прибыли Коленкур и Лористон, что они — в главной квартире русских и что сам король у русских. Равным образом мы узнали, что и польские офицеры были там. Эти обстоятельства и известия оживили наши надежды и до крайности напрягли всеобщие ожидания, хотя другие события, казалось, должны были бы отнять у нас эту сладкую мечту. Мы почти ежедневно слышали оживленные упражнения в ружейной и пушечной стрельбе, происходившие в русском лагере, милях в двух от нашей стоянки. Полковник Уминский, которого король посылал к русским, рассказывал, что все, им виденное в русской армии, свидетельствовало о благосостоянии и мужестве. Ему довелось говорить с Платовым и другими старшими офицерами, и они откровенно заявляли ему: «Вы от войны устали, а мы только теперь всерьез за нее принимаемся. Ваши повозки, добычу, багаж и пушки,— все это мы у вас отберем»,— и т. п.

Наш образ жизни в этом лагере был скуден до жалости. Прохладные дни и порой весьма холодные ночи требовали

массы дров. Запасы в окрестностях деревни скоро истощились. Сначала стали разбирать надворные постройки деревни, именно — конюшни и сараи, но при этом бревен не кололи, а просто подкладывали конец к костру и потом подвигали бревно, пока оно не сгорало все. Когда истреблены были все надворные строения, принялись за жилые дома, так что под конец едва осталось несколько комнат для старших офицеров и больных.

Соломы едва хватало на самый минимальный корм для лошадей. Ночью мы ложились на соломе, а днем ее отдавали в корм лошадям. Ночи бывали настолько холодные, что мы зарывались в солому, а к утру она настолько смерзалась от росы и инея, что чуть ли не приходилось ее разламывать. Исхудалые лошади и сбруя утром бывали густо покрыты росой и инеем, как снегом, и только солнышко постепенно отогревало лошадей и сгоняло иней.

Рожь, ячмень, гречиху, добытую нами, варили, по большей части, без обработки, до тех пор, пока зерна разбухали, лопались и становились мягкими, так что можно было снимать с них шелуху; в зависимости от густоты заварки получалась каша или похлебка. Другую часть ржи мололи каменными или ручными мельницами для приготовления хлеба. Это была тяжелая работа для худых и слабых рук; менялись за ней часто, вместо муки получались лишь мятые зерна, какая-то каша, из которой с таким же трудом приготовлялся плотный, тяжелый хлеб. Офицеры и солдаты одинаково вертели камень, как это случалось и раньше. Кто не прилагал рук, оставался ни с чем и обречен был голодать. Мои отощавшие руки могли иногда повернуть камень всего три-четыре раза; однако все работали охотно,— этого требовала необходимость.

Соли не хватало часто, но в особенности теперь. Поэтому иногда вместо нее употреблялся порох. При варке порох разлагался на свои составные части, так что уголь и сера всплывали черными пятнами и их снимали, селитра же растворялась в похлебке. Посол селитрой бывает острым, едким, неприятным; от него развивается жажда и понос; вот почему пришлось приучаться обходиться совсем без соли. Масла никогда не было; вместо него пускали в ход сало, иногда даже сальные свечи.

Счастливее остальных были пруссаки и мы, единственные, которым не приходилось в этом лагере есть конину; именно, когда съеден был весь окрестный убойный скот, счастливая случайность предоставила нам остатки того рогатого скота и овец, которых мы собрали за Неманом. Само собой разумеется, эти медлительные животные, совершившие жарким летом столь длинное путешествие, да еще по странам, где позади нас не оставалось никакого пастбища, далеко не представляли собой откормленных на убой быков; это были коровы и овцы, истощенные, словно драные кошки; и все же они пришлись нам очень по вкусу. У нас каждый день резали скотину, тогда как поляки и французы частенько поедали мясо наших дохлых лошадей, валявшихся по лагерю. Даже прислуга короля в конце концов кормилась исключительно кониной. Навар от овечьего и коровьего мяса мы пили как чай или кофе.

В общем, мясо стало такой редкостью, что король выпрашивал его себе у нас для своего стола; и ему посылали то овцу, то четверть быка или коровы.

Иногда, хотя и редко, случалось, что из Москвы приезжал какой-нибудь однополчанин, который знал или догадывался о великой нашей нужде, и привозил с собой чай, сахар и т. п. Изготовив себе напиток, покуривая трубки и беседуя у костров, мы легче переносили холодные ночи, которые были слишком длинны для того, чтобы их проспать целиком. Темы для разговоров бывали у нас чрезвычайно разнообразные, но все наши беседы не оживлялись весельем или шуткой. Фон Рейнгардт и еще несколько офицеров постоянно утешали нас, основываясь на обещаниях, данных великим человеком в Москве, и будили мужество тех, которые предвидели из нашего тяжелого положения еще более тяжелый выход. «Пока он жив и стоит у кормила,— говорил фон Рейнгардт,— можно всегда твердо надеяться на счастье!» Большинство же унтер-офицеров и солдат возражали на это: «Вы, господа, исполняете свой долг, стараясь выставить тяжелое положение не в столь мрачном свете, но ваши слова не соответствуют вашим мыслям!» Еще более дерзкими были женщины, приготовлявшие нам кофе и соперничавшие между собой в ожесточенных речах. «Ишь, тешится себе со своей гвардией в Москве, а мы тут пропадаем с голоду и мерз-

нем,— сдержит он свое слово!» — «Да,— прервала ее другая,— да, этот Наполеон всегда только сулил нам золотые горы и зимние квартиры в прекрасных странах, но не выполнял своего обещания; может быть, и исполнит, когда уже будет поздно, и мы все сгинем от нужды. Он-то сумеет выпутаться из скверного положения»,— и т. д. Мы предоставляли женщинам свободу высказывать тяготившее их мнение; с нашей же стороны никто не осмеливался сказать что-нибудь подобное...

Те, которые пригнали за нами скот от самого Немана, рассказывали нам самые печальные и грустные вещи о том, что они видели на своем пути. Но всего ужаснее было то, что они видели на поле Бородинского боя. Там будто бы еще живы искалеченные воины, которые доползли в ужаснейшем состоянии до простреленных лошадей и здесь пальцами, ногтями и зубами рвут и отсасывают себе пищу; несчастные эти, почерневшие, словно дикие звери, сохранили лишь некоторое подобие людей; на поле битвы собраны огромные кучи ядер и оружия, об этих же несчастных никто и не думает...

У каждого дня есть своя забота; эта истина сказывалась на нас во многих отношениях. Ежедневно по утрам отправлялись отряды в поисках корма и съестных припасов; вечером они возвращались, принося с собой вначале порядочное количество ржи и соломы, а потом все меньше и меньше, терпя постоянный урон людьми и лошадьми от нападений вооруженных крестьян и казаков. Под конец посылались даже пехотные отряды и пушки. Сражаясь, приходилось им отбивать то немногое, с чем они возвращались в лагерь, и за это они расплачивались потерей людей и лошадей.

Эти фуражировки настолько ослабили наши и без того незначительные силы, что кавалерия потеряла вследствие этих посылок половину своих людей и лошадей.

(Роос)

* * *

Наш авангард в 12 милях. Неаполитанский король, стоя в грязи в своих желтых сапогах, со своим гасконским акцентом разговаривал с офицером, посланным императором, в таких выражениях: «Скажите императору, что я с честью провел авангард французской армии дальше Москвы, но мне на-

доело, надоело все это, слышите ли Вы? Я хочу отправиться в Неаполь заняться моими подданными».

Есть очень слабые кавалерийские дивизии... например, одна из них... состоит из 160 сабель; правда, она понесла большие потери... 1-й стрелковый полк имеет 24 сабли, не считая отставших, более многочисленных, чем сам полк. При переходе через Неман эта часть имела 855 человек.

(Кастеллан)

* * *

Жюмильяк (Jumilhac) и я, прибыв в ночь на 4-е в Винково, вошли в первый свободный дом, который не успели еще занять военные. В этом доме, выходившем на что-то вроде улицы, которая занимала всю нижнюю часть деревни, была только одна комната с печкой без трубы и много маленьких сараев. Все здешние дома походили один на другой; преимуществом же нашего было то, что его окружал большой двор, служивший приютом для наших лошадей. Мы были довольны и совершенно не думали искать чего-нибудь лучшего, как вдруг 6-го утром загорелась печка в доме, расположенном за четыре-пять домов от нашего. Вместе с другими военными мы отправились тушить пожар. Но в одно мгновение был охвачен весь дом, загорелись смолистые сосновые стены, и ничто не могло уже остановить огня. Мы побежали к нашему дому, где было сложено все наше небольшое имущество, и, нагруженные седлами, уздечками, плащами, едва успели вывести наших испуганных лошадей, как наше жилище уже пылало.

Очень затрудняясь в выборе нового помещения, мы устроили что-то вроде совета, усевшись в грязи на открытом поле, посреди наших экипажей, и, после рапорта вестовых, которых мы отправили на разведки, заняли маленький домик в верхней части деревни, где стояло несколько солдат. Они нам довольно милостиво уступили свое жилище, а мы, в свою очередь, выразили им благодарность в виде одного или двух хлебов, которые в то время были уже предметом роскоши.

Но лишь только мы вошли в наше новое обиталище, как опять загорелся дом на некотором расстоянии от нас. Мы сейчас же отправились туда, и, несмотря на то, что наше новое жилище было отделено от горевшего многими домами и

довольно широкой улицей, оно подверглось бы той же самой участи, как и первое, если б мы не применили одного довольно сильного средства. Во время многих пожаров нам пришлось наблюдать, что сила огня страшно увеличивается, когда он перебрасывается на соседние дома, у которых крыши и сосновые стены уже нагреты и почти раскалены.

Имея это в виду, мы сами подожгли дом на углу улицы, расположенный рядом с горевшим, но который не успел еще прогреться. В это же время мы легко могли отстоять дома с нашей стороны улицы и тем предохранить самих себя. Мы очень радовались успехам нашего средства, но, к сожалению, нам не суждено было ими воспользоваться. В эту же самую ночь, едва мы успели уснуть на скамейках, которые тянулись вокруг всей комнаты вплоть до печки — главное помещение во всех домах русской деревни, как были разбужены криками: «Пожар!»

Загорелось в соседнем доме, и на этот раз было уже невозможно применить наше средство: наш дом уже загорался. Оставалось немного времени на то, чтоб вывести лошадей и выбросить наши вещи на середину улицы. В это время один из моих артиллеристов пришел доложить, что два русских солдата забились в печку соседней избы и не хотят оттуда выходить. Я поспешил их спасти и, не без опасности для себя, добрался до них. Они смотрели на меня испуганными глазами и, несмотря на знаки, которые я им делал, не трогались. Тогда я вытащил одного за руки, показывая ему приближение огня, но, высунув голову из печки и увидав близость опасности, он еще дальше забился в свое странное убежище. Я не мог дольше оставаться, рискуя найти все выходы отрезанными огнем. Через мгновение, после того как я вышел, изба, печь и несчастные, которые в ней находились, были превращены в пепел. В этой же самой деревне я был свидетелем другого факта, который еще лучше доказывает покорность судьбе и бесстрастие русских солдат. Один из них с раздробленной ногой лежал на земле на краю деревни. Так как у нас не было походного госпиталя, то решили его поднять, отнести в ближайшее помещение и подать некоторую помощь. Он же упорно от всего этого отказывался и хотел остаться там, где мы его нашли. Он не дотрагивался даже до хлеба и водки, которые предлагали ему наши солдаты, и че-

рез несколько дней, не произнеся ни одной жалобы, не издав ни одного крика, он умер от раны, горя и голода, на холоде и дожде.

Выгнанные огнем два раза в течение суток из наших жилищ, мы должны были снова отправиться на поиски. За неимением лучшего мы заняли дом с правой стороны деревни, который был совершенно изолирован и находился от других строений на добрый ружейный выстрел. Потому его никто и не занял раньше. Он был довольно поместителен: кроме комнаты с печкой, в нем имелись еще одна или две маленькие комнатки и двор, окруженный сараями, которые служили конюшнями для наших лошадей; все это было огорожено соснами в виде палисадника. Там я и оставался, правда, не без неудобств, вплоть до нашего отъезда из Винкова. Здесь приходилось постоянно сражаться с солдатами, которые уходили со своих стоянок отыскивать топливо. Без сомнения, они нуждались больше нас, но эгоизм, явившийся последствием нужды, которую мы последнее время испытывали, заставлял нас употреблять все средства, чтобы защитить наше жилище. Около дома мы расставили часовых из нашей роты, иногда же и сами принимали участие в борьбе с осаждающими нас, отражая их нападения. Они же, уходя, часто грозили нас ночью сжечь.

К счастью, погода стояла великолепная. Было только два дождливых дня за все время нашего пребывания в Винкове. Дожди эти сопровождались гололедицей, и мы очень испугались возможности приближения зимы. Как раз в эти два дня, несмотря на все наши предосторожности, солдатами была сорвана на костры большая часть досок, служивших крышей для нашего жилища, и если б холод продолжался, то, несомненно, мы остались бы совсем под открытым небом. Но снова показалось солнце, и в конце октября стояла такая же теплая прекрасная погода, какая в это время года бывает во Франции.

Раз вечером мы лежали с Жюмильяком на скамейках, которые нам служили единственным ложем, и уже начали было засыпать, как вдруг капитан Главного штаба пришел нас известить, что генерал Лауссэ (Lahoussaye), случайно заметив, что его Главная квартира занимает дурную позицию, приказал дом посреди деревни, в котором он жил, окружить

окопом и стянуть к себе всю внешнюю стражу; мы оказались вне линии наших главных караулов, и во власти первого патруля казаков, который мог бы нас взять в плен.

Побранив странную и запоздалую осторожность генерала, мы стали совещаться. С одной стороны, уверенность, что мы не найдем себе другого жилища, с другой — надежда, что неприятель оставит нас по-прежнему в покое, привели нас к решению лучше не бояться неизвестной опасности и продолжать жить в нашем домике, нежели остаться без приюта под открытым небом.

Нужда быстро увеличивалась. Все наши запасы были использованы. Регулярные грабежи, которые мы по необходимости организовывали, оказывали нам очень небольшую помощь. Каждый день надо было отправляться все дальше и дальше, чтобы собрать несколько охапок полусгнившей соломы, и из-за этого жалкого корма приходилось жертвовать солдатами, которых часто брали в плен или убивали во время их поисков. В громадном количестве погибали и лошади, которые сейчас же разрезались солдатами на части и съедались. Отряды больных постоянно отправлялись в Москву. Еще один месяц, и вся кавалерия без сражения была бы уничтожена. Нам с Жюмильяком повезло. Один из наших артиллеристов нашел мешок ржи, и, имея в нашем распоряжении ручной жернов и печку, мы приготовляли кашу и хлеб, что было для нас громадной поддержкой. Потом я купил молодого бычка, правда, очень маленького, но все же благодаря ему мы несколько дней имели к обеду мясо. Находку эту сделал солдат из легкой конницы и нашел более удобным получить деньги, чем разделить добычу в своем полку.

Между тем надежды на мир исчезали. Казацкие офицеры, с которыми иногда приходилось разговаривать на передовых постах, откровенно говорили, что русские ни за что не согласятся на мир, пока мы будем в их стране, и что зимой начнется новая кампания. Ежедневная же стрельба, которую мы ясно слышали, говорила о прибытии многочисленных рекрутов, которых русская армия спешила обучить. Каждый вечер в продолжение трех дней неаполитанский король, несомненно, предупрежденный о генеральном нападении, которое будто бы ему готовили русские, приказывал отсылать в соседнюю деревню, известную в лагере под названием Trois-Cloches,

экипажи с багажом, лошадей и вообще все, что могло помешать во время ночного сражения, причем все это на другой день должно было привозиться обратно. Первые дни приказ этот выполнялся точно, но когда увидали, что неприятель не думает нападать, а эта предосторожность страшно утомляет и людей, и лошадей, то успокоились и жили в полной безопасности до 18 октября — первого дня нашего настоящего отступления.

(Гриуа)

ТАРУТИНО

Наконец, 18-го (6-го с. с.) октября, на рассвете, нас поразил необычайный шум на нашем фланге, по ту сторону ручья, впереди 2-го кавалерийского корпуса. Этот первый шум, за которым быстро последовали звуки выстрелов, указал нам, что мы атакованы неприятелем. Живо вскочили мы на коней, ежеминутно ожидая атаки, но таковой не последовало; все силы русских устремились на наших соседей, которые не были, подобно нам, ограждены с фронта оврагом ручья, перейти который впереди нас и скрытно от наших постов было не только трудно, но прямо невозможно.

Король Мюрат немедленно бросился к атакованному пункту и своим присутствием духа и мужеством приостановил начавшееся отступление. Он бросался на все биваки, собирал всех попадавшихся ему всадников и, как только успевал набрать таковых с эскадрон, так мгновенно бросался с ними в атаку. Наша кавалерия обязана своим спасением именно этим последовательным и повторенным на нескольких пунктах атакам, которые, остановив неприятеля, дали войскам время и возможность осмотреться, собраться и пойти на неприятеля. Как раз в то время, когда 1-я линия была захвачена врасплох и обойдена, а на задних линиях разбуженные шумом люди вскакивали на лошадей, появился Мюрат и, собрав все, что только было под руками, бросался с ними в атаку во все стороны, чем не только поправил наше положение, но и восстановил бой в нашу пользу.

В течение всей своей военной карьеры Мюрат, прозванный «баловнем победы» (l’enfant gaté de la Victoire), не был

никогда ранен до этого дня, когда впервые пролил он кровь свою. Он получил удар пикой (донской казачьей) в бедро, и только его короткий плащ «à la tartare» (нечто вроде короткой кавказской бурки), которым он покрывался сверху, скрыл следы его крови. Он умолчал о своей, впрочем, легкой ране и только по окончании дела показал ее своему доктору.

Заслуги Мюрата в эту ночь и последующий день малоизвестны и не оценены должным образом. Мюрат соединял в себе одновременно искусство генерала, лихость обер-офицера и отвагу солдата.

Несмотря на все свое мужество, он был вынужден отступить перед превосходными силами противника, так как, хотя мы и сохранили свою организацию, сохранили еще названия своих корпусов и дивизий, но дивизиями уже не были... Увы! Мы были только остатками этих прекрасных многочисленных корпусов, вторгнувшихся в Россию. Эскадроны в 130 человек имели теперь от 18 до 24 человек, и число людей в дивизии не достигало нормы таковых даже для полка.

Вот до какой численности были мы доведены, продолжая слабеть с каждым днем, между тем как неприятель, находясь в центре своего отечества, получал каждый день подкрепления.

(Тирион)

* * *

18 октября на рассвете, когда я спал крепким сном, растянувшись на лавке, один в дымной избе, меня разбудили звуки перестрелки. Я подумал сначала, что упражняются в стрельбе новобранцы русского лагеря; но скоро мне показалось, что звуки эти ближе обычных. Я открыл окно рядом с собой, т. е. поднял крошечные, как у курятника, деревянные ставни и увидел по ту сторону оврага наши ведеты в перестрелке с неприятельскими стрелками. Был густой туман, и я предположил, что к нам подошли русские патрули. Но перестрелка была слышна и в других местах, и на обоих берегах по всему лагерю трубили. Значит, начиналась серьезная атака. Я приказал артиллеристам немедленно закладывать лошадей; отослал своего лакея и экипажи свои и Жюмильяка в тыл и отправился со своим адъютантом и ординарцами в передовую часть лагеря. Наши конные форпосты стягивались

уже к своим полкам, вступившим в битву. Мы некоторое время наблюдали. Наконец, русские войска заколебались, и разорвавшийся туман позволил нам увидеть, как их ряды, маневрируя, надвигались на нас. Я направил против них огонь артиллерии, русские ответили, и вдоль всего фронта завязалось дело. На наше счастье, генерал Лауссэ (Lahoussaye) был уже несколько дней болен и не мог сесть на лошадь; он уехал в карете в тыл, и командование перешло к генералу Шастелю, отличному воину, в котором храбрость соединялась с большой опытностью и хладнокровием. Он выбрал диспозицию, казавшуюся ему самой удобной, чтобы отразить нападение; распорядился даже сделать несколько кавалерийских атак. Но силы были неравны, и ему пришлось заботиться о том, чтобы отступить и не быть разбитым. Мы занимали крайний правый фланг, и неприятель легко бы мог обойти нас, если бы сосредоточил свой первый натиск против левой части нашей цепи, в которой стоял 2-й кавалерийский корпус. Вначале русские врубились в стоявшие здесь полки и захватили бо́льшую часть артиллерии. Но явился Мюрат со свежими войсками; он возобновил битву, удержал русских, и отступление обошлось без смятения. С некоторых пор позади нас гремела канонада; это неприятель прорвал нашу цепь и занял овраг, через который нам надо было перейти, чтобы отступить к Москве. После горячего сражения его прогнали дивизии поляков и генерала Фредерикса, стоявшие неподалеку. При этой атаке русские захватили часть нашего обоза, помещенного в тылу позиции, между прочим, человека и вещи Жюмильяка. Мои каким-то образом спаслись, и я был приятно удивлен, когда нашел их вечером.

На правом фланге, где стоял мой корпус, мы отступали после долгого сопротивления, в полном порядке и под прикрытием огня моей артиллерии, переходя с одной позиции на другую. Король Мюрат долгое время был с нами; он был даже слегка ранен в руку. Некоторые из его экипажей не отъехали вовремя в тыл и могли теперь помешать нашим движениям. Он приказал солдатам сжечь их, что они и исполнили, поделив предварительно между собой то, что было в этих экипажах. Он лично подбодрял их и смеялся над тем, что они с такой поспешностью исполнили его приказание.

Не знаю, какая несчастная случайность помогла артиллеристам достать в этот день водки. Я заметил это, когда при первых выстрелах отправился к парку и приказал ротам собираться и садиться на лошадей. Хлебная водка — настоящий яд, и она уже оказала действие на нескольких солдат. Заметно оно было и на офицерах. Один из лучших, обычно вполне трезвый капитан, при разговоре со мной упал почти без чувств. Другой был приблизительно в таком же состоянии. Таким образом тяжело было вести дело: как заставить слушаться или хотя бы понимать приказания людей, утративших ясность сознания?

Сражение началось на рассвете и кончилось только, когда стало темнеть. Отступив мили на четыре, мы заняли позицию за речкой около большого села, которое называется, кажется, Вороново; мы расположились здесь на биваках; встревоженные последствиями, какие могло иметь это дело, мы были все же очень далеки от мысли о длинном ряде ужасов, ожидающих нас. Увы! Это дело было только предвестием наших бед: начиналось злосчастное отступление.

19-го неприятель не показывался, и мы заняли позицию на несколько миль ближе к Москве, у Красной Пахры. На другой день мы хотели идти дальше, когда увидели движущиеся длинные колонны нашей армии, покинувшей Москву накануне, после известия о нашей битве, и шедшей на соединение с нами.

(Гриуа)

* * *

За два дня до сражения в нашем полку оставалось очень мало народу. Строевых: командир, 2 штаб-офицера, 1 штабротмистр, 5 лейтенантов, 4 вахмистра, 5 унтер-офицеров, 16 егерей; нестроевых: старший врач, младший врач, лазаретный служитель, два полковых кузнеца и один денщик. Таково было наше положение, когда ранним холодным и туманным утром, 18 октября, еще до рассвета нас разбудили два пушечных выстрела; одно ядро упало близ моего места и разорвалось, не причинив вреда. Быстро сели мы на коней, которые после полуночи всегда стояли у нас взнузданными; оглянувшись, мы увидели неприятельские ряды уже перед на-

шим лагерем, а позади него большими отрядами носились казаки.

Русские пушки развили сильный огонь, прежде чем успела тронуться с места хоть одна из наших,— половина лошадей у нас пала,— и прежде чем успел собраться небольшой наш отряд. Общее наше состояние было настолько плачевно, что я думал, что русские просто захватят нас и отведут в плен; только впоследствии я узнал, каким чудом этого не случилось. А именно — проворность и быстрая решимость короля помогли ему так ловко использовать кирасир и другие мелкие отряды кавалерии, что удалось отвратить самое ужасное. В начале боя замешательство было настолько велико, что каждый, как мне показалось, ищет выхода, как бы ускользнуть от казаков, уже наседавших на нас. Вот почему я с обоими своими помощниками поторопился к ближайшему краю леса, где перед этим стояла польская пехота, и укрылся там на некоторое время. Отсюда мы отчетливо видели всю схватку и как наши отступали, обороняясь; мы видели, как русские бросились и захватили 36 пушек, стоявших за кирасирским лагерем. Половина пушек даже не была взята на передки.

Наше положение было настолько плачевно, что если бы русские вместо рассвета явились часов в 10 или 12, когда основное ядро наших войск отправлялось вооруженное и с пушками на фуражировку, то они могли бы захватить наш лагерь, не прибегая к оружию.

Нам троим пришлось расстаться с лесом и тоже обратиться вспять. Вскоре мы нашли свою горсточку, все еще именовавшуюся полком, вместе с другими, именовавшимися совместно бригадой. Примчался адъютант короля с приказанием бригаде начать атаку. Приказание исполнили. Двинулись вперед, не нападая, а только маневрируя. До сих пор в нашей горсточке был легко ранен только один офицер, других потерь в это утро не было. Но вот мы все трое, частью вследствие неуправляемости наших жалких кляч, частью вследствие темноты места, где маневрировал наш отряд, попали поперек дороги одному польскому ротмистру, про которого мы уже давно знали, что они терпеть не могут немцев. Он так и закипел от гнева и досады, когда мы очутились возле него, разлетелся на нас, размахивая саблей, ранил до крови младшего

врача Майера и лошадь третьего, и с искаженным от злобы лицом стал грозить и ругать меня, и натворил бы еще больше, если бы позволило время и пространство.

Тем временем пехота и артиллерия действовали вовсю; лагерная наша стоянка была уже далеко от нас, и когда наша горсточка снова остановилась, мы поехали принести жалобу и потребовать удовлетворения. Утешение и сожаление мы встретили у всех; ну, а насчет удовлетворения нас попросили пока повременить.

Так как ходом этой битвы все мы отодвигались назад, то на нашей стороне было немного раненых; посреди этих немногих оказался тот польский ротмистр, который так бессовестно обошелся с нами. Небольшая пуля пробила ему левое предплечье и раздробила кость (os humeri). Из врачей оказались тут только мы; мы были человечнее его и наложили ему повязку; хотя повреждение требовало ампутации, но ее некогда было сделать за спешностью отступления.

Разные хирургические занятия, а потом поиски фуража для обессилевших лошадей в каком-то лагере по левую сторону большой дороги, ведущей к Москве, наконец, наступление ночи,— все это привело к тому, что я здесь в первый раз потерял свой полк и наши войска.

Пушечная пальба давно прекратилась, вернувшиеся по дороге раненые, кавалеристы на скверных лошадях, конюхи с подручными лошадьми и армейские чиновники уверяли, что отступление наших продолжается.

Так как по дороге нас не нагоняли сомкнутые отряды, то мы заключили отсюда, что король выбрал путь, по которому мы прошли 4-го и 5-го числа, и эта догадка привела нас к решению продолжать наше отступление по дороге вместе с этим обозом.

Таким образом, этот до сих пор еще вызывающий во мне содрогание лагерь на речке Чернишне, у деревни Тетеринки, где стояла наша дивизия и я с последним остатком нашего полка, был конечным пунктом нашего трудного похода в глубь России, и 18 октября было тем днем, когда мы вынуждены были начать отступление. Этот покинутый нами лагерь являл собой в эту войну решительно самое ужасное и страшное зрелище, во всяком случае он был для русских первой

картиной, по которой они могли точно и правильно судить об истинном нашем положении.

У нас не было ни шалашей, ни бараков, ни палаток. Несмотря на уже холодные октябрьские ночи, все лежали под открытым небом, в конце концов, даже на голой земле, ибо соломы не было. Огромное количество лошадей, по большей части наполовину ободранных в пищу людям; окрестные деревни, совершенно опустошенные и выжженные; отрепье одежды, обломки повозок, остатки сбруи и всего, что обычно бросает армия, близкая к расстройству и гибели; наконец, трупы умерших в лагере, оставшиеся без погребения, и двухнедельные нечистоты людей и лошадей — таковы были отвратительные остатки нашего плачевного пребывания.

Это пребывание с его трудными фуражировками стоило нам половины уцелевших к этому времени людей и лошадей, а битва и 3-дневное наше отступление, пока нам удалось присоединиться к войскам, шедшим из Москвы, вызвали окончательный распад полка, к которому я принадлежал.

(Роос)

* * *

Русские настигли наш авангард 18 октября около Воронова, они отбили у генерала Себастиани часть его артиллерии и окружили короля вместе со всем авангардом. Осталась только часть дивизии Фриана, под командой генерала Дюфура, проявившего в данном случае чудеса храбрости и находчивости. Русские генералы оказывали нам всевозможные любезности. Король послал генерала Дери сказать, что благодаря расположению русских ведетов его Главная квартира была в опасности; тогда граф Кутузов попросил генерала Дери самому проехать по линии с его флигель-адъютантом и разместить русские ведеты, прося передать королю, что он сделает все, чтобы только доказать свою преданность и уважение Его Величеству.

Но как только появилась возможность вновь возобновить враждебные действия, он сейчас же захватил королевских конюхов, под предлогом, что они перешли пограничную линию. Король рассердился и требовал выдачи своих людей, предупреждая, что в противном случае он будет считать перемирие нарушенным. Русские поймали его на слове и, не

ответив ничего, атаковали его на другой же день. Стали говорить о нарушении слова, о гнусности этого поступка, но дело было сделано тонко, и русские выкинули с неаполитанским королем тот же маневр, и даже на более законном основании, как он сам это сделал с принцем Ауэрспергом на Дунайском мосту перед битвой при Аустерлице.

Надо отдать справедливость неаполитанскому королю, он за несколько дней до этого предупреждал императора, что русская армия получает значительные подкрепления и что если она атакует его, то он не сможет удержаться; он говорил, что в его полках чувствовался недостаток всего, что солдаты и офицеры были утомлены и измучены; король даже предсказывал всевозможные несчастья, но император не поверил ему и не обратил никакого внимания на его слова...

(Дедем)

* * *

Каждый день говорили о мире. Мы утешали себя этой химерой. Надежда на ее осуществление доставляла нам приятные минуты. Но вдруг все переменилось. 18 октября в 9 часов утра, только что мы собирались отправиться на поиски фуража, как множество казаков напало на нас. 4-я дивизия кирасир и весь отряд Сегена были уже опрокинуты — все бежали в беспорядке. Мой лейтенант сказал мне: «Посмотрите, капитан, да смотрите же, они совсем близко». Лошади мои были расседланы, и я приказал своим слугам: «Готовьте скорее лошадей, об этой я сам позабочусь,— и указал на ту, на которой должен был ехать.— Не бойтесь,— говорил я им,— не забудьте чего-нибудь, казаки не дойдут до нас». Хотя я это и говорил им в утешение, но сам не верил в это. Я знал, однако же, что когда слишком торопятся, то ничего хорошего не выходит. Наконец, мы приготовились к бою. Орудия стреляли безостановочно. Нас столпилось чересчур много в одном месте, и потому, ударами по крупам лошадей, я отогнал их. Мы принуждены были отступить, но отступили в полном порядке. Ядра градом сыпались на наши ряды. Неприятель не смог привести нас в смятение, но час спустя мы были окружены со всех сторон и нам пришлось стрелять во все стороны. Всюду были видны одни казаки. Земля дрожала от топота их лошадей. Но их большое коли-

чество не устрашило нас, и если мы спаслись при этой схватке, то обязаны этим не случаю, не счастью, а исключительно только нашей стойкости. Мы отступили в полном порядке. В 3 часа дня гром орудий немного смолк, и неприятель перестал нас преследовать с прежним ожесточением. Я шел позади полка, который двигался колоннами, и размышлял о том, что сила полка заключается только в его сплоченности. Я разговаривал обо всем этом со своими товарищами и очень сетовал, что такие разбойники, как казаки, внушают страх многим солдатам. В этот самый момент я заметил 4 казаков, которые грабили фургон шагах в двухстах от меня. Вдруг случайная мысль пришла мне в голову, и я говорю командиру: «Я хочу доказать, что 4 казака ничего не стоят против хорошего солдата». Я скачу галопом к ним, обращаю их в бегство и преследую шагов триста. Я предложил офицеру, говорящему по-немецки, скрестить свою шпагу со мной. Он поклялся убить меня, но я расхохотался ему прямо в лицо. Я бросился на него, и он бежал к своим казакам.

Командир (храбрец!) подскакал ко мне на помощь, но я попросил его удалиться, так как он не был достаточно вооружен для защиты от атаки, которая не замедлит, конечно, состояться. Он послушался меня и отъехал. Когда я увидел, что он уже вне опасности, я, сообразуясь только со своей храбростью, кинулся в середину казаков с той целью, чтобы они погнались за мной,— я знал, что моя лошадь быстрее их. Врезавшись в их середину, я поворачиваю лошадь и отступаю шагов на двести. Оглянувшись, я увидал, что они растянулись в линию, и расстояние между каждым из них было приблизительно 15 шагов. Я быстро поворачиваю лошадь обратно, рассекаю лицо одному из них и, не останавливаясь, делаю то же самое с другим. Третий спасается бегством. Я преследую его со шпагой в руке, но, к несчастью, моя шпага никуда не годилась и не могла пробить полушубок, надетый на него. В это время остальные казаки окружают меня. Один из них наносит мне удар пикой по голове, пробивает мою каску, она падает, но я ловлю ее за султан; в это время получаю другой удар пикой в ногу. Я не почувствовал боли, так я был разгорячен и обозлился только на свою шпагу. Я бросился опять на них в самую середину, и в это время подоспели мои ко мне на помощь (так как казаков было уже 15 че-

ловек); мы заставили обратиться в бегство и гнали их полверсты, но в это время наступила ночь. В этой схватке я потерял одного из своих друзей — капитана 3-го кирасирского полка, он погиб, так как плохо был знаком с маневрами казаков. Полковник сделал мне выговор и сказал, что я поступил как гусар, так как вся эта схватка служила только для моего удовольствия. Рана моя, хотя и глубокая, быстро затянулась. Я оторвал кусок своей рубашки и, перевязав ее, сел опять на лошадь и через десять дней был совершено здоров. Побитых казаков мы преследовали до одного маленького городка по дороге к Украине, который был сожжен...

(Из писем кирасирского капитана)

* * *

Камердинер полковника Флао (Flahau), старый голландец, рассказывал мне все, что сам разузнавал. Он страстно ненавидел Наполеона и не мог о нем вспоминать без проклятий, за что часто получал замечания от своего господина... Узнав о поражении Мюрата, он пришел ко мне с сияющим лицом и сказал: «Пойдемте поскорее в мою комнату; мы осушим бутылку доброго старого рейнвейна». Когда я пришел, он чокнулся со мной и сказал: «За погибель Наполеона!» Я пришел в ужас, так как в такие времена, по пословице, и у стен есть уши. Но он сказал мне: «Мы в полной безопасности,— и сообщивши о поражении Мюрата, прибавил: — Это только начало, потом будет еще хуже».

(Из записок колониального торговца)

ПЕРЕД ОТСТУПЛЕНИЕМ

Тактика заставляла Бонапарта уверять своих солдат, что он перезимует в Москве; приготовления, делаемые солдатами, убеждали в том и жителей; надеялись, что все эти меры ускорят переговоры о мире, которого ожидали с нетерпением. Чтобы вызвать какие-нибудь донесения, Бонапарт, взявший под свое покровительство Воспитательный дом, велел подать себе отчет за истекший месяц и сам отослал его к вдовствующей императрице с почтительным письмом; на письмо он ждал ответа, но не получил его. В то же время,

частью, чтобы польстить армии, частью для устрашения жителей, был пущен слух, что Рига взята приступом, что Макдональд вошел в Петербург в самый день взятия Москвы и сжег его, что вся дорога от Вильно до Смоленска занята обозами, которые везут зимнее платье в армию, что маршал Виктор ведет значительные подкрепления, что к наступающей весне армия Бонапарта будет так же сильна и так же хорошо вооружена, как при вступлении в Россию; что можно положиться на предусмотрительность великого человека: он все обдумал, он всегда имеет в запасе неожиданные средства; что, словом, если русские не заключат мира в эту зиму, то весной Бонапарт назначит герцога Смоленского и Петербургского, а Россия останется только в Азии. А покамест армию русскую будут преследовать, бросят ее в Волгу, а потом дадут зимние квартиры.

Все эти нелепые предположения действовали на людей, веривших еще в прежнее счастье Наполеона; судя по этому, осталось только одно: искать спасения у французов, а только этого и нужно было последним. В то время как публика забавлялась этими баснями, Бонапарт, запертый в Кремле, как в тюрьме, выписал себе труппу итальянских певцов, чтобы они пели перед ним, и платил им за это фальшивыми ассигнациями. Кажется, в Польше их была заготовлена большая партия, которую старались пустить в обращение всяким способом, но при первом своем появлении эти деньги были оценены по их стоимости: никто их не принимал, и их разошлось очень мало.

Между тем предложений мира все еще не было. Русская армия передвигалась с места на место, казаки и крестьяне сильно затрудняли фуражировку; нужно было на что-нибудь решиться. Очень хорошо знали, что ничего не выиграешь, освободив крестьян; попытались заманить их хорошей платой, чтобы побудить везти в Москву съестные припасы. Но все было напрасно и не привело ни к чему; напротив, те же крестьяне вызвали против себя жестокие меры: в одной деревне стреляли по французам; виновные были расстреляны при входе в церковь; выслушав приговор, они перекрестились и встретили смерть, не моргнув глазом.

Тогда корсиканская тактика принялась за средства более серьезные; начали старательно разыскивать всевозможные

сведения о Пугачевском бунте; особенно желали добыть одно из его последних воззваний, где рассчитывали найти указания о той фамилии или фамилиях, которые бы можно было возвести на престол. В этих розысках обращались за советом к кому попало; обращались даже к одному эмигранту, которого под разными предлогами вызывали к одной знатной особе; он с первого слова прямо объявил себя эмигрантом. «Этим не хвастаются и не обвиняют себя»,— отвечали ему. Когда ему сказали, в чем дело, эмигрант, как и все другие, отвечал, что ничего не знает о воззваниях, про которые ему говорили. Увидав, что этим не возьмешь, учение Пугачева бросили и тотчас же схватились за великие начала санкюлотизма. Татарам было предложено идти в Казань призывать своих соотечественников к независимости, обещая им, что, как только они поднимутся, их тотчас поддержат. Но и здесь промахнулись. Оставался еще один путь — переговоры. Послали генерала Лористона к князю Кутузову под предлогом обмена пленными. Эта поездка была представлена как следствие предыдущих переговоров, на которые Бонапарт ответил *самым умеренным* ультиматумом: уступкой всех прежних польских провинций. Лористон вернулся назад, с чем поехал. Между тем время шло; около Москвы становилось все опаснее; лошади мерли, как мухи; трупы их наполняли улицы, дворы, пруды и дороги; нужно было на что-нибудь решиться. Лористон еще раз был послан в русскую армию, но вернулся, как и в первый раз, без успеха. Начали поговаривать об отступлении: говорили, что нужно только оставить здесь корпус тысяч в пятнадцать; это, как гром, поразило всех тех, которые скомпрометировали себя, понадеявшись на счастье Наполеона. Эти люди и все, слушавшиеся только своего страха, считали себя погибшими, если останутся в Москве, когда туда войдут казаки; они в своем безумии думали только о том, чтобы как-нибудь уйти вместе с французской армией. Люди последнего разряда, право, достойны сожаления, потому что они виновны только в том, что ложно судили о деле...

(Изарн)

* * *

Провести зиму в Москве было немыслимо. Мы пробились до этого города, но ни одна из пройденных нами губер-

ний не была нами покорена. Армия генерала Кутузова сформировалась вновь и начала обходить нас с правого фланга; так как Тула и Калуга были во власти русских, то она могла раньше нас прийти в Можайск и в Вязьму. С другой стороны, мир, заключенный с Турцией, давал армии адмирала Чичагова полную возможность отрезать наши сообщения с Польшей; мы были слишком далеко от Курляндии, чтобы надеяться на какую-либо помощь со стороны корпуса герцога Тарентского[1]. Так как Витебск, как показали дальнейшие события, не мог быть нами удержан, то чем долее мы оставались в сожженной или несожженной Москве, тем вернее была наша гибель; мы готовили себе приблизительно такую же судьбу, какая постигла Камбиза в Лидии или армию Александра Великого в пустыне Гедрозии.

Великая ошибка Наполеона состояла не в том, что он пошел в Москву, хотя это была неосторожность с его стороны и против этого восставали почти все его генералы в Витебске и в Смоленске,— его ошибка заключалась в том, что он остался в Москве.

Действуя осмотрительно, следовало бы остановиться в Смоленске, помешать Порте заключить мир и дать оправиться армии, в которой уже с Витебска чувствовался недостаток в припасах, и лишь основательно приготовившись, вместе с Турцией год спустя вступить в Россию и покончить с ней. Но все это было не в характере Наполеона, который не признавал ни переговоров, ни выжидания. Все советы, даваемые когда-то нами Турции и Швеции, были теперь с презрением отброшены, что указывало на самонадеянность императора и на неспособность его министров. Одни из них не были настолько смелы, чтобы энергично восставать против его самых дорогих интересов (так, например, герцог Кадорский, герцог Фельтре[2], граф Монталиве), другие же были ослеплены ореолом славы, которой он был еще окружен (таков герцог Бассано), верили в его прирожденный военный гений и потому считали его непогрешимым и непобедимым...

Вице-король предложил идти немедленно со своим полком, в 45 000 человек, на Тверь, оттуда на Петербург, между

---

[1] Макдональд. *Ред.*

[2] Шампаньи и Кларк. *Ред.*

тем как остальная часть армии должна была мешать князю Кутузову. Это была та же система вторжения, но в этом проекте было что-то великое, и он, по всей вероятности, удался бы. Это внушило бы ужас в С.-Петербурге, и едва ли император Александр решился бы сжечь вторую столицу. 25 дней было бы достаточно, чтобы быть там, но испугались дождей и непроходимых дорог в окрестностях Твери, и потому предложение вице-короля было отклонено.

Маршал Ней усиленно уговаривал двинуть войска к Смоленску после недельного отдыха, снабдив их припасами, по той же дороге, по которой мы уже прошли. Это было самое умное решение; но на это возражали, что как русские, так и мы сами, сожгли все по дороге и что мы не найдем фуража. Эти доводы были правдоподобны, но недостаточны при том положении, в которое мы были поставлены. Маршал Даву склонял всех напасть на русских, сжечь Тулу и Калугу и отправиться в Украину. Это был блестящий план; он казался выполнимым и давал хорошие результаты, при условии выполнить его сейчас же, не давая русской армии сорганизоваться вновь и соединиться с подкреплениями, стекавшимися к ней со всех сторон, особенно не давая ей соединиться с кавалерией, которая впоследствии во время нашего несчастного отступления нас так тревожила... Император Наполеон был озадачен, как человек, не привыкший быть обманутым в своих расчетах. Он заперся в Кремле, как будто выжидая время, тогда как при тогдашних обстоятельствах каждый момент становился драгоценнее. Он все еще хотел заблуждаться. Вообразив, что Александр будет просить мира, он был уверен, что русский император поспешит, по крайней мере, принять этот мир, если он будет ему предложен.

(Дедем)

* * *

Была минута, когда император думал провести зиму в Москве: мы собрали значительное количество провианта, который ежедневно пополнялся теми открытиями, которые делали солдаты в погребах сожженных домов. Из предосторожности, которую легко объяснить, русские, удаляясь, замуровали двери, предварительно сложив самые дорогие предметы, чтобы предохранить их от ожидаемого пожара. В

погребах нашли целые груды всевозможных вещей, муку, рояли, сено, стенные часы, вина, платья, мебель из красного дерева, водку, оружие, шерстяные материи, великолепно переплетенные книги, меха на разные цены и т. д. И церкви были переполнены вещами. Наполеон настолько твердо решил зимовать в Москве, что однажды за завтраком он мне приказал составить список артистов из «Comédie-Francaise», которую можно было бы вызвать в Москву, не расстраивая спектаклей в Париже. Если бы он остался в Москве, то, конечно, не случилось бы ничего хуже того, что случилось. У армии был хороший приют, она отлично расположилась, набралась сил, в то время как русские, подвергнутые всем резким переменам температуры, не могли вести наступление; при этом остальные части французской армии, которые сохранили сообщение по операционной линии между Москвой и Вильно, должны были ближе подойти друг к другу и удобнее устроиться на зиму, чтобы сохранить сообщение с Польшей и Францией. Но, собрав отовсюду сведения и наведя справки во всех русских календарях за последние сорок лет, убедились, на основании прошлого, что большие морозы не начнутся ни в коем случае ранее первых чисел декабря. Наполеон верил в свою звезду. Но звезда устала. Он льстил себя надеждой прибыть в Литву, где были приготовлены большие магазины, до суровой зимы, но погода нас обманула.

Была еще и другая властная причина, которая заставляла императора покинуть Москву. Он, вероятно, боялся предоставить собственным силам оставленное им во Франции правительство. Так много было высших соображений, независимых от его воли, которые заставляли его столь мучительно колебаться, что было бы несправедливо предполагать упадок гения или здоровья. Напротив, надо было иметь его здоровье, крепкое, как его характер, чтобы с честью выйти из стольких неблагоприятных обстоятельств. И единственный разумный упрек, который ему можно сделать, это тот, что он бесполезно продлил свое пребывание в Москве и льстил себя надеждой, что Россия, раненная в самое сердце и лишившаяся всех своих ресурсов, согласится пойти на переговоры. Так постоянно делали до тех пор другие государства Европы, столицы которых он завоевывал.

Я слышал от очень сведущих людей, что было бы хорошо, если бы император оставил Москву гореть, раз такова была добрая воля самих русских, а сам, после нескольких дней отдыха, до наступления больших морозов, вернулся на свою операционную линию к Орше на Днепре. Армия тогда могла бы быть расквартированной на зиму в Литве и Белоруссии... Конечно, ее поддержала бы славная польская нация, она была бы снабжена громадным провиантом, собранным на Эльбе, Одере, Висле, Немане, в Ковно, Вильно, Минске, Толочине, Орше и др., и кроме того, в ее распоряжении были бы все ресурсы Германии и Франции. А если бы русские, которые были под впечатлением страха с самого начала войны, попытались начать новые сражения в такое суровое время года, то сомневаться в исходе борьбы не пришлось бы... Рассуждая дальше, можно заключить, что при наступлении весны наша армия, которая к тому времени оправилась бы, была бы свежа и хорошо снабжена, могла направиться на Петербург и принудить царя подписать мир, чтобы сохранить за собой лучшую из своих двух столиц. Этот мир, славный для Франции, был бы полезен и европейскому материку; он сохранил бы грозную преграду, от которой теперь освобождена Россия и которая дает ей возможность наводнять Европу своими бесчисленными войсками.

Наполеон не мог никоим образом восстановить старую и независимую польскую монархию, благодаря постоянному сопротивлению Австрии, которая делала это условием своего союза... При тех обстоятельствах было благоразумно не освобождать ее от этого условия. А, может быть, вместо того, чтобы затевать войну против России, было бы лучше оставить на несколько лет еще вести контрабанду колониальными товарами с Англией, закрыть глаза на то, как нарушались Тильзитский и Эрфуртский договоры, и прежде всего заняться серьезно завоеванием Испании; закончить эту долгую войну, выгнать англичан и отрезать им всякие сношения с обширной береговой линией Пиренеев. Удар, направленный против наших вечных врагов, оказался бы тогда сильнее. Именно, чтобы отвратить эти удары, Сент-Джемский кабинет поднял на нас Россию.., и заставил нас разделить наши силы между двумя крайними пунктами Европы: Кадисом и Москвой.

В политическом отношении война против России началась слишком рано и слишком опоздала в отношении времени года: французская армия должна была перейти через Неман в марте месяце.

(Боссе)

* * *

В одной немецкой газете я прочел, что в то время, к которому я подошел теперь в моем рассказе, «император Александр послал в Москву своего брата Константина, и будто один русский генерал дал понять ему, что он заблудился; что для того, чтобы вновь попасть на верную дорогу, он вместо того, чтобы продолжать путь на юго-восток, должен был повернуть на северо-запад и пройти все то расстояние, которое он уже прошел». Статья кончалась таким образом: «А если бы Константин настаивал на цели своего путешествия, то с императором Александром произошел бы один из тех случаев, которые не вполне неизвестны в истории России»[1].

Если признать этот факт достоверным, и если я не ошибаюсь, было бы естественно думать, что император Александр на одну минуту возымел желание начать переговоры о мире, но, очевидно, мнение его генералов заставило его продолжать войну. Это путешествие великого князя Константина совпало с путешествием генерала графа Лористона, отправленного в русскую Главную квартиру в первых числах октября; результатом явилось только перемирие на несколько дней и незначительные переговоры, которыми его обманывали. Лористон ставил одним из условий этого кратковременного перемирия, чтобы каждая сторона за три часа предупреждала о нападении. Ответом на его предложение явилось немедленное нападение, без малейшего предупреждения, целого корпуса русской армии и многочисленных казаков, которые 17 октября атаковали авангард неаполитанского короля. Этот день был для нас роковым. Мы потеряли много превосходных офицеров и целую батарею из 12 пушек, за которыми плохо наблюдали, потому что верили в договор...

Эти грустные вести привез в Кремль Беранже, адъютант неаполитанского короля. Наполеон, хотя и не испугался от

---

[1] Франкфуртская газ. 1813. 13 марта.

этого известия, тем не менее заметно волновался в течение всего утра, пока не отдал последних приказаний об оставлении Москвы, которое началось в тот же вечер. Он открывал каждую минуту дверь в нашу служебную гостиную, требуя то одного, то другого, говорил быстро и ни минуты не оставался на месте. Не успел он съесть завтрак, как тотчас же выскочил из-за стола. Словом, видно было, что мысли и планы так осаждали его, что мне легко было предположить, что в этот день он понял все пагубные последствия его слишком долгого пребывания в Москве. Он узнал, что был заключен мир между Россией и Турцией, который тем самым освобождал целый русский корпус. Он узнал о мире, который подписала Англия с Россией, а также о мирном свидании, которое было в Финляндии, в Або, между императором Александром и Бернадотом. Он мало рассчитывал на содействие Австрии, вспомогательная армия которой подвигалась вперед с осторожностью, и он не мог скрыть от самого себя, что помощь Пруссии будет у него отнята, как только представится удобный повод, потому что в подобных случаях самые священные договоры ни к чему не обязывают: со всех сторон он предвидел затруднения и опасность.

(Боссе)

* * *

Мне приходится теперь говорить о мирных переговорах, начатых императором через генерала Лористона, его адъютанта и последнего посланника в Петербурге. Я содействовал отчасти посылке этого уполномоченного, и вот что мне известно по этому поводу. Горрер, французский эмигрант, которому я спас жизнь и который был дружен с фельдмаршалом Кутузовым, говорил мне, что заключение мира зависит не от императора Александра, а от армии, и что император по желанию народа назначил вновь командующим войском фельдмаршала. «Вы знали фельдмаршала в Константинополе,— присовокупил он,— Вы знаете, что он очень честолюбив и тщеславен; могу Вас уверить, что он принял командование армией только в надежде отомстить за Аустерлиц, так как император Александр несправедливо приписывает ему потерю этого сражения. Как знать, не сочтет ли он за честь поработать для примирения двух великих империй? Мир за-

висит от него; если он пожелает, мир будет заключен, без него сделать этого не удастся. Так как я знаю его близко, я отправлюсь к нему и позондирую почву; я оставлю здесь в залог жену, мать и детей».

Я передал эти слова Горрера графу Дарю, который в свою очередь говорил об этом с императором Наполеоном. Два дня спустя мне было приказано явиться к императору, но как раз в этот день я лежал в постели от полученной мной контузии. Я написал графу Дарю, который показал мое письмо императору, и на следующий день генерал Лористон был послан для переговоров. Мне сообщил об этом тот же Горрер, который тогда же сказал, что эти переговоры не приведут ни к чему, так как Лористон вез письмо к императору Александру, а не обратились к фельдмаршалу Кутузову как к посреднику, и это не могло быть приятно для самолюбия старого воина. Но император Наполеон не был уже генералом Бонапартом, который мог писать эрцгерцогу Карлу, командующему австрийской армией в Италии, и вести с ним переговоры о мире; в Москве он считал бы унизительным для своего достоинства вести переговоры с кем-либо иным, кроме российского императора. Это рассуждение было справедливо в принципе, но на деле было важно выпутаться из затруднительного положения и поэтому следовало поступиться самолюбием. В оправдание Наполеона скажу, что когда я увиделся два года спустя в Париже с Горрером, то он признался, что его попытка не имела бы успеха. Он виделся после нашего отъезда из Москвы с фельдмаршалом Кутузовым, который сказал ему, что он никогда не согласился бы заключить мир после взятия Москвы, но ежели бы Наполеон предложил ему заключить мир после сражения при Бородине, то он согласился бы на это, чтобы спасти священный для русских город.

Мы потеряли много драгоценного времени на эти переговоры. Наконец, император пришел к убеждению, что придется решить дело оружием. Он отправил всех раненых генералов и штаб-офицеров в Смоленск через Можайск и Вязьму; они прибыли благополучно в Вильно, тогда как обоз с провиантом и военными снарядами подвергся нападению со стороны казаков, которые захватили и уничтожили большую часть повозок.

Принц Евгений употребил всевозможное старание, чтобы реорганизовать свой корпус, коим он был очень любим;

Итальянская гвардия была великолепна. Император приказал ему идти из Москвы первому, занять прежде всего Можайскую дорогу, затем свернуть на старую Калужскую дорогу к Малоярославцу, где он предполагал дать русским сражение и где, как нам было известно, они возвели большие земляные укрепления. Что касается короля Неаполитанского, то ему наскучила война; его удерживала в России только некоторая привязанность к Наполеону, хотя он уже имел повод во многих отношениях жаловаться на него.

Князь Экмюльский, посоветовавший Наполеону идти на Москву, занялся теперь ревностно реорганизацией армии для предупреждения катастрофы, которую он уже предвидел. К сожалению, генералы и полковники не особенно любили его за чрезмерную строгость и, пожалуй, еще более за его честность и строгое соблюдение дисциплины. Вследствие этого они всегда радовались втайне, когда удавалось помешать его планам; по этой же причине они выказали неуместное удовольствие, когда стало известно, что Наполеон во время отступления армии упрекнул его в сердцах за ошибку, которую он заставил его сделать. Наполеон оказался неблагодарным к одному из самых преданных ему людей.

(Дедем)

* * *

13-е. Сегодня утром выступления не было; оставаться, так оставаться. Идет снег.

Старая гвардия, армейские корпуса, хозяйственные части получили приказ быть готовыми к выступлению. Завтра через Смоленск должны эвакуировать возможно большее число раненых.

14-е. Его Величество производит смотр кавалеристам, оставшимся без лошадей; их организуют в батальоны и оставят в Кремле в качестве гарнизона. Эта неудачная операция вконец погубит нашу кавалерию. Эти старые солдаты — драгоценные люди, их следовало бы отослать в депо и дать им лошадей. Самый плохой пехотный полк гораздо лучше исполняет пешую службу, чем 4 полка кавалеристов без лошадей; они вопят, словно ослы, что они не для того предназначены. Сыро, но не очень холодно.

15-е. Император приказал генералу Нарбонну осмотреть госпитали; эвакуировали 1400 раненых, осталось 900; из них 500 таких, которых нельзя везти; их устроят в Кремле. Товарищи, которым предстоит выступать, ропщут, что это не их очередь. Во избежание препирательств я отсылаю подставных лошадей. Шабо (Chabot) отправляется к неаполитанскому королю; он должен был уехать в 6 часов утра, но его слуга Жан не мог собраться раньше 3 часов пополудни. Во время похода, особенно трудного, надо быть строгим со своими людьми, не прощать им ни малейшей ошибки, не позволять им ротозейничать. Но я не решился бы их бить. В армии многие это делают. Это почти необходимо. Мой лакей Эйар тоже порядочно разбаловался, он видит все в черном цвете. Он служит у меня восемь лет, привязан ко мне, обладает хорошими качествами. Мне приходится часто об этом напоминать себе. Для похода надо брать людей сильных; этот же слаб, что делает меня снисходительным. Каждое утро он ворчит на меня за то, что я без сапог; моя единственная пара продырявилась. Я не знаю, как достать новые; из вещей, посланных мне отцом из Франции, ко мне ничего не дошло. А будь у меня эти вещи, я был бы одним из наилучше экипированных офицеров в армии. Эйар мог бы поговорить и о моей шляпе, один бок которой совершенно разорвался.

16-е. Приближается эвакуация раненых. Разрушили часть кремлевского собора и свалили крест с колокольни Ивана Великого, при падении он сломался. Забрали и расплавили серебряную утварь кремлевских церквей, пополнив этим кассу армии. Генерал Лористон вечером уезжает на аванпосты, чтобы узнать ответ царя на предложение императора. Великолепная летняя погода.

18-е. После смотра император объявляет о своем намерении ночевать вне Кремля в предместье по дороге к Каличум — так Его Величество называет Калугу... Помещение императору приготовляют у графини Орловой. Его Величество находит, что это слишком близко. Все будут в дежурной комнате; в 10 часов вечера нам объявляют, что император ночует в Кремле.

(Кастеллан)

* * *

Надежды на мир, которые питал Наполеон, исчезли после нарушения перемирия... Кутузов, видя, что уже нельзя долее обманывать Наполеона, решился 18 октября сделать нападение. Произошло дело при Тарутине. Выведенный, но слишком поздно, из своей непостижимой беспечности, император хотел отвечать громовым ударом на вероломство своего врага. В ту минуту, как пришло известие от неаполитанского короля о нападении Кутузова, Наполеон делал смотр. Внезапно к нему возвратилась энергия юных годов. Во все стороны были посланы приказания, чтобы сосредоточить армию, которая в тот же день должна была расположиться биваками на Калужской дороге. Мортье с несколькими батальонами был оставлен в Кремле. Наполеон объявил, что намерен дать большое сражение и через несколько дней возвратиться, но не иначе, как уничтожив неприятеля. В этом не было ничего невероятного: он столько раз предсказывал свои победы. Но что мог сделать теперь его гений против грозивших бедствий...

Французская армия уменьшилась вчетверо против своих первоначальных размеров (около 100 000 человек) и продолжала ежедневно уменьшаться от лишений и болезней. Особенно кавалерия понесла невосполнимые потери. Вместе с ослаблением росла дерзость врагов: казаки, рыская в окрестностях, отбивали людей и фураж у самых ворот Москвы. Объявляя о скором возвращении в столицу, не предвидел ли Наполеон неизбежность поспешного отступления?

Можно, пожалуй, видеть это решение еще раньше событий 18 октября в большой раздаче денег, которая в предшествовавшие дни была произведена по приказу императора всем частям армии. Грабеж был допущен только в той мере, чтобы смягчить ропот. Надо было предупредить то, что могло быть вызвано отступлением. Вследствие этого, кроме ассигнаций, армии были розданы большие суммы медной монетой, которую нашли закопанной в подвалах дворца. Множество других драгоценностей, доставшихся солдатам, и невозможность унести с собой монету, напоминавшую деньги, введенные у спартанцев Ликургом, заставляли французов продавать медь мужикам. По странной прихоти, народ предпочитал ее ассигнациям, серебру и даже золоту, столь редкому в России.

Лишь только распространился слух о размене, как Никольская улица, где находились главные меняльные лавки, была наводнена покупателями. Это были московские грабители, те самые, которые, пренебрегая опасностью, принимали участие в грабежах наших солдат. Это была жадная, гнусная толпа, которую надежда на корысть вызвала и теперь из груды развалин! Размен меди на золото и серебро производился при 84%, 90% и даже 98% скидки для покупателей. Судите теперь о жадности, об упорных усилиях народа пробраться к месту размена. Грызущиеся собаки, терзающие друг друга изза кости, брошенной в их голодную стаю, не представляли бы более отвратительного зрелища: крики, ругань, бесконечные драки, оканчивавшиеся даже смертью слабейших. Женщины и дети, отваживавшиеся кидаться в волны черни, брались за непосильное дело: падая под тяжестью роковой добычи, они погибали под ногами толпы. Продавцы, покупатели, русские, немцы, французы — все это смешалось в ужасной свалке. Последние должны были прибегнуть к мерам строгости, чтобы прекратить или сдержать волнение. Сильные удары прикладами и несколько ружейных выстрелов, сделанных в воздух, были достаточны, чтобы рассеять толпу. Но вскоре, узнавши, что это была только пустая демонстрация, она нахлынула с новой яростью. Наши придумали тогда загородить баррикадами вход в Китай-город у Воскресенских ворот, которые отделяют его от Белого города. Медную монету разложили по мешкам, заключавшим в себе по 25 р. Солдаты, получивши предварительно следуемую сумму, бросали из окон дворца или через баррикады эти громадные мешки в ненасытную толпу...

(Домерг)

* * *

Начались приготовления к походу; снарядили, как могли, обозы раненых и собрали принадлежности разных канцелярий армии; наугад назначили день, в который Бонапарт выедет. Чтобы удовлетворить гвардию, которая до сих пор ничего не получала, кроме нескольких фальшивых ассигнаций 100-рублевого достоинства, ей отдали значительную сумму медных денег, которые нашли в подвалах судебных мест. Эта медь годилась только на продажу, а купить ее могли разве

крестьяне и люди низшего сословия; эта торговля послужила поводом ко многим сценам, жалким и смешным вместе. Народ, в полном смысле слова, не перестававший грабить на развалинах погоревших домов с самых тех пор, как начали грабить французы, и делавший это часто с опасностью для жизни,— тот самый народ, который большей частью прятался под мусором, так что можно было подумать, что его никогда и не было, собирался толпой, точно стая ворон, всякий раз, как отыскивался погреб, магазин или какое-нибудь прежде скрытое место, где можно было поживиться. Тут он не обращал внимания ни на сабли, ни на штыки; один падал под ударами, но зато другие двадцать грабили; это придавало смелости мародерам; старики, дети, женщины, больные — все принимали участие в грабеже; трудно вообразить, сколько награбил этот народ. Лишь только Императорская гвардия начала продавать свои мешки в 25 р. медью, тотчас же стая хищных птиц, как будто по инстинкту, понеслась на Никольскую улицу, где было главное место продажи; там сначала по 10 к., а потом по 50 к. и 1 р. можно было получить сколько угодно этих мешков с медью; труднее всего было уносить их, сначала только по причине их тяжести, а потом от тесноты. Можно было видеть, например, как жадные женщины взваливали себе на оба плеча мешки, но не успевали сделать и двух шагов, как какой-нибудь силач отнимал у них добычу и убегал с ней. Крики, брань, драка — все это смешивалось; солдаты с обнаженными саблями и криками «Ура!» били направо и налево и в свою очередь похищали яблоко раздора. «Мусью, мусью! Подарите!.. Алле, алле!.. Что даешь?.. Подарите, мусью»,— и затем град ударов; но на это не обращали никакого внимания, так как, пользуясь беспорядком, можно было чем-нибудь поживиться; можете вообразить, какое зрелище представляла Никольская, переполошенная этими продавцами и покупателями. Отправившись посмотреть на эту толкотню, я принужден был пробираться вдоль стен, боясь сделаться более чем зрителем. На следующий день — такая же толпа покупателей; но французы стали благоразумнее, прогнали толпу из *города* и вообще запретили входить туда простому народу. Тогда устроился рынок около Воскресенских ворот. Несколько солдат, поместившись под окнами присутственных мест, устроили разменную

кассу; они получали деньги, следующие за мешок, и бросали его из окна. Толпа увеличилась с появлением крестьян, которые дрались с мещанами, чтобы пробраться поближе к продавцам. Прекратить беспорядки можно было только ружейными выстрелами, которые хотя и направляли нарочно мимо народа, тем не менее заряды попадали иногда в толпу; ничто, однако, не могло удержать ее: она не переставала кидаться на мешки, которые бросали из окон; выстрелы ничего не значили там, где можно было получить какой-нибудь барыш.

(Изарн)

* * *

Весьма многие окрестные крестьяне приходили в город, но не для того, чтобы продавать жизненные припасы, а чтобы покупать медные деньги в мешках по 25 р. в каждом, и соль четвертями, а также собирать все, что осталось в обгорелых домах и лавках и что они могли увезти на своих телегах. Мешок медных денег в 25 р. (их огромная масса лежала в подвалах Кремля) стоил столько же, сколько четверть соли (которая также находилась в большом количестве) — 4 р. или один серебряный рубль. Точно так же за несколько серебряных рублей можно было покупать целые пакеты старых кредитных билетов. Количество покупателей ежедневно увеличивалось по мере того, как крестьяне с целыми грузами соли и медных денег невредимо возвращались из Москвы по своим деревням.

(Из записок колониального торговца)

* * *

Через некоторое время во Францию был отправлен обоз с ранеными, увечными и нуждавшимися в продолжительном отдыхе; в числе их был генерал Нансути. Император прислал одного своего офицера к генералу Пажолю с предложением воспользоваться оказией, но тот поблагодарил, заявив, что надеется скоро вернуться в строй.

Я привожу этот факт, чтобы показать, что, если бы мы в то время выступили, мы бы избежали всех страданий отступления. И, действительно, этот обоз успел пройти Минск гораздо ранее прихода туда Тормасова.

18 октября генерал Пажоль для первого своего выхода присутствовал на утреннем приеме императора. Некто Беранже, лейтенант 8-го гусарского, адъютант неаполитанского короля, вошел в приемные залы, требуя аудиенции у императора. Я знал его, он едва успел пожать мне на ходу руку и сказал шепотом:

— Плохо.

Прием был прерван. Наполеон, прочитав депеши, потребовал к себе неаполитанского короля и маршалов.

В эту минуту мы с генералом Пажолем были в одной из гостиных. Последний хотел поблагодарить принца Евгения за его внимание, выражавшееся в том, что он несколько раз осведомлялся о его здоровье.

— Я сомневаюсь, чтобы Вы его увидели,— сказал я,— император приказал его позвать, так же как и герцогов Эльхингенского, Данцигского, Тревизского и принца Экмюльского. Я не знаю, что произошло, но гусарский офицер, приехавший с аванпостов, сказал мне, что известия нехороши.

Днем распространился слух, что неаполитанского короля атаковали; говорили, что 2-й кавалерийский корпус под командой Себастиани был захвачен врасплох и обращен в бегство.

Конечно, Иоахим Мюрат мог упрекнуть себя в этой неудаче: всегда осторожный, он должен был и на этот раз проверить положение своих аванпостов и сторожевую службу. Тогда бы он заметил, что 2-й корпус, как я это говорил выше, находился во власти неприятеля. Его неоспоримая прозорливость военного человека показала бы ему, что русские благодаря лесистой местности, которую мы непростительно неосторожно не разведали, всегда могли неожиданно напасть на наши биваки. Но в общем весь позор падает на генерала Себастиани, командовавшего 2-м корпусом. Неаполитанский король, указывая ему, какую позицию следует занять, естественно подразумевал, что следует принять необходимые меры для ее охраны.

Можно согласиться с мнением Себастиани, что почти невозможно удержать позицию в местности, трудно поддающейся разведкам. Но он виноват в том, что не доложил об этом. Вот почему ему нельзя простить того, что он позволил захватить себя врасплох.

Получив такие прискорбные вести в этой стране снегов, к угрюмой пустынности которой прибавилось еще разорение, произведенное войной, Наполеон задумался. И отступление из России, этот мучительный шаг назад, который должен был привести нас к гибели, было решено как бы поневоле. Отступление началось на следующий день, 19 октября 1812 г.

(Био)

* * *

Перед выступлением мы эвакуировали на Можайск в сопровождении сильной пехотной дивизии под командой генерала Клапареда всех раненых и больных, которые могли выдержать дорогу: что касается тех, кого нельзя было увезти, мы собрали их в Воспитательном доме, в котором я оставил врачей трех дивизий для ухода. Я оставил с русскими ранеными нескольких французских хирургов, которые давно уже жили в городе и просили меня об этом, думая оказать услуги раненым и заслужить благоволение русского правительства.

Большая часть французов, проживавших в Москве, последовала за конвоем больных под особой защитой командира дивизии, которому Наполеон их поручил...

Опасение испытать недостаток съестных припасов и воспоминание о вынесенных уже лишениях заставили всех наших товарищей запастись провизией. Одни нагрузили ею повозки, другие — лошадей, а солдаты наполнили ею свои мешки. Никогда армия не была загромождена столькими экипажами, как при выступлении из Москвы.

Армия Дария во время выхода из Вавилона, без сомнения, не везла столько богатств и столько багажа. Влажный и переходивший в дождик туман, поднявшийся еще накануне, особенно затруднял передвижение этих экипажей; так явился первый беспорядок, потому что каждый хотел сохранить свои запасы провизии.

(Ларрей)

* * *

18 октября император в Кремле сделал смотр 3-му корпусу. Смотр был красив, насколько обстоятельства это позволяли. Полковники старались друг перед другом, чтобы представить свои полки в порядке. Видя их, едва ли кто-нибудь мог себе

представить, сколько выстрадали солдаты и как сильно они страдали еще и теперь. Я уверен, что хорошая выправка нашей армии среди стольких невзгод внушила императору уверенность в себе: она убедила его, что с такими людьми нет ничего невозможного. Весь наличный состав 3-го корпуса не превышал и 10000 человек. Во время смотра адъютант короля Неаполитанского Беранже принес императору известие о бое под Тарутиным, где накануне наши войска были застигнуты врасплох и должны были отступать. Это известие положило конец молчаливому перемирию, которое существовало на аванпостах; оно окончательно разрушило всякие соглашения и должно было ускорить наше выступление. По лицу императора можно было видеть, насколько озаботило его это известие. Он ускорил смотр, но все-таки назначил офицеров на все свободные места и раздал много орденов. Ему нужно было более чем когда-либо употребить все средства, которые он так хорошо умел пускать в дело, чтобы добиться от своей армии сверхъестественных усилий. Я воспользовался его хорошим настроением, чтоб вознаградить тех из офицеров моего полка, рвение которых я испытал на деле; многие из них были произведены в высшие чины. Генерал, который командовал вюртембергской дивизией генерала Маршана, получил титул графа с дотацией в 20000 франков, слабое вознаграждение за страдания 12000 человек, число которых вследствие усталости и лишений уменьшилось до 800.

Едва кончился смотр, как полковники получили приказание выступать назавтра. Возвратясь в мою квартиру, я приказал готовиться к отъезду, нагружать на телеги все, что у нас осталось из провианта. Я оставил в моем доме муку, которую не мог захватить с собой; мне советовали ее уничтожить, но я не мог решиться отнять ее у несчастных жителей, я охотно отдал ее им в оплату за зло, которое мы принуждены были им причинить. Я принял их благословения, признательный и растроганный; быть может, они принесли мне счастье.

(Фезензак)

* * *

Москва, 14 октября. Лошади императора отправились третьего дня вечером по неизвестному назначению. Все повозки нагружены съестными припасами. Генерал Борелли, адъютант неаполитанского короля, возвратился вчера к нему

с секретными приказаниями императора. Что касается Старой императорской гвардии, то она готова уже к пути, точно так же и Молодая гвардия с двумя артиллерийскими полками...

Послан приказ итальянской дивизии Дельзона, расположенной в Дмитрове. Ей предписано очистить этот город и продвинуться к Москве. Вчера Наполеон снова отправлял к Кутузову своего адъютанта Лористона.

Москва, 17 октября. Сегодня генеральная раздача по всей армии: раздают тулупы, белье, хлеб и водку. Разумная мера, которая принесла бы большую пользу, если бы принята была несколько раньше, теперь же слишком поздно. Солдат выбрасывает все, чем он не может воспользоваться сейчас же; к тому же теперь он и без того чересчур нагружен, и я очень боюсь, как бы вся нынешняя раздача не оказалась брошенной на ветер.

18 октября. Мы расставлены в боевом порядке на первой кремлевской площади — несколько батальонов Императорской гвардии, Королевская гвардия и дивизия Пино. Император произвел нам смотр. Смотр продолжался около двух часов. Собирались приступить к раздаче наград, до которых так лакомы войска, как вдруг показался адъютант Мюрата Беранже с тревожным видом, с исказившимися чертами.

Смотр прекращается. Император уходит в покои Петра Великого. Через минуту мы получаем приказ возвратиться на наши прежние квартиры и приготовиться к немедленному походу. Очевидно, прощайте последние надежды на мир!..

Мы спешно возвращаемся на наши квартиры, складываем наши парадные мундиры и с удовольствием надеваем дорожное платье. Все настроение совершенно переменилось; на всех лицах сияет радость. Одно только огорчает нас: нам приходится оставить наших товарищей, которые не могут идти. Многие из них собирают все свои силы, чтобы попытаться идти за нами. В 5 часов мы с барабанным боем, с громкой музыкой проходим по улицам Москвы... Москва! Так страстно хотелось нам в нее попасть, но уходим мы отсюда без сожаления. Мы думаем только о родине, об Италии, о наших, которых мы увидим теперь, после такой славной экспедиции.

(Ложье)

ВЫСТУПЛЕНИЕ ИЗ МОСКВЫ

Наши сборы были недолги. Армия вышла из Москвы в два часа дня (19 октября). В момент отъезда Наполеон был снова спокоен, как обыкновенно; он выглядел спокойным и уверенным. И таким я его видел во все время нашего отступления.

Я поспешил известить г-жу Бюрсе, в каком новом положении мы очутились. Я просил ее предупредить актеров, чтобы они могли скорее решить, последуют они за нами или же останутся. Сомнения в выборе не было: все захотели следовать за армией. Я достал для г-жи Бюрсе и г-жи Андре великолепную коляску; я одолжил им трех хороших лошадей и одного из моих слуг, чтобы их сопровождать. Остальная моя труппа позаботилась уже о себе сама.

(Боссе)

* * *

Ночью 18 октября экипажи 3-го корпуса двинулись к сборному пункту, в Симонов монастырь. Никогда за нами не тянулось столько экипажей. У каждой роты была по крайней мере одна телега или одни сани, чтобы везти провиант; ночи едва хватило, чтоб все это нагрузить и привести в порядок. За час перед восходом солнца все роты собрались перед моей квартирой, и мы тронулись. Что-то мрачное было в этом походе. Ночной мрак, молчание солдат, дымящиеся развалины, которые мы попирали нашими ногами,— все, казалось, соединилось, чтобы поразить воображение грустью; и каждый из нас с тревогой предчувствовал все беды этого памятного отступления. Даже солдаты понимали затруднительность нашего положения; они были одарены и умом, и тем поразительным инстинктом, который отличает французских солдат и который, заставляя их взвешивать со всех сторон опасность, казалось, удваивал их мужество и давал им силу смотреть опасности в лицо.

Симонов монастырь, расположенный у Калужской заставы, был весь объят пламенем, когда мы туда приехали. Жгли провиант, который не могли взять с собой, и по небрежности, вполне понятной в это время, полковники не были предупреждены об этом. Во многих фургонах было свободное

место, а перед нами горел провиант, который, быть может, спас бы нам жизнь.

3-й корпус собрался и выступил по новой Калужской дороге, так же, как и 1-й корпус, и императорская гвардия. Мой полк в это время состоял из 1000 человек, а весь 3-й корпус не превышал 11 000 человек. Я думаю, что вся армия, вышедшая из Москвы, состояла не более как из 100 000 человек.

Ничего не может быть любопытнее, чем движение этой армии, а длинные равнины, которые встречались по выходе из Москвы, позволяли наблюдать это движение во всех его подробностях. Мы тащили за собой все, что избегло пожара. Самые элегантные и роскошные кареты ехали вперемешку с фургонами, дрожками и телегами с провиантом. Эти экипажи, шедшие в несколько рядов по широким русским дорогам, имели вид громадного каравана. Взобравшись на верхушку холма, я долго смотрел на это зрелище, которое напомнило мне войны азиатских завоевателей. Вся равнина была покрыта этими огромными багажами, а московские колокольни на горизонте были фоном, который довершал эту картину. Был отдан приказ сделать тут привал, как будто бы для того, чтобы в последний раз взглянуть на развалины этого старинного города, который вскоре исчез с наших глаз.

(Фезензак)

* * *

19 октября. Рано утром император уехал по Калужской дороге. Я остаюсь до 3 часов пополудни для того, чтобы вместе с генералом Нарбонном обойти госпитали; раненые в количестве 1500 собраны в Воспитательном доме около Кремля, где... оставлен гарнизон под начальством маршала Мортье.

Не было времени до отъезда перенумеровать повозки; за нами следует по меньшей мере 15 000 их, почти все — захваченные в этом городе или принадлежащие поселившимся в России иностранцам; они причиняли большие затруднения при выходе из Москвы. Вечером в Троицком — плохом поместье — мы догоняем императора. Погода мягкая.

20-е. В 4 часа я получил приказ отправиться с 25 уланами гвардии, эстафетой и инспектором почт в Малую Вязьму,

поместье князя Голицына по дороге из Москвы в Можайск. Передавая мне этот приказ, Коленкур, очень ко мне расположенный, выражает мне свое огорчение по поводу того, что император доверяет мне такое опасное поручение.

Я должен был проследить за движением войск, отступавших этой стороной, и дать о нем отчет. Так как я должен был проезжать по краю, занятому неприятелем, то моя миссия была очень щекотлива. Мой близкий товарищ Мортемар попрощался со мной как с другом, которого больше ему не суждено видеть; он советовал мне, если на меня нападут, приказать броситься врукопашную (croiser les lances), не отвечать на неприятельские выстрелы и пробиться на всем скаку. Я разделил свой отряд на два взвода; посредине первого ряда я поместил проводника-русского, связанного веревкой, оба конца которой держали два улана; его предупредили, что его пристрелят на месте, если он приведет нас к русским. Ночью во весь опор мы промчались по местечку, которого нельзя было миновать. Оно было занято; на оклики по-русски «Кто идет?» мы ничего не отвечали. На некотором расстоянии мы услыхали «Кто идет?» по-французски; никогда более мелодичный звук не касался моих ушей. Мы-таки ускользнули от казаков, что нельзя назвать неудачей. 10 часов вечера. Я великолепно заснул на моей медвежьей шкуре.

21-е. Вечером прибыли 1200 русских пленных, конвоируемых португальским батальоном. Майор, который им командовал, нашел на дороге трех жеребят; он их отдал пленным на пищу, а то эти несчастные оспаривали друг у друга куски трупов. Португальцы будто бы получили приказ расстреливать пленных, которые не идут; поэтому они прикладывают ружейное дуло к голове тех выбившихся из сил, которые уже не могут идти, и пристреливают их; они совершают все это с большой жестокостью, а сверх того, еще и неловко; пристреливай они их по краям дороги — можно было бы подумать, что эти люди пытались убежать; но они совершают свои «милые» экзекуции посреди дороги. Боюсь, что такое варварское поведение вызовет по отношению к нам беспощадную месть.

22-е. Императорская штаб-квартира перенесена в Фоминское. Из Малой Вязьмы мы отправляемся в Кубинское; этот пост занят вестфальским батальоном, насчитывающим лишь

100 человек; накануне на мельнице он потерял 40 человек. Вскоре после нашего прибытия показались казаки. Они на «Ура!» кинулись на обоз с ранеными; эскортировавшие его солдаты плохо вели себя.

Полковник Бурмон (Bourmont) приказал взяться за оружие; вестфальский отряд, продвинувшийся вперед за четверть мили, выручил несколько человек, бросившихся в лес. Я передал приказ баварскому полковнику начать атаку со своей бригадой; он мне ответил, что его истощенные лошади не могут галопировать. Во время этой экспедиции он нам годился лишь на то, чтобы ежедневно заставлять 50 человек пехотинцев охранять свой фураж и уничтожать баранов из стада, собранного испанцами, к большому неудовольствию последних.

Я попросил в полку Жозефа Наполеона 50 охотников, чтобы кинуться на $^1/_2$ мили вперед и спасти возможно большее количество людей; вызвали желающих из этого храброго полка. Эти 50 гренадер бегом бросились на неприятеля, и мы спасли 100 человек, хорошо вооруженных, спрятавшихся в лесу, не выпустив ни единого выстрела; мне даже стало жалко таких плутов. На дороге мы увидели брошенный фургон, в котором было оставлено двое несчастных раненых.

24-е. Штаб-квартира императора находится в Городне.

Мы отправляемся в Щелковку, пост также занятый вестфальским батальоном. Батальон в Кубинском лишился людей и экипажей, посланных вперед батальонным командиром. Этот офицер высшего ранга в отчаянии, но не от потери своих солдат, а от пропажи 1000 экю — всех его походных сбережений, которые были спрятаны в одной из повозок. Мы подобрали нескольких человек из конвоя французских раненых, брошенных казаками. По дороге мы видели до 40 пленных русских, убитых португальцами. Один из них обязан жизнью лености их арьергарда. Этот русский упал, не будучи в состоянии идти дальше. Португалец стреляет в него в упор.

Его ружье дает два раза осечку; в третий раз он восклицает: «Я буду великодушен. Следовало бы прочистить мое ружье. Пусть себе остается!»

Несчастный пленник отполз на четвереньках с дороги, боясь следующих отрядов; они его, конечно, замечали, но не

имели ни малейшего желания причинить ему зло. Наш ночлег отвратителен; рядом с комнатой, в которой скучены мы, находятся трупы: воздух убийственный.

25-е. Казаки ежедневно захватывают по нескольку человек; во время нашего перехода они показались и справа, и слева от дороги.

Трупы 50 пленных, попадающиеся на нашем пути, словно вехи, указывают, что португальский эскорт по-прежнему идет перед нами.

(Дневник Кастеллана)

* * *

Император выехал из Москвы 19 октября, но оставил в городе маршала герцога Тревизского, который должен был ждать в Кремле результатов битвы.

Наполеон еще лелеял тайную надежду вернуться в Кремль, но на случай, если бы это ему не удалось, он отдал приказ маршалу взорвать дворец, в знак маленькой революционной мести, и Арсенал, хотя уже разграбленный и русскими, и французами, но где еще много хранилось трофеев, отнятых у турок.

Даже гробниц царей — и тех не пощадили! Мне пришлось видеть, как валялись на земле набальзамированные царские останки и как их топтали солдаты, думавшие обогатиться, срывая с них стразы, которые они принимали за настоящие драгоценные камни. Золотой крест с колокольни Ивана Великого, набальзамированная рука святого, патрона города, одно кресло из дворца и другие редкости с драгоценностями были вывезены из города. Лучшие картинные галереи сгорели еще во время пожара, а деньги и все то, что было захвачено армией, наполовину снова было отобрано русскими, а остальное было уничтожено, чтобы не досталось им.

Многое просто зарыли в землю в химерической надежде, что удастся вернуться за ним.

Уходя, армии пришлось бросить в Кремле много экипажей и амуниционных повозок. Страшный гул, последовавший за взрывом нескольких больших зданий, возвестил о нашей эвакуации...

Когда я выехал из Москвы, в ней уже показались казаки. Погода была великолепная, было так тепло, что мы обедали

при открытых окнах. Я провел первую ночь на биваке близ загородного дома графа Ростопчина, от которого остались одни развалины. Тут я увидел нескольких француженок, которые во что бы то ни стало хотели следовать за армией, хотя я предсказывал им все бедствия, постигшие нас в непродолжительном времени.

Большая дорога была загромождена повозками и экипажами; из них большая часть были до такой степени нагружены или имели такие плохие запряжки, что в первый же день увязли в грязи, из которой не было возможности вытащить их, и послужили знаком для отставших и тех, кто покинул город только в последний момент.

(Дедем)

* * *

За пять недель своего пребывания в Москве армия снова достаточно оправилась и, несмотря на постоянные потери во время военных фуражировок, снова насчитывала до 100 000 годных к бою солдат. Но это уже не была энергичная армия; большая ее часть вяло тащилась, а не по-прежнему бодро маршировала.

Войска торопились оставить город в ночь на 19 октября, некоторые же полки двинулись вечером 18-го. Наконец, около 9 часов вышли и вюртембержцы из города на дорогу по направлению к Калуге, куда предполагалось отступление. Но какую ужасную картину представляла теперь Великая армия: все солдаты были нагружены самыми разнообразными вещами, которые они хотели забрать из Москвы,— может быть, они надеялись отнести их к себе на родину и в то же время забыли окончательно запастись самым необходимым на время своего длинного путешествия. Обоз же походил на орду, как будто пришедшую к нам из чужих, незнакомых стран, одетую в самые разнообразные платья и имевшую вид маскарада. Этот обоз первым нарушил порядок при отступлении, так как каждый солдат старался отправить забранные им в Москве вещи впереди армии, чтоб считать их в безопасности.

Уже теперь в узких, загроможденных разрушенными домами улицах, в тревожной поспешности смешались нагруженные добычей телеги, повозки, коляски, старые и новые кареты и вообще все существующие экипажи; и как только

все было приведено в некоторый порядок, было приказано пропустить выстроившиеся полки, что произвело ужаснейшее смятение, которое позднее не раз повторялось в каждом узком проходе.

Наполеон с большим трудом должен был пробиваться через этот хаос, и хотя было ясно, что не представлялось никакой возможности тащить за собой этот чудовищный обоз, все же не было дано никаких приказаний оставить его. Это он считал неудобным, во-первых, потому, что ему не хотелось лишать многих забранных ими вещей; во-вторых, некоторые телеги были нагружены съестными припасами, необходимыми для войска, и, наконец, эти повозки можно было использовать для перевозки больных и раненых; может быть, ему приходило в голову и то, что, помимо приказов, нападения казачьих отрядов принудят собственников отказаться от своего имущества, что впоследствии часто и случалось.

В этом же самом обозе находились многие бежавшие от революции французы со своими семьями, которые под покровительством императора снова возвращались на родину — ничего больше им не оставалось делать. Они принуждены были двигаться с армией и находились в еще более печальном положении, чем солдаты. Может быть, для них было бы лучше выехать раньше, но как они могли на это решиться, не будучи уверены в том, что их не схватят бродившие вокруг казаки или крестьяне и не лишат жизни? Благодаря этому они должны были дождаться, пока тронется вся армия, у которой они искали защиты.

Двигались мы тяжело и вяло, лица были мрачные и недовольные, и путь, который можно было бы сделать в 24—25 часов, мы, обремененные добычей, и после долгого покоя, прошли едва в семь дней.

(Йелин)

* * *

Я думаю, что только благодаря моей предприимчивости я спасся во время отступления. Как капитан я имел для себя и для своих лейтенантов фургон, до половины наполненный моими вещами и запасными сапогами для моего отряда. Сделавшись батарейным командиром, я получил фургон лично для себя, правда, небольшой, но совершенно достаточный

для того, чтобы заготовить себе провианта на три или четыре месяца.

Я занялся его нагрузкой, положив туда более сотни крупных галет в 1 фут диаметром, мешок муки, вместимостью в 100 фунтов, более 300 бутылок вина, 20 или 30 бутылок рома и водки, 10 фунтов чая и столько же кофе, 50 или 60 фунтов сахара, 3 или 4 фунта шоколада, несколько фунтов свечей. На случай зимовки на левом берегу Немана, которую я считал неизбежной, я запасся ящиком с сочинениями Вольтера, Руссо, двумя «Историями» России, Леклерка и Левека, комедиями Мольера, произведениями Пиррона, «Духом законов» и некоторыми другими книгами, как например, «Философия истории» Рейналя, в изящном белом переплете с золотым тиснением. Весь этот запас должен был питать в продолжение нескольких месяцев мое тело и разум.

Кроме всего этого, я купил себе за 80 франков один из лучших русских мехов.

Благодаря всему этому я ждал сигнала выступления без всяких забот, хотя и не без некоторой доли беспокойства.

(Пион де Лош)

* * *

19 октября, с раннего утра, город кишмя кишел евреями и русскими крестьянами: первые пришли покупать у солдат все, чего они не могли унести с собой, а вторые — чтобы поживиться тем, что мы выбрасывали на улицу. Мы узнали, что маршал Мортье остается в Кремле с 10 000 и что ему приказано обороняться в случае надобности.

После полудня мы двинулись в поход, позаботившись сделать, по мере возможности, запасы напитков, которые мы нагрузили на телегу маркитантки. Почти смеркалось, когда мы вышли за город. Вскоре мы очутились среди множества повозок, которыми управляли люди разных национальностей; они шли в три-четыре ряда, и вереница тянулась на протяжении целой мили. Слышался говор на разных языках — французском, немецком, испанском, португальском и еще на многих других; московские крестьяне шли следом, а также и пропасть евреев: все эти народы со своими разнообразными одеяниями и наречиями, маркитанты с женами и плачущими ребятами — все это теснилось в беспорядке и производило не-

вообразимую сумятицу. У некоторых повозки были уже поломаны, другие кричали и бранились — шум был такой, что в ушах звенело. Не без труда удалось нам, наконец, пробраться сквозь этот громадный поезд, оказавшийся обозом армии...

Миновав всю эту сутолоку, мы принуждены были остановиться, чтобы дождаться левого фланга нашей колонны. Я воспользовался досугом, чтобы осмотреть свой ранец, казавшийся мне чересчур тяжелым, и удостовериться, нельзя ли что-нибудь выкинуть, чтобы облегчить свою ношу. В ранце было порядочно-таки запасов: я взял с собой несколько фунтов сахара, риса, немного сухарей, полбутылки водки, костюм китаянки из шелковой материи, затканной золотом и серебром, несколько серебряных и золотых безделушек, между прочим, обломок креста Ивана Великого, т. е. кусочек покрывавшей его серебряной вызолоченной оболочки; мне дал его один солдат из команды, снаряженной для снятия креста с колокольни.

Со мной был также мой парадный мундир и длинная женская амазонка для верховой езды (эта амазонка была орехового цвета и подбита зеленым бархатом; не зная ее употребления, я вообразил, что носившая ее женщина была больше шести футов росту); далее две серебряные картины, длиной в один фут на 8 дюймов ширины, с выпуклыми фигурами: одна картина изображала суд Париса на горе Иде, на другой был представлен Нептун на колеснице в виде раковины, везомой морскими конями. Все это было тонкой работы. Кроме того, у меня было несколько медалей и усыпанная бриллиантами звезда какого-то русского князя. Все эти вещи предназначались для подарков дома и были найдены в подвалах или домах, обрушившихся от пожаров.

Как видите, мой ранец должен был весить немало, но, чтобы облегчить его тяжесть, я выкинул из него свои белые лосиные брюки, предвидя, что они не скоро мне понадобятся. На мне же был надет, сверх рубашки, жилет из стеганого на вате желтого шелка, который я сам сшил из женской юбки, а поверх всего большой воротник, подбитый горностаем; через плечо у меня висела сумка на широком серебряном галуне: в сумке было также несколько вещей, между прочим, распятие из серебра и золота и маленькая китайская ваза. Эти две вещицы избегли крушения каким-то чудом, и я до

сих пор храню их, как святыню. Кроме того, на мне была моя амуниция, оружие и шестьдесят патронов в лядунке.

(Бургонь)

* * *

На 23 октября император отдал приказ увезти его квартиру и всю его канцелярию и двигаться к Можайску. Приказание выполнено было с поразительной быстротой; все приготовления были закончены в какие-нибудь три часа. Мы возвратились к нашей княгине; там мы нашли прекрасных лошадей, которых держали скрытыми в сарае. Мы взяли себе двух лучших и велели сейчас же впрячь их в красивую повозку. Тем временем я запасался провизией: прежде всего взял десять голов сахара, большой ящик с чаем, изящные чашки и котел. Всю повозку нагрузили провизией.

В три часа мы вышли из Москвы. Но двигаться было невозможно: дорога была загромождена повозками, которыми в изобилии запаслись все наши грабители. В 12 верстах от Москвы мы услышали страшный взрыв. Толчок был так силен, что почва задвигалась под нашими ногами. Говорили, что под Кремлем положено было 60 пороховых бочек с семью пороховыми приводами и горючими веществами, наложенными на бочках. 700 поджигателей, забранные с трутом в руках, нашли здесь свою смерть. Все это были каторжники.

На протяжении 50 верст стояли повозки. Когда мы добрались до нашей первой остановки, я уже достаточно намучился со своей тележкой; приказал поэтому взвалить всю провизию на лошадей, а тележку сжечь. После этого мы могли уже двигаться свободно. С невероятными усилиями достигли мы Главной квартиры около Можайска.

(Куанье)

* * *

Выступление из Москвы было похоже на триумф. Со всех сторон виднелась добыча победителей; гордость, которую они ощущали, унося все эти вещи, может быть, превышала самое удовольствие владеть ими. Обоз Главной квартиры составлял тогда более 10 000 повозок. Все это множество экипажей было исключительно взято в Москве, где в каждом доме их было по нескольку. У каждого солдата была поклажа, у каждого

офицера — фургон или дрожки (droski), или телега (wursk), или коляска, или берлин, запряженные более или менее значительным числом лошадей. В этих повозках были напиханы как попало меха, сахар, чай, книги, картины, актрисы московского театра... Все предметы, награбленные солдатами, перешли в руки офицеров; взамен того деньги офицеров перешли в руки солдат. Когда позднее вся наша поклажа была разграблена, бедность тех, кто должен был приказывать, и кажущееся богатство тех, кто должен был повиноваться, способствовали не в малой степени возникновению беспорядка в армии и ослаблению дисциплины...

(Пасторе)

* * *

Тот, кто видел выступление французской армии из Москвы, тот мог составить себе ясное представление о греческих и римских войсках в тот момент, когда они покидали развалины Трои или Карфагена. Каждый, смотрящий в это время на нашу армию, мог видеть повторение тех же самых сцен, описанием которых так волнуют нас Тит Ливий и Вергилий. На несколько верст тянулась длинная вереница телег по четыре в каждом ряду, нагруженных разного рода вещами, которые солдаты спасли от пожара. Русские крестьяне, взятые нами для услуг, невольно напоминали рабов, которых древние гнали за собой в арьергарде своих войск. Их сопровождали жены, дети, девушки, и получался вид завоевателей, уводивших с собой полученных при разделе пленных. Несколько фургонов, наполненных разного рода трофеями, между которыми находились персидские и турецкие знамена, украшавшие стены царских дворцов, а главным образом знаменитый крест Ивана Великого — замыкали шествие армии, которая, если бы не безрассудство ее императора, могла бы похвастаться тем, что достигла пределов Европы, и что азиатские народы услыхали бы гром тех же пушек, который раздавался у Геркулесовых столбов.

(Лабом)

* * *

Несмотря на предчувствие грядущих бедствий, каждый из нас рассчитывал довезти благополучно свою долю добы-

чи, и не было такого мелкого служащего, который не имел бы экипажа и драгоценных вещей.

У меня лично были меха, картины великих художников, ради бо́льшего удобства перевозки свернутые в трубку, и несколько драгоценных вещей. Один из моих товарищей нагрузил огромный ящик хинной коркой; другой вез целую библиотеку прекрасных книг в красных сафьяновых переплетах с золотым обрезом, между прочим «Письма к Эмилю» Демустье. Не забыл я и об удобствах: у меня был запас риса, сахара и кофе; имелись также три большие банки варенья, две вишневого и одна — крыжовенного.

(Дюверже)

* * *

Фоминское, 20 октября. Смелость казацких отрядов невероятна. Они устроили засаду в лесах, невдалеке от места, где мы провели ночь, и поджидают, когда уйдут последние солдаты, чтобы нападать на изолированные группы, на отставших или на повозки, которые не могли идти непосредственно за войсками.

Уваровское, 23 октября. Нынешним утром, в 5 часов, отправлены инструкции герцогу Абрантесу; приказано сжечь все, чего нельзя захватить с собой, и быть готовыми к тому, чтобы по первому сигналу двигаться к Вязьме; начальники вплоть до Смоленска предупреждены о движении армии, генералу Эверсу приказано выступить из Вязьмы с 4000—5000 человек для того, чтобы обеспечить коммуникационную линию через Юхнов до Смоленска.

(Ложье)

* * *

В этот день мы встретились также со Старой и Молодой гвардией Наполеона, как пешей, так и конной, явившейся из Москвы. Она прошла перед нами гордая и прекрасная, мужественная и бодрая по виду, как всегда приходят войска с зимних квартир; она шла сомкнутыми колоннами, отлично обмундированная, богато снабженная съестными припасами. Каждый наложил себе поверх ранца по три-четыре белых хлеба, а на портупею или патронташ привесил фляжку с водкой. За ними же шел обоз с багажом, какого, вероятно, никогда не видывали за все время, пока существуют войны.

Все генералы и старшие офицеры приобрели себе новые экипажи, а субалтерн-офицеры — дрожки, нагруженные доверху ценными вещами и съестными припасами. Женатые солдаты передали на попечение своих жен всякого рода повозки, нагруженные всем, что рано или поздно могло пригодиться. Маркитантские повозки были нагружены вином, водкой, сахаром, кофе, чаем и всем необходимым на долгое время; также нагружены были все вьючные лошади, словом, необозримый караван вез самые разнообразные богатства, какие только можно себе представить, а прекрасная погода, стоявшая в ту пору, позволяла внимательно присмотреться и подивиться этому пестрому и в высшей степени своеобразному зрелищу.

В то время как мы переходили из этой местности, со старой Калужской дороги на новую, ведущую к Боровску, произошли разные события, из которых отмечу следующие. Первая молва, распространившаяся в момент нашей встречи, гласила, что Наполеон собирается проникнуть в южные губернии, в житницу России, разбить по дороге русских, разорить Тульские оружейные заводы и затем либо дать нам хорошие зимние квартиры, либо отвести домой через богатые земли.

Так как всякие надежды на мир рухнули после последней битвы и отступления из Москвы, то в этих известиях заключалось новое утешение, которое одинаково хорошо действовало и на чающих мира, и на жаждущих добычи и внушало новые надежды...

24-го числа мы заняли высоту впереди Боровска, на дороге, ведущей в Малоярославец. Казалось, мы здесь на расстоянии всего 2—3 шагов от места, где происходит сильная канонада.

Давно привыкнув к непрерывной пушечной пальбе, мы больше обращали внимание на то, что происходило вблизи нас. Мы застали здесь целый караван повозок, нагруженных по большей части красивыми и дорогими вещами и съестными припасами из Москвы; по-видимому, здесь решено было дождаться того, что происходило впереди, в армии.

Пока занялись разгрузкой своего имущества, отчасти, чтобы снова проглядеть его, но главным образом с целью обмена, продажи и облегчения себя. С последней целью многое

откладывалось в сторону и совсем отбрасывалось. Тут я увидел великолепнейшие покрывала и ковры, каких я никогда раньше не видел, шпалеры и занавески самой изящной формы и размера, из драгоценнейших материй, шитых золотом и серебром, с бахромой и отделкой. Кругом лежали целые штуки шелковой материи всех цветов, редкой красоты; костюмы для лиц обоего пола, тканые и блестящие, какие бывают лишь при княжеских дворах. Кругом то и дело слышалось: этот богат драгоценными камнями, у того ларец с бриллиантами; у одного целые пачки золотых, а у другого масса серебра. Я глядел и слушал все это с удивлением; при всем этом блеске меня охватило скорее чувство жалости к этим кратковременным счастливцам, чем чувство зависти и недоброжелательства...

(Роос)

МОСКВА ПОСЛЕ УХОДА ВЕЛИКОЙ АРМИИ

Наконец, в воскресенье вечером, Бонапарт отправился в путь по Калужской дороге; остальной гарнизон отправился вслед за ним в течение ночи, исключая корпус в 7000 или 8000, назначенный, как говорили, для охранения города, в ожидании остальных войск, которые должны были возвратиться после предполагаемого сражения... Жители Москвы, ободренные надеждой на скорое возвращение русских, стали с большим доверием выходить на улицу, так что французы для собственной безопасности должны были усилить караулы и разослать во все стороны патрули. Между тем крестьяне толпами бегали по улицам грабить соляные магазины, оставленные без прикрытия. Днем и ночью тянулись по улицам, кто пешком, кто в телегах, шайки в 10—20 мужчин, женщин и детей. Для большей безопасности французы заперлись в стенах *города* и поставили только караульных у ворот, сообщавшихся с главными улицами.

(Изарн)

* * *

На другой день маршал Мортье переселился со своей канцелярией в кремлевский дворец; все оставшееся войско в количестве 5000 человек стягивается в эту местность.

Наспех отправляют последние отряды больных. Во вторник, 8-го, часть казаков стремится с Тверской проникнуть в Кремль, но попытка эта им не удается. Несколько дней перед этим был сожжен Петровский дворец, который служил убежищем для казаков; вскоре подвергся такой же участи и дом князя Ростопчина в Сокольниках.

Наконец, в четверг, 10-го, было объявлено всеобщее отступление, и около 7 часов вечера войска начинают двигаться; а к 11 часам город и Кремль были совершенно очищены. Все ждали чего-то зловещего в эту ночь. И на самом деле, около двух часов утра послышался чудовищный удар — это миной был взорван кремлевский Арсенал; в это же время загорелся царский дворец. Этот первый взрыв сопровождался таким сотрясением, что почти все окна в городе были разбиты. Три других взрыва, менее сильных, чем первый, разрушили кремлевские ворота напротив Никольской улицы и внешние башни Кремля.

Покидая Москву, французы, рассчитывая на великодушие своих врагов, оставили больше 2000 раненых французов, которые помещались в Голицынской больнице и Воспитательном доме. После же отступления французов им было объявлено, что они теперь пленники. Некоторые из этих несчастных захотели следовать за своей армией и были все перебиты крестьянами.

Такова была участь древней столицы России, самого большого города в Европе. Москва являлась резиденцией русского дворянства, ее внутренняя торговля была громадна,— здесь находился самый большой склад национальных товаров. Среди многочисленных зданий находился знаменитый университет, множество всевозможных женских и мужских учебных заведений, монастырей, больниц, более 300 старинных церквей. Перед пожаром в ней насчитывалось около 9300 домов, более 800 богатых искусством и орнаментами храмов. Уцелела же от пожара только пятая часть города.

Потеря, которую понесла Россия во время пожара Москвы, неисчислима. Сколько миллионов погребено под развалинами. Сколько всевозможных богатств превращено в пепел! Сколько произведений искусства потеряно навсегда! Мы уж не говорим о бесчисленных жертвах, погибших в огне, ни об исчезнувших сокровищах в библиотеках. Мы и не беремся

обсуждать, был ли пожар Москвы мерой, на самом деле необходимой для достижения намеченных целей,— на этот вопрос может только ответить беспристрастный суд потомства.

(Аббат Сюрюг)

* * *

Москва, 21 октября. ...Кремлевские башни наполнены порохом. Взрыв должен был произойти сегодня в 10 часов вечера, как я Вам сообщал утренним письмом. Я отложу эту операцию до 12 часов ночи 23-го... В деле с казаками на Петербургской дороге я потерял двух человек убитыми... Вооруженные крестьяне начинают действовать. Я же вынужден расстрелять нескольких из них.

Яшкино, 23 октября. Эвакуация Москвы была произведена сегодня ночью. Была легкая перестрелка с казаками и крестьянами. Я потерял 400 раненых. Но в хвосте моего отряда имеется необходимое количество экипажей, принадлежащих всем корпусам и сумевших укрыться от предпринятых мной розысков. Они сильно мешают движению и едва не испортили мне переправу через Москву-реку, хотя я велел побросать в воду штук 50 этих экипажей. Я назначил было взрыв на 10—11 часов ночи, но еще в 12 часов у меня оставались люди на левом берегу. Предписанная Его Величеством операция была произведена часа в 2 утра... Мы прибыли сюда в 2 часа дня... Я не был преследуем сколько-нибудь близко в это утро. Я, несомненно, оставлю по дороге много экипажей, конечно, не принадлежащих к моему корпусу. У них недостаток запряжки, а дороги сильно испорчены дождем, который идет беспрерывно уже третий день...

(Из донесений маршала Мортье начальнику Главного штаба)

* * *

22-го французские войска, оставшиеся в Москве, сожгли артиллерийский парк, расположенный на равнине, соседней с гульбищем Первого мая. При этом разорвало несколько бомб. Взрыв их заставил иностранцев, которые еще были в Москве, думать, что идут казаки, предавая все огню и мечу. В страхе одни покидали город, не позаботившись запастись средствами для столь далекого путешествия; другие, предпо-

читая попытать счастья при восстановлении прежнего порядка, чем подвергаться опасностям отступления, бежали в Воспитательный дом. Скопление народа здесь было такое, что скоро негде было повернуться. Французы, не зная того, что сами же были причиной тревоги, еще более стянулись в одно место. Усилив караулы по дорогам, которые вели в Белый город, они выслали сильные патрули в разные стороны для защиты передовых постов.

Шайки московских грабителей, которых загнал в подземелья страх уличной стычки между двумя армиями, теперь опять появились. На этот раз алчность грабителей обратилась на соляные магазины: все другие склады и лавки были уже разбиты. Мужики торопливо нагружали телеги, которые затем уезжали в сопровождении шаек человек в 15—20 мужиков, баб и ребят. Это продолжалось два дня и две ночи. Повторились отвратительные сцены, бывшие при размене денег. Еще несколько мешков с пятаками оставалось у солдат той дивизии, которая должна была охранять город. Они бросали их в толпу для промена. Теперь насилие и остервенение народа увеличились тем больше, что никто не заботился сдерживать их...

(Домерг)

* * *

...После первого взрыва Кремля я вышел из кухни на двор и увидал, как собственные крестьяне Демидова разбивали его амбары, которые пощадили французы. Я представил им, насколько мог живо, всю несправедливость их дела и ожидавшее их наказание. Тогда они решили меня убить, чтоб устранить свидетеля грабежа, и тотчас более 30 крестьян окружили меня и так сдавили, что я не мог поднять руки... Я ожидал смертельного удара или скорее многих ударов, так как крестьяне отчасти были вооружены; но в это время последовал второй взрыв, и окружавшие меня крестьяне бросились в разные стороны. Тогда я закричал им: «Скорее убивайте меня, чтобы мне умереть прежде, чем третий и самый сильный удар взорвет на воздух всю Москву и не оставит камня на камне.

Вы, убийцы, должны будете погибнуть мучительной смертью, так как я умру от вашей руки за честный совет, ко-

торый я вам дал. Затем вы навеки попадете в ад, как разбойники и убийцы, а я — на небо, потому что я, как честный человек, сопротивлялся разграблению имущества вашего господина». Я и теперь еще удивляюсь тому, что мог так хорошо произнести эти слова по-русски, что крестьяне вполне поняли их смысл. Они снова начали приближаться ко мне, но уже со смиренным видом, а некоторые даже бросились передо мной на колени и говорили, с мольбой протягивая ко мне руки: «Батюшка, Иван Иванович, ты ангел, ты премудрый (и много других таких же слов говорили они), посоветуй, что нам делать, чтобы спасти жизнь и избежать страшной смерти!» — «Если бы у меня, как у вас, была телега,— отвечал я,— то я ни минуты не остался бы в городе, чтобы не погибнуть от пуль или не быть заживо похороненным под развалинами домов, так как пройдет еще полчаса, прежде чем произойдет третий, последний и самый сильный удар». Едва я это сказал, как крестьяне побежали на второй двор, бросились на свои телеги и выехали за ворота, которые я тотчас же приказал затворить и крепко запереть.

(Из записок колониального торговца)

* * *

Генерал-интендант действующей армии поручил мне охрану огромных магазинов Воспитательного дома. Потребовались неимоверные усилия, чтобы спасти дом от пожара. Я уничтожил все смежные заборы, уединил магазины, день и ночь поливал стены громадного здания, и только этим спас его. В магазинах хранился провиант на 6 месяцев. Этим не ограничились, однако, мои заботы о Воспитательном доме. Перед выступлением из Москвы мне было поручено собрать всех раненых и больных в Воспитательный дом, и вот, когда все здоровые спешили покинуть Москву, я свозил в дом больных и раненых со всех концов Москвы. Наконец, и маршал Мортье, командовавший арьергардом, ушел из Москвы, и я остался охранять больных и раненых французской армии в городе, покинутом французской армией. Взрыв Кремля, последовавший в 2 часа ночи, был ужасен. В Воспитательном доме все окна были выбиты. Как только французская армия удалилась из Москвы, русские стали входить в столицу и прежде всего перебили всех раненых французов, находив-

шихся в частных домах. Таких раненых было убито до двух тысяч. Почти столько же находилось в Воспитательном доме. Опасаясь за их участь, я собрал до 600 выздоравливающих и раздал им оружие, какое только мог добыть. Русские нападали на нас три раза, и три раза мы отгоняли их. Наше сопротивление заслужило нам уважение даже в глазах врага: генерал Бенкендорф предложил мне положить оружие, обещая щадить госпитальное население. Мы, конечно, согласились на это условие. Только 30 солдат не пожелали сдаться, и едва они вышли из Воспитательного дома, как были окружены казаками и изрублены на наших глазах. Все это происходило 27 октября. С этого дня мы стали военнопленными.

Императрица-мать, узнав о нашем поведении, прислала нам 1000 франков. Иначе отнесся к нам московский генерал-губернатор граф Ростопчин. Ему было сообщено о наших заботах относительно французских раненых, о храбрости, с какой мы их защищали, наконец, о средствах, употребленных нами для содержания 2000 раненых в течение 10 дней, и он пожелал видеть меня и моего зятя, находившегося при мне в качестве помощника. Когда мы представились ему, я тотчас же заметил, что он не может даже слышать имени французов. Он спросил нас кое о чем и, получив ответы, закончил свидание самой неприличной бранью.

Мы честно исполнили свою обязанность относительно своих земляков, раненых, больных и слабых — разве русские, хотя и враги французов, могли наказывать нас за это? Однако отдан был приказ об удалении нас от наших страдальцев-соотечественников. Труды, лишения и усталость подорвали и наше здоровье; мы представляли, просили, умоляли разрешить нам остаться с ними, но не удостоились даже ответа. Тогда мы написали графу Ростопчину письмо, в котором представили ему печальное положение раненых пленников: они были перемещены из Воспитательного дома в какие-то подземелья, куда не проникал даже и свет и где они умирали по 30 человек ежедневно. Мы умоляли графа разрешить нам остаться в Воспитательном доме еще дней восемь, до восстановления нашего здоровья; мы просили его принять нас и выслушать, полагая, что только клевета и злословие вооружили его против нас, просили во имя человеколюбия.

Вот ответ графа Ростопчина, писанный его рукой: «Граф Ростопчин разрешает г-ну Газо-отцу остаться на время, необходимое для поправления его здоровья, после чего он и его зять должны отправиться в Вологду. Свидание, которого он желает, не приведет ни к чему; ни клевета, ни злословие не руководят графом Ростопчиным; но нация, презирающая все законы, отвергающая религию и в течение последних 20 лет живущая только преступлениями и злодеяниями, никогда не должна свидетельствоваться Всевышним Существом, справедливость которого не признается разбойниками...»

(Газо)

БИТВА ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ

«Государь, согласно приказаниям, полученным от Вашего Величества, дивизия генерала Дельзона выступила 23-го из Боровска в 11 часов утра, чтобы занять мост у Малоярославца и сам город. Остальная часть корпуса была расставлена по дороге, чтобы поддержать эту дивизию в случае нужды.

Генерал Дельзон нашел мост разрушенным. Он тотчас занялся его восстановлением и велел двум батальонам перейти реку по плотине, которая находится немного выше. Остальная часть дивизии заняла позицию на возвышенностях по эту сторону реки. Ночь прошла благополучно. На заре, в то время, когда шесть батальонов перешли реку, два других, которые переправились накануне, были атакованы превосходными силами неприятеля; но генерал Дельзон, соединив всю свою 1-ю бригаду за мостом, атаковал в свою очередь неприятеля и занял укрепления, которые венчают город.

24-го утром остальная часть корпуса выступила, чтобы поддержать генерала Дельзона, который сумел удержаться против сил неприятеля, превосходных. Я поспешил, чтобы узнать положение дел.

Так как Ваше Величество приказали мне форсировать переправу через реку и совершенно овладеть городом, я его тотчас занял посредством сильной атаки.

Но неприятель, имея превосходство в численности и в позиции, которая позволяла ему обстреливать нас отовсюду, достиг, наконец, того, что оттеснил нас в нижнюю часть го-

рода; там бились с величайшим ожесточением. Генерал Дельзон, предводительствуя одной из атакующих колонн, пал мертвым, пронзенный множеством пуль. Это был офицер очень больших заслуг, о нем сожалеют все, кто его знал. Начальник батальона Дельзон, его брат и адъютант, тяжело ранен около него.

Тогда наши войска подались назад в город. Я поручил генералу Гилемино, моему начальнику штаба, принять командование в этой части города. Этот генерал тотчас построил два батальона в колонны, пошел на неприятеля и возобновил сражение. Обойденный справа и слева, он продержался около одной церкви до тех пор, пока батальон 106-го, обойдя неприятеля справа, не выручил его. В это время генерал Бертран де Севре отстаивал левую часть города, которую он отнял у неприятеля.

С самого начала сражения русские войска продолжали прибывать; их генералы, чувствуя всю важность этого пункта, беспрерывно возобновляли свои атаки. Около 12 часов дня дивизия Бруссье перешла через реку, и ее колонны, шедшие с поразительной смелостью, опрокинули все на своем пути. Но этого значительного подкрепления хватило ненадолго против продолжавших прибывать сил неприятеля, и я должен был дать, по мере того, как они приближались, дивизию Пино и королевскую гвардию.

Итальянская дивизия захватила вершину, занятую неприятелем, откуда огонь его доставлял нам большие неудобства. Но все-таки три раза русским удалось оттеснить нас к реке, и три раза наши войска соединялись перед мостом, поддерживаемые резервами, шли в атаку и поднимались с криками: «Да здравствует император!» — до вершины, где находились первые русские батареи. Позиция их армии была прикрыта сильным заслоном; вершина ее имела три редута, через которые каждую минуту проходили новые атакующие колонны. Генералы водили их 8 раз против нас, но французские и итальянские войска соперничали друг с другом в отваге. Они отражали все эти атаки штыками, и русские покрыли своими трупами всю верхнюю часть города.

В 5 часов вечера дивизия Компана из 1-го корпуса расположилась слева от Итальянской гвардии и образовала резерв в нижней части города. Неприятель отступил на свои пози-

ции поздно ночью. Два полка 3-й дивизии перешли реку по плотине и после довольно сильной ружейной перестрелки вся дивизия расположилась в лесу, на опушке которого была русская батарея; ее принуждены были увезти.

Ночь с 24-го на 25-е прошла в перестройке войска, в исправлении позиции, в перевязке и увозе раненых. 25-го на заре я заметил, что неприятель начал отступать справа налево, как и доносили ночные рапорты. Он оставил очень сильный арьергард, на который пошли наши вольтижеры, и 30 пушечных выстрелов было достаточно, чтоб заставить неприятеля удалиться. Нам невозможно было его преследовать по равнине, ибо неприятель прикрыл свое отступление громадным количеством кавалерии, а наша еще не пришла.

Ваше Величество могли судить сами о тех усилиях, которые корпус должен был сделать, чтобы отнять у неприятеля такую грандиозную позицию, как Малоярославец. Мы имели перед собой 6, 7, 12, 17, 24, 26-ю дивизии и 2-ю дивизию гренадер армии неприятеля, как об этом свидетельствуют убитые, которых они оставили на поле сражения. Нужно было бы упомянуть Вашему Величеству о всех полках 4-го корпуса; все они покрыли себя славой, французы и итальянцы соперничали между собой, чтоб доказать Вашему Величеству свою преданность и свою любовь.

Весь 4-й корпус оплакивает потерю генерала Дельзона. Сказать Вашему Величеству, что он оставил жену, четверых детей и 12 братьев без средств,— значит, обеспечить их судьбу. Полковник Пино из 35-го убит».

(Донесение Евгения Богарне Наполеону)

* * *

Малоярославец, 24 октября. Сегодня в 4 часа утра все еще спали в лагере Дельзона — исключая часовых, как вдруг четыре отряда русских егерей неожиданно выступили из лесов, покрывавших здешние возвышенности, заставили часовых спешно отойти к передовым постам, посты — к стоявшим впереди батальонам, а эти последние, пораженные неожиданным нападением, должны были после слабой обороны покинуть деревню, чтобы соединиться с остальной частью дивизии, находившейся на равнине.

При первой же тревоге Дельзон велел браться за оружие и спешить на помощь к своим. Но русские успели уже выдвинуть свои батареи и на высотах, и с двух сторон от города, чтобы обстреливать мост и тем воспрепятствовать всякому наступательному движению. Наконец, и русская кавалерия развернулась в боевой порядок, справа от пехотных войск.

Сражение завязалось. Та и другая сторона билась с жаром, но невыгодное положение Дельзона было очевидно: он принимал на себя весь огонь русских, а сам отвечать на него не мог, так как неприятель был прикрыт скрывавшим его гребнем холма.

Принц Евгений, эскортируемый драгунами Королевской гвардии и драгунами королевы, двинулся на соединение с Дельзоном еще раньше, чем прозвучал первый пушечный выстрел. Почти в тот же миг явился офицер, посланный Дельзоном, для оповещения принца обо всем происходящем. Нам был отдан приказ немедленно вооружаться.

В это время новые русские колонны под предводительством Кутузова выступили тесно сомкнутыми массами из лесов, лежащих за Малоярославцем, и также двинулись в бой. Можно было видеть теперь, как за неприятельским фронтом воздвигались четыре редута, приводившиеся в состояние обороны с помощью бруствера и рва уже во время самого сражения.

Положение Дельзона было критическое. Пронизывающий огонь русских градом падал вглубь воронки, где Дельзону нельзя было двигаться. Вице-король приказал ему немедленно во что бы то ни стало выбраться отсюда и пробиться вперед. Путь, идущий от моста, лежит по дну оврага между двумя тяжелыми каменными навесами, вершины которых были заняты многочисленными русскими стрелками; этих последних, в свою очередь, поддерживают массы, расположенные на холме.

Несмотря на убийственный огонь, бравый, доблестный Дельзон успел все-таки овладеть кой-какими из этих верхних позиций; он начал уже развертывать свой блестящий план атаки, но картечь вдруг сваливает его. Брат Дельзона, состоявший в это время его адъютантом, хочет помочь ему и сам падает, пораженный пушечным выстрелом.

Принц Евгений не перестает требовать новых подкреплений; новые отряды спешат на помощь, но кажется, что им никак не удастся поспеть вовремя. Как раз теперь принц отправляет полковника ла Бедуайера, чтобы ускорить наше движение и вместе с тем, чтобы дать императору отчет о событиях. Королевская гвардия встречает этого славного офицера при своем спуске с холма, доминирующего над долиной Лужи. «Спешите, храбрые итальянцы,— говорит он нам, — вице-король ждет вас с нетерпением. Ваши товарищи в опасности, если вы не подоспеете вовремя. Не теряйте случая выказать вашу отвагу!» На эти слова, передаваемые из уст в уста, все батальоны отвечают радостными криками — предвестниками победы. Колонны даже не идут; они летят, но с какой быстротой ни ведут нас наши вожди, нам все кажется, что мы идем еще недостаточно быстро. Раздаются воинственные песни; радость заставляет нас забывать об усталости.

Мы спускаемся к подножию холма и следуем по равнине Лужи и влево от дороги, на опушке соснового леса, находим стоящую тут в резерве итальянскую кавалерию. В этот момент шум пушечной пальбы удваивается, и пули русских стрелков свистят уже над нашими головами. Мы не видали наших храбрых товарищей с конца сентября, но знали об их подвигах, и теперь спешим заключить их в свои объятия и сравняться с ними. Встреча не могла быть более кстати.

Едва только заметив нас, они бросаются к нам навстречу, они смешиваются с нашими рядами; каждый ищет друга, родственника. Они предлагают нам съестных припасов, предлагают напиться, дают ряд советов и великое множество наставлений. Они отводят своих лошадей и непременно хотят нас сопровождать. «Помните,— говорят они,— что мы, как и вы, итальянцы; мы должны озарить это имя новой славой! Какой еще один чудный день для родины!» Мы пожимаем друг другу руки и плачем от волнения.

Было около $10^1/_2$ часов, когда мы соединились со своими товарищами, вызванными уже с утра. Настал час расстаться с нашими храбрыми кавалеристами. Долг призывает нас. В последний раз обнимаем мы друг друга, в молчании возвращаемся в свои ряды и ждем приказаний принца.

А он, зная свою численную слабость, распорядился уже двинуть часть 14-й дивизии на помощь 13-й, которая, лишив-

шись своего славного вождя, один момент еще колебалась, но затем вынуждена была вторично покинуть высоты.

Начальник штаба итальянской армии, неустрашимый Гилемино, принимает теперь на себя командование дивизией, собирает ее за постройками и затем борется с неприятелем за каждую пядь земли. Чтобы сохранить все приобретенное им до прибытия войск, приобретенное, несмотря на все невыгоды позиции и на ничтожество своих сил, он приказывает нескольким гренадерским ротам занять церковь и два дома, лежащих в преддверии города и господствующих над оврагом, по которому проходит путь. Эти позиции были приведены в состояние обороны, чтобы служить прикрытием для наступательных попыток на всякий случай, когда наших станут выбивать с высот.

События вскоре же показали разумность и полезность этого распоряжения. Всякий раз, когда русские переходили за эти передовые посты, они обстреливались сзади, бежали в беспорядке, и наши опять возобновляли наступление, чтобы отбросить их окончательно. Гилемино лично, соединившись с 1-й бригадой Бруссье, выбил, наконец, русских. Три бригады завладели теперь позицией перед линией неприятеля. 1-я и 2-я бригады 13-й дивизии находились в Малоярославце и впереди города, часть 14-й дивизии стояла в предместье, по ту сторону глубокого оврага, простирающегося более чем на 600 туазов в длину и идущего параллельно Калужской дороге.

Генерал Кутузов, видя, что успех дня зависит исключительно от завладения этим важным пунктом, посылает тогда целый корпус (корпус Раевского) на помощь к Дохтурову. Сражение возобновляется с еще большим ожесточением. Город взят, потом отнят, и так до трех раз. Гилемино и Бруссье, вынужденные отступить перед численным превосходством, собираются около места, где находится вице-король, чтобы дать себе отчет в общем положении дел и подготовить резервы. Он тотчас же посылает к ним 2-ю бригаду Бруссье. Положение как будто готово измениться. Но едва батальоны перешли цепь домов, едва они отошли от того центрального пункта, откуда были выдвинуты, и появились на равнине совершенно открытыми для неприятельского огня, как силы их стали ослабевать.

Поражаемые огнем целой армии, они приходят в смятение и отступают; подкрепления притекают к русским без конца: наши ряды уступают и прорываются неприятелем. Беспорядок продолжает расти: орудийный огонь в разных местах зажигает город, построенный из дерева, и это еще более затрудняет и движение, и атаку двух дивизий. В пятый раз они вынуждены отступить. Русские продвигаются дальше, и оборона на один момент парализована.

Вице-король двигает тогда им на помощь дивизию Пино. Войска, руководимые своим вождем, идут сомкнутыми колоннами, в тревожном молчании, жаждущие славы. Что касается нас, то всю пехоту Королевской гвардии оставляют пока в небольшом селении на левом берегу Лужи. Русская батарея на гребне холма, влево от линии их войск, не только страшно бьет по тем войскам, взбирающимся и проникающим в Малоярославец, но ударяет по флангу и наших полков Королевской гвардии; мы терпим такие потери, что должны каждую минуту менять свою позицию. Неприятельской батарее вице-король противопоставляет несколько пушек легкой артиллерии нашей гвардии, и мы имеем тогда возможность удивляться вблизи энергии, разумности и храбрости наших артиллеристов. Совершенно открытые, подставленные под неприятельские удары, вынужденные отвечать снизу вверх, они маневрируют с таким хладнокровием, с такой рассчитанной точностью, что заставляют неприятельскую батарею сперва замолчать, а потом и отступить.

В течение этого времени итальянцы Пино без выстрела перешли мост, перебрались затем через овраги, выгоняя отовсюду неприятеля, и дошли до церкви, находящейся в преддверии города. Там они переводят дух и оправляются; затем 1-я бригада во главе с генералом Пино и генералом Фантана идет вправо от города для поддержки 13-й дивизии; 2-я бригада под начальством генерала Левье (корсиканца) переходит на противоположную сторону, чтобы зайти в тыл русским колоннам, вытеснившим 14-ю дивизию.

Неприятель, удивленный, пораженный, ошеломленный столь неожиданным общим натиском, отступает, и мы с радостью замечаем, что наши итальянцы овладевают всеми позициями, которые были намечены для них вице-королем и прибывшим на место боя адъютантом императора, генералом

Гурго. 1-я бригада проникает в город и выбивает оттуда русских. Страшная стычка завязывается среди пламени, пожирающего постройки. Большая часть падающих раненых сгорели живыми на месте, и их обезображенные трупы представляют ужасное зрелище. 2-я бригада следует по оврагу под убийственным орудийным и ружейным огнем. Предместье снова в наших руках, так же, как и увенчивающие его высоты.

Генерал Левье и много высших и низших офицеров ранены. Генерал Пино, после того как лошадь под ним была убита, пеший, с саблей в руке, словами и примером продолжал подбодрять своих солдат. Ружейный выстрел убил у его ног его брата и адъютанта, начальника эскадрона; его племянник Фантана, адъютант дивизионного командира, ранен; генерал Фантана, полковник Лакесси и множество офицеров выведены из строя. Генерал Галимберти, сопровождаемый полковником ла Бедуайером, принимает на себя начальство, и сражение продолжается с еще большей яростью.

Милло, полковник итальянской артиллерии, старается теперь поставить свои орудия на высоты. Солдаты Королевской гвардии прибегают к нему на помощь. Ряд невероятных усилий, и мы, наконец, на вершине.

Натиск дивизии Пино поднял дух у солдат 13-й и 14-й дивизий. Они соединяются с войсками 15-й дивизии и пускаются на русских. Артиллерия, в свою очередь, действует: она крошит тела мертвых и умирающих, распростертых по дорогам, ужасающе их уродуя.

Я расскажу здесь об одном случае, который хорошо выказывает всю отвагу наших солдат. Вице-король заметил бледность на лице одного итальянского солдата из обоза. «Что это? — сказал принц.— Ты трусишь, а между тем ты из гвардии...» — «Нет, принц,— ответил несчастный, показывая ему изуродованную картечью ногу,— только вот это мешает мне твердо держаться на стремени». Принц, видимо, был тронут, хотел оказать ему помощь и раскрыл свой кошелек. «Ни помощь, ни деньги не нужны мне,— отвечал храбрец,— я хочу только видеть, как мои товарищи побеждают!»

Гренадеры взобрались на высоты, вздымавшиеся над мостом, и там оставлены были в резерве подле церкви, расположенной за пригородом. Но стрелки, помещенные впереди войск 2-й бригады Пино, бегут навстречу русским, идущим с

намерением овладеть мостом и отрезать путь отступления войскам, находящимся в Малоярославце. Мужественный полковник Перальди выступил впереди стрелков, постепенно развернул их в боевые колонны и крикнул: «Не стреляйте, солдаты, штык — вот оружие гвардии. В штыки, храбрые итальянцы!» Возбужденные этими словами и примером своего вождя, стрелки стремглав бросаются на русских, подвигавшихся вперед в беспорядке после жестокой стычки с дивизией Пино.

Одновременная атака стрелков в городе и за чертой города выгнала русских из всех занятых ими раньше домов. Все время, орудуя штыком, они отбрасывают их до перекрестка дорог.

Стрелки не довольствуются этим. Опьяненные дымом, пожарами, ударами, нанесенными ими и им, опьяненные, наконец, своей победой, они продвигаются в верхнюю часть долины и стремятся овладеть неприятельскими орудиями; но, достигнув края, ведущего к глубокому рву, и очутившись на выступе, окруженном густой изгородью, они подвергаются снова страшному огню и целому граду картечи. Это русская батарея, неожиданно открывшаяся, посылает свои заряды и наносит нашим стрелкам страшные потери. Беспорядок вносится в их ряды; неприятельская кавалерия атакует их, и весь 7-й корпус Бороздина вступает в бой. Русские снова отвоевывают себе сады и предместье. Все итальянцы тесно сжимаются там, строят баррикады и приготовляются к отчаянной защите.

От отряда Перальди остается половина, но он соединяет своих стрелков со 2-й бригадой Пино, выстраивает их в колонны, оставляет оборонительную позицию и, несмотря на численное несоответствие их силам неприятеля, ведет их в новый бой. В довершение всего он возбуждает национальный энтузиазм. «Вспомните, солдаты,— обращается он к ним,— что в этой битве итальянцы должны победить или умереть!» — «Да, да! — кричат в ответ солдаты.— Победить или умереть! Барабанщики, к атаке!» Из садов они выходят, точно отряд львов, снова бросаются в штыки, но на этот раз обходят знаменитый ров, послуживший причиной их первого поражения, и двигаются, опираясь на небольшой лес, где они скрыты от огня батарей и от кавалерийских атак, тщетно старающихся отогнать их.

Часть итальянской артиллерии вступает теперь в строй и к вечеру получает, наконец, возможность наносить удар за ударом, и победа уже вне сомнения. Русские, притиснутые к своим фортам, замедляют атаки; итальянцы спешно окапываются для обеспечения своей победы.

Перальди просит тогда принца дать ему остальную часть гвардии, ручаясь за полную победу. Но принц не хочет лишать себя столь ценного резерва. Эта гвардия, оставаясь неподвижно в лощине в течение целого дня, принимала, однако, на себя все пушечные выстрелы русской артиллерии: русские ядра, пролетая над головами наших товарищей, стоявших в боевой линии, падали как раз туда, где мы находились. Неподвижно и невозмутимо держась на этой опасной позиции, мы не могли даже мстить за наших убитых и раненых, а потеряли мы много лихих товарищей и между ними доблестного Маффеи, батальонного командира, который убит был ядром на наших глазах.

Пришла ночь, а вместе с ней и французская армия. Старая гвардия заняла позицию в Городне, Ней и Даву выстроились между Городней и Малоярославцем.

В 9 часов вечера генерал Кутузов, который выдвинул уже большую часть своих войск, хочет сделать последнее усилие и снова завладеть городом. Из резервов он строит глубокие колонны, которые и выступают, прикрываясь артиллерией. Дивизии Жерара и Компана корпуса Даву отправлены Наполеоном в боевую линию — одна справа, другая слева от Малоярославца. Полковник Серюрье, командующий отрядом легкой французской артиллерии, превозмогает трудности переправы вброд через Лужу и, делая прекрасно задуманный и еще лучше выполненный маневр, проникает в небольшой лес, откуда он обрушивается на неприятеля градом картечи и гранат. Итак, собранные теперь и приведенные в порядок итальянцы идут впереди, чтобы довершить свои успехи. Кутузов, не могший победить даже одного корпуса наполеоновской армии, считает теперь за благоразумное ретироваться. Сражение мало-помалу ослабевает, но ружейная перестрелка прекращается только к 11 часам вечера. Неприятель ставит свои передовые посты у опушки леса и занимает позицию вдоль Калужской дороги, приблизительно в 8 верстах от Малоярославца. Итальянцы остаются господами и в долине,

и в городе, но этот последний представляет теперь собой лишь кучу пепла и груды трупов.

Так закончилась битва, длившаяся 18 часов, в течение которых горсть французов и итальянцев из глубины оврага держалась против русской армии, позиции которой казались неприступными.

Малоярославец, 25 октября. Армия расположилась биваком на своих позициях; император провел ночь в Городне. Ночь была очень холодна. Задолго до рассвета все уже поднялись и жались около больших костров. Мягкий сезон сменился суровым, и этот переход показался нам очень резким. Император, прежде чем отправиться на ночь в Городню, послал своего адъютанта Гурго на передовые посты, чтобы выяснить характер движений неприятеля. Нынешним утром, около 5 часов, Гурго доложил о своих наблюдениях. Нам передавали, что император имел совещание с неаполитанским королем, маршалом Бессьером, генералами Лобау и Гурго насчет того, желательна ли новая битва или, напротив, ее следует бояться. В $7\,^1/_2$ часов он выехал из Городни в сопровождении большой части своего штаба, герцога Виченцского, принца Невшательского и генерала Раппа, но вскоре возвратился обратно. В 10 часов состоялся новый выезд императора, пожелавшего взглянуть на поле вчерашней битвы.

По первым сведениям выясняется уже, что мы потеряли более 4 000 человек. Из генералов и штаб-офицеров Пино, Фантана, Жифленга, Левье, Маффеи, Лакесси, Негрисоли, Болоньини и другие убиты или ранены. Рассказывают про батальонного командира Негрисоли: получив первую рану, он вернулся в строй; но затем поражен был еще одной пулей и упал со словами: «Вперед, итальянцы! Я умру счастливым, если вы победите!»

Казаки приближались к разным частям нашей армии, включая и наши экипажи. Отряд драгун Королевской гвардии под начальством капитана Колсони и лейтенантов Бримбилла, Кавалли и Банканеры саблями разогнал их. Затем император сделал нам смотр. «Честь за этот день всецело принадлежит Вам,— сказал он, обращаясь к вице-королю,— Вам и Вашим храбрым итальянцам, которые решили эту блестящую победу». В 5 часов, осмотрев все и отправив разведочные отряды вдоль Калужской дороги, он возвратился в Городню. Недовольный вид, какой у него был при отъезде,

заставил нас думать, что у него возникли несогласия со своими старшими генералами и что, если бы дело зависело только от него, то битва возобновилась бы.

Мы, волнуясь, готовимся к новому сражению и с нетерпением ждем сигнала. Однако проходит день, и, к нашему великому изумлению, никакого приказа нет. К вечеру по войскам передается распоряжение отступать. Мы должны этой же ночью достичь Уваровского, регулируя свое движение с движением корпуса Даву, шедшего в арьергарде. Отступление должно начаться нынешним вечером, в 10 часов. Отдан приказ сжигать все, что мы ни найдем на пути.

Уваровское, 26 октября. Это неожиданное отступление после выигранной битвы произвело на нас самое тяжелое впечатление. Верно или ошибочно, но мы начинаем считать себя окруженными опасностями. Громадность пути, полная опустошенность страны, через которую мы проходим, обескураживает нас, и никто не может уяснить себе мотивы этого внезапного отступления.

(Ложье)

* * *

Император шел во главе армии, стараясь рассчитать ее движения так, чтобы дать возможность вице-королю дойти до Малоярославца раньше, чем русские, которые шли следом за нашей армией по другой стороне р. Лужи, могли догадаться, какое место мы наметили для переправы через реку. Мы хотели дать генеральное сражение на прекрасном и удобном плоскогорье около города, там, где перекрещивались две дороги: одна в Калугу, другая в Леташево (Letachewa).

Генерал Дельзон, очень видный офицер на службе в итальянской армии, получил приказ выступить к 12 часам ночи, чтобы поспеть рано утром к Малоярославцу и перейти мост, но он подумал, что успеет еще накормить своих солдат супом, и выступил из города только в 2 часа пополуночи. Это запоздание на два часа совершенно изменило ход событий и решило, может быть, судьбу и армии, и мира! Когда показалась 1-я бригада дивизии Дельзона, двигавшаяся по направлению к мосту, тогда же мы увидели и первую русскую колонну, солдаты ехали в повозках, чтобы поспеть скорее для защиты города.

В первый момент это обстоятельство смутило итальянцев, но генерал Дельзон бросился вперед сам, чтобы ободрить их, и был тотчас же убит со своими обоими братьями; один из них был бригадным генералом, а другой — его личным адъютантом. Тогда двинулся вперед со своей армией вице-король, но русские получили подкрепление, и завязалась кровопролитная битва.

Город был несколько раз взят, отбит и снова взят, и только к 8 часам вечера он остался за вице-королем. Он выиграл большое сражение, но потерял почти весь провиант и до 7000 убитыми.

На следующий день император посетил место битвы. Русские войска были тут же, и мы стояли на том месте, где Наполеон намеревался уничтожить армию Кутузова. Возможно, что это ему бы и удалось, так как у нас еще было 80 000 инфантерии, огромная, прекрасно обслуженная артиллерия, а солдаты были полны силы и энергии. Император долго совещался с маршалом Даву, и было решено отступить, причем император сказал: «Вот что значит опоздать на один час».

Если бы генерал Дельзон исполнил пунктуально полученный им приказ, то, конечно, он пришел бы в Малоярославец еще задолго до русских и занял бы город, не потратив на это ни одного выстрела. На следующий день император бы дал последнее генеральное сражение, что, по всей вероятности, дало бы ему возможность вернуться в Москву и побудило бы русских подписать мир.

Если бы мы победили, то торжество наше было бы полным, а с другой стороны, если бы мы и были побиты, то наше положение было бы не хуже того, в котором мы уже были тогда!

Счастье покидало Бонапарта, но, по-видимому, он был готов с покорностью подчиниться своей судьбе и был настолько тверд, что спокойно смотрел на грядущие несчастья; однако его обычная смелость сменилась роковой нерешительностью...

Но верно и то, что, если бы Наполеон сам решился тогда начать атаку, мы бы заняли тогда же и Тулу, и Калугу. Кутузов считал себя побежденным и готовился к отступлению. Он сам сказал: «Калугу ждет судьба Москвы». Он был очень приятно поражен, узнав, что французская армия начала отступление.

(Дедем)

* * *

Тут завязалось упорное сражение. Несколько свежих отрядов подошли на помощь неприятелю, наши солдаты отступили, но генерал Дельзон кинулся, чтобы воодушевить их, в самую середину боя. В то время как он упорно защищал заставу города, русские, укрывшись за стенами кладбища, открыли по нему сильный огонь, и одна из пуль, попав ему в голову, уложила его на месте. Когда принцу донесли об этом несчастье, он очень был расстроен смертью этого достойного уважения генерала и, выразив должное по этому случаю соболезнование, тотчас же заменил его генералом Гилемино, храбрость и удачные распоряжения которого быстро привели в порядок дивизию, совершенно растерявшуюся после смерти своего начальника.

Ожесточенная битва завязалась на улицах города, и дивизия Бруссье поспешила на помощь утомленным долгим сражением товарищам. Наши солдаты снова перешли в наступление, но новые колонны русских, появившиеся на Леташевской дороге, опрокинули их, и мы увидели, как они, подавленные численностью неприятеля, быстро спускались с холма и бежали к мосту, чтобы перейти реку Лужу, протекавшую у подножия холма. Но вскоре наши храбрецы, ободренные полковником Форестьером, снова оправились и, став вновь в ряды, отважно завоевали отнятую у них позицию. Вице-король, видя огромное количество раненых, покидающих поле сражения, и видя всю трудность удержаться в Малоярославце, чувствовал необходимость послать свежие войска против неприятеля, непрерывно получающего подкрепления.

Дивизия Пино, которая во все время похода рвалась к бою, желая проявить свою храбрость и мужество, ухватилась за этот случай и с восторгом подчинилась приказу принца. Под командой нескольких офицеров Главного штаба двинулись они скорым шагом к возвышенности и с громкими радостными криками овладели вновь всеми позициями, из которых мы только что были выбиты. Эта победа стоила очень дорого: масса храбрых итальянцев погибла из-за их желания похвастаться своей храбростью перед французами...

Стрелки Королевской гвардии под командой полковника Перальди шли за ними. 15-я дивизия была отброшена, и стрелки двинулись к ней на подкрепление, как раз вовремя,

так как победа склонялась в пользу неприятеля, который двигался к мосту с намерением сбросить в реку наши войска, которые ее переходили. С жаром атаковали они русских и отняли у них позицию, с которой была выбита итальянская дивизия. Обе противные стороны бились с ожесточением. Вдруг с двух больших скрытых редутов посыпался град картечи, расстроивший ряды наших стрелков. Они на мгновение смешались, но полковник Перальди стал говорить солдатам о том бесчестье, которое они заслужат, если не умрут на своем посту, и он с радостью увидел, как его храбрецы, собрав из патронниц убитых на поле сражения товарищей нехватающие им патроны, сильным натиском набросились на русских, которые, удивленные такой смелостью, были уверены, что на них наступают свежие полки. Чувствуя себя некрепко на занятых позициях, они обратились в бегство, разорив свой редут. Орудия продолжали действовать, и их ядра производили большое опустошение в рядах гренадер и даже королевских велитов, стоящих в резерве, а также и в отряде, который составлял Главный штаб вице-короля. Как раз в это время очень заслуженный и редкой храбрости человек — генерал Жифленга был ранен пулей в шею, благодаря чему ему пришлось удалиться с поля битвы. Успех дня был ясен! Мы заняли город и все возвышенности; 5-я дивизия 1-го корпуса заняла место слева от нас, а 3-я дивизия того же корпуса заняла после сражения лес справа. До 9 часов продолжалась стрельба наших батарей и пехотинцев по близкому неприятелю, который прикрывал свое отступление многочисленными стрелками.

Ночь и утомление положили конец этому жестокому сражению, и только к 10 часам вице-король со своим Главным штабом смог отдохнуть после таких тяжких трудов. Мы расположились под Малоярославцем, между городом и рекой Лужей. Остальные отряды расположились на всех позициях, которые они так славно отбили у неприятеля.

Только на следующий день мы поняли, что намерение русских было отнять у нас Малоярославец, прикрыть Калугу и помешать нам отступать через их южные губернии. Теперь можно было пожалеть, что мы остановились в Фоминском. Не потеряй мы этого дня, неприятель направился бы к своему укрепленному лагерю и не успел бы явиться сюда для за-

щиты позиций, находящихся между Малоярославцем и Калугой. Все, кто близко стоял к Наполеону и знал его намерение, уверяют до сих пор, что, отступая к Смоленску, он имел целью разрушить сначала Тульские оружейные заводы и затем продолжать отступление через Калугу, Серпейск и Ельню, окрестности которых не были еще опустошены.

В 4 часа утра мы пошли осматривать с вице-королем место сражения и увидали, что все поле усеяно казаками, легкая артиллерия которых стреляла по нашим войскам. Слева стояли три больших редута. Накануне они были вооружены 40 орудиями; один из этих редутов прикрывал правый фланг Кутузова, так как они предполагали, что как раз в этом месте мы хотели обойти неприятеля. К 10 часам стрельба стала утихать, а к 12 окончилась совсем. Внутренний вид Малоярославца представлял ужасное зрелище. Города, в котором сражались, уже больше не существовало!

Улицы можно было различить только по многочисленным трупам, которыми они были усеяны. На каждом шагу попадались оторванные руки и ноги, валялись раздавленные проезжавшими артиллерийскими орудиями головы. От домов остались лишь только дымящиеся развалины, под горящим пеплом которых виднелись наполовину развалившиеся скелеты. Масса больных и раненых, покидая поле битвы, укрывалась в этих домах. Мы встречали многих из них, спасшихся от пожара, с обожженными лицами, обгоревшими волосами и в обгорелых одеждах. Их стоны были так ужасны, что самые жестокие люди, содрогаясь, отворачивались от них и не могли удержать невольных слез.

Мы содрогались от ужаса при виде несчастий, которым подвергает нас деспотизм, и невольно вспоминали о тех варварских временах, когда можно было умилостивить богов не иначе, как принося им человеческие жертвы на окровавленных алтарях. Около 12 часов Наполеон вместе со своей свитой хладнокровно объезжал поле битвы. Он, ни капли не волнуясь, слушал жалобные стоны раненых, умоляющих о помощи. Но даже он, с 20-летнего возраста привыкший ко всем ужасам войны, которой он был так безумно увлечен, даже он, войдя в город, удивился ожесточению, с которым сражались солдаты, и хотя он не выносил хвалить кого-либо из опасения затмить себя, но в данном случае он был принуж-

ден отдать справедливость храбрецам. Похвалив 4-й корпус, он сказал вице-королю: «Честь этого дня всецело принадлежит вам...»

(Лабом)

* * *

Мы направились к Боровску и на четвертый день достигли этого города, он был покинут жителями. Между тем Кутузов спокойно составлял свои прокламации: он мирно сидел в своем лагере под Тарутином; он не делал разведок ни с фронта, ни с флангов и не подозревал о нашем движении. Наконец, он узнал, что мы идем на Калугу; он тотчас же снялся с лагеря и появился у Малоярославца одновременно с нашими колоннами. Завязалось дело; из Боровска мы слышали отдаленную канонаду. Я очень страдал от своей раны; но я не хотел покинуть Наполеона, и мы сели на лошадей. К вечеру мы увидели поле битвы; бой еще продолжался, но скоро огонь прекратился. Принц Евгений захватил позицию, которую неприятель отстаивал, надо думать, до самой последней крайности; наши войска покрыли себя славой. Этот день итальянская армия должна занести в свои летописи. Наполеон расположился биваком в двух верстах оттуда. На следующий день мы сели на лошадей в половине 8-го, чтобы осмотреть поле, где происходила битва; император ехал между герцогом Виченцским[1], принцем Невшательским и мной. Едва мы покинули лачуги, где провели ночь, как заметили отряд казаков, выехавших из леса направо, впереди нас; ехали они довольно стройными рядами, так что мы приняли их за французскую кавалерию.

Герцог Виченцский первый узнал их. «Ваше Величество, это казаки».— «Этого не может быть»,— ответил Наполеон. А они с отчаянным криком ринулись на нас. Я схватил за поводья лошадь Наполеона и сам повернул ее. «Но ведь это же наши!» — «Нет, это казаки, торопитесь».— «А ведь и в самом деле, это они»,— заметил Бертье. «Вне всякого сомнения»,— добавил Мутон. Наполеон отдал несколько приказаний и уехал, я же двинулся вперед во главе эскадрона. Нас смяли; моя лошадь получила глубокий удар пики и опрокинулась на меня; варвары эти затоптали нас. По счастью, они

---

[1] Коленкур. *Ред.*

заметили на некотором расстоянии артиллерийский парк и бросились к нему. Маршал Бессьер успел прискакать с конными гвардейскими гренадерами, он атаковал казаков и отбил у них фургоны и орудия, которые они увозили. Я встал на ноги, меня посадили на седло, и я доехал до бивака. Наполеон, увидев мою лошадь в крови, выразил опасение, не ранен ли я снова, и спросил меня об этом. Я ответил, что отделался несколькими контузиями. Тогда он стал смеяться над нашим приключением, которое, однако, я вовсе не находил забавным.

Зато я вполне был вознагражден в приказе, изданном по случаю этого дела. В нем император осыпал меня похвалами, и я никогда не испытал бо́льшего удовлетворения, чем при чтении тех лестных отзывов, которые он делал обо мне. «Генерал Рапп,— значилось в приказе,— потерял в этой стычке лошадь, которая была под ним убита. Неустрашимость, доказательства которой этот генерал давал неоднократно, сказывается при всяком случае». С гордостью повторяю я похвалы этого великого человека: я никогда их не забуду.

Мы вернулись на поле битвы. Наполеон пожелал осмотреть эти места, где так прославил себя принц Евгений. Он признал позицию русских великолепной, удивился, что они позволили выбить себя из нее; по виду трупов определил, что ополченцы были здесь перемешаны с линейными войсками и что, если бились они и неумело, зато с отвагой шли в бой. Неприятельская армия отошла за несколько верст по дороге к Калуге и заняла позиции.

Отступление было отрезано: мы бросились направо, к Верее; мы пришли туда рано на следующий день и заночевали там. В этом-то городе Наполеон узнал, что Кремль был взорван. Генерал Винцингероде не мог сдержать своего нетерпения; он рискнул вступить в эту столицу, прежде чем наши войска очистили ее; они отрезали его; он попытался уверить их, что явился завязать переговоры. Он родился на территории Рейнского союза и не опасался попасть в плен, и тем не менее все-таки сделался пленником, несмотря на белый платок, которым он размахивал. Наполеон призвал его к себе и, с гневом обрушившись на него, обошелся с ним презрительно, назвал его изменником и пригрозил ему за это наказанием. Он даже сказал мне, что нужно назначить комиссию,

чтобы тотчас же судить этого *господина;* он приказал отборным жандармам увести его и посадить в одиночное заключение. Винцингероде несколько раз пытался оправдаться, но Наполеон не захотел его слушать. В русской армии существовало мнение, будто этот генерал держал себя мужественно и наговорил императору очень резких вещей, но это не так. Лицо его обличало тревогу, все в нем свидетельствовало о той растерянности, какую вызвал в нем гнев Наполеона. Все мы пытались успокоить императора; король Неаполитанский, в особенности же герцог Виченцский давали ему понять, какие неприятные последствия при существующем положении вещей могло бы иметь насилие по отношению к человеку, скрывавшему свое происхождение под званием русского генерала; военного совета не состоялось, и дело на том и кончилось. Что касается нас, то Винцингероде не приходилось жаловаться на наше отношение к нему; его положение всем нам внушало сочувствие. К адъютанту его отнеслись с большой благожелательностью. Наполеон спросил его о фамилии. «Нарышкин»,— ответил молодой офицер. «Нарышкин! Когда носишь такое имя, не годится быть адъютантом перебежчика». Мы были чрезвычайно огорчены такого рода недостатком уважения и всевозможными средствами постарались заставить генерала забыть это.

(Рапп)

* * *

У Наполеона не было шпионов, и он не знал точного расположения неприятельского лагеря, что дало возможность русским атаковать его Главную квартиру с криками «ура».

Солдаты назвали это днем «императорского ура». Наполеон понял, что это было враждебное действие против него лично и что, видимо, хотели захватить его самого. В армии громко говорили о том, что атаман Платов обещал руку своей дочери тому, кто доставит ему Наполеона живым, будь это даже простой солдат, и этот слух, очевидно, взволновал Наполеона.

Неаполитанский король, как всегда, выказал себя с самой блестящей стороны: он с несколькими всадниками и офицерами своей личной свиты отбил отряд казаков. Они, скрываясь за оврагом, недалеко от маленькой деревеньки, вправо от возвышенности, где стоял Наполеон, следя за не-

приятельской армией, проползли и, подкравшись близко, вдруг с диким криком бросились вперед. Если бы они меньше кричали и были бы смелей, то могли бы, пожалуй, захватить и Наполеона, и всю свиту. Они подошли совсем близко и уже теснили нас; под одним из моих адъютантов была убита лошадь, и если бы не энергия неаполитанского короля, то нам бы пришлось туго.

Гораздо с большим успехом казаки напали на дивизию Фриана, который воображал себя в полной безопасности на большой дороге, ведущей от Боровска к Малоярославцу; они отбили у него несколько пушек. На той же дороге был изрублен саблями гвардейский пикетный отряд голландцев, и это несмотря на то, что там сосредоточена была вся французская армия. Казаками же были убиты два прикомандированных ко мне гусара в то время, как я ехал с приказами к вице-королю, и сам я спасся только благодаря быстроте моей лошади.

Как только армии стало известно, что мы отступаем, всеми овладели тревога и уныние. Поминутно слышались крики: «Казаки!» Тогда люди, лошади, повозки стремительно двигались вперед, толкая и давя друг друга.

(Дедем)

* * *

Утром 25-го мы снова услышали пушечную пальбу, дым которой приближался к нам, и, действительно, скоро стали заметны некоторые признаки, свидетельствовавшие об отступлении. Мы снова отошли к Боровску. Всюду говорили, что дана была битва; Наполеон не может проникнуть в богатые хлебом губернии, армия возвращается по дороге, по которой она пришла,— и эти слухи скоро подтвердились. При ужасающем шуме, грохоте и треске, среди пламени и облаков дыма армия вернулась в Боровск. Отдан был приказ поджечь и отдать в жертву пламени все, что будет оставлено на месте. Деревни от Малоярославца до нас уже горели; фуры со снарядами, которые не могли повернуться или следовать за армией, были взорваны, вызывая громовые сотрясения.

Если во время нашего наступления русские во вред нам очень заботились о сожжении деревень, хлеба и сена на полях и лугах, то с тем большей жестокостью и свирепостью выполняли теперь мы данное нам новое приказание. Столь

романтично и красиво расположенный Боровск быстро предан был огню прибывшими, которые принялись за дело с бешенством. Я видел, как на высотах, где стояли лучшие постройки этого города, огонь переносили из дома в дом, и построенные в большинстве случаев из дерева дома быстро вспыхивали.

(Роос)

* * *

Пока продолжалась битва, в ней один за другим принимали участие все отряды нашего корпуса, не исключая и Королевской гвардии. Французы и русские с остервенением оспаривали друг у друга обладание городом и его окрестностями. Позиция давала преимущество русским. Они атаковали и опрокинули батальоны дивизии Дельзона с холмов, возвышающихся над городом. Глубокие рвы с отвесными краями отделяли эти два батальона от остальной дивизии. Пришлось несколько раз под неприятельским огнем переправляться через них по мере того, как русские отражали наши войска, и только к вечеру мы взяли Малоярославец — точнее, окружающие его позиции, потому что несчастный город во время битвы загорелся и сгорел дотла.

В этом деле, одном из самых удачных за весь поход, участвовал только центр армии вице-короля. Евгений проявил здесь хладнокровие настоящего генерала и отвагу солдата. Мы потеряли около 4000 людей. В армии особенно жалели Дельзона; он был убит в ту минуту, когда шел во главе своего войска в город, из которого выбиты были первые батальоны. Его брат, служивший офицером в его штабе, бросился ему помочь, увести его из сражения и в ту же минуту упал мертвый рядом с ним; они погибли вместе, и их вместе похоронили. Потери русских были по меньшей мере равны нашим. Проезжая на другой день через позиции, на которых шел бой, я видел, что они покрыты трупами русских. Многие раненые сгорели в домах; вдвое уменьшившиеся, похожие на мумии тела чернели среди пепла и в горевших еще обломках домов, издавая сильный запах.

Мы въехали в Малоярославец непосредственно за вице-королем. Но кавалерия не могла действовать в гористой местности, изрезанной рвами. Наш корпус остановился на пу-

шечный выстрел от города, и мы оставались до конца дела наготове, время от времени обмениваясь выстрелами с неприятелем. Возвышенность, на которой мы стояли, отделялась от города глубокой долиной с крутыми берегами; по ней протекала Лужа; нам были видны все движения обеих армий, и, смотря по тому, слабели или шли вперед наши батальоны, у нас страх сменялся надеждой. Только когда стемнело и прекратилась стрельба, наш корпус спустился влево и расположился на биваках около деревни, лежащей на некотором расстоянии от Лужи...

Благодаря густому туману казаки напали на наши биваки, прошли через них, почти не встречая сопротивления, и проникли уже в деревню, в которой мы стояли. К несчастью, бóльшая часть наших кавалеристов уехала за две версты к реке поить лошадей; наши лошади, слуги и ординарцы отправились с ними. Мы с Жюмильяком оказались в затруднительном положении — одни и без лошадей. Сначала мы хотели войти в избу и забаррикадироваться до возвращения лошадей; потом решили отправиться к биваку своей части, рискуя встретить казаков. С саблями наголо мы побежали во всю прыть и благополучно добежали до бивака моей артиллерии. В лагере царило величайшее смятение. Тучи казаков носились по всему обширному пространству, на котором наша кавалерия расположилась, как попало, накануне вечером; казаки были повсюду, они, как китайские тени, то появлялись, то исчезали в густом тумане, позволявшем различать предметы только на близком расстоянии. Некоторые из наших кавалеристов кучками стояли пешие и стреляли по казакам. Другие же бежали в беспорядке разрозненной толпой. Я собрал своих артиллеристов, распорядился поставить батарею из нескольких орудий и открыл стрельбу картечью. Разбежавшиеся солдаты, услыхав пальбу, поспешно стали собираться, образовали взводы и ударили на казаков, и казаки ускакали врассыпную, видя, что теперь им придется плохо. В результате они только внесли смятение в наши биваки, ограбили повозки маркитантов да убили и ранили человек двенадцать. К счастью, они ускакали не в сторону реки, иначе могли бы угнать лошадей кавалерии, а с ними, вероятно, и моих.

Казаки атаковали не одни биваки. Со своим атаманом Платовым они в числе 10000—12000 сделали нападение на

всю нашу линию, пересекая во всех направлениях дороги, по которым двигались наши корпуса. Они атаковали обозы 4-го корпуса, которые остановились на ночь на том холме, где была накануне наша позиция во время сражения; главный комиссар Жубер был серьезно ранен при защите его. Сам император едва не был захвачен казаками. Он на рассвете двинулся к Малоярославцу и беспечно ехал с несколькими офицерами генерального штаба, когда из леса, окаймлявшего дорогу, выскочили казаки и напали на него. Он едва успел повернуть лошадь и спасением своим всецело обязан самоотверженности своих спутников, отражавших казаков до тех пор, пока их не прогнали в лес прискакавшие галопом эскадроны эскорта...

Генерал Груши, оправившись от раны, догнал нас после ухода из Москвы, и наш корпус с истинным удовлетворением перешел опять под его командование. К вечеру он вызвал меня к себе на бивак, и я встретился здесь с маршалом Даву. Оба сказали мне, что армия будет отступать на Можайск; отступление начнется в полночь, но необходимо принять все меры, чтобы неприятель не заподозрил этого; они поручали мне приготовить все необходимое для выступления моей артиллерии, часть которой составляла крайний арьергард. Чтобы не дать неприятелю заподозрить отступление и заставить его думать, что готовится атака, я предложил выдвинуть за нашу линию орудий двенадцать и с наступлением ночи открыть сильный огонь против русского лагеря. Маршал согласился со мной, и, когда стемнело, я начал обстреливать огни русских; к моему великому удивлению, они отстреливались очень слабо. По странной случайности Кутузов начал отступление за несколько часов до того, как отступили мы. Обе армии около полуночи повернулись друг к другу тылом и двинулись в противоположных направлениях, одинаково опасаясь, что отступить не удастся. Вышло даже так, что часть снарядов, пущенных мной с целью обмануть противника относительно перемены наших планов, попали случайно в теснину, через которую он должен был идти, и внесли даже некоторое расстройство в теснившуюся здесь толпу.

В назначенный час наше отступление началось. В арьергарде шел корпус маршала Даву и наша кавалерия, а я замыкал шествие, идя на несколько сажен сзади, с двумя оруди-

ями под прикрытием двух взводов кавалерии и стрелковых рот. Генерал Груши поручил мне этими орудиями удерживать неприятеля на почтительном расстоянии, не давая ему слишком теснить нас. Едва успели выступить первые отряды арьергарда, как деревня, из которой они ушли, была охвачена огнем; в несколько мгновений она вся запылала, и я боялся, что далеко распространившийся яркий свет привлечет внимание русских и откроет им наше выступление, потому что эта деревня лежала в черте наших передовых позиций. Но неприятель сам поспешно отступал, и мы без помехи двинулись последними. Чтобы обозначить путь через поля, разложили местами бивачные костры, которые поддерживали несколько человек; способ простой, но очень целесообразный, и между тем я только тут видел его применение. На рассвете я расположился, пользуясь небольшой остановкой, на отдых в сарае, когда меня разбудил солдат; он сказал, что деревушка, в которой мы стоим, горит; большое счастье, что солдат заметил меня и что мой сарай загорелся не первым: иначе я бы неминуемо погиб. Пожар этот произошел вследствие данного арьергарду неизвестного мне приказания сжигать все по пути, чтобы держать неприятеля на расстоянии и лишить его всего нужного, что могло остаться после нашего ухода. Скоро заметили, что такая более чем жестокая мера для нас самих очень неудобна; приказ был отменен, и если большинство селений, по которым мы прошли, и после этого сгорали, то по крайней мере винить в этом приходится только неосторожность или злостные намерения отдельных лиц.

(Грциа)

НА СТАРУЮ СМОЛЕНСКУЮ ДОРОГУ

Отступление должно было происходить по одной дороге. Русской армии, занимавшей фланговое положение, предстоял более короткий путь, наперерез французской армии, прямо на Вязьму, Смоленск, Красное и Копысь. Не подлежало поэтому никакому сомнению, что французская армия будет подвергаться сильнейшему беспокойству и даже серьезным нападениям. Кавалерия ее имела в своих рядах всего 15 000 коней; лошади были уже заморены и по прошествии двух не-

дель их насчитывалось едва 5000. С такими ничтожными силами нужно было производить разведки и в то же время прикрывать фланги и огромные обозы.

Пехота была силой от 60000 до 65000 штыков. Но что она могла предпринять против неприятеля, который, действуя на более короткой операционной линии, имел возможность атаковать отдельные корпуса в голове и хвосте растянувшейся армии и войска которого по мере ослабления противника должны были становиться все смелей. Если бы было взято направление на Ельню, то русские могли бы нападать только с тыла и французская армия не находилась бы под постоянной угрозой фланговых атак, из которых каждая могла быть гибельной.

Выйдя на большую Смоленскую дорогу, Наполеон все время двигался по ней. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы возможно скорей пройти разоренную войной страну. Чтобы облегчить движение и избегнуть скоплений, он разделил свою армию на 4 корпуса, которые следовали один за другим на расстоянии в полперехода. Со своей гвардией он открывал марш, за ним в последовательном порядке шли корпуса Нея, вице-короля и Даву. На последний корпус были возложены обязанности арьергарда.

Кутузов бросил вслед отступающей армии своих казаков и авангард силой в 25000 человек под командой генерала Милорадовича, который настиг французский арьергард под Гжатском. Главные русские силы направились напрямки на Вязьму с очевидным намерением отрезать под этим городом путь отступления французской армии.

Однако удалось предупредить русских в Вязьме. Император проследовал с гвардией через город, но приказал Нею остановиться и встретить корпуса вице-короля и Даву.

Избегнув угрожавшей опасности, армия продолжала отступление на Смоленск.

(Жомини)

* * *

Как идти туда — через Калугу, Медынь или Можайск? Наполеон сидел перед столом, опершись головой на руки, которые закрывали его лицо и отражавшуюся, вероятно, на нем скорбь.

Никто не решался нарушить этого тягостного молчания, как вдруг Мюрат, который не мог долго сосредоточиваться, не вынес этого колебания. Послушный лишь внушениям своей пламенной натуры и не желая поддаваться такой нерешительности, он воскликнул в одном из порывов, свойственных ему и способных разом или поднять настроение, или ввергнуть в отчаяние: «Пусть меня снова обвинят в неосторожности, но на войне все решается и определяется обстоятельствами. Там, где остается один исход — атака, всякая осторожность становится отвагой и отвага — осторожностью. Остановиться нет никакой возможности, бежать опасно, поэтому нам необходимо преследовать неприятеля. Что нам за дело до грозного положения русских и их непроходимых лесов? Я презираю все это! Дайте мне только остатки кавалерии и гвардии, и я углублюсь в их леса, брошусь на их батальоны, разрушу все и вновь открою армии путь к Калуге».

Здесь Наполеон, подняв голову, остановил эту пламенную речь, сказав: «Довольно отваги; мы слишком много сделали для славы; теперь время думать лишь о спасении остатков армии».

Тут Бессьер, потому ли, что его гордость оскорблялась при мысли о необходимости подчиниться неаполитанскому королю, или потому, что ему хотелось сохранить неприкосновенной гвардейскую кавалерию, которую он сформировал, за которую отвечал перед Наполеоном и которая состояла под его начальством,— Бессьер, чувствуя поддержку, осмелился прибавить: «Для подобного предприятия у армии, даже у гвардии не хватит мужества. Уже теперь поговаривают о том, что не хватает повозок и что отныне раненый победитель останется в руках побежденных, и что, таким образом, всякая рана — смертельна. Итак, за Мюратом последуют неохотно, и в каком состоянии? Мы только что убедились в недостаточности наших сил. А с каким неприятелем нам придется сражаться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?» Маршал закончил свою речь, произнеся слово отступление, которое Наполеон одобрил своим молчанием.

Тотчас же принц Экмюльский заявил, что если отступление решено, то нужно отступать через Медынь и Смоленск.

Но Мюрат прервал Даву, и не то из враждебности, которую он к нему питал, не то от досады за его отвергнутый отважный план, с изумлением сказал: «Как можно предлагать императору такой неосмотрительный шаг! Разве Даву поклялся погубить всю армию? Неужели он хочет, чтобы такая длинная и тяжелая колонна потянулась без проводников по незнакомой дороге, под боком Кутузова, подставляя свое крыло всем неприятельским нападениям? Уж не сам ли Даву будет защищать армию? Зачем, когда позади нас Боровск и Верея безопасно ведут к Можайску, мы отклоним этот спасительный для нас путь? Там должны быть заготовлены съестные припасы, там все нам известно, и ни один изменник не собьет нас с дороги».

При этих словах Даву, весь пылая гневом и с трудом сдерживая себя, отвечал: «Я предлагаю отступать по плодородной почве, по нетронутой дороге, где мы сможем найти пропитание в деревнях, уцелевших от разрушения, по кратчайшему пути, которым неприятель не успеет воспользоваться, чтобы отрезать нам указываемую Мюратом дорогу из Можайска в Смоленск, а что это за дорога? Песчаная и испепеленная пустыня, где обозы раненых, присоединившись к нам, прибавят нам новые затруднения, где мы найдем лишь одни обломки, следы крови, кости людские и голод! Впрочем, я высказываю свое мнение, потому что меня спрашивают, но я с неменьшим рвением буду повиноваться приказаниям, хотя бы и противоречащим моему мнению; но только один император может заставить меня замолчать, а уж никак не Мюрат, который никогда не был моим государем и никогда им не будет!»

Ссора усиливалась, вмешались Бессьер и Бертье. Император же, по-прежнему погруженный в задумчивость, казалось, ничего не замечал. Наконец, он прервал свое молчание и это обсуждение следующими словами: «Хорошо, господа, я решу сам!»

Он решил отступать, и по той дороге, которая даст возможность скорее удалиться от неприятеля. Но ему нужно было вынести страшную борьбу с собой для того, чтобы он смог заставить себя решиться на такой небывалый для него шаг. Это решение было так мучительно, так оскорбляло его гордость, что он лишился чувств. Те, которые тогда ухаживали за ним, рассказывали, что донесение о новом дерзком на-

падении казаков возле Боровска в нескольких верстах позади армии было последним и слабым толчком, который заставил императора окончательно принять роковое решение — отступать.

Замечательно то, что он приказал отступать к северу в ту минуту, когда Кутузов со своими русскими, еще потрясенными схваткой при Малоярославце, отступал к югу.

(Сегюр)

* * *

Сражение при Малоярославце открыло нам две истины, обе очень печальные; первая — что силы русских не только не были истощены, но, напротив, они даже получили в подкрепление несколько свежих отрядов и сражались с таким ожесточением, что мы должны были отказаться от надежды на какой-либо успех. «Еще одна такая победа,— говорили солдаты,— и у Наполеона не будет больше армии». Вторая истина была та, что мы должны были отказаться от похода на Калугу и Тулу, и этим мы теряли последнюю надежду на более спокойное отступление, так как неприятель, опередив нас после этого сражения, не только мешал нашим колоннам отступать по дороге через Серпейск и Ельню, но также и не давал нам достичь Вязьмы через Медынь и Юхнов, предоставляя нам, таким образом, печальную необходимость вернуться к Можайску.

После этого памятного сражения все, кто привык судить по виду и народной молве, думали, что войска отправятся на Калугу и Тулу, и были очень удивлены, увидав сильный авангард неприятеля, который вместо того, чтобы идти по тому же направлению, опередил наш правый фланг, направляясь к Медыни. Все опытные военные поняли, что русские разгадали план Наполеона и нам необходимо было для того, чтобы опередить неприятеля, идти ускоренным маршем на Вязьму. С этих пор всякий разговор о Калуге и Украине прекратился и говорили только о быстром отступлении по большой Смоленской дороге, опустошенной нами самими. Как только наше отступление было решено, 4-й корпус двинулся первым, оставив в Малоярославце весь 1-й корпус и дивизию кавалерии генерала Шастеля; эти войска должны были составлять арьергард и двигаться за нами на расстоянии одного дня.

По дороге мы увидали, к чему привела нас печальная и памятная победа в Малоярославце. Кругом попадались только покинутые амуниционные повозки, так как не было лошадей, чтобы их везти. Виднелись остатки телег и фургонов, сожженных по той же самой причине. Такие потери с самого начала нашего отступления невольно заставляли нас представлять себе будущее в самых темных красках. Тот, кто вез с собой добычу из Москвы, дрожал за свои богатства. Мы все беспокоились, видя плачевное состояние остатков нашей кавалерии, слыша громовые удары взрывов, которыми каждый корпус уничтожал свои повозки. В ночь на 26 октября мы подошли к Уваровскому и были удивлены, увидав село все в огне. Мы захотели узнать причину этого. Нам сказали, что был отдан приказ сжигать все находившееся на нашей дороге. В этом селе был деревянный дом, напоминавший по своей величине и великолепию самые красивые дворцы Италии. Богатство его отделки и меблировка соответствовали красоте его архитектуры. Там можно было найти картины лучших художников, очень дорогие канделябры и массу хрустальных люстр, благодаря которым дом во время полного освещения получал волшебный вид. Но все эти богатства не пощадили, и мы узнали на следующий день, что наши солдаты не захотели просто поджечь дом, находя этот способ чересчур медленным, а предпочли подложить в нижний этаж бомбы с порохом и взорвали его. Теперь мы видели горящими все села, в домах которых мы несколько дней тому назад отдыхали. Их теплый еще пепел, разносимый ветром, прикрывал трупы солдат и крестьян, повсюду валялись трупы детей с перерезанными горлами, лежали трупы девушек, убитых на том же самом месте, где их изнасиловали. Мы миновали Боровск, оставшийся от нас вправо и сделавшийся также жертвой пламени, и направились к Протве с надеждой отыскать брод для переправы артиллерии. Мы нашли таковой выше города, и хотя он был очень неудобен, но все наши войска должны были пройти через него. Много повозок завязло в реке и так загородило переход, что пришлось искать новый брод. Сделав рекогносцировку, я узнал, что Боровский мост еще существует, благодаря чему получалось большое облегчение при переправе багажа армии. Сейчас же 13-я дивизия, шедшая во главе войска, получила от принца приказ возвращаться, и вслед за ней

двинулись наши корпуса, найдя благодаря мосту лучшую и кратчайшую дорогу. Представлялась единственная опасность провезти наши амуниционные повозки по городу, все дома которого горели. Наши экипажи проехали посреди этого обширнейшего пожара без всяких приключений. С большими трудностями вечером мы, наконец, достигли маленькой деревушки Алферово (27 октября), где даже не все дивизионные генералы могли найти себе хотя бы сарай. Помещение, в котором расположился сам вице-король, было так ужасно, что можно было пожалеть судьбу несчастных крестьян, принужденных в нем жить. Ко всем несчастьям, недостаток в пище еще увеличивал наши мучения. Провизия, взятая из Москвы, подходила к концу, каждый дрожал над своим провиантом и старался уединиться, чтобы съесть кусок добытого им хлеба. Наши лошади также страдали. Скверная солома, снятая с крыш домов, была их единственной пищей. Они изнемогали от усталости, и их смертность была так велика, что артиллерии приходилось бросать свои повозки, и с каждым днем все чаще и чаще приходилось слышать грохот от взрывов зарядных ящиков.

Наполеон, который шел впереди нас на расстоянии дня, прошел уже Можайск и заставлял сжигать и разрушать все попадавшееся на его пути. Солдаты его свиты доводили это разрушение до того, что поджигали даже те места, где последующие войска должны были останавливаться, и подвергали нас благодаря этому многим лишениям. Наш отряд, в свою очередь, сжигал оставшиеся целыми дома и, таким образом, лишал убежища князя Экмюльского, шедшего в арьергарде. Не говоря уже об этих лишениях, арьергарду приходилось еще бороться с ожесточенным врагом, который, узнав о нашем отступлении, появлялся со всех сторон, желая удовлетворить свою месть. Пушечные выстрелы, раздававшиеся каждый день на очень близком расстоянии от нас, ясно доказывали нам, что арьергарду приходилось употреблять невероятные усилия, чтобы сдержать неприятеля.

Наконец, пройдя 29 октября сожженный городок Борисов, мы вступили час спустя в местность, разрушение которой, очевидно, произошло уже раньше. Кругом лежали трупы людей и лошадей. При виде нескольких наполовину разрушенных окопов и главным образом увидав разрушенный

город, я узнал окрестности Можайска, по которым мы еще так недавно проходили победителями. Вестфальцы и поляки ночевали на развалинах города, и, прежде чем уйти, они подожгли дома, уцелевшие от первого пожара. Домов осталось так мало, что свет от пожара был едва заметен. Единственное, что нас поразило — это был контраст черных развалин, от которых шел густой черный дым,— с белизной недавно построенной колокольни, лишь она одна сохранилась, и часы на ней продолжали бить, хотя города уже не существовало.

Армия не проходила через Можайск. Выбирая более или менее удобные дороги, мы прибыли на место Красного, где мы когда-то расположились лагерем на другой день после Московского сражения. Я говорю «на место Красного», так как село исчезло и сохранился только дом Наполеона. Мы расположились вокруг дома. Никогда не забуду, как мы, окоченевшие от холода, с наслаждением ложились на теплый пепел сожженных накануне домов.

30 октября. Чем дальше мы подвигались, тем картина становилась все печальнее. Все поля, истоптанные тысячами лошадей, казалось, никогда не были обрабатываемы. Вырубленные солдатами леса также пострадали от всего этого ужасного разрушения, но что было самое ужасное, так это вид мертвых тел, которые, лишенные погребения в продолжение пятидесяти двух дней, едва сохранили человеческий облик. Около Бородина мой ужас дошел до величайших размеров, когда я увидел на том же самом месте убитых во время битвы 20000 человек, разложению которых помешал мороз, вся равнина была ими покрыта. Повсюду виднелись остовы лошадей и наполовину покрытые землей трупы, там лежали окровавленные одежды и кости, обглоданные собаками и хищными птицами, здесь валялись обломки ружей, барабанов, каски, фуражки; здесь же можно было найти лоскуты знамен, и по эмблемам, нарисованным на них, можно было судить, как пострадал московский герб в этот кровавый день.

Наши солдаты, обходя театр своих подвигов, с гордостью указывали места, где сражались их полки, и все вспоминали на каждом шагу разные доблестные поступки, возбуждающие нашу национальную гордость. С одной стороны они указывали на кутузовскую избушку, дальше, с другой стороны — на знаменитый редут, высившийся над всем; теперь он, похожий

на пирамиду, возвышался среди пустынной равнины. Вспоминая его, каким он был раньше, и видя его теперь, он казался мне Везувием в спокойном состоянии. Я заметил на его вершине какого-то военного, и издали его неподвижная фигура напоминала мне статую. «Ах,— сказал я,— если бы надо было воздвигнуть памятник богу войны, то его следует поставить только на таком пьедестале». Когда мы проходили по полю сражения, мы услыхали вдалеке крики какого-то несчастного, зовущего на помощь. Сжалившись над его жалобными стонами, несколько человек направились к нему, и к своему великому удивлению, увидали на земле французского солдата с раздробленными ногами. «Я был ранен,— сказал он,— в день этой великой битвы, но так как я лежал в стороне, то меня никто не заметил и не пришел ко мне на помощь. С тех пор,— добавил несчастный,— я кое-как дотащился до ручья и питался травами, корнями и несколькими кусками хлеба, найденными мной на трупах. Ночью я ложился в брюхо мертвых лошадей, и их свежая кожа залечила мои раны лучше всяких лекарств. Сегодня, увидав вас издали, я собрал все свои силы и пополз поближе к дороге, чтобы вы услыхали мой голос». Пораженные этим рассказом, мы все выражали свое изумление, и один из генералов, узнав об этом трогательном случае, велел поместить несчастного в свою карету.

Мой рассказ был бы ужасно длинен, если бы я стал описывать все бедствия во время этой ужасной войны, но чтобы охарактеризовать их, я расскажу только о 3000 пленников, которых мы вели из Москвы. Во время всего пути их огораживали, как скотину, и ни под каким видом они не смели выступить из узкого пространства, отведенного им. Без огня, умирая от холода, они ложились прямо на снег; чтобы утолить свой ужасный голод, они с жадностью накидывались на конину, которую им раздавали, и не имея ни времени, ни возможности варить ее,— съедали сырую. Меня уверяют, но я не хочу даже этому верить, что когда раздача конины прекратилась, то многие из этих пленников ели мясо своих товарищей, которые не выдерживали всех этих лишений. Но отвернемся лучше от этих ужасных картин и будем продолжать наш рассказ о тех ужасах, которые вскоре пришлось перенести нашим братьям и друзьям...

(Лабом)

* * *

Ввиду того, что солдаты подожгли Боровск, артиллерии пришлось идти по дороге, огибающей город. Принялись строить мосты через Протву, но кончить их удалось только к ночи, что задержало переход...

Император приказал мне вести корпус вице-короля и князя Экмюльского, и в то время, как принц Невшательский объяснял мне намерения Его Величества, я имел возможность изучить лицо этого необыкновенного человека, который предвидел все трудности и бедствия, предстоявшие нам, ибо он говорил о них в письме к маршалу Нею, поручая ему в первый день арьергард.

Наполеон, держа руки за спиной, грел их у бивачного огня, разведенного для императора около маленькой деревни в семи верстах за Боровском по дороге в Верею. Он лично мне объяснял свои планы, когда вдруг, повернувшись к принцу Невшательскому, сказал ему: «Но он будет взят». Его равнодушный тон поразил меня потому, что дело касалось вовсе не меня лично, а всей армии. Наполеон напоминал мне шахматного игрока, который, видя, что партия проиграна, кончает ее честно, говоря себе: «До следующей». Я должен отдать справедливость этому избалованному судьбой человеку, не знавшему превратностей ее; он был спокоен, у него не было злобы, не было и упадка духа, я подумал тогда, что и в несчастье он будет велик, и это примирило меня с ним, хотя я его и не любил. Он был виновником несчастий моей бедной родины, и я был глубоко возмущен его поведением с прусским королем и его отношением к мадридскому двору. Во время битвы при Бородине он поражал своим равнодушием и твердостью, при въезде в Москву он казался взбешенным и застигнутым врасплох, а в самой Москве он был не то в апатичном, не то в смешном положении; но здесь я видел человека, который вполне знает, что с ним случилось и что ему грозит, и понимает всю ответственность своего положения, но душа его бодра, и он говорит себе: «Это неудача, надо уходить, но меня еще увидят».

(Дедем)

* * *

Так как атака на Малоярославец не удалась, то мы были принуждены вернуться, чтобы выбраться на старую Смолен-

скую дорогу, ту самую, по которой мы прошли победителями и которая, при нашем отступлении, должна была стать для нас столь роковой.

Армия, отступая, сжигала на своем пути все, что уцелело от бывшего пожара. Каждый вечер, когда мы останавливались, мы видели в различных местах горизонта багровое пламя от подожженных деревень и выселков. Нет более запасов, оставались только привезенные из Москвы; но мы, часть винковского авангарда, умиравшего от голода, как могли мы достать себе что-либо?

Мы принуждены были питаться отвратительным лошадиным мясом без соли и для питья — греть снег: вот что должно было нас поддерживать во время ежедневных сражений и при ужасном морозе, от 18° до 20°.

Проезжая около Москвы, один из моих разведчиков захватил откуда-то голову сахара и привез ее мне. Я привесил ее к шишке моего седла, и это составляло мое единственное питание в продолжение четырех или пяти дней.

Водка, которую мы находили в небольшом количестве в разбитых бочках, была полна остатками соломы и пахла дымом от всего горящего вокруг; но и ее найти считалось большой удачей, и она поддерживала мои силы, несмотря на жестокие боли в желудке, которые приходилось мне испытывать вследствие постоянных примесей, находившихся в ней; вынуть же их не было у меня ни времени, ни средств.

Эгоизм начинал охватывать все сердца. Каждый старательно сохранял то, что смог достать себе. Конец товариществу, конец доверию! Одно уныние на всех лицах.

Казаки, которых наши солдаты до сих пор презирали, внушали им теперь ужас партизанской войной, которую они с нами вели с невероятным ожесточением и непостижимой деятельностью, врасплох нападая на отряды, которые сбивались с дороги, выходя, как стая свирепых волков, из самых густых лесов и находя в них убежище благодаря своим превосходным маленьким лошадям, после того как причинили нам возможно более вреда, никогда не давая пощады.

Легко понять, что эти нападения, совершаемые во всякий час дня и ночи этими воинственными и дикими полчищами, за которыми следует признать, что они превосходно понимали, как вести партизанскую войну, имели самое пагубное

влияние на нравственное состояние наших несчастных солдат, подавленных усталостью, лишениями и окоченевших от холода.

Не смели более отдаляться и собирались без различия чинов или мундиров. Кавалеристы, лишившиеся лошадей, всякого рода войска шли толпами, смешавшись с пехотой всех полков. Всякая субординация, всякая дисциплина становились невозможны. Только один арьергард держался твердо и сдерживал врага.

(Комб)

* * *

От Боровска до большой Смоленской дороги не было настоящего пути: приходилось пробираться через поля, леса и болота. Погода стояла пока еще хорошая; мы были бодры.

Встречавшиеся нам по пути селения были сожжены; мы шли до самого Смоленска между двух изгородей из огня. Эта мера, как говорят, была продиктована необходимостью замедлить преследование неприятеля; она была начата русскими. Потомство скажет, следовало ли французам брать с них пример.

(Дюверже)

* * *

Я отправляюсь в Верею... Приезжает из Москвы герцог Тревизский маршал Мортье; он выехал из нее 23-го, приказав взорвать Кремль.

28-е. Из Вереи мы выступаем в 6 часов утра. Мы прибываем в Можайск, почти целиком сожженный; уцелевшие дома полны трупов. Император ночует в поместье в восьми километрах за Можайском по Смоленской дороге. Мои лошади очень удобно помещены в церкви. Нам позволяют носить меховые шапки. Всем имеющим повозки приказано забирать с собой по одному раненому; я получил бригадира конных охотников гвардии, раненного штыком в плечо. Я рассердился на моего слугу за то, что он выбросил железную кровать, увезенную из Москвы, так как моя повозка была слишком нагружена. Холодная солнечная погода.

29-е. Мы оставляем наш ночлег в 7 часов утра и в 6 часов вечера достигаем Гжатска; по пути останавливаемся в монастыре, служившем госпиталем для раненых арьергарда,

для того, чтобы забрать их в проезжающие повозки. Ужасно зрелище этих искалеченных несчастных, которые все желают быть увезенными; несмотря на значительное число экипажей, средства перевозки недостаточны, и приходится браниться с провожатыми, отказывающимися принимать раненых. Гжатск, хорошенький городок, при нашем первом вступлении в него был сожжен, за исключением двух или трех домов... Холодно.

30-е. Я дежурный. Рассчитывали на остановку в Гжатске; в полдень император требует своих лошадей и останавливается на два часа за городом, чтобы пропустить мимо себя дефилирующие войска. Его Величество почти в авангарде; вестфальцы — голова колонны — прибывают одновременно с императором в поместье Вельяшево на берегу озера; мы остались тут ночевать. Уходя, вынули окна. Его Величество беседует с теми, которые окружают огромный бивачный костер; он говорит, что несчастье, разделяемое многими, ощущается менее остро.

На время ужина я положил мой маленький чемодан в передней; его у меня украли. В нем были вещи, необходимые для туалета; я его никогда не оставлял, так как знаю пристрастие собратьев по оружию к чужим вещам. Я положил в него и мои московские сувениры, предназначенные для подарков во Франции. Этот чемоданчик уже пустой нашли в соседнем лесу. В течение двух суток я не видел никого из моих людей. Я остался без шубы и не могу заснуть — 4° мороза; а к нему становишься чувствительнее, если плохо выспишься, и к тому же остаешься почти все время на воздухе.

Если мерзнешь всю ночь, утром чувствуешь себя не весьма хорошо. Мы говорим о наших зимних квартирах; предполагают устроить их на Днепре или Двине.

31-е. Я нахожу моего слугу Эйара, который двое суток ночует в одном месте со мной; он не смел показаться мне на глаза после того, как у него украли мою шубу. Один из поляков шагает рядом с ним в моей медвежьей шкуре; моя повозка отстала, и у меня нет переменной сорочки. Это уже верх неблагополучия. Я часто думал, что нет ничего лучше того, чтобы испытать все неудобства бедности, как сделаться военным; правда, потом чувствуешь всю прелесть изобилия.

(Дневник Кастеллана)

* * *

Во время этой остановки мы были свидетелями крайне жестокого поступка. Несколько раненых было размещено на повозки маркитантов[1]. Фуры этих негодяев были нагружены добром, награбленным в Москве, и они с ропотом недовольства приняли новую ношу: пришлось заставить их взять раненых; тогда они безмолвно покорились. Но едва мы отъехали на несколько шагов, как эти маркитанты стали отставать, они пропустили свою колонну мимо себя; затем, воспользовавшись недолговременным одиночеством, они побросали в овраги всех несчастных, которых доверили их заботам. Лишь один из этих раненых остался в живых, и его подобрали на ехавшую следом повозку: это был генерал. От него мы узнали о совершенном преступлении. Вся колонна содрогнулась от ужаса,— который охватил также и императора, ибо в то время страдания не были еще настолько сильными и настолько всеместными, чтобы заглушить жалость и сосредоточить лишь на самом себе все сочувствие.

К вечеру этого бесконечного дня императорская колонна достигла Гжатска; мы были изумлены, встретив на своем пути, видимо, только что убитых русских. Замечательно было то, что у каждого из них была совершенно одинаково разбита голова и что окровавленный мозг был разбрызган тут же. Нам было известно, что перед нами шло около 2000 русских пленных и что вели их испанцы, португальцы и поляки. Каждый из нас, смотря по характеру, выражал кто свое негодование, кто одобрение; иные — оставались равнодушными. Вокруг императора никто не обнаруживал своих впечатлений. Но Коленкур вышел из себя и воскликнул: «Это какая-то бесчеловечная жестокость! Так вот она — пресловутая цивилизация, которую мы несли в Россию! Какое впечатление произведет на неприятеля это варварство! Разве мы-то не оставляем у русских своих раненых и множество пленников? У нашего неприятеля — все возможности самого жестокого отмщения!»

Наполеон отвечал лишь мрачным безмолвием; но на следующий день эти убийства прекратились. Наши ограничились тем, что обрекали этих несчастных умирать с голоду за

---

[1] Из числа раненых, находившихся в Колоцком монастыре.

оградами, куда их загоняли, словно скот. Без сомнения, это было тоже жестоко, но что нам было делать? Произвести обмен пленными? Неприятель не соглашался на это. Выпустить их на свободу? Они пошли бы всюду рассказывать о нашем бедственном положении и, присоединившись к своим, они яростно бросились бы в погоню за нами. Пощадить их жизнь в этой беспощадной войне — было бы равносильно тому, что и принести в жертву самих себя. Мы были жестокими по необходимости. Все зло было в том, что мы не предвидели всех ужасных стечений обстоятельств!

Впрочем, с нашими пленными солдатами, которых неприятель гнал внутрь страны, русские обходились нисколько не человечнее; а они-то уже не могли сослаться на крайнюю необходимость!

(Сегюр)

* * *

По временам дорога была покрыта брошенными повозками: измученные, обессиленные лошади падали; тех, которые могли еще подняться, запрягали в телеги с ранеными, но они околевали, протащившись всего несколько шагов. Тогда приходилось оставлять раненых; мы уходили, стараясь не глядеть на них, несмотря на боль, которую причиняли нам их вопли. Если наше собственное положение было достойно жалости, насколько хуже была участь этих людей, которых ожидала верная смерть от голода, холода или от русского оружия!..

1-й корпус 31 октября вошел в Гжатск; через несколько часов показалось множество русских. На другой день, 1 ноября, они безуспешно пытались прорваться в город и были вынуждены ограничиться обстреливанием сильно отставшего большого обоза, проходившего перед ними за городом. Ядра причиняли обозу большие потери. Мне, к счастью, удалось вырвать из него мою сестру. Ее кучер стал уверять меня, что лошади хороши и еще очень сильны. Я спросил сестру: «Решишься ли ты проехать под выстрелами?» Она, дрожа, ответила: «Я сделаю все, что хочешь». Тогда я сказал кучеру: «Скачите через поле галопом, ядра будут пролетать над вами; вы обгоните обоз и сможете беспрепятственно, не останавливаясь, ехать дальше». Совет оказался очень удач-

ным. Обоз этот, в котором было несколько сот плохо запряженных повозок, вез много раненых, жен и детей французских купцов Москвы, ограбленных и вынужденных бежать. Тут же была труппа московского французского театра. Бедные актеры не знали, в какой трагедии им придется участвовать под нашим бессильным покровительством.

(Лежен)

* * *

При вступлении в Верею батальоны пехоты остановились вправо от дороги, и я увидел перед ними командующего дивизией генерала Фредерикса, который приказывал солдатам отвести в сторону трех взятых в плен крестьян и убить их; я содрогнулся, услыхав этот громким голосом сделанный приказ, который был немедленно исполнен. Крестьяне думали, что их ведут к посту, на котором будут держать; как сейчас вижу этих бородатых людей в серых кафтанах и суконных картузах, украшенных греческим крестом, как идут они со спокойствием неведения навстречу смерти. Путь был недалек. Шагах в сорока от генерала, следившего за ними глазами, они закричали. Их ударили сзади штыками в поясницу в ту минуту, когда они входили в маленькую соломенную хижину; все трое упали в нее, и их стоны замолкли в огне зажженной хижины. Хочу верить, что второго примера подобной жестокости не найти в современных войнах... В сущности я знал генерала Фредерикса только по внешности. Он был одним из самых красивых людей в армии. Но я смотрел на него с отвращением после этого чудовищного случая и после проявленной им возмутительной бесчувственности, о которой придется говорить ниже.

(Гриуа)

* * *

26-го мы оставались целый день вооруженными, и когда с наступлением ночи мы разложили небольшой огонь и приготовились к ночлегу, я получил приказ двинуться. Ночь выдалась одна из самых темных, приходилось пробираться через лес без дороги и проводника. После массы тревог и сильного утомления я добрался со своим батальоном до Боровска. Этот город, который всего два дня тому назад был в прекрасном состоянии, теперь представлял из себя только

груду развалин. Он весь был сожжен: оставалось только несколько отдельно стоящих риг. Мы расположились биваками в садах, примыкающих к городу. Долгое время стоял такой сырой туман, что наша одежда промокла насквозь, а почва размокла, как в самые сильные дожди, до такой степени, что повозки с трудом подвигались вперед. Количество повозок, сопровождающих армию, было так велико, что одна только образовавшаяся из них колонна занимала протяжение более чем в 25 верст.

Беспорядок, который произошел благодаря всему этому, невозможно себе представить: солдаты дрались из-за того, чтобы опередить друг друга, и, когда ненароком попадался мост, то, чтобы его перейти, приходилось ждать часов по двенадцать.

Повозки были перенумерованы, но уже со второго дня похода порядок их нарушился до такой степени, что люди переставали узнавать друг друга, а те, которые по своему чину имели право пользоваться повозкой, не знали зачастую, где ее искать, и не могли достать из нее даже самого необходимого. Таким образом, с первых же дней отступления стал ощущаться недостаток во всем. В этот день мы в первый раз услыхали, как взорвали амуниционные повозки, которые нельзя было по недостатку лошадей везти за собой; это были повозки отряда итальянской армии, в котором при последних сражениях было перебито много лошадей. Сетовали, что не брали даже тех негодных лошадей, вместо того чтобы теперь терять столь необходимый провиант. Припомнили даже какого-то артиллерийского генерала, у которого при выезде из Москвы было двенадцать повозок, запряженных шестеркой лошадей каждая. Проехав немного далее, мы увидели еще тлевшие остатки этого парка. Это было печальное и ужасное зрелище...

29-го мороз продолжался, и крайняя нужда начала давать себя чувствовать: запасы уже истощились, а в окрестностях нельзя было ничего достать. В армии установилась привычка воровать, так что для безопасности приходилось тащить всю провизию на себе, или же, по крайней мере, не упускать ее ни на минуту из виду. Взваливали сумки на спины лошадей, а котелки ставили на огонь. В этот день мы расположились биваком на углу леса между Гридневом и Довином.

30-го стали замечаться неурядицы, вызванные голодом и полным отсутствием всего необходимого для поддержания жизни.

(Маренгоне)

* * *

29 октября. Неприятности и лишения, которые мы терпели здесь, были еще только началом бедствий. Среди нас открылась злокачественная болезнь, род диареи, вероятно, вследствие холодной погоды (тогда начались уже беспрестанные дожди и шел снег), постоянного лежания под открытым небом на холодной сырой земле и от недостаточного питания. Многие из нас подверглись этой болезни; я также перенес страдания, которые нельзя выразить никакими словами. Госпитали были переполнены больными и ранеными солдатами, между которыми были и русские военнопленные. Кто сам не видел этих госпиталей, тот вообразить себе не может всех ужасов этих чертогов смерти. Смертность здесь, как легко можно себе представить, была очень велика; каждый божий день смерть подрезывала своей косой множество несчастных. Их бросали в огромные ямы человек по 50, по 60 и засыпали вырытой землей. Сносили их туда, однако, не раньше, чем накапливалось количество, достаточное для наполнения ямы. Поэтому перед госпиталями лежали целые груды трупов, между которыми — страшное зрелище! — виднелись кисти рук, ступни и целые руки и ноги, выкинутые за окно из госпиталя.

Так как съестных припасов становилось все меньше, то разыскивать их приходилось иной раз часов по 6, по 8; эти розыски всегда сопровождались насилиями, и несчастные крестьяне, чтобы не подвергаться пущей беде, должны были отдавать все по доброй воле. Большей частью они обращались в бегство при первом появлении наших отрядов, нарочно для того высылаемых. Те, которые оказывали нам сопротивление, находили смерть при защите своего имущества. Нередко, если сопротивление было общим, все селение предавалось в жертву пламени. Когда же посланные на фуражировку отряды возвращались с добычей, у нас начиналось общее веселье, и каждый получал свою долю. Коровы, овцы, свиньи, гуси угонялись; а то, чего нельзя было угнать, то

убивалось и привозилось на телегах, которые тоже отнимались у бедных крестьян...

(Вагевир)

* * *

В этой части нашего пути появился откуда-то со стороны полк легкой португальской кавалерии и выстроился около дороги. Хороший свежий вид этих людей, их целиком коричневая обмундировка, их красивые, серьезные, загорелые лица, их бойкие, сплошь темные лошади,— словом, вся их необычайно доброкачественная внешность вызывала изумление всех проходивших мимо. Откуда они явились теперь, для чего их использовали и что сталось с ними,— так и осталось мне неизвестным, я больше не видел ни одного из них.

Мы добрались до красивого небольшого города Вереи, еще не разоренного, провели здесь несколько часов...

Идя дальше хорошей дорогой, мы 27 октября миновали Борисово при отличной погоде; кое-как пришлось здесь довольствоваться полевыми продуктами, луком и капустой, которые мы сварили и съели без мяса и соли.

На этом пути из Вереи к Можайску нам попались неубранные поля,— хлеб стоял еще на корню. Мы приблизились к Можайску, куда и прибыли поздней ночью 28 октября, когда погода переменилась, стало холодно и пошел снег. Запах стоял отвратительный; пахло частью горелыми домами, частью разлагающимися телами павших животных...

Мы оставались здесь до обеда 29-го числа, а затем перешли на большую дорогу, где мы уже раньше пережили столько бедствий, а теперь ожидали новых. Здесь с нами соединились войска, остававшиеся в Москве. Им в течение длинного срока жилось хорошо, вид у них был прекрасный; это были в большинстве случаев спешенные кавалеристы, вооружены они были, как пехотинцы, ружьями из московского арсенала. Это вооружение настолько не отвечало их вкусу, что они, подметив довольно уже значительный царивший у них беспорядок, просто бросали ружья и амуницию, рассеивались и, оставшись с одним чемоданом за плечами да шомполом вместо палки, спокойно шли себе дальше, и никакое начальство не могло воспрепятствовать этому.

Путь наш шел через лес, лежащий между Можайском и полем Бородинской битвы. Лес сильно пострадал со времени битвы. Мы шли по нему густыми беспорядочными толпами; артиллерия и военный обоз посредине, пехотинцы и всадники рядом. Под ногами у нас валялась масса оружия и патронов, брошенных прибывшими из Москвы пешими кавалеристами. Они главным образом положили начало этому бросанию оружия, и их пагубному примеру позднее последовали столь многие.

Пройдя лес, мы увидели поле битвы влево от себя. За время нашего отсутствия растоптанные в тот кровавый день хлеба успели взойти, и среди зелени мы еще теперь видели трупы людей и дохлых лошадей. Многие с грустью припоминали заманчивые обещания и вздыхали о том, что они не осуществились...

Миновала холодная ночь с 29 на 30 октября; спали мы мало, ибо в монастыре Колоцком, переполненном отступавшими войсками, было чрезвычайно неспокойно; все готовились к завтрашнему выступлению. Наполеон тоже ночевал здесь.

Рано утром отдан был приказ, чтобы находившиеся там раненые были взяты с собой, поскольку их можно было захватить. Каждый проезжавший экипаж, принадлежал ли он маршалу или полковнику, каждый фургон, маркитантская телега или дрожки — должны были взять по одному или по два раненых. Для выполнения этого приказа императором была специально назначена вюртембергская бригада, состоявшая из пеших егерей и легкой пехоты и еще насчитывавшая в то время 200 человек. Эти солдаты выносили раненых, а их офицеры отводили им места. В то время как офицеры усматривали в этом поручении преимущество, известный почет, их подчиненные горько жаловались на тягостную работу. Приказание выполнено было очень аккуратно, и все дело закончено было в полтора часа.

Намерения императора были очень хороши, но несчастным раненым пришлось очень плохо. Они были вверены грубым кучерам, гордым камердинерам, бесцеремонным маркитантам, разбогатевшим спесивым солдаткам, безжалостным собратьям по оружию и самому грубому типу солдат — обозным; все они стремились к одному: как можно скорее изба-

виться от них. Во время ночных лагерных стоянок или в пути, когда этим несчастным нужно было сойти или перевязать раны, их бросали на произвол судьбы. Уже на следующий день я видел несколько человек, лежавших у дороги и умолявших о помощи; впоследствии их, правда, не было больше видно, зато можно было слышать ужаснейшие рассказы о их судьбах и о жестокости их возчиков.

30 октября началось наше шествие к Гжатску...

Кое-кто сохранил еще веселое настроение. Я слышал, как вправо у дороги один прусский гусар, верхом на коне, окруженный многочисленным пестрым обществом, среди которого были и женщины, декламировал во всеуслышание и со всеми подробностями стихотворение о том, как «Меркурий недавно доносил на небо, что доныне еще царствует король Фридрих Великий» и т.д.

Нам бросилось в глаза, что здесь, посреди дороги, на некотором расстоянии друг от друга попадались отдельные свежие трупы русских солдат, которые, по всем данным, убиты были незадолго выстрелом в голову; один такой труп оказался еще теплым. Мы не могли объяснить себе этого странного обстоятельства, но в Гжатске узнали, что в императорском обозе также находится отряд русских пленных. Как обоз, так и пленных эскортируют баденские гренадеры, которым отдан строгий и жестокий приказ немедленно убивать всякого пленника, если он утомится и не в состоянии будет идти дальше. На расстоянии, которое мы отложили к вечеру, мы насчитали около восьми таких трупов. Правдивость этого показания подтверждалась тем, что баденские гренадеры действительно эскортировали поклажу, кассу и кухню Наполеона вплоть до Березины. Ближайшие доказательства я получил впоследствии в Борисове на Березине от двух унтер-офицеров этих баденских гренадер, которые попали в плен вместе со мной, служили мне и не раз рассказывали об этом случае. По их словам, Наполеон сам отдал этот приказ; офицеры его штаба голосовали частью за, частью против подобного образа действий; среди последних они называли Бертье и еще одного, которые будто бы даже шепнули гренадерам, чтобы они ночью дали пленным возможность мало-помалу улизнуть. Эти унтер-офицеры уверяли дальше, что они делали этим людям намеки, особенно ночью у костра, и даже

посылали их с этой целью с посудой в лес за водой, но те всегда возвращались назад, принося воду, и были слишком нерешительны и боязливы, чтобы дезертировать. Эти убийства, однако, прекратились уже на другой день, когда между Гжатском и Вязьмой нас снова потревожили своими нападениями казаки...

(Роос)

* * *

30-го дороги уже испортились; повозки, нагруженные добычей, тащились с трудом; многие оказались сломанными, а с других возницы, опасаясь, чтобы они не сломались, спешили сбросить лишнюю кладь. В этот день я был в арьергарде колонны и имел возможность видеть начало неурядицы. Дорога была вся усеяна ценными предметами: картинами, канделябрами и множеством книг; в течение целого часа я подбирал тома, просматривал их, бросал, подымал другие, которые в свою очередь бросал, предоставляя кому угодно подымать их.

То были сочинения Вольтера, Жан-Жака Руссо и «Естественная история» Бюффона, переплетенные в красный сафьян и с золотым обрезом. Тут же мне посчастливилось приобрести медвежью шкуру, которую один солдат поднял с поломанной повозки, нагруженной мехами.

В Можайске все было полно ранеными; все старались отправить этих несчастных дальше, но во всем чувствовался недостаток, и поэтому многие должны были быть оставлены на сострадание неприятеля, который, правда, не очень хорошо себя зарекомендовал в этом отношении, еще так недавно уничтожив все в разрушенной столице. Зная это, несчастные умоляли ради бога не оставлять их; для этого нужно было поместить в каждую повозку по одному раненому, но многие отказывались брать эту лишнюю тяжесть, и несчастные, таким образом, должны были погибать, брошенные на улицах. Мы остановились в нескольких верстах от города. Дождь в это время превратился в снег, а ледяной северный ветер предупреждал нас о приближении русской зимы...

Наконец, мы пришли на возвышения, защищенные засыпанными снегом окопами. Это были бородинские шанцы и поле битвы, где лежали еще непогребенными трупы бесполезно

погибших людей и животных. Передовые отряды прошли через Бородино, где теперь стояла только одна церковь, задние же должны были расположиться среди мертвецов на страшном поле битвы, что прогоняло последнюю тень мужества.

Северный ветер здесь был почти невыносим, несколько солдат очистили от трупов в земле углубление, чтобы развести там огонь, к которому и я присоседился и нашел здесь защиту от ветра; я говорю присоседился, потому что дисциплина была уже в упадке, и власть принадлежала теперь только более сильным. Вместе держались только отдельные отряды; общая же связь едва была заметна, и только во время сражения армия представляла одно целое.

Так как уже во время этих переходов двигавшиеся сзади телеги с поклажей, порохом, фургоны, пушки были уничтожены и сожжены, то истощились и съестные припасы, которыми запасались только на две недели; надвигался голод, который должен был еще страшно увеличиться, так как не было никакой надежды поживиться чем-нибудь на уже заранее опустошенных дорогах. Многие старались поддержать себя небольшим количеством сахара, который они сохраняли с необычайной скупостью, но его хватало ненадолго, и им приходилось также довольствоваться лошадиным мясом. Сначала убивали несчастных исхудавших животных пулей. Был еще небольшой запас соли и овощей, но он скоро истощился; теперь уже никому не приходило в голову стрелять лошадей, каждый отрезал свою часть от еще живого животного, которое, дрожа и со всех сторон истекая кровью, до тех пор держалось на широко расставленных ногах, пока не падало мертвым. Прежде всего французы овладевали языками, вырезая их у еще живых животных; вообще, трудно себе представить что-нибудь ужаснее того, что проделывали во время этого отступления люди с людьми и животными.

Большая часть отряда превратилась в мародеров, которые бросали свое оружие и снаряды; некоторые отходили на небольшое расстояние от дороги для грабежа, причем большей частью делались жертвой русских, которые их безжалостно убивали.

Тысячи умирали уже теперь от истощения и голода, лошади скудно питались древесной корой, старой гнилой соломой и деревом, так как все было покрыто снегом и смерз-

лось. У немногочисленной кавалерии взяли лошадей, чтобы везти дальше дотащившуюся до сих пор артиллерию. Нужда увеличивалась с каждым днем; так пришли мы 31 октября в Иторку, а 1 ноября в Вязьму.

(Йелин)

* * *

30 октября армия побросала фургоны и повозки всякого рода, так как бывшие в запряжке лошади, изнуренные голодом и трудностью дороги, покрытой гололедицей, не могли подвигаться дальше. Прибыв на бивак, я открыл полковые фургоны, чтобы офицеры могли распорядиться своими вещами, как они пожелают. Я сосчитал полковую казну; она состояла из *120 000 франков золотом*. Я разделил ее на несколько частей. Каждый из офицеров, унтер-офицеров и солдат получил маленькую сумму, обещаясь не расставаться с отданным на хранение ему вкладом, порученным его чести, и передать его товарищу в случае своей смерти. Благодаря попечениям капитана Берше, казначея 18-го полка, и честности моих славных товарищей *120 000 франков были положены обратно в полковой ящик по окончании кампании*. Не знаю, много ли полков были так счастливы, как 18-й линейный. Во всяком случае я всегда буду считать за честь, что имел под своей командой людей, способных к таким геройским поступкам.

(Пеллепор)

* * *

Пришедшие накануне в Можайск различные полки и многие солдаты различных корпусов, кавалеристы без лошадей — все это, скученное в беспорядке, стало собираться в путь. Улицы были загромождены повозками. Я проехал весь город с целью встретиться со своим полком. Увидав в поле артиллерийский парк и множество пехоты, расположенной на биваках, я направился туда и, действительно, нашел там и свой полк. Повернув назад, я взял другую, кратчайшую дорогу. Проезжая мимо поля, примыкавшего к городским садам, я усмотрел вдали что-то вроде пирамиды неопределенного цвета. Из любопытства я подъехал туда. Но с каким ужасом увидел я, что это куча обнаженных трупов, сложенная четырехугольником в несколько туазов высотой. На мой взгляд, тут было до 800 тел. Они были собраны в одно место

по распоряжению коменданта города,— для сожжения, так как они заражали улицы. А между тем, несмотря на 40-дневный промежуток времени со дня сражения, трупы сохранились. Тут были русские и французы. Раненые русские были брошены отступавшей армией, от чего большая часть изнемогла от ран или от голода. Мне еще не случалось видеть подобные ужасы. Несмотря на то, я обошел этот курган со всех сторон. Трупы благодаря стуже не издавали никакого запаха и не испортились; только глаза у них вытекли. Каждый труп оставался в том положении, в каком пришлось человеку испустить дух; некому было дать им горизонтальное положение, как обыкновенно делают с покойниками. Оттого все они лежали друг на дружке как попало. Я смотрел на кучу этих несчастных жертв, чтоб убедиться, как ужасна иногда смерть. Какие страшные раны обнаружились на этих телах... Многие были точно искрошены ударами сабли, другие обожжены взрывами пороховых ящиков. Я различил также две женские головы с длинными черными волосами, но, по-видимому, они не были ранены.

Таков-то пьедестал, на котором воздвигаются военные трофеи! Как же виновны государи, которые хладнокровно жертвуют столькими людьми из-за лживой политики; заставляют их умирать в мучениях, не сказывая им иногда даже, зачем им приходится умирать!..

1 ноября рано утром мы выехали из Можайска. В этот день мне пришлось видеть зрелище столько же ужасное, как то, которое представилось мне в последнем городе. По крайней мере, на нашем пути убитые не лежали в куче, а были разбросаны на большом пространстве, и раны их были прикрыты одеждой. Проехав несколько верст, мы очутились на Бородинском поле, через которое лежала большая дорога. Некоторые офицеры пожелали видеть эту обширную равнину, место одного из самых упорных и кровавых сражений. Мы направились к трем редутам, из которых один, самый грозный, был взят нашими кирасирами. Около этих редутов валялись в большом числе трупы, также сохранившиеся от стужи, но лишенные глаз. Большая часть их, судя по мундирам, были русские. Рассказывают, что Наполеон, проезжая по месту сражения, при виде большого числа русских, сказал: «В этом роде я люблю поле сражения». По полю валя-

лись во множестве ядра, осколки гранат, разбитые зеленые фургоны, содержавшие в себе патроны и взорванные французской артиллерией. Наши же фургоны с таким же содержанием уцелели, потому что они, длинные, узкие и темного цвета, незаметны издали, тогда как зеленые пушечные лафеты у русских служили своим блестящим видом мишенью для неприятеля. Подле рва мы увидели несколько трупов русских, у которых головы буквально были рассечены пополам. Сильны же были удары сабель, которые их сразили! На земле валялось белье и разное тряпье, вытасканное из солдатских ранцев при обыске их крестьянами. Замечательно, что, спустя два месяца после сражения, на этом поле кое-где еще бродили раненые лошади.

К вечеру увидали в отдалении местечко (Гжатск). Но так как оно было выжжено еще в первый поход наш в Москву, то полковник велел здесь сделать привал. Вправо от нас виднелась деревенская колокольня. Полковник отрядил в эту деревню несколько солдат с офицерами и трубачом, дав им на польском языке какое-то приказание. Простояв еще несколько времени на месте, мы отправились по направлению к колокольне. Подойдя к ней на расстояние пушечного выстрела, мы остановились. Отсюда мы увидали, что наших улан расставили вокруг домов, чтобы не допустить крестьян бежать, когда мы подойдем. Вскоре протрубили сигнал, и мы двинулись вперед. Пришедши в деревню, мы остановились против церкви; к нам подвели нескольких крестьян, как видно, запуганных тем, что им не дали бежать. Но когда с ними заговорили, они успокоились, и начались переговоры. Понимая все, что им было сказано, они на каждый вопрос единодушно отвечали: «Хорошо, хорошо». Им объявили, что полк переночует в деревне; что никого из населения не тронут, с условием, что никто не убежит, и что на другое утро мы уйдем. А до тех пор пусть они дадут нам все, что нужно для людей и для лошадей. Действительно, на каждое отдельное требование сена, овса, мяса, водки и т. д. крестьяне отвечали: «Хорошо». Полковника и некоторых офицеров повели в большой господский дом, где и отвели всем по комнате. На балконе поставлен был караул из нескольких улан с ружьями и трубач, на случай тревоги, и лошадей не всех расседлали.

Мне нравилась эта предусмотрительность. Какая разница в преимуществах польского и французского войска. Поляки знают язык и обычаи края; они знают, как обращаться с народом. Во все время похода я видел у нас совершенно противоположное. Когда мы входили в деревни, народ бежал от нас, потому что никто не умел обойтись с ним. Нам приготовили отличный ужин; полковник и офицеры потчевали меня, как если бы я был их товарищем...

(Роос)

* * *

29 октября вечером мы прибыли в Можайск. Все дома еще наполнены мертвецами. Порывшись между ними, мы нашли среди них несколько таких, которые, прежде чем умереть, изгрызли себе руки, так как раны не позволяли им выбраться из дома. Узнают, между прочим, тело капитана 30-го полка, который, обглодав до кости свою руку, все еще держит ее у рта.

30-го мы вновь пускаемся в путь. Но сзади на нас нападают тучи казаков, беспрестанно тревожащих нас. Мы не можем сделать и тысячи шагов без того, чтобы не обернуться лицом к неприятелю, но не стреляли, так как одного этого движения достаточно для того, чтобы заставить этих бешеных людей обратиться в бегство. Они приближаются к нам на расстояние ста шагов и оглушают нас своим «Ура!» Коекогда мы стреляем в них из пушек. 31-го, приближаясь к деревне К..., они соединяются в громадном количестве и атакуют наш корпус. Мы их отбрасываем, уложив несколько человек и забрав пять повозок.

1 ноября те же казаки хотят нас остановить перед мостом через Гжать; но они не могут нам помешать переправиться через реку, и мы располагаемся биваком на холмах перед городом. После медленного и тяжелого перехода в 25 верст по снегу, вплотную покрывающему землю, мы не имеем ни соломинки для ночлега и не можем развести огня вследствие сильного ветра, задувающего огонь при попытке зажечь его.

Французы проклинают свою горькую судьбу и нетерпеливо ждут восхода солнца, чтобы пуститься в путь, не подкрепясь хотя бы и скудной пищей...

(Франсуа)

* * *

Странное зрелище представляла из себя французская армия. Все солдаты были одеты в награбленное: один был в мужицком кафтане, другой в коротенькой меховой кацавейке, отобранной, очевидно, у какой-нибудь толстой кухарки, третий в богатой купеческой поддевке, но большая часть была одета в атласные женские шубы. Дамы высшего круга шьют себе пальто — всегда черные, но горничные, торговки, одним словом, женщины из народа, покупая себе шубу как предмет роскоши предпочитают розовый, синий, лиловый и белый цвет.

Несмотря на печальные обстоятельства, невозможно было удержаться от смеха, видя, например, усатого гренадера, одетого в розовую атласную шубу. Оберегая себя таким образом от холода, несчастные сами не могли смотреть друг на друга без смеха, видя этот причудливый маскарад.

Мне вспоминается потешный случай: один гвардейский полковник, сделав стоянку своему полку, задержал также и мою карету, несмотря на уверения моего слуги, что карета принадлежит г-ну Тинтинье, племяннику обер-шталмейстера.

— Ты очень смущаешь меня этим,— сказал полковник,— но все-таки я тебя не пропущу.

Я проснулась при этом споре, и тут только полковник заметил меня.

— Простите,— воскликнул он,— я не знал, что в карете дама.

Я взглянула на него, одетого в голубую атласную шубу, и невольно улыбнулась. Вспомнив, очевидно, о своем костюме, он также разразился хохотом. Долго мы не могли успокоиться от взрыва веселья, охватившего нас, и насилу объяснились.

— Конечно,— сказал он мне,— вид гвардейского полковника в голубой шубе очень комичен, но боже мой, что же мне было делать, я замерзал от холода и потому купил ее у солдата.

Мы с ним проболтали довольно долго, и он пригласил меня разделить с ним его скудную трапезу, приготовленную из оставшейся еще у него провизии. Зажгли костер; нарубив сосен, нам устроили шалаш, который полковник сейчас же прозвал «хижиной Аннеты и Любена». Увы! печальная

зелень, покрывавшая ее, не защищала от холода пастуха и пастушку, сидящих в ней, и вместо пения соловья мы слышали зловещее карканье ворона...

(Фюзи)

* * *

30 октября. Сегодня утром, после 54-дневного отсутствия, мы вернулись на поле битвы под Москвой...

8-й корпус, оставленный на поле битвы для того, чтобы подобрать раненых и похоронить мертвых, исполнил возложенное на него поручение. Но тем не менее видно еще множество неубранных трупов русских и лошадей,— холод не давал им разлагаться...

Прошли мимо Колоцкого монастыря, и тут нашим глазам предстало тяжелое зрелище, глубоко нас поразившее.

Император несколько раз посылал приказы из Москвы о том, чтобы все раненые были эвакуированы. Покидая этот город, он еще раз подтвердил, чтобы все без различия повозки, не исключая и его собственных, были оставлены под раненых, которые не были в состоянии идти. Не делал ли он того же самого в Египте или при возвращении из Сирийской экспедиции? Не шел ли он сам пешком по пескам пустыни, уступая для них свою собственную лошадь? И вот теперь в этом монастыре нашлось еще около 1000 раненых, о которых сказали, что они неспособны перенести дорогу. Узнав о таком положении вещей, император, говорят, сильно рассердился на Жюно. Он досадует, что его приказания не были исполнены, и приказывает поместить всех этих несчастных в свои парадные экипажи, в экипажи его офицеров, в тележки маркитанток, в повозки из-под провианта и багажа.

Все дело в небрежности, эгоизме и торопливости этих презренных возниц: они с неудовольствием смотрят на то, что их заставляют нагружать повозки ранеными, так как боятся, что потеряют те богатства, которые туда сложены. Они доходили до того, что ссаживали массами этих несчастных, просивших хлеба, воды и умолявших дать им местечко, чтобы можно было ехать за нами. Вице-король старался спасти кое-кого из них. Говорят, что Даву делал то же самое, но все же значительное большинство раненых было брошено на произвол судьбы.

Подле Величева, 1 ноября. Платов вновь пытается напасть на Даву, вследствие чего происходит только задержка движения войск, так как Даву при каждой такой попытке выстраивает своих солдат и не двигается до тех пор, пока не пропустит артиллерию и багаж.

Вскоре после полудня, когда багаж итальянской армии проходил по узкой дороге, находящейся близ деревни Царево Займище, на недалеком расстоянии, влево от дороги, появился неприятельский авангард. Затем стала приближаться сотня казаков, чтобы завладеть обозами. Нельзя было выбрать более удачного момента. Масса отставших солдат, служащих, женщин и раненых шли вперемешку около повозок; тут были также пушки, лошади, которых вели под уздцы, фуры — все это двигалось так, как будто было в полной безопасности.

Повозки, служители, маркитанты пустились в бегство по полю в направлении уже прошедших колонн, толкая друг друга, падая и увлекая за собой несчастных раненых, которых они перевозили. Самые храбрые сдвинули свои повозки и засели за них, решившись защищаться в ожидании помощи, и хорошо поступили, так как генерал Галимберти, командующий дивизией Пино, быстро повернул 2-й батальон легкой пехоты, построенной в каре. Он быстро приблизился к ним. При виде их казаки и вся неприятельская кавалерия быстро ретировались, успев только ранить кое-кого из повозчиков и разграбить несколько фургонов.

Что касается нас, т. е. Королевской гвардии, то хотя мы и часто видим гарцующих вокруг нас татар, но нам дан приказ не ускорять нашего движения. Наконец, мы останавливаемся в лесу, близ Величева. Там под различными предлогами некоторые из солдат уходят из строя, чтобы ответить дерзостью на дерзость, дразнить и ругательствами вызвать противников.

Федоровское, 2 ноября. Холод становится все сильнее, хотя погода продолжает быть ясной и солнце не перестает еще греть.

Положение армии становится довольно печальным. Нужна вся отвага, нужна вся выдержка, чтобы это переносить; только стойкость и влияние главных начальников и офицеров мешает нашим ежедневным потерям расти в ужасающих

размерах. Армии нужно собрать все свои нравственные силы, чтобы не погибнуть под тяжестью физических страданий, доставляемых нам резким климатом, переходом по пустынной местности и непривычной для нас температурой. Прошло только 7 дней с тех пор, как мы покинули Малоярославец, а наши потери уже очень значительны.

Ни соломинки нельзя найти в полях и деревнях; лошади выбились из сил, и ясно, что им не вынести тяжести безостановочного передвижения. К этому надо еще прибавить бесчисленные затруднения, с которыми нам приходится бороться: подмерзшие дороги, испорченные броды, разрушенные мосты, болота, гололедица, одним словом, препятствия, преодолеть которые не в силах истощенные люди и лошади.

Сперва легко заменяли лошадей, падавших в артиллерийских обозах и подводах, на которых лежат больные и раненые, лошадьми, оставшимися в большом количестве из-под сожженного багажа или теми, на которых ехали маркитанты, или даже взятыми из кавалерии; но теперь все приведены в одинаковую негодность. Их впрягают по 12—15 в пушку. Малейший подъем является непреодолимым препятствием для несчастных животных.

В Верее в первый раз взорвались фуры, в Колоцком монастыре в первый раз разбили и бросили пушки. Каждый день что-нибудь приходится бросать, чтобы спасти хоть часть артиллерии.

Положение людей столь же малоутешительно. У кого нет повозок, у тех провизия уже истощилась. Мы проходим по местности, совершенно опустошенной верст на пятнадцать, на двадцать по обе стороны дороги, по которой уже прошли две многочисленные армии, не считая всех отрядов, за ними следовавших. Таким образом, солдат должен значительно углубиться в сторону, если хочет отыскать какое-либо пропитание для себя или для своих лошадей.

Слева русская армия, справа многочисленные сотни казаков, всюду вооруженные крестьяне местных деревень. Конечно, отряды регулярных войск легко бы справились с этими последними, но быстрота движения, опасность отделить еще людей от и без того уже слишком уменьшившихся корпусов, невозможность остановиться, страх быть обойденными русскими — заставляет армию довольствоваться тем, что

они находят на дороге. Увы, на их долю приходится только мясо лошадей, павших от голода, усталости и истощения.

Кто не желает довольствоваться этой пищей, те уходят от войск в глубь страны и редко возвращаются.

С пренебрежением смотрят теперь на драгоценные камни и вещи, но кожи или меха, которыми можно покрываться, и пища, в каком бы то ни было виде, не имеют цены.

Страшные биваки! Ужасные ночи!

Ввиду загроможденности дороги движение еще более замедляется, а холода становятся все сильней и сильней. Очень много людей больных, раненых или слишком слабых для того, чтобы следовать за войском, начинают отставать. Сперва они бросали только свои мешки, потом оружие, в надежде, что им будет легче идти и что они смогут не отставать от своих частей; идя вперемешку, в беспорядке, они еще не хотят поддаваться и в отчаянии делают сверхчеловеческие усилия, чтобы не терять из виду авангард, но в конце концов падают... Бог знает, какова будет их участь!

(Ложье)

* * *

К этому времени (1 ноября) положение армии было ужасно! Что касается меня, то после выступления из Москвы, несмотря на две огнестрельные раны в левой ноге и несколько других, еще не зарубцевавшихся ран, я шел все время пешком, причем моя правая нога была одета в сапог, а левая — в стоптанный башмак; но, подобно всем своим братьям по оружию, я предвижу столько бедствий впереди, что и не думаю о лечении ран: я их не перевязываю более, и моя онемевшая нога движется чисто механически. Мои лошади везут еще кой-какие съестные припасы, но кормить их нечем, кроме как гнилыми листьями, добываемыми из-под снега. Нет ни одного солдата, которого бы не ужасало его будущее. Мы находились в 30 милях от Москвы, среди опустошенной страны, где мы сражались не иначе, как при свете пожаров. Солдат, который в былые времена делил кусок хлеба со своим товарищем, имея теперь только самую скудную пищу, тщательно прячет то немногое, что у него есть. Лошади, столь полезные при перевозке съестных припасов, от недостатка корма так ослабли, что их требуется от восьми

до пятнадцати штук для перевозки одного орудия. Они питаются древесной корой или мхом и лишь изредка получают гнилую солому на стоянках армии. Неудивительно, что ежедневно гибнут тысячи лошадей. Приходится взрывать артиллерийские повозки, сжигать фургоны и разбивать или заклепывать орудия, не имея возможности везти их дальше. Эта печальная обязанность падает на нашу долю, так как мы идем в арьергарде. Военные снаряды исчезают на наших глазах ужасающим образом.

К столь многочисленным бедствиям (зловещие подробности которых вовлекут меня в повторения, почти неизбежные в рассказе и простительные для солдата) следует присоединить еще сонм казаков и вооруженных крестьян, которые окружают нас. Дерзость их доходит до того, что они пробиваются сквозь наши ряды, похищая ломовых лошадей и фургоны, которые они считают богато нагруженными. У наших солдат нет силы противиться этим похищениям. Тех, кто удаляется с дороги с целью грабежа, убивают крестьяне. Есть и такие, которые покидают ряды нарочно для того, чтобы быть убитыми или захваченными в плен казаками; но даже казакам их больше не нужно, и последние, если не убивают их, то довольствуются тем, что грабят их, раздевая донага. Эти несчастные с отчаяния бросаются в леса или в болота. Там они находят конец всем своим бедствиям, не имея более сил догнать армию. Никто уже не помышляет о том, чтобы сохранить драгоценности, добытые на развалинах пылающей Москвы: каждый думает лишь о том, чтобы не умереть с голоду. С каждым днем становится все холоднее, и вскоре мороз должен соединиться с голодом, чтобы уничтожить нашу армию, эту армию, которая была столь прекрасной при переходе через Неман! Многочисленные лишения деморализуют солдат, которые идут, не смотря перед собой, и с полным безразличием толкают как генералов, так и своих товарищей. У всех блуждающий взгляд. Все одеты в более или менее дорогие меха, благодаря чему оказывается большое разнообразие костюмов, из которых один кажется причудливее другого. Как узнать в них людей, полгода тому назад заставлявших дрожать Европу?

Что касается меня, я, вооруженный своим костылем, в розовой шубе на горностаевом меху, с капюшоном на голове,

рядом со своим верным денщиком и двумя лошадьми, которые идут за нами шаг за шагом, несмотря на то, что мы им предоставили свободу. Мы с трудом следуем за большей частью остатков полка.

При недостатке съестных припасов мы едим лошадей, трупы которых окаймляют нашу дорогу; но, находясь в арьергарде, мы зачастую встречаем лишь остатки этих животных, часть которых уже съедена идущими впереди нас. Счастливец, кто может добыть себе хотя бы это!

Конина служила мне единственной пищей до самого Вильно, если не считать фунта овсяного хлеба, проданного мне одним гвардейцем за 20 франков.

Я ем это мясо в полусыром виде, так что жир и кровь капают на меня, с подбородка до колен окрашивая мою одежду в красный и желтый цвет. Прибавьте к этому еще длинную бороду, каждая волосинка которой заканчивается тоненькой льдинкой, лицо в копоти, жирные волосы, скрытые под капюшоном моей розовой шубы, шитой золотом,— и вы получите мой портрет. Несмотря на свое тяжелое состояние, я иногда смеялся, когда, бывало, вздумаю рассматривать своих собратьев по оружию, у которых был по меньшей мере столь же смешной вид.

Количества лошадиных трупов вскоре недостанет даже и для трех четвертей голодной армии. Эту пищу, следовательно, могут добывать себе только те, у кого сохранилось хоть немного храбрости.

Солдаты, у которых нет ни ножа, ни сабли, или которые отморозили себе руки, не могут воспользоваться даже и этой пищей. Однако я видел и таких, которые, либо стоя на коленках, либо сидя, словно бешеные волки, глодали эти обнаженные остовы... Благодаря моему доброму и верному солдату я не дошел до подобной крайности: я располагал ежедневно 2—3 фунтами конины, правда, полусырой и без соли, но я рад был и этому. Моим напитком был снег, растопленный в кастрюле, которую тщательно хранил денщик. Несмотря на всеобщую деморализацию, остаток гуманного чувства не позволяет убивать раненых верховых лошадей. Я храню своих лошадей для перевозки провианта, но сам не сажусь на них, так как каждый, кто вздумает ехать, как бы он ни был одет, может быть уверен, что через несколько часов замерзнет.

Такова картина нашей армии в первых числах ноября. Но если столько приходится страдать людям, которых пощадил климат и которым удалось ускользнуть от случайности войны, то что сказать мне о положении больных и раненых?

Сваленные в кучу, как попало, на телегах, запряженных лошадьми, падающими от усталости и голода, покидаемые на биваках и по дороге, эти несчастные умирают в конвульсиях отчаяния, или сами полагают предел своим страданиям, когда у них хватает силы — покончить с собой...

Товарищи и друзья этих жертв глухи к их стонам и воплям или намеренно отворачиваются, чтобы не видеть их...

Бедствия уничтожают всякое чувство дружбы, одиноко царит лишь инстинкт самосохранения, и самый черствый эгоизм пришел на смену нежного чувства братства по оружию, трогательные примеры которого французы давали до сих пор.

(Франсуа)

ВЯЗЬМА — ДОРОГОБУЖ

Те, кому было поручено конвоировать и сопровождать багаж, пользовались беспорядком, который вызывался присутствием казаков, и присваивали себе все, что было им доверено. В армии развились жадность и воровство. Солдаты дошли до такого бесстыдства, что мы не могли чувствовать себя между ними спокойно, как будто мы находились в неприятельском лагере. Каждый зарился на имущество другого и, пользуясь первой тревогой, захватывал его себе, и многие, поощряемые таким легким способом наживы, чтобы доставлять себе более частые случаи для грабежа, производили ложные тревоги, крича сами: «Ура! Ура!..»

Этот маневр русских нагнал ужас на тех солдат, которые благодаря слабости и недостатку в пище принуждены были выступить из рядов и идти вольно. Таких солдат было очень много, особенно кавалеристов, которые почти все были уже без лошадей. Эти отделившиеся люди стали при таких обстоятельствах не только бесполезными, но прямо опасными, они лишь стесняли движение войска и вносили переполох и беспорядок, поспешно убегая при появлении неприятеля, ставшего для них грозным благодаря их ужасному положению.

Наше состояние при этом было критическим, так как казаки, видя бегство этой слабой и безоружной массы, удваивали свои пыл и храбрость, предполагая, что беглецами были наши вооруженные колонны...

(Лабом)

* * *

2-го вблизи Семлева, по ту сторону Вязьмы, неприятель занял выгодные позиции, и это заставляет нас бояться серьезного сражения...

3 ноября 1812 г. в 6 часов две дивизии 1-го и 5-го корпусов идут на Вязьму, где казаки отнимают у них несколько повозок, никаким другим образом не беспокоя их.

Генерал Нагль минует Мясоедовский лес; два русских полка его атакуют вблизи Пещерки, и неприятель пытается проникнуть в промежуток между 5-м корпусом и нашей дивизией, находящейся позади. В то же время несколько русских колонн достигают большой Вяземской дороги.

Видя их намерение отрезать нас, мы останавливаемся; орудия приводятся в порядок и строятся полки, из которых у половины, по крайней мере, нет оружия. Едва мы выстроились, на нас нападает многочисленная кавалерия. Наши потери значительны. Во время этой внезапной атаки маршал Даву расположил свой армейский корпус позади 4-го и 5-го корпусов, вправо от дороги, а мы заняли позицию влево, перед Мясоедовским лесом, откуда одна дивизия двинулась на Новое. Эта дивизия напала на русских и отбросила их в лес, где они укрепились. Другие дивизии развернулись перед неприятелем и, образовав полукруг, приготовились к битве. Во время этого движения другие армейские корпуса уже дрались с русскими, надвигавшимися с двух сторон дороги.

Сражение началось с ожесточением, но русские были многочисленнее нас, а наши лошади слишком слабы для того, чтобы быстро маневрировать с орудиями. Несмотря на эту невыгоду, бой поддерживается. Обозы и снаряды сражающихся корпусов минуют Вязьму. Маршал Ней с 3-м корпусом заходит в тыл неприятелю и в продолжение пяти часов сражается с ним. Многочисленная русская конница обходит 1, 4 и 5-й корпуса, но баварцы и итальянцы, расположившиеся на возвышенности с 12 пушками, заставили ее остано-

виться и нанесли ей большие потери. 1-й корпус отбрасывает правое крыло русских на Любцу, а 3-й корпус достигает большой дороги, идущей слева, и принуждает неприятеля к отступлению. Наши потери составляют 4000 человек, неприятельские — 7000... Мы не имеем возможности везти с собой своих раненых.

Бой прекращается в три часа пополудни: мы вышли победителями с поля сражения. В 5 часов наш армейский корпус проходит через Вязьму и располагается перед этим городом.

Нас заменили в арьергарде 3-м корпусом.

(Франсуа)

* * *

Подле Вязьмы, 3 ноября. Ночь со 2 на 3 ноября — ночь самая ужасная из всех!

Предупрежденный о приближении неприятеля, вице-король отправил обозы ночью. Мы снимаемся до рассвета и двигаемся по направлению к Вязьме; корпус Понятовского нам предшествует; в 8 часов мы проходим деревню Максимово; Даву следует за нами, но на некотором расстоянии.

Вдруг значительный отряд казаков вылетает на большую дорогу и мгновенно отрезает нас от корпуса Понятовского; королевская гвардия, находящаяся сегодня в авангарде, немедленно их рассеивает; но в то же время кавалерия неприятельского авангарда атакует левый фланг наших последних колонн и старается отрезать им дорогу. Гвардия выстраивается тогда колонной, идет на них в штыки и освобождает наших товарищей.

Между тем позади дело обстоит не так благополучно. Даву, который еще не прошел Федоровское, был атакован значительными силами. Вице-король, уведомленный об опасности, которая ему угрожает, заставляет наши колонны отступить, собирает их в отряд и спешно двигает их на помощь маршалу. Понятовский тоже возвращается и занимает позицию перед Вязьмой, влево от дороги. Небольшое количество кавалерии, которым мы еще располагаем, стоит вправо от поляков.

Вице-король, видя, какие силы русские выдвинули против Даву, чтобы отрезать его от нас, продолжает двигать назад дивизии до деревни Мясоедово и занимает высоты, стре-

мясь зайти в тыл левому крылу Милорадовича. Артиллерия занимает позиции, и наши стрелки под прикрытием изгороди атакуют неприятельские ряды.

В то же время корпуса Даву начинают действия, чтобы пробить себе дорогу.

Итальянские стрелки постепенно достигают русских центральных батарей и едва не овладевают ими. Подбегают неприятельские канониры и быстро их увозят. Вице-король отправляет тогда колонну пехоты через кусты на левый фланг русских. Вынужденные отражать нападение сзади, атакуемые со всех сторон, эти последние покидают свои позиции на дороге; сообщение между нами и Даву восстановлено.

Тем не менее все единогласно стояли за то, чтобы отойти к Вязьме. В то время, как мы намечали этот план действий, канонада русских возобновляется и становится очень оживленной. Мы храбро сопротивляемся, но корпус Даву, деморализованный усталостью и всякого рода лишениями, которые ему приходилось переносить со времени выхода из Малоярославца, уже не держит себя так блестяще, как за все время кампании. Неприятель это замечает, становится отважнее и усиливает артиллерийский огонь. С нашей стороны дурное состояние наших лошадей задерживает движение артиллерии. Убежденный в своем превосходстве, Милорадович делает еще одно сильное нападение, стараясь обхватить оба наши крыла. Но итальянские стрелки, баварцы и польские уланы (хотя лошади под последними и были очень плохи) решительно устремляются навстречу русским и обращают их в бегство.

Наконец, главным образом благодаря нашей кавалерии, пехота достигает высот, защищающих Вязьму, и располагается на них в следующем порядке:

Итальянская армия, состоящая приблизительно из 13 000 человек, стоит перпендикулярно к почтовой дороге, причем большая часть ее расположена по правую, а меньшая по левую сторону, образуя на левом фланге крюк, чтобы стоять лицом к лицу с казаками, которые нас окружают. Левое крыло Даву, дивизии которого могут выставить всего от 11 000 до 12 000 человек, соединяется с правым крылом итальянской армии. Правое крыло Даву доходит до Нея (приблизительно 6000 человек), который выставил бригаду, чтобы поддержать

1-й корпус. Таким образом, боевая линия Даву образует очень острый угол с почтовой дорогой. 3500 человек Понятовского и 3000 оставшихся от 1-го и 3-го кавалерийских корпусов занимают свои прежние места на второй линии.

Холод увеличивается, истощение солдат, еще ничего не евших, таково, что многие падают в обморок; другие почти не в состоянии нести оружие, но тем не менее желают боя, чтобы согреться, а может быть, надеются найти смерть, которая избавит их от этой долгой агонии. Среди командующих ими офицеров встречаются многие с рукой на перевязке или забинтованной головой. Одни ранены еще под Москвой, другие — под Малоярославцем.

Все стараются поднять мужество у наиболее отчаявшихся из солдат.

Три французских корпусных командира, войска которых были в деле, стояли на возвышенности около королевской гвардии, вправо от почтовой дороги, и старались на этом пути сосредоточить свои действия; в это самое время русские колонны вдруг начали атаку. Стрельба вспыхнула по всей линии с необыкновенной силой. Наконец, в 5 часов вечера русские, утомленные таким упорным сопротивлением, прекращают атаку, и наши войска продолжают отступление.

Ней составляет авангард; город в огне, и русский генерал (Чоглоков) входит в него с барабанным боем и развевающимися знаменами. Вязьма разделяет обе армии...

По пути к Дорогобужу, 5 ноября. В половине 2-го ночи вице-король нашел нужным, прикрываясь темнотой, сделать отступление и опередить немного русских. Мы идем ощупью по большой дороге, загроможденной повозками и артиллерией. Останавливаемся на каждом шагу. Слабость, результаты всевозможных лишений, так как едим только немного жареной конины, отсутствие отдыха заставляют еще сильнее чувствовать всю суровость погоды. Многие страдают от холода еще больше, чем от голода, и выбывают из строя, чтобы погреться около какого-нибудь большого костра. Но когда настает время уходить, эти несчастные предпочитают попасть лучше в руки неприятеля, чем продолжать свой путь.

(Ложье)

* * *

За два перехода до Смоленска в армии были получены изготовленные в Париже ручные мельницы. Они должны были возместить недостаток в других каких-либо мельницах. Не имея возможности молоть муку, солдаты вынуждены были питаться распаренным ячменем, что вызывало сильную болезненность и убыль в рядах. В Смоленске надеялись найти продовольствие, удовлетворительные квартиры и восстановить порядок. На дороге в Ельню, по которой лежал путь армии, должна была бивакировать дивизия Бараге д'Илье, пришедшая из Франции и приведшая с собой подкрепления во все корпуса. Рассчитывали, что вид дисциплинированных и находящихся в полном порядке солдат поднимет дух ветеранов и побудит их не покидать своих мест в рядах. Кроме того, рассчитывали на твердость Нея и его арьергарда, которая должна была дать возможность выиграть время, необходимое для реорганизации армии. Множество неодолимых препятствий разрушили все эти шаткие расчеты и обманчивые надежды.

Кутузов предоставил казакам преследовать армию с тыла. Сам же с главными силами двигался в стороне от большой дороги. Этот маневр был им замечательно правильно рассчитан: с одной стороны, его армия, проходя по менее опустошенной местности, терпела меньше убыли; с другой, он держал французскую армию под постоянной угрозой обогнать ее и отрезать путь отступления. Вследствие последнего обстоятельства французская армия была вынуждена форсировать марш и двигаться без малейшего отдыха.

(Жомини)

* * *

При выступлении нашем из Вязьмы, 2 ноября, мне показали в пехоте тех солдат, которым вверены были знамена.

Наши генералы уже раньше отправили в безопасное место половину знамен, теперь велено было снять с древка и остальную половину, а сами знамена либо обмотать вокруг тела, либо спрятать в ранцы самым сильным и выносливым людям, чтобы этим путем сохранить их; и, как мне довелось узнать впоследствии, вюртембергский корпус не утратил в России ни одного из своих знамен. Это указание мне солдат

имело ту цель, чтобы я в случае болезни или ранения одного из этих знаменосцев проявил к нему особую заботливость, а в случае смерти поспособствовал спасению знамени.

Мы тронулись из Вязьмы в обед; было свежо и холодно, ярко светило солнце. Явился Наполеон на коне, в сером сюртуке; но царственная глава его на этот раз покрыта была не шляпой, а теплой зеленой шапкой с серым мехом. Рядом с ним ехали его ближайшие родственники, состоявшие в армии. В общем, свита его была невелика, и здесь, как раньше и позже до самой Березины, его достоинство и уважение к нему нисколько не пострадали, несмотря на все пережитые и еще предстоящие бедствия. С чувством удивления глядели на него его войска, и с доверием и надеждой во взоре провожали они его. И здесь, и позднее я слышал от офицеров различных наций: «Только бы хватило сил!»

А действительно, следовало приободриться, ибо физические силы были истощены. В последние три дня резко наступила зима и уже спровадила кое-кого из нас на тот свет. В пути сегодня у нас сломалось несколько повозок. Раздались крики: «Сахар! Водка!» Словно подгоняемые бурей, бросились самые голодные и стали хватать, кто что мог. Унесенное сейчас же делилось с другими. Насколько беспорядочно обращались со всем, видно из того, что уже под Боровском всякий почти порядок стал расстраиваться, а под Колоцким монастырем, да еще с наступлением сильных холодов, за Вязьмой, прекратился и вовсе. Водку при таком разграблении не столько выпивали, сколько проливали, сахар же растаскивали. В питательном свойстве сахара я убеждался не раз; часто у меня только и было, что кусок сахара, я поедал его в пути и к вечеру чувствовал себя как бы насыщенным; наоборот, другие, склонные к поносу, должны были избегать его потребления.

Выпавший сегодня после полудня снег крайне затруднял наше передвижение, продолжавшееся до ночи, и особенно мешал артиллерии. Прибывшая из Вильно на великолепных конях кавалерийская команда нашего полка должна была спешиться. Коней во всем их снаряжении и с седлами впрягли в пушки; за неимением хомутов тяжи привязывали к седельным подпругам. Эти приспособления придали артиллерии совершенно своеобразный вид, но принесли мало пользы;

ибо, несмотря на эту подмогу, на следующее утро пришлось бросить тяжелые орудия, потому что в ночь погибло много лошадей. Почва стала шероховатой, совершенно замерзла, и передвижение при этом сделалось затруднительнее.

Утром 3 ноября я присутствовал при том, как граф фон Шелер приказал заклепать восемь таких тяжелых 16- и 24-фунтовых пушек вследствие того, что лошади под ними выбились из сил или пали в морозную ночь; лафеты же были распилены. Эта необходимость произвела печальное впечатление на всех присутствующих и вызвала приблизительно такое настроение, какое бывает, когда приходится покинуть родственника или друга в горе и нужде и ничем нельзя помочь ему. Это были первые пушки, утраченные вюртембергскими войсками в эту войну.

Выпавший сегодня снег затруднил передвижение больше вчерашнего. С крайним напряжением перетаскивали остальные пушки через высоты и низины. Пришлось пустить в ход и солдат, криками и ударами пришпоривали и до крайности напрягали слабые силы лошадей. Не сегодня-завтра все равно эти силы исчерпаются, и все прежние усилия пропадут даром.

После полудня мы остановились у почтовой станции, окруженной частоколом. Здесь у меня стащили мою шпагу, которая теперь стала мне так необходима при варке и у костра. Здесь же, у этой почтовой станции, я наблюдал, с каким усердием и ловкостью французы готовили в пищу конину. Огромные котлы кипели и пенились; из них торчали огромные лошадиные кости. С трудом пошли мы дальше, в мороз и снег, по непроходимой дороге, поздно ночью сделали печальный привал, ни у кого не было ни куска пищи. Некоторые уже сильно похудевшие люди заболели, а к утру я нашел их уже мертвыми и окоченевшими.

4-го мы опять рано тронулись в тяжелый свой путь. В полдень другая, тоже огороженная частоколом станция послужила нам поводом для остановки. Станция занята была сильным отрядом пехоты из только что нарекрутированных молодых людей, в большинстве 16-летнего возраста, частью еще сохранивших свою домашнюю одежду. Эти молодые эльзасцы и лотарингцы рассказывали, как им почти ежедневно

приходится оборонять станцию от казаков, сопровождать транспорты в армию и курьеров и постоянно сражаться...

Вчера и сегодня, 5 ноября, когда погода не позволяла отклоняться от большой дороги, наше отступление приняло ужасный и страшный вид. Отчаяние, порожденное нуждой и голодом, могло послужить причиной пожаров, которые опять всюду стали видны. Близко и далеко от большой дороги вспыхивали усадьбы и села. Голод и нужда приводили к сценам отчаяния и жестокости. На павших лошадей немедленно набрасывались солдаты, нередко их окружал десяток голодных, которые отрезали себе мясо. Иногда такие лошади еще не успевали издохнуть, шевелились и оставались еще живыми, когда с них почти наполовину срезано было мясо.

Уже к этому времени большинство людей были безобразны, грязны, разбойничьего вида, а такое кровавое занятие сделало их окончательно противными. По самым вздорным поводам вспыхивали ссоры, драки и истязания. При малейшем противоречии — кто мог, выхватывал саблю. Я видел даже, как один обозный солдат из-за куска хлеба раскроил голову своему товарищу.

Дни были уже очень коротки, приходилось спешить, а потому шли до поздней ночи, которая скрывала не одну ужасную сцену наших бедствий. Утром снимались с места рано. И постоянно на биваках оставались трупы и мертвые лошади.

Потеря лошадей быстро приводила в негодность многих, в общем довольно сильных людей. Другие, даже опытные пешеходы, становились жертвой похода и недостатка в пище. В эту же ночь я застал у одного костра знакомых, которые резали белую собаку. Сыну одного чиновника из Эгингена, Вицигенрейтеру, досталась голова этой собаки. Он провел целую ночь за ее приготовлением, съел свое скверное блюдо и вскоре умер. Утром, при уходе, мне показали его труп, лежавший в лесу у дороги...

(Роос)

* * *

Скоро дали знать себя два более сильных врага: холод и голод. Солдат нельзя было удержать в строю; они были так голодны, что в поисках пищи уходили в сторону от дороги, находили при этом только смерть или попадали в плен. Бед-

ные лошади питались одной соломой с крыш еще не разрушенных домов. Чтобы поить их, приходилось прорубать на озерах толстый слой льда, под руками часто не было орудий, чтобы добраться до воды.

Ужасны были ночи! Придя вечером на место привала, люди вырывали друг у друга доски и бревна от уцелевших еще домов и разводили костры; если же огонь в них не поддерживали, если все кругом засыпали, то рисковали больше не проснуться. Я видел раз 10 или 12 солдат, которые замерзли, лежа вокруг костра, потухшего по их небрежности или от недостатка топлива.

Счастлив был, кто успевал занять место, защищенное остатком стены. На каждом биваке я принимался ходить взад и вперед по дороге в ожидании похода польских мародеров; я покупал у них на вес золота скудные редкие припасы. Кусок свинины, изжаренный на углях, или несколько горстей муки, размешанной в талом снеге, обманывали мой голод и голод товарищей. Но от плохого питания у нас делалось расстройство желудка, страшно ухудшавшее положение.

Иногда у меня бывали счастливые встречи. Так, я встретил раз своего прежнего унтер-офицера из отборной роты 11-го стрелкового, который стал теперь унтер-офицером, адъютантом в стрелковом батальоне Императорской гвардии (его звали Бутон); он конвоировал теперь фуру с провизией и предложил мне сахар и кофе; я выбросил из чемодана наполнявшее его грязное белье и набил его этими припасами, впоследствии очень пригодившимися мне: выпив утром достаточное количество кофе, я уже целый день не чувствовал голода.

Я поджаривал его в глиняных черепках, которые отыскивал на биваках, и толок в кончике плаща прикладом пистолета; растопленный снег делал остальное. Однажды мне очень повезло.

Дело было в Вязьме: генерал Жаккино послал меня в город накануне с поручением останавливать одиночных офицеров и кавалеристов нашей дивизии, чтобы собрать их. Был полдень; двое суток я питался только небольшим количеством кофе да съел несколько ложек каши, которой поделились со мной гусары 8-го полка; вдруг я встретил знакомого капитана полевой артиллерии Кроснье, которому отдал часть

своего скудного запаса; он пригласил меня с собой, и я пошел за ним, передав офицеру начальствование над собранными мной людьми. Бивак артиллеристов был недалеко, я нашел тут французское семейство из Москвы, которое император поручил ему доставить во Францию. Это была мать с двумя дочерьми 12 и 14 лет, но мои взоры гораздо сильнее привлек подвешенный перед ярким огнем кусок баранины. Пока он поджаривался, я поел немного хлеба, выпил чашку чая с ромом и терпеливо ждал жаркого, за которое мы принялись час спустя. Давно я не был на таком пиру! Уходя в Вязьму на свой пост, я горячо поблагодарил на прощание доброго капитана; и это было еще не все: я шел счастливый, с сытым желудком, и заметил, что мои дорожные сумки набиты больше, чем обыкновенно; я заглянул в них и нашел в одной трехфунтовый хлеб, в другой — бутылку с ромом; их велел незаметно положить мне верный и добрый товарищ. Надо побывать в моем положении, чтобы понять мое счастье, мою радость! Вечером приехал генерал Жаккино, я повел его на бивак, где были собранные мной люди, и рассказал ему о своей удаче. «Не будем расставаться,— сказал он мне,— я весь день ничего не ел!» С ним был старший адъютант Таверонье, начальник штаба дивизии, мы проделали себе прогалину в густых кустах близ дороги; зажгли костер, сели вокруг него и употребили сначала долю содержимого бутылки; у слуги генерала была свежая свинина, ее зажарили на углях; я пустил в ход свой хлеб, и мы провели неплохую ночь, после скромного ужина, который среди окружавших лишений мог сойти за настоящий пир. Мы шли 5—6 часов, чаще всего пешком, так как во многих местах наши лошади не могли держаться на льду.

(Дюпюи)

* * *

31-е. Император одел меховую шапку, зеленую шубу. Мы делаем 10 миль и приходим в Вязьму, почти совершенно сожженную. Находим там восемь эстафет, их не хотели отправлять дальше по причине казаков и вооруженных крестьян. Никогда никому не придется идти столь длинным путем, усеянным трупами, как тот, которым прошли участники этого похода; трупы видны по всем закоулкам, на всех дорогах,

свежие и разложившиеся. Погода холодная, но сухая; артиллерия и повозки подвигаются легко. Фураж можно найти в 4 верстах от большой дороги. Я ночую в сводчатой комнате вместе с моей лошадью, Жиру и Шабо, у которого украли часы. Лошади отвязываются, мешают нам спать, в чем им помогает и холод.

1 ноября. Мои слуги все не показываются; у меня нет ни белья, ни меховых вещей.

2-е. Я остаюсь в Вязьме до двух часов в ожидании моей повозки; она была впереди меня, и я ее не нашел дорогой; меня это очень беспокоит, так как казаки, по своему обыкновению, ежедневно по нескольку раз бросаются на «Ура!» Верст 12 я тащу за уздечку мою разбитую на ноги лошадь. В этом нет ничего утешительного, но также ничего и удивительного: биваки без корма не содействуют хорошему состоянию лошадей.

Князь Экмюльский подвергся нападению неприятеля и постепенно был принужден по частям бросать свою артиллерию за неимением лошадей. Неприятель отрезал его от 1-го корпуса, так что они пробились в штыки. Наша потеря достигает 3000—4000 человек ранеными, убитыми или пленными. Штаб-квартира императора перенесена в Семлево.

Я отлично высыпаюсь на соломе в комнате со всеми офицерами свиты. Мне тепло благодаря найденным женским шубам. У Шабо украли лошадь и чемодан; две из моих лошадей пали на пути.

3-е. Днем летняя жара, по ночам очень холодно. На лошадей большой спрос. Солдаты захватывают их; они поедают всех тех, которых им удается зарезать.

Казаки захватывают экипажи и отставших, они беспрестанно кидаются на «Ура!»

5-е. У меня пала еще одна лошадь. Это уже четвертая с начала похода.

1-й и 3-й кавалерийские корпуса имеют вместе 200 лошадей; во 2-м еще осталось 1300; отряд Тибурция Себастиани, составляющий часть 11-го стрелкового полка, состоит из четырех человек.

6-е. Мы выступаем в 8 часов утра и в полдень достигаем Михалевки. Впервые устанавливается снег. 5-й корпус, состоящий из поляков, насчитывавших в начале кампании

28 000 человек, выделил дивизию Домбровского в 9000 человек; из 19 000 оставшихся под знаменами имеется 700 человек. Остальных нельзя считать всех погибшими; многие отбились от армии и пробираются небольшими партиями.

Этот корпус при вступлении в Москву имел 4000 человек.

7-е. Император установил свою штаб-квартиру за одну милю по ту сторону Днепра; так как я дежурный, то меня оставляют в Михайловке с поручением доставить известия об авангарде. Идет сильный снег. Прибывает генерал Маршан со своей вюртембергской дивизией, имевшей в начале кампании 13 000 человек, а теперь — четыреста пятьдесят. Генерал Фуше, командир артиллерии 3-го корпуса, в отчаянии; его лошади падают и не поднимаются, так что он вынужден побросать большое количество своих пушек. В 3 часа арьергарда все еще нет, и я отправляюсь в обратный путь, чтобы присоединиться к маршалу Нею. Целую милю я тащу за повод мою лошадь; благодаря гололедице она падает на каждом шагу, так что я вынужден отвести ее назад. Генерал Фуше приказывает своему кузнецу подковать ее; я снова отправляюсь в путь и в 7 часов вечера присоединяюсь к корпусу маршала Нея, расположившемуся на биваках в лесу, за полмили от реки Уши; накануне он был на реке Осме в 4 верстах перед Дорогобужем, где его войска очень страдали от холода. Солдаты — молодцами; едят только конину. Ропота не слыхать, но генералы и солдаты имеют чрезвычайное желание отступать, так что в половине 8-го утра маршал, имевший намерение сохранить за собой позицию на реке Осме, оставил ее и направился в Дорогобуж, предпочитая делать вид, будто он ведет свои войска, а не наоборот. Герцог Эльхингенский предполагал остаться в Дорогобуже; не неприятель, а генералы и солдаты заставили его уйти оттуда. Он был атакован около 11 часов двумя полками пехоты и казаками, которые являлись его неразлучными спутниками; битва длилась до трех часов; 4-й линейный полк произвел храбрую атаку и отбросил неприятеля. Маршал Ней получил две пули, застрявшие в его сюртуке; это очень мужественный человек, поразительной отваги, всегда с застрельщиками. Герцог Эльхингенский — блестящая голова, опасность изощряет его способности; в момент, когда все теряются, он незаменим

для армии. Император хотел бы, чтобы он расположился позициями на Днепре; но это оказалось невозможным вследствие разнузданного желания высших офицеров и солдат достигнуть Смоленска.

4-й стрелковый полк остался при 20 лошадях; в 3-м корпусе распустили дивизию, сведенную к 50 лошадям, хотя она была ему полезна при разведках. В течение дня заклепали 14 пушек. Солдаты, которые едят только лошадей, заболевали странной болезнью: у них вид пьяных, судорожные движения; они падают на землю, говоря: «У меня нет больше сил»,— и умирают. За сегодняшний день их осталось на дороге 50 человек; на биваке, покинутом маршалом этим утром, умерло 200 человек из его корпуса и отставших от других. Ужасно, когда приходится бросать раненых, не имеющих сил идти. 2-фунтовый хлеб продается за 20 франков, и еще счастье, когда удается его найти. Путь усеян павшими лошадьми.

Я отправляюсь в 9 часов вечера, довольно хорошо пообедав небольшим количеством хлеба с адъютантом маршала на биваке среди снега и сосен. К обеду пригласили полковника, так как у него не было хлеба.

Я миную значительное количество биваков добровольцев (amateurs), название, данное солдатам, идущим на свой страх и риск. В Михайловке я немного подкормил своего буцефала. Я отправляюсь при ужаснейшей снежной метели. Я беспрестанно падаю вместе с лошадью, так что вынужден почти все время идти пешком.

Сторожевые посты для обозначения помещения императора не были поставлены; я проезжаю мимо, делаю длинный и утомительный переход, пешком столько же, сколько и верхом, и, наконец, в 8 часов утра натыкаюсь на императорскую штаб-квартиру. По физическим страданиям это одна из самых жестоких ночей моей жизни.

8-е. Я отдаю отчет начальнику штаба — против своего обыкновения, император приказал принцу Невшательскому выслушать меня по моем прибытии; Его Величество, вероятно, спал. Я постарался как можно ярче изобразить угнетенное состояние 3-го корпуса и передал настоятельную просьбу маршала Нея о немедленной присылке продоволь-

ствия; вследствие этого 3-му корпусу отправили водки и несколько быков, взятых у гвардии.

(Дневник Кастеллана)

* * *

В это несчастное отступление во время русской кампании моя лошадь была убита в 100 верстах от Москвы. Так как у меня не было возможности приобрести другую, то я решился присоединиться к нескольким егерям, тоже потерявшим лошадей. Они нашли нужным избрать меня своим руководителем, и я принял на себя эту обязанность лишь с тем условием, что они будут мне повиноваться и что никто не будет ни останавливаться, ни отлучаться от нашего маленького отряда без моего разрешения. Нас было 12 человек, все вооруженные, и мы вели отступление, защищаясь, как могли.

В окрестностях Вязьмы мы увидели человека, лежавшего на краю дороги со спущенными в канаву ногами; он, вероятно, не мог больше идти. На нем была форма 8-го егерского полка, и, подойдя поближе, мы узнали нашего капитана Периоля. Не желая оставлять нашего бравого капитана во власти русских, мы решили нести его на наших сплетенных руках, по два человека в очередь, до первой деревни. Время от времени мы были принуждены опускать на землю нашу драгоценную ношу, чтобы послать несколько пуль господам казакам, когда они очень близко на нас наседали. Таким образом прошли мы две мили. В деревне, куда мы пришли, у первого дома стояли сани. Я сказал товарищам: «Если это сани императора, пусть он спасет нашего капитана».

Приблизившись к дому, мы увидели, что это сани нашего дивизионного генерала г-на Шастеля. Я рассказал ему, в каком положении нашли мы нашего капитана; добрый генерал велел положить его в свои сани и таким образом спас от смерти храброго солдата.

(Франши)

* * *

Мы шли ночь 3-го и день 4 ноября и вечером остановились в сосновом лесу на берегу замерзшего озера неподалеку от имения Чаркова, где уже два дня жил император. 5 ноября 1-й корпус занял позицию в Семлеве и пропустил корпус маршала Нея, который сменил его в арьергарде. Нас пресле-

довали казаки; и отстающие, которых становилось все больше и больше, попадали в их руки. Вдруг мы заметили с флангов многочисленные колонны русской кавалерии и артиллерии, которые хотели нас обогнать и встретить в теснине перед Дорогобужем. Эту опасность предвидел маршал Ней и дождался нас тут, вместо того чтобы пройти дальше. Благодаря ему мы подверглись только незначительному обстрелу...

Наши солдаты питались давно одной кониной. Голод и нужда настолько ожесточили их, что они не ждали смерти животных, чтобы разнимать их на части и вырывать мясо. Как только лошадь спотыкалась и падала, никто не пробовал ее поднять, но солдаты сейчас же бросались к ней, вскрывали ей бок и вырывали печень, которая менее противна, чем другие части; они не давали себе труда раньше убить животное, скажу, что их даже озлобляли последние попытки животного вырваться от мучителей; они били его и громко со злостью кричали: «Мерзкая сволочь, лежи спокойно!» Несчастные солдаты часто бывали так измучены голодом, что поглощали эту отвратительную пищу, даже не изжарив ее...

Ночь 6-го и весь день 7-го нам сильно мешал двигаться густой снег и резкий ветер, усиливший холод. Часто не было видно на два шага вперед, а между тем неприятельские ядра перекрещивали нам путь, время от времени унося жертвы. Ни у кого не хватало духу остановиться помочь раненому; самый черствый эгоизм заглушил в нас всякое сочувствие. В таком состоянии отупения мы пришли в Пнево к одному из притоков Днепра, трудному для переправы. Чтобы обеспечить нам ее, в период оккупации страны тут был построен блокгауз, окруженный невысокой насыпью. Эта постройка оказалась единственным уцелевшим от огня убежищем за всю длинную пройденную нами дорогу, и 1-й корпус разместился в нем на ночь. Он был построен тем способом, которым русские крестьяне строят избы: из наложенных горизонтально друг на друга толстых отесанных бревен, образующих 4 деревянные стены, почти защищенные от ядер; но внутри могло поместиться всего 50 человек, войску пришлось расположиться вокруг. Снег был глубок, поблизости не было деревьев, дул ветер, и в эту ужасную ночь нам не удалось развести огонь.

Рапп и другие генералы пришли в наше маленькое убежище и теснились с нами; 9-го, когда мы вышли в 4 часа утра, жалкое строение оказалось окруженным толпой несчастных, которые с величайшим трудом развели костры и из которых многие замерзли, были обожжены горячими искрами и в то же время засыпаны снегом; им не суждено было подняться. Уходя, мы сожгли блокгауз и мост.

Люди и лошади постоянно падали, идя с трудом по скользким из-за гололедицы дорогам. Моя лошадь пала, и я не мог больше ехать верхом; я занял место рядом с маршалом Даву на зарядном ящике, запряженном двумя сильными пони, так же свободно скакавшими по льду, как по лугу...

(Лежен)

* * *

До Вязьмы наше отступление совершалось в порядке; запряжки артиллерии и повозок были довольно хороши; у нас было достаточно фуража, и мы питались припасами, увезенными из Москвы, но когда мы подошли к Вязьме, неприятель начал нас теснить...

Стихии также ополчились против нас; вследствие дождей дороги сделались непроходимы, овраги и ручьи наполнились водой...

Вид всех этих экипажей, скучившихся в общей толпе, был ужасен; приходилось еле двигаться, гуськом, и горе тем, которые вдруг останавливались,— их моментально опрокидывали, и хозяин, имущество которого было все взвалено на повозку, оставался нищим и должен был обходиться без предметов первой необходимости...

Нам то и дело приходилось взбираться и спускаться с маленьких холмов, на которых подъем вследствие заморозков был весьма скользкий. Французы, несмотря на все сделанные им предостережения, не позаботились подковать лошадей на шипах; это было одной из главных причин, вследствие которых мы потеряли значительную часть артиллерии.

Лошади падали и издыхали тут же у снарядов от невероятных и тщетных усилий, но не от голода, потому что у нас еще было в запасе несколько мешков овса. Подъезжая к Смоленску, у нас уже не хватало 800 пушек, а у поляков была цела вся артиллерия. Лошади французской кавалерии были в неописуемом положении! У кирасир и всей тяжелой ка-

валерии это был сплошной ужас; прусские отряды, саксонцы и вюртембержцы, еще держали строй, их лошади были в порядке и начальство на месте.

Наполеон изрек тогда, к сожалению, глубокую истину:

«С тех пор, как температура спустилась ниже 9°, ни в одном корпусе французской армии я уже не видел ни одного генерала на своем месте». И в самом деле, если такие и были, то они составляли исключение! Солдаты были терпеливее своих недовольных и роптавших начальников, они сначала только молчали и были печальны, и даже после, когда они стали невыносимы и грубы по отношению к офицерам, невзирая на чин их и звание, то я ни разу не слышал ни слова упрека по адресу главного виновника их несчастий. Правда, я слышал, что солдаты Старой гвардии говорили между собой: «Если бы был Моро, было бы лучше!»

(Дедем)

* * *

Снег начал падать днем 4 ноября, но тогда он лишь чуть-чуть покрыл собой землю; 5-го его выпало значительно больше, а 6 ноября он вдруг посыпал густыми хлопьями, и под порывами сильного северо-западного ветра он быстро покрыл всю беспредельную равнину, расстилавшуюся перед отступавшей французской армией толстым белым покровом. Под ним быстро исчезли следы прежней дороги, вследствие чего многим отрядам приходилось подолгу блуждать в поисках убежища. Менее сильные и выносливые из солдат, цепенея от холода, предпочитали бросать оружие и отдаваться в руки казакам. Мало-помалу дорога, утоптанная лошадьми и телегами, стала твердой и скользкой, как в гололедицу. В этих широтах подобное положение вещей продолжается без малого почти пять месяцев. Сами русские, конечно, уже заранее готовятся к этой перемене: лошади их подкованы, их телеги, кибитки, все прочие перевозочные средства, а также и пушки артиллерийского парка помещаются на полозья; казачьи полки тотчас же разбились на легкие отряды, каждый с небольшим количеством пушечных лафетов на санях.

Во французской же армии, напротив, почти ничего не было заготовлено для этого времени года: неподкованные лошади скользили при малейшем движении, изнурялись от тщетных попыток сохранять равновесие и ежеминутно падали.

Вследствие этого пришлось потерять большую часть оставшейся налицо кавалерии и лишиться почти всей артиллерии и почти всего обоза. Повсюду в то время можно было видеть разбросанными по дороге драгоценные вещи, из-за которых в Москве было немало ссор во время грабежа; теперь же эти предметы не вызывали больше жадности, так как каждый думал только о том, чтобы достать необходимую пищу. Некоторые полки сумели еще приберечь небольшое количество домашних животных, которые находили себе кое-какой корм при дороге до выпадения снега, но после того, как последний густо покрыл всю равнину, доставлять скоту пищу стало совершенно невозможно. Армия совершила свое отступление без всякого отдыха и, не получая ниоткуда для себя провианта, принуждена была питаться лошадиным мясом; тех из лошадей, которых все равно приходилось покинуть, солдаты разрывали в мгновение ока на куски.

Каждый день на рассвете возобновлялось это печальное отступление; все, кто располагался на биваках у края дороги и кто еще сохранял в себе хоть сколько-нибудь сил,— все снова пускались в путь; можно было также часто наблюдать, как отдельные солдаты покидали ряды армии и направлялись внутрь России, где они собирались более или менее многочисленными бандами...

(Руа)

* * *

Новое несчастье надвигалось на нас — холод усиливался с часу на час, не было никаких припасов, ни согревающих напитков, приходилось располагаться лагерем на снегу и льду без соответствующего платья,— все это было выше человеческих сил.

Длинные ночи были ужасны, сырые дрова не горели, да и их с трудом можно было раздобыть; многие даже замерзали при этой работе, в которой принимали участие и многие офицеры, потому что все, кто хотел греться у огня, должны были для этого потрудиться. Часто случалось, что, когда огонь был уже разведен, приходили более сильные и прогоняли первых, отчего происходили часто драки и убийства.

Те, которые падали во время перехода, оставались лежать на дороге; по ним проезжали телеги, давили их, прежде чем они умирали, и никто не трудился оттащить этих несча-

стных в сторону или убрать с дороги; грабили платье, даже не дожидаясь их смерти.

Толпами теперь солдаты бросали свое оружие; порядок сменялся беспорядком, каждый думал только о себе и старался пробраться вперед, каким только способом он мог.

Изо всех отрядов и полков бежали они пестрыми толпами, один за другим, пробиваясь вперед по загроможденной дороге, причем подвергались постоянно нападению и грабежу со стороны рыскающих казаков, которые не встречали совершенно сопротивления, так как вооруженные отряды были или впереди, или сзади этих беглецов.

Хотя я еще принадлежал к небольшому числу вооруженных вюртембержцев, тем не менее мы не могли достать себе другой пищи, кроме лошадиной падали, потому что даже и собаки, которых можно было видеть там и сям в армии, были почти все истреблены, что случилось также и с моей. Бродя однажды вечером, в надежде что-нибудь найти, я выследил прекрасного белого пуделя; сейчас же со своими приятелями я устроил на него охоту, скоро он попал к нам в руки и был тут же прикончен. Мясо мы разделили по-братски, и оно нам оказало хорошую услугу на долгое время. Когда оно было истреблено, пошла опять конина, которая была еще более отвратительна, потому что ее не могли порядочно приготовить.

Приготовление же такого жаркого было очень просто: кусок павшей лошади надевали на какое-нибудь острие, кинжал или штык, и держали его над огнем без сала, соли и приправ, так как ничего этого уже не было.

От жара тухлое мясо становилось еще более отвратительным, капал желтый сок, вроде гноя, до тех пор, пока оно мало-помалу не превращалось в уголь; тогда его с жадностью уничтожали. Не испытывали уже никакого отвращения, ели охотно самое отвратительное, что раньше бросили бы свиньям, и рады были напихать себе желудок хоть чем-нибудь.

(Йелин)

* * *

Ночи становились долгими и холодными; мы спали на сырой и обледеневшей земле.

Лучший бивак устраивался в том случае, когда под защитой елового леса мы могли растянуться перед костром, подо-

стлав немного соломы. Наступал настоящий пир: ели рагу из лошадиного мяса, гречневые лепешки и угощались водкой в тыквенных бутылках, обходивших всех вокруг. Товарищи и я стряпали по очереди. Это дело совсем не давалось мне: мое рагу всегда пахло гарью.

Дни идут за днями и не походят друг на друга. Не всегда была у нас конина и водка: часто нам недоставало и чистой воды. Тогда мы приготовляли спартанскую похлебку по следующему рецепту: растопить снег (его нужно взять в большом количестве, чтобы получить немножко воды), развести муки; затем, за неимением соли, прибавить пороху; подавайте в горячем виде и кушайте, когда вы особенно голодны...

Наполнив кое-как желудок, мы несколько минут болтали; каждый излагал свои честолюбивые проекты, а под шумок этих рассказов члены наши немели от сна.

После нескольких часов отдыха наступало пробуждение, возвращавшее нас к сознанию наших бедствий. Окоченевшие и больные, мы поднимались с трудом; на тех местах, где мы спали, теплота нашего тела растапливала лед.

Мы поднимались и, подобно оставшимся в живых клячам, обреченным тащить нумерованные тележки и парижские одноколки, медленно волочили ногу за ногой, подвигаясь вперед нетвердым и кривым шагом.

Потом кровообращение принимало свой обычный ход; при движении мы согревались и начинали вновь жить изо дня в день.

Эти ночи уносили много жертв; в момент отъезда наши биваки были покрыты трупами, да и среди оставшихся в живых находилось много таких, которым не суждено было дожить до конца дня: они падали по дороге, чтобы не встать более...

С дергающимися ногами и телом, выдвинутым вперед, они изображали прелюдию смерти. За ними зорко следили товарищи, рассчитывая поживиться. Еще живыми они подвергались ограблению; их раздевали донага; ссорились из-за их одежды и вырывали друг у друга их небольшие сбережения. Мой друг П., ныне депутат, имел тогда несчастье оступиться: он был бы ограблен, если бы мы не пришли к нему на помощь.

Смерть предвещали странные симптомы: подходит к вам человек со смеющимися глазами и радостным лицом и с чувством жмет вашу руку; этот человек погиб. Другой бросает

на вас сумрачный взгляд, его уста произносят слова негодования и отчаяния; этот также погиб.

Такова картина, развертывавшаяся перед нашими глазами ежедневно, в продолжение двух месяцев. Я прошел 200 миль от Москвы до Немана, следуя за катившейся передо мной волной, повинуясь несшему меня течению, идя по морю льда и не имея другого путеводителя, кроме инстинкта самосохранения. Подобно большинству своих товарищей, я не знал, какие страны лежали справа и какие слева; я знал лишь, что неприятель находится позади меня; я надеялся, что отечество впереди, но оно далеко, очень далеко... Я не был ни весел, ни печален; я сделался равнодушным и решил подчиниться судьбе...

Большинство моих товарищей погибло от голода, либо от холода; некоторые сгорели в хижинах, в которых они искали убежища.

Надо сказать, что Провидение сохранило для меня коечто приятное: повозки наши оказали мне большую услугу. Я сохранял дольше, чем другие, рис, муку, кофе и сахар. Было строго воспрещено открывать ящики и ложиться в них, но я неоднократно нарушал запрещение, и контрабандный сон значительно поддерживал меня.

(Дюверже)

* * *

6 ноября стоял такой туман, что ни зги не было видно, и трещал мороз свыше 22°; у нас губы слипались, внутри носа стыло и сам мозг, казалось, замерзал. Мы двигались в ледяной атмосфере. Весь день при сильном ветре все падал снег небывало крупными хлопьями; не только не видно было неба, но даже и тех, кто шел впереди нас.

Дойдя до жалкой деревушки (Михалевка), мы увидали человека, скакавшего во весь опор, отыскивая императора. Вскоре мы узнали, что это генерал, привезший известие о заговоре Мале, только что открытом в Париже.

Мы остановились неподалеку от леса: чтобы двигаться дальше, надо было долго дожидаться,— дорога была узкая, а скопление народа значительное, и пока мы, несколько приятелей, стояли в кучке, постукивая ногами, чтобы не застынуть, и беседуя о своих бедствиях и о терзавшем нас голоде,

я почуял вдруг запах горячего хлеба. Обернувшись, я увидал позади близехонько от себя какого-то субъекта, закутанного в меховую шубу, из-под которой и несло запахом, ударившим мне в нос. Я тотчас заговорил с ним и сказал: «Сударь, у вас есть хлеб, и вы должны мне продать его!» Он хотел было уйти, но я схватил его за руку и не пускал. Тогда, видя, что ему от меня не отвязаться, он вытащил из-под полы еще горячую ковригу, которую я с жадностью схватил одной рукой, а другой протянул ему пять франков в уплату. Но едва хлеб очутился у меня в руках, как мои друзья, бывшие тут же, набросились на него, как бешеные, и вырвали его. У меня, на мою долю, остался только кусок, который я держал между большим и двумя первыми пальцами правой руки.

Тем временем полковой лекарь — он оказался лекарем — успел скрыться. И хорошо сделал: его, может быть, укокошили бы, чтобы отнять у него остальной запас хлеба. По всей вероятности, прибыв в деревушку одним из первых, он, к своему счастью, раздобыл муки и в ожидании нашего прихода испек лепешек.

За те полчаса, что мы стояли на месте, у нас умерло несколько человек. Много других свалилось еще, пока колонна была в движении. Словом, наши ряды уже начали заметно редеть, а мы были еще в начале наших бедствий! Когда мы останавливались закусить наскоро, то пускали кровь брошенным лошадям или тем, которых удалось стащить незаметно.

Кровь собирали в котел, варили ее и ели.

Но часто случалось, что в тот момент, когда только что успели развести огонь, приходилось немедля съедать это кушанье почти в сыром виде — получали приказ идти дальше или вблизи показывались русские. В последнем случае не очень стеснялись — я не раз видел, как часть солдат преспокойно себе закусывала в то время, как другая отстреливалась от русских. Но когда являлась настоятельная необходимость и непременно требовалось сниматься с места, то уносили с собой котел и каждый на ходу черпал из него пригоршнями и ел; поэтому у всех лица были выпачканы в крови.

Зачастую, когда приходилось бросать заколотых лошадей, потому что некогда было разрезать их, люди нарочно оставались позади и прятались, чтобы их не заставляли следовать за полком. Тогда они накидывались на сырое мясо, как

хищные звери; редко случалось, чтобы эти люди опять появлялись у нас — они или попадали в плен к неприятелю, или замерзали.

Те, у кого оставалось еще немного пищи, риса или крупы, прятались и ели потихоньку. Уже не существовало больше друзей, все посматривали друг на друга с недоверием, люди становились даже неблагодарными к самым близким приятелям...

На одну милю дальше, возле леса, мы остановились на большой привал. На этом самом месте ночевала перед тем часть артиллерии и кавалерии; там нашлось много лошадей, околевших и уже изрезанных, а еще большое количество таких, которых пришлось оставить еще живыми и на ногах, но полузамерзшими; они давали себя убивать, не трогаясь с места; что касается тех, которые пали от утомления и изнурения, то они были так заморожены, что их невозможно было разрубить на части. Я заметил за этот бедственный поход, что нас постоянно заставляли идти по возможности следом за кавалерией и артиллерией и что мы останавливались на их ночевках с расчетом, чтобы мы могли питаться лошадьми, оставленными ими...

Выйдя из лесу и приближаясь к Гаре, жалкой деревушке в несколько домов, я увидал невдалеке один из таких почтовых дворов, о которых я говорил. Я указал на него одному сержанту роты, эльзасцу Матеру, и предложил ему провести там ночь, если только нам удастся добраться туда первыми, чтобы достать места. Мы пустились бегом, но когда достигли дома, он был так переполнен высшими офицерами, солдатами и лошадьми, что нам не было возможности достать местечка — говорят, там скопилось до 800 человек.

Пока мы бродили кругом, надеясь как-нибудь пробраться в здание, императорская колонна и наш полк прошли вперед. Тогда мы решили провести ночь под брюхом у лошадей, привязанных у дверей. Несколько раз солдаты, расположившиеся кругом на биваках, порывались разнести дом, чтобы из досок соорудить костры и устроить себе убежища и чтобы добыть соломы, сваленной в помещении вроде чердака. Там было также большое количество сухих и смолистых сосновых дров.

Часть соломы была употреблена для постелей теми, кто успел пробраться в здание, и хотя они были скучены один на другом, однако развели маленькие огни, чтобы погреться и сварить конины. Они не только не позволяли разрушать своего жилья, но даже пригрозили стрелять из ружей в тех, кто попытается отрывать доски. Солдаты, влезшие на крышу, чтобы растащить ее, принуждены были слезть, чтобы не быть убитыми.

Было часов 11 ночи. Часть несчастных заснула; другие грелись, прикорнув вокруг огней. Вдруг раздался глухой шум: загорелось в двух местах сарая — посредине и в одном конце, в противоположной стороне от той двери, под которой мы улеглись. Когда хотели отворить двери, то лошади, привязанные внутри, испуганные пламенем, задыхаясь от дыма, взвились на дыбы, так что люди, несмотря на все свои усилия, не могли найти выхода с этой стороны. Тогда они бросились к другим дверям, но и там невозможно было пробраться сквозь пламя и дым.

Суматоха была страшная; те, что находились в другой стороне сарая и имели огонь только с одного боку, ринулись массами к дверям, у которых мы спали с наружной стороны и таким образом еще более препятствовали отворить их. Боясь, чтобы не вторглись к ним, они с вечера крепко заперли двери при помощи деревянной перекладины, положенной поперек. В две минуты все было объято пламенем; пожар, начавшийся с соломы, где спали люди, быстро сообщился сухим доскам над их головами. Некоторые люди, спавшие, как и мы, у дверей, пытались открыть их, но бесполезно: они открывались внутрь. Тогда мы увидели картину, которую трудно описать. Со всех сторон слышался страшный глухой рев; несчастные, поджариваемые живьем, испускали нечеловеческие вопли; они лезли друг на друга, чтобы пробраться до крыши; но воздух проник внутрь, и пламя вспыхнуло еще сильнее, так что когда люди продирались наружу, полуобгорелые, с пылающими одеждами, без волос на головах, то пламя, вырывавшееся с неистовством и развеваемое ветром, опять повергало их в глубь бездны.

Раздавались крики бешенства, пламя переливалось волнами, несчастные судорожно боролись со смертью: сущая картина ада.

Со стороны той двери, где мы были, семь человек успели спастись, протискавшись через щели, где была оторвана доска. Первый был офицер нашего полка. У него обгорели руки, и платье оказалось все изодранным. Остальные пострадали не меньше: больше никого нельзя было спасти. Многие бросались вниз с крыши, полусгоревшие, и умоляли, чтобы их пристрелили. Что касается тех, которые появились потом у отверстия, откуда мы вытащили семерых, то их нельзя было вытащить, они лежали поперек, полузадохшиеся и полузадавленные другими насевшими на них людьми; пришлось оставить их сгореть вместе с остальными.

Увидав зарево, солдаты разных корпусов, расположившихся в окрестностях, погибавшие от холода вокруг своих полупотухших костров, сбежались не для того, чтобы подать помощь — было уже поздно, да и вообще нельзя было помочь беде, но для того, чтобы хоть погреться и изжарить кусок конины на острие штыка или сабли. Глядя на них, можно было подумать, что этот пожар — сущая благодать Божья, так как, по общераспространенному мнению, в сарае скучены были все богачи армии, все те, кто успел нажиться в Москве, захватив себе бриллианты, золото, серебро. Можно было видеть, как многие из этих зрителей, при всей своей слабости и беспомощности, рискуя быть точно так же изжаренными, вытаскивали из-под развалин обгорелые трупы, обшаривали их, надеясь чем-нибудь поживиться. Другие говорили: «И поделом! Зачем они не хотели отдать крышу — этого бы и не случилось!» Третьи, наконец, протягивая руки к огню и как будто не желая знать, что сотни их товарищей, а может быть, и родственников, согревают их своими трупами, приговаривали: «Славный огонь!» — и притом поеживались уже не от холода, а от удовольствия.

Едва рассвело, как мы с товарищем пустились в путь, чтобы присоединиться к полку.

Мы шли молча, при морозе еще сильнее вчерашнего, шагая через мертвых и умирающих и размышляя обо всем только что виденном; вскоре мы нагнали двух солдат линейных полков, которые держали в руках каждый по куску конины и грызли его, говоря, что если ждать дольше, то мясо так закостенеет от мороза, что его нельзя будет укусить. Они уверяли нас, будто видели, как иностранные солдаты (хорваты),

входящие в состав нашей армии, вытащили после пожара из-под развалин сарая изжарившийся человеческий труп, разрезали его на куски и ели. Я думаю, что подобное случалось не раз в течение этой бедственной кампании, хотя сам я, признаюсь, никогда этого не видал. Какой интерес имели эти полуживые люди рассказывать нам подобные вещи, если это неправда? Не время было заниматься сочинительством. После всего вынесенного я тоже, если б не нашел конины, поневоле стал бы есть человеческое мясо — надо самому испытать терзания голода, чтобы войти в наше положение; а не нашлось бы человека, мы готовы были съесть хоть самого черта, будь он зажарен.

(Бургонь)

ПЕРЕД СМОЛЕНСКОМ

7 ноября. В то время как Наполеон шел к Смоленску, наши войска должны были двинуться к Витебску, и мы выступили из Дорогобужа. Как раз против города мы на плотах переправились через Днепр. Дороги обледенели, и запряженным лошадям приходилось очень трудно; измученные животные не могли больше везти повозок, и часто несколько пар лошадей были не в силах везти только одну пушку на самую ничтожную возвышенность. Мы хотели в этот день дойти до *Засельья,* но дорога была так плоха, что даже к утру следующего дня наши экипажи не достигли назначенного места. Масса лошадей и амуниционных повозок были покинуты. В эту ночь солдаты без зазрения совести грабили фургоны и кареты. Вся земля кругом была покрыта чемоданами, платьем и бумагой. Масса вещей, вывезенных из Москвы и до сих пор припрятанных, появились на свет божий. Ночью около замка в *Засельье* повторились сцены, виденные нами накануне. За исключением только солдат, увлекшихся грабежом карет, кругом виднелись люди, умиравшие от голода и холода, и несчастные лошади, которые, мучимые жаждой, били по земле копытами, стараясь пробить ледяную кору, чтобы под ней найти хоть немного воды. Наш багаж был настолько велик, что, несмотря на грабеж, у нас его все-таки оставалось много. Мы продолжали подвигаться вперед, раду-

ясь, что покинули Смоленскую дорогу, и рассчитывая, что, направляясь по другому пути, менее пострадавшему от войны, мы найдем села, где сохранились дома и где можно будет укрыться от непогоды, что мы подкрепим там свои силы и найдем фураж для наших истощенных лошадей, но эта надежда не оправдалась! В селе Слобода, где мы остановились на ночлег, мы узнали опасные новости. Все здесь было разорено, и казаки бродили со всех сторон, забирая в плен, раздевая и убивая всех, кто по необходимости удалялся в сторону в поисках фуража. При таких тяжелых обстоятельствах генерал Дантуар, военные способности которого уже не раз приносили нам много пользы, казалось, раздвоился: он находился во всех местах, где только была опасность, он заставлял действовать нашу артиллерию на всех пунктах, где она только могла пройти, но, когда он проезжал по нашим передовым линиям, пушечное ядро попало ему в бедро, убив предварительно его вестового, стоявшего рядом с ним.

Вице-король, зная, что мы на следующий день должны были переходить реку Вопь, с вечера послал туда генерала Пуатевена де Мореллена с несколькими инженерами, которые должны были приготовить необходимый для нашего перехода мост. Рано утром 9 ноября мы прибыли к этой реке, но каково было наше отчаяние, когда мы увидали всю армию и багаж, расположенные на берегу реки, вне всякой возможности перейти ее. Саперы окончили мост, но поднявшаяся за ночь вода разрушила его, и теперь невозможно было ни использовать его, ни починить. Казаки, которых мы видели накануне, тотчас же приблизились к нам, как только узнали о нашем критическом положении. Нам уже были слышны выстрелы наших стрелков, старавшихся не допустить их до нас. Но все приближающийся к нам шум оружия ясно доказывал, что смелость русских при виде наших несчастий все увеличивалась. Вице-король, мужество которого возрастало во время опасностей, сохранил все хладнокровие, необходимое при таком отчаянном положении. Чтобы успокоить людей, испуганных появлением неприятеля больше, чем препятствиями со стороны Вопи, он выслал новые отряды, которые удерживали неприятеля сзади и с боков нашего войска и этим давали нам возможность заняться переправой через реку.

Принц, видя необходимость, чтобы кто-нибудь из его свиты подал пример мужества и первый бы переправился через

реку, поручил своему адъютанту Батейлю и своему ординарцу полковнику дель Фанте встать во главе Королевской гвардии и перейти реку вброд. Эти храбрые, достойные всяких похвал офицеры с радостью ухватились за этот случай, чтобы доказать свою преданность, и они на наших глазах перешли со своими гренадерами реку вброд, причем вода доходила им по грудь и им пришлось пробираться между льдинами.

За ними двинулся вице-король со своим Главным штабом, он сам следил за правильным исполнением его приказов во время этого опасного перехода. Затем последовали экипажи. Первые повозки и несколько орудий благополучно переправились на другой берег. Вопь была очень глубока, ее берега круты и обледенели благодаря гололедице, так что единственным пунктом, где можно было перейти, было то место, где на другом берегу прокопали всход. Но орудия сделали такие рытвины на дне, что не было никакой возможности их вытащить, и единственное доступное место брода так загромоздилось, что не оказалось прохода для артиллерии и остальных повозок. Тогда отчаяние овладело всеми! Несмотря на все усилия удержать русских — они все-таки приближались. Всеобщая паника увеличила опасность! Река замерзла только наполовину, и повозки не могли проехать. Приходилось всем тем, у кого не было лошадей, решиться броситься вплавь. Такое положение было тем более плачевно, что нам приходилось покинуть 100 орудий, огромное количество амуниционных повозок, телег, фургонов и дрожек, на которых лежали остатки провизии, взятой нами из Москвы. Все, решившиеся бросить свои повозки, поспешно нагружали лошадей своими самыми драгоценными вещами. Как только кто-нибудь решал покинуть свою повозку, тотчас толпа солдат накидывалась на нее, не давая даже ее владельцу времени выбрать оттуда необходимые ему предметы. Они завладевали ею, разграбляли, хотя всегда предпочитали всему муку и напитки. Артиллеристы также покидали свои пушки и, слыша приближение неприятеля, заклепывали их, потеряв всякую надежду перевезти их на ту сторону реки, загроможденной завязшими фургонами и огромным количеством потонувших людей и лошадей. Крики людей, переплывавших реку, ужас спускавшихся к переправе, которые ежеминутно скатывались вместе со своими лошадьми в реку (так были круты и скользки ее берега), от-

чаяние женщин, плач детей, наконец, уныние солдат — все это вместе взятое представляло такое раздирающее душу зрелище, одно воспоминание о котором заставляет содрогаться всех очевидцев этой переправы...

К вечеру мы покинули это несчастное место и направились на ночлег в плохонькую деревушку, лежащую в версте от Вопи, и даже оттуда мы слышали ночью жалобные крики тех, кто тщетно старался переправиться через реку. На противоположном берегу оставили дивизию Бруссье, чтобы сдерживать неприятеля и попытаться спасти хоть часть покинутого нами огромного количества багажа. Едва наши войска покинули противоположный берег, как масса казаков, ничем более не сдерживаемая, приблизилась к берегу этой ужасной реки, где еще находилось много несчастных, которым слабость помешала переправиться. Хотя кругом неприятеля было много добычи, но он все-таки раздел своих пленных и оставил их лежать голыми на снежных сугробах. Мы видели с другого берега, как татары делили между собой окровавленную добычу. Их жадность превысила их мужество, иначе Вопь не помешала бы им добраться до нас. Этот осторожный неприятель, останавливающийся всегда при виде штыка, ограничился тем, что произвел в нас несколько пушечных выстрелов, из которых некоторые долетели до наших колонн...

(Лабом)

* * *

Подъезжая к местечку Славково, мы увидели повешенными на березе две отрубленные головы, очевидно, французские. Мы не могли понять, по какому случаю совершено это варварство и почему эти головы не убраны, так как они производили дурное впечатление на солдат. Умирать на поле сражения неудивительно, но подвергаться такого рода беспричинной жестокости — значит иметь дело с варварами. Такими варварами были черногорцы, с которыми мы воевали в Далмации. Они тоже рубили головы всем пленным. Опять же повторяю, что виновато было во всем невнимание Наполеона к религиозному духу русского народа. Из неуважения французов к русским церквам русские заключили, что французы посягают на веру, и, конечно, не знали за то пределов

своей ненависти к неприятелю. Таким образом, умерщвлено было множество пленных...

8 ноября, после спокойной ночи, неприятно поразил нас вид выпавшего за ночь снега. Водворялась зима, а наши французы как будто не предвидели ее. Поляки, более догадливые, да и знакомые с краем, заранее, еще в Москве, запаслись шубами, набранными ими в магазинах и рядах, так как никто не помешал им в этом, и фургоны их были полны этого добра. Крайне заблуждаются, полагая, что бывшие в армии французы, итальянцы, испанцы и португальцы погибли от холода, как непривычные к нему жители юга. Природа человека везде одна и та же, по крайней мере в Европе. Он в течение года подвергается всяким атмосферным изменениям. Русский мужик, выросший в теплой, даже душной избе, оттого так чувствителен к холоду; но, закутанный в свой теплый мех, он выносит даже сибирскую стужу...

Французы и итальянцы приучены к холоду в своих нетопленных комнатах; даже переносят 5—6° мороза в легком платье, что более нестерпимо, чем переносить 30° в теплой шубе. Главная причина гибели французов в наступившие морозы заключалась в отсутствии теплой одежды, в недостатке питательного кушанья и водки, без которой нельзя обойтись, находясь постоянно на морозе.

Сев на лошадь, я невольно впал в уныние от этого снега, который валил на нас безостановочно и предвещал новые напасти. Поляки, напротив, равнодушно смотрели на белевшуюся дорогу. По выезде из города в одно время с армией я заметил, что лица у людей еще более изменились и выражали тревожное состояние их духа. Лошади со своими гладкими подковами не в силах были подниматься в гору. Сидевшие в телегах и экипажах раненые и слабые принуждены были высаживаться и долго стоять на снегу в ожидании возможности снова сесть. Раненые офицеры и генералы подталкивали колеса, тем не менее лошади не двигались с места. Я видел эти сцены только мимоездом, так как уланский полк шел вперед, не останавливаясь. В этот день пало такое количество лошадей, какого еще не было в прошлые дни.

Наконец, подошли к Смоленску и вступили в предместье...

(де ла Флиз)

* * *

Дорогобуж, 6 ноября. Новый враг появился, еще более страшный, чем холод,— это северный ветер. Небо сумрачно, снег падает хлопьями; гонимые стремительным ветром, они заволакивают всю армию. Мы уже не видим ничего кругом. Каждый прикрывается, чем может. Неужели мы так и погибнем, в неизвестности, без славы?

Заселье, 7 ноября. Ночь продолжалась 16 часов. Дует ледяной ветер. На рассвете мы перешли Днепр в Дорогобуже через наведенный там мост и направляемся на Витебск. Наше движение становится все медленнее и все тяжелее. То и дело встречаются умирающие от холода и голода; смешанные группы из офицеров и солдат стараются развести где-нибудь костер, чтобы погреться; лошади, измученные жаждой, проламывают лед, чтобы достать хоть немного воды. Таков наш лагерь.

Ульхова слобода, 8 ноября. Двигаться дальше невозможно — так трудна дорога. В два дня мы потеряли 1200 лошадей, на которых держалась вся наша надежда: казаки то идут впереди нас, то за нами следуют, и мы больше не можем посылать ни отрядов, ни фуражиров, так как у нас осталось лишь небольшое количество всадников. Пушки перекликаются на ходу, и в этом плачевном обмене выстрелами мы теряем значительно больше, так как неприятельская артиллерия на легких санках и двигается свободно, запряженная хорошими лошадьми, кованными шипами...

Не находя никакого пропитания по дороге и увидев вдали деревню, которая представляется уцелевшей, многие солдаты выходят из строя и, перестреливаясь с казаками, идут туда наудачу. Некоторые из наших были, таким образом, захвачены в плен, другим удалось купить немного ржаного хлеба, сухого и черствого...

Переправа через Вопь, 9 ноября. На рассвете вице-король двинул войска. Но каково было наше изумление, когда, достигнув берегов реки, мы очутились перед непреодолимым препятствием, особенно в это время года и для людей, столь ослабевших и изнуренных, как мы.

Вопь, на которую мы смотрели как на ручей во время нашей первой переправы, превратилась в реку, протекающую по тинистому дну, между крутыми берегами. Понтонеры, не-

смотря на отсутствие необходимых инструментов, с полузамерзшими членами, пытались навести мост; но он оказался недостаточно крепким, чтобы выдержать движение войска, поэтому ночью все было снесено в одно мгновение. Отчаявшись, рабочие не хотели больше приниматься за дело.

Отсталые, больные, раненые, которые идут впереди колонны, останавливаются на берегу Вопи, не будучи в состоянии идти дальше. 70 пушек с артиллерийскими фурами и всякого рода поклажа еще усиливают загромождение, и, наконец, хвост колонны стоит на две мили позади. Люди там точно прикованы к своему месту, оставаясь без огня, среди снежной бури, при 19° ниже нуля по Реомюру...

С часу на час опасность растет, положение становится отчаянным. Платов, догадавшись о нашем бедственном положении, не замедлил открыть усиленный огонь по нашему арьергарду. Казаки, воодушевленные надеждой на богатую добычу, как поток, набрасываются на нас со всех сторон. Служащие при администрации женщины, больные, раненые, отсталые, гонимые артиллерийским огнем, обезумев, бросаются к берегам реки, но не осмеливаются, однако, через нее переправляться. Вице-король видит, что ему надо немедленно принять какое-нибудь решение. Некоторые стрелки выведены из терпения дерзостью казаков и не в силах больше сносить такого промедления, группируются в отряд и начинают стрелять в них. Неприятель, ободренный превосходством своей артиллерии, открывает по ним страшный огонь. Принц посылает отряд для поддержки своих.

Тем временем надо переходить реку вброд. Вице-король приказывает Королевской гвардии показать пример.

Тогда генерал Пино, раненый и верхом на лошади, его адъютант дель Фанте и генерал Теодор Лекки обратились к гренадерским велитам, которые взводами, во главе каждой колонны и в тоске ожидали приказаний. «Спасемте армию! Вперед, за нами!» — воскликнули они. Достаточно для этих юношей было такого побуждения. Поразительная вещь! В минуту такой невзгоды слава и любовь к родине пробудила их силы. Велиты отвечали криками: «Да здравствует Италия!» Барабаны бьют атаку, и Королевская гвардия, а следом за ней и другие полки бросаются в реку. Люди погружаются по плечи в воду и пробивают лед на своем пути. Многие вяз-

нут в тине и пропадают, у других от холода стынет кровь. Иные делают нечеловеческие усилия, чтобы двинуться вперед, но промокшая одежда, ранец и оружие, которые они не хотят бросать, становятся скоро для них непосильной тяжестью, и они погибают. Остальные, более счастливые, достигают противоположного берега, но тут представляются новые затруднения. Ноги скользят по обледенелому берегу; люди скатываются друг на друга, некоторые вновь падают в реку. Наконец, те, которые достигли своей цели, промокшие и продрогшие, воодушевлены одним желанием помогать друг другу, они протягивают товарищам, которые идут за ними, руки и оружие. Невозможно описать состояние войска после этого перехода, ни перенесенных физических мучений, ни страданий, причиненных этим ледяным купанием.

Вице-король вместе со своим штабом переправляются через реку после гвардии. Тем не менее наиболее слабые и наиболее робкие остались еще на том берегу. Тем временем надвигалась ночь, и невозможно было оставаться в таком положении. Мороз все увеличивался, и пушечные выстрелы казаков делались все ближе и ближе. Вице-король был принужден, в конце концов, бросить всю артиллерию и те повозки, которые не были переправлены. Как только это, вызванное жестокой необходимостью, распоряжение сделалось известным, на берегах Вопи открылось зрелище, невиданное в летописях военной истории. У кого были еще повозки и кто вынужден был теперь бросить их, те поспешно стали навьючивать на лошадей наиболее ценные вещи и припасы. Как только окончилась эта переборка вещей, толпа остальных кинулась к повозкам, выбирая наиболее роскошные экипажи. Они разбивали, ломали все, что ни попадалось им под руку, вымещая, должно быть, этим на богатых и имевших излишек свою нищету и свои лишения. Казаки, сдерживаемые горстью солдат, скачут вокруг и наблюдают, но не смеют приблизиться. Между тем жадная толпа кидается скорее на съестные припасы, чем на богатства. Ценные картины, вышитые одежды, серебряные канделябры валялись разбросанными, и никто не обращал на них внимания.

Храбрые канониры и саперы пытаются сделать последнюю попытку спасти свои пушки, а затем, в отчаянии, принимаются их уничтожать и разбрасывают порох по ветру.

Другие посыпают им дорогу к артиллерийским повозкам, которые находились позади обоза. Они ждут, не решатся ли самые смелые из казаков приблизиться. И когда они видят, что уже число казаков, собравшихся вокруг добычи, значительно, они кидают на этот порох бивачные огни. Огонь с быстротой молнии пробегает по проложенной дорожке, артиллерийские повозки взрываются, гранаты лопаются, и уцелевшие казаки в ужасе стараются спастись.

Эти повторяющиеся взрывы, внезапные вспышки огня, густой дым, который после них остается, горе женщин, которые нас сопровождают, отчаяние больных и раненых, предчувствующих ожидающую их судьбу,— вот картина, которая раскрывается на левом берегу Вопи.

Духовщина, 10 ноября. Промокшие до костей, без всякой помощи, лишенные какой бы то ни было пищи, наши войска провели ночь вокруг костров, среди снега. Всю ночь не переставая раздавались крики и проклятия тех, которые старались перейти реку и обрывались с крутых берегов или исчезали подо льдом, а также стоны раненых и отсталых. Какая ужасная вещь эти ночные биваки при таком климате. Несчастные солдаты напрасно ищут покоя: боль, страдания от холода, мокрые одежды, голод, чрезвычайная слабость, ужасные сцены, которые происходят вокруг них,— все разгоняет сон, в котором они так нуждаются. А что будет завтра? Ни кавалерии, ни артиллерии, даже обуви почти нет. Отдать оружие! Нет, лучше умереть! Люди сидят на своих мешках, поставив локти на колени и опершись лбом на руки, и выходят из своего оцепенения только для того, чтобы посмотреть на небо, не приближается ли день, чтобы пуститься опять в путь и ходьбой согреть закоченевшие члены.

Наконец-то рассвет!

Как только двинулись, сейчас же стали перестраивать полки; голод, холод, слабость — все против этого. Тем не менее удается организовать отряды гвардии по 70 и 80 человек, в общем 2600 человек очень слабых, но вооруженных и решившихся на все, чтобы только не сдаваться.

Вице-король, чтобы не было беспорядка, собрал нескольких уцелевших кавалеристов и поручил им группировать отсталых всех родов оружия, следующих за нами. Но эти по-

следние, едва увидят какой-нибудь не разрушенный дом, как все кидаются к нему.

Сегодня, к несчастью, они попались впросак. Деревня, куда они направились, была занята русским отрядом генерала Иловайского, который шел немного впереди корпуса Винцингероде. Неожиданно атакованные, эти несчастные пустились бежать и бросились на голову колонны. Велитам кавалерии, шедшим впереди, пришлось проявить свою стойкость, чтобы не дать нарушить порядок нашего движения и не навести панику на всю армию. Офицеры ударами сабель, солдаты прикладами принудили их разместиться вдоль батальонов.

Вице-король, как всегда,— на своем посту. Он быстро отдает приказ гвардии построиться с полками в каре, в эшелоны и в этом порядке двинуться на врага.

Чтобы атаковать, надо было перейти глубокий овраг по мосту, наполовину разрушенному. Для восстановления его не брезгует работать сам принц. Он остался на этом месте, чтобы регулировать движение своего корпуса и нескольких экипажей, следующих за нами. Тогда мы заметили многочисленную неприятельскую конницу, рассыпанную по равнине. Гвардия атакует ее с большим подъемом, неприятельская кавалерия пускается в бегство, и мы занимаем местность, не потерпев урона.

Там мы узнали, что ни один полк не проходил здесь раньше нас, кроме кавалерии Груши и дивизии Пино. Поэтому деревня почти нетронута. Жители убежали при нашем приближении, оставив немного скудной провизии, которую мы с жадностью захватываем. Но что делало ее еще более ценной для нас, так это то, что мы могли изготовить себе кушанье под крышей, в закрытых домах, где мы могли приютиться от страшного холода и северного ветра.

Пока мы пользовались этим пристанищем, принц обдумывал, каким образом нам выйти из затруднительного положения. Продолжать свое длинное отступление на Витебск — значило подвергнуть свой изолированный корпус верной гибели, тем более что он был лишен большей части артиллерии и почти всей кавалерии, а при таких условиях становилось невозможно бороться с многочисленными казачьими отрядами, окружавшими нас со всех сторон. Он только что послал одного поляка, наря-

женного крестьянином, чтобы узнать, что делается в стороне к Витебску и что там говорится о других армиях.

(Ложье)

* * *

5 ноября я прибыл в Дорогобуж. Если для конной артиллерии и считается наиболее блестящим и приятным состоять при кавалерийском резерве, то дело обстоит совсем иначе при таком гибельном отступлении, какое начиналось для нас. Наша кавалерия, уже наполовину уничтоженная за время пребывания на аванпостах в Винкове, окончательно расстроилась за последние 15 дней переходов и битв. Почти все лошади пали от лишений или от усталости. Слабые, еще уцелевшие взводы, число которых уменьшалось с каждым днем, шли отдельно, не образуя ни дивизий, ни бригад, ни полков, и, насколько позволяли силы их ослабевших лошадей, они спешили скорее пройти от бивака до бивака. Спешившиеся кавалеристы, которые не могли следовать за своими корпусами, увеличивали толпы несчастных, шедших в беспорядке без дисциплины и вождей. Единственный, кто мог бы поддержать немного порядок в 3-м корпусе, генерал Груши, еще не поправился, а заменявший его Лауссэ (Lahoussaye), больной и глуповатый, ехал в экипаже, да он и при лучшем состоянии здоровья был бы неспособен восстановить порядок и внушить доверие. С этого времени можно смотреть на 3-й кавалерийский корпус как на совершенно распавшийся. Действительно, он больше не существовал, и я со своей артиллерией оказался совершенно обособленным, я должен был идти сам, не получая ни от кого приказаний, отвечая за все и выбирая сам более выгодное направление. В таком одиночестве и вынужденной независимости достиг я Дорогобужа, сделав переход, во время которого наши члены совершенно закоченели от пронизывавшего нас холодного и сырого ветра и от хлопьев мокрого снега. Со времени нашего выхода из Москвы еще не было такой скверной погоды.

Войска загромоздили это жалкое местечко, или вернее его развалины. За несколько часов прибыл туда император со своей гвардией и должен был там ночевать. Таким образом, мне было невозможно найти какое-либо пристанище, и я был очень счастлив, когда смог расположиться под откры-

тым небом у костра, только что оставленного солдатами, отправившимися в дальнейший путь.

Вследствие просрочек, неизбежных, когда война ведется за 400 миль от родины, ручные мельницы, которые были выписаны из Франции для раздачи по всем полкам, были в Дорогобуже, когда мы туда пришли, и каждому корпусу предлагали запастись ими. Это предложение мельниц, когда мы не имели в своем распоряжении ни одного зерна, казалось горькой насмешкой. Так и остались эти ненужные предметы по магазинам в распоряжение казаков...

Желание не разлучаться с 4-м корпусом, где у меня было много знакомых, и надежда, что выбранная им дорога менее опустошена, чем та, по которой идет вся армия, заставили меня решиться. Я отправился со своей артиллерией из Дорогобужа, перешел реку вброд и остановился на некотором расстоянии от ее правого берега, там, где стоял 4-й корпус.

Поблизости от места моей стоянки было только одно пристанище,— что-то вроде навеса, крыша которого была подперта 4 столбами и под которым так и разгуливал ветер. Помещение это показалось мне превосходным по сравнению с теми, в которых так давно уже приходилось останавливаться. Я велел развести в середине большой огонь и лег около, окруженный своими лошадьми. Но ночью пошел снег; ветер с силой гнал его под мой навес, и когда я на рассвете проснулся, то и я, и весь отряд оказались занесенными. Снег больше не шел, но от ледяного холода он затвердел и все замерзло. Зима разразилась над нами со всей своей суровостью и больше нас уже не покидала. До сих пор мы, конечно, много страдали от усталости и лишений; но холод, хоть и сильный, не был, по крайней мере, таким нестерпимым, каким он стал с этого рокового 6 ноября.

Моя артиллерия была уже снаряжена, надо было двигаться. Это было нелегко. Накануне место, где я поставил ее парком, было размочено дождем; эта грязь оледенела за ночь, и наши бедные истощенные лошади тщетно старались сдвинуть орудия с места. Только удвоив запряжку, вытащив колеса с помощью рычагов, артиллеристы и обозная прислуга, сами помогая лошадям, смогли сдвинуть часть орудий. Еще новая помеха прибавилась к нашим затруднениям: это затвердевший снег, по обледенелой поверхности которого

лошади скользили. У нас, положим, был запас гвоздей для зимней ковки, но лошади еще не были ими подкованы. Но и этого было бы недостаточно, потому что, как мы испытали, их шляпки с алмазной искрой стирались через несколько часов ходу, и они становились совершенно негодными. Гораздо удобнее подковы с шипами, но, чтобы ими подковать лошадей, нам нужно было больше времени и средств, чем у нас было. Наконец, удалось по очереди, удваивая и утраивая запряжку, вытащить из парка все наши повозки. Но при обледенелых дорогах, по которым нам предстояло ехать, четырех лошадей не могло хватить на экипаж, а между тем мы принуждены были свести их до этого числа. После тщетных попыток пришлось пойти на новые жертвы, и я решился бросить две пушки и два ящика...

(Гриуа)

* * *

Итак, мы выступили 9 ноября на рассвете. Было холодно, и за густым туманом было еле видно на десять шагов впереди. Мы увидали Вопь, только подойдя к краю глубокого оврага, по которому она протекает. По значительной толпе, собравшейся в одном месте, мы догадались, что мост был здесь. Я слез с лошади и пошел в этом направлении. Скоро я в этом раскаялся, но было уже поздно. Приходилось следовать за толпой, в которую я попал. Наконец, я добрался до входа на мост; стремление перейти было чрезвычайное, и, толкаемый бывшими сзади меня, я был увлечен на этот ненадежный помост. Едва успел я сделать несколько шагов, как движение замедлилось; вперед больше не двигались; казалось, что передние попросту замедляют ход. Хотя и были слышны крики с той стороны, но мы никак не могли догадаться о причине их, как вдруг из ряда в ряд стали передавать ужасную весть, что конец моста сломан, или вернее, что он совсем не был доделан. Несчастные, подошедшие первыми, обманутые туманом, попадали в поток; следующие за ними хотят отступить, вернуться, но напирающая на них масса мешает им сделать это; смятение невероятное, и только употребив все мои силы, я смог вырваться из этого опасного прохода. Этот мост, который принц Евгений приказал за ночь построить инженерным отрядам, не мог быть закон-

чен по недостатку времени или материалов, и изнуренные усталостью, лишениями и холодом работавшие над ним принуждены были покинуть его в том виде, в каком он был.

Некогда было его исправлять, пришлось решиться переходить реку вброд. Первые экипажи перебрались без больших затруднений; последующие испытали их гораздо больше; скоро переход сделался почти невозможным из-за илистого дна реки и ее обледенелых крутых берегов. Только употребив много времени и ценой величайших усилий, удваивая и утраивая запряжку, удавалось перевезти пушку или повозку со снарядами. Другие же повозки, которых не пускали к броду, охранявшемуся для артиллерии, пытались перебраться через реку в других местах, но там берега ее были еще круче. Они погружались в ил, и их наполовину замерзшие лошади оставались недвижимы...

Это был ужасный вечер. Всюду встречались отчаявшиеся люди, все потерявшие, закоченевшие от холода подо льдом, которым покрылось их мокрое платье; у них не было ни пристанища, где приклонить голову, ни огня, чтобы согреться. Все солдаты перешли вброд, и вода доходила им под мышки; они дрожали от холода и расходились в разные стороны, стараясь промыслить что-нибудь съестное или найти какое-нибудь строение, чтобы разломать его. Среди этого беспорядка нам с товарищами посчастливилось: после долгой ходьбы через поля мы набрели на одинокую избушку, где и расположились; часть ее мы сломали, чтобы развести и поддерживать огонь, у которого просохло наше платье и вокруг которого мы, наконец, заснули. Этот день был особенно тяжел для меня. Едва вырвавшись с моста и освободившись из толпы, я должен был распоряжаться переходом вброд артиллерии, удерживать артиллеристов и обозную прислугу у их орудий, препятствовать тому, чтобы они поодиночке переходили реку, подбодрять одних, возбуждать других, звать, кричать, ругаться, десять раз переправляться взад и вперед через реку все время в воде до холки лошади. Мои панталоны и сапоги были промочены ледяной водой; но я от волнения даже не заметил этого до тех пор, пока всякая переправа стала невозможна; я совершенно замерз, когда приехал на счастливо найденный нами ночлег. Сколько менее счастливых, чем я, солдат погибло в эту ночь от холода в снегу! Сколько их при

помощи нескольких кусков дерева развели огни, которые вместо того, чтобы согрѐть их, обратили в топкие озера замерзшую землю, на которой они прикорнули! Я еще вижу храбрых обозных солдат, принужденных часами быть в воде со своей запряжкой и, вытащив одну пушку или артиллерийский ящик, сейчас же возвращаться, чтобы удвоить запряжку следующей повозки и опять так же напряженно трудиться. Жесткие от мороза постромки поддавались с трудом, и приходилось сперва сбивать с них сосульки. Принц Евгений подавал пример мужества и твердости. Он покинул берег реки только с наступлением ночи, когда люди и лошади выбились из сил и пришлось покинуть тех, которые после десяти часов сверхчеловеческих усилий не смогли переправиться.

Накануне у нас, правда, были очень скудные порции. Но теперь было гораздо хуже: все осталось в ящиках на другом берегу Вопи. Некоторым из нас удалось похитить по нескольку горстей муки или несколько лепешек, которыми мы наполнили свои карманы. Было у нас и две-три бутылки вина с покинутой повозки. И хотя на долю каждого приходилось мало, тем не менее мы очень подкрепились, благодаря же спасенной нами муке и чему-то вроде кислой капусты, случайно найденной в избушке,— она была так жестка, что только такие голодные, как мы, могли ее глотать,— стол нам мог сойти за превосходный в нашем положении...

Кроме потери почти всей нашей артиллерии и всего багажа, в этот роковой день 9 ноября мы потеряли много больных, усталых и впавших в отчаяние людей, оставшихся на том берегу Вопи, они попали в руки казаков. Задержанные в течение ночи несколькими взводами 14-й дивизии, присоединившимися к нам с наступлением дня, казаки поживились всем, что осталось на левом берегу: людьми, артиллерией, багажом, и их добыча была огромна...

Около 2 или 3 часов пополудни вступили мы в Духовщину.

Этот городок, лежащий в стороне от большой дороги из Смоленска в Москву, мало пострадал. Он был приблизительно в том же состоянии, каким я его видел шесть месяцев тому назад. Как и тогда, он был покинут жителями, но их дома были к нашим услугам, и эти жалкие деревянные избушки показались нам дворцами, воздвигнутыми добрыми гениями, среди этих снежных пустынь. Каждый захватил жилище, ка-

завшееся ему лучшим, и в довершение благополучия там нашлось несколько картофелин, ускользнувших от жадности казаков. Духовщина показалась нам обетованной землей.

Расставив остатки нашей артиллерии у главных выходов, мы подумали о том, как разместиться, и выбрали довольно чистый дом в конце города. Все принялись за работу. Скоро сильный огонь пылал уже в печке, и в нее мы поставили свои котелки. Обеспеченные столом и хорошим ночлегом, мы вдвойне были рады, так как и наши лошади были под кровом и у них было вволю соломы. К вечеру наше спокойствие было нарушено отрядом казаков, напавших на наши аванпосты; нескольких ружейных и пушечных выстрелов было достаточно, чтобы отогнать их, и эта тревога не нарушила отдыха, которой мы вкушали всю остальную ночь, лежа в пальто вокруг печки. Мы думали, что выступим на следующий день, 11-го, но, отправившись на рассвете за приказаниями к вице-королю, я, к своей великой радости, узнал от него, что мы останемся в Духовщине. По его распоряжению полковник Фьерек в тот же день отправился в Смоленск с калеками и безоружными, которые только бесполезно увеличивали колонну и замедляли ее движение. Вице-король приказал мне оставить только годных к сражению артиллеристов, и, несмотря на затруднительность положения и на огорчения, причиненные ему событиями двух последних дней, он долго беседовал со мной о мерах, необходимых для нашего дальнейшего отступления.

Часть дня мы прекрасно отдыхали, если не считать одного-двух неудачных нападений казаков на город. Сидя или лежа вокруг печки, мы смотрели, как варится в котелке мясо, несколько кусков которого нам удалось раздобыть благодаря редкой случайности, его непривычный запах приятно щекотал наше обоняние. В разговоре совсем не чувствовалось наше грустное положение. Несколько минут благосостояния заставляют так быстро забыть все прошлые страдания! Полная приключений жизнь военного делает его верующим в случайность и малопредусмотрительным для будущего!

Наконец, ужин накрыт; общий наполненный доверху котел поставлен на пол; мы не начинаем еще черпать только, чтобы не обжечься, как вдруг около нас раздаются ружейные выстрелы. Эти дьяволы, казаки, которых прогнали в полдень

и которые опять являются в 3 часа, надеясь на больший успех под покровом наступившей темноты! Они нападают на посты, поставленные на окраине города около нашего дома. Пришлось отложить еду, взяться за оружие и бежать к казакам, которые и на этот раз, как всегда, были обращены в бегство; через три четверти часа мы вернулись к себе.

Но при входе нас окутал густой дым, валивший из нашей комнаты. Слишком сильно натопленная печь не выдержала. Несмотря на все усилия слуг и наши, нам не удалось одолеть пламени, от которого, наконец, разрушилась печь. Моментально загорелись деревянные стены и соломенные и тесовые крыши, и мы едва успели вывести из сараев лошадей. Было очень грустно лишаться пристанища перед самой ночью; но все же мы надеялись, что сможем найти приблизительно то же в других частях города. Утрата же нашего чудного супа была невосполнима, он был погребен под развалинами дома, и мучимые голодом, мы его оплакивали...

Надо было искать новое пристанище, но мы не были разборчивы в выборе, так как через несколько часов уже должны были покинуть Духовщину. Мы только постарались уйти подальше от тех кварталов, где уже вспыхнуло несколько пожаров, вероятно, тоже по неосторожности. Но непродолжителен был наш отдых в новом доме; пламя быстро распространилось по этим деревянным постройкам, и скоро мы были принуждены снова выселиться.

Войска уже собирались к выступлению, и 12 ноября между 12 и часом ночи вышли из пылающего города и направились к Смоленску. Вообще нет ничего грустнее ночного перехода при отступлении. С трудом бредут безмолвные, унылые солдаты, и слышится только их брань да монотонный звук шагов. Наше бедственное положение и пожар, который, казалось, преследовал нас, только дополняли эту печальную картину. Пламя отбрасывало красноватый отблеск на снег и на окружавший нас еловый лес. Новое солнце, солнце кровавое, казалось, взошло над нами. Но грохот обрушивающихся домов постепенно уменьшился; и тишина нарушалась только хрустевшим под нашими ногами снегом или проклятиями, срывавшимися у солдат от злости и страданий; скоро полный мрак сменил свет от пожара.

Было слишком холодно, и дорога была слишком скользкая, чтобы я мог оставаться верхом. Один из артиллеристов повел мою лошадь на поводу, а я шел пешком среди колонны. И тут я был свидетелем варварства, которое впоследствии повторялось так часто и в таких различных видах, что я не обращал на него больше внимания, но жестокость которого при этом ночном переходе потрясла меня.

Баварец легкой кавалерии, не выдержав усталости или изнемогая от ран, упал среди дороги почти бездыханный. Его товарищи, друзья, не только не постарались поднять его,— безжалостно покинуть человека считалось уже чем-то совсем простым,— но один из них, взглянув алчно на сапоги несчастного, остановился, чтобы стащить их, несмотря на его жалобы и на его умоляющие возгласы: «О Господи!» Я видел это и содрогнулся, но чувствительность у нас уже настолько притупилась, что я не сказал ни слова, и 20 других офицеров, среди которых было несколько баварцев, ограничились тем, что, как и я, только ускорили шаг, чтобы не слышать стонов несчастного. У нас затихло все великодушие. Не осталось даже инстинкта человечности, от природы заложенного в нашем сердце. Страшный эгоизм делал нас безжалостными к страданиям других; их даже больше не замечали...

(Гриуа)

* * *

До сих пор все переносили свои несчастья покорно и безропотно, льстя себя надеждой, что все это скоро прекратится.

Выходя из Москвы, нам указали на Смоленск как на последний пункт нашего отступления; здесь мы должны были соединиться с корпусами, оставшимися на Днепре и Двине. Расстановка по зимним квартирам была назначена в Литве. Нам говорили, что Смоленск изобилует всякого рода провиантом и что там мы отдохнем, так как нас сменит 9-й корпус, состоящий приблизительно из 25 000 человек свежего войска. Итак, на этот город были с надеждой устремлены глаза всех, все горели желанием поскорее добраться до него, в полной уверенности, что за его стенами прекратятся все наши бедствия. Слово «Смоленск» переходило из уст в уста, этим словом подбадривали всех несчастных, мучения которых дошли до высшей точки, и находили, что это единствен-

ное верное утешение, могущее заставить позабыть все бедствия и внушить необходимое мужество ко всем трудностям, которые придется еще перенести.

6 ноября. Мы шли к Смоленску с энергией, удваивавшей наши силы. Мы дошли почти до Дорогобужа, отстоявшего от Смоленска всего только в 60 верстах, и одна мысль, что мы придем туда через три дня, наполняла наши сердца неизъяснимой радостью. Как вдруг великолепная до сих пор погода изменилась, поднялся холодный густой туман; солнце, спрятавшись за тучами, скрылось с наших глаз, пошел хлопьями снег, и в несколько минут кругом все потемнело и небо слилось с землей. Ветер яростно дул, и деревья в лесу жалобно скрипели. Темные ели, покрытые ледяными сосульками, гнулись до самой земли. Все кругом было бело и имело какой-то сверхъестественный вид.

Среди всего этого хаоса многие солдаты, засыпанные снегом и ослепленные метелью, не могли различить большой дороги от канав, проваливались в них, и они делались их могилами. Их товарищи, почти необутые, в плохой одежде, без еды и без питья, дрожа от холода, с большим трудом подвигались вперед и не обращали никакого внимания на тех, кто падал в изнеможении и умирал вокруг них; боже мой! до какой степени эти несчастные, умирая от истощения, боролись со смертью. Одни трогательно прощались с братьями и товарищами, другие умирали с именем матери и родины на устах, но скоро холод охватывал их окоченевшие члены и проникал до самого сердца. Все они лежали вдоль дороги, и их можно было только различить по сугробам снега, покрывавшим их трупы и сделавшим дорогу похожей на кладбище. Целые тучи ворон, пробираясь на ночь к лесу, пролетали над нашими головами, зловеще каркая, и стаи собак, провожавшие нас с самой Москвы и питавшиеся только нашими кровавыми остатками, бродили, рыча, вокруг нас, дожидаясь того момента, когда мы послужим им пищей.

С этого времени армия совершенно утратила свои силы и не имела больше вида регулярного войска. Солдаты не слушались офицеров, а офицеры — генералов; разрозненные полки шли, кто как хотел, сыскивая каждый сам себе пропитание, и все разбрелись по краям дороги, сжигая и истребляя все попадавшееся на пути. Вскоре на эти отделившиеся

от нас отряды напали вооруженные остатки народонаселения, желавшие отомстить за все ужасы войны, жертвой которых они сделались; казаки приходили на помощь крестьянам, и на большой дороге вновь появились остатки наших отсталых, избежавшие казацкой бойни.

Таково было положение нашей армии, когда мы прибыли в Дорогобуж. Этот, хотя и маленький, городок мог при всех наших бедствиях спасти жизнь многим несчастным, если бы только Наполеон в своем ослеплении не позабыл, что его солдаты первые пострадают от того разрушения, которое он сам приказал учинить. Дорогобуж был сожжен, его магазины разграблены, и водка, которой там было очень много, текла по улицам в то время, как армия умирала от недостатка спиртных напитков. Небольшое количество сохранившихся домов было занято исключительно генералами и офицерами. Оставшиеся еще вооруженными солдаты, которые должны были все время сражаться с неприятелем, были предоставлены произволу мороза; тех же, которые отдалились от своих корпусов, гоняли отовсюду, и они не могли найти даже себе места около биваков. Можно себе представить положение этих несчастных. Умирая от голода, они накидывались на павшую лошадь и, как голодные псы, вырывали друг у друга куски. Утомленные долгой ходьбой и бессонными ночами, они видели вокруг себя только снег и не могли найти местечка, чтобы присесть или лечь. Дрожа от холода, они бродили кругом, ища дров, но не находили, так как все было покрыто снегом. Если же они и находили хоть немного топлива, то не могли зажечь его; едва им удавалось зажечь дрова, как ветер и сырость тушили добытый с таким трудом горючий материал — единственное их утешение в несчастье. Как звери, жались они друг к другу, ложились под березы, ели и телеги, одни вырывали деревья, другие нахрапом кидались на дома, в которых ночевали офицеры, сжигали их и, несмотря на усталость, всю ночь, как привидения, неподвижно простаивали около этих огромных костров...

(Лабом)

* * *

Расположившись ночью на холмах вблизи Андреевской, мы ожидаем нового дела. Число сражающихся с каждым

днем уменьшается: у двух третей армии нет больше сил носить оружие, по случаю 8-градусного мороза. Через несколько дней мороз достигает уже 16°; тогда я становлюсь свидетелем ужаснейших сцен разрушения. Невозможно представить себе числа мертвых и умирающих, которыми усеяна наша дорога, и громадного количества лошадиных остовов, мясо которых нам служит пищей.

Положение не из блестящих!

Однако мои раны не дают себя более чувствовать; грудь моя здорова, и я иду довольно-таки хорошо. Я намерен не покидать остатков своего полка и зачастую делю с товарищами печень только что павшей лошади. Но мне тяжело видеть упадок их духа. Вспоминая поход на Египет, во время которого я страдал еще больше от усталости и лишений, я им говорю:

— Можно быть в еще худшем положении! Здесь у нас есть конина, тогда как в Сирийской пустыне зачастую не было ничего. Вы жалуетесь на мороз, но я еще более страдал от зноя среди раскаленных песков Аравии... Терпите и мужайтесь!

Они меня почти не слушают, и мы идем целый день среди глубочайшего молчания!.. Чем дальше мы подвигаемся, тем положение армии становится все более и более тревожным.

7 ноября, покидая Дорогобуж, мы теряем несколько пушек и более 100 повозок. Наши истощенные лошади, то и дело скользящие по льду, не могут перебираться через овраги, пересекающие дорогу, и мы принуждены заклепать свои орудия и покинуть бóльшую часть обозов.

9 ноября, после томительного перехода, армия подходит к берегу Вопи, через которую выстроен мост из лодок.

Едва лишь закончен он, как его сломало льдом, и мы не имеем возможности восстановить его. Приходится перейти эту реку вброд, среди льдин, погрузившись до самого живота в воду. Многие из наших солдат, равно как и часть нашей артиллерии и повозок, так и остались в реке. Через несколько часов река загромождена фургонами, пушками, повозками и утонувшими людьми. Казаки, не перестающие нас тревожить, гарцуют перед нами, хохоча, как безумные, и оглушая нас криками «Ура!» При приближении 4-го корпуса они обращаются в бегство. Наша армия располагается частью на одном, частью на другом берегу.

10-го остатки армии переходят через реку Вопь, покинув на ее берегах по крайней мере 50—60 пушек, и мы продолжаем свое отступление к Духовщине, все время преследуемые казаками. Начиная с 7-го, мороз все усиливается: говорят, будто он доходит до 18°. Погода устанавливается мрачная, солнце более не показывается. Сильный ветер леденит наши члены и опрокидывает нас на землю, покрытую снегом, который падает в таком изобилии, что реки, озера, овраги и дороги не отличаются друг от друга. Мороз увеличивает число отставших, которые следуют с трудом. Значительная часть их, не имея более сил идти, падает на спину, с мольбой протягивая к нам руки, да так и застывает в этом положении.

Те, у кого отморожены руки, идут, куда глаза глядят, будучи отброшены от бивачных огней вследствие того, что они не могут принести никакой пищи.

Это одно из самых ужасающих проявлений деморализации армии... Несчастные, которых прогнали их собратья по оружию, падают бездыханными позади оттолкнувших их; последние же, видя их лежащими ничком, раздевают их донага, не думая о том, что скоро и их час настанет...

Одним из этих ужасных последствий мороза было то, что солдаты падали на свои отмороженные руки, и пальцы их разбивались, словно стеклянные; другие слишком близко подходили к огню, и отмороженные члены их начинали гнить.

У одного из моих друзей, капитана Шидора (9-го линейного), были отморожены ноги: когда он снял тряпку, в которую была обернута одна из его ног, от нее отделились три пальца; сняв тряпку с другой ноги, он выстрелил в свой большой палец и оторвал его, не испытав при этом никакой боли.

У меня были отморожены, хотя и слабо, нос, уши, подбородок и руки.

Я содрал кожу с этих частей тела, не испытывая боли. Нога в стоптанном башмаке не была отморожена; другая же, которая была ранена, почернела и потеряла чувствительность. Рана моя была перевязана лишь по прибытии в Торн, где я снял повязку с ноги и содрал кожу от колена до лодыжки. Мои мышцы были черного или мраморного цвета. При этой перевязке я не чувствовал ни малейшей боли, хотя хирург обрезал и кожу, и омертвевшее мясо. С тех пор моя ле-

вая нога стала короче другой, но это не причиняет мне страданий. Она столь же сильна, как и правая.

Солдаты, имевшие возможность сохранить оружие, не были счастливее: им приходилось постоянно отражать казаков, то и дело тревоживших нас.

Когда вследствие ветра нам не удается развести огня, приходится беспрерывно двигаться, чтобы не замерзнуть.

Наши биваки представляют из себя ужасную картину. В деревнях, где мы останавливаемся, каждая изба, объятая пламенем, окружена трупами, наполовину засыпанными снегом. Их находят и под дымящимся пеплом.

Чтобы согреться, солдаты ложатся на этот пепел и зачастую умирают на трупах своих собратьев по оружию.

Те, у кого еще есть силы блуждать по деревням в поисках съестных припасов, становятся жертвами крестьян и казаков. Если некоторым из них выпадает на долю редкая честь быть взятыми в плен, варвары их раздевают донага и заставляют следовать за собой, пока они не умирают от холода, усталости и изнеможения.

Большая часть нашей артиллерии и почти все наши обозы покинуты на дороге. Конница, столь прекрасная полгода тому назад, пришла почти в полное расстройство: люди рассеялись, и дисциплина пала. Все уничтожено в этой несчастной армии. Подчинение не признается, военной иерархии не существует. Генерал не заботится более о солдатах, некогда составлявших его славу, а бедствия мешают последним внимать голосу своих начальников. Солдаты либо удаляются от них, либо молят их о смерти. С подобной просьбой обращались ко мне несколько раз!.. Что мог я им сказать для ободрения их?..

Те, которые, подобно мне, сохранили немного нравственной силы и надежды, подвергаются мучениям голода. Падает лошадь, и они кидаются на нее, ссорясь из-за кусков. В поисках леса, где можно было бы сварить это мясо, углубляешься в сторону, рискуя быть убитым. Таким образом, время отдыха уходит на хождения, неизбежные для варки этой отвратительной пищи. После еды, утомленные долгими переходами, лежа на снегу и не имея возможности соснуть хотя бы час, не находя никакого уголка, где можно было бы защитить себя от ветра, зачастую мешающего развести огонь, генералы, офицеры, солдаты собираются без различия вместе

и прижимаются друг к другу, чтобы согреться в ожидании выступления. Заметив избу, поджигают ее и, не имея сил сесть, стоят вокруг этого огромного костра, неподвижные, словно привидения.

(Франсуа)

* * *

Настал сильный холод. Термометр понизился до 19° ниже нуля. Сильный ветер дул с северо-запада. Эти внезапно наступившие холода сделались пагубными для многих наших молодых солдат, но главным образом пострадали животные. Нам часто попадались трупы на краю дороги, в снегу.

Те товарищи, которые могли привыкнуть к ходьбе, и те, которые сберегли немного кофе и сахара, подвергались меньшей опасности. Постоянное движение поддерживало тепло в организме и правильную циркуляцию крови, благодаря чему члены не так коченели, а те, что ехали на возах и верхом, почти замерзали и, желая отогреть отмороженные части своего тела, подходили слишком близко к бивачным кострам, совершенно не чувствуя действия тепла. Это часто вызывало гангрену, чего я счастливо избегнул, идя все время пешком и окончательно лишая себя удовольствия хоть немного погреться.

(Ларрей)

* * *

Было часов около девяти; ночь стояла необыкновенно темная, и уже многие из нашего кружка, как и остальные части злополучной армии, расположившиеся в этой местности, стали забываться тяжелым, беспокойным сном, вследствие утомления и голода, у огня, который ежеминутно угасал, как и жизнь окружавших его людей; мы размышляли о завтрашнем дне, о прибытии в Смоленск, где, как нам обещали, должны окончиться наши мучения — ведь там мы найдем продовольствие и квартиры...

Вдруг нас переполошил какой-то странный шум; оказывается, северный ветер забушевал по лесу, подымая снежную метель при 27-градусном морозе, так что людям невозможно было оставаться на местах. С криками они бегали по равнине, стараясь попасть туда, где виднелись огни, и этим облегчить свое положение; но их обволакивал снежный вихрь, и

они не могли двигаться, или если все-таки порывались бежать, то спотыкались и падали, чтобы уже больше не подыматься. Несколько сот человек погибли таким образом; но много тысяч людей умерли, оставаясь на месте, так как не надеялись ни на что лучшее. Что до нас касается, то нам посчастливилось в том смысле, что одна сторона риги была защищена от ветра; многие пришли, чтобы приютиться у нас и таким образом избегнуть смерти.

Кстати расскажу по этому поводу об одном поступке самоотвержения, совершенном в эту бедственную ночь, когда все самые страшные стихии ада, казалось, разъярились против нас.

В состав нашей армии входил принц Эмилий Гессен-Кассельский со своим контингентом войск, который он поставлял Франции. Его маленький корпус состоял из нескольких полков кавалерии и пехоты. Как и мы, он расположился на биваках, по правую сторону дороги, с остатками своих несчастных солдат, число которых сократилось до 500—600 человек; в числе их находились приблизительно до 150 драгун, но уже пеших, так как их лошади или пали, или были съедены. Эти храбрые воины, изнемогая от холода и не имея сил оставаться на месте в такую метель и непогоду, решили принести себя в жертву, чтобы спасти своего молодого принца, юношу лет 20, не больше, поставив его посередине, чтобы защитить от ветра и холода. Закутанные в свои длинные белые плащи, они всю ночь простояли на ногах, тесно прижимаясь друг к другу; на другое утро три четверти этих людей были мертвы и занесены снегом, та же участь постигла почти 10 000 человек из разных корпусов.

Когда собралось по возможности все, что было на дороге, колонна двинулась; наш полк образовал авангард, что в этот день было особенно трудно ввиду множества людей, которые не в состоянии были идти и которых мы принуждены были тащить под руки, чтобы спасти их и помочь им добраться до Смоленска...

Мы увидали лежавшего поперек тропинки канонира гвардии, загородившего нам дорогу. Возле него копошился другой канонир. Оказалось, что он сдирал с него одежду; мы заметили, однако, что лежавший солдат еще жив — по временам он шевелил ногами и ударял по земле сжатыми кулаками.

Мой товарищ, возмущенный не менее меня самого, ни слова не говоря, изо всех сил ударил прикладом ружья негодяя по спине, и он обернулся. Но мы не дали ему времени заговорить и резко стали укорять его за варварский поступок. Он возражал, что если солдат еще не умер, то скоро умрет, что когда его оттащили в сторону от дороги, чтобы он не был раздавлен артиллерией, то он не подавал никаких признаков жизни. Наконец, это его однокашник, следовательно, лучше, чтобы он сам воспользовался его одеждами, чем кто-нибудь другой.

Рассказанное мной часто случалось с несчастными солдатами, у которых подозревали припрятанные деньги; когда они падали, то их товарищи вместо того, чтобы помочь им подняться, пользовались этим, чтобы ограбить их, как этот канонир.

Мне не следовало бы из уважения к роду человеческому описывать такие возмутительные сцены, но я поставил себе долгом передать все, что я видел. Да я и не могу поступить иначе; все это удручает меня, и мне кажется, что если я изложу все на бумаге, то эти воспоминания перестанут меня мучить. Надо прибавить, впрочем, что хотя во время этой бедственной кампании было совершено много жестокостей, зато попадалось и немало поступков человеколюбия, делавших нам честь,— не раз случалось мне видеть, как солдаты в продолжение нескольких дней тащили на плечах раненых офицеров.

Перед выходом из леса мы встретили около 100 улан на сытых конях и заново экипированных: они ехали из Смоленска, где все время стояли,— их послали нам в арьергард. Они ужаснулись, увидев нас такими жалкими, а мы, со своей стороны, были поражены их блестящим видом. Многие солдаты бежали за ними, как нищие, вымаливая кусок хлеба или сухаря.

Выйдя из леса, мы сделали привал, поджидая тех, которые вели больных. Нельзя себе представить более тяжелого зрелища; что бы ни говорили этим несчастным про ожидаемые блага — пищу и квартиру, они как будто ничего не слышали; подобно автоматам, они двигались, когда их вели, и останавливались, чуть их оставляли. Наиболее сильные несли по очереди оружие и ранцы; многие из этих несчастных, кро-

ме того, что почти потеряли рассудок и силы, лишились также от мороза пальцев на руках и ногах.

(Бургонь)

* * *

Однажды вечером, в компании из пяти моих товарищей: Ноде, Вермо, Монпере, капитана Бюмота и Франка,— я отдалился от большой дороги, чтобы отыскать убежище на ночь в лесу, расположенном на довольно большом расстоянии от нашего правого фланга. Пройдя в нем довольно далеко вперед, мы устроили себе бивак и заснули. На другой день, проснувшись, мы были, в полном смысле слова, погребены под снегом, который вполне покрывал нас слоем в два фута толщины приблизительно.

День уже клонился к вечеру, когда мы выбрались из нашего ледяного савана. Огонь наш погас, все следы наших шагов были заметены снегом, который продолжал беспрерывно падать, и нам невозможно было узнать, с какой стороны мы пришли, так что вместо того чтобы направляться к французской армии, мы углублялись все больше и больше в глубь места, решив, что бы ни случилось, ни за что не разделяться.

Идя почти наугад, мы дошли при наступлении ночи до выселка, еще обитаемого. Его население состояло только из женщин, нескольких старых крестьян и детей. Хотя наше появление их очень удивило, но они не пытались ни бежать, ни нападать на нас.

Мы знаками просили о гостеприимстве, и наш несчастный вид внушил им сожаление. Каждый из нас был приглашен следовать за хозяином, но так как было бы неосторожно нам отделяться друг от друга, то мы выбрали две хижины рядом, расположенных на краю деревни, с навесом для наших лошадей, и за деньги нам принесли черного хлеба, сала и водки.

Я был с Ноде и Монпере в одной из хижин. Большой огонь, дым которого только отчасти выходил через отверстие, проделанное в крыше, образовал над нами такое густое облако, что мы были принуждены держаться, согнувшись, чтобы не задохнуться, или сидеть на плохих скамейках.

Снег падал большими хлопьями, и вид этой несчастной страны, которую мы видели через маленькие рамы из мутного и желтого стекла, опасность нашего положения, неопределенность нашего будущего — все способствовало тому, что

мы были погружены в самые мрачные размышления. Вдруг я услышал восклицание: «Мама! Мама!», произнесенное очень ясно ребенком, колыбель которого, подвешенную, как гамак, четырьмя веревками к балкам крыши в темном углу, мы совсем не заметили.

Ничто не может передать силу впечатления, произведенного на нас этим почти французским словом. Оно нам напоминало все; в нем одном сосредоточивались все наши воспоминания о семье, о счастье, о родине.

Добрый Ноде пристально посмотрел на меня, крупные слезы лились по нашим впалым щекам и, не говоря ни слова, мы пожали друг другу руки, отворачивая голову, как бы стыдясь слабости, однако, столь извинительной.

Я взял ребенка на руки и стал нежно ласкать его, благодаря его таким образом за трогательное чувство, возбужденное им. Даже в лохмотьях он был прекрасен, и мать казалась очень тронутой вниманием, оказанным ему. Она вышла из хижины и принесла нам через несколько минут охапку папоротника и моха, которые тщательно разложила на земле для нашего спанья. Она повторила несколько раз слово, «казаки, казаки», и мы поняли из этого, что она предупредит нас об их приближении, но что пока мы можем спокойно спать.

По правде, если бы это было для нас возможно, сон не надолго принес бы нам забвение о нашем несчастье; так как, хотя наше нравственное состояние не было настолько потрясено, чтобы бояться казаков, мы ужасно боялись, что не будем в состоянии присоединиться к остаткам французской армии и так далеко зайдем в эту несчастную страну, что не выберемся из нее.

Едва показалась заря на горизонте, как наша хозяйка вбежала в хижину с криком: «Казаки, казаки!», и выражая своими жестами самый сильный испуг. Был ли он внушен одним присутствием казаков, или боялась она тяжелых последствий за свое человеческое отношение к французам? Мы подумали, что последнее чувство было всего сильнее.

В одно мгновение мы были на лошадях и далеко от деревни. Отряд казаков приближался через глубокий снег, который продолжал падать и покрывал всю окружающую землю; мы старались достичь леса, но нас заметили, и 20 из этих дикарей пустились в погоню за нами.

Вместо того, чтобы проникать далеко в чащу, мы решили остановиться, как для того, чтобы обмануть их, так и для того чтобы иметь возможность защищаться, и, соединившись группой в густом лесу, недалеко от окраины леса, с пистолетом в одной руке, саблей в другой и уздечкой в зубах, мы ожидали нашу участь в самом глубоком молчании. Они устроили на нас облаву, как на диких зверей: мы слышали, как они звали друг друга, как проходили, возвращались и опять проходили вблизи от нас, как удалялись от нас и вновь приближались, и что они нас не открыли, можно объяснить только особой милостью Божьей.

Малейшее движение одной из наших лошадей могло нас выдать; их след на снегу должен был бы служить указанием для наших врагов. К счастью, им не пришло в голову остановиться у входа в лес, чтобы идти по следам; напротив того, проникая туда сами в беспорядке и сразу, с нескольких мест, они сбили этот след, смешали его со следами своих собственных лошадей и лишили себя, таким образом, самого верного способа дойти до густой чащи, которая служила нам убежищем. К тому же нельзя приписать казакам удивительного инстинкта американских дикарей.

Мы оставались в этом положении более четырех часов, еще долго после того как всякий шум прекратился, пока продолжительная тишина в лесу не дала нам уверенности, что поиски или прекратились, или направились в другую сторону. Тогда Монпере, пешком и почти ползком, направился к окраине леса. Вся равнина была пустынна; даже деревня, где мы провели ночь, казалась вдали мрачной и как бы необитаемой.

Было бы, конечно, крайне неосторожно углубиться нам в этот лес, почти непроницаемый, в котором мы не видели выхода и не знали, какого направления держаться. Поэтому мы держались опушки и к вечеру открыли маленький город, довольно хорошо построенный, названия которого я не знаю, но войти в него мы боялись; хижины представляли нам больше надежды на безопасность и на человеческое отношение.

Мы углубились в лес до полного наступления ночи, и тогда я подошел, вместе с Монпере, к хижине, где виднелся свет. В ней жил крестьянин со своей семьей, и они сидели около печки. При нашем появлении все встали, и испуганные дети побежали с криком к своей матери.

Как и накануне, мы, к счастью, добились помощи, получили, что нам было нужно, и поняли, что в городе находилось много евреев, почему еще более порадовались, что не рискнули туда войти. Крестьянка пошла туда и принесла нам припасов.

У Монпере были бумажные рубли, и это было для нас большим подспорьем все время, пока длилась наша ходьба, столь полная приключений. Так как ни он, ни мы не знали их ценности, то приходилось удовлетворяться, без замечаний, той сдачей, которую нам давали при покупке нами провизии.

На следующий день, обойдя город, мы переехали с помощью парома очень широкую реку. Мы не достигли еще противоположного берега, как показались казаки на том берегу, который мы только что оставили. По-видимому, через эту реку нельзя было проходить вброд, так как, несмотря на их нетерпение настигнуть нас, они не решились пуститься по ней вплавь. Кроме того, холодная баня была не по сезону, течение несло льдины, такие громадные, что паромщик с большим трудом охранял от них паром.

Монпере дал ему несколько рублей, всячески стараясь объяснить ему, что он не должен был возвращаться на ту сторону, где находились казаки. Он как будто согласился на это, но не знаю, сдержал ли он слово, данное нам. Впрочем, не нужно удивляться чувствам человечности и почти сочувствию, которые выказывали нам местные жители. Они были им внушены как почтительностью, с которой крестьяне этой страны, еще в крепостном состоянии, привыкли относиться к высшим сословиям, так и их антипатией к казакам, которые на войне не щадят ни врагов, ни друзей.

Мы удалились как можно скорее от берега, не зная, куда мы идем, и полагаясь на милость Божью. Однако по солнцу, которое по временам показывалось, мы приблизительно шли по направлению, по которому должна была идти армия при своем отступлении.

Я не буду более останавливаться на приключениях, беспокойствах, тревогах, поспешных бегствах и ежечасных опасностях, которые нам приходилось переживать и побеждать в продолжение трех дней и двух ночей, в которые продолжалось это ужасное вынужденное переселение.

(Комб)

* * *

Метель захватывала дыхание, снег залеплял глаза, дыхание леденело, сосульки висели на бороде. Все тащились дальше, увязая в снегу, в ужасном изнеможении до тех пор, пока не падали в снег и не умирали.

Огонь можно было развести только с большим трудом. На земле лежал толстый слой снега, еловые ветки не горели, а если и загорались, то поминутно гасли от сырости.

Вокруг потухших огней, под непрерывно падающим снегом, постоянно замерзали солдаты, каждый бивак походил на поле битвы,— и это повторялось каждую ночь. Казалось, что вся природа вооружилась, чтоб нас окончательно уничтожить.

В ожесточенном сражении против холода и голода порывалась всякая связь между людьми; большинство шли без оружия, без предводителя, без защиты, повинуясь только животному инстинкту самосохранения, унижаясь часто до воровства и убийства.

Никто не был уверен, имея что-нибудь съедобное, что более сильные не отнимут у него; у слабых же часто срывали платье, и они падали жертвой мороза, в то время как украденное не доставляло большой пользы похитителям. Если падал какой-нибудь несчастный из беспорядочно стремящейся вперед толпы, то сейчас же его обступали и, раньше чем он умирал, срывали платье или лохмотья, в которые он был закутан. В подобных случаях происходили душераздирающие сцены, изверги отнимали даже рубашку, оставляя несчастных, испускающих ужасные крики и стоны, на произвол судьбы, пока они, наконец, не умирали. Все проходили мимо умирающих отупелые, бесчувственные и безжалостные; у некоторых же хватало духу шутить и смеяться над этими несчастными.

(Йелин)

ПОТЕРЯ ПОЛОЦКА И ВИТЕБСКА

Постоянно тревожимые грозным врагом, никогда не удалявшимся от нас более как на 60 верст, часто подвергаясь нападениям и не имея надежды на помощь ниоткуда, забытые Великой армией и не получая о ней никаких известий, мы должны были бороться с самыми разнообразными препятствиями. Витгенштейн готовился взять обратно Полоцк и

ежедневно получал подкрепления через Невель и Великие Луки, тогда как силы у графа Гувиона постепенно ослабевали. Какая-то эпидемическая болезнь распространилась среди немецких солдат, и они умирали в громадном числе. Мне трудно было определить, какое чувство владело ими: одновременно было и бессилие, и любовь к родине, усталость в борьбе с опасностями и твердость перед лицом смерти. Но чувство это действительно существовало; по мере того как оно распространялось, расходилась и болезнь, в которой важное значение имели именно душевные страдания.

«Wo ist das Haus, wo stirbt man?» (Где тот дом, в котором умирают?),— спрашивали друг друга солдаты-баварцы, уже знавшие, что немало их собратий полегло в одном месте. Им указывали, они шли к этому дому, входили, садились в порядке один за другим около испустивших дух товарищей и оставались там до тех пор, пока сами не умирали с тем же равнодушием и тем же спокойствием. Другие из них, забывая все соображения и все опасения, просто подчинялись желанию вернуться на родину. 6000 этих самых баварцев один за другим перешли через Неман с ранцами и с оружием. «Куда вы?» — спрашивали их в разных местах. «Я иду в Баварию». И они шли; а полиция, всегда недостаточная в арьергарде армии, потому что всегда слишком слабая, ничем не могла остановить их на пути.

У русских же привычка к рабству, особенно неодолимая, как кажется, вытравила все другие чувства, вплоть до любви к самой жизни, которая даже и не была их собственностью, и они с каждым днем становились все смелее, возбуждаемые ложными и правдивыми известиями, приходившими из Петербурга. Полоцкая армия усилилась летучими отрядами, и это давало им возможность часто делать выгодные вторжения в занятые нами места, чем они искусно и пользовались. Шесть раз приходилось нам стоять на страже в предместьях, как на аванпостах. Довольно долгая бездеятельность Витгенштейна, казавшаяся робостью, на деле была не чем иным, как мудрой медлительностью полководца, призывающего себе на помощь новые подкрепления и тянущего время, чтобы сделать врагов жертвой беспощадной жестокости местного климата. Выждав мгновение, Витгенштейн двинулся на Полоцк. Маршал Гувион придвинул свои аванпосты к городу и сделал все распоряжения для обороны...

Дело было жестокое. Победители в битве под стенами, русские уже воображали себя господами Полоцка; им, действительно, позволили войти в него, но едва они это сделали, как бой возобновился с новым ожесточением. Каждая улица была полем сражения, каждый дом — неприступной крепостью, если только в ней удавалось засесть нескольким французам. Тем не менее русские подвигались вперед. Внезапно улицы пустеют, путь кажется свободным; неприятель, построившись фронтом, направляется на большую площадь. Правильная по своему построению, украшенная с одной стороны большой иезуитской церковью, а с другой — губернаторским домом, застроенная довольно большими домами и соединенная широкой улицей с мостом через Двину, эта площадь была важной позицией. Русские прошли на нее боковыми улицами и словно надеялись передохнуть там; но в то самое мгновение, как они выступали на площадь, главная улица, ведущая к Двине, вдруг задрожала от поспешных шагов, и залпы трех батарей оказались направленными на них; град пуль из монастыря и губернаторского дома производил опустошения в их рядах, в то же время роты солдат с ожесточением ударили на них с двух сторон. На мгновение они подались, но тотчас же, оправившись, стали отвечать на выстрелы. Щадя кровь своих старых солдат, генерал ставит во главе атаки новобранцев. Живая перестрелка вскоре сопровождается почти рукопашным боем. Внезапно показывается огонь, несколько домов становятся добычей пламени, часть иезуитского монастыря взлетает в воздух. Бой продолжается на развалинах, переходит, наконец, на главную улицу, где французы отступили к своим батареям; убийственная картечь последовательно истребляет все, что осмеливается приблизиться. Трижды русские ополченцы, образовавшие фронт атаки, устремлялись на орудия, трижды они были отбиты; их отвага истощается, они останавливаются и отказываются идти еще раз. Кто-то из русских генералов, возмущенный их неповиновением, подскакивает туда, распоряжается поставить сзади них их собственную артиллерию и отдает приказ стрелять. Стоя между двумя смертями, расстреливаемые с одной стороны своими же собственными пушками, осыпаемые ядрами с другой стороны из двойной линии орудий, русские с отчаянием безнадежности решаются на последнее усилие. Старые солдаты устремляются вместе с новобранца-

ми, увлекают их; вот они уже овладевают несколькими из наших орудий, огонь возобновляется с моста, и страшные залпы вносят опять в их ряды некоторый беспорядок. Но, несмотря на то, остаются победителями. Наши солдаты, изнемогая от усталости и от лишений, покрытые ранами, отступают. Но это не бегство; Гувион, занимая позиции за Двиной, еще грозит, посылает несколько свежих отрядов против аванпостов и, собрав вместе всех солдат, оставшихся у него между Соменцом (Somenez) и Радишками (Radischky), еще кажется неприятелю грозной силой.

Таково было это полоцкое дело, продолжавшееся три дня и стоившее так дорого для обеих сторон. Я не сумею сказать, каковы были наши потери. Мне известно, однако, что тремя днями раньше Витгенштейн получил 15 000 ополченцев-новобранцев, а на другой день после боя выяснилось, что 12 000 из них полегли или в самом городе, или перед его стенами; о потерях, которые должны были понести другие части войск, я не говорю.

(Маркиз Пасторе)

* * *

17 октября неприятель приблизился к нашим позициям, и со всех сторон началась пальба с большей или меньшей силой. Казаки показывались всюду...

Большую часть ночи мы провели с оружием в руках. 18 октября утром загрохотали пушки. Полк наш был приведен в боевой порядок вблизи Полоти.

Русские подвигались со всех сторон сразу, и бой начался.

Огонь русской пехоты и артиллерии приносил с собой смерть в наши ряды. Наш полковник понял, что атака в штыки была средством наиболее быстрым и энергичным для того, чтобы вновь одержать верх. Он велел бить к атаке. Я находился во главе одного из наших батальонов; мы идем прямо на неприятеля с такой стремительностью, что снова одерживаем над ним верх, тогда как несколькими мгновениями ранее казалось, что успех склоняется на его сторону.

Русские не выдерживали атаки в штыки. Они были изумлены и смущены этим рукопашным боем, в котором главную роль играет ловкость и физическая сила. Сбитые в кучу на несколько сотен шагов назад, мы выстроились вновь в боевом порядке, как вдруг я заметил, что знаменосец был ранен

и пошатнулся под тяжестью нашего орла. Я взял знамя и искал своего брата, чтобы передать знамя ему, так как знал, что брат человек долга. Но каково было мое удивление, когда я увидел, что ко мне приближается капитан Мюллер, с которым у меня была дуэль несколько дней тому назад. «Дайте мне его, капитан, дайте! — сказал он мне,— я Вам докажу, что я не таков, каким Вы меня считали, и что я умею исполнять свой долг».

Он схватил знамя, которое я намеревался передать брату, и, с восторгом подняв его над собой, на целых пятьдесят шагов опередил полк с громким криком: «Вперед, второй полк!» Полк не понял приказания своего начальника, и капитан Мюллер со своей атлетической фигурой сделался мишенью для русских. Он упал, чтобы более уже не встать. Я почувствовал себя ответственным: ведь это я вручил ему знамя. Благодаря проявлению его бесполезной храбрости знамя попадет в руки русских, которые пальбой приобретают то, что теряют при применении холодного оружия. Пули сыпались со всех сторон. Я решил ползком пробраться к тому месту, где только что пал несчастный капитан; мне посчастливилось достигнуть его. Я слышал свист пуль и ядер, летавших над моей головой... Но что за дело? Ведь приходилось подумать о чести полка. Самым тяжелым было для меня то мгновение, когда нужно было вытащить знамя из-под трупа капитана. Этот колосс покрывал штандарт всем своим туловищем, а я не мог встать, чтобы приподнять его. Продолжая стоять на коленях, я высвободил древко из-под трупа нашего храброго, но неосторожного товарища и пробрался в том же положении к нашим.

Среди наших офицеров потери были значительны; полковник наш был серьезно ранен и выбыл из строя. Почва была усеяна нашими убитыми и ранеными.

Несмотря на чувствительные потери, которые мы только что понесли, я приказал в последний раз возобновить атаку в штыки. Она имела такой же успех, как и предыдущие; но русские никогда не выжидали долго: они поворачивались к нам лицом и возобновляли огонь, который становился все ужаснее благодаря их многочисленности. После отчаянной борьбы, которую 1-й Швейцарский полк выдержал вместе с нами на правом крыле, мы получили приказ — отступить и вернуться в Полоцк.

Положение этого города немного напоминает положение Лозанны. Над ним возвышается лес, похожий на тамошний. Город расположен в виде амфитеатра, начиная от берега Двины; там-то находились все наши госпитали, все склады провианта, артиллерия и арсеналы армейского корпуса.

В продолжение всего времени, пока мы пребывали на аванпостах около Полоцка, русские употребляли всевозможные хитрости, чтобы захватить наши роты или батальоны. Так, например, в день битвы, 18-го, они двинули вперед прекрасный кавалерийский полк, который, подражая звуку французских труб, проник без единого выстрела в середину последних батальонов нашей бригады, овладев кроатскими ротами, которые еще не постигли этого нового способа ведения войны. Когда полк приблизился к нам, он был одет в мундиры баварских улан.

Некоторые из наших офицеров еще ничего не подозревали в то время, как я уже понял, какого рода западню ставят нам.

«Это русские!» — воскликнул я, обращаясь к нашему подполковнику.

Мы приготовились их встретить, но, не дождавшись демонстрации с нашей стороны, они повернули назад.

Битва под Полоцком дорого стоила нашему полку. Покинув этот город, я на следующий день сделал перекличку. В наших рядах обнаружилось страшное опустошение: 37 человек офицеров не ответили; они были либо ранены, либо убиты. Около 600 унтер-офицеров и солдат, оставшихся на поле битвы, в достаточной мере свидетельствовали о жестоких потерях, которые мы только что понесли.

Полоцк был сожжен. Мы успели увезти с собой свои боевые запасы, обильные съестные припасы и угнать стадо великолепных быков.

Русский генерал переправился через Двину и все время схватывался с нашим арьергардом. У нас оставалось около 16 000 человек, которых едва хватило для того, чтобы противостоять корпусам Штейнгеля и Витгенштейна. Правда, что и русские потеряли много народу в Полоцкой битве, и их ряды значительно поредели от нашей артиллерии и штыков. Их прибытие в Полоцк во время пожара заставило их потерять часть лучших войск, так что наше отступление совершалось в значительном порядке.

Генерал Мерл упомянул в приказе наше поведение под Полоцком и обвинял нас лишь в том, что у нас был избыток храбрости и увлечения.

Маршал Сен-Сир был ранен под Полоцком, а маршал Удино, едва лишь оправившись от раны, нанесенной ему в начале нашего пребывания в этом городе, вновь принял на себя командование 2-м армейским корпусом.

К концу октября мы медленно направлялись к Березине, будучи часто принуждаемы отвечать на неоднократные нападения русских под начальством Витгенштейна; мы переправились через широкий канал, соединяющий Березину с Двиной. Когда мы были на 3-дневном расстоянии от Борисова, перед нами находился еще корпус адмирала Чичагова. Таким образом, как наш авангард, так и арьергард то и дело сражались с русскими.

(Бего)

* * *

Вильно, 1 сентября. ...Что касается до провианта и фуража на этапах, то должен признаться, к своему великому сожалению, что не мог еще регулировать их и обеспечить правильную их службу. Всего лишь три дня я состою президентом правительственной комиссии, до сих пор я не имел никакого влияния. Я делаю все, что могу, и надеюсь, что в короткое время мне удастся восстановить порядок в этой части; но очень трудно расположить этапы, как должно, на такой растянутой территории, при таких беспрерывных и быстрых маршах, в совершенно дезорганизованной стране.

Наконец, если я буду счастлив увидеть в. в-ство здесь, я надеюсь, смогу Вам доказать, что невозможно сделать для меня больших усилий для пользы императорской службы, но задача трудна и поддержки у меня чрезвычайно мало, так как я не имею ни начальника штаба, ни помощников.

Г-н главный интендант ни о чем не заботится, не отвечает даже на самые спешные требования и не имеет ни копейки на самые неотложные нужды. Но ведь жалобы, наконец, не помогут ничему. Я буду продолжать свое дело, как смогу; счастлив буду, если император будет доволен мной и если я буду правильно судим такими людьми, как в. в-ство...

(Из письма губернатора Вильно генерала Гогендорпа к маршалу Удино)

* * *

...Когда настоящее письмо будет Вам вручено, у Вас, без сомнения, будет уже в руках записка, которую я написал Вам третьего дня и в которой я сообщил некоторые подробности о потерях, понесенных моей дивизией в дни 17 и 18 сентября[1], и наградах, которые были ей пожалованы.

Я очень доволен распределением наград дивизии, но Вы знаете, г-н маршал, что она заслужила все то, что получила. Что до меня, я Вам сказал, что больше всего меня прельщает чин полного генерала, и я, думаю, имею право на эту награду; вот где почти кончается мое честолюбие: я говорю почти, потому что с позавчера я придумал, что *маленькое герцогство* было бы весьма хорошеньким довеском к чину полного генерала и совершенно пришлось бы к моему отелю в Париже. Я представляю Вам это свое соображение, г-н маршал, и убежден заранее, что оно Вам покажется справедливым. Признаюсь Вам по секрету, что это герцогство настолько пришлось бы мне по душе, насколько доходы с него немножко поправили бы мои финансы, которые сейчас в том же положении, как и английские, т. е., конечно, в расстройстве.

Дотации, которые мне пожалованы, не выполнили намерений Его Величества, потому что вестфальская, которая дана была мне за 30 000 фр. чистого дохода в год, до сих пор приносит мне 14 000—15 000. А польская, доход с которой был вычислен около 20 000 фр., не дала мне ни су; совсем напротив, я принужден был с первого же года выложить из своего кошелька 10 000 фр., чтобы закончить процесс, который вчинили против меня арендаторы, и удовлетворить многочисленным реквизициям и контрибуциям, которые варшавская администрация не преминула наложить по преимуществу на имения получивших дотации. Эта сумма еще мне не возвращена. Итак, уже три года я могу извлечь из своих двух дотаций лишь 15 000 фр., между тем как мне было обещано 50 000.

Извиняюсь, г-н маршал, что так долго говорю о себе, но я надеюсь на Вашу снисходительность и особенно на Вашу дружбу... Я совершенно убежден, что одной только просьбы с Вашей стороны было бы достаточно, чтобы доставить мне награды, которых я домогаюсь и которых только я прошу. Они осчастливили

---

[1] Сражения под Полоцком.

бы меня, и я счел бы себя с избытком вознагражденным за все те услуги, которые я оказать мог Его Величеству.

Примите и проч.

(Дивизионный генерал граф Легран маршалу Удино)

* * *

Мы оставались сравнительно спокойными в Витебске (в конце октября 1812 г.). Полное неведение о всех происходящих событиях, в котором мы находились, давало мне возможность разуверять всех в их подозрениях... Взятие Полоцка, произведшее сначала страшное впечатление, начало казаться понемногу не таким важным, так как я всех уверил, что со стороны Гувиона то было искусным маневром, имеющим целью притиснуть неприятеля к реке... Шпионы, которым мы щедро платили, сообщили нам довольно верные сведения. Неприятель находился в 32 верстах от нас; герцог Беллунский, отступая, оставил за собой бригадного генерала Кастекса (Castex) с двумя полками легкой кавалерии, чтобы обследовать движение русских, или, если это окажется возможным, остановить их. Генерал известил нас об этом и предупредил, что если к вечеру 6-го числа он не будет в Витебске или не пришлет нам письменного сообщения, то это должно означать, что он принужден был отступить.

Положение было критическое. У нас оставалось всего 800 человек гарнизона, все из полка Берга. Армия, которая должна была защищать нас, отступила; враг надвигался с двух сторон. Нам предстояло испытать много опасностей, и мало надежд могли мы сохранить. В таком ожидании провели мы все 6-е число и следующую ночь. Внезапно все было решено. В 7 часов утра оживленная перестрелка разбудила тех из нас, кто пытался немного отдохнуть после утомительной неуверенности минувшего дня и долгих ночных беспокойств. Я сел на коня и, уезжая, увидал, что ко мне бежит большая часть поляков, занимавших какие-либо должности. Страх их в эту минуту был совершенно понятен. Насколько умел, я успокоил их. Призвав местного коменданта и полицеймейстера, я потребовал у них отчета, что произошло. «Неприятель занял предместья на правом берегу,— отвечали они,— сегодня ночью его впустили евреи; он ввел туда кавалерийский форпост из жандармов и форпосты легкой пехоты; он расположился у моста и готовит правильное нападе-

ние на нас». Так мне говорили, а свиставшие над нами пули слишком ясно подтверждали это печальное донесение...

Мне очень хотелось, чтобы мы продолжали обороняться, но было уже не время: у нас оставалось не больше 20 человек на конях, при орудиях находились солдаты, не обученные артиллерийскому делу, приходилось уступать. Гарнизон собрался на площади и начал удаляться в направлении, противоположном тому, откуда угрожали нам враги. Казалось, все благоприятствовало нашему отступлению. Меня беспокоило только одно: мы покидали в госпитале 200 больных, а военные события достаточно доказали нам, что пощады ожидать трудно. Сначала я решил было остаться с больными; но и французы, и сами местные жители отговорили меня. «Ваша голова имеет ценность,— сказал мне один из них,— и все Вас знают. Первый же удар сабли или пистолетный выстрел будет направлен на Вас; Вас убьют, и Вы ни на миг не успеете быть полезным для больных». Доводы были верны, я понял это и отказался от своего намерения. В то самое время, как мы удалялись с площади, я увидал, что из иезуитской церкви выходит несколько человек известнейших местных жителей. «Господин интендант,— сказали они мне,— мы покидаем Вас; мы возвращаемся к тому правительству, которого не любим, но мы будем молиться Богу за Вас. Спасайтесь от врагов, которые будут Вас преследовать, не забывайте нас, а мы всегда будем помнить о Вас. Если Вам придется когда-нибудь покинуть свою Францию, возвращайтесь к нам: Витебск всегда будет счастлив видеть Вас». Я сказал в ответ, обращаясь к мэру: «Милостивый государь, если Витебск почитает себя чем-либо обязанным мне, то я немедленно потребую тому доказательства. Здесь в госпитале оставляю я 200 больных. Кормите их — они несчастны; защищайте их — они всеми покинуты. Помните, что они в 3000 верст от родины, что им не на кого опереться, что у них нет никаких средств к жизни и что они пришли сюда и подвергались разным опасностям только затем, чтобы освободить и защитить вас».— «Клянусь Вам,— отвечал мне мэр,— что, если нам не помешают тому силой, мы будем заботиться о всех их нуждах». Не требуя большего, я уехал. Некоторые из них плакали, и я тоже плакал. Я вовсе, однако, не любил своей жизни в Витебске: я знал в нем только беды да беспокойст-

ва; но в ту минуту меня глубоко тронуло доказательство их сочувствия ко мне.

Шавардес, которому поручена была площадь, желал остаться в городе с небольшим отрядом еще на несколько мгновений, чтобы выследить неприятельские движения и поджечь мост. Это был человек храбрый до безрассудства, иногда слишком далеко увлекаемый пылом своего южного сердца; но он был на прекрасной лошади и легко мог догнать нас; поэтому мы решились отправиться без него. Впереди шла пехота с двумя нашими орудиями; человек 12, бывших верхом, следовали за ней, а генерал Пуже и я шли сзади всех. Уже выходя из города, я заметил несколько человек, как будто прятавшихся от меня. Я нагнал их; то были агенты и военные врачи из госпиталя, те самые, кому военный комиссар поручил оставаться при больных. «Как? Вы здесь? — сказал я им.— Что же вы делаете?» — «Из города выступают, господин интендант, и мы тоже выступаем из него».— «Ну а больные?» — «Они в госпитале».— «А кто позаботится о них? Кто будет ходатайствовать за них? Вы ведь получили приказ оставаться».— «Нет».— «Военный комиссар должен был дать вам этот приказ, а если он этого не сделал, то я его даю: вы останетесь».— «Нет, мы вовсе не останемся,— воскликнули они все разом,— в наши обязанности не входит жертвовать своей жизнью». Тысячи шумных криков присоединились к этим словам, произнесенным директором госпиталя. Я выхватил из кармана пистолет и приставил ему дуло к груди. «Еще один шаг,— сказал я ему,— и я убью Вас. Первый из вас, кто попытается идти за нами, будет встречен оружием. Возвращайтесь на свое место». Они повернули назад, и наше отступление совершилось.

Мы вышли из Витебска в довольно хорошем порядке; верстах в 16 перед нами отряд в 200 человек сопровождал посланный мной утром обоз, так что мы образовали его арьергард. Мы шли по той же дороге, которую он выбрал, по единственной дороге, еще оставшейся для нас свободной: из Витебска в Смоленск через Рудню и Жуково. Едва мы отошли верст 5 от города, как вдруг нагоняет нас в галоп ускользнувший от врагов жандарм; он сообщает нам, что все оставленное в городе взято, что мост не успели поджечь вовремя и что неприятель гонится за нами. Действительно, через несколько мгновений мы завидели его кавалерию. Мы

строимся колонной; они приближаются и, определенно узнав нас, посылают свою кавалерию направо, чтобы заставить нас повернуть фронт. «Генерал,— говорю я тогда Пуже,— они хотят отрезать нам дорогу; необходимо не допускать их до этого. Я пошлю в бой первые ряды из сопровождающих обоз. Задержите их здесь, а я даю Вам слово, что там они не отрежут нас». Он соглашается, и я скачу вместе с Рели, моим другом и школьным товарищем, случайно бывшим со мной. Проехав с милю, мы встретились с офицером 1-го полка; я отдаю ему приказ с тем, чтобы он передал его тотчас же; затем я проникаю в пустой амбар около маленького мостика, бывшего на дороге. Рели выходит на минуту... я остаюсь один с лошадьми. Вдруг подымаются крики; я оборачиваюсь, вижу с другой стороны моста скачущих галопом казаков. Я зову Рели; он прибегает полураздетый; вскочив на лошадей, мы скачем, а пики врагов почти достают до крупов наших лошадей. В 100 шагах открывается перед нами ров, через который необходимо переехать. С одной стороны почти отвесный холм, с другой — глубокая рытвина, выкопанная в песке; на неровной, усеянной ямами дороге — остановившаяся тележка с порохом, которую ослабевшие лошади могли тащить лишь с великим трудом; рядом — поваленное и покрытое снегом дерево; между ними оставался узкий проход. Мгновенно представил я себе как препятствие, так и необходимость преодолеть его, как трудности, так и окружавшие меня опасности. Меня спасла моя лошадь; она взлетела на ствол дерева, оттолкнулась от него, перелетела через пороховой ящик и уже на другой стороне холма продолжала свою стремительную скачку. Я спасался бегством, но не мог постигнуть, каким образом подверглись мы этому преследованию, что сталось с войсками, с артиллерией и с генералом Пуже, который должен был задержать неприятеля сзади. Нагнавшие меня адъютанты объяснили мне все: на него напали русские; он хотел ввести свои орудия в колонну, но медленность этого маневра дала казакам возможность ворваться в ряды; все солдаты Берга положили оружие. Один из этих адъютантов был человек отважный и преданный долгу, дважды он старался собрать несколько человек беглецов. Но как только повертывали мы фронт и, обнажив сабли, решались ждать неприятеля, гнавшегося за нами на расстоянии ружейного выстрела, оказывалось, что мы одни, что все бывшие

сзади нас бежали. В силу необходимости мы бывали принуждены следовать за ними.

Так сделали мы 10 миль за 9 часов. Была непроглядная ночь; все мои люди заблудились, и со мной оставалось только несколько человек гражданских чиновников. Я остановился в избушке, чтобы дать отдохнуть лошадям. Казалось, темнота должна была скрыть меня от преследователей, и я почитал себя в безопасности. В скором времени, однако, прибыл один из наших и сообщил, что за ним гнались по пятам. Евреи, которых было немало по деревням, узнали мою форму и указали мне путь... Я взял мужика как проводника, и мы отправились. Была полночь; резкий холод (от 16° до 18°) сковывал воздух, ледяной ветер крутил снежные вихри; земля так была покрыта снегом, что ничего нельзя было различить. Вокруг меня несколько выбившихся из сил, отчаявшихся человек начинали роптать, временами переходя от жалоб к угрозам. Мой проводник исследовал землю палкой, ложился, чтобы сыскать следы, которые трудно было бы усмотреть и днем, и, как казалось, зачастую совершенно терял надежду найти верную дорогу. Сам я был измучен и многодневной бессонницей, возбужденной постоянными беспокойствами, и долгим голоданием, вызванным крайней необходимостью; преследуемый, как зверь, блуждая по снежной равнине, зная, что голова моя оценена врагом, почти потерявший всякую надежду, я в молчании вел с собой эту толпу беглецов...

В конце концов проводник сообщил нам, что мы спасены. Он разыскал дорогу, и мы пошли в ближнюю усадьбу попросить убежища и гостеприимства, которое и было нам оказано. Часа через два мы выехали оттуда, и тотчас же появились казаки, искавшие нас. Но потому ли, что им указали на ложный след, или потому, что 500 червонцев, обещанных за мою голову, показались им слишком дешевой платой за подобный труд, только они покинули нас в 60 верстах от Витебска. Оттуда мы шли в Смоленск по совершенно неизвестной нам дороге, живя добровольными подачками от мужиков, то принимаемые ими, то прогоняемые с презрением, когда я смиренно вымаливал у них сострадания, немного сена для лошади и немного хлеба для себя самого, сохраняя еще где-то в глубине души надежду на лучшее положение и на более счастливые времена...

(Пасторе)

КОММЕНТАРИИ

Часть I

НАПОЛЕОН

С. 35.

Наполеон I (Наполеон Бонапарт, Napoleon Bonaparte) (1769—1821) — полководец, император Франции (1804—1814, 1815).

С. 36.

...мое назначение на пост посланника во Францию — Меттерних был назначен австрийским послом в Париже в 1806 г.

Сен-Клу — императорская резиденция в окрестностях Парижа.

... в обществе министра иностранных дел...— имеется в виду Шарль Морис де Талейран-Перигор (de Talleyrand-Perigord) (1754—1838), французский политик и дипломат, в описываемое время — министр иностранных дел Франции.

С. 38.

Вольтер (Voltaire) (наст. имя и фамилия Франсуа Мари Аруэ) (1694—1778) — французский философ, просветитель, поэт, прозаик, историк, публицист.

Деизм — религиозно-философское воззрение, получившее распространение в эпоху Просвещения, согласно которому Бог, сотворив мир, не принимает в нем какого-либо участия и не вмешивается в закономерное течение его событий.

С. 39.

Александр — Александр Македонский (356—323 до н. э.), царь Македонии, древнего государства на Балканском полуострове. Великий полководец.

Цезарь — Гай Юлий Цезарь (латин. Gaius Iulius Caesar) (100—44 гг. до н. э.), римский политический деятель и полководец.

Карл Великий (латин. Carolus Magnus) (ок. 742—814) — франкский король с 768 г., император с 800 г. Великий полководец.

С. 40.

Людовик XVI (Louis XVI) (1754—1793) — король Франции (1774—1791).

Бурбоны (Bourbons) — королевская династия, правившая во Франции в 1589—1792, 1814—1815, 1815—1848 гг.

Людовик XVIII (Louis XVIII) (1755—1824) — король Франции в 1814—1824 гг., с перерывом в 1815 г.

Компьен — зд.: резиденция французских королей в г. Компьен на севере Франции.

...после брака его с эрцгерцогиней...— В марте 1810 г. Наполеон женился вторым браком на эрцгерцогине Марии Луизе (1791—1847), дочери императора Австрии Франца I.

...в письмах к отцу...— Имеется в виду Франц Иосиф Карл (Franz Joseph Karl) (1768—1835), король Австрии с 1792 г., император Священной Римской империи германской нации (последний император) в 1792—1806 гг. Первый император Австрии (с 1804 г.), вступивший на престол под именем Франца I. Отец Марии Луизы Австрийской.

С. 41.

...Германской империи, которая называлась Священной империей...— Государственное образование — Священная Римская империя германской нации,— существовало с 962 г. по 1806 г. и объединяло ряд территорий Центральной Европы.

Венгрия — королевство в Европе, вошедшее в 1806 г. в состав Австрийской империи.

Дюрок (Du Roc, Duroc) Жиро Кристоф Мишель (1772—1813) — герцог Фриульский и Фельтрский, дивизионный генерал, обер-гофмаршал двора Наполеона.

Бертье (Berthier) Луи Александр (1753—1815) — герцог Ваграмский, Невшательский и Валанженский, маршал Франции. В 1812 г.— начальник Главного штаба Великой армии.

Маршал Ланн — Ланн (Lannes) Жан (1769—1809), герцог де Монтебелло, маршал Франции. Смертельно ранен в сражении с австрийцами при Асперне (Эслинге) 22 мая 1809 г.

С. 42.

Остров Св. Елены — остров в Атлантическом океане, где Наполеон провел в ссылке последние шесть лет своей жизни.

С. 43.

Ни первая, ни вторая из супруг Наполеона... — Первой супругой Наполеона была Жозефина Богарне (Beauharnais) (рожд. Мари Роз Жозефа Таше де ла Пажери), императрица Франции (1804—1809). Вторая супруга — Мария Луиза Австрийская.

Вена — столица Австрии.

С. 44.

Тальма (Talma) Франсуа Жозеф (1763—1826) — французский актер.

Сталь — Анна-Луиза Жермена де Сталь, баронесса де Сталь-Гольштейн (de Staël-Holstein) (1766—1817), писательница, общественная деятельница.

С. 45.

Дрезден — столица Саксонии.

С. 47.

Кромвель (Cromwell) Оливер (1599—1658) — английский государственный деятель и военачальник, в 1653—1658 гг.— первый лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии.

С. 48.

Союз 1813 г.— Союз («Шестая коалиция»), объединивший весной 1813 г. Англию, Пруссию, Россию и Швецию для борьбы с Наполеоном. В августе 1813 г. к коалиции примкнула Австрия.

...эра Французской революции...— эпоха Великой французской революции 1789—1794 гг.

С. 49.

Меттерних (Metternich-Winneburg) Клеменс Венцель Лотар (1773—1859) — князь, австрийский государственный деятель и дипломат. В 1806—1809 гг.— посол Австрии во Франции. В 1809—1821 гг.— министр иностранных дел Австрии.

АЛЕКСАНДР I

С. 49.

Александр I (1777—1825) — император Всероссийский с 1801 г.

Берлин — в описываемый период столица Пруссии.

С. 50.

Crescendo — зд.: по нарастающей.

С. 51.

...в царствование Екатерины...— Имеется в виду Екатерина II Великая (1729—1796), императрица Всероссийская с 1762 г.

Павел — Павел I (1754—1801), император Всероссийский с 1796 г.

С. 52.

Лагарп (Laharpe) Фредерик Сезар (1754—1838) — швейцарский государственный деятель, генерал, наставник великого князя Александра Павловича, будущего императора Александра I.

С. 53.

...со времени моей миссии в Берлине в 1805 г.— Речь идет о встрече Меттерниха с находившимся в 1805 г. в Берлине императором Александром I.

...в 1818 г., в Ахене...— В г. Ахене на территории Пруссии в 1818 г. состоялся конгресс держав — победителей Наполеона (Австрии, Англии, Пруссии и России), которые приняли решение о досрочном выводе оккупационных войск из Франции и о мерах по сохранению в Европе государственных границ, установленных на Венском конгрессе 1814—1815 гг.

В конце 1822 г., в бытность свою в Вероне... — Речь идет о состоявшемся в итальянском г. Вероне конгрессе союзных держав — России, Пруссии, Австрии и Англии, на котором обсуждались меры борьбы против революционного движения в странах Европы.

С. 54.

... оба императора встретились осенью 1805 г. во время военных действий в Моравии.— Встреча Александра I и Франца I состоялась перед Аустерлицким сражением, имевшем место 20 ноября (2 декабря) 1805 г.

С. 56.

... мир между Австрией и Францией — Мирный договор между Австрией и Францией был заключен 26 декабря 1805 г. в г. Пресбурге (ныне — г. Братислава).

Граф Стадион — Стадион-Вартхаузен (Stadion-Warthausen) Иоганн Филипп (1763—1824), граф, австрийский государственный деятель, посланник в России в 1804—1805 гг.

... после неудачи, постигшей союзников под Дрезденом...— Речь идет о сражении под Дрезденом 14—15 (26—27) августа 1813 г., где Наполеон нанес поражение союзным австро-прусско-русским войскам.

Шварценберг (von Schwarzenberg) Карл Филипп фон, герцог Крумауский (1771—1820) — князь, австрийский фельдмаршал.

С. 57.

Лангр — город во Франции на р. Марна.

...с королем прусским...— Имеется в виду Фридрих Вильгельм III (Friedrich Wilhelm) (1770—1840), король Пруссии с 1797 г.

После подписания в Париже мира...— Парижский мирный договор между Францией и союзниками был заключен в мае 1814 г.

Георг IV — Георг (George) Август Фридрих (1762—1830), принц-регент с 1811 г., король Великобритании и Ирландии с 1820 г.

...великая княгиня Екатерина — сестра императора Александра I, великая княгиня Екатерина Павловна (1788—1819).

С. 57—58.

...Одной из главных причин ее приезда в Англию надо считать ее непременное желание расстроить брак принца Оранского с буду-

щей наследницей Англии и посадить на трон Голландии свою собственную сестру...— Наследницей английского престола считалась Шарлотта Августа Уэльская (Charlotte Augusta) (1796—1817), принцесса Великобритании, дочь принца-регента Георга. В 1813 г. ее собирались выдать замуж за принца Виллема Оранского, но в 1814 г. она разорвала помолвку. Вильгельм (Willem) Фредерик Георг Лодевейк (1772—1843), принц Оранский-Нассау, король Нидерландов с 1815 г., сочетался в 1816 г. браком с сестрой императора Александра I Анной Павловной (1795—1865).

С. 58.

Лорд Грей — Грей (Grey) Чарльз (1764—1845), британский политический деятель, премьер-министр Великобритании с 1830 по 1834 гг.

Венский конгресс — конференция европейских государств, собравшаяся в Вене в сентябре 1814 — июне 1815 г. для урегулирования политического положения в Европе в условиях поражения наполеоновской Франции.

При образовании нового царства Польского...— На Венском конгрессе было решено, что Польша в очередной раз делится между Россией, Пруссией и Австрией. Большая часть Великого герцогства Варшавского, образованного в 1807 г. по Тильзитскому договору из отобранных у Пруссии польских земель, перешла к России. Пруссия приобрела часть Саксонии и Вестфалии. Австрии были возвращены земли, отторгнутые у нее во время Наполеоновских войн.

Калиш — город в Польше.

Лорд Кэстльри — Каслри (Castlereagh) Роберт Стюарт (1769—1822), лорд Лондондерри, виконт, военный министр Великобритании в 1805—1806 гг. и 1807—1809 гг., министр иностранных дел Великобритании в 1812—1822 гг.

С. 59.

Канцлер Пруссии — Имеется в виду князь Карл Август фон Гарденберг (von Hardenberg) (1750—1822), немецкий государственный и политический деятель, канцлер Пруссии.

Граф Озаровский — Ожаровский Адам Петрович (1776—1855), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант.

С. 60.

Нессельроде (Nesselrode-Enreshowen) Карл Васильевич (Карл Роберт) (1780—1862) — граф, государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел Российской империи (1832—1856), канцлер.

Остров Эльба — остров в Тирренском море, место ссылки Наполеона в 1814—1815 гг.

С. 63.

Мятеж в Греции — национальное восстание греков против турецкого владычества в 1821—1822 гг.

С. 64.

Он был воспитан под эгидой известных тогда революционеров...— Меттерних имеет в виду принципы, согласно которым Лагарп воспитывал юного великого князя Александра Павловича, призывая его жить и управлять государством «по законам разума и справедливости».

В ГЕРМАНИИ

С. 66.

...о славных подвигах наших товарищей по оружию в Испании...— В 1807 г. Франция предприняла боевые действия против Португалии, отказавшейся примкнуть к континентальной блокаде, начатой Наполеоном в 1806 г. и направленной против Великобритании. Для захвата Португалии Наполеон вступил в соглашение с правительством Испании. Введение на испанскую территорию французских войск вызвало в стране всеобщее недовольство. В мае 1808 г. в Мадриде вспыхнуло восстание, жестоко подавленное французскими оккупантами. В ответ на это по всей Испании развернулось освободительное движение против иноземных захватчиков. В июне того же года испанские партизаны принудили к сдаче 20-тысячную французскую армию у Байлена, города в испанской провинции Хаэн. «Байленская катастрофа» произвела большое впечатление в Европе. В ноябре 1808 г. Наполеон вторгся в Испанию во главе огромной армии, в нескольких сражениях разбил испанские войска и английский экспедиционный корпус. В начале декабря французы взяли Мадрид. В январе следующего года пал сопротивлявшийся несколько месяцев город Сарагоса. Около 20 тыс. воинов его гарнизона и более 32 тыс. горожан пали жертвой французского кровавого террора. Однако это не остановило борьбы испанского народа против французских оккупантов.

Бавария — зд.: королевство в Центральной Европе, образованное в 1806 г. благодаря завоевательной политике Наполеона.

Силезия — историческая область в Центральной Европе.

Персия — название Ирана до 1935 г.

Ост-Индия — старое название территории Индии и некоторых других стран Южной и Юго-Восточной Азии.

Ложье — Ложье де Белькур (Laugier de Bellecour) Цезарь (Чезаре) (1789—1871), граф, генерал-лейтенант. В 1812 г.— су-лейтенант, старший адъютант полка гвардейских велитов 4-го армейского корпуса Великой армии. Историк и мемуарист.

Плоцк — город на правом берегу р. Висла, протекающей по территории современной Польши и впадающей в Балтийское море.

С. 67.

...маркитанты — торговцы, сопровождающие войска в походах. Во французской армии допускались и маркитантки.

Кальвария — уездный город Виленской губ.

Фридланд — город на р. Алле в Восточной Пруссии (ныне г. Правдинск Калининградской обл.). В июне 1807 г. наполеоновская армия в сражении при Фридланде одержала победу над русскими войсками.

Тильзит — город в Восточной Пруссии на р. Неман (ныне г. Советск Калининградской обл.).

В Тильзите Россия поклялась быть в вечной дружбе с Францией и воевать с Англией.— После поражения русских при Фридланде состоялась встреча Наполеона с Александром I. Она происходила на плоту, установленном на середине р. Неман вблизи Тильзита. После переговоров между Францией и Россией был заключен Тильзитский мир (1807), вынудивший Россию примкнуть к континентальной блокаде.

С. 68.

Рейн — крупная река в Западной Европе.

Разве мы уже не солдаты Аустерлица? — Аустерлиц, город в Австрии (ныне г. Славков-у-Брна в Чехии). В декабре 1805 г. под Аустерлицем Наполеон нанес серьезное поражение соединенным русско-австрийским войскам.

Неман — река, протекающая по территории Белоруссии и Литвы.

Мы вступили в Польшу.— После Тильзитского мира из польских земель, отошедших к Пруссии по третьему разделу Польши (1795 г.), Наполеон создал Великое герцогство Варшавское, номинально находившееся под властью саксонского короля. В результате этих территориальных изменений император Франции получил существенную стратегическую выгоду: рубеж развертывания армий, нацеленных на Россию, передвигался на 400 км вперед, на русско-польскую границу.

Инстербург — город в Восточной Пруссии (ныне г. Черняховск Калининградской обл.).

Пион де Лош (Pion des Loches) Антуан Огюстэн Флавьен (1770—1819) — полковник. В 1812 г.— капитан (затем шеф батальона), командир 3-й роты пешей артиллерии Императорской гвардии. Мемуарист.

НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА ЧЕРЕЗ НЕМАН

С. 70.

Роос (Росс) (von Roos) Генрих Ульрих фон (1780—?) — немецкий врач. В 1812 г. главный хирург 3-го Вюртембергского конно-егерского полка 2-й дивизии легкой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Мемуарист.

...наши кавалеристы (6-го Польского уланского полка)...— 6-й Польский уланский полк входил в состав 1-й дивизии легкой кавалерии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Герцог Невшательский — Имеется в виду маршал Бертье.

Генерал Брюйер — Брюйер (Bruyeres) Пьер Жозеф (1772—1813), барон, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 1-й дивизией легкой кавалерии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Сухорцевский (Suchorzewski) — офицер 6-го Польского уланского полка.

Полковник Паговский — Паговский (Понговский) (Pongowski), командир 6-го Польского уланского полка.

С. 71.

Лейтенант Урельский (Urielski) — офицер 6-го Польского уланского полка.

Алексота — деревня, расположенная на левом берегу р. Неман.

Ковно — уездный город Виленской губ. (ныне — г. Каунас в Литве).

Вилия — река, приток Немана.

Вильно — губернский город Российской империи (ныне г. Вильнюс — столица Литвы).

С. 72.

Солтык (Soltyk) Роман (1791—1843) — граф, польский бригадный генерал. В 1812 г. шеф эскадрона 6-го Польского уланского полка. С 16(28) июня адъютант генерала Сокольницкого, затем находился при штабе императора Наполеона I. Мемуарист.

Понемуни (Понемонь) — деревня на левом берегу р. Неман.

13-й полк легкой пехоты имел честь первым высадиться на правом берегу.— В ночь на 12 (24) июня три роты вольтижеров 13-го легкого полка 1-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии переправились через р. Неман на плотах и лодках.

...сильный взвод русских гусар... — Высадившихся на берег французов встретил разъезд лейб-гвардии Казачьего полка.

Командовавший взводом офицер... — Разъездом лейб-гвардии Казачьего полка командовал штабс-ротмистр Рубашкин.

С. 73.

Войт — зд.: деревенский староста.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ НЕМАН

С. 73.

Фриан (Friant) Луи (1758—1829) — граф, дивизионный генерал, командир 2-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

Коленкур (Caulaincourt) Огюст Жан Габриэль (1777—1812) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г.— комендант императорской Главной квартиры Великой армии.

Бородино — село Можайского у. Московской губ., получившее известность после сражения между французскими и русскими войсками, состоявшегося 26 августа (7 сентября) 1812 г.

С. 74.

...им придется все уступать гвардии...— Французские мемуаристы неоднократно упоминают о преимуществах, которыми пользовалась гвардия перед армейскими полками, в том числе при дележе трофеев.

Дедем — Дедем ван де Гельдер (Dedem van de Gelder) Антуан Бодуэн Жисбер ван (1774—1825) — виконт, генерал-лейтенант. В 1812 г. командовал 2-й бригадой 2-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии. Голландец по происхождению. Мемуарист.

ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

С. 75.

26 июня мы перешли Неман.— Авторы воспоминаний приводят даты по новому стилю.

С. 76.

Куанье — Куанье (Coignet) Жан Рош (1776—1865), капитан. В 1812 г. служил сержантом во 2-м гренадерском полку 3-й гвардейской дивизии Кюриаля (Старая гвардия); позже су-лейтенант, офицер Главного штаба Великой армии. Мемуарист.

Неаполитанский король — Имеется в виду Мюрат (Murat) Иоахим (1767—1815) — маршал Франции, король Неаполитанский, муж сестры Наполеона Каролины. В 1812 г. командовал резервной кавалерией Великой армии.

...накануне битвы под Вязьмой...— Речь идет об освобождении г. Вязьмы русскими войсками 22 октября (3 ноября) 1812 г.

...доложить о моем положении генералу...— Имеется в виду генерал Брюйер, командир 1-й дивизии легкой кавалерии.

С. 77.

...метод формировать большие корпуса кавалерии, чтобы раздавать важные командования честолюбивым генералам...— Упомянутый капитаном 16-го конно-егерского полка эпизод относится к октябрю 1812 г., когда наполеоновская армия бесславно отступала от Москвы. В этом кроется причина осуждения им крупных соединений конницы, игравших важную роль в войнах тех лет.

С. 78.

Дессе (Дессэ, Dessaix) Жозеф Мари (1764—1834) — граф, дивизионный генерал, командир 4-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

Бурже (du Bourget) дю — капитан, адъютант командира 4-й дивизии пехоты.

Жиро де л'Эн — Имеется в виду Жан Мари Феликс Жиро де л'Эн (Girod de l'Ain) (1789—1874), генерал. В 1812 г. в чине капитана служил адъютантом командира 4-й дивизии пехоты. Мемуарист, военный историк.

С. 80.

Генерал Сорбье — Сорбье (Sorbier) Жан Бартельмо (1762—1827), граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командующий резервной артиллерией Императорской гвардии Великой армии.

Троки (Новые Троки) — уездный город Виленской губ.

В местечке не было магазинов...— Магазинами в то время называли склады провианта, фуража и вещевого имущества.

С. 81.

Лабом — Лабом (de Labaume) Луи Эжен Антуан де (1783—1849) — капитан, офицер штаба 4-го армейского корпуса Великой армии. Мемуарист.

ВИЛЬНО

С. 81.

Вильковишки (Волковышки) — уездный город Гродненской губ. (ныне г. Вилкавишкис в Литве).

...Наполеон обнародовал прокламацию против русских и их монарха.— Имеется в виду отданный 10(22) июня Наполеоном приказ войскам о начале боевых действий против России.

С. 81—82.

В Вильно же мы познакомились с содержанием прокламации императора Александра...— Манифест императора Александра I о начале войны был составлен 13(25) июня 1812 г.

С. 82.

Что же касается воззвания, с коим литовский комитет обратился к полякам...— Речь идет о петиции 32 «жителей Литвы» с призывом к объединению Польши и Литвы, обнародованной на заседании сейма герцогства Варшавского 16(28) июня 1812 г.

Юнта — избранное совещательное собрание или избранный исполнительный комитет.

С. 83.

Сераковский — Кароль Йозеф Сераковский (Sierakowski) (1752—1820), польский генерал, участник восстания Костюшко. В 1812 г.— член Временной правительственной комиссии Литвы. 2(14) июля 1812 г. в виленском соборе призвал население поддержать Наполеона.

Герцог Бассано — Юг Бернар Маре (Maret), герцог Бассано (1763—1839). С 1811 г.— министр иностранных дел Франции.

Пасторе — Пасторе (Пасторет, de Pastoret) Амеде Давид де (1791—1857), маркиз. В 1812 г.— интендант Витебской провинции. Французский политический деятель. Литератор. Мемуарист.

С. 84.

Дворяне также поддерживали всеми силами завоевателя в его стремлении обеспечить самостоятельность Польши... — Лабом

преувеличивает желание Наполеона воссоздать независимое Польское государство.

...при Владиславах и Сигизмундах.— Лабом имеет в виду Владислава I Локетека (1320—1333), Владислава II (Ягайло) (1386—1434), Владислава III (1434—1444), Владислава IV (1632—1648), а также Сигизмунда I (1506—1548) и Сигизмунда II Августа (1548—1572), в годы правления которых наблюдался расцвет Польского государства.

...которые посвятили время своего изгнания прославлению польского имени на берегах Нила, Тибра, Таго и Дуная.— Имеются в виду места боевых действий наполеоновской армии, в которых принимали участие поляки, покинувшие родину после третьего раздела Речи Посполитой. Нил — река в Африке. Тибр — река в Средней Италии. Таго (Тахо) — река в Испании и Португалии. Дунай — река в Европе, протекающая по территории тогдашних германских княжеств, Австрийской империи и Турции.

Ягеллоны — польско-литовская династия королей, ведущая свое начало от польского короля и Великого князя Литовского Ягайло (Ягелло).

...для образования новых полков.— Наполеон распорядился набрать из жителей Литвы жандармские роты во всех уездах (по 100 с лишним человек в каждой) и, кроме того, сформировать 9 полков. Все командные должности в этих формированиях должны были занимать дворяне, а гвардейский уланский полк целиком комплектовался из представителей шляхты. Такое распоряжение вызвало недовольство литовского дворянства, которое, находясь под властью России, от воинской службы освобождалось.

С. 85.

...как это было в начале нашей революции.— Речь идет о Великой французской революции 1789—1794 гг.

...под знаменем Ягеллонов, Казимиров, Собеских! — зд.: «под знаменем Речи Посполитой». Ягеллоны, Казимиры, Собеские — польские королевские фамилии.

Правительственный комитет.., действовавший ... только ради помощи народу, обездоленному ужасами войны...— Созданная Наполеоном Временная правительственная комиссия Литвы занималась, главным образом, сбором у местного населения нужного для Великой армии количества припасов: хлеба, овса, сена и проч., и к концу 1812 г. довела подчиненные ей области до полной нищеты.

С. 86.

...вскоре в Вильно и вокруг него начались расстрелы.— Мародерство в занятых французами районах России приняло такие размеры, что уже через восемь дней после начала кампании Наполеон вынужден был издать приказ о предании всех уличенных в грабежах военно-полевому суду и, в случае вынесения обвинительного приговора, немедленном расстреле мародеров.

ЛЖЕ-НАПОЛЕОН

С. 87.

...княгиня Радзивилл, или Понятовская ... была в одном из своих пригородных поместий, прозванном Аркадией...— Речь идет о супруге виленского воеводы Михала Иеронима Радзивилла княгине Хелене (рожд. Пшездецкой) Радзивилл (Radziwill) (1753—1821), владелице поместья «Аркадия» в окрестностях Варшавы.

Гриуа (Griois) Шарль Пьер Любен (1772—1839) — барон, французский генерал. В 1812 г. полковник, начальник артиллерии 3-го корпуса кавалерийского резерва. С 28 октября (9 ноября) 1812 г.— начальник артиллерии 4-го армейского корпуса Великой армии. Мемуарист.

Жюмильяк (de Jumilhac) Антуан Пьер Жозеф Шапель де (1764—1826) — маркиз, генерал-лейтенант. В 1812 г.— полковник, начальник штаба 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

С. 89.

...скоро вы будете штаб-офицером... — в штаб-офицерских чинах Жюмильяк ходил с 1788 г. и к описываемому времени был уже штабным полковником.

Груши (Grouchy) Эммануэль (1766—1847) — граф, маршал Франции. В 1812 г.— дивизионный генерал, командир 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

С. 90.

Ларуш (Larouche) — унтер-офицер французской армии.

Дессоль (Dessole) Жан Жозеф Поль Огюстэн (1767—1828) — граф, маркиз, дивизионный генерал. В 1812 г.— начальник штаба 4-го армейского корпуса Великой армии. 7 (19) августа 1812 г. уволен в отставку.

ОТ ВИЛЬНО ДО ВИТЕБСКА

С. 90.

Витебск — губернский город Российской империи.

С. 91.

Заговорщики были из солдат Жозефа Наполеона, все без исключения испанцы.— В 1808 г. Наполеон низложил короля Испании Фердинанда VII и объявил своего старшего брата Жозефа Бонапарта (1768—1844), короля Неаполитанского (1806—1808 гг.), королем Испании (1808—1813 гг.). Кроме того, он распорядился набирать во французскую армию испанцев, как подданных «короля Жозефа». Правда, император не рискнул образовывать из жителей завоеванной, но непокоренной Испании крупные части. Испанские рекруты вливались небольшими группами в чисто французские подразделения. Как показала практика, опасения были не напрасны: испанцы не только отказыва-

лись воевать против русских, но готовы были повернуть оружие против своих офицеров-французов.

Капрал (фр. caporal) — младший унтер-офицерский чин в пехоте и артиллерии французской армии. В русской армии капральский чин упразднен в 1796 г.

С. 92.

Кто вынимал белый билет.., кто вынимал черный...— Полковник устроил жеребьевку: расстрелу подлежали те солдаты, кому достался черный билет.

Клапаред (Claparede) Мишель Мари (1770—1842) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал дивизией Молодой гвардии.

Минск — губернский город Российской империи.

Хлопицкий (Chlopicki) Гжегож Юзеф (1772—1854) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. командовал 1-й бригадой гвардейской дивизии Клапареда.

Березина — река, правый приток Днепра.

С. 93.

Неманица — деревня Борисовского у. Минской губ.

...обучение сурков у савояров.— Бродячие музыканты-савояры, т. е. уроженцы горной Савойи, ходили по городам Европы со скрипкой, шарманкой или флейтой и дрессированными сурками, которые при звуках музыки начинали делать движения, похожие на танец.

Брандт (Brandt) Генрих (1789—1868) — генерал от инфантерии прусской службы. В 1812 г.— в чине су-лейтенанта служил в гвардейской дивизии генерала Клапареда. 10(22) августа произведен в капитаны. Военный писатель. Мемуарист.

С. 94.

Две дивизии, французская и итальянская...— В состав 4-го пехотного корпуса принца Евгения Богарне входили: Итальянская королевская гвардия генерала Леки, 3 дивизии пехоты: 13-я генерала Дельзона, 14-я генерала Брусье и 15-я генерала Пино, а также легкая кавалерийская дивизия генерала Орнано (в начале кампании командира не было). Леки (Lecchi, Lechi) Теодоро (1778—1866) — барон, итальянский генерал армии. В 1812 г.— бригадный генерал, командующий Итальянской королевской гвардией. Дельзон (Delzons) Алексис Жозеф (1775—1812) — барон, дивизионный генерал, командир 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса. Брусье (Бруссье, Broussier) Жан Батист (1766—1814) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 14-й дивизией пехоты 4-го армейского корпуса. Пино (Pino) Доменико (1767—1826 или 1828) — граф, итальянский генерал. В 1812 г. в чине дивизионного генерала командовал 15-й дивизией пехоты 4-го армейского корпуса. Орнано (Ornano) Филипп Антуан (1784—1863) — граф, маршал Франции. Кузен Наполеона. С марта 1812 г. в чине бригадного генерала командовал 16-й бригадой легкой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва. В начале русской кампании числился при штабе

маршала Мюрата. 24 августа (5 сентября) возглавил легкую кавалерийскую дивизию 4-го армейского корпуса Великой армии.

Генерал явился к принцу Евгению... — Генерал Пино явился к принцу Евгению Богарне. Богарне (Beauharnais) Эжен (Евгений) Роз (1781—1824) — вице-король Италии, герцог Лейхтенбергский. Пасынок Наполеона. В 1812 г. командовал 4-м армейским корпусом.

С. 95.

Докшицы — в описываемое время город Борисовского у. Минской губ.

Глубокое — деревня в Дисненском у. Виленской губ. и месторасположение монастыря католического ордена Босых кармелитов, где 6—9 (18—21) июля 1812 г. останавливался Наполеон.

С. 96.

Камень — деревня Вилейского у. Виленской губ.

САЛТАНОВКА

С. 96.

Салтановка — деревня Могилевского у. Могилевской губ.

Могилев — губернский город Российской империи.

Компан (Compans) Жан Доминик (1769—1845) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 5-й дивизией пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

Князь Багратион — Багратион Петр Иванович (1765—1812), князь, генерал от инфантерии. В 1812 г.— главнокомандующий 2-й Западной армией.

Маршал Даву — Даву (Davout) Луи Никола (1770—1823) — герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, маршал Франции, участник всех Наполеоновских войн. В 1812 г. командовал 1-м армейским корпусом Великой армии.

С. 97.

...генерал Валанс, сенатор, командовавший дивизией кирасир.— Валанс де Тимбрюн де Тьембронн (Valence de Timbrune de Thiembronne) Жан Батист Сирус Мари Аделаид (1757—1822) — граф, дивизионный генерал, сенатор (с 1805 г.). В 1812 г. командовал 5-й кирасирской дивизией, входившей в состав 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Во время сражения под Салтановкой дивизия находилась в резерве Даву.

...как и мой генерал...— Имеется в виду командир 4-й дивизии пехоты генерал Дессе.

Днепр — река в Европе, протекающая по территории России, Белоруссии и Украины.

С. 98.

Блокгауз — оборонительная постройка для небольшого отряда, приспособленная для ведения ружейного и артиллерийского огня в одну или несколько сторон.

С. 99.

Фредерикс — Фридрикс (Friederichs) Жан Парфэ (1773—1813), барон, дивизионный генерал. В 1812 г.— командир 2-й бригады 4-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

...батальон 108 (полковник Ашар)...— Полковник Жак Мишель Франсуа Ашар (Achard) командовал 108-м линейным полком 4-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

С. 100.

...напор 25 000 человек...— У Раевского под Салтановкой было около 17 тыс. человек.

Король Вестфальский — Бонапарт (Bonaparte) Жером (Иероним) (1784—1860), король Вестфалии Иероним Наполеон I. Младший брат Наполеона. В 1812 г. командовал 8-м армейским корпусом и одновременно всей правофланговой группировкой наполеоновской армии, а именно: 4, 7, 8-м армейскими корпусами и 4-м корпусом кавалерийского резерва. На этом посту действовал крайне неудачно, чем навлек на себя гнев старшего брата. В июле был отстранен от командования, после чего уехал в Вестфалию.

С. 101.

Борисфен — древнегреческое название Днепра.

Островно — местечко Лепельского у. Витебской губ.

РИГА И ДВИНСК

С. 101.

Рига — губернский город Российской империи, центр Лифляндской губ.

Двинск — уездный город Витебской губ. (ныне г. Даугавпилс в Латвии).

Крепость Фигьер — Испанская крепость Фигьере была взята французскими войсками 17 августа 1811 г., после чего сделалась Главной квартирой командования Каталонской армии, возглавляемой маршалом Макдональдом.

...оставил один костыль в Париже, а другой — в Берлине.— Макдональд намекает на свое ранение во время его пребывания в Испании в 1810—1811 гг. и свое продвижение через Париж и Берлин к месту расположения 10-го армейского корпуса Великой армии.

С. 102.

Самогиция (Самогития, Жемайтия) — этнографический регион, охватывающий территорию между низовьями рек Неман и Виндава (ныне р. Вента).

Двина — река Западная Двина, протекающая по территории современных России, Белоруссии и Латвии (в пределах которой носит название Даугава).

Динабург — немецкое название города Двинска и крепости XIII в.

tete de pont (фр.) — предмостное укрепление.

Осадный парк — комплекс артиллерийских и инженерных средств осады и взятия крепостей.

Магдебург — город и крепость в германской области Саксония.

Данциг — город в Западной Пруссии (ныне г. Гданьск в Польше).

Гроженталь — Очевидно, автор так называет местечко Груздзяй Шавельского у. Ковенской губ.

...русский корпус, прибывший из Финляндии...— Имеется в виду корпус генерал-лейтенанта Фаддея Федоровича Штейнгеля (1762—1831).

Макдональд (Macdonald) Этьенн Жак Жозеф Александр (1765—1840) — герцог Тарентский, маршал Франции. В 1812 г. командовал 10-м армейским корпусом на крайнем левом фланге Великой армии. Мемуарист.

ДРИССКИЙ ЛАГЕРЬ

С.103.

Дрисский лагерь — укрепленный лагерь русской армии, располагавшийся к северо-западу от г. Дриссы Витебской губ. Сооружен по предложению генерала Карла Людвига Августа Фуля (1757—1826), военного советника императора Александра I. План Фуля заключался в том, что 1-я Западная армия, сконцентрировавшись в укрепленном лагере на Дриссе, должна была привлечь на себя удар французской армии, а 2-я Западная армия — действовать в это время в тыл и на фланги и коммуникации противника. План Фуля не учитывал соотношения сил и возможных ответных действий противника. Убедившись в несостоятельности предложенного Фулем плана, русский генералитет принял 1 (13) июля 1812 г. решение об оставлении Дрисского лагеря.

Дрисса — река в Витебской губ., правый приток Западной Двины.

МАРОДЕРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

С. 103.

...при Дисне на Двине...— Имеется в виду уездный город Дисна Виленской губ., расположенный у слияния рек Дисна и Западная Двина.

С. 104.

Сержант Каа — подчиненный обер-лейтенанта Т. Леглера. В 1812 г. служил в 9-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии.

С. 106.

Bravmann (нем.) — «Brav mann» переводится «славный, порядочный человек».

С. 108.

Леглер (Legler) Тома (1782—1835) — Во время русской кампании 1812 г. в чине обер-лейтенанта, позже капитана, служил в 9-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии. По происхождению швейцарец. Мемуарист.

БОЯРЩИНА И СМЕРТЬ КУЛЬНЕВА

С. 108.

Боярщина — деревня Полоцкого у. Витебской губ.

Кульнев Яков Петрович (1763—1812) — генерал-майор, шеф Гродненского гусарского полка. Один из лучших кавалерийских генералов русской армии. Боевое крещение получил еще в суворовские времена. Участник более чем пятидесяти сражений. В 1812 г. командовал авангардом 1-го отдельного пехотного корпуса. Первый русский генерал, погибший в Отечественной войне 1812 г.

Уже надвигалась ночь, когда аванпосты... дали знать, что неприятель переходит реку.— Кульнев со своим авангардом переправился через р. Дриссу на рассвете 20 июля (1 августа) 1812 г.

Аванпост (фр. avant-poste) — передовой сторожевой пост или пост боевого охранения, удаленный от основных сил на 2—4 версты.

...8 русских батальонов и батарея в 14 орудий собираются раскинуть бивак...— В состав группировки Кульнева входили 2 драгунских, 1 гусарский, 1 казачий полки и не менее 10 батальонов пехоты. Авангард, по некоторым сведениям, поддерживали 4 конно-артиллерийских и 12 тяжелых орудий. Конно-артиллерийские орудия (6-фунтовые пушки и $^1/_4$-пудовые единороги) стояли на вооружении конной артиллерии, в которой не только орудия и боеприпасы, но и орудийная прислуга перевозились на лошадях. Подразделения конной артиллерии предназначались для огневой поддержки кавалерии и для создания подвижного артиллерийского резерва.

С. 109.

Авангард... под командой генерала Кульнева, человека очень смелого, но имевшего... скверную привычку злоупотреблять водкой.— Кульнев, подобно многим другим офицерам, не чурался дружеских пирушек, оставаясь при этом добросовестным командиром, честно выполнявшим воинский долг.

...со своими 8 батальонами армии в 40 000 человек...— Точная численность авангарда Кульнева неизвестна. Чаще всего называют цифру в 12 тыс. человек, выделенных графом П.Х. Витгенштейном для преследования французов. См.: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию// 1812 год. М., 1961. С.482.

...за исключением одного брода, была совершенно непереходима...— В месте, выбранном Кульневым для переправы через р. Дриссу, существовала плотина — Сивошина переправа.

Белое — село Дрисского у. Витебской губ.

Витгенштейн Петр Христианович (Питер Людвиг Адольф) (1768—1843) — граф, светлейший князь, генерал-фельдмаршал. В 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командовал 1-м отдельным пехотным корпусом, который до 4(16) июля входил в состав 1-й Западной армии. 22 октября (3 ноября) произведен в генералы от инфантерии.

...зная... слабость Кульнева...— Русское командование высоко оценивало боевые качества Кульнева. Начиная с русско-шведской войны 1808—1809 гг., он всегда шел в авангарде русских войск или прикрывал их отход.

Удино (Oudinot) Никола Шарль (1767—1847) — герцог Реджио, маршал Франции. В 1812 г. командовал 2-м армейским корпусом Великой армии.

Потери, которые он понес...— Речь идет о потерях корпуса Удино в двухдневном Клястицком сражении — более 5 тыс. человек.

Себеж и *Невель* — уездные города Витебской губ.

Сен-Сир — Гувьон (Гувион) Сен-Сир (Gouvion Saint-Cyr) Лоран (1764—1830), граф, маршал Франции. В 1812 г.— дивизионный генерал, командовал 6-м (баварским), а с августа и 2-м армейскими корпусами Великой армии. Мемуарист.

С. 110.

Дюлалуа — Дюлолуа (Dulauloy) Шарль Франсуа (1764—1832) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал артиллерией 2-го армейского корпуса Великой армии.

Полоцк — уездный город Витебской губ.

Легран (Legrand) Клод Жюст Александр (1762—1815) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 6-й дивизией пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии.

...при значке...— Конная артиллерийская батарея имела опознавательный значок в виде небольшого флюгера.

Альбер (Albert) Жозеф Жан Батист (1771—1822) — барон, бригадный (с ноября 1812 г.— дивизионный) генерал. В 1812 г. командовал 1-й бригадой 6-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии.

...прислать... по одному пехотному полку...— Для этой операции из бригад Альбера и Моро были выделены 26-й полк легкой пехоты и 56-й полк линейной пехоты. Моро (Moreau) Жан Клод (1755—1828) —

барон, бригадный генерал. В 1812 г. командовал 2-й бригадой 6-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии.

С. 111.

Клястицы — село Дрисского у. Витебской губ.

Полковник А.— Имеется в виду командир 24-го конно-егерского полка полковник Огюст Жан Жозеф Жильбер Амьель (Amiel).

С. 112.

С наступлением сумерек...— По свидетельству Марбо, между временем переправы отряда Кульнева и началом французской атаки прошли сутки. По русским источникам, бой кульневского авангарда со 2-м армейским корпусом Удино и последующее поражение дивизии Вердье произошли в один день — 20 июля (1 августа) 1812 г.

...правой рукой, единственной, которой я мог владеть, я должен был держать поводья лошади.— В сражении под Клястицами 19 (31) июля Марбо был ранен в левое плечо.

Курто (Courtot)— офицер 23-го конно-егерского полка.

...генерал Кульнев не взял с собой ни одного кавалерийского отряда...— В состав авангарда Кульнева входили кавалерийские полки: 2 драгунских, 1 гусарский и 1 казачий. Марбо сам себе противоречит, сообщая далее о замеченных им «двух противных казаках».

С. 113.

Но те два казака уже подняли тревогу. Артиллеристы, спавшие возле своих орудий, схватили фитили...— Марбо изображает атаку своего полка как внезапное нападение французов на спящий лагерь русских войск. На самом деле, переправившись рано утром через Дриссу, Кульнев потеснил 6-ю бригаду легкой кавалерии, которой командовал бригадный генерал Жан Батист Жювеналь Корбино (Corbineau) (1776—1848). Только потом, выйдя из леса, он подвергся артиллерийскому обстрелу и атаке французской пехоты, поддержанной 5-й бригадой легкой кавалерии бригадного генерала барона Бертрана Пьера Кастекса (Castex) (1771—1842).

Лейтенант Лалуэт (Lalouete) — офицер 23-го конно-егерского полка 5-й бригады кавалерии 2-го армейского корпуса Великой армии.

Картечь — артиллерийский снаряд, состоявший из большого числа свинцовых или чугунных пуль, помещавшихся в металлическую (насыпная картечь) или матерчатую (вязаная картечь) оболочку. В зависимости от дальности стрельбы картечь подразделялась на ближнюю (90—150 пуль малого калибра) и дальнюю (30—60 пуль калибра более крупного).

Между тем насилу проснувшийся генерал Кульнев...— Кульнев в боевой обстановке самолично ночами обходил сторожевые посты авангарда или арьергарда. «Все разоблачение его на ночной сон состояло в снятии с себя сабли, которую он клал у изголовья»,— писал Денис Васильевич Давыдов (1784—1839), хорошо знавший Кульнева по совместной службе в Белорусском гусарском полку, по русско-шведской

(1808—1809) и русско-турецкой (1806—1812) кампаниям, а в 1812 г.— подполковник Ахтырского гусарского полка. При первом же выстреле или «движении неприятеля Кульнев являлся с одним только ординарцем или вестовым в той части цепи, откуда был слышен неприятель». Подробнее см.: Давыдов Д. В. Воспоминания о Кульневе в Финляндии//Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 105—124.

С. 113—114.

Кульнев... бросился на унтер-офицера Лежандра; последний вонзил ему саблю в горло...— По свидетельствам участников событий с русской стороны и сведениям русских историков, при отступлении авангарда уже на правом берегу Дриссы французское ядро оторвало Кульневу обе ноги выше колен. Он скончался от потери крови.

С. 114.

Сегюр (de Segur) Филипп Поль де (1780—1873) — граф, генерал-лейтенант. В 1812 г. в чине бригадного генерала служил главным квартирьером Главной квартиры Наполеона. Писатель. Мемуарист. Член Французской академии. Автор труда «Histoire de Napoleon et de la Grande Armee pendant l'anee 1812» («История Наполеона и Великой армии в 1812 г.», 1824), отдельные части которого выходили в русском переводе под названиями «Поход в Москву в 1812 г.» (М., 1911) и «Поход в Россию» (М., 1916).

...заставляет умирающего Кульнева держать речь...— Существует немало свидетельств о кончине генерала Я. П. Кульнева, легендарного героя Отечественной войны 1812 г. Так, одни современники утверждали, что перед смертью он воскликнул: «Друзья! Спасайте Отечество! Не уступайте врагу ни шага родной земли! Победа нас ожидает!» Д. В. Давыдов рассказывал, что умирающий Кульнев сорвал с шеи крест ордена Св. Георгия 3-го класса и отдал его своим товарищам со словами: «Возьмите! Пусть неприятель, когда найдет труп мой, примет его за труп простого солдата и не тщеславится убиением русского генерала». Некоторые придерживались точки зрения Марбо: он не мог произносить речей, его ранение было крайне тяжелым, а смерть почти мгновенной. См.: Бородино, 1812. М., 1989. С. 51; Давыдов Д. В. Воспоминания о Кульневе в Финляндии//Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 124; Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию// 1812 год. М., 1961. С. 482 и др.

У неприятеля насчитывалось ... 2000 убитых и раненых, и около 4000 мы взяли в плен. Остальные погибли, разбившись о камни.— Марбо преувеличивает потери русского авангарда, который, лишившись 2 тыс. человек ранеными, убитыми и пленными, сумел переправиться на правый берег Дриссы и организованно отойти к главным силам корпуса генерала Витгенштейна.

...отступил к Себежу.— Корпус Витгенштейна после событий у Боярщины не отступил, а, наоборот, двинулся к р. Дрисса.

... 23-му стрелковому полку...— Имеется в виду 23-й конно-егерский полк.

Перед могилой мы поместили 14 русских пушек, так геройски отбитых 23-м полком — По разным данным, Кульнев в сражении при Боярщине потерял 8 или 9 орудий.

Марбо (de Marbot) Жан Батист Антуан Марселен де (1782—1854) — барон, генерал-лейтенант. В 1812 г. в чине шефа эскадрона служил в 23-м конно-егерском полку 5-й бригады кавалерии 2-го армейского корпуса Великой армии. С 3 (15) ноября — полковник. Мемуарист.

ПОЛОЦК

С. 114.

1 августа перед нами очутился весь корпус русской армии...— Речь идет о сражении при селе Головщина 20 июля (1 августа) 1812 г.

С. 115.

...наша армия ослабевала с каждым днем, в то время как русские набирались сил...— Не только корпус Удино терял людей, но и 1-й отдельный пехотный корпус Витгенштейна нес потери. Восполнение же убыли было связано с определенными трудностями, вызванными отсутствием достаточного количества русских войск на Петербургском направлении. Когда граф Витгенштейн обратился к Александру I с просьбой о присылке резервов, император смог предоставить в его распоряжение лишь 6 рекрутских батальонов и посоветовал возмещать недостаток людей выздоравливающими ранеными.

...наш главнокомандующий...— Имеется в виду маршал Удино.

6-й корпус, в котором было 38 000 баварцев...— В начале кампании 1812 г. 6-й (баварский) армейский корпус Великой армии имел в своем составе 28 батальонов, 16 эскадронов, 58 орудий. Личный состав корпуса насчитывал около 26,3 тыс. человек.

11-го мы атаковали там русских, которые собрались в большом количестве...— Имеется в виду бой у р. Свольни 30 июля (11 августа) 1812 г.

С. 116.

Наша дивизия не принимала большого участия в этой битве...— Речь идет о 9-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Удино.

Это правильное сражение... продолжалось три дня сряду.— Первое Полоцкое сражение длилось два дня — 5—6 (17—18) августа 1812 г.

9 августа был день самый кровавый...— Капитан Шумахер ошибается в дате: речь идет о 6(18) августа 1812 г.

Было сочтено, что на поле битвы осталась 31 000 человек.— В ходе первого Полоцкого сражения русские войска потеряли, по данным разных источников, от 4600 до 5500 человек, а французы — около 3 тыс. человек.

Сам маршал Удино был ранен...— Удино был тяжело ранен картечью в левое плечо 5(17) августа. После этого командование над соединенными корпусами принял Гувион Сен-Сир.

С. 117.

Генеральный штаб...— Главный штаб 2-го армейского корпуса Великой армии.

Шумахер (Schumacher) Гаспар — капитан 4-го Швейцарского полка пехоты 9-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии. Мемуарист.

...возвратясь в Полоцк, Сен-Сир собрал бóльшую часть генералов...— Маршал Гувион Сен-Сир в мемуарах о себе говорит, в большинстве случаев, в третьем лице.

...в тот день русский главнокомандующий начал возводить два моста...— Мосты через Западную Двину и ее приток Полоту Витгенштейн приказал строить 5(17) августа, чтобы создать видимость угрозы флангам французских войск.

С. 118.

Лье — французская мера длины, равная 4,3 км.

...несколько дней тому назад армия Витгенштейна получила значительные подкрепления...— Дивизия генерала Сазонова и эскадроны князя Репнина, о которых упоминает Гувион Сен-Сир, строго говоря, не были подкреплением. Они представляли собой части 1-го отдельного пехотного корпуса, временно от него отделившиеся.

Ропна — деревня Полоцкого у. Витебской губ.

Генерал Сазонов — Сазонов (Сазонов 1-й) Иван Терентьевич (1755—1823), генерал-майор. В 1812 г.— командир 14-й пехотной дивизии 1-го пехотного корпуса генерала Витгенштейна. С 18 (30) октября 1812 г. генерал-лейтенант.

Репнин (Репнин-Волконский) Николай Григорьевич (1778—1845) — князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1812 г.— генерал-майор, командовал 9-й кавалерийской дивизией 1-го резервного корпуса генерал-майора Е. И. Меллер-Закомельского (1766—1830). С началом кампании 1812 г. сводный гвардейский кавалерийский полк (3 эскадрона) и сводный кирасирский полк (4 эскадрона) под общим командованием Репнина из состава 9-й кавалерийской дивизии поступили на усиление 1-го отдельного пехотного корпуса. Участвовал в сражениях под Клястицами, Полоцком, при Свольне.

С. 119.

Бутурлин Дмитрий Петрович (1790—1849) — участник Отечественной войны 1812 г., государственный деятель, военный историк. Автор изданного в 1824 г. на французском языке в Петербурге и в Париже труда «Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812». См. в русском переводе: «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году с официальных документов и других достоверных бу-

маг российского и французского Генеральных штабов». Ч. 1—2. СПб., 1823—1824.

...корпус Витгенштейна, в начале кампании, содержал...— В начале кампании 1812 г. 1-й пехотный корпус имел в своем составе 28 батальонов, 16 эскадронов, 3 казачьих полка и 120 орудий, всего 23,2 тыс. человек. После всех потерь и подкреплений к началу Полоцкого сражения корпус Витгенштейна насчитывал 17 тыс. человек.

Яшвиль (Яшвиль 2-й) Лев Михайлович (1772—1836) — князь, генерал от артиллерии. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал артиллерией 1-го пехотного корпуса генерала Витгенштейна. С 18 (30) октября 1812 г. генерал-лейтенант.

Гаммен — Гамен Алексей Юрьевич (1773—1829) — генерал-лейтенант. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал 32-й пехотной дивизией 1-го отдельного пехотного корпуса. Командовал Динабургским гарнизоном. При взятии Полоцка — командир 2-й бригады 14-й пехотной дивизии.

Ула (Вула) — река в Витебской губ., левый приток Западной Двины.

Семенец — деревня Полоцкого у. Витебской губ.

Рудня — деревня Городокского у. Витебской губ.

С. 120.

Обри де ла Бушардери (Aubry de la Boucharderie) Клод Шарль (1773—1813) — граф, бригадный генерал. В 1812 г. 2-й командующий (commandant en second) артиллерией 2-го армейского корпуса Великой армии. 12(24) августа сменил на посту командующего артиллерией генерала Ш. Дюлолуа. С ноября — дивизионный генерал.

Валентин (Валантен, Valentin) Франсуа (1763—1822) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. командовал сначала 2-й, затем 3-й бригадой 8-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии. 5(17) августа сменил на посту командира 8-й дивизии раненого генерала Ж.А. Вердье. 6(18) августа ранен в Полоцком сражении.

Вердье (Verdier) Жан Антуан (1767—1839) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 8-й дивизией пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии. Тяжело ранен в Полоцком сражении.

Мерль (Merle) Пьер Юг Виктуар (1766—1830) — барон, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 9-й дивизией пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии.

Спас — село и усадьба в окрестностях Полоцка.

Кандрá де Саветье (de Candra de Savetier) Жак Лазар де (1768—1812) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. командовал 2-й бригадой 9-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии. В бригаду входили 1-й и 2-й Швейцарские полки пехоты.

Думерк (Doumerc) Жан Пьер (1766—1847) — барон, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 3-й дивизией тяжелой кавалерии 2-го армейского корпуса Великой армии.

...симулировать отступление...— зд.: имитировать отступление.

С. 120—121.

...передвигался по плашкоутным мостам...— по наплавным мостам.

С. 121.

Присменица — мыза в окрестностях Полоцка.

Вреде (von Wrede) Карл Филипп Йозеф фон (1767—1838) — граф, генералиссимус баварских войск. В 1812 г. в чине генерала от кавалерии командовал 20-й дивизией пехоты 6-го армейского корпуса Великой армии.

Дюруа (Деруа von, Deroy) Бернгардт Эразмус фон (1743—1812) — граф, баварский генерал от инфантерии. В 1812 г. командовал 19-й дивизией пехоты 6-го армейского корпуса Великой армии. В сражении под Полоцком 6(18) августа был смертельно ранен картечной пулей в живот, после чего командование обеими баварскими дивизиями (19-й и 20-й) принял на себя генерал Вреде.

С. 122.

...мы оставили за собой большую часть русской артиллерии...— В бою за Присменицу французы захватили не «большую часть» артиллерии русских, а лишь 7 орудий, упряжные лошади которых были убиты.

С. 123.

Берг (Берг 1-й) Григорий Максимович (1765—1833 или 1838) — генерал от инфантерии. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал 1-й пехотной дивизией 1-го отдельного корпуса генерала Витгенштейна. Контужен в сражении под Полоцком.

Властов (Властос) Егор Иванович (1769—1837) — генерал-лейтенант. В 1812 г. в чине полковника командовал сначала 24-м егерским полком, затем бригадой. В октябре 1812 г. произведен в генерал-майоры.

...полубригада 8-й дивизии, потерявшая своего начальника за несколько дней перед тем...— В сражении при Свольне 30 июля (11 августа) был смертельно ранен полковник Пьер Франсуа Винсент Казабьянка (Casabianca), командир 11-го полка легкой пехоты (составлявшего половину 1-й бригады) 8-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии.

Мезон (Мэзон, Maison) Никола Жозеф (1771—1840) — маркиз, маршал Франции. В 1812 г. в чине бригадного генерала командовал 3-й бригадой 6-й дивизии пехоты 6-го армейского корпуса Великой армии. После Полоцкого сражения произведен в дивизионные генералы и назначен командиром 8-й дивизии пехоты вместо раненого генерала Валантена.

Невель — уездный город Витебской губ.

Кавалерийский полк русской гвардии...— Имеется в виду отряд Ершова. Ершов Иван Захарович (Захарьевич) (1777—1852) — генерал-

лейтенант. В 1812 г. в чине полковника командовал запасным эскадроном Кавалергардского полка. Отряд Ершова состоял из 2 эскадронов кирасир, эскадрона Гродненского гусарского и эскадрона Рижского драгунского полков и действовал на правом фланге русской позиции. В один из моментов боя русские кавалеристы опрокинули бригаду легкой кавалерии Корбино, захватили 15 орудий и гнали неприятеля до самого Полоцка. Во время этой атаки едва не попал в плен Гувион Сен-Сир и был смертельно ранен генерал Деруа. Атаку русской кавалерии остановил подход частей 6-го армейского корпуса. За Полоцкое сражение Ершов награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

С. 124.

Коланж — Имеется в виду Эспиар де Колонж (de Colonge), барон, полковник. В 1812 г. командовал артиллерией 6-го армейского корпуса Великой армии.

Капитан Лешартье — Ле Шартье (Le Chartier), адъютант Гувиона Сен-Сира.

С. 125.

...отняла два орудия.— Из 15 захваченных французских орудий кавалеристы полковника Ершова смогли увезти только два. Остальные, заклепав, бросили на месте.

...генерал, командовавший этой бригадой...— Имеется в виду генерал Ж. Л. Кандра.

Беркгейм (Berekheim) Сижизмон Фредерик — барон, полковник. В 1812 г.— командир 1-й бригады 3-й дивизии тяжелой кавалерии 2-го армейского корпуса Великой армии.

С. 126.

...у нас в руках остались трофеи: 1200 пленных...— В первом Полоцком сражении русские потеряли пленными до 3 тыс. человек.

Гамзелево — деревня Полоцкого у. Витебской губ.

...были ранены генералы...— В первом Полоцком сражении были ранены генералы французской армии: К. фон Рагловиц, К. Винценти, а также маршал Удино, генерал Вердье, генерал Гувион Сен-Сир и смертельно ранен генерал Деруа.

Рагловиц (Раглович, von Raglovich) Клеменс фон — генерал-майор, командир 2-й бригады 19-й дивизии пехоты 6-го армейского корпуса Великой армии.

Виценти — Винценти (Vincenti), генерал-майор, командир 1-й бригады 20-й дивизии пехоты 6-го армейского корпуса Великой армии.

...и потеряли выбывшими из строя около 2000 человек...— По данным русских источников, французы в первом Полоцком сражении потеряли около 3 тыс. человек.

У него также было ранено три генерала.— У русских контузии получили генералы А. Ю. Гамен, Г. М. Берг. Генерал-майор Кирилл Федорович Казачковский (1760—1829), командир 1-й бригады 5-й дивизии 1-го отдельного пехотного корпуса, был ранен.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ. МЮРАТ

С. 127.

Мюрат был рядом со мной около моих орудий...— Речь идет о действиях артиллерии 3-го корпуса кавалерийского резерва, которой командовал полковник Гриуа.

Его театральный костюм сделал бы смешным всякого другого...— Экстравагантное одеяние Мюрата в эпоху, когда униформа давно уже прочно вошла в обиход европейских армий, действительно могло показаться странным. Но любимцу и родственнику Наполеона такие вольности позволялись.

Барры (фр. barre) — бег взапуски.

С. 128.

...генералиссимус всей кавалерии...— Мюрат не был генералиссимусом.

...один наш вид обращал его в бегство.— Тирион преувеличивает ужас, внушаемый русским французскими кирасирами. Нередки были случаи, когда русская легкая кавалерия успешно противостояла французской тяжелой кавалерии.

Тирион (Thirion) Огюст (1787—1869) — шеф эскадрона. В 1812 г. служил старшим сержантом во 2-м кирасирском полку 1-й кирасирской дивизии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Мемуарист.

БОЙ ПРИ ОСТРОВНО И ПОД ВИТЕБСКОМ

С. 129.

Лейтенант д'Ожер (d'Augers) — офицер 2-го кирасирского полка 1-й кирасирской дивизии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Лальманд (Lallemand) — офицер 2-го кирасирского полка 1-й кирасирской дивизии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Фигаро — главный герой комедии французского писателя Пьера Огюстена Карона де Бомарше (de Beaumarchais) (1732—1799) «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (1784).

Мец — город во Франции, столица провинции Лотарингия.

С. 130.

Дюбуа (Dubois) — шеф эскадрона, старший офицер 2-го кирасирского полка 1-й кирасирской дивизии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

...велел произвести атаку черным прусским гусарам...— В бою при Островно из прусских гусарских полков участвовал лишь 2-й свод-

ный полк. Но его кавалеристы были обмундированы не в черную, а в темно-синюю форму.

С. 131.

Коновницын Петр Петрович (1764—1822) — граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командовал 3-й пехотной дивизией 3-го пехотного корпуса 1-й Западной армии.

Остерман-Толстой Александр Иванович (1771—1857) — граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командовал 4-м пехотным корпусом 1-й Западной армии.

Генерал Дантуар (д'Антуар де Врэнкур, d'Anthouard de Vraincourt) Шарль Никола д' (1773—1859) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал артиллерией 4-го армейского корпуса Великой армии.

...во время этой перестрелки ядром оторвало ногу командиру 8-го гусарского полка Феррари, бывшему адъютанту князя Невшательского.— В тот момент 8-м гусарским полком командовал барон полковник Жан Симон Домон (Domon) (1774—1830). Феррари (Ferrari) служил в 8-м гусарском полку капитаном.

С. 132.

Кроаты — солдаты хорватских полков, входивших в состав Великой армии.

Деме (Демэ, Демей, Detay) Франсуа — шеф батальона (позже полковник), командир артиллерии 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

Боннардель (Bonnardel) — артиллерийский офицер 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

Форестьер (Форестье, Forestier) Франсуа Луи — барон, полковник штаба, состоявший при итальянском вице-короле Евгении Богарне, не являясь его адъютантом.

...горевшему нетерпением герцогу д'Абрантесу; этот неустрашимый генерал, привыкший к роли главнокомандующего...— Имеется в виду дивизионный генерал Жюно (Junot) Жан Андош (1771—1813), герцог д'Абрантес. В 1808—1809 гг. командовал корпусами в Испании и в войне против Австрии. В апреле 1812 г. был назначен помощником командира (commandant en second) 4-го армейского корпуса Великой армии. С июля 1812 г. командовал 8-м армейским корпусом.

Руссель (Roussel) Жан Клод (1771—1812) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. командовал 2-й бригадой 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

С. 133—134.

...русский драгун подскакал к генералу Русселю и выстрелом из пистолета повалил его на землю. ...распространился слух, что генерал Руссель был убит одним из наших...— Генерал Руссель был убит 14 (26) июля 1812 г. во время событий при д. Островно. Кроме

версии гибели генерала Русселя, выдвинутой Э. Лабомом, существует и другая: генерал был убит по ошибке французским часовым во время обхода сторожевых постов.

Куковячи — Какувячино, деревня Лепельского у. Витебской губ.

Добрижки — Добрейка, деревня Лепельского у. Витебской губ.

...бригада Пире... — Имеется в виду 4-я бригада легкой кавалерии, входившая в состав 1-й дивизии легкой кавалерии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии, которой командовал бригадный генерал барон Ипполит Мари Гийом Пире де Ронивиньен (Pire de Rosnivinen) (1778—1850).

...этот полк потерпел бы полное поражение, если бы его не выручили 200 стрелков...— В сражении при реке Лучесе вольтижерские роты 9-го линейного полка 14-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса заставили отступить лейб-казаков и сумских гусар, атаковавших французский 16-й конно-егерский полк.

Гюйар — Гийар (Guillard) Мари Жозеф, командир вольтижерской роты 9-го линейного полка 14-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

Савари (Savari) — командир вольтижерской роты 9-го линейного полка 14-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

С. 135.

К 9-му полку...— Имеется в виду 9-й линейный полк.

Гробон (Grosbon) Пьер Андрэ — барон, полковник. В 1812 г. командовал 53-м полком линейной пехоты 14-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

Каре (от фр. carre — квадрат) — боевое построение войск в виде четырехугольника для отражения нападения с нескольких сторон. Обычно в каре строился батальон или несколько батальонов.

Это обстоятельство внесло смятение в наши ряды...— По всей вероятности, при публикации мемуаров Лабома в 1912 г. переводчиками была выпущена часть текста, отчего в этом абзаце нарушилась логика изложения.

Лучеса — река, левый приток Западной Двины.

...прекращение военных действий, когда войска были налицо, вызвало всеобщее недоумение...— Наполеон остановил наступление, поскольку считал, что Барклай де Толли готовится к генеральному сражению, которого французский император страстно желал.

Герцог Эльхингенский — Ней (Ney) Мишель (1769—1815), герцог Эльхингенский, князь Москворецкий (prince de Moscowa), маршал Франции. В 1812 г. командовал 3-м армейским корпусом Великой армии.

Монбрен (Montbrun) Луи Пьер (1770—1812) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 2-м корпусом кавалерийского резерва Великой армии. Убит в Бородинском сражении.

С. 136.

Барклай де Толли Михаил Богданович (1761—1818) — князь, генерал-фельдмаршал. В 1812 г.— генерал от инфантерии, военный министр, главнокомандующий 1-й Западной армией.

Смоленск — губернский город Российской империи.

...армия пустилась за ними в погоню...— После отхода русского арьергарда французская армия стала лагерем на левом берегу Лучесы. Лишь отдельные кавалерийские отряды в течение дня 16(28) июля безуспешно пытались обнаружить следы отступления армии Барклая де Толли.

Генерал Лефевр-Денуе — (Денуетт, Lefebvre-Desnouettes) Шарль (1773—1822), граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал полком конных егерей гвардейской кавалерии Великой армии. С начала сентября командовал легкой кавалерией 5-го армейского корпуса.

Князь Барклай де Толли — В княжеское достоинство М.Б. Барклай де Толли был возведен в 1815 г.

Пален (Пален 3-й) Петр Петрович фон дер (1777—1864) — граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал 3-м резервным кавалерийским корпусом 1-й Западной армии.

С. 137.

Полковник Клитский (Klitski) — офицер 4-го армейского корпуса Великой армии.

ВИТЕБСК

С. 138.

...для приема раненых в сражениях 27, 28 и 29 июля.— Речь идет о боях под Островно, Какувячино и при р. Лучесе 13(25), 14(26) и 15(27) июля 1812 г.

Я много усилий прилагал к тому, чтобы все раненые могли получать первую помощь на самом поле сражения...— Главный хирург французской армии Д. Ж. Ларрей много сделал для организации помощи раненым непосредственно на поле боя. Еще в 1793 г. он создал первые «летучие амбулансы» (ambulances volantes), т. е. подвижные отряды, максимально приближавшие медицинскую службу к действующим войскам. Каждый такой отряд состоял из нескольких десятков человек (хирургов, фармацевтов, конных и пеших санитаров), снабженных двенадцатью легкими и четырьмя тяжелыми повозками. В 1812 г. «амбулансы» использовались в Великой армии из расчета: один отряд на 10 тыс. человек личного состава.

Ларрей (Larrey) Доменик Жан (1766—1842) — барон, военный врач. В 1812 г.— главный хирург Великой армии. Проявил блестящие организаторские способности в условиях походной жизни при постоянной нехватке врачей, медикаментов и продовольствия. Мемуарист.

С. 139.

Сплин (англ. spleen) — тоска, хандра.

Пронесся слух, что император Александр убит! ... Благодаря горячему характеру великого князя Константина можно было ожидать революции и перемены системы войны, которая была нам прямо необходима.— Некоторые представители высшего генералитета Великой армии надеялись на скорое заключение мира с Россией. Неслучайно Дедем упоминает великого князя Константина Павловича, командира 5-го пехотного корпуса 1-й Западной армии, с первых дней войны выступавшего сторонником заключения мира с Францией.

... русской армии, возвращающейся с границ Турции.— Речь идет о Дунайской армии под командованием адмирала П. В. Чичагова, которая после окончания Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. некоторое время находилась на Дунае, а в июле 1812 г. начала движение на Волынь. К концу августа 1812 г. она насчитывала в своем составе более 43,5 тыс. человек.

Попробовали вступить в переговоры с казаками...— Мемуаристы, в том числе Дедем, часто приписывали Наполеону намерения, которых он не имел.

С. 140.

Шарпантье (Charpentier) Анри Франсуа Мари (1769—1831) — граф, дивизионный генерал. С июня 1812 г. состоял при штабе 4-го армейского корпуса Великой армии. В августе — сентябре 1812 г. занимал пост губернатора Витебской губ., в октябре — смоленского губернатора.

Надо было привлечь их свободой и более или менее общим восстанием втянуть их в наше дело.— Наполеон осознавал, что крепостное право является уязвимым местом Российской империи, и поначалу ему и его генералитету казалось, что призыв к освобождению крестьян сможет стать «козырной картой» в борьбе с Александром I. Однако издание в Витебске прокламации по этому поводу и беспорядки, которые затем последовали, показали Наполеону неуправляемость народного бунта и охладили его в желании стать «освободителем». Подробнее см.: Попов А. Белорусский эксперимент Бонапартия: что побудило французов сохранить зависимость крепостных от помещиков//Родина. 2002. № 8. С.36—39.

С. 141.

Русское дворянство погибло бы, как колонисты в Сан-Доминго во время восстания негров — Сегюр имеет в виду восстание рабов, которое началось в 1791 г. на острове Гаити, частично принадлежавшем Франции. Для наведения порядка в Сан-Доминго был направлен экспедиционный корпус генерала Шарля Виктора Эммануэля Леклерка (Leclerc) (1772—1802). Ожесточенное сопротивление местного населения и тропические болезни унесли жизни многих французов, в том числе и их начальника. Остатки корпуса Леклерка капитулировали в 1803 г., и государство Гаити обрело независимость.

С. 142.

Чичагов Павел Васильевич (1765—1849) — адмирал. В 1812 г. командовал Дунайской армией. После соединения ее с 3-й Западной армией возглавил объединенные силы и успешно действовал против австрийцев и на коммуникациях французской армии.

Однако ж история Карла XII была у него в руках, не вольтеровская.., а журнал Адлерфельда...— Речь идет о сочинении Вольтера «Histoire de Charles XII, roi de Suede» («История Карла XII, короля Швеции») и дневнике камер-юнкера двора Карла XII Густава Адлерфельда (Adlerfeld) (1671—1709), изданном его сыном в 1740 г. на французском языке под названием «Histoire militaire de Charles XII, roi de Suede, depuis l'an 1700 jisqu'a la bataille de Pultawa en 1709»(«Военная история шведского короля Карла XII с 1700 года до Полтавской битвы в 1709 году»).

С. 143.

Ему хотелось придать некоторый блеск возрождению Польши...— На самом деле, ожидая скорейших переговоров о мире с Россией и не желая осложнять их возможным конфликтом в польском вопросе, Наполеон не стремился восстановить Польское государство в границах 1772 г.

К действию в устройстве нового управления были вызваны: один из князей Сапегов, князь Огинский, граф Пржеческий, граф Тизенгаузен, граф Косаковский. С тем же расчетом были произведены выборы и в Витебске. К участию в губернской комиссии были призваны: князь Павел Сапега, князь Радзивилл, граф Борх, литовец из семьи, выдающейся своим состоянием, Шадурский, Вейсенгоф, ... наконец, некто Серит...— В Витебской и Могилевской губерниях Наполеоном были учреждены комиссии «польского правления», аппарат которых комплектовался из польской шляхты и подчинялся французскому командованию. В скором времени губернии были переименованы в департаменты, которыми управляли французские губернаторы.

С. 144.

...император в своих расчетах...— Имеется в виду император Александр I.

С. 145.

Лоу — Ло (Law) Джон (1671—1729), известный экономист. В своих трудах доказывал необходимость умножать количество денег путем замены металлической монеты произвольным выпуском бумажных банкнот. Теоретические построения Ло, примененные на практике в бытность его министром финансов Франции, едва не обрушили финансовую систему страны.

ОТ ВИТЕБСКА ДО СМОЛЕНСКА

С. 145.

Сураж — заштатный город Белостокского у. Гродненской губ.

С. 146.

Велиты — солдаты особых подразделений некоторых гвардейских полков Великой армии. После прохождения подготовки выпускались офицерами в армию. В состав Королевской гвардии Евгения Богарне входил полк Королевских велитов, состоявший из батальонов велитов-гренадер и велитов-карабинеров.

Милан — город в Италии.

Ваш полк еще не мерился силой с русскими? — Имеется в виду полк Королевских велитов Итальянской королевской гвардии 4-го армейского корпуса Великой армии.

Далмация — историческая область на северо-западе Балканского полуострова.

С. 147.

Армия уже уменьшилась на треть... — К описываемому времени 4-й армейский корпус потерял отставшими и больными до 10 тыс. человек, т. е. примерно $^1/_4$ своего состава.

С. 148.

На параде, перед тем, как нам уходить, император обратился к группе офицеров и начальников наших... — Речь идет о смотре 3-й дивизии пехоты Императорской гвардии.

...корпуса маршалов Удино и Макдональда одержали победу... — Речь идет о действиях 2-го армейского корпуса в районе Полоцка и 10-го армейского корпуса в районе Риги.

С. 149.

...храбрый 84-й пехотный полк... — Имеется в виду 84-й линейный полк, который входил в состав 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии и участвовал в делах при Какувячине и Лучесе.

Паулет (Поле, Paulet) — главный хирург 3-й дивизии пехоты Императорской гвардии.

Где находится главный аптекарь? — Имеется в виду главный фармацевт 3-й дивизии пехоты Императорской гвардии Сюро (Sureau).

С. 150.

Сент-Оноре — одна из улиц в аристократической части Парижа.

С. 151.

Понятовский (Poniatowski) Юзеф (Иосиф) Антоний (1763—1813) — князь, маршал. В 1812 г. в чине дивизионного генерала командовал 5-м армейским корпусом Великой армии.

Де ла Флиз (de la Flise) Доменик Пьер (1787—1861) — военный врач, мемуарист. В ноябре 1812 г., раненый, попал в плен и навсегда остался в России.

С. 152.

...полковой аудитор...— военно-судебный чиновник.

Лесная — деревня Новогрудского у. Минской губ.

...передал полковнику.— Имеется в виду командир Вюртембергского конно-егерского № 3 герцога Луи полка полковник Георг Трухзес фон Вальдбург (Truchses von Waldburg).

БОЙ ПОД СМОЛЕНСКОМ И ВАЛУТИНОЙ

С. 153.

Валутина — Валутина Гора, деревня Смоленского у. Смоленской губ.

Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — светлейший князь Варшавский, граф Эриванский, генерал-фельдмаршал. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал 26-й пехотной дивизией.

Контрэскарп — боковая поверхность наружного рва укрепления.

Цитадель — наиболее укрепленная часть крепости.

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1759—1816) — генерал от инфантерии. В 1812 г. командовал 6-м пехотным корпусом 1-й Западной армии.

...под стенами Смоленска расположились ... около 230 000 человек — Наполеон под Смоленском сконцентрировал 146 тыс. человек при 500 орудиях. Непосредственно в сражении участвовала $^1/_3$ этих войск.

Гиллемино (Гийемино, Гильемино, Guilleminot) Арман Шарль (1774—1840) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. в чине бригадного генерала служил в Главном штабе Великой армии, исполняя обязанности коменданта Малой императорской квартиры. С 7(19) августа — начальник штаба 4-го армейского корпуса.

С. 154.

Русские генералы ... выслали свежий корпус...— Имеется в виду 6-й пехотный корпус генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова.

Корф Федор Карлович фон (1773—1823) — барон, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал 2-м резервным кавалерийским корпусом, арьергардом 1-й Западной армии.

С. 155.

Сарагоса (Сарагосса) — главный город одноименной испанской провинции. В конце 1808 — начале 1809 г. испанцы мужественно защищали этот город от французских войск. Даже когда захватчики ворвались на улицы Сарагосы, им пришлось едва ли не каждый дом брать штурмом.

Жомини (Jomini) Антуан Анри (Генрих Вениаминович) (1779—1869) — барон, бригадный генерал французской службы и генерал от

инфантерии русской службы, военный теоретик, историк. В 1812 г. начальник исторической части Главного штаба Великой армии, затем военный губернатор Вильно и Смоленска. В 1813 г. перешел на русскую службу. Мемуарист.

Все были воодушевлены по поводу дня его рождения.— Наполеон родился 15 августа 1769 г.

...генерала Коленкура...— Имеется в виду комендант Главной императорской квартиры дивизионный генерал Огюст Жан Габриель де Коленкур.

С. 156.

Марс — бог войны у древних римлян.

Доманже (Домманже, Dommanget) Жан Батист (1769—1848)— барон, полковник, командир 16-й бригады 3-й дивизии легкой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Разу (Razout) Жан Никола (1772—1820) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 11-й дивизией пехоты 3-го армейского корпуса Великой армии.

С. 157.

Покидая город, русские подожгли его...— Пожары в Смоленске начались, главным образом, в результате обстрела города французской артиллерией.

Моран (Morand) Шарль Антуан Луи Алексис (1771—1835) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 1-й дивизией пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

Гюден де ла Саблоньер (Gudin de la Sablonniere) Шарль Этьен (1768—1812) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 3-й дивизией пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии. Смертельно ранен в деле при Валутиной Горе 7(19) августа.

Денье (Denniee) Пьер Поль — барон, офицер Главного штаба Великой армии. Мемуарист.

...13-й легкой кавалерии нашей дивизии...— Имеется в виду 13-й полк легкой пехоты 1-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

Большовка — юго-западный пригород Смоленска со стороны Мстиславльского предместья.

С. 158.

Бюке (Buquet) Шарль Жозеф — барон, полковник, командир 30-го полка линейной пехоты 1-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

Франсуа (Francois) Шарль — капитан 30-го линейного полка 1-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии. Мемуарист.

...добираемся до прикрытого пути.— Прикрытым путем называлась стрелковая или артиллерийская позиция за гребнем контрэскарпа, прикрытая бруствером.

С. 159.

Потеря русских под Смоленском...— Под Смоленском каждая из сторон потеряла до 12 тыс. человек.

С. 160.

...русские были возбуждены обильными возлияниями водки... Французы... повиновались только духу чести, которая воодушевляет их в присутствии опасности...— В данном случае Дюверже высказывает свойственное многим участникам похода в Россию пренебрежительное отношение к русским как к варварам, которым чужды благородство и чувство долга.

Ментик (от венг. mente — накидка) — короткая суконная куртка, расшитая шнурами и отороченная мехом; принадлежность гусарской формы.

С. 161.

От семи до восьми тысяч раненых были покинуты русскими...— После оставления русской армией Смоленска в городе осталось до 4 тыс. раненых.

Дюверже (Duverger) Батист — казначей 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Мемуарист.

То были русские гражданские власти, и во главе их уездный предводитель дворянства. Они, как говорили, поднесли ключи города...— Из письма смоленского гражданского губернатора барона К. И. Аша сенатору П.Н. Каверину от 27 апреля 1813 г. следует, что «нашествие не застало в Смоленске ни одного дворянина, кроме весьма малого числа чиновников, не успевших спастись...». Подробнее см.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч.2. СПб., 1839. С. 156.

С. 162.

Граф Монтион — Байи де Монтион (Bailly de Monthion) Франсуа Гедеон (1776—1850), граф, дивизионный генерал, начальник генерального штаба Великой армии.

Передаю депеши начальствующему здесь генералу.— Имеется в виду дивизионный генерал граф Анри Франсуа Мари Шарпантье, который в описываемое время занимал пост губернатора Витебской губ.

С. 163.

...даю три наполеона...— Так автор называет наполеондор (фр.: napoleon d'or), французскую золотую монету (достоинством в 20 франков) с изображением Наполеона I.

С. 164.

...храбрый из храбрых дремал под пушечные выстрелы...— Тяжелое пулевое ранение в голову, полученное дивизионным генералом Жюно в 1811 г., во многом объясняет его поведение во время русской кампании и, в частности, его бездействие при Валутиной Горе.

Коленкур — Коленкур (de Caulaincourt) Арман Огюстен Луи де (1773—1827) — маркиз, герцог Виченцский, дивизионный генерал. В 1812 г. занимал должность обер-шталмейстера императорского двора.

С. 165.

Заслуги бывшего адъютанта...— В 1794—1796 гг. Жюно был адъютантом генерала Наполеона Бонапарта.

Шварценберг на Волыни...— На Волыни против сил 3-й Обсервационной армии действовали австрийский вспомогательный корпус Шварценберга и 7-й (саксонский) корпус. Русские принудили 15(27) июля к сдаче 1-ю (саксонскую) бригаду 22-й дивизии пехоты 7-го армейского корпуса генерал-майора Генриха Христиана Магнуса фон Кленгеля (von Klengel) (1761—1814).

С. 166.

...дело под Вереей...— 28 сентября (10 октября) 1812 г. армейский партизанский отряд генерала И.С. Дорохова штурмом взял уездный город Московской губернии Верею, занятую батальоном 6-го Вестфальского полка из 8-го армейского корпуса Жюно. В результате этой операции положение французских гарнизонов на коммуникациях наполеоновской армии значительно ухудшилось, что вызвало сильное недовольство Наполеона. Дорохов Иван Семенович (1762—1815) — генерал-лейтенант, в 1812 г. в чине генерал-майора командовал авангардом 4-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. В состав его отряда входили 1-й и 18-й егерские полки, Изюмский гусарский полк, два казачьих полка и рота легкой артиллерии. В составе 2-й Западной армии отряд участвовал в Смоленском и Бородинском сражениях. С сентября 1812 г. Дорохов командовал армейским партизанским отрядом.

Тормасов Александр Петрович (1752—1819) — граф, генерал от кавалерии. В 1812 г. командовал 3-й Западной армией. В начальный период войны армия действовала на Киевском направлении, сковывая крупные силы французов. После объединения сил Дунайской и 3-й Западной армий отозван в Главную квартиру русской армии.

...в Праге! — Имеется в виду предместье Варшавы.

Герцог Беллунский — Виктор (Victor, наст. фамилия Перрен, Perrin) Клод Виктор (1764—1841), герцог Беллунский, маршал Франции. В 1812 г. командовал 9-м армейским корпусом, который в качестве резерва Великой армии первоначально находился на территории германских государств, а в середине сентября прибыл в Смоленск.

Рапп (Rapp) Жан (1771—1821) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г.— адъютант Наполеона. Мемуарист.

Корпус, прикрывавший отступление русских...— Речь идет об отряде генерала Тучкова 3-го.

С. 167.

...поддерживаемая дивизией Ледрю и дивизией генерала Маршана...— Имеются в виду 10-я дивизия пехоты 3-го армейского корпуса, которой командовал дивизионный генерал барон Франсуа Рош Ледрю

дез'Эссар (Ledru des Essarts) (1770—1844), и 25-я дивизия пехоты дивизионного генерала графа Жана Габриэля Маршана (Marchand) (1765—1851), входившая в тот же корпус.

...русские бежали, оставив нам позицию...— Русские части удерживали позицию до тех пор, пока на Московскую дорогу не вышли все корпуса 1-й Западной армии.

...один генерал из русской дивизии был взят в плен...— Имеется в виду Тучков (Тучков 3-й) Павел Алексеевич (1775—1858). В 1812 г. в чине генерал-майора командовал бригадой 17-й пехотной дивизии 2-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. В сражении при Валутиной Горе 7(19) августа с ружьем в руках повел в контратаку гренадерский полк, получил штыковую рану в бок и несколько сабельных ран в голову. П.А. Тучков был взят в плен и препровожден во Францию. Освобожден весной 1814 г.

...дал ему право носить «орла»...— Отлитое из бронзы или меди в виде орла с поднятыми крыльями навершие к древку знамени. Полотнище знамени, древко и орел-навершие являлись символами чести полков французской армии.

С. 168.

«Ah Mon Empereur!» (фр.) — «О мой император!»

... вручил его полковнику... — Имеется в виду командир 127-го линейного полка Кристиан Анри Шаффер (Schaffer).

С. 169.

Подойдя к 95-му полку...— Речь идет о 93-м линейном полку 11-й дивизии пехоты 3-го армейского корпуса Великой армии.

...попросил полковника...— Имеется в виду командир 93-го линейного полка полковник барон Пьер Франсуа Бодюэн (Boduin).

СМОЛЕНСК ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ

С. 170.

Собор, известный в Европе и очень почитаемый русскими...— Смоленский Успенский кафедральный собор, заложенный в 1679 г. Храм был освящен в 1772 г. По свидетельству современников, Наполеон был так поражен его величием и великолепием, что распорядился поставить возле него охрану, которая находилась там до ухода неприятельских войск из города.

С. 171.

Красный — уездный город Смоленской губ.

Комб (Combe) Мишель — В 1812 г. лейтенант 8-го конно-егерского полка 3-й дивизии легкой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Мемуарист.

С. 172.

Корпия — перевязочное средство, на которое шли нити, выдергиваемые из кусков мягкой ткани. Использовалась в качестве ваты.

С. 173.

Руа (Roy) Жюст Жан (1794—1871) — военный врач, писатель. Мемуарист.

С. 173—174.

...воспоминание о жестоком и несправедливом нагоняе, какой он задал князю, в первые дни кампании...— За первый месяц русской кампании 5-й армейский корпус генерала Понятовского потерял из-за недостатка продовольствия более трети личного состава. На жалобы командующего корпусом на плохое снабжение Наполеон заявил, что в польских войсках царит «злой дух».

С. 174.

Фишер (Fiszer) Станислав (1770—1812) — польский дивизионный генерал. В 1812 г. занимал пост начальника Главного штаба 5-го армейского корпуса Великой армии.

...почему же другие корпуса не потеряли половины своего состава в дороге? — За неделю до Смоленского сражения в строю корпуса насчитывалось около 23 500 человек против 37 тыс. человек, вступивших на территорию России.

...после этого смотра 21-го числа...— Смотр состоялся 11(23) августа 1812 г.

С. 175.

Хлусевич — Хлусович (Chlusowicz) Юзеф — барон, полковник, командир 2-го Вислинского полка дивизии генерала Клапареда.

...он был назначен майором...— Гвардейские офицеры Великой армии имели преимущество в один чин перед армейскими офицерами: полковник армии соответствовал гвардейскому майору.

...2-го полка легкой кавалерии — Имеется в виду 2-й полк шеволежер-пикинеров гвардейской кавалерии Великой армии.

С. 177.

Пюибюск (de Puibusque) Луи Гийом де — французский чиновник. В 1812 г. комиссар-ордонатор Смоленска. Взят в плен русскими 9 (21) ноября 1812 г. в Орше. Русским командованием при учете пленных ошибочно считался генералом. Мемуарист.

ОТ СМОЛЕНСКА ДО ГЖАТСКА

С. 178.

Гжатск — уездный город Смоленской губ. (ныне — г. Гагарин Смоленской обл.).

Вильсон (Уильсон, Уилсон, Wilson) Роберт Томас (1777—1849) — сэр, барон, военный и политический деятель, генерал. В 1812 г. был британским представителем в штабе Кутузова.

С. 179.

Русский генерал...вполне ясно дал нам знать о своем намерении не отступать...— Имеется в виду начальник одного из арьергардных отрядов русской армии полковник Киприан Антонович Крейц (1777—1850).

Бой 4 сентября явился уже настоящим сражением.— Арьергард русской армии под командованием генерала Коновницына 23 августа (4 сентября) в районе деревень Твердики и Гриднево вел бой с авангардом Великой армии, которым командовал Мюрат (5-я дивизия пехоты генерала Компана и части кавалерийского резерва). Бой, продолжавшийся с 9 часов утра до полуночи, закончился отходом Коновницына к д. Валуево.

...укрепления, сооружавшиеся на знаменитом Можайском поле...— Имеется в виду Бородинское поле.

С. 180.

Дорогобуж — уездный город Смоленской губ.

С. 180—181.

В Дорогобуже мы нашли объятыми пламенем все дома...Вскоре мы достигли Вязьмы... Из Вязьмы мы скоро пришли в Гжатск...— Упомянутые города были заняты французами соответственно 13(25) августа, 17(29) августа и 20 августа (1 сентября) 1812 г.

С. 184.

...мы увидели монастырь (Болдино), о котором ... ходила молва, что это женский монастырь...— Болдинский Троицкий монастырь, основанный в 1528 г., был мужским.

С. 186.

Майор фон Гайсберг (von Gaisberg) — офицер 3-го Вюртембергского конно-егерского полка 2-й дивизии легкой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Веремеево — населенного пункта с таким названием в Смоленской губернии не выявлено. Во время следования 4-го армейского корпуса по территории губернии Евгений Богарне останавливался в разных помещичьих усадьбах.

Вице-король — Речь идет о Евгении Богарне.

...занимает... дворец, принадлежащий князю Кутузову...— По всей вероятности, Ложье говорит об одной из усадеб русских аристократов в окрестностях с. Царево Займище Вяземского у. Смоленской губ., где в августе 1812 г. останавливался М. И. Кутузов.

Бокканера (Boccanera) — офицер Итальянской королевской гвардии.

С. 187.

Нарбонн (Нарбонн-Лара, Narbonne-Lara) Луи Мари Жак Амальрик (1755—1813) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. генерал-адъютант Наполеона.

Валуево — деревня Гжатского у. Смоленской губ.

С. 188.

Колоцкий монастырь — Колоцкий Успенский мужской монастырь, основанный в 1413 г. Расположен в 8 км к западу от с. Бородино. Во время отступления от Гжатска русское командование предполагало в его окрестностях выбрать позицию для генерального сражения. После Бородинского сражения в монастыре располагался французский госпиталь.

Гриднево — деревня Гжатского у. Смоленской губ.

Готы — германское племя, в начале нашей эры населявшее южное побережье Балтийского моря. Позже готы двинулись на юго-восток и в начале III в. достигли Северного Причерноморья.

С. 189.

Пульта — Солдаты-итальянцы 4-го армейского корпуса варили кашу-поленту (итал. polenta, polta), но за неимением кукурузной муки использовали ржаную.

ШЕВАРДИНСКИЙ РЕДУТ

С. 189.

Редут (фр. redoute — убежище) — полевое сомкнутое укрепление в форме многоугольника, ограниченное валом и наружным рвом.

Шевардино — деревня Можайского у. Московской губ.

С. 190.

Попытавшийся вернуться неприятель был наголову разбит...— Русские войска не были «наголову разбиты», а организованно отступали, время от времени переходя в контратаки. К примеру, во время одной из таких стычек 111-й линейный полк 5-й дивизии пехоты Великой армии, атакованный русской кавалерией, потерял 300 человек и 2 орудия.

1000 наших солдат купили своей кровью эту важную позицию...— Потери 5-й дивизии пехоты в Шевардинском бою составили 55 офицеров и 1769 рядовых.

С. 191.

...император спросил полковника...— Имеется в виду командир 61-го линейного полка полковник барон Шарль Буж (Bouge).

БОРОДИНО

С. 191.

На следующее утро мы заметили...— Речь идет о 25 августа (6 сентября) 1812 г.

С. 192.

Я снял свои белые перья...— Адъютант Наполеона Рапп снял плюмаж со шляпы.

Пунш — напиток, приготовляемый из пяти компонентов: воды (иногда заменялась вином), чая, араки (очень крепкая водка, которая готовилась частью из риса, частью из сока кокоса или финика), лимонного сока и сахара. Пунш употреблялся в горячем, холодном и даже замороженном виде.

Кутузов (Голенищев-Кутузов, с 1812 г.— Голенищев-Кутузов Смоленский) Михаил Илларионович (1747—1813) — светлейший князь, генерал-фельдмаршал. С 8 (20) августа 1812 г.— главнокомандующий всеми русскими войсками.

...это он командовал под Браунау.— Во время кампании 1805 г., когда русские и австрийцы совместно действовали против Наполеона, М. И. Кутузов командовал русской армией. Расположив войска в окрестностях австрийского города Браунау, он не торопился идти на помощь союзникам, оказавшимся в безвыходном положении.

С. 193.

Беннигсен (Bennigsen) Леонтий Леонтьевич (Левин Август Готлиб) (1745—1826) — граф, генерал от кавалерии. В 1812 г. сначала состоял при Главной квартире русской армии. После прибытия Кутузова в войска исполнял обязанности начальника Главного штаба объединенных армий.

С. 194.

Мы овладели тремя редутами...— Речь идет о Багратионовых флешах.

...появился на парапете...— зд.: на бруствере укрепления.

Ретраншемент — внутренняя, дополнительная линия укреплений, расположенная позади и параллельно главной линии обороны.

Генерал Компан был ранен — Командир 5-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии дивизионный генерал Компан в начале Бородинского сражения, около 7 часов утра, был ранен картечью в плечо.

Генерал Беллиар (Бельяр, Belliard) Огюст Даниэль (1769—1832) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. начальник штаба резервной кавалерии Великой армии.

Латур-Мобур (La Tour-Maubourg) Мари Виктор Никола де Фей (1768—1850) — маркиз, граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 4-м корпусом кавалерийского резерва.

С. 195.

...заклепать орудия — вывести орудия из строя, посредством забивки в ствол специальных металлических «ершей».

Двинулся вперед Коленкур...— Имеется в виду комендант Главной квартиры Великой армии дивизионный генерал Огюст Жан Габриэль Коленкур. После смертельного ранения генерала Монбрена О. Ж. Г. Коленкур возглавил 2-й корпус кавалерийского резерва.

Он почил сном храбрецов...— Во время последней атаки на батарею Раевского (примерно в три с половиной часа пополудни) генерал Огюст Жан Габриэль Коленкур был убит картечной пулей. По распоряжению Наполеона сердце Коленкура забальзамировали, а тело похоронили в центре кургана, на котором находилась взятая им батарея.

Тарро (Tharreau) Жан Виктор (1767—1812) — барон, дивизионный генерал. В июле 1812 г.— командир 8-го армейского корпуса Великой армии. С конца июля — командир 23-й дивизии пехоты этого корпуса.

Компер — Компер (Compere) Клод Антуан (1774—1812), бригадный генерал. В 1812 г. командовал 1-й бригадой 11-й дивизии пехоты 3-го армейского корпуса Великой армии.

Гюйар — Скорее всего, имеется в виду бригадный генерал, барон Пьер Жюль Сезар Гюйарде (Guyardet) (1767—1813), командир 3-й бригады 5-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии. Генерал Гюйарде скончался 24 декабря 1812 г. (5 января 1813 г.) от тягот, перенесенных во время отступления французской армии из России.

Марион (Marion) Шарль Станислас (1758—1812) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. командовал 2-й бригадой 10-й дивизии пехоты 3-го армейского корпуса Великой армии.

Ланабер (Lanabere) Жан Пьер (1770—1812) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. командовал 2-й бригадой 2-й дивизии Молодой гвардии. В ходе Бородинского сражения заменил раненого генерала Морана.

Дюма — Имеется в виду Дама (Damas) Франсуа Огюст (1773—1812), бригадный генерал, командир 1-й бригады 23-й дивизии пехоты 8-го армейского корпуса Великой армии.

Ромеф (Romeuf) Жан Луи (1766—1812) — барон, бригадный генерал. В 1812 г.— начальник штаба 1-го армейского корпуса Великой армии.

Вахау — деревня в окрестностях Лейпцига, где 4(16) октября 1813 г. начались события Лейпцигского сражения.

Битва при Лейпциге — сражение под г. Лейпцигом, состоявшееся 4—7 (16—19) октября 1813 г., в котором император Наполеон I Бонапарт потерпел поражение от союзных армий России, Австрии, Пруссии и Швеции.

Эльстер — река в окрестностях Лейпцига.

С. 196.

...через минуту у него была перебита рука.— Генерал Дессе был ранен около 10 часов утра.

Фриан был ранен позже.— В полдень во время атаки на д. Семеновское Фриан получил ранение в грудь, но остался в строю. Вечером он был ранен вторично.

Перевязку мне делал хирург Наполеона.— Имеется в виду первый императорский хирург Александр Юрбэн Иван (Yvan).

«Я не сделаю этого; не хочу рисковать ею».— Наполеон не решился в ходе Бородинского сражения двинуть гвардию «в огонь»: она была его последним резервом, которым он не хотел рисковать за тысячи километров от Франции.

50 000 человек легли на поле битвы.— По данным российских историков, Великая армия потеряла в Бородинском сражении около 35 тыс. человек.

Множество генералов было убито или ранено: их выбыло из строя около сорока.— Двенадцать генералов Великой армии были убиты или смертельно ранены в Бородинском сражении. Ранения получили 1 маршал и 38 генералов.

Мы захватили пленных...— Пленными каждая из сторон потеряла до 1 тыс. человек.

...Его прозвали «Савойским Баярдом».— Дессе был уроженцем Савойи, области на юге Франции. Баярд (Bayard) Пьер дю Терайль (1476—1524) — французский военачальник. Служил нескольким французским королям, воевал в Италии, отличался отчаянной храбростью и благородством. О нем говорили как о «рыцаре без страха и упрека».

С. 197.

...находящиеся под его начальством генералы Моран и Жирар...— Дивизионный генерал барон Жан Батист Жирар (Girard) (1775—1815) в описываемое время командовал 28-й дивизией пехоты 9-го армейского корпуса Великой армии и находился на пути в Смоленск. В данном случае имеется в виду Жерар (Gerard) Морис Этьен (1773—1852) — граф, маршал Франции. В 1812 г. в чине бригадного генерала командовал 3-й бригадой 3-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии. 7(19) августа после ранения генерала Гюдена возглавил 3-ю дивизию. 11(23) сентября произведен в дивизионные генералы.

...на расстоянии около 850 туазов...— на расстоянии около 1660 м. Туаз — французская мера длины, равная 1,949 м.

С. 198.

В 6 $^{1}/_{2}$ часов вице-король дает приказ...— Бой у с. Бородино начался часом раньше.

Дельзон (Delzons) Алексис Жозеф (1775—1812) — барон, дивизионный генерал. В 1812 г.— командир 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

Плозонн (de Plaurzonne) Луи Огюст Маршан де (1774—1812) — барон, бригадный генерал. С 14(26) июля 1812 г. командовал 2-й бригадой 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии, заступив на место смертельно раненного генерала Русселя. Убит в начале Бородинского сражения.

...82-й полк... устремился на помощь...— На помощь 106-му линейному полку пришел 92-й линейный полк, входивший в состав 13-й дивизии генерала Дельзона.

Буассерфей — имеется в виду начальник штаба 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии полковник Орель Жан Буассероль де Буавильер (Boisserolle de Boisvilliers).

Морони (Moroni) Пьетро Анжело — полковник, командир полка Королевских велитов Итальянской гвардии.

Дальштейн (Dahlstein), Гвидотти (Gvidotti) — офицеры 4-го армейского корпуса Великой армии.

...позиция русских... образует половину амфитеатра или полукруг...— Русская позиция представляла собой тупой угол с вершиной, обращенной в сторону французов.

С. 199.

Тассо (Tasso) Торквато (1544—1595) — итальянский поэт эпохи Возрождения. Автор поэм «Ринальдо», «Освобожденный Иерусалим».

Ариосто (Ariosto) Лодовико (1474—1533) — итальянский поэт эпохи Возрождения. Автор поэмы «Неистовый Роланд».

Войня — Война, приток реки Колочь.

Бонами (Боннами де Бельфонтен, Воппату) Шарль Огюст Жан Батист Луи Жозеф (1764—1830) — бригадный генерал. В 1812 г. командовал 3-й бригадой 1-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

В этот момент 30-й полк ... бросается в атаку.— Около 9 $^1/_2$ часов 30-й линейный полк, оттеснив русских егерей, захватил батарею Раевского. Во время контратаки, организованной генералами А. П. Ермоловым и А. И. Кутайсовым, 30-й полк был выбит с батареи, а генерал Боннами, получивший 13 штыковых ранений, попал в плен.

Мармон (de Marmont) Огюст Фредерик Луи Виесс де (1774—1852) — герцог Рагузский, маршал Франции. С 1811 г. главнокомандующий французскими войсками в Португалии. В июне 1812 г. потерпел поражение от англичан и испанцев под Саламанкой, главным городом одноименной провинции в Испании.

Фавье (Favier) — адъютант маршала Мармона.

С. 200.

Русские... атакуют правый фланг дивизии Морана...— Генерал Моран был ранен еще в 9 часов утра. С полудня 1-й дивизией пехоты командовал генерал Ланабер.

Жирар — Имеется в виду генерал Морис Этьен Жерар.

Огонь наших новых батарей, в конце концов, совершенно истребил русскую дивизию.., но взамен ее мы сейчас же видим другую.— Имеется в виду прикрывавшая батарею Раевского 26-я пехотная дивизия генерала И. Ф. Паскевича, которая в ходе Бородинского сражения потеряла 300 человек убитыми, 392 человек ранеными и 1200 человек пропавшими без вести, а также сменившая ее 24-я пехотная дивизия, которая понесла еще большие потери: около 1 тыс. человек убитыми, более 800 человек ранеными и столько же пропавшими без вести. Генерал-майор Лихачев Петр Гаврилович (1758—1813), командир 24-й пехотной дивизии, прикрывавшей батарею Раевского, был захвачен французами. Не желая сдаваться живым, бросился на штыки противника, но был лишь тяжело ранен. Находился в плену до декабря 1812 г.

...убит был наповал русский генерал Кутайсов, смело ведший в огонь своих кавалеристов.— Генерал-майор А. И. Кутайсов (1784—1812) командовал не кавалеристами, а артиллерией русской армии. В районе батареи Раевского он оказался случайно. Обстоятельства его смерти не выяснены до сих пор. Участник Бородинского сражения, А. И. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Во время общей атаки наших на курган он отделился вправо, пожал руку Паскевичу, повел пехоту в штыки и более не возвращался. Вскоре прибежала его лошадь, и по окровавленному на ней седлу заключили о смерти Кутайсова». Тело Кутайсова обнаружено не было. Подробнее об этом см.: Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 2. СПб., С. 245.

С. 201.

Более 1000 орудий сеют смерть.— Ложье преувеличивает число орудий, участвовавших в сражении. В армиях противников в общей сложности было более 1200 орудий. Но не все они, тем более не все одновременно, принимали участие в битве.

...многочисленные отряды неприятельской кавалерии выступают из леса...— В 10-м часу утра, когда положение 2-й Западной армии в районе Багратионовых флешей стало крайне сложным, а части Евгения Богарне готовились к очередной атаке на батарею Раевского, Кутузов бросил в рейд по тылам левого фланга Великой армии 1-й резервный кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Ф.П. Уварова и казачий корпус генерала от кавалерии М.И. Платова. Целью этого рейда было оттянуть часть сил французов от левого фланга русской армии и затем нанести по ним контрудар. Желаемого достичь не удалось. Атакующие были втянуты в мелкие стычки. На отражение атаки из французских резервов было послано около 5 тыс. человек. Тем не менее натиск русских кавалеристов и казаков на 2 часа приостановил активность Великой армии, что позволило русскому командованию перегруппировать силы, подтянуть резервы и продолжить оборону на Бородинской позиции.

С. 202.

Уваров Федор Петрович (1773 или 1769—1824) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1812 г. командовал 1-м резервным кавалерийским корпусом.

Платов Матвей Иванович (1751—1818) — генерал от кавалерии, атаман войска Донского. В 1812 г. командовал казачьим корпусом, который во время отступления русских войск вел арьергардные бои с французами и отличился в ряде сражений. Во второй период войны корпус Платова двигался в авангарде русской армии, активно преследуя отступающих французов. За время кампании казаки Платова взяли в плен до 70 тыс. солдат и офицеров противника.

Генерал Литуар — Имеется в виду командующий артиллерией 4-го армейского корпуса генерал д'Антуар де Врэнкур.

Милло (Millo) Гаэтано — полковник, начальник артиллерии 15-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

С. 203.

С помощью... отряда почетной стражи...— Имеется в виду отряд Почетной гвардии, подразделение Итальянской королевской гвардии, состоявшее из 5 конных рот (всего около 300 человек) и являвшееся эскортом Главной квартиры 4-го армейского корпуса.

Дель Фанте (Del Fante) Казимо — шеф батальона, командир батальона гренадер полка конскриптов Итальянской королевской гвардии.

...обходит... слева редут во главе 9-го и 35-го полков... и захватывает его.— Это одна из версий взятия батареи Раевского. По другой — редут был захвачен 2-й кирасирской дивизией 2-го корпуса кавалерийского резерва. Ею командовал дивизионный генерал граф Пьер Ватье (Ватье де Сент-Альфонс,Wathier de Saint-Alphonse) (1770—1846). Согласно третьей версии, на батарее Раевского первым оказался Саксонский гвардейский кирасирский полк 7-й кирасирской дивизии 4-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

С. 204.

...весь корпус Тучкова (3-го)...— Третьим пехотным корпусом командовал генерал-лейтенант Н. А. Тучков (Тучков 1-й) (1761 или 1765—1812).

...солдаты нашего корпуса...— 4-го армейского корпуса Великой армии.

Темнота ночи ослабила перестрелку...— Автор имеет в виду ночь, наступившую после боя при Шевардине.

С. 205.

Дюфур (Dufour) Франсуа Мари (1769—1815) — барон, дивизионный генерал. В 1812 г. в чине бригадного генерала командовал 3-й, затем 1-й бригадой 2-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

...во главе 15-го полка легкой кавалерии...— 15-й полк, входивший в состав дивизии генерала Фриана, был полком легкой пехоты. Речь идет об атаке французов на деревню Семеновское Можайского у. Московской губ.

...приказывает одновременно начать атаку 1, 3 и 14-й дивизиям...— Имеется в виду атака на батарею Раевского.

Ваграм — деревня в 16 километрах от Вены, близ которой 5—6 (17—18) июля 1809 г. произошло сражение между французскими и австрийскими войсками.

С. 206.

...во главе 1-й дивизии кавалерии генерала Сен-Жермена...— Имеется в виду 1-я кирасирская дивизия 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Дивизией командовал дивизионный генерал барон Антуан Луи Декре де Сен-Жермен (Saint-Germain) (1761—1835). В Бородинском сражении он был ранен, но остался в строю и заменил раненого командира 1-го корпуса кавалерийского резерва Нансути.

Пауоль — Пажоль (Pajol) Клод Пьер (1772—1844), барон, дивизионный генерал. В Бородинском сражении командовал 2-й легкой кавалерийской дивизией 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Шуар (Chouard) Луи Клод (1771—1843) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. командовал 2-й бригадой 4-й кирасирской дивизии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Эта бригада состояла из 2-го полка карабинеров, относившегося к тяжелой кавалерии. Возможно потому, что полк назывался карабинерным, автор ошибочно назвал бригаду стрелковой.

Только что генерал Монбрен ... закончил свою доблестную жизнь, как принадлежащая к тому же корпусу кирасирская бригада получила приказ... идти на приступ большого редута...— Лабом неверно указывает время событий. Монбрен был смертельно ранен между 10 и 11 часами утра, а атака Коленкура началась около трех часов пополудни.

...следовали 7-й и 13-й легкой кавалерии...— 7-й и 13-й были полками легкой пехоты.

Лауссэ (Лебрен де Лауссе, Лебрен де ла Уссе, Lebrun de La Houssaye) Арман (1768—1846) — барон, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 6-й дивизией тяжелой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. В Бородинском сражении был ранен, но остался в строю, заменил раненого командира 3-го корпуса кавалерийского резерва Груши.

С. 207.

Шастель (Chastel) Луи Пьер Эме (1774—1826) — барон, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 3-й дивизией легкой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Думерк — В описываемое время генерал Думерк со своей дивизией находился в районе Полоцка, поэтому в Бородинском сражении он не мог участвовать.

Тири (Thiry) Никола Марен — барон, бригадный генерал. В 1812 г.— командир 1-й бригады 6-й дивизии тяжелой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Де Лафорс (де Ла Форс, de La Forse) Луи Жозеф Номпар де Комон — шевалье, полковник. С 15(27) августа 1812 г.— начальник штаба 6-й дивизии тяжелой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Асселин (Асслен де Вийенкур, Asselin de Villiencourt) Домисьен Жозеф — шевалье, полковник. В 1812 г. исполнял обязанности помощника начальника Главного штаба 4-го армейского корпуса Великой армии.

Строганов Павел Александрович (1774—1814) — граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал 1-й гренадерской дивизией. В ходе Бородинского сражения заменил смертельно раненного генерала Н.А. Тучкова (Тучкова 1-го) на посту командира 3-го пехотного корпуса.

Воронцов Михаил Семенович (1782—1856) — граф, светлейший князь, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал 2-й сводно-гренадерской дивизией 2-й Западной армии. В Бородинском сражении при обороне Багратионовых флешей был ранен.

Себастьяни (Себастиани де ла Порта, Sebastiani de la Porta) Орас Франсуа Бастьен (1772—1851) — граф, маршал Франции. С 17(29) июня 1812 г. в чине дивизионного генерала командовал 2-й дивизией легкой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. С 13(25) августа Себастиани командовал дивизией легкой кавалерии 5-го армейского корпуса Великой армии. После дела под Иньково от командования дивизией был отстранен и находился какое-то время при Главном штабе резервной кавалерии.

С. 208.

Соединив дивизию Ледрю с дивизией ... Жирара...— Речь идет о генерале Морисе Этьене Жераре.

...сильное движение неприятельской кавалерии...— Речь идет о действиях 1-го резервного кавалерийского корпуса генерала Уварова и казачьего корпуса атамана Платова против левого фланга Великой армии.

...каре, образованное 84-м полком под командой полковника Пего...— 84-й линейный полк, которым командовал полковник Жан Гюден Клод Пего (Pegot), входил в состав 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

Межан (Mejan) Морис Анри Ромэн Туссэн — капитан, адъютант вице-короля Италии Евгения Богарне.

Жифленга (Джиффленга, Dgifflenga de Rege) Александр де Реж (1775—1830) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. в чине полковника служил адъютантом Евгения Богарне. С 3(15) августа — бригадный генерал.

Беллизоми (Bellizomi) — шталмейстер итальянского вице-короля Евгения Богарне.

С. 210.

С утра я отправился на захваченный накануне редут.— Имеется в виду Шевардинский редут.

С. 211.

...в каждой колонне прочитывают приказ императора...— Воззвание Наполеона к французским солдатам от 7 сентября (26 августа) 1812 г.

Наш корпус приближается к большому редуту.— Имеется в виду батарея Раевского.

Французские стрелки... тоже сильно пострадали, в особенности от ружейных выстрелов, причем пули звенели, ударяясь об их латы.— Гриуа говорит о 1-м и 2-м карабинерных полках, отборных кавалерийских частях, входивших в состав 4-й дивизии тяжелой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Подобно кирасирам, карабинеры носили каски и кирасы (фр. cuirasse — броня).

Ларибуазбер (Ларибуазьер, Ларибуасьер, de La Riboisiere) Фердинанд Гастон де — су-лейтенант, а не капитан, 1-го карабинерного полка. Его отец — дивизионный генерал, граф Жан Амбруаз Бастон де Ларибуазьер (1759—1812) командовал артиллерией Великой армии.

С. 214.

...генерал Монбрен. Он только что получил... приказание атаковать большой и грозный редут, расположенный в центре неприятельской армии...— Генерал Монбрен был смертельно ранен около 11 часов в районе д. Семеновское, а не при атаке на батарею Раевского.

......пожал руку лучшему из братьев...— Имеется в виду Арман Огюстен Луи Коленкур.

С. 215.

...беспорядок воцарился в рядах неприятельской армии... Победа была полная.., трофеи громадны.., но безжалостная смерть бросила на поле битвы более 50 000 воинов всех наций; говорят, что русские там оставили более 30 000 человек, не считая раненых и пленных.— К исходу Бородинского сражения русская армия в полном порядке отошла от первоначальных рубежей на 1—1,5 км. Трофеи как одной, так и другой стороны были сравнительно незначительны.

«Виданное ли дело, чтобы эти проклятые солдаты вчетвером несли Мальбрука?» — Маршал Лефевр называет Мальбруком легкораненого француза, намекая на героя популярной песенки о Мальбруке (искаженное Мальборо). Герцог Джон Черчилль Мальборо (Marlbo-

rough) (1650—1722) — английский полководец и государственный деятель, в начале XVIII в. успешно воевал против французов. Накануне одного из сражений пронесся ложный слух о гибели Мальборо. В результате появились сочиненные французскими солдатами куплеты: «Marlborough s'en va-t-en guerre, Dieu sait quand reviendra...» (Мальбрук в поход собрался, бог весть когда вернется...). С тех пор имя Мальбрука стало нарицательным, олицетворяя незадачливого вояку.

Многие русские генералы, тяжелораненые, получили, по приказанию Наполеона, первую помощь...— Чтобы получить медицинскую помощь «по приказанию Наполеона», «многие русские генералы» должны были, как минимум, оказаться в плену. Между тем в плен к французам в ходе Бородинского сражения попал только раненый генерал Лихачев.

Князь Потемкин — Потемкин Яков Алексеевич (1781 или 1778—1831), генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В Бородинском сражении в чине полковника был командиром не участвовавших в битве четырех егерских полков, стоявших на правом фланге русской армии. Княжеского титула Я.А.Потемкин не имел.

С. 216.

Доктор Иван, хирург императора...— первый императорский хирург Александр Юрбэн Иван.

...наложил ему в нашем присутствии первую повязку...— Скорее всего, Боссе ошибочно называет Я. А. Потемкиным генерала Лихачева.

С. 217.

Благодарили Бога за успех, когда сражение было проиграно.— Вопрос об итогах Бородинского сражения представляется далеко неоднозначным и до сих пор остается дискуссионным. Действительно, Кутузов в официальных реляциях сообщал о победе русских частей при Бородино и вслед за тем дал приказ войскам отходить. Однако оставление поля боя еще не есть поражение, а его занятие еще не есть победа. Военный теоретик Карл Филипп Готфрид фон Клаузевиц (1780—1831), в 1812 г. находившийся на русской службе, анализируя ход войны, писал, что «победа является объектом... борьбы, хотя, правда, не в ней ее конечная цель. Последней будет сохранение собственного государства и сокрушение неприятельского и опять-таки, выражаясь кратко, намеченный мир, ибо лишь в нем конфликт находит свое разрешение». См.: Клаузевиц К. Ф. Г. О войне. М., 1934. С. 436.

...когда они прочли XIX бюллетень Великой армии... — Бюллетени Великой армии — официальные информационные сообщения о боевых действиях, в составлении и редактировании которых принимал участие сам Наполеон. Походу в Россию посвящена 6-я серия таких сообщений, включавшая 29 бюллетеней.

Боссе (de Bausset) Луи Франсуа Жозеф де (1770 — ок. 1835) — барон. В молодости был актером. С 1805 г. камергер Наполеона. Сопровождал его в походах в Испанию, Германию и Россию. Мемуарист.

Она была в 20 верстах от Гжатска (и, приблизительно, в 100 верстах от Москвы)...— От Гжатска до Бородино более 50 верст, а от Бородино до Москвы около 110 верст.

С. 218.

Фанфет (Fanfet) — офицер 4-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

С. 219.

Магнан — Возможно, автор имеет в виду Мангана (Mangand), который в 1812 г. в чине лейтенанта служил адъютантом полковника Брессона.

Бресанд — Брейссанд (Брейсан, Breissand) Жозеф (1770—1813) — бригадный генерал. С июля 1812 г. командовал 1-й бригадой 30-й дивизии пехоты 11-го (резервного) армейского корпуса Великой армии, дислоцировавшейся в различных германских городах. 30-я дивизия в русском походе не участвовала. Возможно, автор имеет в виду адъютанта маршала Нея полковника Жана Пьера Александра Брессона де Вальмабеля. С 29 августа (10 сентября) — бригадный генерал.

Редан (фр. redan — уступ) — открытое с тыла полевое фортификационное укрепление в форме угла, вершина которого направлена в сторону противника.

Шеврон (фр. chevron — нашивка) — галунная нашивка на рукаве в виде двух полосок, скрещивающихся под углом, от чего произошло название полевого укрепления.

С. 220.

Он желал только получить чин командира эскадрона...— Чин назывался «шеф эскадрона» и следовал за чином капитана.

Озеро Бурж — Бурже, озеро во французской Савойе.

В это время мы заметили отряд русских кирасир...— Очевидно, автор имеет в виду действия 2-й кирасирской дивизии во время атаки французов на южную флешь. Это произошло около 9 часов утра. Командир кирасир Дука Илья Михайлович (1768—1830) — барон, генерал от кавалерии. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал сначала 2-й бригадой 2-й кирасирской дивизии 2-й Западной армии, а с 10(22) августа назначен командиром этой дивизии.

С. 220—221.

В этом отряде было... до 1500 русских кирасир, а вернулось из них к своим... едва ли более 200 человек.— Автор преувеличивает потери русских кавалеристов. В Бородинском сражении 2-я кирасирская дивизия генерала Дуки из 1700 человек личного состава потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 630 человек.

С. 221.

Они были забронированы только спереди...— Речь идет о кирасах, в которые были облачены кирасиры. До 1801 г. у кирасир русской армии существовали кирасы в виде нагрудных пластин, закреплявшихся на спине ремнями. Кирасы образца 1812 г. уже состояли из нагрудной и спинной половин. Первые партии таких кирас в июне-июле стали поступать в действующие кирасирские эскадроны. При этом некоторые полки использовали кирасы старого образца.

С. 223.

...цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир.— В 1812 г. в состав российской армии входили 3 калмыцких полка, 4 полка башкир и 4 конно-татарских полка.

...капитана Депену, из моего полка...— Капитан Депену сражался в составе 8-го конно-егерского полка 3-й дивизии легкой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

С. 224.

...4 фута в длину — приблизительно 1,2 метра: 1 фут равен 30,48 см.

...передал полковнику...— Имеется в виду командир 8-го конно-егерского полка полковник Эдуард Александр де Талейран-Перигор (de Talleyrand-Perigord).

С. 225.

Бедный 8-й стрелковый полк...— Имеется в виду 8-й конно-егерский полк.

6-й гусарский... произвел решительную атаку...— Комб описывает события, имевшие место в районе батареи Раевского и происходившие после полудня.

С. 226.

Марсово поле — место проведения парадов и смотров в Санкт-Петербурге.

...полковым врачом хирургом Жераром...— В Великой армии каждый кавалерийский полк 4-эскадронного состава имел по штату одного хирурга и двух младших хирургов.

На рассвете наши аванпосты были атакованы...— В ночь после Бородинского сражения аванпосты французской армии неоднократно подвергались атакам казаков.

С. 227.

Ригорист (латин. rigor — твердость, строгость) — приверженец строгого проведения какого-либо принципа в действии, поведении и мысли, исключающего компромиссы.

С. 228.

«Allons, enfants de la patrie» (фр.) — «Вперед, дети Отчизны»,— начальные слова революционной песни «Марсельеза», написанной в

1792 г. офицером Клодом Жозефом Руже де Лиллем. С 1795 г.— национальный гимн Франции.

Генерал Нури (Noury) Анри Мари (1771—1839) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. был 2-м командиром артиллерии Императорской гвардии; фактически командовал артиллерией Молодой гвардии.

Это был приказ об обходном движении нашей батареи...— Очевидно, речь идет о двух приказах: приказе Наполеона от 26 августа (7 сентября) 1812 г., обращенном ко всей армии, и приказе о передислокации батареи капитана Пион де Лоша к ставке императора.

...приказал мне именем фельдмаршала...— Речь идет о маршале Мортье. Чина фельдмаршала в Великой армии не было.

С. 229.

Две конные батареи под командой Марена... — Имеются в виду 1-я и 2-я роты полка конной артиллерии Императорской гвардии, входившие в состав дивизии кавалерии Императорской гвардии. Этими ротами командовал бригадный генерал барон Жан Жак Дево де Сен-Морис (Desvaux de Saint-Maurice).

...с самого начала битвы и до 4 часов дня он не покинул своего места, не отдал ни одного приказания. — После взятия французами батареи Раевского Наполеон выезжал осматривать правый фланг своих войск. Приказания им также отдавались, что подтверждают свидетельства других участников событий, к примеру, Цезаря Куанье.

Справа от дороги возвышался громадный редут...— Шевардинский редут. Речь идет о событиях 24 августа (5 сентября) 1812 г.

С. 230.

Я присоединился к старому полковнику, принявшему на себя начальствование...— После гибели О. Коленкура командование 2-м корпусом кавалерийского резерва принял генерал Дефранс. Дефранс (Defrance) Жан Мари Антуан (1771—1855) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 4-й дивизией тяжелой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. После контузии генерала Дефранса во главе 2-го корпуса встал генерал Ватье.

С. 231.

...они сжигали всех своих раненых...— Утверждение Куанье не соответствует действительности. Многие раненые гибли от пожаров (например, в Можайске, в Москве). Возможно, в этом Куанье увидел преднамеренное уничтожение раненых.

С. 232.

После нескольких часов оживленной канонады...— Бородинское сражение началось без артиллерийской подготовки.

...в составе всех почти кирасирских полков армии, в числе до 15...— В последней атаке на батарею Раевского участвовали далеко не все кирасирские полки Великой армии. Кроме кирасир, в ней принимали участие и драгуны, и конные егеря, и гусары.

5-й кирасирский полк, бывший фронтом к редуту...— С фронта батарею Раевского брала пехота принца Евгения Богарне. Кавалерия обошла редут с фланга.

С. 233.

Наконец, подошла вестфальская дивизия...— Имеется в виду 23-я дивизия пехоты 8-го армейского корпуса Великой армии. В Бородинском сражении дивизия сражалась на крайнем правом фланге французской армии в районе Утицкого кургана, возвышенности в районе д. Утица.

«Wir bleiben nicht hier!» (нем.) — «Мы не останемся здесь!»

С. 234.

Мы перешли речку, очевидно, Семеновку...— Имеется в виду Семеновский ручей.

С. 235.

...я узнал друга, эскадронного командира Яблонского...— Имеется в виду старший офицер 14-го Польского кирасирского полка 7-й дивизии тяжелой кавалерии 4-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии шеф эскадрона Игнаций Яблонский (Яблоньский, Jablonski).

Наш полк спускается в овраг...— 30-й линейный полк 1-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии.

С. 236.

Банник — щетка на длинном древке для прочистки канала орудийного ствола после выстрела.

Рычаг — прави́ло, приспособление для поворота орудия вправо или влево.

Много французов вперемешку с русскими падает в волчьи ямы.— Таких ям перед батареей Раевского было вырыто, по разным данным, от 6 до 10 рядов.

Кивер (польск. kiwior) — форменный высокий головной убор с круглым дном, козырьком, подбородочным ремнем и различными украшениями.

С. 237.

Фунт — мера веса, равная 409,5 гр.

Франк — денежная единица Франции; делится на 100 сантимов.

...мой поручик убит, а подпоручик тяжело ранен...— Подчиненные капитана Франсуа, лейтенант и су-лейтенант.

Из 4100 человек полка уцелело всего триста.— Из всего состава 30-го линейного полка после Бородинского сражения осталось 268 человек.

С. 239.

Он был ранен в руку.., а его начальника штаба... пуля пронзила...— В Бородинском сражении Даву получил контузию, а начальник

штаба 1-го армейского корпуса бригадный генерал барон Жан Луи Ромеф был смертельно ранен пушечным ядром.

С. 242.

В это время к нему привезли пленного русского генерал-лейтенанта. — Имеется в виду раненый П.Г.Лихачев, имевший чин генерал-майора.

Эслинг — Имеется в виду битва при Асперне.

Эйлау (Прейсиш-Эйлау) — город в Восточной Пруссии, рядом с которым 26—27 января (7—8 февраля) 1807 г. произошло ожесточенное сражение между французскими войсками, руководимыми Наполеоном, и русской армией, под командованием Беннигсена.

Маренго — деревня в Северной Италии, возле которой 2(14) июня 1800 г. Наполеон разгромил австрийскую армию.

Мы не знали, что Наполеон был болен...— В день Бородинского сражения французский император действительно испытывал легкое простудное недомогание. Автор, вслед за некоторыми французскими мемуаристами и историками, считает это обстоятельство едва ли не главной причиной того, что французы 26 августа (7 сентября) не одержали на Бородинском поле полной победы.

С. 243.

Лежен (Lejeune) Луи Франсуа (1775—1848) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. в чине полковника был адъютантом начальника Главного штаба Великой армии Бертье. В Бородинском сражении заменил на посту начальника штаба 1-го армейского корпуса смертельно раненного генерала Ромефа. 11(23) сентября произведен в бригадные генералы. Во время отступления из России в декабре Лежен сильно обморозил лицо и самовольно оставил армию, за что был арестован и некоторое время провел в парижской тюрьме. Художник. Мемуарист.

ПОСЛЕ БИТВЫ

С. 244.

...это были полки Семеновский и Литовский, совершенно разгромленные.— Семеновский лейб-гвардии полк в Бородинском сражении потерял 120 человек (из более чем 2 тыс. человек). Потери лейб-гвардии Литовского полка составили 720 человек, после чего в строю осталось 885 человек.

...на 1 убитого француза приходилось 3 русских...— Солтык заблуждается и преувеличивает, что свойственно многим французским мемуаристам. Возможно, это впечатление сложилось у автора из-за того, что в первый период боя, когда французы атаковали укрепления, их потери были больше, чем у русских. Во второй же фазе сражения, когда укрепления были взяты, потери русских значительно возросли, так как они стояли на открытых местах под перекрестным огнем француз-

ских батарей. Подробнее см.: Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 2. С. 276.

С 245.

...в Колоцкий монастырь, в 4 верстах от поля битвы...— Колоцкий монастырь находится в 8 верстах к западу от села Бородино.

С. 246.

...погибшая тут почти целиком дивизия Лихачева...— После Бородинского сражения в строю дивизии Лихачева осталось 4800 человек. В начале кампании 24-я дивизия насчитывала 7 тыс. человек.

С. 247.

...номера на пуговицах мундиров...— Нумерованные пуговицы носили военнослужащие французской армии. Пуговицы на мундирах русской армии были гладкими. Принадлежность той или иной части российских войск определялась по номеру дивизии на погонах и цвету погон (в пехотных полках) или по литерам названия полков на погонах, как, например, у гренадер.

Коленкур — Имеется в виду Арман Огюстен Луи де Коленкур.

Канвилль (Канувилль, de Canouville) Александр Шарль Мари Эрнест де — барон, камергер двора Наполеона. В Бородинском сражении погиб брат наполеоновского камергера — старший офицер 2-го полка конных егерей кавалерии 1-го армейского корпуса Великой армии шеф эскадрона Арман Жюль Элизабет де Канувилль (de Canouville).

С. 248.

Вионне де Маренгоне (Vionnet de Maringone) Луи Жозеф (1769—1834) — шеф батальона 2-го полка пеших гренадер 3-й дивизии пехоты Императорской гвардии. Мемуарист.

С. 249.

Лигатура — льняная, хлопчатобумажная или шелковая нить, накладываемая на кровеносные сосуды для остановки кровотечения.

...русские пули были гораздо крупнее наших. — На вооружении русской армии в основном состояло пехотное ружье образца 1808 г. калибром 17,78 мм. Пехота Великой армии была вооружена, главным образом, ружьями образца 1777 г., имевшими калибр 17,50 мм.

ПУТЬ В МОСКВУ

С. 251.

Мы стояли по соседству с 13-м полком польских улан...— Не вполне понятно, что автор имеет в виду: 13-й полк был гусарским, а уланский полк носил № 12.

Это происходило между тремя и четырьмя часами, в тот самый момент, когда дивизии Княжевича и Красинского энергично

атаковали русских с фронта.— Между тремя и четырьмя часами пополудни Понятовский начал очередную атаку на Утицкий курган. В это время польский 13-й гусарский полк во главе с командиром легкой кавалерийской дивизии 5-го армейского корпуса Себастиани обошел левый фланг русских. Русским пехотинцам и казакам пришлось отойти на новые позиции, но прорвать их фронт полякам не удалось. Тем более не могло быть речи о появлении польской конницы у Можайска.

Княжевич (Князевич, Kniaziewicz) Кароль Оттон (1762—1842) — польский дивизионный генерал. С 4 июля 1812 г. командовал 18-й дивизией пехоты 5-го армейского корпуса Великой армии.

Красинский (Красиньский, Krasinski) Изыдор Зенон Томаш (1774—1840) — в начале русской кампании состоял при штабе 5-го армейского корпуса. Со времени Смоленского сражения и до середины октября 1812 г. временно командовал 16-й дивизией пехоты этого корпуса.

Гавронский (Gawronski) (1784—1860) Станислав — бригадный генерал. Попал в плен в сражении при р. Березине.

Тулинский (Толинский, Tolinski) Юзеф — полковник, командир 13-го полка гусар.

Толь (von Toll) Карл Федорович (Карл Вильгельм) (1777—1842) — граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине полковника занимал пост генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии, а с прибытием к войскам Кутузова стал выполнять обязанности генерал-квартирмейстера всех действующих армий.

...5-й корпус один взял в плен 2000 человек...— Всего пленных, взятых французской армией в Бородинском сражении, насчитывалось около 1 тыс. человек.

С. 252.

Проезжаем Можайск, где наши войска одержали 8-го новую победу.— После упорных арьергардных боев французы заняли Можайск только 28 августа (9 сентября) 1812 г.

...сотни лошадей, тяжелораненых или со сломанными ногами, мирно пасутся...— Капитан Франсуа рисует несуразную картину поля сражения.

Лейтенант Менцинген (Menzingen) — офицер 3-го Вюртембергского конно-егерского полка 2-й дивизии легкой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

С. 255.

Вруинково — Имеется в виду с. Бриньково Рузского у. Московской губ.

С. 257.

Апальшица — Апальщина, деревня Рузского у. Московской губ.

Звенигородский монастырь — Имеется в виду Саввино-Сторожевский монастырь, основанный в XIV в., расположенный в 1,5 верстах к западу от уездного города Звенигорода Московской губ.

С. 258.

Кажется, это Звенигород, находящийся всего в нескольких верстах от Москвы.— От Москвы до Звенигорода 56 верст.

...небольшая, но богато отделанная церковь; кажется, она была местом погребения царей...— В Саввино-Сторожевском монастыре царей не хоронили.

С. 259.

Город был полон русскими ранеными...— В Можайске, по некоторым данным, было оставлено до 7 тыс. раненых русских солдат.

С. 260.

10 сентября у русских празднуется день Александра Невского...— День Святого благоверного князя Александра Невского празднуется 30 августа (11 сентября).

Щелковка — Шелковка и *Краимское* — Крымское, деревни Верейского у. Московской губ.

ВСТУПЛЕНИЕ В МОСКВУ И НАЧАЛО ПОЖАРА

С. 261.

Москва-река — главная река г. Москвы, левый приток Оки.

Черепково — деревня Московского у. Московской губ.

С. 263.

Петербургская дорога — Петербургский тракт. На нем располагалась Тверская застава, после которой в направлении к центру города начиналась Тверская улица. Местность за Тверской заставой уже в конце XVIII в. считалась пригородной, и вдоль Петербургского тракта находилось множество великолепных дач русских аристократов.

Петровский дворец — Петровский подъездной дворец, возведенный архитектором М.Ф. Казаковым в 1775—1776 гг. на месте села Петровское на Петровском тракте (Петербургском тракте) для императрицы Екатерины II в ознаменование заключения Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией.

Дворец князя Мамонова на Санкт-Петербургской улице — Речь идет о каменном доме, отстроенном в 1778 г. президентом Вотчинной коллегии графом М. В. Дмитриевым-Мамоновым. Впоследствии дом несколько раз менял своих владельцев. В начале XIX в. его приобрел бывший французский подданный Никола Обер, бежавший от событий Французской революции и в Москве занявшийся коммерцией. Его супруга Мари Роз, урожденная Шальме, была владелицей известного модного магазина на Кузнецком Мосту. Вскоре на первом этаже дома в Глинищевском переулке она также открыла магазин женского платья и предметов роскоши (ныне — Глинищевский пер., 6).

Магистраты — зд.: лица, которые исполняли во французской армии судебные функции; члены военных судов, обязанные выносить решения по случаям нарушения воинской дисциплины.

С. 264.

...жители Москвы, собравшиеся у Кремлевских стен...— Когда первые части Великой армии стали входить в город, москвичи устремились к Кремлю. Там группы патриотов пытались оказать сопротивление французскому авангарду, но были разогнаны.

Большая площадь в Китай-городе, окруженная галереей из кирпича, где помещается бесконечное количество маленьких лавочек.— Торговая площадь, расположенная за Варварскими воротами Китайгородской стены недалеко от церкви Всех Святых на Кулишках (ныне — Славянская площадь).

С. 265.

Палладиум (латин. Palladium) — зд.: защита, оплот. У древних греков богиня Афина Паллада почиталась как покровительница города Афин, обеспечивающая его безопасность. Лабом имеет в виду, что для москвичей потеря Кремля, их «твердыни» и святыни, будет означать их собственную гибель.

Фузилер (фр. fusil — кремневое ружье) — пехотинец, вооруженный ружьем с кремневым замком. Во 2-ю дивизию пехоты Императорской гвардии входили полк фузилеров-гренадер и полк фузилеров-егерей.

...здание это называлось Биржей.— Речь идет о здании старого Гостиного Двора. Хотя указ о строительстве биржи был принят в 1789 г., здание биржи в Москве еще не было возведено. Для биржевых сделок деловые люди собирались на небольшой площадке на углу улицы Ильинка и Хрустального переулка и на примыкающей к ней лестнице старого Гостиного Двора.

Торговые ряды на Красной площади.— Имеется в виду здание Гостиного Двора (старого Гостиного Двора), выстроенного в 1789—1805 гг. по проекту архитектора Дж. Кваренги и занимавшего целый квартал в центральной части Москвы между улицами Варварка и Ильинка и Хрустальным и Рыбным переулками. В Гостином Дворе насчитывалось, по крайней мере, 700 лавок, амбаров и других торговых помещений.

С. 266.

...русская армия увела с собой всех горожан и чиновников...— После получения известия о сдаче Смоленска московские власти предприняли эвакуацию ценностей и государственных учреждений с их служащими. Для этого в городе было собрано более 60 тыс. подвод. Жители Москвы покидали город по собственной инициативе.

Пале-Рояль — королевский дворец в Париже, построенный в 1629—1636 гг.

С. 267.

...два очень старинных храма...— На территории Московского Кремля расположены Успенский и Благовещенский соборы (XV в.), Архангельский собор (начало XVI в.), собор Двенадцати Апостолов (XVII в.) и другие храмы.

Афины — город-государство в Древней Греции.

Ареопаг — зд.: здание, где заседал высший суд в древних Афинах— ареопаг. Назван по месту расположения на холме Ареса, древнегреческого бога войны.

Храм Минервы — в древнеримской мифологии Минерва почиталась как богиня мудрости, покровительница военачальников и полководцев. По значению она соответствовала древнегреческой Афине Палладе. Возможно, автор имеет в виду один из храмов, возведенных в честь Афины Паллады в Афинах, а, может быть, он говорит о храме Минервы на Марсовом поле в Риме.

Академия и Арсенал — здания в древних Афинах.

...почти цилиндрическая башня, известная под именем колокольни Иван Великий — В описываемое время колокольня Иван Великий, имея высоту 81 м, считалась самой высокой постройкой в Москве. Первые три ее яруса были выстроены на Соборной площади Кремля при церкви Иоанна Лествичника в 1505—1508 гг. зодчим Боном Фрязиным, а в 1600 г. колокольню надстроили. Происхождение названия— Иван Великий — принято связывать не только с церковью Иоанна Лествичника, но и с именами великих князей, способствовавших возвышению Русского государства — Иоанна Калиты, Иоанна III, Иоанна IV.

Едва ли найдется что-либо богаче одного из храмов Кремля (того, где хоронили императоров).— Речь идет об Архангельском соборе Московского Кремля, выстроенном в 1505—1508 гг. зодчим Алевизом Фрязиным. Этот храм на протяжении трех веков служил усыпальницей московских князей и царей, начиная с Иоанна Калиты до Иоанна V.

Его стены покрыты золотом и вызолоченными пластинками...— Стены Архангельского собора были расписаны в середине XVI в. фресками мастеров школы Дионисия. Вероятно, автора поразило великолепие иконостаса в алтарной части собора, где помещались иконы в позолоченных окладах.

Линия — мера длины, равная 2,54 мм.

...изображена вся история Ветхого и Нового Завета.— Тематика росписи Архангельского собора носит литературно-повествовательный характер. На стенах, колоннах и сводах храма изображены бытовые, исторические и батальные сцены, религиозные сюжеты, композиции на тему жизни великих князей, картины важнейших событий в жизни Русского государства.

Паникадила — устанавливаемые перед иконами в храмах большие напольные подсвечники на двенадцать и более свечей.

Шереметевская больница — Странноприимный дом, выстроенный по инициативе и на средства графа Н.П.Шереметева по проекту архитекторов Е.С.Назарова и Дж. Кваренги и официально открытый в 1810 г. Странноприимный дом состоял из приюта на 25 девочек-сирот и больницы на 50 «страждущих от недугов», где оказывали медицинскую помощь беднейшим слоям населения. (Сухаревская площадь, д. 3. Ныне — НИИ скорой помощи им. Н.В.Склифосовского).

Голицынская больница — Построенная на средства князя Д. М. Голицына по проекту И. О. Бове, больница открылась в 1802 г. «как учреждение Богу угодное и людям полезное». В ней осуществлялось бесплатное лечение людей всех сословий (кроме крепостных крестьян) без различия пола, звания и вероисповедания (Ленинский проспект, д. 8. Ныне — Городская клиническая больница № 1 им. Н.И.Пирогова).

Александровская больница — Имеется в виду Александровский институт, выстроенный в 1809—1811 гг. для Вдовьего дома архитектором И.Д.Жилярди, с больницей для бедных, возведенной чаяниями вдовствующей императрицы Марии Федоровны на Божедомке в 1803—1806 гг. по проекту архитектора А.А.Михайлова и Дж. Кваренги для оказания медицинской помощи сиротам, вдовам и прочим страждущим. Мариинская больница стала первым благотворительным лечебным заведением для неимущих (ул. Достоевского, д. 2. Ныне — Научно-исследовательский институт и кафедра пульмонологии Московской медицинской академии имени И.М.Сеченова).

Воспитательный дом — Приют для незаконнорожденных детей и детей неимущих, построенный в 1764—1770 гг. по проекту архитектора К.И.Бланка при участии М.Ф.Казакова (Москворецкая набережная, д. 1/15. Ныне — Российская академия медицинских наук).

С. 268.

Хорошево — деревня Московского у. Московской губ.

Готфрид Бульонский (Godefroi de Bouillon), Готфрид IV (1060—1100) — граф Бульонский, герцог Лотарингский, один из организаторов Первого крестового похода.

С. 270.

Простой земляной вал служит ему единственной защитой.— Имеется в виду Камер-Коллежский вал, насыпной вал длиной 37 км со рвом и 18 заставами, возведенный в 1742 г. Камер-коллегией Российской империи. С 1806 г.— официальная полицейская граница Москвы.

Петровско-Разумовское — село на севере Москвы. Московский пригород.

С. 272.

Арсенал был открыт, и всякого рода люди... выносили оттуда оружие...— К моменту вступления в Москву французов в московском Арсенале было оставлено более 66 тыс. единиц огнестрельного оружия (большей частью неисправного) и значительное количество оружия не-

учтенного. При подходе неприятеля часть москвичей, пришедших за ружьями, пыталась запереться в здании Арсенала, после чего Мюрат приказал открыть по Кремлю огонь из артиллерийских орудий и заставил всех спасаться бегством.

С. 273.

...адъютантов короля...— адъютантов маршала Мюрата, короля Неаполитанского.

Владимир — губернский город Российской империи. Расположен к северо-востоку от Москвы на р. Клязьме.

Казань — губернский город Российской империи.

Влево от нее находится огромное, широко раскинувшееся здание, которое мы принимали за монастырь.— Встав лагерем у Владимирского (Казанского) тракта, французские солдаты могли принять за монастырь одну из самых больших усадеб того времени — Горенки. Создание ее великолепного архитектурного ансамбля было связано с именем графа А. К. Разумовского. Господствующее место в усадьбе, выстроенной в конце XVIII в. по проекту английского архитектора А. А. Менеласа, занимал храм, возведенный в начале XVIII в., когда имением владел князь А. Г. Долгоруков.

С. 274.

...вдруг последовал взрыв такой ужасающей силы, что у всякого должна была явиться мысль, что это взорван склад снарядов, пороховой погреб...— После оставления Москвы русской армией на складах в разных частях города, помимо другого имущества, оставалось 20 тыс. пудов пороха, 27 тыс. артиллерийских снарядов, 1,6 млн ружейных патронов.

Штабс-ротмистр фон Рейнгардт (von Reingardt) — офицер 3-го Вюртембергского конно-егерского полка 2-й дивизии легкой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

С. 275.

...тех, кто стоял на Дунае...— Доктор Роос вспоминает события войны между Францией и Австрией, когда в мае 1809 г. войска Наполеона вступили в Вену.

С. 276.

...устроить помещение для моего генерала.— Капитан Кастеллан занимался поиском квартиры для генерала Жоржа Мутона (Mouton), графа Лобау (1770—1838), адъютанта Наполеона.

Русское правительство оставило своих полицейских для выполнения этой операции.— По распоряжению фельдмаршала М. И. Кутузова московский главнокомандующий Ф. В. Ростопчин организовал поджоги складов имущества, фуража и продовольствия, оставив для этой цели в Москве специально назначенных людей.

Кастеллан (de Castellane) Бонифаций де (1788—1862) — шевалье. В 1812 г. в чине капитана служил младшим адъютантом Наполеона. Мемуарист.

Маршал доложил императору... — Имеется в виду маршал Мюрат.

С. 277.

...раздалась команда: «Garde à vous!» (фр.) — «Берегись!»

Цезарис (Cesaris) — лейтенант полка фузилеров-гренадер 2-й дивизии пехоты Императорской гвардии Великой армии.

Нептун — в древнеримской мифологии бог водной стихии. Непременным атрибутом Нептуна являлся трезубец.

Тамбурмажор (фр. tambour-major) — старший полковой барабанщик, задававший специальной тростью-булавой определенный темп барабанного боя. Имел особую форму, расшитую галунами.

Трут — ветошь, кора, сухая трава или любой другой материал, воспламеняющийся от искры.

С. 278.

Бургонь (Bourgogne) Андриен Жан Батист Франсуа (1785—1867) — су-лейтенант. В 1812 г. в чине сержанта служил в полку фузилеров-гренадер 2-й дивизии пехоты Императорской гвардии. Мемуарист. Автор «Memoires du sergent Bourgogne (1812—1813)». Paris, 1896. В русском переводе с сокращениями: Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. Воспоминания сержанта Бургоня. СПб., 1898.

Число их, считая и тех обывателей, которые не решились бросить свои очаги, доходило все-таки тысяч до двадцати пяти.— К моменту вступления французской армии в Москву в городе осталось местного населения около 6 тыс. человек.

С. 280.

...мельчайшие топографические подробности доставлены были еще до начала войны нашим консулом Дорфланом.— Дорфлан (д'Орфлан, d'Orflans) Огюст, французский дипломат. Выслан из пределов России в июне 1812 г.

Китай-город — исторический район в центре Москвы к востоку от Кремля, где издавна была сконцентрирована торговая, коммерческая и банковская деятельность города.

Белый город — исторический район на левом берегу Москвы-реки, в пределах современного Бульварного кольца. Традиционное место расположения монастырей и дворянских городских усадеб.

Домерг (Domergue) — актриса, жена Армана Домерга, режиссера и управляющего Французским театром в Москве в 1805—1812 гг.

С. 281.

Паскаль (Pascal) — офицер 8-го конно-егерского полка 3-й дивизии легкой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Дофине — историческая область на юго-востоке Франции, большей частью в Альпах и в долине Роны.

Гоффер — Гофер (Хофер, Hofer) Андреас (1767—1810), трактирщик, руководитель восстания 1809 г. тирольских крестьян против

французских и баварских оккупантов, начавшегося после отторжения Наполеоном Тироля от Австрии и передачи его Баварии.

Бастьен (Bastiene) — денщик лейтенанта Комба.

С. 282.

...большие ворота, оба створа которых были широко раскрыты...— Речь идет о воротах на границе Земляного вала, проходившего по линии нынешнего Садового кольца.

... на Новом мосту в Париже...— Имеется в виду арочный мост, соединяющий набережную Лувра на правом берегу Сены с улицей Гран-Августине на левом ее берегу и пересекающий западную оконечность острова Сите. Построенный в 1607 г., он считался одним из самых широких и красивых в Париже. В начале XIX в. Новый мост был излюбленным местом прогулок парижан, покупавших цветы и фрукты у уличных торговцев.

С. 283.

Майор Шопен (Cheaupaine) — французский офицер-артиллерист.

Канонир (нем. kanonier) — рядовой артиллерист.

С. 284.

Château-margaux, Médoc, Sauterne (фр.) — сорта французских вин «Шато-Марго», «Медок», «Сотерн».

...фронтиньянское вино...— белое вино, получаемое из выращиваемого в Южной Франции винограда мускатных сортов.

С. 285.

Бордо — зд.: сорт французского вина.

Малага — зд.: сорт испанского вина.

С. 286.

...казаки, постоянно видевшие неаполитанского короля...— По условиям перемирия, заключенного в устной форме начальником русского арьергарда генералом Милорадовичем с маршалом Мюратом, французские войска немного приостановили свое движение, так чтобы русские могли без помех покинуть город. Таким образом завоеватели вступали в Москву сразу же вслед за отступающими русскими частями. Подчас отряды обеих армий двигались вперемешку. Возглавлявший французский авангард Мюрат вызывал любопытство и восхищение русских солдат и казаков своим ярким и необычным нарядом. Мюрат воспринимал одобрительные возгласы казаков в свой адрес как выражение восхищения и почтения.

Гурго (Gourgaud) Гаспар (1783—1852) — барон, генерал-лейтенант. В 1812 г. в чине капитана служил офицером для поручений при Наполеоне. Мемуарист.

Московская застава — Речь идет о Дорогомиловской заставе.

Ростопчин (Растопчин) Федор Васильевич (1763 или 1765—1826) — граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1812 г. мо-

сковский военный генерал-губернатор и главнокомандующий в Москве. Писатель. Мемуарист.

Город был совершенно пуст, не считая 2000—3000 колодников.— Среди оставшихся в Москве после ухода русской армии были и жители города, и иностранцы, и какое-то количество заключенных московских тюремных замков. Основная масса «колодников» была эвакуирована в Нижний Новгород.

Дорогомилово — исторический район на западе Москвы, заселенный в начале XIX в. мелкими торговцами, ремесленниками и прочими представителями низших сословий. Слабо застроенная окраина города, изобилующая лугами, рощами, природными водоемами.

...устроил свою Главную квартиру в прекрасном деревянном доме.— По некоторым сведениям, Наполеон переночевал в построенном в конце XVIII в. деревянном доме, принадлежавшем дорогомиловскому торговцу (Малая Дорогомиловская ул., д.47. Дом снесен в 2004 г.).

С. 287.

...мы знали, что с некоторых пор были приготовлены горючие вещества и воспламеняющиеся снаряды одним химиком, про которого говорили, что он немец... Этот субъект ... скрывался в усадьбе Вороново, недалеко от Москвы, под покровительством губернатора Ростопчина.— Боссе имеет в виду работу немецкого изобретателя Франца Леппиха (1775—?), который весной 1812 г. с согласия Александра I устроил в подмосковной усадьбе княгини А.Н. Волконской «Воронцово» секретную мастерскую, якобы для изготовления боеприпасов. На самом деле Леппих трудился над изготовлением «летучей машины» — воздушного шара, способного поднять в воздух 40 человек и более 300 пудов груза. Шар предполагалось использовать для уничтожения с воздуха наполеоновской армии. Для производства работ было закуплено около 3,5 тыс. метров специальной ткани, огромное количество серной кислоты, веревок и проч. Однако изобретатель не успел закончить постройку аппарата к намеченному сроку. Позже свои опыты с шаром Леппих продолжил под Петербургом, но успехов не достиг. В конце концов, его проект был признан невыполнимым, а сам изобретатель в начале 1814 г. уехал в Германию. Его эксперименты обошлись казне более чем в 200 тыс. рублей.

Делаборд (Delaborde) Анри Франсуа (1764—1833) — барон, дивизионный генерал. В 1812 г. командир 1-й гвардейской дивизии пехоты Великой армии. С конца сентября эта дивизия несла караульную службу в Москве.

...были полны маленькими адскими машинами...— зд.: зажигательными снарядами.

Жоанн (Жуан, Jouan) — помощник хирурга, служил при Главной императорской квартире.

Дворец Ростопчина — Городскую усадьбу военного градоначальника Москвы Ф.В. Ростопчина отличал богатый декор фасада, харак-

терный для стиля барокко, что в глазах мемуариста придавало ей дворцовую пышность (Большая Лубянка, д.14).

...большинство их, оказывается, служили для ночлега многочисленных рабов русских вельмож.— В усадьбах московского дворянства дворовые люди проживали в помещениях служб, а домашняя прислуга — в сенях или комнатах, прилежавших к покоям хозяев. По всей вероятности, доктор Жоанн обнаружил в «трубах и печах» спрятавшуюся прислугу, не успевшую покинуть дом до вторжения в него французов.

С. 288.

...графом Филиппом — Имеется в виду Луи Филипп, граф де Сегюр.

С. 289.

...они увезли с собой все пожарные трубы...— Накануне вступления французов в Москву, по распоряжению Ф. В. Ростопчина, из Москвы были вывезены 96 пожарных насосов и эвакуировано более 2 тыс. человек пожарных.

...в ней было 300 000 населения...— На 1 января 1812 г. население Москвы составляло более 275 тыс. человек.

Пашковский дворец — Дом на старом Ваганьковском холме был выстроен в 1784—1786 гг. архитектором В.И. Баженовым для московского богача гвардии поручика П.Е. Пашкова (1721—1790). Современники называли его «изящнейшим зданием в России». После пожара 1812 г. здание подверглось значительным переделкам (Моховая ул., д. 20. Ныне — Российская государственная библиотека).

...жалкое помещение для государя, такого могущественного, как самодержец России.— Боссе говорит о не дошедшем до наших дней строении теремного типа, где в молодости жил Петр I со своей семьей. У этих хором, стоявших рядом с Теремным дворцом, первый этаж был каменный, а верхняя часть — деревянная.

...в глубине этой площади налево есть большая лестница. Она... называется «красной лестницей» и ведет на широкую, очень обыкновенную площадку (крыльцо)...— Автор имеет в виду Красное крыльцо, примыкающее к Святым сеням Приемного зала Грановитой палаты, выстроенной в 1487—1491 гг. итальянскими мастерами М. Фрязиным и П.-А. Солари.

С. 290.

...налево виден дворец Петра I...— Боссе говорит о Теремном дворце, замечательном памятнике русской архитектуры, выстроенном в 1635—1636 гг. русскими зодчими Б. Огурцовым, А. Константиновым, Т. Шарутиным и Л. Ушаковым. Нижние этажи дворца сохранили части более древней планировки. В Теремном дворце на царской половине существовали Передняя (проходные сени), Крестовая палата (гостиная), Престольная палата (парадный кабинет), Опочивальня (спальня) и Мольельня. Стены помещений покрывала фресковая живопись.

Арсенал современной постройки, начатой при Петре Великом и конченный его преемниками...— Арсенал, расположенный в северо-западной части Кремля между Троицкой и Никольской башнями, был заложен по указу Петра I в 1701 г. Затем возведение здания несколько раз приостанавливалось по причине недостатка казенных средств. В 1737 г. Арсенал частично сгорел. Был восстановлен инженером А. Герардом в 1787 г.

С. 291.

...нечто вроде национальной гвардии...— Возможно, автор имеет в виду чинов московской полиции, оставшихся в городе после ухода русской армии.

Король продолжал свой путь, окруженный казацкими генералами...— В русском арьергарде «казацких генералов» не было, а тем более «атамана», которого Дедем тут же называет «офицером».

Он пожелал получить какие-нибудь знаки отличия от короля. Его Величество подал ему прекрасные часы, говоря, что он надеется впоследствии предложить ему что-нибудь более приятное: он говорил о своем ордене, которого желал, как ему казалось, русский офицер.— Русский офицер не мог «желать» ордена враждующей стороны, ибо любые иностранные ордена носились только с высочайшего разрешения.

Дери (Dery) Пьер Сезар (1768—1812) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. адъютант маршала Мюрата. Убит в Тарутинском сражении.

Когда мы подошли к Владимирским воротам...— Имеются в виду Владимирские (ранее — Никольские) ворота Китайгородской стены, названные так по имени стоявшей за ними церкви иконы Владимирской Божией Матери. Через них можно было попасть с Никольской улицы на Лубянскую площадь.

С. 292.

Калужские ворота — проездные ворота Земляного города, за которыми начиналась старая Калужская дорога.

Росток — город-порт в германском герцогстве Мекленбург-Шверин.

Висмар — столица германского герцогства Саксен-Веймар и Эйзенах.

С. 293.

...сгорел так же, как и дом генерала Дурасова...— Имеется в виду дом бригадира А. Н. Дурасова на Покровском бульваре, выстроенный в 1801 г. одним из архитекторов школы М. Ф. Казакова. Впоследствии был перестроен. (Покровский бульвар, д. 11. Ныне — Государственный университет (Высшая школа экономики).

...в городе осталось более 1000 человек поджигателей...— Совершенно неожиданно для французов Москва, где они собирались восстановить силы и переждать зиму, превратилась в море огня. Командо-

вание Великой армии на первых порах предпринимало меры по тушению пожара и поиску злоумышленников, среди которых обнаруживались не только русские поджигатели, но и наполеоновские солдаты. Известен случай, когда в один из дней к смертной казни были приговорены 18 человек, из которых 7 оказались французами.

Главное бюро французской лотереи в Париже — С 1776 г. лотерея во Франции имела государственный статус.

С. 295.

Другое ... здание принадлежало князю Барятинскому.— Главный дом в городской усадьбе князей Барятинских, выстроенный в конце XVIII в. В дни пребывания французов в Москве усадьба была разграблена и сожжена. В 1815—1817 гг. другой землевладелец, А. П. Хрущев, выстроил на ее месте дом по проекту архитектора А. Г. Григорьева (Хрущевский переулок, д. 12/2. Ныне — Государственный музей А. С. Пушкина).

Дюронель (Durosnel) Антуан Жан Огюст Анри (1771—1849) — граф, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 6-й бригадой гвардейской кавалерии Великой армии (Легион элитных жандармов). В середине сентября назначен военным комендантом Москвы и Кремля.

Он навестил генерала Пансоля...— Имеется в виду генерал Пажоль.

С. 296.

...генерал согласился — генерал Пажоль.

...из штаба принца Ваграмского.— Речь идет о маршале Л. А. Бертье, князе Ваграмском.

С. 297.

...отель охвачен пламенем...— зд.: особняк охвачен пламенем. Французы традиционно называют частные дома и особняки отелями.

С. 298.

Био (Biot) Юбер Франсуа (1778—1842) — полковник. В 1812 г. в чине капитана служил адъютантом генерала Пажоля. Мемуарист.

Часть II

ПОЖАР МОСКВЫ

С. 302.

Фоссен (Vossen) Вильгельм Антон (1784—1860) — лейтенант французской службы. В 1812 г. в чине сержанта служил в 3-м линейном полку 5-й дивизии пехоты 1-го армейского корпуса Великой армии. Немец по происхождению. Мемуарист.

...за губернаторским домом...— Имеется в виду дом московского генерал-губернатора на Тверской улице.

С. 303.

... на Губернаторскую площадь — на Тверскую площадь.

С. 305.

Брут (Brutus) Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, сенатор, организатор заговора против Гая Юлия Цезаря.

Жанна (Иоанна) д'Арк (Jeanne d'Arc) (ок. 1412—1431) — национальная героиня Франции, организатор народного ополчения во времена Столетней войны (1357—1453).

С. 306.

Много схваченных на месте преступления поджигателей было представлено на суд Особой военной комиссии...— Из 26 поджигателей, преданных суду Особой военной комиссии, 10 были приговорены к смертной казни и 16 — к тюремному заключению. См: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 2. СПб., 1839. С. 406.

С. 307.

Солдаты совсем не грабили, пока не убедились, что поджигают сами русские. Разве можно назвать преступлением то, что они захватывают вещи, никому больше не нужные...— Автор пытается оправдать тотальный грабеж, фактически разрешенный командованием наполеоновской армии.

Управа благочиния — орган городского полицейского управления, учрежденный в 1782 г. и просуществовавший в Москве до 1881 г.

С. 308.

...огонь овладел частью Мясницкой, Красными Воротами, Лесной площадью, Новой и Старой Басманной и всей Немецкой слободой.— Стоявшая несколько дней сухая и ветреная погода способствовала распространению огня. Кроме того, 3(15) сентября в Москву пробился казачий отряд, который поджег деревянный Москворецкий мост. Огонь перекинулся на дома Замоскворечья и на районы Балчуга, охватил Таганку, Немецкую слободу и другие местности в северо-восточной части Москвы.

...к Петровскому дворцу, где находился император.— Наполеон, покинувший из-за пожара Москву, прибыл со своим штабом в Петровский дворец 4(16) сентября и оставался там 4 дня.

... в Запасном дворце у Красных Ворот...— Запасной дворец был построен в 1753 г. для хранения дворцовых запасов хлеба и другого провианта. В нем также находилась Главная контора Дворцовой канцелярии. В период московского пожара это здание с толстыми каменными стенами и вместительными большими подвалами стало убежищем для пострадавших от огня москвичей.

Дворец Разумовского — великолепный главный дом городской усадьбы графов Разумовских, отстроенной на Гороховом поле в 1801—1803 гг. архитектором А. А. Менеласом (ул. Казакова, д.19—20. Ныне— Российская академия художеств).

Там было более 20 000 тяжелобольных и раненых.— В Москве после ухода русской армии осталось, не считая больных, по разным данным, от 2 тыс. до 10 тыс. раненых.

С. 309.

... истребляя низкую часть Петровки и уничтожая все магазины... по Кузнецкому Мосту, доходя до Лубянки.— Пожар в центральной части Москвы был настолько сильным, что Наполеон вынужден был добираться из Кремля в Петровский дворец кружным путем.

Петровская застава — Речь идет о Тверской заставе.

С. 310.

...он сказал графу Лабому...— Капитан Лабом, служивший в штабе 4-го армейского корпуса, не был графом. Автор имеет в виду адъютанта Наполеона, помощника начальника генерального штаба по пехоте дивизионного генерала Жоржа Мутона, графа Лобау.

С. 311.

Желтый дворец (Palais Jaune) Екатерины — Слободской дворец, расположенный на берегу р. Яузы в Немецкой слободе. Во времена Елизаветы Петровны земля в этой части Москвы принадлежала графу А.П. Бестужеву-Рюмину, который выстроил замечательный Желтый дворец, где останавливалась государыня, если приезжала в Первопрестольную. В 1764 г. Екатерина II купила в казну это владение графа Бестужева-Рюмина, а в 1787 г. пожаловала его графу А.А. Безбородко. Тот перестроил дом, удостоившись восхищения современников. В 1797 г. дворец вновь был приобретен казной. Тогда же он получил название Слободского и вновь был перестроен, причем Желтый дворец стал частью дворцового ансамбля.

Этот дом принадлежит графу Каменскому...— дом генерал-фельдмаршала графа М.Ф. Каменского (1738—1809) (Зубовский бульвар, д.21).

С. 312.

Себастиани де ла Порта (Sebastiani de la Porta) Жан Андре Тибурций (1786—1871) — французский генерал-лейтенант. В 1812 г. в

чине капитана служил в 11-м конно-егерском полку 2-й дивизии легкой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Брат дивизионного генерала Ораса Себастиани.

С. 313.

...русское правительство боялось, зная хитрость нашего вождя, как бы это самое население, далекое от возмущения против нас, не послужило бы орудием для выполнения наших планов.— Превращать население Москвы в «орудие» для выполнения собственных планов Наполеон не стал бы по тем же причинам, по которым он отказался от предложений отменить крепостное право на завоеванных территориях: из опасения стихийного, неуправляемого бунта.

С. 314.

...высокие шапки... баскаков...— Очевидно, автор имеет в виду башкир, перепутав их название с названием сборщиков дани времен монголо-татарского нашествия.

С. 315.

...в городе уцелела только десятая часть домов.— После пожара в Москве уцелела четверть домов.

Церкви, менее пострадавшие, чем другие здания...— Из 392 церквей в Москве сгорели 122.

С. 317.

...пожары, истребившие на моих глазах часть Константинополя и Смирны...— Барон Дедем, будучи сыном дипломата, детские годы провел в Константинополе и в городах Греции, Египта и Малой Азии. Ему доводилось не раз видеть городские пожары, которые уничтожали целые городские кварталы.

С. 318.

...представлял себе Трою в роковую ночь, так высокохудожественно описанную Вергилием.— Древний город на северо-западе Малой Азии, Троя, был разрушен греками во время Троянской войны (1194—1184 до н. э.), что дало древнеримскому поэту Публию Маро Вергилию (Vergilius) (70—19 до н. э.) сюжет для поэмы «Энеида».

...сожжение ее не имело и не могло иметь никакого влияния на участь армии.— Пожар Москвы сделал невозможным нормальное расквартирование французских войск. Постоянная нехватка продовольствия и медикаментов, ставшее обыденностью мародерство неизбежно подрывали моральный дух Великой армии, снижали ее боеспособность.

С. 320.

...удивленные появлением французов, они бросились на колени, скрестив руки на груди, моля о пощаде; наши, увидав, что они ранены, оказали им помощь и подали воды; сами они были не в силах принести себе напиться, так тяжки были их раны...— Желание сержанта Бургоня показать великодушие французских солдат так велико, что ему изменяет логика: раненые, неспособные подать друг другу во-

ды, вряд ли могли «бросаться на колени, скрестив руки на груди», т. е. молитвенно сложив руки.

...с нами не было сабель.— Ранее сержант Бургонь писал, что он отправился мародерствовать во главе десяти солдат, «вооруженных саблями».

С. 321.

Бретонец — уроженец провинции Бретань на северо-западе Франции.

С. 323.

Летний дворец императрицы — одно из дворцовых строений в Лефортове.

Келлерман (Kellermann) Франсуа Этьен (1770—1835) — граф, дивизионный генерал. В походе в Россию из-за болезни не участвовал.

Тюильрийский дворец — дворец Тюильри в Париже, резиденция французских королей.

С. 324.

...около Биржи... — у Гостиного Двора.

Я послал предупредить маршала...— Речь идет о маршале Лефевре.

С. 326.

17-го ветер переменил направление.., тогда император выехал из Москвы.— Наполеон покинул Кремль и переехал в Петровский дворец 4(16) сентября.

С. 327.

...в уцелевшем доме секретаря Нелединского-Мелецкого.— Речь идет о владении аристократа Ю.А. Нелединского-Мелецкого (1752—1829), военного, дипломата, поэта (Б. Златоустьинский пер., д. 4. Дом не сохранился).

21-го прекратился пожар... Император вернулся в Кремль.— Наполеон вернулся в Кремль из Петровского дворца 8(20) сентября.

С. 328.

Бахус — в древнеримской мифологии бог виноделия, вина и веселья.

С. 329.

Лакур (Reinaud de Boulogne Lascours) Луи Жозеф Элизабет Фореюне Рейно де Булонь — адъютант генерала Себастиани.

...у того русского буржуа...— зд.: горожанина.

Дампьер (Dampierre) — капитан, состоявший при штабе 4-го армейского корпуса.

С. 331.

Генерал Дюронель, губернатор города.., просил меня и Савиньяка...— Дюронель исполнял обязанности военного коменданта Кремля и Москвы.

Савиньяк (Саваньяк, Savagniac) — капитан, младший адъютант Наполеона.

...остановились на дворце князя Голицына.— По всей вероятности, речь идет о главном доме городской усадьбы князей Голицыных на Волхонке (Волхонка, д. 14. Ныне — Институт философии РАН).

Мальи-Нель (Майи-Нель, de Mailly) Адриан Огюстен Амальрик де (1792—?) — граф, су-лейтенант, прикомандированный к адъютанту Наполеона генералу Дюронелю. Мемуарист.

С. 333.

Наш квартал был уединенный...— Актриса Французского театра Л. Фюзиль жила на Старой Басманной улице.

Г-жа Вандрамини (Vendramini) — г-жа Вендрамини, жена гравера Франческо Вендрамини.

Ториак (Toriak) — французский эмигрант, бывший офицер Королевской гвардии, бежавший от событий Французской революции и обосновавшийся в Москве.

Вандрамини — Вендрамини (Vendramini) Франческо (1780—1856), итальянский гравер резцом и пунктирной манерой. Работал в Петербурге и Москве. Академией художеств был избран в число назначенных к баллотировке в академики. В 1812 г. жил в Москве, где готовил работу к конкурсу. В 1813 г. вновь просил дать ему «программу к конкурсу», так как «в бытность его в Москве в 1812 году от пожара потерял он всю свою собственность и доску, над которою трудился на звание академика». Впоследствии создал «Галерею генералов 1812 года» (1813—1821) из 30 гравированных портретов, ряд гравюр на тему Отечественной войны 1812 г. и множество портретов высших сановников, знаменитых литераторов, представителей театрального мира.

С. 334.

...дом князя Трубецкого на Покровке...— Имеется в виду дом князя Д. Ю. Трубецкого, строительство которого завершилось в 1775 г. (ул. Покровка, д. 22).

С. 335.

Я отправилась к губернатору...— Речь идет о маршале Мортье, военном губернаторе Москвы.

С. 336.

Красные Ворота — зд.: триумфальная арка, воздвигнутая в 1753 г. архитектором Д.В. Ухтомским и внешне в точности повторявшая деревянную арку, установленную по повелению Елизаветы в ознаменование ее коронации 1742 г. В Земляном валу в районе Басманной слободы в начале XVIII в. были Проломные ворота, а в 1709 г. по приказанию Петра I была возведена деревянная триумфальная арка в честь победы русских войск над шведами под Полтавой. Это было первое сооружение подобного рода в России. Последующие монархи арку слегка переделывали, придавали пышность ее декору. Арка была снесена при расширении Садового кольца в 1928 г.

Большой театр — Имеется в виду старый Петровский театр, выстроенный в 1806 г. архитектором X. Розбергом в центре Москвы в пу-

стынной местности на берегу реки Неглинки. Каменное трехэтажное здание своим главным фасадом было обращено на улицу Петровку, отчего театр получил свое название. Современное здание Большого театра построено на том же месте в 1825 г. по проекту архитектора О. И. Бове.

С. 339.

...с полковником, который заведовал этим кварталом...— В целях поддержания порядка в городе комендантом Кремля и Москвы А. Дюронелем были назначены начальники городских кварталов.

Зигар (Зикар, Sicard) Жозеф Виторэн — полковник, командир 5-го полка вольтижеров 1-й дивизии пехоты Императорской гвардии.

Фюзи — Фюзиль (Fusil) Луиза Лиар (1771—1848), актриса, первоначально выступавшая в Париже на сцене репертуарного театра «Комеди Франсез», исполняла танцевальные и вокальные партии, гастролировала по Франции и в Бельгии. В 1806 г. приехала в Россию, где выступала в Петербурге и Москве в составе труппы Авроры Бюрсе. В 1812 г. после ухода французов из Москвы была выслана из России и вернулась во Францию. Мемуаристка.

С. 340.

Ривиер (Rivier) — офицер резервной артиллерии Императорской гвардии.

С. 342.

Генерал сказал мне...— получивший к этому времени чин су-лейтенанта Куанье служил при начальнике Генерального штаба генерале Байи де Монтионе.

...на 12 кувертов...— на 12 персон. Куверт (фр. couvert) — столовый прибор.

С. 345.

...гвардия заняла уцелевшие дома французского квартала...— Дома вблизи католической церкви Св. Людовика в районе Малой Лубянки.

Москва стала для нашего войска второй Капуей.— В 1799 г. французский генерал Жан Этьен Шампионне (Championnet, настоящая фамилия Вашье, Vachier) (1762—1800) захватил Капую на юге Италии, но через полгода вынужден был сдать город английскому адмиралу Горацио Нельсону (1758—1805).

С. 346.

Граф Тюренн (de Turenne) Анри Амеде Меркюр де — камергер императорского двора, обер-гардеробмейстер Наполеона.

С. 347.

Мы провели в Петровском два дня...— Наполеон и его свита провели в Петровском дворце четыре дня.

Нормандия — область на севере Франции.

С. 348.

...под деревянные мостницы — деревянные половицы.

Лелорнье д'Идовиль — Лелорнь д'Идевиль (Lelorgne d'Ideville) Элизавет Луи Франсуа (1780—1852) — барон, дипломат и разведчик. В 1812 г., будучи аудитором 1-го класса Государственного совета, служил секретарем-переводчиком Наполеона. По должности занимался опросом пленных и местных жителей, изучал трофейные документы, готовил агентов для отправки в русский тыл.

С. 349.

«Московские ведомости» — основанная и издаваемая Московским университетом газета, которая выходила в Москве в 1756—1917 гг. Носила официальный характер, печатала указы, придворные известия, сообщения с театров войны, внутреннюю хронику и объявления. В 1812 г. выходила 2 раза в неделю.

...приказ... по поводу некоего Верещагина...— Речь идет о деле московского мещанина М. Н. Верещагина, обвиненного в шпионаже в пользу Франции. Утром 2(14) сентября, в день вступления французов в Москву, Ростопчин приказал привезти Верещагина к генерал-губернаторскому дому и отдал его на растерзание собравшейся на площади толпе.

Лессепс (Lesseps) Жан Батист Бартелеми (1766—1834) — барон, дипломат. В 1812 г. был назначен гражданским интендантом, т. е. гражданским губернатором, Москвы и Московской губ.

С. 350.

...много говорили о сельском ополчении, организованном русским правительством.— Согласно «Манифесту о сборе внутри государства земского ополчения», изданного императором Александром Павловичем 6 (18) июля 1812 г., в 16 губерниях России создавались временные воинские формирования из крестьян, мещан и дворян. Хотя ополченцы участвовали и в Бородинском, и в других важных сражениях, французы не воспринимали их как серьезную военную силу.

Мундиром им служит кусок кожи в форме буквы «А», а на шапках у них нашиты греческие кресты.— Ратники-ополченцы были обмундированы в кафтаны серого крестьянского сукна, шаровары, полушубок и сапоги. Им полагалась амуниция черной кожи. Отличительным знаком ополченцев был латунный крест и вензель императора на головном уборе.

Солянка — улица в восточной части центра Москвы; район Москвы вокруг улицы Солянка.

Яуза — река, левый приток р. Москвы.

Дом Баташева — дом горнозаводчиков А.Р. и И.Р. Баташевых у Яузских ворот, выстроенный в 1798—1802 гг. архитекторами Р. Р. Казаковым и М. И. Кисельниковым. Его занял маршал Мюрат, что спасло дом от пожара (Яузская ул., д.9—11. Ныне — Городская клиническая больница № 23 им. Медсантруда).

Покровка — улица, фактически являвшаяся продолжением Ильинки и тянущаяся до Земляного вала.

Арбатская улица (Арбат) — улица к западу от центра Москвы.

Смоленская застава — одна из 18 застав Камер-Коллежского вала, официальной границы Москвы того времени. Находилась в западной части Москвы.

С. 351.

...пожар начался внезапно позади комиссариата...— Комиссариат (Кригс-комиссариат, Генеральный Кригс-комиссариат) — учреждение, ведавшее снабжением армии. Трехэтажное здание Кригс-комиссариата и примыкающих к нему двухэтажных складов для военной амуниции было построено в 1778—1780 гг. архитектором Н. Н. Леграном на правом берегу Москвы-реки, набережная которой в этом месте получила название Комиссариатской (Космодамианская наб., д. 26).

Земляной город — историческая часть Москвы между современными Садовым и Бульварным кольцом. Название получил по Земляному валу — оборонительному сооружению, возведенному в конце XVI в.

Пречистенка — улица на юго-западе центра Москвы.

С. 352.

Воронцово Поле — улица на востоке центра Москвы.

Попы, будочники, агенты полиции, наконец, несколько дворян... руководили шайками...— Напуганные пожаром французы в любом русском готовы были видеть поджигателя.

Тверской бульвар — часть Бульварного кольца в северо-западной части центра Москвы. Первый московский бульвар, обустроенный в 1796 г. Место прогулок московской аристократии.

С. 353.

Прокламации Ростопчина — ростопчинские «афишки», информационно-публицистические бюллетени, выпускавшиеся в Москве в июле — декабре 1812 г. (за исключением сентября — октября) по инициативе Ф.В. Ростопчина. Афишки вывешивались в людных местах и разносились по домам знати. Их целью было поднятие духа жителей Москвы перед лицом неприятеля.

С. 355.

Домерг (Domergue) Арман — французский актер, постановщик. В 1805 г. был приглашен в Россию для организации спектаклей Французского театра на императорской сцене в Москве. Находясь в России, вел разведывательную деятельность в пользу Франции. В 1812 г. был выслан из Москвы в Нижний Новгород. Мемуарист.

Очень оживленная, очень упорная полемика завязалась по этому поводу между русскими и французскими писателями...— Барон де Бургоэн указывает на обсуждение вопроса «Кто сжег Москву?», которое развернулось на страницах французской и русской периодической печати буквально сразу же после окончания военных действий. В дальнейшем материалы полемики оппоненты использовали при написа-

нии мемуаров, высказывая при этом свою точку зрения по данному поводу.

С. 356.

...как нужно обращаться с огромными шведскими печами...— Такие печи отопления в России называли голландскими.

С. 357.

Бургонь — Имеется в виду Шарль Поль Амабль де (1791—1864) — барон, офицер 5-го полка вольтижеров 1-й дивизии пехоты Императорской гвардии. Мемуарист.

С. 361.

Грабеж продолжался 24 часа.— Французские солдаты мародерствовали все дни пребывания их армии в Москве.

С. 362.

...когда же...герцог Тревизский взорвал Кремль...— В ночь на 11(23) октября покидающие Москву последние части французской армии по приказу маршала Мортье, герцога Тревизского, повредили взрывами Никольскую, Угловую Арсенальную, Боровицкую, Водовзводную и 1-ю Безымянную башни Кремля. Башни были восстановлены в 1816—1819 гг.

С. 363.

Тамерлан (Тимур) (1336—1405) — эмир Самарканда. Ведя завоевательные войны в Восточном Туркестане, Хорезме, Хорасане, Восточной Персии, Ираке, Фарсе, Месопотамии и Средней Азии, создал огромную и могущественную империю.

Корелин Михаил Сергеевич (1855—1899) — историк-медиевист, профессор Московского университета. Был постоянным автором журнала «Русская мысль», выступая на его страницах со статьями на исторические темы.

«Русская мысль» — научный, литературный и политический журнал, издававшийся в Москве в 1880—1918 гг.

С. 363—364.

Завтрак a la fourchette — легкий завтрак; завтрак, где каждый, подойдя к сервировочному столу, с помощью вилки накладывает себе на тарелку то, что ему больше нравится (от фр. fourchette — вилка).

Аршин — русская мера длины, равная 71,12 см.

Кутейль (Couteille) — офицер, прикомандированный к комендатуре генерала Дюронеля, полковник.

С. 365.

Префект (латин. praefectus) — должностное лицо, возглавляющее отдельную часть администрации, суда или хозяйства.

Придворный комиссар — чиновник, ведавший снабжением двора императора Наполеона.

С. 366.

Метресса (фр. maitresse) — зд.: любовница.

С. 367.

Дюма (Dumas) Матье (1753—1837) — граф, дивизионный генерал, военный писатель, мемуарист. В 1812 г. генерал-интендант Великой армии.

ПОЖАРЫ И ГРАБЕЖИ

С. 368.

...в Праге...— предместье Варшавы.

С. 370.

...в поместье князя Репнина, расположенном в шести верстах от города, было выстроено что-то наподобие арсенала...— Эксперименты по испытанию действия взрывчатых веществ, а также опыты, направленные на создание «аэростата», велись в подмосковной усадьбе княгини А.Н. Волконской «Воронцово».

Конгревовы ракеты — зажигательные ракеты, изобретенные английским инженером и артиллеристом Вильямом Конгревом (Congreve) (1772—1828).

...винный магазин...— Так аббат Сюрюг называет казенный винный склад, который был подожжен по распоряжению Ф. В. Ростопчина.

Сюрюг (Surugue) Адриен (1752—1812) — аббат, в 1807—1812 гг. настоятель католической церкви Св. Людовика на Малой Лубянке, духовный пастырь французской колонии в Москве. По национальности француз. Доктор богословия. Мемуарист.

3-го, во вторник...— 15 сентября по новому стилю.

С. 371.

Никитская — Большая Никитская, улица на западе центра Москвы.

С. 372.

Моховая — улица в центре Москвы.

Красный дворец у Красных Ворот — Имеется в виду Запасный дворец у Красных Ворот.

...со Сретенки на все Мещанские...— Сретенка, 1-я, 2-я, 3-я и 4-я Мещанские — улицы к северу от центра Москвы.

Труба — Трубная площадь на севере центра Москвы.

Дровяной рынок — Имеется в виду Дровяная площадь в районе Таганки с прилегавшими к ней переулками, где в XIX в. производилась торговля дровами.

С. 373.

Лубянка — площадь на севере центра Москвы. Во время пожара прилегающие к ней кварталы пострадали меньше других.

...рота стрелков новой Императорской гвардии...— Речь идет о роте стрелков Молодой гвардии.

Рождественка — короткая улица в центре Москвы, по левой стороне которой были расположены огороды Рождественского женского монастыря, а правая только начала застраиваться небольшими домами.

Маросейка — улица в центре Москвы, начинавшаяся от Ильинских ворот Китайгородской стены и шедшая до Покровских ворот, где начиналась Покровка. Дома в районе Маросейки пожар 1812 г. пощадил.

Гороховое поле — местность и улица в центре Москвы, идущая от Земляного вала до Токмакова переулка. В пожаре 1812 г. сильно пострадали деревянные дома в окрестных кварталах.

Демидовская улица, которая вела в Летний сад. — Аббат Сюрюг имеет в виду улицу, на которой находилась усадьба горнозаводчиков Демидовых с жилыми строениями и «обширными итальянскими и английскими садами с фруктовыми деревьями», прудами, клумбами, беседками, аллеями, вдоль которых были выставлены тропические деревья в кадках и античные статуи.

С. 374.

Тутолмин Иван Васильевич (1751—1815) — директор московского Воспитательного дома.

...не желает ли он сделать доклад Ее Императорскому Величеству государыне императрице...— Речь идет о вдовствующей императрице Марии Федоровне (1759—1828). После смерти мужа, императора Всероссийского Павла I (1796—1801), занималась благотворительностью.

Мильо (Мило, Milhaud) Эдуард Жан Батист (1766—1833) — граф, дивизионный генерал. С 1 (13) июля состоял при Главной квартире Великой армии.

...выбрать муниципалитет и упорядочить полицию...— Муниципалитет был собран из оставшихся в Москве жителей; в него вошли купцы, чиновники и иностранцы. Члены муниципалитета должны были в первую очередь заниматься обеспечением французской армии продовольствием и жильем. Деятельность городской администрации осталась безрезультатной.

...приказал собрать все остатки французской труппы...— Собранная по приказу Наполеона труппа давала спектакли в частном театре П.А. Позднякова на Большой Никитской улице. Всего было дано 11 представлений. После ухода французов из Москвы актеры французской труппы последовали за Великой армией, и многие из них погибли во время отступления от тягот пути и болезней.

С. 375.

Бонапарт, который из окон Кремля мог следить за всем ходом пожара...— Шевалье Изарн де Вильфор, бежавший в Россию от событий Французской революции 1789—1794 гг., в своих воспоминаниях

упорно называет императора Наполеона I по фамилии, Бонапартом, видя в нем лишь узурпатора власти.

*...просил от его имени г-жу О*** явиться к нему...*— Имеется в виду француженка, владелица магазина модного платья в Глинищевском переулке, Мари Роз Обер-Шальме.

...в своем лагерном костюме.— зд.: в своем обычном платье, не сменив наряда.

...он сказал ей: «Вы очень несчастливы, как я слышал?» — Муж М. Р. Обер-Шальме, Никола Обер, был выслан в Нижний Новгород накануне вторжения Великой армии в Москву. Ее магазин был разграблен, а дом пострадал от огня.

С. 376.

Изарн де Вильфор (Ysarne) Франсуа Жозеф (1763—1840) — шевалье. Французский эмигрант, коммерсант, московский домовладелец. Мемуарист.

Выморозки — При сильном охлаждении вина водные частицы в нем превращаются в лед, а винная, крепкая часть, т. е. выморозки, остается в жидком состоянии.

С. 376—377.

...лакомился ... цимлянским, которое приняли сперва за шампанское.— Французы пили игристое донское вино, полученное из винограда, выращенного в долине в окрестностях станицы Цимлянская.

С. 380.

Французскую колонию, оставшуюся без средств, поместили в здании медицинской школы.— Речь идет о здании Медико-хирургической академии.

...заняли места муниципальных служащих, чем навлекли на себя злобу со стороны русских властей.— В конце 1812 г. в Москве была создана «Комиссия для исследования поведения некоторых из числа тамошних жителей и поступков их во время занятия столицы неприятелем». Среди 103 человек, привлеченных к следствию, были «российские подданные иностранного происхождения», принимавшие участие в деятельности московского муниципалитета (Бушо, Виллерс, Дюлон, Паланж, Прево, Реми). Все они были лишены гражданских прав и сосланы на поселение в Сибирь.

Перевязь на руке служила знаком их служебного положения.— Члены муниципалитета носили на левом рукаве красную повязку.

Одного интенданта Наполеон назначил губернатором Москвы и губернии.— Речь идет о бароне Лессепсе.

...слух о приведении Кремля в осадное положение...— Подобные слухи могли быть вызваны мерами французского командования по обеспечению безопасности Кремля как места расположения Наполеона: в ключевых пунктах вокруг Кремля были выставлены орудия, в воротах и на Кремлевских стенах выставили часовых, для французов установили

пропускную систему на территории Кремля, русским вход в Кремль запретили вообще.

Делаво (Delaveau) Анри Ипполит (?—1862) — переводчик. Мемуарист.

С. 381.

Дом Давыдова — Шевалье Изарн говорит о доме графини Е. В. Новосильцевой, урожденной Орловой, единственный сын которой был убит на дуэли. Дом и капиталы унаследовал ее племянник, граф В. П. Давыдов, принявший имя Орлова-Давыдова. Дом не сохранился.

Синдик (польск. syndyk, от латин. sindicus) — стряпчий, прокурор; блюститель закона.

УСТРОЙСТВО АДМИНИСТРАЦИИ

С. 382.

Герцог Тревизский — Имеется в виду маршал Мортье, генерал-губернатор Москвы.

Головой выбрали некоего Никотина.— На пост городского головы французы назначили московского купца 1-й гильдии П.И. Находкина. «Комиссия для исследования поведения некоторых из числа тамошних жителей и поступков их во время занятия столицы неприятелем» в ходе расследования его деятельности признала его невиновным в сотрудничестве с неприятелем и освободила от суда.

С. 384.

...священник, духовник Кавалергардского полка...— Имеется в виду священник Кавалергардского полка отец Михаил Тратинский.

С. 385.

Святейший синод — орган высшего церковного управления в Российской империи.

...была совершена служба в церкви Евпла-диакона ... по случаю годовщины коронования Александра I...— Новое здание церкви Архидиакона Евпла с колокольней при ней было выстроено на Мясницкой улице в 1750—1769 гг. 15(27) сентября 1812 г. в храме состоялось богослужение по случаю коронования Александра I в 1801 г.

С. 386—387.

...он распорядился ... выдать 50 млн р. медью в распоряжение старшин...— Действительно, медные деньги раздавались французами местному населению.

ПАРТИЗАНЫ

С. 387.

Тверская дорога — имеется в виду Петербургский тракт.

Черная Грязь — село Московского у. Московской губ.

Воскресенск — село Воскресенское Звенигородского у. Московской губ.

С. 388.

Иловайский (Иловайский 12-й) Василий Дмитриевич (1788 или 1785—1860) — генерал-лейтенант. В 1812 г. в чине полковника состоял в отряде генерала Ф.Ф.Винцингероде. 16(28) сентября 1812 г. произведен в генерал-майоры.

С. 389.

...князь Салтыков, любимец императора Александра, владелец деревни Марфино...— Владельцем имения Марфино Московского у. Московской губ. был сын фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова (1730—1805) — граф Петр Иванович Салтыков (1784—1813), камергер. В 1812 г. он на свои средства сформировал и экипировал отдельный Московский гусарский полк, во главе которого воевал против французов. В одном из боев он был тяжело ранен и в 1813 г. скончался.

Дмитров — уездный город Московской губ.

Генерал, командовавший этой дивизией...— Имеется в виду дивизионный генерал Дельзон.

С. 390.

...послал с приказом к стрелкам-драгунам и гренадерам гвардии немедленно сесть на коней.— В состав кавалерии Императорской гвардии входили полк драгун и полк конных гренадер.

С. 391.

Ланюсс (Lanusse) Пьер (1768—1847) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. командовал 2-й бригадой 1-й дивизии пехоты Императорской гвардии.

ЖИЗНЬ В МОСКВЕ

С. 391

...в трех милях от Москвы...— Французы, говоря о милях, имеют в виду милю французскую, т. е. лье.

...с его камердинером Анжелем...— Возможно, имеется в виду один из подчиненных главного камердинера Наполеона I, поскольку с 1800 по 1814 гг. постоянным его камердинером состоял Луи Констан Вери (Wairy) (1778—1845), написавший обширные воспоминания «Memoires de Constant, premier valet de chambre de l'empereur, sur la vie privee de Napoleon, sa famille, et sa cour» («Воспоминания Констана, первого камердинера императора, о частной жизни Наполеона, его семье и его дворе»), изданные в Париже в 1830 г.

Герцогиня де ла Вальер — Имеется в виду одна из представительниц рода Ла Вальер, владетелей герцогства Ла Вальер, которое в 1667 г. король Франции Людовик XIV создал для своей фаворитки Луизы Франсуазы де Ла Бом Ле Блан.

С. 392.

Немецкий квартал нетронут.— Младший адъютант Наполеона Кастеллан плохо представлял обстановку в городе. На 1(13) октября Немецкая слобода, расположенная в северо-восточной части Москвы, выгорела практически полностью.

Казаки взяли в плен Альфреда Потоцкого, адъютанта генерала Понятовского, и генерала Ферьера, адъютанта неаполитанского короля...— Взят в плен казаками был шеф эскадрона Антоний Потоцкий (Potocki), адъютант командующего 5-м армейским корпусом. Что касается бригадного генерала Жана Мартена Мадлена Ферьера (Ferriere) (1771—1813), то в описываемое время он являлся комендантом одного из департаментов Великого княжества Литовского и взять его в плен под Москвой было невозможно.

С. 393.

Лористон (Lauriston) Жак Александр Бернар Ло (1768—1828) — граф, маршал Франции, бывший посол Французской империи в России. В 1812 г. в чине дивизионного генерала служил адъютантом Наполеона. 23 сентября (5 октября) был послан с мирными предложениями к Александру I. Однако Кутузов распорядился пропуск в Петербург для встречи с императором Александром I Лористону не выдавать.

На аванпостах — перемирие; обязались предупреждать за 2 часа.— По условиям перемирия командование любой из сторон должно было предупреждать противника о начале боевых действий за два часа.

...я устроился у князя Куракина...— Упомянутый Кастелланом дом был куплен князем Александром Борисовичем Куракиным (1752—1818) в 1798 г. в Басманной слободе у горнозаводчика П. А. Демидова, после чего его перестройка и отделка были поручены М.Ф. Казакову (ул. Новая Басманная, д. 4).

Ежедневно мы получаем подкрепления. Две недели назад корпус маршала Нея состоял из 4000 человек; поляков Понятовского было не больше.— На 8(20) сентября 3-й армейский корпус Великой армии насчитывал 6200 человек (без кавалерии). Уходя из Москвы 7(19) октября, корпус имел в строю 10 500 человек. Пятый армейский корпус Понятовского на 19 сентября (1 октября) имел более 6800 человек, а через полтора месяца в строю насчитывалось 1200 человек.

...шталмейстер двора...— Речь идет или о бароне де Салюсе (Salus), или о бароне де Ламберти де Жербевиллье (Lambertye de Gerbevilliers).

... Главный штаб Его Величества короля Иоахима...— Главный штаб маршала Мюрата.

С. 395.

В Москве существовали еще общественные бани.— Общественные бани в Москве, большей частью, были деревянными. В огне пожара 1812 г. почти все они выгорели. Предположительно, Маренгоне посе-

тил бани у Каменного моста, которые были каменными и имели отделение для дворян.

С. 396.

Он велел даже снять позолоченный крест с купола Ивана Великого.— Крест с купола колокольни Иван Великий французы сняли и даже какое-то время везли с собой в качестве трофея. По некоторым свидетельствам, во время отступления Великой армии он был утоплен с частью обоза при одной из переправ на территории России.

...капитану 1-го ранга...— Речь идет о 1-м капитане, чине, существовавшем в артиллерии и инженерных частях Великой армии.

С. 397.

В это время потребовал у него аудиенции некто князь Визапур.— Имеется в виду князь Александр Иванович Порюс-Визапурский (1773 или 1774—1823).

...тут надо сказать несколько слов в объяснение странной личности, послужившей причиной этого недоразумения.— Мемуарист актер А. Домерг был выслан в Нижний Новгород еще до прихода в Москву французов. Его рассказ о «недоразумении» с Визапуром основывается на записках жены, которые, подчас без изменений, вошли в его книгу «La Russie pendant les guerres de l'Empire (1805—1815)». Paris, 1835 («Россия во время войн с Империей»). Между тем сама супруга Домерга о встрече Наполеона с Визапуром слышала лишь от других. Но Домерги, приехав в Москву в 1809 г., не раз видели Визапура в театре и слышали много пересудов, так как он был человеком экстравагантным, остроумным и светским. Князь Александр Иванович Порюс-Визапурский имел колоритную внешность. Современники называли его «черномазым», говорили о нем как о крещеном «индейце». Он приехал в Петербург из Франции, когда ему было десять лет, и имя свое получил при принятии православия. По его словам, он был потомком индийских раджей из города Биджапура. С 1783 г. по 1802 г. служил в разных полках русской армии, дослужился до чина полковника. В 1802 г. определен из военной службы в Коллегию иностранных дел. В середине 1804 г. князь Порюс-Визапурский приехал в Москву, уже выйдя в отставку и имея чин статского советника. Выгодно женился на Надежде Александровне Сахаровой, дочери камердинера Екатерины II. При этом князь Визапур продолжал будоражить общество своими неожиданными поступками и любовными связями.

...один из волшебных карлов Ариосто.— Домерг намекает на слугу главного героя поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» Карла, имевшего неказистую наружность.

С. 398.

...Визапур мерными шагами приблизился и пал к ногам императора.— Миссия князя Порюс-Визапурского была связана с планами Наполеона завоевания Индии, которые чрезвычайно волновали российское правительство. Прекрасное знание французского языка, княже-

ский титул, индийское происхождение должны были облегчить проникновение Визапура в ближайшее окружение французского императора. О мнимой измене А.И.Порюс-Визапурского подробнее см.: Соловьева О. Ф. К вопросу об отношении царской России к Индии в XIX — начале XX века//Вопр. истории. 1958. № 6. С. 98.

...несмотря на мольбы и просьбы в александрийских стихах...— В 1804 г. А.И. Порюс-Визапурский издал написанный александрийским стихом поэтический сборник «Петербургские зарисовки» на французском языке («Croquis de Petersbourg par le P... de V... ci-devant Colonel au Garde ...»).

С. 399.

Су — французская медная монета, чеканившаяся до 1793 г. В то время 1 су равнялся $^1/_{20}$ франка. Позже эта денежная единица была заменена монетой в 5 сантимов, которую и называли су.

Византия (Константинополь) — столица Восточной Римской империи (Византии), государства, образовавшегося после распада Римской империи в конце VI в. В 1453 г. турки после почти двухмесячной осады взяли Константинополь. С падением его пало и государство Византия.

С. 400.

Волга — река в Европейской части России, самая крупная в Европе.

С. 401.

Украина — зд.: Малороссия, историческая область на юго-западе России по обоим берегам р. Днепр.

Петербург — зд.: Санкт-Петербург, столица Российской империи. Резиденция императора Всероссийского.

С. 402.

Иисус Навин — в ветхозаветной традиции преемник Моисея.

С. 403.

Приказы о выходе из Москвы были даны сначала на 22-е, потом на 28 сентября, но затем отменялись.— Приказ об оставлении Москвы был отдан Наполеоном 6 (18) октября 1812 г.

ТЕАТР В МОСКВЕ

С. 404.

Мадам Андре...— Андриё-Филлис (Andrieux-Fillis) (1780—1838), певица, актриса Французской оперы на императорской сцене в Санкт-Петербурге в 1802—1812 гг. В 1812 г. выступала в спектаклях на сцене театра Позднякова в составе труппы Авроры Бюрсе. Покинула Москву вслед за отступающей армией Наполеона. В конце 1812 г. вернулась в Париж. Завершила сценическую карьеру в 1813 г.

Сенве — французский драматический актер и певец. Начал сценическую карьеру в Париже. Выступал в Санкт-Петербурге. Оставив сцену, получал пенсию как артист российских императорских театров. В 1812 г. выступал в Москве в спектаклях труппы А. Бюрсе.

...они одевались... нередко в священнические ризы...— Генерал-интендант Великой армии граф Дюма предоставил в распоряжение актеров «сундуки с разными богатыми придворными одеждами», извлеченные из кремлевских подвалов.

Бюрсе (Bursey) Аврора — актриса, директриса французской труппы в Москве. Сестра актера и постановщика А. Домерга.

Пьесы, которые игрались в поздняковском театре, были следующие: «Defiance et Malice», «Guerre ouverte», «Les Joueurs»...— На сцене театра Позднякова в сентябре 1812 г. ставились комические оперы, соединявшие в себе речитативы, танцевальные номера и вокальные партии: «Недоверие и Хитрость», «Начало войны», «Игроки».

С. 405.

Г-жа Бюрсе привела ко мне актеров...— Барон Боссе называет имена актеров труппы мадам А. Бюрсе, исполнявших танцевальные и вокальные партии на московской сцене в октябре 1812 г. Это — Адне (Adnet), актер-трагик, ранее выступавший на сцене парижского бульварного театра «Порт Сен-Мартен», и его жена, Перу (Perroud), актеры «Комеди Франсез» Лекен и его жена, Белькур (Belcour), Перон, Госсе, Лефевр, а также Периньи. Солисткой театра была танцовщица Элизабет Ламираль (Lamiral), выступавшая в России в 1803—1812 гг. Она прибыла в Россию с мужем, балетмейстером Ж. Ламиралем. Французский танцовщик и педагог, с успехом гастролировавший в Лондоне, Амстердаме, Вене, Жан Ламираль (Lamiral) в 1803 г. был приглашен в Петербург, где служил в балетной труппе Мире при немецком театре. В 1806—1811 гг.— балетмейстер и артист в Москве, а также преподаватель Театрального училища. Закончил сценическую карьеру в 1811 г. Давал частные уроки танца. В дни оккупации французами Москвы в 1812 г. был балетмейстером спектаклей в театре Позднякова.

С. 406.

«Distrait» (фр.) — «Рассеянный».

«Troies Sultanes» (фр.) — «Три султанши».

«Procureur arbiter» (фр.) — «Прокурор-посредник».

С. 407.

Тарквинио (Таркинио, Tarquinio) — солист итальянской оперы, выступавший в Санкт-Петербурге и Москве. Уйдя со сцены, давал уроки пения в аристократических семействах.

Крешентини (Crescentini) Джироламо (1762—1846) — итальянский певец, композитор и педагог.

...указала мне ... аккомпаниатора г-на Мартиньи, сына Винченцо Мартиньи...— Аккомпаниатор Мартиньи был сыном композитора Винценто Мартин-и-Солер (Martin y Soler), прозванного итальянцами

Мартини «lo Spagnuolo» («Испанец») (1754—1806), популярность которому обеспечили поставленные в Вене оперы «Cosa rara» («Редкая вещь», 1786), «L'Arbore di Diana» («Дерево Дианы», 1787).

С. 408.

Фишер (Fischer) Людвиг (1745—1825) — немецкий певец, композитор.

ГВАРДИЯ

С. 409.

...и только один всего раз, при Гаунау, видел гвардию, построившую боевой порядок...— Речь идет о сражении 18—19 (30—31) октября 1813 г. при Ганау между войсками Наполеона и союзными армиями.

С. 411.

...когда мы умирали...в знаменитом лагере около Калуги...— После занятия французами Москвы 1-я дивизия тяжелой кавалерии, в которой служил Тирион, в составе авангарда Великой армии продвинулась до старой Калужской дороги на границе Московской и Калужской губерний и там, у д. Винково Боровского у. Калужской губ., авангард французской армии простоял две недели, испытывая невероятные тяготы от холода и голода.

...офицер полка карабинеров Дюборайль...— Речь идет об офицере одного из двух элитных карабинерных полков, входивших в 4-ю дивизию тяжелой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

ДЕЙСТВИЯ АВАНГАРДА

С. 411.

Богородск — уездный город Московской губ.

С. 412.

Клязьма — река в Московской и Владимирской губ.

Покров — уездный город Владимирской губ.

...нанес визит своему командиру полковнику фон Милькау.— Подполковник (позже полковник) фон Милькау (Milkau) возглавил Вюртембергский конно-егерский полк № 3 27 июля (8 августа).

С. 413.

Подольск — уездный город Московской губ.

Пахра — река, правый приток р. Москвы.

С. 414.

Борисов — уездный город Минской губ. на левом берегу р. Березина.

Черничная (Чернишня, Чернишна) — река, левый приток р. Нара. У р. Чернишни при селе Спас-Купля в конце сентября проходили бои русского арьергарда с авангардом Великой армии.

Когда Себастиани принимал нашу дивизию в Вильно...— Генерал Себастиани принял 2-ю дивизию легкой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии 17(29) июня. Тогда в ее составе числилось около 4200 человек и около 4300 лошадей. К 21 сентября (3 октября) в строю дивизии имелось примерно 450 конников.

С. 415.

Тетеринка — деревня Тетерино Боровского у. Калужской губ.

Тарутино — село Боровского у. Калужской губ., место расположения русской армии в период с 21 сентября (3 октября) по 11(23) октября.

...слышали, что прибыли Коленкур и Лористон.., и что сам король у русских.— В Тарутинский лагерь русских приезжал только Лористон.

Полковник Уминский (Уминьский, Uminski) Ян Непомук (1778 или 1780—1851) — польский бригадный генерал. В 1812 г. в чине полковника командовал 10-м Польским полком гусар 2-й дивизии легкой кавалерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. С 27 августа (8 сентября) командир 16-й бригады той же дивизии.

С. 419.

1-й стрелковый полк имеет 24 сабли, не считая отставших, более многочисленных, чем сам полк.— Имеется в виду 1-й конно-егерский полк кавалерийской дивизии 1-го армейского корпуса Великой армии.

С. 422.

...в соседнюю деревню, известную под названием Trois-Cloches (фр.)...— Так Гриуа называет расположенную рядом с с. Тарутино деревню Троица Боровского у. Калужской губ.

ТАРУТИНО

С. 424.

«à la tartare»(фр.) — татарский.

Ведет (фр. vedette) — сторожевой пост из двух часовых.

С. 425.

Король Мюрат долгое время был с нами; он был даже слегка ранен в руку.— В Тарутинском сражении Мюрат был ранен в бедро.

С. 426.

Вороново — село Подольского у. Московской губ., владение графини Екатерины Петровны Ростопчиной, жены графа Ф. В. Ростопчина.

Красная Пахра — село Подольского у. Московской губ.

...в нашем полку оставалось очень мало народу.— Имеется в виду Вюртембергский конно-егерский полк № 3.

С. 427.

...русские... захватили 36 пушек...— В ходе Тарутинского сражения русские захватили 38 пушек.

Передок — специальное приспособление на двух колесах для транспортировки артиллерийских орудий.

С. 428.

...кость (os humeri) (латин.) — плечевая кость.

С. 430.

...как он сам это сделал с принцем Ауэрспергом на Дунайском мосту перед битвой при Аустерлице.— В 1805 г. Мюрат обманным путем захватил мост через Дунай в Вене, объявив командующему австрийскими войсками генералу Ауэрспергу о якобы начавшихся мирных переговорах между Францией и Австрией.

18 октября в 9 часов утра...— Сражение началось в 7 часов утра 6 (18) октября.

4-я дивизия кирасир и весь отряд Сегена были уже опрокинуты... — Тарутинское сражение началось атакой отряда генерал-майора В.В. Орлова-Денисова (1780, или 1775, или 1777—1843), ошеломившей французскую кавалерию. Однако появление маршала Мюрата восстановило порядок во французских частях.

С. 432.

Полковник сделал мне выговор...— Возможно, автор говорит о полковнике бароне Шарле Эжене Лален д'Оденарде (Lalaing d'Audenarde), командире 3-го полка кирасир 1-й дивизии тяжелой кавалерии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Побитых казаков мы преследовали до одного маленького городка по дороге к Украине...— Утверждение кирасирского капитана не только не соответствует действительности, но свидетельствует о том, что он плохо представляет географию России.

Флао (Флао де ла Бийардри, Flahaut de la Billarderie) (1785—1870) — граф, французский генерал-лейтенант, дипломат. В 1812 г. в чине полковника служил адъютантом маршала Бертье.

Рейнвейн (нем. Rheinwein) — рейнское вино; сорт виноградного вина, получаемого из винограда, выращиваемого по обоим берегам р. Рейн в Германии.

ПЕРЕД ОТСТУПЛЕНИЕМ

С. 432.

...и сам отослал его к вдовствующей императрице...— Имеется в виду императрица Мария Федоровна.

С. 433.

Кажется, в Польше их была заготовлена большая партия...— Фальшивые русские ассигнации печатали с 1810 г. во Франции и пере-

правляли в Россию, в том числе и через банки Великого герцогства Варшавского. Точное количество фальшивых денег неизвестно, но, по некоторым данным, хождение они имели до конца XIX в.

С. 434.

...сведения о Пугачевском бунте...— Речь идет о восстании крестьян и казаков (1773—1775) под предводительством Емельяна Пугачева, выдававшего себя за «чудесно спасшегося» императора Петра Федоровича (1761—1762), убитого заговорщиками.

...схватились за великие начала санкюлотизма.— зд.: «обратились к идеям народоправства». Термин «санкюлот» возник во Франции в 1792 г. и означал патриота, гражданина.

Оставался еще один путь — переговоры. Послали генерала Лористона к князю Кутузову под предлогом обмена пленными. — По поручению Наполеона генерал Лористон 23 сентября (5 октября) ездил в Тарутинский лагерь к главнокомандующему русскими войсками М. И. Кутузову с целью заключить перемирие и получить разрешение на проезд в Петербург для начала мирных переговоров с Александром I. Встреча Лористона и Кутузова продолжалась около часа. В ходе разговора собеседники коснулись многих вопросов, в том числе и проблемы размена пленными. Пропуска в Петербург Лористон не получил, а на предложение обменять пленных Кутузов ответил, что подобные вопросы решаются по окончании войны.

Лористон еще раз был послан в русскую армию...— Генерал Лористон приезжал в Тарутинский лагерь один раз.

С. 435.

Тула, Калуга — губернские города Российской империи.

... судьба, какая постигла Камбиза в Лидии... — Имеются в виду тяготы, испытанные войском древнеперсидского царя Камбиза (Камбиса), правившего в 529—522 г. до н. э., во время военного похода через Синайскую пустыню.

...армию Александра Великого в пустыне Гедрозии.— В пустынях Гедрозии в древней Персии войска Александра Македонского, отступавшие из Индии, испытывали большие лишения.

...помешать Порте заключить мир...— Имеется в виду Бухарестский мир 1812 г., заключенный между Россией и Турцией.

Герцог Кадорский — Шампаньи (Champagny) Жан Батист Номпер (1756—1834), герцог Кадорский, французский политический деятель. При Наполеоне занимал посты министра внутренних дел, затем — министра иностранных дел (1809—1811).

Герцог Фельтре — Кларк (Clarke) Анри Жан Гильом (1765—1818), герцог Фельтре, маршал Франции. По происхождению ирландец. С 1782 г.— на французской службе. В 1807—1814 и 1815—1817 гг.— военный министр Франции.

Граф Монталиве (Montalivet) Жан Пьер Башассон (1766—1823) — граф, политический деятель. Министр внутренних дел (1809).

Вице-король предложил идти... со своим полком, в 45 000 человек, на Тверь...— У Евгения Богарне под началом находился не полк, а корпус, который в описываемое время насчитывал 25 тыс. человек.

Тверь — губернский город на пути из Москвы в Петербург.

С. 437.

«Comédie-Francaise» — первый репертуарный театр в Париже, открытый в 1680 г. по указу короля Людовика XIV.

С. 438.

Эльба (Лаба) — река, берущая начало в Чехии и протекающая по территории Германии.

Одер (Одра) — река в Чехии, Польше и Германии.

Висла (Вистула) — крупная река в Польше.

Толочин — город Оршанского уезда Могилевской губ.

Эрфуртский договор — Имеется в виду встреча Наполеона и Александра I в сентябре 1808 г. в Эрфурте, во время которой французский император безуспешно пытался добиться от России активного давления на Австрию.

Сент-Джемский кабинет — зд.: «правительство Великобритании».

Кадис — город на юге Испании.

С. 439.

...17 октября атаковали авангард неаполитанского короля.— Речь идет о Тарутинском бое 6 (18) октября.

Беранже (Beranger), адъютант неаполитанского короля — лейтенант 8-го гусарского полка 1-й дивизии легкой кавалерии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

С. 440.

Он узнал, что был заключен мир между Россией и Турцией...— Имеется в виду завершивший Русско-турецкую войну Бухарестский мир, подписанный 16(25) мая 1812 г. В результате его заключения Россия получила возможность использовать в борьбе с Наполеоном Дунайскую армию.

Он узнал о мире, который подписала Англия с Россией...— Речь идет о договоре о мире и согласии между Россией и Великобританией, подписанном 6(18) июля 1812 г. в шведском городе Эребру (Эребруский мир). Пункт 3-й договора обязывал стороны оказывать друг другу помощь в случае нападения третьих стран.

...о мирном свидании, которое было в Финляндии, в Або, между императором Александром и Бернадотом.— Свидание русского императора Александра I и шведского наследного принца Карла-Юхана (Karl-Johan) состоялось 15(27)—18(30) августа 1812 г. в финском г. Або (ныне г. Турку). В ходе встречи сторонами был подписан договор (Абоский договор), укрепивший российско-шведский союз.

Горрер (д'Оррер, d'Horrer) Мари Жозеф (1775—1849) — французский эмигрант.

С. 441.

Дарю (Daru) Пьер Антуан Ноэль Брюно (1767—1829) — граф, государственный деятель, писатель. В 1812 г. сопровождал Наполеона во время похода в Россию.

Эрцгерцог Карл — Карл Людвиг Иоганн (1771—1847), эрцгерцог австрийский, полководец.

С. 443.

Шабо (Роан-Шабо, Rohan-Chabot) Анн Луи Фердинанд — лейтенант, младший адъютант Наполеона.

Помещение императору приготовляют у графини Орловой.— Наполеону готовили дом графини Е. В. Новосильцевой, урожденной Орловой.

С. 444.

Ликург (ок. 390—324 до н. э.) — древнегреческий государственный деятель, оратор.

С. 445.

Никольская улица — улица в центре Москвы.

С. 447.

Четверть — российская мера веса сыпучих тел, равная 209, 91 л.

С. 449.

Дарий (Дарий I Гистапс, Дарьявуш) — древнеперсидский царь, правивший в 522—486 гг. до н. э.

С. 450.

Генерал, который командовал вюртембергской дивизией...— Имеется в виду генерал-майор вюртембергской службы барон Эрнст Ойген Хюгель (Hugel) (1774—1849), который после Смоленска возглавил остатки 25-й дивизии пехоты 3-го армейского корпуса Великой армии, сведенные в полк.

Фезензак (Монтескье-Фезензак, de Montesquieu-Fezensac) Амбруаз Анатоль Огюстен де (1788—1867) — барон, генерал-лейтенант. В 1812 г. в чине капитана служил адъютантом начальника Главного штаба Великой армии. После Бородинского сражения командир 4-го линейного полка 11-й дивизии пехоты 3-го армейского корпуса Великой армии. Мемуарист.

Генерал Борелли (Borelli) Шарль Люк Полен Клеман (1771—1849) — виконт, генерал-лейтенант. В 1812 г. в чине полковника служил начальником штаба 9-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса; с июня — заместителем начальника штаба кавалерийского резерва Великой армии. 30 августа (11 сентября) произведен в бригадные генералы.

С. 451.

Мы расставлены в боевом порядке на первой кремлевской площади...— Смотр французских войск происходил на Соборной площади Кремля.

В 5 часов мы с барабанным боем, с громкой музыкой проходим по улицам Москвы...— Основная часть 4-го армейского корпуса покинула Москву 7(19) октября.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ИЗ МОСКВЫ

С. 452.

Симонов монастырь — расположенный в юго-западной части Москвы Симонов Успенский мужской монастырь, основанный в 1379 г.

С. 453.

...вся армия, вышедшая из Москвы, состояла не более как из 100 000 человек.— При отступлении из Москвы Великая армия насчитывала, по разным данным, от 107 до 105 тыс. человек.

Вечером в Троицком — плохом поместье...— Село Троицкое Московского у. Московской губ. находилось на старой Калужской дороге. Незадолго до описываемых событий было куплено дворянами Тютчевыми с торгов.

С. 453—454.

...в Малую Вязьму, поместье князя Голицына...— Вероятно, автор говорит об имении Большие Вязёмы Звенигородского у. Московской губ., принадлежавшем в то время князю Борису Владимировичу Голицыну (1769—1813).

С. 454.

Мортемар де Рошешуар (de Mortemart de Rochechouart) Казимир Луи Виктор де — барон, капитан, офицер для поручений Наполеона.

Croiser les lances (фр.) — сразиться, букв.: «скрестить копья».

Португальцы будто бы получили приказ расстреливать пленных, которые не идут...— Конвоиры, которые вели русских военнопленных, такой приказ в самом деле получали. Вестфальцы и португальцы воспользовались им в полной мере. Из Москвы французы вели несколько тысяч пленных, и почти все они погибли от голода и холода или были расстреляны.

Фоминское и *Кубинское* — села Верейского у. Московской губ.

С. 455.

Бурмон (Bourmont) Луи Огюст Виктор (1773—1846) — граф, маршал Франции. В 1812 г. в чине полковника служил помощником начальника Главного штаба 4-го армейского корпуса Великой армии.

Городня — деревня Малоярославецкого у. Калужской губ.

С. 456.

Мне пришлось видеть, как валялись на земле набальзамированные царские останки и как их топтали солдаты...— В Успенском соборе Московского Кремля французские солдаты осквернили гробницы митрополитов, однако захоронения русских князей и царей в Архангельском соборе не были подвергнуты грабежу и поруганию.

...в химерической надежде...— зд.: «в напрасной надежде».

С. 457.

...близ загородного дома графа Ростопчина, от которого остались одни развалины.— Речь идет о поместье Вороново, находившемся в собственности супруги московского главнокомандующего. Граф Ростопчин прожил в Воронове с 1801 по 1812 гг., отстраивая и украшая свое семейное гнездо, которое, по воспоминаниям современников, отличалось сказочной роскошью. Начиная с лета 1812 г., граф Ростопчин неоднократно отправлял из Воронова обозы с сухарями и крупой для армии. Когда русские войска шли на Тарутино, граф Ростопчин приехал в свое имение. 7 (19) октября он поджег Вороново. Присутствовавший при этой «русской доблести» генерал Вильсон, английский комиссар при русском правительстве, писал позже, что «разрушение Воронова должно пребыть вечным памятником российского патриотизма». К двери усадебной церкви граф Ростопчин прибил доску с надписью на французском языке: «Восемь лет украшал я это село, в котором наслаждался счастием среди моей семьи. При вашем приближении обыватели, в числе 1720, покидают свои жилища, а я предаю огню дом свой, чтобы он не был осквернен вашим присутствием. Французы! В Москве я оставил вам два мои дома и движимость на полмиллиона рублей, здесь вы найдете только пепел». Подробнее об имении Вороново см.: Захарова О.Ю. «Восемь лет я украшал это село...»//Мир русской усадьбы: очерки. М., 1995. С.175—190.

С. 458.

Йелин (von Yelin) Христоф Людвиг фон (1787—1861) — майор. В 1812 г. в чине обер-лейтенанта служил во 2-м линейном полку 25-й дивизии пехоты 3-го армейского корпуса Великой армии. Мемуарист.

С. 459.

Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712—1778) — французский философ, просветитель, писатель, общественный деятель.

...двумя «Историями» России, Леклерка и Левека...— Пион де Лош вез с собой «Histoire de la Russie ancienne et moderne» («История древней и новой России», 1783—1794), сочинение Никола (Николая Гавриловича) Леклерка (Le Clerc) (1726—1798), французского медика и историка; «Histoire de Russie» («История России», 1782—1783), сочинение французского историка Пьера Шарля Левека (Levesque) (1737—1812).

Мольер (Moliere, настоящее имя Жан Батист Поклен) (1622—1673) — французский писатель, драматург, актер и директор театра.

Пиррон (ок. 376 — ок. 270 до н. э.) — древнегреческий философ, основоположник скептицизма.

«Духом законов» — трактат «De l'esprit des lois» («О духе законов», 1748) французского писателя, правоведа и философа Шарля Луи де Монтескьё (de Montesquieu) (1689—1755).

«Философия истории» Рейналя — Французский историк и философ Гильом Томас Франсуа Рейналь (Raynal) (1713—1796) был знаменит 4-томным трудом «L'Histoire philosophique et politique des etablissements et du commerce des Européens dans les deux Indes» («Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях». Амстердам, 1770).

С. 460.

...одна картина изображала суд Париса на горе Иде...— Парис, персонаж древнегреческой мифологии, сын троянского царя Приама, по повелению Зевса должен был на горе Иде решить, кто из трех богинь — Афина, Гера и Афродита — самая прекрасная, и отдать ей золотое яблоко. Парис выбрал Афродиту, пообещавшую ему любовь прекрасной Елены, жены спартанского царя Менелая.

С. 461.

Лядунка — патронная сумка.

С. 462.

Берлин — зд.: большая карета, колымага.

Троя — город на северо-западе Малой Азии, разрушенный греками во время Троянской войны (1193—1184 до н. э.).

Карфаген — город-государство. В VI—II вв. до н. э.— рабовладельческое государство на северном побережье Африки. В 146 г. до н. э. после штурма взят римлянами и разрушен.

Ливий Тит (Titus Livius) (59 до н. э.— 17 н. э.) — древнеримский историк.

Геркулесовы столбы — высоты по обеим сторонам Гибралтарского пролива: Северная (Гибралтарская) скала со стороны Европы и гора Абила в Северной Африке.

С. 463.

Демустье (Demoustier) Шарль Альбер (1760—1801) — французский писатель.

Уваровское — село Боровского у. Калужской губ.

Эверс (Evers) Карл Йозеф (1773—1818) — барон, генерал-лейтенант голландской службы. В 1812 г. в чине бригадного генерала состоял при Главном штабе Великой армии.

Юхнов — уездный город Смоленской губ.

С. 464.

...субалтерн-офицеры...— офицеры младших чинов (латин. sub — под и alter — другой).

Боровск и *Малоярославец* — уездные города Калужской губ.

МОСКВА ПОСЛЕ УХОДА ВЕЛИКОЙ АРМИИ

С. 466.

Во вторник, 8-го, часть казаков стремится с Тверской проникнуть в Кремль...— Аббат Сюрюг указывает даты по старому стилю и говорит о попытке генерала Ф. Ф. Винцингероде 10(22) октября вступить в переговоры с маршалом Мортье. Винцингероде с адъютантом был взят в плен.

...был сожжен Петровский дворец...— Петровский дворец не был сожжен казаками, но после ухода французов был разграблен окрестными крестьянами.

...подвергся такой же участи и дом князя Ростопчина в Сокольниках.— Речь идет о даче Ф.В. Ростопчина в Сокольниках.

...в четверг, 10-го, было объявлено всеобщее отступление...— Отступление французов из Москвы началось 6(18) октября. В ночь на 11 (23) октября ушли из Москвы части генерала Мортье.

Перед пожаром в ней насчитывалось около 9300 домов, более 800 богатых искусством и орнаментами храмов.— В допожарной Москве насчитывалось жилых домов 9158 и 329 церквей.

С. 467.

Яшкино — Яскино (Яски), деревня Звенигородского у. Московской губ.

...на равнине, соседней с гульбищем Первого мая.— В Сокольниках, где еще со времен Петра I возникла традиция отмечать приход весны гуляньями.

С. 468.

... собственные крестьяне Демидова разбивали его амбары...— Речь идет об амбарах усадьбы Демидовых на Демидовской улице вблизи Горохового поля.

С. 469.

Генерал-интендант действующей армии...— Генерал-интендант Матье Дюма.

...охрану огромных магазинов Воспитательного дома.— По распоряжению Наполеона французы выставили охрану Воспитательного дома.

С. 469—470.

...русские... прежде всего перебили всех раненых французов, находившихся в частных домах. Таких раненых было убито до двух тысяч.— Сведений об истреблении раненых французских воинов в Москве не обнаружено.

С. 470.

Генерал Бенкендорф...— Бенкендорф (von Benckendorff) Александр Христофорович фон (1781 или 1783—1844), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине полковника командовал

арьергардом отряда генерала Винцингероде. 16(28) сентября произведен в генерал-майоры. Первое время после оставления Москвы французами был комендантом города.

Императрица-мать ... прислала нам 1000 франков — императрица Мария Федоровна.

С. 471.

Газо — французский генерал, начальник обоза Главной квартиры Наполеона I. Мемуарист.

БИТВА ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ

С. 472.

Начальник батальона Дельзон, его брат и адъютант, тяжело ранен около него.— Имеется в виду адъютант генерала Дельзона шеф эскадрона Жан Батис Антуан Жерар Дельзон (Delzons), получивший в Малоярославецком сражении смертельную рану.

Генерал Гилемино — генерал Гийемино.

Генерал Бертран де Севре — Сивре (de Sivray) Луи Бертран де, барон, бригадный генерал, командир 1-й бригады 14-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

С. 473.

Вольтижеры (от фр. voltiger — порхать, вольтижировать) — вид легкой пехоты во французской армии того времени. Вольтижерские подразделения комплектовались из солдат малого роста, подвижных и ловких, хороших стрелков и разведчиков.

...чтобы отнять у неприятеля такую грандиозную позицию, как Малоярославец.— Несмотря на то, что город остался за французами, отступать Великой армии пришлось по разоренной Смоленской дороге.

Мы имели перед собой 6, 7, 12, 17, 24, 26-ю дивизии и 2-ю дивизию гренадер...— 6-я пехотная дивизия в Малоярославецком сражении не участвовала (находилась в то время частью в Архангельске, частью в составе Финляндского корпуса). В бою, кроме перечисленных, принимала участие 3-я пехотная дивизия.

Полковник Пино из 35-го убит.— Очевидно, имеется в виду командир 35-го линейного полка 14-й дивизии пехоты полковник Жан Батист Пенан (Penant).

С. 474.

Принц Евгений, эскортируемый драгунами Королевской гвардии и драгунами королевы...— В состав Королевской гвардии 4-го армейского корпуса входили полк драгун Королевской гвардии и полк драгун королевы.

С. 475.

Бедуайер (de la Bedoyere) Шарль Анжелик Франсуа Юше де ла — шевалье, шеф эскадрона (позже полковник) — адъютант Е. Богарне.

Лужа — река, приток р. Протвы.

С. 476.

...неустрашимый Гилемино принимает теперь на себя командование дивизией...— Начальник штаба 4-го армейского корпуса генерал Гийемино после гибели генерала Дельзона возглавил 13-ю дивизию пехоты.

С. 477.

Фантана (Фонтана, Fontana) Джиакомо — бригадный генерал, командир 1-й бригады 15-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

Левье (Levie) Жозеф Мари (1773—1812) — бригадный генерал. В 1812 г. в чине полковника командовал 3-м линейным полком 15-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии. 30 сентября (12 октября) произведен в бригадные генералы и назначен командиром 2-й бригады той же дивизии. Смертельно ранен в Малоярославецком сражении.

С. 478.

Ружейный выстрел убил... его брата и адъютанта, начальника эскадрона; его племянник Фантана, адъютант дивизионного командира, ранен...— Ложье свидетельствует, что рядом с командиром 15-й дивизии пехоты, генералом Доменико Пино, был убит его брат и адъютант, шеф батальона Пино (Pino) и ранен его племянник и адъютант лейтенант Фантана (Фонтана, Fontana).

Полковник Лакесси (Lakessi) — офицер 4-го армейского корпуса Великой армии.

Галимберти (Galimberti) Ливио (1768—1832) — полковник, начальник штаба 15-й дивизии пехоты. После ранения генерал Пино принял командование дивизией. После Малоярославецкого сражения произведен в бригадные генералы.

С. 479.

Перальди (Peraldi) Ольвье Антуан Константен — полковник, командир полка конскриптов Королевской гвардии 4-го армейского корпуса.

...весь 7-й корпус Бороздина вступает в бой.— Имеется в виду 8-й пехотный корпус русской армии. Бороздин (Бороздин 1-й) Михаил Михайлович (1767—1837) — генерал-лейтенант. В 1812 г. командовал 8-м пехотным корпусом.

С. 480.

Маффеи (Maffee) — шеф батальона, командир батальона карабинеров полка Королевских велитов гвардии 4-го армейского корпуса.

Серюрье (Серюзье, Serruzier) Жан Теодор Жозеф — полковник, начальник артиллерии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Мемуарист.

С. 481.

Герцог Виченцский — Арман Коленкур, герцог Виченцский.

...мы потеряли более 4000 человек.— Французы в сражении под Малоярославцем потеряли 7 тыс. человек.

Негрисоли (Негриссоли, Negrissoli) — шеф батальона, командир 4-го батальона 3-го линейного полка 15-й дивизии пехоты.

Болоньин (Болоньини, Bolognini) — шеф батальона, командир 2-го батальона 2-го линейного полка 15-й дивизии пехоты.

...под начальством капитана Колсони (Colsoni) и лейтенантов Бримбилла (Брамбилла, Brambilla), Кавалли (Cavalli)...— офицеры полка драгун Королевской гвардии 4-го армейского корпуса.

С. 482.

Леташево — Леташевка, деревня в окрестностях с. Тарутино.

С. 483.

Дельзон ... убит со своими обоими братьями; один из них был бригадным генералом, а другой — его личным адьютантом.— В сражении под Малоярославцем погибли два брата Дельзона — командир дивизии и его адъютант.

С. 486.

Серпейск — заштатный город Калужской губ.

Ельня — уездный город Смоленской губ.

Города, в котором сражались, уже больше не существовало! — Из 200 домов в Малоярославце в ходе сражения сгорело и было уничтожено 90%.

С. 487.

...он не делал разведок ни с фронта, ни с флангов...— Из Тарутинского лагеря Кутузов направил в тыл французов несколько армейских партизанских отрядов, которые занимались в том числе и разведкой.

Мутон — граф Лобау.

С. 488.

Он родился на территории Рейнского союза...— Ф.Ф. Винцингероде родился в графстве Гессен-Кассель, одном из шестнадцати германских государств, которые в 1806 г. Наполеон объединил под своим протекторатом в Рейнский союз.

С. 489.

Нарышкин (Нарышкин 1-й) Лев Александрович (1785—1846) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине ротмистра служил в Изюмском гусарском полку. В сентябре — октябре состоял при генерале Ф.Ф. Винцингероде и вместе с ним пленен в Москве.

С. 491.

...романтично и красиво расположенный Боровск быстро предан был огню...— французы разорили и сожгли в Боровске более 850 домов.

С. 493.

...главный комиссар Жубер (Joubert)...— Имеется в виду главный военный комиссар-распорядитель 4-го армейского корпуса.

...Кутузов начал отступление за несколько часов до того, как отступили мы.— Для того чтобы не дать Наполеону возможности прорваться в Калугу через Медынь, Кутузов после Малоярославецкого сражения отошел к Полотняному Заводу.

НА СТАРУЮ СМОЛЕНСКУЮ ДОРОГУ

С. 494.

Копысь — город Оршанского у. Могилевской губ.

С. 495.

Наполеон сидел перед столом, опершись головой на руки...— В этом фрагменте воспоминаний де Сегюра речь идет о военном совете в ставке Наполеона в Городне вечером 13(25) октября. На этом совете было принято окончательное решение об отступлении армии на Смоленск через Можайск.

С. 496.

Медынь — уездный город Калужской губ.

С. 500.

Алферово — Олферово, деревня Серпуховского у. Московской губ.

...городок Борисов — имеется в виду село Борисово Можайского у. Московской губ.

С. 501.

...мы прибыли на место Красного...— Лабом пишет, что его часть вновь вернулась на место расположения французской армии накануне Бородинского сражения, в с. Красное Можайского у. Московской губ., и оказалось, что село сожжено его соотечественниками.

...я увидел на том же самом месте убитых во время битвы 20 000 человек...— Весной 1813 г. на Бородинском поле были захоронены останки около 50 тыс. человек.

...они указывали на кутузовскую избушку...— Имеется в виду командный пункт Кутузова в д. Горки.

С. 502.

Везувий — вулкан в Италии.

...многие из этих пленников ели мясо своих товарищей...— Как правило, никто из мемуаристов не был свидетелем людоедства, хотя слухи об этом ходили.

С. 504.

...При ужасном морозе от 18° до 20°.— При определении температуры воздуха французы пользовались шкалой Реомюра, т. е. по шкале Цельсия температура воздуха достигала в данном случае 22—25 градусов ниже нуля.

С. 505.

Император ночует в поместье в 8 км за Можайском по Смоленской дороге.— Возможно, император остановился в усадьбе Вельяшево Можайского у. Московской губ.

Бригадир (фр. brigadier) — унтер-офицерский чин в кавалерии и частях артиллерийского обоза Великой армии.

...конных охотников гвардии...— гвардейских конных егерей.

С. 507.

...вели их испанцы, португальцы и поляки.— Речь идет о расстреле русских пленных солдатами баденских частей 18(30) октября под Гжатском.

С. 508.

Неприятель не соглашался на это.— 23 сентября (5 октября) в ходе встречи в Тарутинском лагере Лористон предложил Кутузову разменять пленных. Русский главнокомандующий на это ответил, что размен производится после войны.

С. 509.

...как сейчас вижу этих бородатых людей в серых кафтанах и суконных картузах, украшенных греческим крестом...— Судя по крестам на головных уборах, это были ополченцы.

С. 510.

Довино — Дровнино, село Гжатского у. Смоленской губ.

С. 511.

Диарея — расстройство желудка, понос.

С. 512.

Вагевир (Vaguevir)Карл — капитан 125-го линейного полка 12-й дивизии пехоты 9-го армейского корпуса Великой армии. Мемуарист.

...полк легкой португальской кавалерии...— Возможно, Роос говорит об одном из кавалерийских полков 9-го армейского корпуса маршала Виктора, незадолго перед тем прибывшего в район Смоленска.

С. 515.

Бюффон (Buffon) Жорж Луи Леклер (1707—1788) — французский ученый, писатель. Автор многотомного труда «Histoire naturelle» («Естественная история»).

С. 517.

Иторка — В окрестностях Вязьмы населенного пункта с таким названием не обнаружено. Возможно, автор имеет в виду деревню Егорье Вяземского у. Смоленской губ.

Пеллепор (Pelleport) Пьер — барон, полковник, командир 18-го линейного полка 11-й дивизии пехоты 3-го армейского корпуса Великой армии. Мемуарист.

С. 520.

Гжать — река, приток Вазузы.

С. 521.

...карета принадлежит г-ну Тинтинье, племяннику обер-шталмейстера.— Принадлежит племяннику Армана Коленкура, герцога Виченцского.

хижина Аннеты и Любена — убежище пастуха и пастушки, героев французских пасторалей.

С. 522.

...при возвращении из Сирийской экспедиции...— При возвращении из Египетского похода в мае 1799 г. французские войска испытали много трудностей.

С. 523.

Величево и *Федоровское* — села Вяземского у. Смоленской губ.

ВЯЗЬМА — ДОРОГОБУЖ

С. 529.

Семлево — село Вяземского у. Смоленской губ.

Нагль (Nagle) Тома Патрик (1771—1822) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. в чине полковника состоял в 1-й дивизии Молодой гвардии. 29 сентября (11 октября) произведен в бригадные генералы и назначен командовать 1-й бригадой 13-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

Пещерка — Мещерка, деревня Вяземского у. Смоленской губ.

Мясоедовский лес — лес у д. Мясоедово Вяземского у. Смоленской губ.

Новое — село Вяземского у. Смоленской губ.

С. 530.

Любца — населенного пункта с таким названием в Смоленской губ. не обнаружено.

Наши потери составляют 4000 человек, неприятельские — 7000.— В Вяземском сражении французы потеряли 4 тыс. человек убитыми и ранеными, 3 тыс. пленными (в их числе 1 генерал), 3 орудия и обозы. Потери русских войск составили 1800 человек.

...мы вышли победителями с поля сражения.— В результате боя 22 октября (3 ноября) русские войска выбили французов из Вязьмы. После Вяземского сражения Наполеон вынужден был отказаться от планируемого контрудара по русской армии и ускоренным маршем двинулся на Смоленск.

Максимово — Максимково, деревня Вяземского у. Смоленской губ.

С. 531.

Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — граф, генерал от инфантерии. С конца августа 1812 г.— начальник арьергарда российской армии, а с момента наступления — начальник авангарда.

...могут выставить всего от 11 000 до 12 000 человек...— 1-й армейский корпус перед Вяземским сражением имел в своих рядах около 15 тыс. человек при 127 орудиях.

Правое крыло Даву доходит до Нея (приблизительно 6000 человек)...— При выходе из Москвы 3-й армейский корпус насчитывал 10,5 тыс. человек.

С. 532.

Три французских корпусных командира — маршалы Даву, Ней и дивизионный генерал Понятовский.

Чоглоков Павел Николаевич (1772—1832) — генерал-лейтенант. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал 1-й бригадой 11-й пехотной дивизии 4-го пехотного корпуса. В ходе Бородинского сражения принял командование 11-й дивизией.

С. 533.

Бараге д'Илье (Бараге д'Ильер, Baraguey d'Hilliers) Луи (1764—1813) — граф, дивизионный генерал. В середине августа 1812 г. назначен генерал-губернатором Смоленской провинции, охранял с вверенными войсками коммуникации от Смоленска до Москвы. В конце сентября сформировал в Смоленске дивизию, которая 13(25) октября прибыла в Ельню.

С. 535.

Шелер (von Scheler) Иоганн Георг фон (1770—1826) — граф, генерал-лейтенант вюртембергской службы. В 1812 г. командовал вюртембергскими войсками в составе 3-го армейского корпуса Великой армии.

С. 536.

Эгинген (Эхинген) — город в Германии.

С. 537.

...своего прежнего унтер-офицера из... 11-го стрелкового...— Имеется в виду 11-й конно-егерский полк.

Генерал Жаккино (Жакино, Jacquinot) Шарль Клод (1772—1848) — барон, дивизионный генерал. В 1812 г. в чине бригадного генерала командовал 3-й бригадой легкой кавалерии 1-й дивизии легкой кавалерии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

С. 538.

С ним был старший адъютант Тавернье (Tavernier), начальник штаба дивизии...— Полковник Тавернье был начальником штаба 1-й

дивизии легкой кавалерии 1-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Дюпюи (Dupuy) Даниель Жан Жак Виктор (1777—1857) — шеф эскадрона. В 1812 г. в чине капитана 7-го гусарского полка служил адъютантом генерала Жакино. Мемуарист.

Эстафета (фр. estafette) — зд.: сообщение, переданное нарочным гонцом или конной почтовой службой.

С. 539.

Жиру (Giroux) — офицер Главной квартиры Великой армии.

1-й и 3-й кавалерийские корпуса имеют вместе 200 лошадей...— На 27 октября (8 ноября) в 1-м и 3-м корпусах кавалерийского резерва числилось более 330 всадников.

Михалевка — Михалево, деревня Вяземского у. Смоленской губ.

С. 539—540.

5-й корпус, состоящий из поляков, насчитывавших в начале кампании 28 000 человек, выделил дивизию Домбровского в 9000 человек; из 19 000, оставшихся под знаменами, имеется 700 человек... Этот корпус при вступлении в Москву имел 4000 человек.— 5-й армейский корпус Великой армии при вступлении на территорию России имел в своих рядах около 37 тыс. человек. К 29 июля (10 августа) в строю корпуса насчитывалось около 24 тыс. человек. 11(23) августа 17-я дивизия пехоты генерала Домбровского (7 тыс. человек) по приказу Наполеона была направлена под Бобруйск. При вступлении в Москву личный состав корпуса насчитывал около 7 тыс. человек. К 6(18) ноября в рядах 5-го армейского корпуса осталось 1,2 тыс. человек.

С. 540.

Домбровский (Dabrowski) Ян Хенрик (1755—1816) — дивизионный генерал. В 1812 г. командовал 17-й дивизией пехоты 5-го армейского корпуса Великой армии.

Михайловка — деревня Дорогобужского у. Смоленской губ.

Фуше (Фуше де Карей, Foucher de Careil) Луи Франсуа (1762—1835) — барон, дивизионный генерал. В 1812 г. командовал артиллерией 3-го армейского корпуса Великой армии.

...со своей вюртембергской дивизией, имевшей в начале кампании 13 000 человек, а теперь — четыреста пятьдесят.— 25-я дивизия пехоты 3-го армейского корпуса Великой армии в начале похода в Россию имела в своих рядах 8,2 тыс. человек. К 28 октября (9 ноября) численность корпуса сократилась до 700 человек.

Уша — Ужа, река в Смоленской губ., левый приток Днепра.

Осма — Осьма, река в Смоленской губ., левый приток Днепра.

С. 541.

4-й стрелковый полк остался при 20 лошадях...— Имеется в виду 4-й конно-егерский полк.

...в 3-м корпусе распустили дивизию, сведенную к 50 лошадям...— По другим данным, к описываемому времени в кавалерийской дивизии 3-го армейского корпуса насчитывалось до 300 лошадей.

Буцефал — зд.: лошадь. От имени коня Александра Македонского (в пер. с древнегреч.— бычья голова).

С. 542.

Периоль (Periole) — офицер 8-го конно-егерского полка 3-й дивизии легкой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

Франши (Franchy) — унтер-офицер 8-го конно-егерского полка 3-й дивизии легкой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии. Мемуарист.

Имение Чарково — населенного пункта с таким названием в Смоленской губ. обнаружить не удалось. Возможно, автор имеет в виду дер. Черниково Вяземского у. Смоленской губ.

С. 543.

Пнево — деревня Духовщинского у. Смоленской губ.

С. 545.

...солдаты Старой гвардии говорили между собой: «Если бы был Моро, было бы лучше!» — Моро (Moreau) Жан Виктор Мари (1763—1813) — генерал французской революционной армии. Успехи в сражениях против австрийцев в конце XVIII в. создали ему репутацию конкурента Наполеону Бонапарту. С 1800 г. находился в оппозиции к Бонапарту. За участие в заговоре против Наполеона изгнан из Франции. Вернулся из Америки в 1813 г. по приглашению Александра I. Участвовал в боевых действиях против Наполеона. Смертельно ранен в битве под Дрезденом.

С. 549.

Мале (de Malet) Клод Франсуа де (1754—1812) — граф, отставной бригадный генерал, по убеждениям — республиканец. В 1808 г., занимая пост губернатора Рима, пытался организовать заговор против императора Франции. Был смещен со своего поста и заключен в тюрьму. В ночь на 11(23) октября 1812 г. бежал из тюремной больницы, с помощью ложного слуха о смерти Наполеона и поддельного указа Сената о провозглашении республики спровоцировал на выступление часть Национальной гвардии. В тот же день был разоблачен и, спустя еще несколько дней, расстрелян вместе с 13 своими сторонниками.

С. 551.

Гарь — Горня, деревня Дорогобужского у. Смоленской губ.

Матер (Mather) — сержант полка фузилеров-гренадер 2-й дивизии пехоты Императорской гвардии Великой армии.

ПЕРЕД СМОЛЕНСКОМ

С. 554.

В то время, как Наполеон шел к Смоленску, наши войска должны были двинуться к Витебску...— В начале ноября 4-й армейский корпус получил приказ направиться в сторону Витебска для обеспечения сообщения с действующими в том районе 2-м и 6-м армейскими корпусами.

Заселье — Возможно, имеется в виду д. Староселье Дорогобужского у. Смоленской губ.

С. 555.

В селе Слобода...— Имеется в виду Ульхова Слобода Духовщинского у. Смоленской губ.

Вопь — река в Смоленской губ., приток Днепра.

Пуатевен де Мореллен (Пуатвен де Морейан, Poitevin de Maureillan) Жан Этьен Казимир (1772—1829) — барон, генерал-лейтенант. В 1812 г. в чине бригадного генерала командовал инженерами 4-го армейского корпуса Великой армии.

С. 556.

Батейль (Батай, Bataille) Огюст Никола — барон, шеф эскадрона, адъютант Евгения Богарне.

...нам приходилось покинуть 100 орудий...— При переправе через р. Вопь 28 октября (9 ноября) 4-й армейский корпус потерял 64 орудия. Еще 23 брошенные пушки казаки захватили на следующий день.

С. 557.

Славково — село Дорогобужского у. Смоленской губ.

С. 559.

Понтонеры (фр. от ponton — понтон) — военнослужащие, в обязанности которых входит строительство мостов.

С. 563.

Деревня... была занята русским отрядом генерала Иловайского...— Речь идет о генерале Иловайском-12.

С. 569.

Фьерек (Fiereck) — полковник, директор артиллерийского парка 4-го армейского корпуса Великой армии.

С. 571.

...нас сменит 9-й корпус, состоящий приблизительно из 25 000 человек свежего войска.— 9-й армейский корпус Великой армии в начале кампании имел в своих рядах около 36 тыс. человек при 42 орудиях. В конце октября корпус был направлен на помощь Гувиону Сен-Сиру на Петербургское направление.

С. 572.

Мы дошли почти до Дорогобужа, отстоявшего от Смоленска всего только в 60 верстах...— От Дорогобужа до Смоленска более 70 верст.

С. 573.

Андреевская — деревня в Дорогобужском у. Смоленской губ.

С. 575.

У одного из моих друзей, капитана Шидора (Schidor) (9-го линейного)...— 9-й линейный полк входил в состав 14-й дивизии пехоты 4-го армейского корпуса Великой армии.

Торн — город и крепость в Пруссии.

С. 578.

В состав нашей армии входил принц Эмилий Гессен-Кассельский со своим контингентом войск...— Гессен-Дармштадтский (von Hessen-Darmstadt) Эмиль Максимилиан Леопольд Август Карл фон (1790—1856), принц. В 1812 г. в чине бригадного генерала номинально командовал полками Великого герцогства Гессен-Дармштадтского, часть которых входила в состав 9-го армейского корпуса, часть — в состав Молодой гвардии. Сам принц практически всю кампанию находился при Главной квартире Великой армии.

С. 580.

Ноде (Naude), Вермо (Vermont), Монпере (Montpereux), капитан Бюмот (Бюмо, Bumot), Франк (Franc) — офицеры 8-го конноегерского полка 3-й дивизии легкой кавалерии 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии.

ПОТЕРЯ ПОЛОЦКА И ВИТЕБСКА

С. 585.

Великие Луки — уездный город Псковской губ.

Полоцкая армия — Речь идет о 1-м пехотном корпусе генерала Витгенштейна.

С. 586.

...распоряжается поставить сзади них их собственную артиллерию и отдает приказ стрелять.— Это утверждение маркиза Пасторе не соответствует действительности.

С. 587.

...а на другой день после боя выяснилось, что 12 000 из них полегли или в самом городе, или перед его стенами...— На самом деле, всего за два дня боев второго Полоцкого сражения войска Витгенштейна потеряли до 8 тыс. человек, а потери французов составили около 6 тыс. человек.

Наш полковник понял...— Имеется в виду полковник Никола Антуан Ксавье Кастелла де Берлан (Castella de Berlens), командир 2-го

Швейцарского полка пехоты 9-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии.

...снова одерживаем над ним верх... Сбитые в кучу на несколько сотен шагов назад...— Погрешности перевода не могут скрыть противоречий в повествовании мемуариста, который в любой ситуации пытается представить французов победителями.

С. 588.

Мюллер (Muller) — офицер 2-го Швейцарского полка пехоты.

С. 589.

Лозанна — город в Швейцарии.

У нас оставалось около 16 000 человек...— Накануне второго Полоцкого сражения 2-й армейский корпус имел в строю 14 тыс. человек. В ходе сражения корпус потерял до 6 тыс. человек.

С. 590.

Генерал Мерл — Речь идет о генерале Мерле.

Бего (Begos) Луи (1784—?) — В 1812 г. в чине капитана служил во 2-м Швейцарском полку пехоты 9-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии. Мемуарист.

...в. в-ство...— ваше высочество.

Гогендорп (Хогендорп, van Hogendorp) Тьерри ван (1762—1822) — граф, генерал-лейтенант. 26 июня (8 июля) 1812 г. назначен генерал-губернатором Литовского княжества. Мемуарист.

С. 591.

...больше всего меня прельщает чин полного генерала...— Чина полного генерала в наполеоновской армии не было.

...к моему отелю в Париже...— Имеется в виду парижский особняк.

С. 592.

Дивизионный генерал граф Легран — Генерал Легран с 9 (21) октября командовал 2-м армейским корпусом Великой армии.

...все из полка Берга...— Имеется в виду 3-й линейный пехотный полк полковника Буадавида (Boisdavid), входивший в состав войск Великого герцогства Клеве Берг.

С. 594.

Шавардес (Шаварде, Chavardes) — полковник. Во время оккупации Витебска французами был комендантом города.

Пуже (Pouget) Франсуа Рене (1767—1851) — барон, бригадный генерал. В 1812 г. командовал 2-й бригадой 8-й дивизии пехоты 2-го армейского корпуса Великой армии. С 18 (30) сентября генерал-губернатор Витебска. При оставлении города французами был ранен и пленен.

Жуково — село Смоленского у. Смоленской губ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Часть II

Пожар Москвы. Начало отступления. На старую Смоленскую дорогу

scan waleriy

ISBN 978-5-85209-272-4

Подписано в печать 07.11.2011
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Уч. изд. л. 51,9. Тираж 500 экз.
Заказ № 10232. Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1

При участии ООО Агентство печати «Столица»
тел.: (495) 331-14-38; e-mail: apstolica@bk.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

